

Ирландская раса в прошлом и настоящем

Огюст Ж. Тебо

The Irish Race in the Past and the Present

Augustus J. Thébaud

The Project Gutenberg eBook of The Irish Race in the Past and the Present.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других стран мира бесплатно и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Ирландская раса в прошлом и настоящем

Автор: Augustus J. Thébaud

Дата выхода: 1 марта 2002 [eBook #3141]

Последнее обновление: 8 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Этот текст был подготовлен Чарльзом Фрэнксом и Distributed Proofreaders Team

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE IRISH RACE IN THE PAST AND THE PRESENT ***

Этот текст подготовлен Чарльзом Фрэнксом и

Команда корректоров-распространителей

***** В этом электронном тексте отсутствуют бумажные страницы 457-472. *****

ИРЛАНДСКАЯ РАСА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Преподобный Ог. Дж. Тебо, С.Дж.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЖОЗЕФ ДЕ МАЙСТР в своем "Принципе генератора политических конституций" (пар. LXI.) говорит: "Все народы проявляют особый и отличительный характер, который заслуживает внимательного рассмотрения".

Эта мысль великого католического писателя требует некоторого развития.

Народы проявляют свою жизнь и индивидуальность не только в череде периодов прогресса и упадка. Если взять любой из них в любой период его существования и сравнить его с другими, то сразу же проявятся особенности, придающие ему особую физиономию, по которой его можно сразу же отличить от любого другого; так что в тех скоплениях людей, которые мы называем нациями или расами, мы видим разнообразие, повсеместно наблюдаемое в природе, разнообразие, в котором Бог проявляет бесконечную активность своей творческой силы.

Если мы возьмем два крайних типа человека - например, ашанти из Гвинеи и любого представителя одной из великих цивилизованных общин Европы, - явление, о котором мы говорим, сразу же поразит нас. Но его можно заметить и при сравнении народов, которые веками жили рядом и постоянно общались друг с другом с самого начала своей национальной жизни, единственной границей между которыми была горная цепь или берег

широкой реки. Каждый из них обладает поразительными особенностями, которые придают им индивидуальность и накладывают на них печать собственного характера.

Как непохожи народы, разделенные Рейном или Пиренеями! Как не похожи те, между которыми протекает Дуврский пролив! А в Азии что общего между китайцами и индусами, кроме общих черт человеческого рода, присущих всем детям Адама?

Но на чем мы должны в первую очередь настаивать в нашем исследовании, так это на том, что жизнь каждого из них проявляется в особой физиономии, глубоко запечатленной во всей их истории, которую мы здесь называем характером. Что представляет собой каждый из них, показывает его история; и нет лучшего средства судить о них, чем обзор различных событий, составляющих их жизнь.

Ведь различные события, из которых складывается то, что называется историей нации, - это ее индивидуальные действия, спонтанная энергия ее жизни; и как человек показывает, что он собой представляет, своими поступками, так и нация или раса показывает факты своей истории.

Когда мы сравниваем огромные деспотии Азии, выкристаллизовавшиеся в формы, которые почти не изменились со времен первого поселения человека на этих необъятных равнинах, с активными и постоянно движущимися небольшими группами европейцев, поселившихся на западе Старого Света со времен рассеяния человечества, мы с первого взгляда видим, как характеры тех и других можно прочесть в их соответствующих летописях. И, постепенно спускаясь к менее крайним случаям, мы видим, что то же самое явление проявляется даже в смежных племенах, возникших давным-давно, возможно, из одного и того же источника, но сформировавшихся в разные народы благодаря разным предкам, хотя они и признают общее происхождение. Антагонизм в их характере сразу же выявляется из того, что говорят о них историки или летописцы.

Разве жестокость и хищность старой скандинавской расы не видны в их потомках? А дух организации, проявленный ими с самого начала в захвате, исследовании и распределении земель, в строительстве городов и замков, в мудрых рассуждениях об обширной торговле - разве все эти черты не прослеживаются в летописях народов, произошедших от этой первоначальной расы, сгруппировавшейся тысячи лет назад вокруг Балтийского и Северного морей?

Как отличаются друг от друга пастушеские и земледельческие племена, которые в течение столь же длительного времени населяли долины и горы Швейцарии! При множестве обычаев, отличавшихся друг от друга в большей или меньшей степени; при, возможно, убогом управлении внутренними делами; при частых жалобах отдельных лиц и частичных конфликтах между правителями этих небольших общин - при всех этих недостатках их простые и неизменные хроники сразу же открывают нам простоту и мирный нрав их характера; и, глядя на них сквозь долгие века неизвестной жизни, мы сразу же узнаем причину их общего счастья в постоянном отсутствии честолюбия.

А если в течение веков характер нации изменился - что случается редко, а если и случается, то всегда по радикальным причинам, - ее история сразу же укажет нам на причину этих изменений и безошибочно укажет на их происхождение и источник.

Почему, например, французская нация, прожив около тысячи лет под властью одной династии, не может теперь найти правительство, отвечающее ее современным чаяниям? Недостаточно списать этот факт на переменчивость французского нрава. На протяжении

десяти веков ни одна европейская нация не была более однородной и более привязанной к своему правительству. Если сегодня ситуация полностью изменилась, этот факт не может быть объяснен иначе, как радикальным изменением характера нации. Твердо опираясь на свою национальную целеустремленность и глубокие исследования Средневековья - нигде более примечательные, чем в Париже, который в то время был центром активности католической Европы, - французский ум, впервые брошенный протестантизмом в водоворот споров, постепенно опустился до рассмотрения простых философских утопий, пока, отвергнув, наконец, свои давние убеждения, не отдался на волю постоянно меняющихся заблуждений мнений и теорий, что в конце концов привело к скептицизму и неверию во все отрасли знания, даже самые необходимые для счастья любого сообщества людей. Другие причины, несомненно, также могут быть названы для замечательной перемены, которую мы сейчас рассматриваем. Главная из них - та, на которую мы указали.

Тем же причинам, действующим теперь в более широком масштабе по всей Европе, мы приписываем те же радикальные изменения, которые, как мы видим, происходят в различных нациях, составляющих ее: каждая вещь повсюду ставится под вопрос; умы всех неустроены; настоящая анархия интеллекта распространяется все шире и шире даже в тех странах, которые до сих пор твердо противостояли ей. Отсюда постоянные революции, неслыханные доселе; ничего стабильного; и люди с трепетом ожидают еще более страшного и радикального переворота всего, что делает жизнь ценной и дорогой.

Не являются ли эти трагические конвульсии черными и пятнистыми типами, на которых мы читаем измененный характер современных наций; не являются ли они естественным выражением их переменчивой и бредово-постоянной жизни?

Эти рассуждения, которые можно продолжать бесконечно, показывают истинность фразы Жозефа де Местра о том, что "все нации проявляют особый и отличительный характер, который заслуживает внимательного рассмотрения".

Дело в том, что в этом виде исследования содержится единственно возможная философия истории для современности.

Что касается ушедших эпох, наций, которые прошли свой полный путь, то здесь возможно более благородное исследование, тем более что вдохновенные писатели проложили этот путь. Так Боссюэ написал свой знаменитый "Discours". Но он мудро остановился на пришествии Господа. Что касается событий, предшествующих этой великой эпохе, то он часто говорил как пророк древних времен; порой казалось, что он посвящен в замыслы самого Бога. И в самом деле, он был прослежен самим Духом Божиим; и, вознесенный своим возвышенным умом на уровень этих возвышенных мыслей, он должен был лишь коснуться их магией своего стиля.

Но о последующих временах он не говорил, разве что пересказал известные факты современной истории, тайна которых еще не раскрыта, потому что их развитие все еще продолжается, и не сделан вывод, который мог бы дать ключ к разгадке.

Поэтому остается только одно: рассматривать каждый народ в отдельности и читать его характер в его истории. Если это будет сделано для всех, то будет написана единственная практическая философия современной истории. Ведь тогда мы должны были бы выполнить в моральном отношении для людей то, что в физическом порядке зоологи выполняют для огромного количества живых существ, которых Бог расселил по поверхности земли. Их можно было бы классифицировать в соответствии с определенным порядком восходящей или нисходящей шкалы нравственности. Мы могли бы судить о них правильно, в

соответствии со стандартом добра или зла, который находится в абсолютном распоряжении христианской совести. Блестящие, но пагубные качества больше не навязывались бы человечеству, и люди не сбивались бы с пути в своих суждениях, руководствуясь правилом целесообразности или успеха, которое обычно диктует историкам оценку, которую они формируют и внушают своим читателям о ценности одних народов и незначительности или даже одиозности других.

При той невозможности, в которой мы находимся в настоящее время, проникнуть в истинные замыслы Провидения в отношении различных рас людей, столь великое начинание, охватывающее основные, если не все, современные расы, было бы одним из самых полезных усилий человеческого гения для распространения истины и добродетели среди людей.

Наша цель не столь велика. На этих страницах мы возьмем в качестве объекта нашего исследования одну из самых маленьких и, по-видимому, самых незначительных наций современной Европы - ирландцев. На протяжении нескольких веков они утратили даже то, что обычно является основой национальности, - самоуправление; тем не менее они сохранили свою индивидуальность с такой же силой, как если бы ими по-прежнему управляла династия О'Нилов.

И здесь мы можем заметить, что численность народа и размеры его территории совершенно не влияют на оценку, которую мы должны сформировать о его характере. Кто скажет, что китайцы - самая интересная и достойная похвалы нация на поверхности земного шара? Они, безусловно, самый древний и самый густонаселенный; их кодекс точной и формальной морали - самый точный и ясный из всех, что философы когда-либо могли продиктовать и успешно дать в качестве закона великому народу. Этому кодексу следовали на протяжении длинного ряда веков. Большинство открытий современной европейской науки были известны им задолго до того, как они стали известны нам; сельское хозяйство, это первое из искусств, которое большинство экономистов считают великим критерием, по которому можно судить о ценности нации, всегда было доведено ими до неизвестного нам совершенства. И все же самая маленькая европейская национальность, по правде говоря, более интересна и поучительна, чем огромная Поднебесная империя, чья длинная летопись уместилась на нескольких сотнях страниц фригидного повествования, лишённого жизни и совершенно бездушного.

Но почему среди многих других мы выбираем ирландский народ, который так мало известен, так мало влиятелен, чья история занимает лишь несколько строк в общей летописи мира, а само владение им на протяжении веков находилось в руках иностранцев?

Мы выбираем его, во-первых, потому, что он является и всегда был полностью католическим, с того самого дня, когда он впервые принял христианство; и это, при данных обстоятельствах, мы считаем лучшим доказательством не только высшего здравого смысла, но, более того, возвышенного, даже возвышенного характера. В своем трехвековом мученичестве ирландцы проявили величие души Поликарпа и простоту Агнессы. А католицизм, который они всегда исповедовали, с самого начала носил основательный и бескомпромиссный характер. Все современные европейские народы, несомненно, родились в лоне Церкви. Она вскормила их всех, дала им образование, сделала их теми, кем они были, когда они начали думать об освобождении от нее; и католическая, то есть христианская религия, по своей сути сверхъестественна; вероучение апостолов, система таинств, сама история христианства переносят человека прямо в область далеко за пределами земли.

Везде, где проповедовалась христианская религия, народы пробуждались к этому новому чувству веры в сверхъестественное, и именно там они вкушали ту сильную пищу, которая

сделала и до сих пор делает их столь превосходящими все другие расы людей. Но, как мы увидим, ни в одной стране это не происходило так полно, как в Ирландии. Что бы ни послужило причиной, ирландцы сразу же и с тех пор тщательно пропитались идеями сверхъестественного. В течение нескольких столетий после Святого Патрика остров был "Островом святых", местом между небом и землей, где ангелы и святые небес жили вместе с простыми смертными. Христианская вера была принята ими в точности; и если христианство - это истина, то не должно ли оно быть таким? Таким образом, народ, получивший столь основательное христианское образование - образование, от которого ни на йоту не отрекались в течение веков после его получения, - заслуживает тщательного изучения в наших руках.

Мы выбираем его, во-вторых, потому, что ирландцы с тех пор успешно отказывались влиться в различные течения европейского мнения, хотя по своему положению и в еще большей степени по религии они составляли часть Европы. Таким образом, они сохранили свой собственный характер, не похожий ни на один другой народ. И по сей день они тверды в своем восхитительном упрямстве; и поэтому, когда Европа пошатнется и зашатается, они все равно будут стоять твердо. Говоря словами Мура, обращенными к его собственной стране:

"Народы пали, а ты все еще молода;
Твое солнце только вззошло, когда другие уже сели;
И хотя рабства тучи над твоим утром повисли,
Полноценный полдень свободы еще засияет вокруг тебя".

Этот постоянный отказ ирландцев влиться в стремительный поток европейской мысли и прогресса, как его называют, является самым странным явлением в их истории и придает им поначалу дикий вид, который многие без колебаний называют варварством. Мы надеемся тщательно защитить их характер от такого дурного порицания и показать это явление как тайную причину их окончательного успеха, который теперь практически обеспечен; и только эта особенность их национальной жизни придает их характеру интерес, который мы не находим ни в одном другом христианском народе.

В-третьих, мы выбираем его потому, что нет никаких сомнений в том, что ирландцы - самая древняя национальность Западной Европы; и хотя, как в случае с китайцами, преимущество восхождения к самой колыбели человечества недостаточно, чтобы придать интерес холодным летописям, когда эта привилегия соединяется с яркой жизнью и буйной индивидуальностью, ничто так не способствует тому, чтобы сделать нацию достойной изучения, как инеистый возраст и происхождение от определенного и конкретного первобытного фонда.

Правда, читая первые главы всех различных историй Ирландии, иностранный читатель поражается и почти шокируется догматизмом авторов, которые неизменно, с истинно ирландской уверенностью, начинают с одного из сыновей Иафета и, следуя хронологии Еврея или Септуагинты, описывают без колебаний различные колонизации Эрина, не упуская синхронности ассирийской, персидской, греческой и римской истории. Поначалу подобные утверждения вызывают улыбку; и действительно, нет никакого обязательства верить, что все происходило именно так, как они рассказывают.

Но когда открывают, читают и обдумывают большие кварто и октаво, которые время от времени публикуют ирландские антиквары, из них вытекает по крайней мере одно следствие, поражающее читателя. "Не может быть никаких сомнений, - говорит себе каждый честный ум, - что эта нация предшествовала во времени всем тем, которые процветали на

земле, за исключением, возможно, китайцев, и что она остается такой же и по сей день". По крайней мере, за много лет до Христа Ирландию населяла раса людей, в точности идентичная ее нынешнему населению (за исключением того, что она не пользовалась светом истинной религии), но при этом значительно превосходившая ее по уровню материального благосостояния. Это была не раса каннибалов, как с удовольствием обрисовал доверчивый Диодор Сикулус на основании какой-то смутной традиции, а народ, знакомый с использованием драгоценных металлов, с производством тонких тканей, любящий музыку и песни, наслаждающийся своей литературой и своими книгами; часто нарушаемый, правда, враждой и раздорами, но в целом счастливо живущий под патриархальным правлением клановой системы.

Руины, которые сейчас исследуют, реликвии древности, которые часто эксгумируют, сами орудия труда и утварь, сохраненные заботливой рукой антиквара, - все это так отличается от грубых кремневых стрел и варварского оружия наших североамериканских индейцев и европейских дикарей каменного периода, обозначает состояние цивилизации, поразительное, если вспомнить, что настоящие предметы искусства украшали жилища ирландцев, вероятно, еще до основания Рима, а возможно, и тогда, когда Греция еще находилась в состоянии героического варварства.

И эта высокая древность подтверждается как литературой, так и искусством. "Древние ирландцы, - пишет один из их новейших историков М. Хаверти, - придавали огромное значение точности своих исторических сочинений по социальным причинам. Вся система их общества - каждый вопрос о праве собственности - основывалась на происхождении семей и принципе клановости; поэтому невозможно предположить, что в условиях, когда все социальные претензии должны были решаться на их авторитете, вместо фактов допускались бы простые басни. Имя человека едва ли упоминается в наших анналах без добавления его предков в течение нескольких поколений, что редко встречается в анналах других стран.

"Опять же, когда мы доходим до эпохи христианства в Ирландии, мы обнаруживаем, что наши древние летописи выдерживают проверку наукой с успехом, который не только подтверждает их правдивость в этот период, но и оправдывает записи предшествующих дат, вовлеченных в него".

Самый убежденный скептик не сможет отказаться поверить, что во время введения христианства в Ирландии в 432 году весь остров управлялся институтами, точно такими же, как в Галлии, когда Юлий Цезарь вошел туда за 400 лет до этого; что это состояние должно было существовать в течение долгого времени до этой даты; и что принятие новой религии со всеми сопутствующими обстоятельствами сразу же привело нацию в счастливое и социальное состояние, которого другие европейские страны, в то время охваченные нашествиями варваров, достигли лишь несколько столетий спустя.

Одних этих соображений было бы достаточно, чтобы показать реальную важность исследования, за которое мы беремся; но гораздо более мощным стимулом к нему служит сама природа летописей нации.

Ирландия - это страна, которая на протяжении последней тысячи лет вела постоянную борьбу с тремя могущественными врагами и в конце концов победила их всех.

Первым этапом конфликта была борьба с северянами. Он длился три столетия и закончился почти полным исчезновением этого врага.

Второй акт великой драмы занял период в четыреста лет, в течение которых все ресурсы ирландских кланов были направлены против англо-норманнского феодализма, который в конце концов должен был уступить; так что Эрин остался единственным местом в Европе, где феодальные институты так и не возобладали.

Последней частью этой страшной трилогии стал трехвековой конфликт с протестантизмом, и окончательная победа уже не вызывает сомнений.

Может ли какой-либо другой современный народ предложить более интересное зрелище для размышления и, надо сказать, для восхищения христианского читателя? Единственная европейская нация, которая может почти соперничать с постоянством и неугасающей энергией Ирландии, - это испанцы в их семивековой борьбе с маврами.

Поэтому мы решили, что изучение этой богатой событиями национальной жизни может принести определенный интерес и пользу - интерес и пользу, которые проявятся при более детальном изучении.

Можно сказать, что описанный нами тройной конфликт можно свести к тому удивительному факту, что все попытки втянуть Ирландию в поток европейских дел и влияния неизменно терпели неудачу. Это ключ к пониманию всей ее истории.

Даже изначально, когда она составляла лишь малую часть великой кельтской расы, в ирландской ветви существовала своя особенность, которая накладывала на нее печать легко различимых черт. Грубое идолопоклонство галлов никогда не преобладало среди ирландцев; бардовская система была развита среди них более полно, чем среди любого другого кельтского народа. Песня, праздник, юмор господствовали там гораздо более универсально, чем в других местах. Среди них было больше арфистов и поэтов, чем генеалогов и антикваров, хотя отрасли знаний, представленные этими последними, несомненно, культивировались среди них так же хорошо, как и среди кельтов Галлии, Испании или Италии.

Но именно после введения среди них христианства, когда было окончательно решено, что в моральном и социальном плане они должны принадлежать Европе, их цель, как бы неосознанно они ни относились к ее тенденциям, кажется более определенной - открыть для себя собственный путь. И в этом они следовали лишь подсказкам природы.

Единственный народ в Европе, который остался нетронутым тем, что называют римской цивилизацией - никогда не видевший римского солдата на своих берегах; никогда не получивший благословения от строительства римских бань и амфитеатров; никогда не слушали деклараций римских риторов и софистов, не принимали указов римских преторов, не подвергались поборам римского фиска - они никогда не видели среди них, в залах и базиликах, возведенных под руководством римских архитекторов, римских судей, губернаторов, проконсулов, исполняющих указы цезарей против введения или распространения христианской религии. Поэтому она вошла в них без сопротивления и кровопролития.

Но новая религия, не лишив их особенностей, освятила и закрепила их. У них были свои первобытные традиции и вкусы, патриархальное правление и нравы, представления об истинной свободе и чести, восходящие почти к колыбели человечества. Они решили отстаивать их перед всеми, кто придет, и остались верны своей решимости до наших дней. Четырнадцать сотен лет истории с тех пор, как Патрик проповедовал им, достаточно ясно доказывают это.

Во-первых, хотя германские племена первого вторжения, как его называют, не достигли их берегов по той причине, что германцы, как и кельты, никогда не обладали флотом - хотя ни франки, ни вандалы, ни гунны не возобновляли среди них ужасов, свидетелями которых были Галлия, Испания, Италия и Африка, - они не могли оставаться в безопасности от скандинавских пиратов, чьи суда бороздили все северные моря, прежде чем смогли войти в Средиземное море через Гибралтарский пролив.

Северяне, датчане, пришли и попытались обосноваться среди них и привить им северные нравы, систему и городскую жизнь. Они преуспели в Англии, Голландии, на севере Франции и на юге Италии, словом, везде, куда ветер гнал их лодки, привязанные к шкурам. Ирландцы были единственной нацией в Западной Европе, которая отбилась от них и отказалась принять блага их более высокой цивилизации.

Как только слава царствования Карла Великого канула в лету, северяне беспрепятственно вошли во все великие реки Франции и Испании. Они быстро завоевали Англию. Со всех сторон они опустошали страну и уничтожали население, единственной защитой которого были молитвы к Небу, а также героический епископ или граф. Только в Ирландии датчане убедились, что ирландское копье вонзается в них твердой и уверенной рукой; и после двухсот лет борьбы они не только не пришли к исследованию и разделу земли, как везде, где они ступали, но после Клонтарфа те немногие города, которые они еще занимали, были вынуждены платить дань ирландскому Ард-Ригу. Поэтому все попытки заменить скандинавскую социальную систему ирландскими септами и кланами навсегда остались безуспешными. Городская жизнь и морские предприятия, а также коммерция и торговля были отвергнуты с таким же презрением, как поклонение Тору и Одину.

Вскоре после этой первой победы Ирландии над Северной Европой англо-норманнское вторжение положило начало второй борьбе, более продолжительной и мощной. Английский стронгбоу заменил датчан нормандскими вольными разбойниками, которые заняли те места, которые новые хозяева отвоевали у северян, и ни на дюйм больше. Тогда миру было представлено великое зрелище, которое слишком часто ускользало от наблюдения историков, и на которое мы намерены обратить внимание наших читателей.

Примитивной, простой, патриархальной системе родового строя противостояла суровая, молодая, свирепая феодальная система, которая в то время начинала преобладать во всей Европе. Вопрос заключался в том, согласится ли Ирландия стать европейской страной в том виде, в котором Европа тогда себя организовывала? Борьба, как мы увидим, между ирландцами и англичанами в двенадцатом веке и позже, была всего лишь соревнованием между септской системой и феодализмом, включавшим, правда, владение землей. И в конце борьбы, длившейся четыреста лет, феодализм был настолько основательно побежден, что англичане Пейла переняли ирландские нравы, обычаи и даже язык, образовав лишь новые септы среди старых.

Таким образом, Ирландия избежала всех волнений, вызванных последствиями феодальной системы в Европе:

I. Крепостное право, которым обычно заменяли рабство, никогда не существовало в Ирландии: рабство исчезло еще до прихода англо-норманнов.

II. Всеобщее угнетение низших классов, вызвавшее одновременный подъем коммун по всей Европе, никогда не существовало в Ирландии, и мы не удивимся, если не найдем в ирландской истории упоминаний об этом широко распространенном институте одиннадцатого и последующих веков.

III. Огромное преимущество, которое Ирландия извлекала из своей изоляции и на котором она всегда настаивала, заключалось в том, что она была полностью избавлена от страшных средневековых ересей, которые в течение долгого времени особенно сильно сотрясали Францию, и которые неизменно приходили с Востока.

Эрин оставался настолько отрезанным от остальной Европы, что, несмотря на его яркий католицизм, крестовые походы никогда не проповедовались его жителям; и если какой-то отдельный ирландец вступал в ряды воинов, которых вел в Палестину Ричард Кёр де Лев, то на нацию никак не влияли хорошие или плохие результаты, которые повсеместно возникали в результате похода христианских армий против мусульман.

Секты, возникшие на основе манихейства, безусловно, были злым последствием священных войн; и было бы большой ошибкой думать, что эти ереси были недолговечны и лишь на короткое время повлияли на социальное и моральное состояние Европы. Можно сказать, что их страшное дезорганизующее влияние сохраняется и по сей день. Если современные тайные общества и не ведут свое существование непосредственно от булгаризма и манихейства Средневековья, то несомненно, что эти темные заблуждения, налагавшие на всех своих адептов суровую секретность, проложили путь к заговорам наших дней. Поэтому Ирландия, не испытывая на себе влияния прежних ересей, в наши дни почти свободна от всеобщей заразы, которая сейчас со всех сторон разлагает социальную ткань.

Но именно в наше время мы можем удивляться успешному сопротивлению Ирландии многим широко распространенным европейским порокам и ее сильной привязанности к старым обычаям.

Когда португальцы завоевывали большую часть Индии, а испанцы превращали Центральную и Южную Америку в провинцию своей почти универсальной монархии, на более чем четырех пятых острова все еще царил кланшип.

Поэты, арфисты, антиквары, генеалоги и студенты брехонского права все еще властвовали почти над всем островом, когда возрождение языческой образованности, можно сказать, сотрясало Италию, давало новое направление идеям Германии, проникало во Францию, Голландию и Швейцарию. Счастье, что ирландцам удалось избежать этого блестящего, но рокового вторжения мифологии, греческого искусства и литературы! Разве они не получили достаточно греческих и латинских знаний от рук своих первых апостолов и миссионеров, а также благодаря многочисленным амануэнсам и миниатюристам в своих монастырях и обителях? Эти святые люди принесли им то, что христианский Рим очистил от старой языческой грязи и освятил новым Божественным Духом.

Таким образом, девственная Ирландия осталась неоскверненной, ее никогда не будоражили все эти ранние причины последующих революций, и протестантизм, их окончательный взрыв, не смог произвести на нее никакого впечатления - факт, который и по сей день остается ярчайшим доказательством ее силы и бодрости.

Но прежде чем говорить об этом последнем конфликте, мы должны встретиться с возражением, которое естественно возникнет.

Упорно отказываться влиться в поток европейской мысли и всячески противиться ее влиянию - это, по мнению многих, значит отвергать притязания цивилизации и упорно отказываться вступать на путь прогресса. Североамериканские дикари всегда были наиболее упорны в этом упрямом сопротивлении цивилизованной жизни, и никто до сих пор не считал это похвальным свойством. Чем более варварское племя, тем тверже оно

придерживается своих традиций, тем настойчивее следует обычаям своих предков. Они неподвижны, и их невозможно заставить принять новые для них обычаи, даже когда они видят огромные преимущества, которые они могли бы извлечь из их принятия. Поэтому многие писатели, в основном английские, которые занимаются ирландскими делами, безоговорочно называют их варварами именно из-за их упрямства в отвержении достижений англо-норманнских захватчиков. Сэр Джон Дэвис, генеральный прокурор Якова I, едва ли смог бы написать хоть одну страницу на эту тему, не вернувшись к этой идее.

Мы ответим, что ирландцы, даже до своего обращения в христианство, но главным образом после, не были варварами; они никогда не противились истинному прогрессу и фактически стали в шестом, седьмом и восьмом веках моральными и научными просветителями большей части Европы. То, что они отказывались принимать, они с полным правом отвергали. Но поскольку до сих пор есть немало людей, которые, никогда не изучавшие этот вопрос, даже в наши дни без колебаний бросают в зубы варварство и приписывают ему то жалкое состояние, в котором ирландцы сегодня предстают перед миром, мы добавим еще несколько соображений по этому поводу.

Во-первых, мы говорим, что у варваров нет истории, а у ирландцев, безусловно, была история задолго до того, как их обратил в свою веру Святой Патрик. До недавнего времени, правда, общее мнение писателей об Ирландии было против этого нашего утверждения; но после трудов современных антикваров, таких как О'Донован, Тодд, Э. О'Карри и другие, больше не может быть никаких сомнений на этот счет. Если Юлий Цезарь был прав, утверждая, что друиды Галлии ограничивались устным обучением, а это утверждение вполне можно поставить под сомнение в свете современной информации по данному вопросу, то теперь доказано, что олламы Эрина вели письменные летописи, которые восходят к очень отдаленной эпохе мира. Многочисленные истории и хроники, написанные монахами шестого и последующих веков, подлинность которых невозможно отрицать, очевидно, предполагают наличие предшествующих сочинений, датируемых гораздо более далеким временем, чем введение нашей святой религии в Ирландии, которые христианские летописцы имели в своих руках, когда писали свои книги, иногда на латыни, иногда на старом ирландском, иногда на странном смешении обоих языков. Теперь известно, что святой Патрик принес в Ирландию только латинский алфавит, и что с тех пор он использовался не только для церковного ритуала, распространения Библии и трудов святых отцов, но и для транскрибирования этими вновь освященными символами мысли старых рукописей острова, которые вскоре исчезли, по крайней мере, в гораздо большем числе случаев, благодаря тому, что народ и его наставники - епископы и монахи - относились к римским символам с благосклонностью. Пусть эти драгоценные старые символы называются Огам или любым другим именем - что-то подобное должно было быть.

Если кто-то настаивает на том, что это не так, он должен с необходимостью признать, что устное учение олламов было настолько совершенным и настолько универсальным в одних и тех же формулах по всему острову, что это устное учение действительно заняло место письменности; и в этом случае, что, однако, едва ли возможно, Ирландия имела подлинную историю. Этому последнему предположению, конечно, вряд ли можно доверять; и все же, если отвергнуть первое, его следует признать, поскольку невозможно представить, что последующие ирландские историки, как бы многочисленны они ни были со временем, могли бы так хорошо договориться между собой, оставаться такими последовательными и такими точными в своих описаниях мест и вещей в целом без предшествующих подлинных документов того или иного рода, на которые они могли бы опираться. Любой человек,

который хотя бы мельком взглянул на удивительное произведение под названием "Анналы четырех мастеров", обязательно должен придерживаться этого мнения.

Ни у одного народа в мире не найдено столько старых историй, анналов, хроник и т. д., как у ирландцев; и одного этого факта достаточно, чтобы доказать, что в древнейшие времена они были действительно цивилизованной нацией, раз они придавали такое значение записям событий, происходивших тогда среди них.

Кроме того, ирландцы были ветвью великой кельтской расы, чья слава о мудрости, науке и доблести распространилась по всем частям света, особенно среди греков. Немногочисленные подробности, которые мы намерены привести, убедят читателя в том, что среди народов древности они занимали видное место; и они не только обладали собственной цивилизацией, не презренной даже в глазах римлянина - самого великого Юлия, - но и всегда были наиболее восприимчивы к любому виду прогресса, а следовательно, охотно перенимали все социальные блага, которые приносило им общение с Римом. По крайней мере, они делали это, как только, признавая превосходство врага, у них хватало здравого смысла почувствовать, что очень важно подражать ему. Так возникла галло-римская цивилизация, которая просуществовала первые пять-шесть веков христианской эры, - цивилизация, которую варвары Севера пытались уничтожить, но которой они сами в конце концов поддались, приняв христианство и постепенно изменив свой язык и обычаи.

Повсюду - в Галлии, Италии, Британии и Ирландии - кельты проявляли ту восприимчивость к прогрессу, которая является неизменным признаком государства, противостоящего варварству. В этом они полностью отличались от вандалов и гуннов, на покорение которых у Церкви ушло так много времени и которых не могла покорить никакая другая сила, кроме религии Христа.

Этих нескольких слов достаточно для нашей цели. Далее мы покажем, что, упорно сопротивляясь многим течениям европейского мнения, они действовали правильно.

Прежде всего, они поступили правильно, исключив из своего курса обучения в Бангоре, Клонферте, Армаге, Клонмакнойсе и других местах тонкости греческой философии, которые породили ереси в Европе и Азии в первые века существования Церкви и стали причиной стольких социальных и политических потрясений. Строго придерживаясь - возможно, даже слишком строго - своего традиционного метода развития мысли, они держали ошибки подальше от своих университетов и в шестом, седьмом и восьмом веках представляли собой удивительное зрелище в Ирландии, Франции, Германии, Швейцарии и даже Северной Италии - многочисленные школы, где не было места никаким спорам, и откуда не исходило ни одного предложения, которое Рим нашел бы повод для порицания. В то время они были просветителями христианской Европы, и ни на одного из их бесчисленных учителей никогда не падало подозрение. Если их ум в целом и не достиг остроты французов, итальянцев или немцев, то во все времена был более безопасным и защищенным. Даже их враждебность к английской Палестине после XI века была очень полезной, поскольку предостерегала от учения прелатов, присланных из английских университетов Оксфорда и Кембриджа; и Рим, похоже, одобрил эту оппозицию, используя всю свою власть для назначения на ирландские кафедры, даже в пределах Палестины, прелатов, избранных из орденов августинцев, доминиканцев, францисканцев и кармелитов, в предпочтение светским церковникам, получившим образование в великих очагах английской образованности.

Таким образом, ирландцы, безвозмездно открыв свои школы для всей Европы, но в первую очередь для англосаксонской Англии, не только оказали огромную услугу Церкви, но и

показали, насколько полно они оценили преимущества истинной цивилизации и насколько готовы были распространить ее своим традиционным обучением. Они не ограничивались приемом ученых в своей среде: в те века они посылали за границу армии ревностных миссионеров и ученых людей для христианизации язычников или просвещения новообращенных германских племен в меровингской и карловингской Галлии, в англосаксонской и скандинавской Англии, в ломбардской Италии, в самых ульях тех свирепых племен, которые населяли постоянно движущуюся и в то время суматошную Германию.

II. Они были правы, отказавшись подчиниться скандинавскому игу и принять от тех, кто его навязал, вкус к городской жизни, дух морского предпринимательства и широкой торговли. Мы увидим, что именно это лежало в основе их двухвековой борьбы с датчанами; что на протяжении всего этого конфликта их вдохновляла горячая ревность к христианской религии, которую северяне пришли уничтожить. На этом нет необходимости останавливаться, поскольку нам неизвестно, чтобы кто-либо, даже их злейшие враги, нашел в них недостатки.

III. Они были правы, выступая против феодализма и упорно отказываясь признавать его на своей земле. Феодальная Европа с удивлением наблюдала, как жители маленького острова на краю западного континента сровняли с землей феодальные замки, как только они были построены; с презрением отвергала притязания захватчиков на их землю, после того как они подписали бумаги, которых не могли понять; Они крепко держались за свои патриархальные устои в противовес новомодным европейским представлениям о верховных королях, герцогах, графах, графах и виконтах; четыреста лет боролись против того, что вся Европа повсеместно приняла, и в конце концов победили; так что современные ирландцы могут со справедливой гордостью сказать: "Наш остров никогда не подчинялся средневековому феодализму".

И поэтому остров избежал современных результатов этой системы, которые мы все наблюдаем сегодня в ужасной враждебности классов против классов, бедных против богатых, низших сословий против высших. Противостояние угнетенных и угнетателей в Ирландии носит совершенно иной характер, как мы увидим далее. Но факт остается фактом: клановая система, при всех ее поразительных недостатках, имела, по крайней мере, такое огромное преимущество: члены клана смотрели на своих вождей не как на "лордов и господ", а как на людей одной крови, верных родственников и друзей; главы кланов не смотрели на своих людей как на холопов, крепостных или скотов, а как на соратников, братьев по оружию, сторонников и союзников. Поэтому противостояние, которое существует в наши дни по всей Европе между классами и сословиями, никогда не существовало в Ирландии. Пусть сын их старых вождей, если такового еще можно найти, вернется к ним, пусть даже на несколько дней, после столетий разлуки, и они готовы принять его, как верная нация приняла бы своего давно отсутствующего короля, как семья приняла бы отца, которого считала потерянным. Мы знаем, как недавно был принят у них сын француза Мак-Махона.

Всю враждебность они питают к иностранцу, захватчику, вековому угнетателю, потому что, по мнению туземцев, они не имеют права жить на земле, которую они обеднели и которую они тщетно пытались поработить. По крайней мере, так они считают. Но сыны земли, будь то богатые или бедные, высокие или низкие, объединены в святое братство. Такое положение вещей они сохранили, исключив феодализм.

IV. Ирландцы были правы, не приняв от Европы то, что известно как "возрождение обучения"; по крайней мере, в том виде, в каком его первые пропагандисты довели его почти до предела современного язычества.

Это "возрождение" не дошло до Ирландии. Многие, несомненно, объясняют этот факт почти полной изоляцией Ирландии от всех европейских связей. Было бы большой ошибкой считать, что причина была именно в этом. Действительно, в то самое время Ирландия находилась в более тесном ежедневном контакте с Италией, Францией и Испанией, чем это было с восьмого века.

Если ирландцы были правы, твердо придерживаясь своей традиционной линии, отвергая городскую жизнь и торговый дух датчан, выступая против англо-норманнского феодализма и, наконец, не принимая более чем сомнительные преимущества, вытекающие из литературного возрождения XV века; Если во всем этом они не противились истинному прогрессу, а просто хотели продвигаться по особому пути, открытому перед ними христианством, которое они приняли более полно, с большей искренностью и с большим развитием сверхъестественной идеи, чем любой другой европейский народ, - тогда, вне всякого сомнения, они продемонстрировали свою силу воли и неугасающую национальную жизнеспособность в своем сопротивлении протестантизму - сопротивлении, которое было названо противодействием прогрессу, но успех которого сегодня неопровержимо доказывает, что они были правы.

Читатель может заметить, что это было сопротивление всей Северной Европе, куда входил и их остров. Ведь вся Северная Европа восстала против Церкви в начале шестнадцатого века, чтобы вступить на новый путь прогресса и цивилизации, как его называли, закончившийся в итоге страшной бездной материализма и атеизма, которая теперь зияет под ногами современных народов, - бездной, в зевающем чреве которой обитает nullus ordo, sed sempiternus horror. Конец этого прогресса теперь достаточно очевиден: политические и социальные конвульсии, без какого-либо другого вероятного результата, кроме окончательной анархии, если только нации не согласятся, наконец, повторить свои шаги и реорганизовать христианство.

Но это не было очевидно для глаз обычных мыслителей в XVI и XVII веках. Лишь немногие великие умы видели логические последствия предпосылок, заложенных протестантизмом, и предсказывали нечто подобное тому, что мы видим сейчас.

Ирландцы были единственной северной нацией, которая, не жалея себя, противостояла этому ужасному заблуждению и ценой всего дорогого вела против него неустанную войну.

Именно "в меру"; ведь, несмотря на все ухищрения Генриха VIII, который пустил в ход все ресурсы своего политического таланта, чтобы привлечь на свою сторону великих вождей нации, несмотря на все усилия Елизаветы, которая либо пыталась преодолеть их сопротивление своими многочисленными армиями, либо, соблазняясь своим двором, старалась, как и ее отец, склонить на свою сторону великих вождей главных кланов, особенно О'Нила из Тирона, - в конце ее долгого правления, после почти ста лет протестантизма, только шестьдесят ирландцев всех классов приняли новую религию.

Поначалу борьба приняла характер скорее политический, чем религиозный, и королева Елизавета сделала все возможное, чтобы придать ей, по-видимому, именно такой характер. Но для нее религия означала политику; и если бы ирландцы согласились принять религиозные изменения, введенные ее отцом и ею самой, не было бы и речи о "восстании", и не была бы послана армия для его подавления. Ирландские вожди хорошо это знали,

поэтому, когда бы королева ни заключала с ними соглашение, первым пунктом, на котором они неизменно настаивали, была свобода их религии.

Но при Стюартах и позже маска была полностью отброшена, и вопрос между Англией и Ирландией свелся, можно сказать, только к религии. Все политические путы, в которые ирландцы оказались вовлечены своей лояльностью Стюартам и оппозицией Круглоголовым, никогда не составляли главной трудности их положения. Они были "папистами", и это было их главным преступлением в глазах их врагов. Кромвель, несомненно, никогда бы не попытался истребить их так, как он это сделал, если бы они отступили и стали ярыми пуританами. На следующих страницах мы постараемся уделить особое внимание этой точке зрения на вопрос. Если бы она была понята с самого начала, то армия героев, погибших за своего Бога и свою страну, уже давно была бы зачислена в число христианских мучеников.

Последующая политика Англии, в основном после Английской революции 1688 года и поражения Якова II, ясно показывает правильность нашей интерпретации истории. "Уголовный кодекс", принятый при королеве Анне и позднее, по крайней мере, имеет то достоинство, что в нем нет лицемерия и фальши. Это открытое религиозное преследование, каким оно, по сути, было с самого начала.

Таким образом, перед нашими глазами предстает великое зрелище нации, переживающей мученическую смерть в течение трех столетий. Все гонения на христиан при римских императорах меркнут перед этой долгой эпохой наказаний и крови. Ирландцы многочисленными указами английских королей и парламентов были лишены всего, чем имеет право пользоваться человек, не виновный в преступлении. Земля, гражданство, право на образование, приобретение собственности, жизнь на собственной земле - во всем им было отказано, и смерть в любой форме, в каждой строчке нового протестантского кодекса, была предписана мужчинам, женщинам и даже детям, чье единственное преступление состояло в том, что они оставались верными своей религии.

Но главным образом во время Кромвелевской войны и девяти лет правления Протектора они были обречены на абсолютное, неумолимое уничтожение. За всю историю человечества ни одно событие не сравнится с ним по ужасу, разве что опустошение Азии и Восточной Европы при Зенгисе и Тимуре.

Поэтому в основе ирландского характера, скрытого под внешним легкомыслием, изменчивостью чувств, а порой тщетностью и даже ребячеством, лежит глубина соответствия вечным законам, которые Бог дал человечеству. Ни о чем другом они не думают, не преследуют какую-то постылую и теневую утопию. Кто знает, не станет ли их маленький остров тем самым маяком, который, указывая путь другим народам, в один прекрасный день спасет Европу от грозящего ей всеобщего кораблекрушения? Провиденциальная миссия Ирландии еще далека от завершения, и люди еще могут убедиться, что не зря ее так долго испытывали в горниле несчастий.

Другая часть провиденциального плана, касающаяся ее, проявится и вызовет наше восхищение в последней части нашей работы.

Ирландцы больше не ограничиваются маленьким островом, который дал им рождение. С самого начала своих великих бед они познали горечь изгнания. Их дворяне первыми покинули страну, где они больше не могли существовать, и в течение семнадцатого и восемнадцатого веков они прославили ирландское имя на всех полях сражений Европы. В то же время многие их священники и монахи, не имея больше возможности трудиться среди своих соотечественников, проводили свою жизнь в библиотеках Италии, Бельгии и Испании

и дарили миру эти огромные труды, столь ценные сейчас для антиквара и историка. Каждый знает, что нашел в них, в частности, Монталембер. Можно сказать, что они сохранили летопись своей нации от полного уничтожения; имена О'Клири, Уорда и Уоддингса, Колгана и Линча с каждым днем становятся все более известными и ценными, поскольку их объемные труды все больше изучаются и лучше понимаются.

Но еще более примечательно огромное распространение самого народа в нынешнюю эпоху, столь плодотворное для Церкви Христовой и блага человечества. Можно сказать, что труды ирландских миссионеров в седьмом и восьмом веках сегодня затмеваются поистине миссионерской работой целой нации, распространенной сегодня в Северной Америке, на Вест-Индских островах, в Ост-Индии и в диких районах Австралии; словом, везде, где говорят на английском языке. Каковы бы ни были видимые причины этого странного "исхода", невидимая причина достаточно ясна для любого, кто размышляет о замыслах Бога относительно Его Церкви. Нет никакой самонадеянности в том, чтобы приписывать Самому Богу то, что могло исходить только от Него. Кафоличность Церкви должна была быть распространена и сохранена во всех этих обширных регионах, колонизируемых ныне авантюрной английской нацией; и нельзя было придумать лучшего, более простого способа добиться этого, чем тот, который мы видим в этих колониях, столь удаленных от материнской страны.

Такова, на данный момент, главная провиденциальная миссия Ирландии, и это действительно благородная миссия, предпринятая и выполненная в благородной манере столькими тысячами, а то и миллионами мужчин и женщин, бедных, правда, мирскими благами, когда они начинают свой путь, но богатых верой; и это так же верно сейчас, как и всегда, с самого начала христианства, что *haec est victoria nostra, fides vestra*.

Этих нескольких слов нашего Предисловия недостаточно, чтобы подготовить читателя к осознанию важности этого грандиозного явления. Поэтому мы намерены посвятить вторую главу этой теме, чтобы подготовиться к очень интересным подробностям, которые мы представим впоследствии, так как необходимо, чтобы с самого начала можно было составить представление об этом сооружении и о всех пропорциях, которые ему суждено принять.

Пока что мы как можно более кратко обрисовали то, о чем пойдет речь на следующих страницах; и теперь читатель может начать понимать то, о чем мы говорили в самом начале: ни одна другая нация в Европе не предлагает столь интересного объекта для изучения и размышлений.

Платон говорил, что самое достойное зрелище в глазах Бога - это "праведник, борющийся с невзгодами". Каким же должно быть это зрелище, когда целый народ на протяжении девяти долгих веков предлагает Небесам самые возвышенные добродетели посреди самых тяжелых испытаний? Разве великие уроки, которые преподносит такое состязание, не достойны изучения и восхищения?

Мы намерены изучить их, хотя и не можем претендовать на то, чтобы в полной мере отдать должное такой теме. И, возвращаясь на мгновение к тем соображениям, с которых мы начали, мы можем с уверенностью сказать, что во всей современной истории трудно, если не невозможно, найти национальную жизнь, которая могла бы сравниться с жизнью бедной, презируемой Ирландии. Мы также не претендуем на то, чтобы писать саму историю; наша цель более скромна: мы просто излагаем некоторые соображения, естественно вытекающие из фактов, которые, как мы полагаем, уже известны, с целью прийти к истинной оценке

характера народа. Ведь мы изучаем именно сам народ; читатель встретит сравнительно немного отдельных имен.

Более того, мы обнаружим, что народ никогда не менялся. Его история - это непрерывный ряд одних и тех же героических событий, одних и тех же ужасных несчастий. Действующие лица постоянно меняются, внешние обстоятельства каждый раз предстают в новом свете, так что интерес не ослабевает; но дух борьбы остается неизменным, и последние потомки первых О'Ниллов и О'Доннеллов горят тем же священным огнем и вдохновляются теми же героическими стремлениями, что и их отцы.

К счастью, мрак наконец-то осветился возвращающимся днем. Борьба утратила свою жестокость, и нас больше не окружает та смертоносная тень, которая заслоняла небо сто лет назад. Тогда трудно было поверить, что нация когда-нибудь сможет подняться; ее окончательный успех казался почти невозможным. Теперь мы видим, что те, кто тогда отчаивался, согрешили против Провидения, которое ждало своего часа, чтобы прийти и оправдать свои пути. И именно благодаря светлой надежде, которая начинает рассветать, наша тема должна вызывать живой интерес у всех, наполнять католическое сердце горячим сочувствием и пламенной благодарностью Богу.

СОДЕРЖАНИЕ

I Кельтская раса

II Мир под руководством европейских рас.
Ирландская раса в этом движении

III Ирландцы лучше подготовлены к принятию христианства, чем другие народы

IV Как ирландцы приняли христианство

V Христианские ирландцы и языческие датчане

VI Ирландские свободные кланы и англо-норманнский феодализм

VII Ирландия отделилась от Европы - тройной эпизод

VIII Ирландцы и Тюдоры. Генрих VIII.

IX Ирландцы и Тюдоры.- Елизавета.- Неустрашимое дворянство.-
Страдающая церковь

X Англия готова к принятию протестантизма, а Ирландия - нет

XI Ирландцы и Стюарты.- Лояльность и конфискация

XII Век мрака.- Уголовные законы

XIII Воскрешение.- Обманчивые надежды

XIV Воскрешение.- Эмиграция

XV "Исход" и его последствия

XVI Моральная сила, достаточная для возрождения Ирландии

ГЛАВА I

Кельтская раса.

Народы, сохраняющие, как бы, вечную молодость, следует изучать с момента их возникновения. Никогда полностью не меняясь, некоторые из их нынешних черт можно узнать в самой колыбели их существования, и странность этого факта подчеркивает их реальные особенности. Поэтому мы считаем своей целью рассмотреть сначала кельтскую расу, как она известна нам из древних записей: Чем она была; чем занималась; каковы были ее отличительные черты; каковы были ее нравы и основные черты. Таким образом, мы сможем пролить свет даже на ирландцев наших дней. Наши слова должны быть немногословны в столь обширном вопросе; но, как бы мало их ни было, они не будут неважными в нашем исследовании.

Во всех творениях Божьих, наряду с общим порядком, вытекающим из кажущихся симметричными законов, повсюду проявляется поразительное разнообразие деталей, вызывающее в сознании человека представление о бесконечности, столь же эффективное, как и чудесный аспект кажущейся безграничной вселенной. Это разнообразие видно, во-первых, в небесных телах, как их называют; звезда отличается от звезды, планета от планеты; даже самые маленькие астероиды никогда не показываются нам двумя одинаковыми, но всегда предлагают различия в размере, форме, составе.

Это разнообразие мы видим главным образом на нашем земном шаре; в бесконечном множестве его животных форм, в удивительных племенах насекомых и в блестящих раковинах, плавающих в океане; видим также в невероятном количестве деревьев, кустарников, трав, вплоть до мельчайших растительных организмов, в таком безрассудном изобилии распространенных на поверхности нашего жилища; видим, наконец, в бесконечности различных форм, принимаемых неорганической материей.

Но что еще более удивительно и, казалось бы, необъяснимо, так это то, что, взяв каждый вид существ в отдельности и рассматривая любые две особи одного вида, мы сочли бы удивительным эффектом случайности, если бы встретили два совершенно одинаковых объекта нашего изучения. Минералог замечает это, если находит в одной группе кристаллов два совершенно одинаковых; ботаник выражает свое удивление, если, сравнивая два экземпляра одного и того же растения, не находит между ними никакой разницы. То же самое можно сказать о птицах, рептилиях, млекопитающих одного вида. Внимательный наблюдатель даже легко обнаружит различия между двойными органами одного и того же человека, между двумя глазами его соседа, двумя руками друга, двумя ногами незнакомца, которого он встречает.

Поэтому вполне закономерно, что как в нравственных, так и в физических способностях человека должно проявляться одно и то же постоянно повторяющееся разнообразие в чертах лица, в форме конечностей, в движении мышц, а также в активности мысли, в подвижности юмора, в сочетании страстей, склонностей, симпатий и отвращений.

Но, в то же время, при всех этих особенностях, заметных у отдельных людей, мужчины, при внимательном изучении, проявляют себя в группах, как бы отличающихся от других групп своими особенностями, которые обычно называют характеристиками расы; и хотя, согласно различным системам, эти характеристики могут расширяться или сужаться по желанию,

служить *априорной* цели и поддерживать заранее разработанную теорию, все же существуют в отношении них поразительные факты, которые никто не может опровергнуть, и которые заслуживают серьезного внимания.

Два из этих фактов могут быть изложены в следующих предложениях:

I. В колыбели расы или нации должен был существовать тип, запечатленный на ее родоначальнике и перешедший от него ко всем его потомкам, который отличает ее от всех других.

II. Характер расы, однажды установленный, не может быть искоренен без почти полного исчезновения народа.

Доказательства этих положений потребовали бы долгих подробностей, совершенно не соответствующих нашей цели, поскольку мы пишем не об этнологии. Мы примем их как данность, поскольку в противном случае мы можем сказать, что вся история человека была бы непонятной. Если, однако, встречаются авторы, которые применяют к своему представлению о расе всю непреклонность физических законов и представляют историю как жесткую систему фактов, скрепленных между собой некой фатальностью; если среди историков возникла школа, которая отменяет моральную ответственность отдельных людей и наций, то нет необходимости говорить читателю, что ничто так не далеко от нашего ума, как принятие идей, разрушительных, по сути, для всей морали.

Мы убеждены, что в расовых пристрастиях по отношению к нациям не больше "необходимости", чем в развращенных инстинктах нашей падшей природы по отношению к отдельным людям. Учение веры четко определило это в последнем случае, и следствие этого авторитетного решения влечет за собой определение первого.

Согласно учению святого Августина, народы вознаграждаются или наказываются в этом мире, поскольку для них не существует будущего существования; но факт присуждения им наград и наказаний показывает, что их жизнь не является рядом необходимых последовательностей, как это имеет место в физике, и что проявления или явления истории, прошлой, настоящей или будущей, не могут сводиться к действию абсолютных законов.

Раса, по нашему мнению, - лишь одна из тех таинственных сил, которые играют на человеке от колыбели до могилы, которые одинаково влияют на всех членов одной семьи и придают ей своеобразие, нисколько не затрагивая, однако, нравственной свободы человека; и как в нем самом есть свобода воли, так и в самой семье, к которой он принадлежит, Бог может найти повод для одобрения или неодобрения. Сердце христианина должно быть слишком полно благодарности и уважения к Божественному Провидению, чтобы воспринимать историю иначе.

С нашей стороны было бы самонадеянно пытаться объяснить, какую цель преследовал Бог, создавая такое разнообразие в человеческом обществе. Мы можем лишь сказать, что, по-видимому, Он не желал, чтобы все человечество всегда подчинялось одному и тому же правилу, одному и тому же правительству и институтам. Только Его Церковь должна была носить характер универсальности. Вне ее пределов разнообразие должно было быть правилом в человеческих делах, как и во всем остальном. Всеобщий деспотизм никогда не должен был стать возможным.

Это сразу же объясняет, почему потомство Иафета так отличается от потомства Сема и Чама.

В каждом из этих великих первобытных родов мудрым Провидением было заложено большое количество подрас, если их можно так назвать, из которых произошли различные народы, чье смешение образует паутину человеческой истории. Наша цель - рассмотреть только кельтскую ветвь. Ибо, какие бы теории ни выдвигались по поводу колонизации Ирландии, из какой бы части земного шара ни происходили ее первобытные обитатели, несомненно одно: сегодня эта раса все еще едина, несмотря на чужеродную кровь, влитую в нее столькими людьми других национальностей. И хотя в свое время Кромвель поставил эту расу на грань исчезновения, она окончательно поглотила все остальные; она победила; и тот, кому приходится иметь дело с истинными ирландцами, сразу же чувствует, что имеет дело с первобытным народом, чьи предки жили на острове тысячи лет назад. В жителях различных провинций острова можно заметить некоторые незначительные различия: диалекты в языке, внешность, небольшие расхождения в нравах и манерах; иначе и быть не может, ведь, как мы видели, в человеческой семье нет двух совершенно одинаковых индивидов. Но, несмотря на все это, они остаются кельтами и по сей день; они, несомненно, принадлежат к той расе, которая раньше была широко распространена по всей Европе, а теперь почти ограничивается их островом; ведь характер той же расы в Уэльсе, Шотландии и Бретани не был и не мог быть сохранен в такой чистоте, как в Эрине; так что в наш век жители этих стран все больше и больше сливаются со своими британскими и галльскими соседями.

Поэтому в начале исследования мы должны вкратце рассказать о том, что нам известно о кельтской расе в древности, и выяснить, не воспроизводят ли современные ирландцы ее основные черты.

Однако в данном исследовании мы не предполагаем касаться физических особенностей кельтских племен: мы не знаем, какими они были две или три тысячи лет назад. Мы должны ограничиться моральными склонностями и манерами, и для такого взгляда на предмет у нас есть достаточно материалов.

Прежде всего мы отмечаем в этой расе огромную силу экспансии, когда ее не сдерживали действительно непреодолимые препятствия; силу экспансии, которая не требовала для своей работы необжитых и диких территорий, но могла проявить свою энергию и дать о себе знать посреди уже густо заселенных регионов, среди враждебных и воинственных народов.

Насколько можно судить по истории, вся Западная Европа, а именно Галлия, часть Испании, Северная Италия и то, что мы сегодня называем Британскими островами, была заселена расой, очевидно, одного происхождения, разделенной на огромное количество маленьких республик, управляемых патриархально в виде кланов, названных Юлием Цезарем "Цивитатами". Греки называли их кельтами, "келтаи". Похоже, что они не приняли общего названия для себя, поскольку идея того, что мы называем национальностью, никогда не приходила им в голову. Тем не менее, название гэлов на Британских островах и галлов во Франции и Северной Италии кажется идентичным. Они не только заполнили большую территорию, о которой мы упоминали, но и размножились так быстро, что были вынуждены посылать во все стороны вооруженные колонии, оказавшиеся посреди густонаселенных регионов.

Мы не располагаем подробными сведениями об их первом вторжении в Испанию, но римская история знакомит нас с их доблестью. В первые дни Республики армия галлов овладела Римом, и имена Манлия и Камилла известны в истории не лучше, чем имя Бренна, которого Ливий называет Бренном. Его знаменитый ответ "Vae victis" будет жить до тех пор, пока существует мир.

Позднее, во втором веке до нашей эры, мы видим, как из Паннонии на Дунае, где они ранее обосновались, в Грецию вторгается другая армия кельтов. Во главе ее стоит другой Бренн. Македония и Албания были вскоре завоеваны, и, говорят, некоторые особенности расы до сих пор можно заметить у многих албанцев. Фессалия не смогла устоять перед стремительностью захватчиков; Фермопилы были заняты галльскими батальонами, а знаменитое дефиле, где триста спартанцев однажды задержали всю армию Ксеркса, не смогло стать препятствием для кельтской храбрости. Священная Эллада оказалась тогда под властью галлов, и храм в Дельфах уже был в поле зрения Бренна и его воинов, когда, по словам греческих историков, сильное землетрясение, дело рук оскорбленных богов, внесло смятение в ряды кельтов, которые впоследствии были легко разбиты и уничтожены греками.

Часть армии дельфийского Бренна отделилась от основной массы на границах Фракии, овладела Византией, будущим Константинополем, и, переправившись через проливы, обосновалась в сердце Малой Азии, где основала государство Галатия, или Галло-Греция, которое так долго носило их имя, и в течение нескольких веков оказывала влияние на дела Азии и всего Востока, где они создали социальное государство, соответствующее их вкусам и обычаям. Но вскоре после вторжения римлян в Малую Азию двенадцать основанных ранее родовых республик были, по словам Страбона, сокращены сначала до трех, затем до двух, пока наконец Юлий Цезарь не сделал Деджотара царем всей страны.

Кельты не могли смириться с таким изменением общественных отношений, но, не в силах противостоять римской власти, они, как обычно, стали ссориться между собой. Большинство высказалось за другого вождя, по имени Богитар, и сумело создать в Риме партию в его пользу. На собрании римского народа Хлодий получил декрет, подтверждающий его власть, и завладел Пессинунтом и знаменитым храмом Кибелы.

История этой ветви кельтов, тем не менее, не закончилась на злой судьбе их последнего короля. Согласно Юстину, они разбрелись по всей Азии. Утратив самостоятельность как народ, они стали, так сказать, швейцарскими наемниками всего Востока. Египет, Сирия, Понт призвали их на свою защиту. "Таков был ужас, - говорит Юстин, - возбуждаемый их именем, и постоянный успех их начинаний, что ни один царь на своем троне не считал себя в безопасности, ни один павший князь не представлял себя способным восстановить свою власть иначе, как с помощью всегда готовых кельтов этих стран".

Этого краткого очерка достаточно, чтобы показать их способность к экспансии в древние времена среди густонаселенных народов. Когда мы покажем, как сегодня они распространяются по всему миру, причем не в диких и пустынных странах, а в крупных населенных пунктах английских колоний, мы сможем убедить себя в том, что они по-прежнему обладают теми же характеристиками. Если они не носят оружия в руках, то это объясняется изменившимися обстоятельствами; но их фактическая экспансия имеет близкое сходство с экспансией древних времен, и сходство эффекта показывает сходство характера.

Теперь мы переходим к новой особенности расы, которая, насколько нам известно, не была достаточно подробно рассмотрена. Все их миграции в давние времена происходили через континенты; и если изредка они пересекали Средиземное море, то всегда на иностранных судах.

Кельтская раса, как мы уже видели, занимала всю Западную Европу. Поэтому у них было множество гаваней на Атлантике и несколько отличных гаваней на Средиземном море. Многие из них проводили большую часть своей жизни на море, поддерживая себя рыбной ловлей; однако они никогда не думали о создании и вооружении больших флотов; они

никогда не сражались на море на собственных судах, за единственным исключением морского сражения между Юлием Цезарем и венедами у берегов Арморики, где в один день римский полководец уничтожил единственное морское вооружение, которым когда-либо обладали кельты.

И даже этот факт не является исключением из общего правила, так как М. де Пенуэ, пожалуй, самый великий антиквар в области кельтских преданий в Бретани, доказал, что венеты в Западной Галлии на самом деле не были кельтами, а скорее колонией карфагенян, единственной, вероятно, оставшейся во времена Цезаря из тех некогда многочисленных иностранных колоний старых врагов Рима.

И все же эта странная аномалия, которая не наблюдается ни у одного другого народа, живущего на обширном побережье, не была вызвана незнанием пользы и важности больших флотов. С самого начала они поддерживали постоянные контакты с великими мореплавателями древности. Кельтские гавани изобиловали ремеслами выносливых моряков, прибывших из Финикии, Карфагена и, наконец, из Рима. Херен в своих исследованиях о финикийцах доказывает это для той самой ранней эпохи и упоминает тот странный факт, что Ирландия у них называлась "Святым островом". В течение нескольких столетий карфагеняне, в частности, использовали гавани Испании, Галлии, даже Эрина и Британии как свои собственные. Кельтские жители этих стран позволяли им мирно селиться среди них, торговать с ними, использовать их города как империи, называть их, по сути, карфагенскими гаванями, хотя этот африканский народ никогда по-настоящему не колонизировал страну, не воевал с ее жителями, чтобы занять ее, за исключением нескольких случаев, когда им мешали, вероятно, в их торговых предприятиях; Но они всегда жили в мирных отношениях с аборигенами, которых они благодетельствовали своей торговлей и, несомненно, просветили рассказами о своих экспедициях в дальние страны.

Не правда ли, поразительно странно, что при таких обстоятельствах кельтам никогда не приходило в голову обзавестись собственными судами, если не для того, чтобы развивать обширную торговлю, к которой они никогда не проявляли ни малейшей склонности, то хотя бы для того, чтобы отправлять свои колонии за границу и переправляться прямо в Грецию из Кельтиберии, например, или из своей итальянской колонии Венетии, которую в наши дни заменила морская Венеция? Тем не менее, это было так; и великий классический ученый Герен в своих исследованиях о финикийцах и карфагенянах с удивлением отмечает это. Главной причиной, которую он называет для успеха этих южных мореплавателей из Карфагена в создании своих колоний повсюду, является тот факт, что ни один народ в Испании, Галлии или на Британских островах не обладал в то время собственным флотом; и, находя это столь удивительным, он не пытается объяснить это, так как это действительно остается без какого-либо возможного объяснения, кроме отсутствия склонности, вытекающей из естественных побуждений расы.

Еще удивительнее то, что в индивидуальном плане у них не было отвращения к мореходной жизни; многие из них не только выживали за счет рыбной ловли, но их *курраги* покрывали море вдоль всего обширного побережья. На своих небольших суденышках они могли переплывать с острова на остров. Таким образом, кельты Эрина часто переходили в Шотландию, на Гебридские острова, от скалы к скале, а в христианские времена они дошли до Фарерских островов и даже до Исландии, которую некоторые из них, похоже, пытались колонизировать задолго до того, как туда пришли норвежские разбойники; а некоторые даже говорят, что из Эрина пришли первые европейцы, высадившиеся на замерзшей Гренландии за много лет до того, как исландские северяне основали в этой мрачной стране

свои поселения. Таким образом, кельты, и в первую очередь жители Эрина, были мореходной расой.

Но построить флот, снабдить и вооружить его, наполнить цветом своей молодости и отправить за океан грабить и убивать жителей с целью колонизации опустошенных ими ранее стран - такого характера кельты никогда не были. Они никогда не занимались торговлей или тем, что часто является синонимом пиратства. До принятия христианства кельты Ирландии пересекали узкий канал, отделявший их от Британии, и часто привозили домой рабов; они также изредка заходили в Арморику, и их летописи рассказывают о военных походах в эту страну; но их усилия в области мореплавания всегда были крайне ограниченными, несмотря на многочисленные стимулы, которые давало их географическое положение. Этот факт поражает, когда мы сравниваем их в этом отношении со скандинавскими вольными путешественниками по Северному океану.

Поэтому весьма примечательно, что, когда бы они ни садились на корабль, это всегда было одиночное и открытое судно. Так они поступали в языческие времена, когда большая часть Западной Европы принадлежала им; так же они поступали и после того, как стали христианами. Эта раса всегда была противником обширной торговли и распространения своей власти с помощью больших флотов.

В древних летописях Ирландии, действительно, говорится о морских экспедициях; но эти экспедиции всегда предпринимались несколькими людьми на одной, двух или, самое большее, трех лодках, как это было у сыновей Уа Корра; и такие факты, следовательно, укрепляют нашу точку зрения. Единственный факт, который кажется противоречивым, предположительно произошел во время датских войн, когда Каллаган, король Кашеля, как говорят, попал в засаду и был доставлен датчанами в качестве пленника сначала в Дублин, затем в Армаг и, наконец, в Дандолк.

Считается, что войска Кеннеди, сына Лоркана, поддерживал флот из пятидесяти кораблей, которым командовал Фалви Финн, вождь Керри. Нам нет нужды повторять историю, столь хорошо известную всем читателям ирландской истории. Но этот факт встречается только в работе Китинга, и лучшие критики принимают его просто как исторический роман, который Китинг счел нужным вставить в свою историю. Тем не менее, даже если предположить правдивость этой истории, все, что мы можем из нее заключить, это то, что мореходные датчане в конце своих долгих войн научили ирландцев использовать море как поле боя, вплоть до того, что они предпринимали небольшие экспедиции, чтобы освободить любимого вождя.

Примечательно также, что, согласно летописям Ирландии, морские экспедиции почти всегда носили религиозный характер и никогда не были связаны с торговлей или бартером, за исключением истории о Брескане, который был поглощен своими пятьюдесятью куррагами, на которых он торговал между Ирландией и Шотландией.

Почти все остальные морские путешествия - это путешествия, предпринятые с христианской или богоугодной целью. Так, наша святая религия была перенесена в Шотландию и на Гебридские острова Колумбом и его братьями-монахами, которые евангелизировали эти многочисленные группы маленьких островов. Переплывая на своих яликах и устанавливая крест на какой-нибудь далекой скале или мысе, они возводили свои монашеские кельи на отвесных скалах с видом на океан.

На морских побережьях Ольстера или западного побережья Албании, как тогда называли Шотландию, больше не было видно воинов на бойне; только безоружные люди в скромных

монашеских одеждах ходили по этим избитым волнами берегам. Ранним утром они покидали бухту своего монастыря, расправляли единственный парус и гребли хорошо изношенными веслами, переправляясь из Коломбсея на Иону или из гавани Бангора к ближайшему берегу острова Мэн.

В полдень они могли встретить на середине пролива брата в его лодке-ракушке, которая, подпрыгивая на воде, направлялась к той точке, которую они покинули. И святое крестное знамение переходило от одного монаха к другому, и слово благословения носилось в воздухе, вперед и назад, и небо над головой было благосклонно, и волна внизу была послушна, а сердца двух братьев смягчались святыми чувствами; и ничего в окружающем воздухе, на смутно видимых берегах, на поверхности вздымающихся волн не было видно и слышно, кроме того, что могло вознести душу к небу и сердце к Богу.

Завершая эту часть нашей темы, мы лишь отметим тот факт, что ни кельты Галлии или Британии, ни кельты Ирландии никогда не противопоставляли организованный флот многочисленным военно-морским силам врага, которые вторгались в их страну. Когда римский флот под командованием Цезаря высаживался в Великобритании, когда бесчисленные датские экспедиции нападали на Ирландию, когда англо-норманны прибывали на остров в течение четырехсот лет существования колонии Пале, мы никогда не слышали о кельтском флоте, противостоящем захватчикам. Итальянские, испанские и французские флоты часто приходили на помощь ирландцам, но ни разу мы не читали, чтобы на острове было хоть одно судно, присоединившееся к дружественной экспедиции. Таким образом, мы можем с уверенностью заключить, что эта раса никогда не испытывала склонности к отправке больших экспедиций в море, как для обширной торговли, так и для политических и военных целей. Они всегда пользовались судами других наций, и поэтому нет ничего удивительного в том, что сейчас они теснят английские корабли во время своих миграций с целью колонизации других стран. Это одна из склонностей расы.

Теперь наше внимание привлекает третья особенность кельтского характера и ума, а именно: особая литература, искусство, музыка и поэзия, в которых запечатлена сама их душа и которые принадлежат исключительно им. Из этого короткого исследования естественным образом вытекают некоторые очень интересные соображения. Речь идет об изучении конституции кельтского разума.

В кельтских странах литература была идеальным выражением социального положения народа. Естественно, литература должна быть такой везде, но у кельтов она была наиболее ярко выражена. У них она стала государственным институтом, совершенно неизвестным другим народам. Литература и искусство естественным образом вытекали из родового строя и, следовательно, приняли форму, не встречающуюся в других местах. Более того, будучи полностью традиционными, эти занятия привили их уму устойчивый, консервативный, традиционный дух, который привел к самым счастливым последствиям для расы, сохранив ее от теоретических капризов и удерживая ее в стороне, даже в наши дни, от aberrаций, которые все люди сейчас осуждают в других европейских нациях, и последствия которых мы наблюдаем в анархии мысли. Последнее соображение придает этой части нашей темы особый и захватывающий интерес.

Знания Юлия Цезаря о друидах и их литературной системе были весьма неполными; тем не менее он представляет своим читателям поистине грандиозное зрелище, когда говорит об их многочисленных школах, посещаемых огромным количеством юношей страны, столь отличных от римских, в которых обучался его собственный ум - "Ad has magnus adolescentium

numerus disciplinae causa concurrunt": когда он упоминает о политических и гражданских вопросах, представленных на суд литераторов - "de omnibus controversiis publicis privatisque constituunt. ... Si de hereditate, si de finibus controversia est, iidem decernunt:" когда он указывает продолжительность их обучения - "annos nonnulli vices in disciplina permanent:" когда он, наконец, делает краткий набросок их курса обучения - "multa de sideribus atque eorum motu, de mundi ac terrarum magnitudine, ... disputant juventutisque tradunt."

Но, к сожалению, великий автор "Комментариев" недостаточно изучил социальное положение кельтов в Галлии и Британии; он ни разу не упоминает институт кланов, даже когда говорит о феодах-фракциях, которые неизменно разделяли септы-цивитаты на враждебные партии. В одиннадцатой главе, описывая споры, которые постоянно вспыхивали в городах, деревнях и даже отдельных домах, отмечая постоянную смену верховной власти от эдзев к секванам и взаимно, он, кажется, в нескольких фразах излагает долгую историю ирландских кельтов; однако он, похоже, не знает о причине этих всеобщих волнений, а именно о клановой системе, о которой он не говорит ни слова. Как он мог понять влияние этой системы на их литературу и искусство?

Чтобы сразу понять это, достаточно в нескольких словах описать различные отрасли знаний, которыми занимаются их ученые мужи; и поскольку мы лучше всего знакомы с той частью предмета, которая касается Ирландии, мы ограничимся ею. Несомненно, в других скоплениях кельтских племен, главным образом у галлов, существовали очень похожие, если не совершенно одинаковые институты.

Высшее родовое название ученого человека или врача было "олламх". Эти олламы составляли своего рода орден в расе, и привилегии, дарованные им, были самыми широкими. "Каждому из них полагался постоянный доход в двадцать одну корову и их травы" на территории вождя, а также обильные трапезы для него самого и его сопровождающих в количестве двадцати четырех человек, включая его подчиненных наставников, продвинутых учеников и свиту слуг. Он имел право иметь двух гончих и шесть лошадей... и привилегию предоставлять временное убежище от травм или ареста, нося свой жезл или пронося его вокруг или над человеком или местом, которое нужно защитить. Его жена также пользовалась некоторыми другими ценными привилегиями" (профессор Э. Карри, Лекция I.).

Но чтобы достичь этой степени, он должен был доказать для себя чистоту обучения, чистоту уст (от сатиры), чистоту рук (от кровопролития), чистоту союза (в браке), чистоту честности (от воровства) и чистоту тела (иметь только одну жену).

Таким образом, у кельтов обучение представляло собой своего рода священство. Таковы были его моральные качества. Его научные достижения требуют более подробного рассмотрения, поскольку они составляют главный объект нашего внимания.

Прежде всего их можно изложить в нескольких словах. Олламх был "человеком, достигшим высшей степени исторической образованности и общих литературных достижений. Он должен был быть адептом королевских синхронизмов, знать границы всех провинций и вожеств и уметь проследить генеалогию всех племен Эрина вплоть до первого человека" (профессор Карри, лекция X.).

Цезарь уже говорил нам о друидах: "Si de hereditate, si de finibus controversia est iidem decernunt". В этом отрывке он дает нам представление о системе, которую он изучил недостаточно, чтобы принять ее во всей полноте.

Квалификация оллама, которую мы только что перечислили, то есть высшего врача в кельтских странах, уже доказывает, что их литература выросла из клановой системы.

Клановая система, о которой мы впоследствии будем говорить более подробно, полностью опиралась на историю, генеалогию и топографию. Власть и права монарха всей страны, так называемых королей различных провинций, других вождей в разных степенях, наконец, всех людей, составлявших народ, связанный кровными узами с вождями и королями, полностью зависели от их различных генеалогий, из которых выросла полная система общей и личной истории. Противоречивые права септов требовали также глубокого знания топографии для решения возникающих трудностей. Отсюда следует, что для всего народа была важна точность в этих вопросах, а также наличие компетентного органа, принимающего решения по всем подобным вопросам.

Но в кельтских странах, как ни в каких других, топография была связана с общей историей, поскольку каждая река или озеро, гора или холм, башня или деревня получали свое название от какого-либо исторического факта, записанного в государственных анналах; так что и сейчас географические этимологии часто бросают неожиданный и решающий свет на спорные моменты древней истории. Пока это нельзя назвать литературой; это можно было бы отнести к статистике или антикварным преданиям; и если бы их история состояла только из того, что содержится в старых анналах расы, было бы самонадеянно делать особый намек на их литературу и делать ее одной из главных характеристик расы. Летописи, по сути, были просто хронологическими и синхронистическими таблицами предыдущих событий.

Но многие их авторы написали огромное количество книг о каждом конкретном событии, интересном для каждого кельтского племени: и даже сейчас многие из тех особых фактов, которые зафиксированы в этих книгах, обязаны своим происхождением какому-то утверждению или намеку, содержащемуся в анналах. Нет сомнений, что давным-давно их ученые мужи были полностью знакомы со всеми теми моментами, которые ускользают от внимания современного антиквара. История для них, таким образом, сильно отличалась от того, какой ее сделали греки и римляне в оставленных ими образцах, которые мы копировали или подражали им.

Только в своих отрывочных "исторических рассказах" они демонстрируют мастерство описания и повествования, замечательные картины характеров, нравов и местных традиций; и кажется, что во многих моментах они показывают себя мастерами этого прекрасного искусства.

Так, у них были истории о битвах, о путешествиях, о вторжениях, о разрушениях, о резне, об осадах, о трагедиях и смертях, об уходе, о военных походах; и все это строго исторично. Ибо мы не говорим здесь об их "образных рассказах", дающих еще больший простор фантазии, таких как фенианские и оссиановские поэмы, которые также основаны на фактах, но не могут претендовать на звание истории в большей степени, чем романы Скотта или Купера.

Количество этих книг было столь велико, что их достоверный список намного превосходит по объему то, что сохранилось от старых греческих и латинских писателей. Верно, что все они были сохранены и переданы нам ирландцами-христианами веков между шестым и шестнадцатым; но также совершенно верно, что все, что было передано нам ирландскими монахами и монахинями, пришло к ним из подлинного источника, от первобытных авторов, как наши собственные монахи Запада сохранили для нас все, что мы знаем о греческих и латинских авторах.

Так что вопрос, который долгое время решался отрицательно, знали ли ирландцы письменность до христианской эры и прихода святого Патрика, больше не является вопросом, теперь, когда так много известно об их ранней литературе. Святой Патрик и его братья-монахи принесли с собой римские символы и знания многочисленных христианских писателей, которые предшествовали ему; но он не мог научить их тому, что происходило в стране до его времени, событиям, которые составляют предмет их летописей, исторических и фантастических рассказов и поэм. Чтобы христианские авторы Ирландии впоследствии передали нам эти факты, они, очевидно, должны были скопировать их из более древних книг, которые с тех пор исчезли.

Профессор Э. Карри считает, что символы огама, которые так часто упоминаются в древнейших ирландских книгах, использовались в Эрине задолго до введения там христианства. И он подкрепляет свое мнение доказательствами, которые трудно опровергнуть. Эти символы и сейчас можно увидеть в некоторых из самых древних книг, которые сохранились, а также на многих каменных памятниках, отдаленную древность которых невозможно отрицать. Однако достаточно одного достоверного факта, чтобы поставить точку в этом вопросе: "Совершенно точно, - говорит Э. Карри, - что ирландские друиды и поэты писали книги до прихода Святого Патрика в 432 году; ведь именно это утверждение мы находим в древнем гэльском трехчастном житии Святого, а также в "Аннотациях Тиречана", сохранившихся в Книге Армага, которые были взяты им (Тиречаном) из уст и книг его наставника, Святого Мохты, который был учеником и воспитанником самого Святого Патрика".

То, что Цезарь говорит о друидах, что они все запоминали и не пользовались книгами, не совсем верно. Это, должно быть, верно только в отношении их способа обучения, поскольку они не давали ученикам никаких книг, а ограничивались устными наставлениями.

Орден Олламха состоял из различных подразделений ученых людей. Первым из них, заслуживающим нашего внимания, является класс "Seanchaidhe", произносимый как Shanachy. Олламх, по-видимому, был историком монарха всей страны; шаначи занимались провинциальными записями. У каждого вождя, вплоть до самого скромного, был офицер такого уровня, который пользовался привилегиями, уступавшими только привилегиям олламха, и получал вознаграждение в зависимости от своей полезности для государства; так что мы уже можем получить некоторое представление о том, с каким почтением и уважением относились к национальной литературе и традициям в лице тех, на кого в древности смотрели как на их хранителей из века в век.

Шаначи также должны были убедиться в нравственных качествах олламхов.¹

(1) "Чистота рук, ярких и не ранящих,
Чистота уст, без ядовитой сатиры,
Чистота учености, без упреков,
Чистота мужей - в браке".

Многие из этих и следующих подробностей взяты главным образом из
Профессор Э. Карри
-(Ранние ирландские рукописи.)

Шаначи любой степени, не сохранивший эти "чистоты", терял половину своего дохода и достоинства, согласно закону, и, кроме того, подвергался тяжелым наказаниям.

По словам Макфирбиса в его книге генеалогий, "историки были так озабочены и ревностно стремились сохранить историю Эрина, что оставленное ими описание благородства и достойных манер народа не должно вызывать удивления, поскольку они не воздерживались писать даже о недостойных ремесленниках, и о профессорах врачевания и строительных искусств древних времен - как будет показано ниже, чтобы доказать верность историков и ошибочность тех, кто делает такие утверждения, как, например, что в Эрине не было каменных зданий до прихода датчан и англо-норманнов.

"Так говорит один древний авторитет: "Первым врачом, первым строителем и первым рыбаком, которые когда-либо были в Эрине, были...

Капа - для исцеления больных,
В свое время был всемогущ;
И Луасад, хитрый строитель,
И Лайгн, рыбак".

Так говорит Макфирбис в своем причудливом и живописном стиле.

Литература кельтов, таким образом, была наделена характером реалистичной универсальности, которой так гордилась романтическая школа. Она касалась не только великих и могущественных, но и всех слоев населения и пыталась возвысить то, что само по себе является недостойным и обыденным в человеческом обществе. В этом, несомненно, заключается смысл только что приведенной цитаты.

Итак, среди кельтов каждый клан имел своего историка, который записывал мельчайшие подробности повседневной истории, а также все факты, имеющие значение для всего клана и даже для всего народа; таким образом, мы можем видеть, как литература у них естественным образом выросла из их социальной системы. На первый взгляд может показаться, что с другими классами литераторов дело обстоит иначе; однако легко обнаружить связь, соединяющую их всех, которая всегда была традиционной или фактической, если можно так выразиться.

Следующим подпорядком был фил, который обычно переводится как поэт, но его значение также включает в себя идею философии или мудрости в дополнение к поэзии.

В конце концов, у кельтов фил был всего лишь историком, пишущим в стихах; ведь вся их поэзия сводилась к анналам, "поэтическим повествованиям" о великих событиях или, наконец, к "балладам".

Хорошо известно, что у всех народов поэзия предшествовала прозе, и первые писатели, появившиеся где-либо, всегда писали в стихах. Поэтому представляется, что в кельтских племенах порядок Файла был более ранним по времени, чем порядок Шаначи, и что оба они должны были возникнуть естественным образом из одной и той же социальной системы. Поэтому у монарха всего народа были свои поэты, как и у королей провинций и всех мелких вождей.

Со временем их число в Ирландии возросло до такой степени, что в конце концов они превратились в единое целое.

Со временем их число в Ирландии возросло до такой степени, что в конце концов они стали помехой, от которой нужно было избавляться.

"Говорят, что во времена Коннора Макнассы - за несколько столетий до Рождества Христова - в одной компании собралось 1200 поэтов; в другой раз - 1000, а еще 700, а именно во времена Эда МакАйнмира и Колумсия, в шестом веке после нашего Спасителя. И между этими периодами Эрин всегда считал, что у него больше ученых людей, чем нужно; так что из-за их количества и налогов, которыми они облагали общество, их трижды пытались изгнать из Эрина; но они были задержаны ультонцами из соображений гостеприимства. Об этом свидетельствует Амхра Колумцилла (панегирик святому Колумбе). Он был последним, кто удерживал их в Ирландии, и распределял поэта по каждой территории, а поэта - по каждому королю, чтобы облегчить бремя народа в целом. Чтобы были люди, следующие за ними, современные каждому поколению, чтобы сохранять историю и события страны в это время. И не только они, но и короли, и святые, и церкви Эрина сохраняли свою историю подобным образом".

Из этого любопытного отрывка Макфирбиса ясно, что кельтские поэты ставили перед собой ту же задачу, что и историки; только писали они в стихах и, несомненно, позволяли себе большую свободу фантазии, не изменяя фактов, которые имели для них первостепенное значение.

Макфирбис в предыдущем отрывке дает нам краткое описание действий Колумкилла в отношении поэтов или бардов его времени. Но нам известно множество других интересных фактов, связанных с этим событием, которое следует считать одним из самых важных в Ирландии шестого века. Орден поэтов или бардов был социальным и политическим институтом, восходящим по времени к зарождению нации, пользовался широкими привилегиями, и без него кельтская жизнь была бы лишена тепла и оживления. Однако Аэд, монарх всей Ирландии, был склонен упразднить весь орден, изгнать или даже объявить вне закона всех его членов. Не имея возможности сделать это собственной властью, он решил провести эту меру на собрании в Драмсейте, созданном с главной целью - мирно урегулировать отношения Ирландии с колонией далриада, основанной в Западной Шотландии за сто лет до этого. Колумба прибыл с Ионы от имени Айдана, которого он незадолго до этого короновал как короля Албании или Шотландии. Похоже, что бардов или поэтов обвиняли в наглости, жадности и в том, что они продавали свои услуги принцам и вельможам, вместо того чтобы призвать их к ответу за свои проступки.

Колумба открыто выступил в их защиту на общем собрании народа. Будучи сам поэтом, он любил их искусство и не мог согласиться с тем, чтобы его лишили родной страны. Такое лишение в его глазах выглядело бы почти святотатством.

"Он представлял, - говорит Монталембер, - что нужно позаботиться о том, чтобы не вырвать хорошее зерно с плевелами, что всеобщее изгнание поэтов было бы гибелью почтенной древности и поэзии, столь дорогой для страны и столь полезной для тех, кто знал, как ее использовать". Король и собрание в конце концов уступили, но при условии, что их число будет ограничено, а их профессия будет подчиняться определенным правилам".

Даллан Фергалл, вождь корпорации, составил свою "Амхру", или "Похвалу Колумбокилле", в знак благодарности от всего ордена. В то, что произведения кельтских поэтов обладали реальными литературными достоинствами, мы можем поверить благодаря Спенсеру. Автор "Королевы Фейри" не был другом ирландцев, которых он помогал грабить и уничтожать при Елизавете. Он мог судить об их книгах только по английским переводам, не будучи достаточно знаком с языком, чтобы понять его тонкости. Тем не менее он вынужден был признать, что их поэмы "отличались милым остроумием и хорошей выдумкой, но не отличались красивыми украшениями поэзии; однако они были осыпаны некоторыми

красивыми цветами их естественного устройства, что придавало им изящество и привлекательность".

Правда, он возражал против патриотизма их стихов и утверждал, что они "редко выбирают поступки хороших людей для аргументации своих стихов" и становятся "опасными и отчаянными в неповиновении и мятежной дерзости". Но в наших глазах это обвинение является высокой похвалой, поскольку показывает, что ирландские барды времен Спенсера восхваляли и прославляли тех, кто оказался наиболее мужественным в сопротивлении английскому вторжению и твердо стоял на стороне своего рода против власти великой королевы.

Поэту, похоже, требовалось двенадцать лет обучения, чтобы овладеть своим искусством. Одна треть этого времени посвящалась практике "Тейним Лаега", с помощью которой он обретал способность понимать все, о чем ему надлежало говорить или сказать. Следующая треть была посвящена изучению "Имаса Фороснадх", с помощью которого он мог донести свои знания до других учеников. И наконец, последние три года уходили на "дихедал", или импровизацию, чтобы в любой момент можно было заговорить в стихах на любые темы своего обучения.

Существует семь видов стиха, и поэт должен был критически разбираться в них, чтобы быть судьей своего искусства и высказывать свое мнение о представленных ему сочинениях.

Если к нему обращался царь или вождь, он должен был мгновенно рассказать семь раз по пятьдесят историй, а именно: пять раз по пятьдесят главных историй и дважды по пятьдесят второстепенных.

Главными историями были разрушения и добыча, ухаживания, сражения, плавания, трагедии и смерти, экспедиции, побеги и пожары.

Все эти литературные произведения были историческими рассказами; и они были написаны не просто для развлечения, а обладали в глазах ученых людей реальным авторитетом с точки зрения фактов. Если фантазии было позволено украсить их, то сами факты должны были оставаться неизменными в своих главных обстоятельствах. Поэтому авторы различных летописей Ирландии не стесняются цитировать многие поэмы или другие сказания в качестве авторитета для исторических фактов, о которых они рассказывают.

Такой же была и героическая поэзия у греков. Эллинские философы, историки и географы более поздних времен всегда цитировали Гомера и Гесиода в качестве авторитетов для фактов, о которых они рассказывали в своих научных трудах. Вся первая книга "Географии" Страбона, одного из самых статистических и позитивных трудов античности, имеет своей целью обоснование географии Гомера, которого Страбон, похоже, считал надежным авторитетом почти по всем возможным вопросам.

Мы не можем более подробно рассказать о кельтских историках и поэтах. Мы сказали достаточно, чтобы показать, что и те и другие выполняли важные государственные обязанности в социальной системе страны, и, не выходя за рамки, они почитались всеми как люди, имеющие большой вес и пользу для нации. Помимо того, что они занимались генеалогией и историей, сама их должность способствовала развитию любви к добродетели и препятствовала безнравственности и пороку. Они внимательно следили за поступками и наклонностями своих принцев и вождей, редко не забывая клеймить их позором, если они были виновны в преступлениях, или увенчивать их почестями, если они заслужили благосклонность нации. В Древнем Египте жрецы судили королей после их кончины, в

кельтских странах они осмеливались говорить им правду при жизни. И это оказывало самое благотворное влияние на народ; ведь, пожалуй, ни в одной другой стране восхищение образованностью, возвышенность чувств и горячая любовь к справедливости и праву не преобладали так, как в Ирландии, по крайней мере, пока она пользовалась своими исконными институтами и правительством.

Из многих предыдущих деталей читатель легко увидит, что литература кельтов имеет особенности, свойственные их расе, и предполагает умственную конституцию, редко встречающуюся среди других. Если в целом мир письменности в какой-то степени выражает общественные потребности и привычки, то у кельтов это выражение было полным и утверждало особый склад ума, полностью отданный традиционным преданиям, и никогда - философским спекуляциям и тонкостям. Мы видим в нем два элемента, замечательных своей отчетливостью. Во-первых, необычайное пристрастие к фактам и традициям, проистекающее из патриархального происхождения общества среди них; и от этого пристрастия их ум получил особую тенденцию, которая была противна теориям и утопиям. Все вещи разрешались в факты, и они редко забредали в область умозрительных заключений. Отсюда их необыкновенная адаптация к истинам христианской религии, догмы которой - это сверхъестественные факты, одновременно человеческие и божественные. Поэтому они всегда были свободны от той странной умственной активности других европейских рас, которая привела их к сомнениям, неверию, скептицизму, пока в наши дни, кажется, больше не существует никаких фиксированных принципов в качестве субстрата для религиозных и социальных доктрин.

Во-вторых, мы видим у кельтской расы редкий и уникальный всплеск фантазии, так хорошо выраженный в "*Сенчус Мор*", их великом сборнике законов, где рассказывается, что когда Святой Патрик закончил сборник законов гэлов в Ирландии, Дубтах, который был бардом, а также брегоном, "вставил в него нить поэзии". Поэзия повсюду, даже в своде законов; поэзия неотделима от их мыслей, речи, повседневных действий; поэзия стала для них реальностью, неотъемлемой жизненной необходимостью. Эта черта, безусловно, характерна и для кельтской природы.

Поэтому их литература была неотделима от искусства, а музыка и дизайн естественным образом вытекали из самых глубоких источников их души.

Музыка всегда была служанкой поэзии; и даже в наших современных языках, которые настолько искусственны и далеки от первобытного энтузиазма и естественности, ни один оперный композитор не согласился бы приспособить свои вдохновения к прозаическому *либретто*. В первобытные времена дело обстояло гораздо хуже; и можно сказать, что в те времена поэзия никогда не сочинялась, если ее не пели или не играли на инструментах. Но что никогда не наблюдалось в других местах, о чем мечтал Платон, не надеясь увидеть воплощение в жизнь, - музыка в кельтских странах стала действительно государственным учреждением, а певцы и арфисты - необходимыми служителями принцев и королей.

О том, что все кельтские племена любили ее и тщательно культивировали, свидетельствуют все древние писатели, рассказывавшие о них. Согласно Страбону, третий орден друидов состоял из тех, кого он называет *умнетами*. Какие у них были инструменты, не упоминается; и сейчас мы не можем составить никакого мнения об их прежнем музыкальном вкусе по грубым мелодиям армориканцев, валлийцев и шотландцев.

С незапамятных времен ирландские кельты владели арфой. Некоторые авторы отрицают это; на основании того, что арфа была неизвестна грекам и римлянам, а галлы времен Юлия

Цезаря, похоже, не были с ней знакомы, они делают вывод, что она не была исконно присуща ни одному из британских островов.

Но современные исследования доказали, что он определенно использовался в Эрине при первых преемниках Угейна Мора, который был монархом. -Ард-Риг - примерно в 633 году до Рождества Христова, согласно летописи Четырех Мастеров. История Лабрайда, которая кажется совершенно достоверной, полностью зависит от совершенства, с которым Крафтин играл на арфе. По крайней мере, с того времени этот инструмент стал для кельтов Ирландии вечным источником мелодий.

Чтобы судить об их мастерстве в его использовании, достаточно знать, до какой степени совершенства они его довели. Мистер Бофорд в своем гениальном и эрудированном трактате о музыке Ирландии, которую культивировали ее барды, вызывает неподдельное изумление теми открытиями, к которым привели его исследования.

Необычайное внимание, которое они уделяли выразительности и эффекту, привело к последовательным усовершенствованиям арфы, которые в конце концов сделали ее намного лучше греческой лиры. Чтобы сделать ее способной поддерживать человеческий голос в своих симфониях, они заполнили интервалы пятых и третьих долей в каждой шкале и увеличили количество струн с восемнадцати до двадцати восьми, сохранив все первоначальные хроматические тона, но уменьшив емкость инструмента; вместо того, чтобы начинаться в нижнем Е в басу, он начинался в С, на шестую долю выше, и заканчивался в G в октаве ниже; в результате инструмент стал гораздо более мелодичным и способным сопровождать человеческий голос. В двенадцатом веке Малахия О'Моргейр, архиепископ Армагский, внес в него и другие усовершенствования. Наконец, в более поздние времена его мощность была увеличена с двадцати восьми струн до тридцати трех, в таком состоянии он находится до сих пор.

До тех пор пока народ сохранял свою автономию, арфа была универсальным инструментом среди жителей Эрина. Ее можно было найти в каждом доме, она звучала везде, где собиралось несколько человек. Изученная так повсеместно, так полно и безупречно, она обеспечила ирландской музыке в средние века превосходство над музыкой всех других народов. Именно Кембренсис отмечает, что "внимание этих людей к музыкальным инструментам достойно похвалы, а их мастерство, вне всякого сравнения, превосходит любой другой народ; ведь в них модуляция не медленная и торжественная, как в инструментах Британии, а звуки быстрые и стремительные, но приятные и сладостные. Необыкновенно, что при такой быстроте пальцев сохраняются музыкальные пропорции, и искусство повсеместно присуще их сложным модуляциям, и множество замысловатых нот, столь сладостно быстрых, столь неправильных по своему составу, столь беспорядочных по своим аккордам, все же возвращаются в унисон и завершают мелодию".

Гиральдус не мог выразить себя лучше, никогда прежде не слышав никакой другой музыки, кроме англо-норманнской; но из приведенного выше отрывка ясно, что ирландское искусство превзошло все его представления.

Универсальность песен у ирландских кельтов вытекала из их природы и со временем породила все утонченности искусства. Задолго до времен Камбренсиса весь остров оглашался музыкой и весельем, а король-архиепископ Кормак Маккаллинан не мог лучше выразить свою благодарность подданным Томонда, чем воскликнуть

"Пусть наша самая верная преданность всегда будет отдана
храбрым и щедрым кланам Тала;

И вечно королевская власть покоится вместе с их племенем,
И добродетель, и доблесть, и музыка, и песня!"

Задолго до Кормака мы находим то же самое веселое ликование в кельтском характере, выраженное в прекрасном и хорошо известном отрывке из жития святой Бриджит: Будучи еще неизвестной девушкой, она случайно вошла в жилище какого-то провинциального короля, который в то время отсутствовал, и, взяв в руки арфу, ее пальцы забегали по аккордам, а голос возвысился в песне и ликовании, и вся семья королевских детей, возбужденная радостной гармонией, окружила ее, сразу же стала с ней знакома и относилась к ней как к старшей сестре, которую они могли знать всю свою жизнь; так что король, вернувшись, нашел весь свой дом в беспорядке, наполненный музыкой и ликованием.

Таким образом, весь остров оставался в течение долгих веков. За всю историю человечества такого не было ни с одним другим народом. Платон, несомненно, мечтая о республике, имел в виду нечто подобное, когда хотел создать гармонию как социальный и политический институт. Но он мало задумывался о том, что, когда он мечтал и писал, или очень скоро после этого, сам объект его догадок уже существовал или вскоре должен был существовать в реальности на самом западном острове Европы.

До времени Колумбы даже церковь примирилась с бардами и арфистами, и, согласно красивой легенде, сам Патрик разрешил Ойсину или Оссиану и его последователям петь хвалу древним героям. Но Колумкилл завершил примирение религиозного духа с бардовским влиянием. Музыка и поэзия отныне отождествлялись с церковной жизнью. Монахи и могильные епископы играли на арфе в церквях, и говорят, что это странное зрелище удивило первых норманнских захватчиков Ирландии. Говоря словами Монталембера, так хорошо подходящими к нашей теме: "Ирландская поэзия, которая во времена Патрика и Колумбы была столь могущественной и популярной, в стране Оссиана уже давно подверглась той же участи, что и религия, апостолами которой были эти великие святые. Укоренившись, как и она, в сердце покоренного народа, подвергаясь запретам и гонениям с неутомимым рвением, она все время выходила заново из кровавой борозды, в которой должна была быть погребена. Барды стали самыми могущественными союзниками патриотизма, самыми смелыми пророками независимости, а также излюбленными жертвами жестокости губителей и завоевателей. Они сделали музыку и поэзию оружием и оплотом против иностранного гнета, и угнетатели использовали их так же, как священников и дворян. За их головы была назначена цена. Но пока последние отпрыски королевских и знатных родов, уничтоженные или разоренные в Ирландии, уходили умирать под чужим небом, среди страданий изгнания, наследника бардов, менестреля, которого ничто не могло оторвать от родной земли, преследовали, отслеживали, отбирали, как дикого зверя, или заковывали в цепи и убивали, как самого опасного из мятежников.

"В анналах жестокого законодательства, направленного англичанами против ирландского народа, как до, так и после Реформации, на каждом шагу встречаются специальные наказания против менестрелей, бардов и рифмоплетов, которые поддерживали лордов и джентльменов..."

"Тем не менее арфа осталась эмблемой Ирландии даже на официальных гербах Британской империи, и в течение всего прошлого века странствующего арфиста, последнего и жалкого преемника бардов, защищенного Колумбой, всегда можно было встретить рядом со священником, чтобы совершить святые таинства запрещенного культа. Его не переставали с

нежным уважением принимать под соломенной крышей бедного ирландского крестьянина, которого он утешал в его страданиях и угнетении пронзительной нежностью и торжественной сладостью музыки его отцов."

Может ли какое-либо наше выражение представить в более ярком свете кельтский ум и сердце, как они изображены в этих родных элементах музыки и литературы? Может ли что-то более убедительно отобразить реальный характер расы, материализованный, так сказать, в ее внешних институтах? Мы были правы, говоря, что ни у одной другой расы то, что обычно является простым украшением нации, не было возведено в достоинство социального и политического инструмента, как это было у кельтов. Поэтому гонения и притеснения не смогли его уничтожить, и кельтская натура и сегодня остается традиционной, полной веры и в то же время поэтичной и импульсивной, как и тогда, когда эти великие черты расы были в полной силе.

Помимо музыки, нашего внимания заслуживают и некоторые другие отрасли искусства, в частности архитектура, дизайн и каллиграфия, представляющие собой невиданные нигде особенности и позволяющие нам еще лучше понять характер кельтской расы. Но наши рамки требуют воздержаться от того, что может показаться излишним и ненужным.

Поэтому мы поспешим рассмотреть еще одну область нашего исследования, которая может считаться первостепенной по отношению ко всем остальным и с рассмотрения которой мы могли бы начать эту главу, только ее важность будет лучше понята после того, что уже было сказано. Это главная характеристика, которая настолько идеально вписалась в кельтский ум и способности, что долгие века самых неблагоприятных обстоятельств, можно сказать, целый сонм противоположных влияний не смогли заставить кельтов полностью отказаться от нее. Мы имеем в виду клановую систему, которая как система, действительно, исчезла три века назад, но которая, можно сказать, все еще существует в духе клана, столь же пылком, как и раньше.

Несомненно, что патриархальное правление было первым, установленным среди людей. Отец управлял семьей. Пока он был жив, он был законодателем, жрецом, хозяином; его власть признавалась абсолютной. Его дети, даже вступив в брак, оставались в определенной степени его подданными. Но каждый из них в свою очередь становился главой небольшого государства, управляемого с первобытной простотой первой семьи.

На Востоке, как показывает история, на смену патриархальному правлению сразу же пришел обширный и полный деспотизм. Миллионы людей вскоре становились жалкими рабами безответственного монарха. Ассирия, Вавилония, Египет сразу же появляются в истории как могущественные государства, находящиеся во власти деспота, чья воля была законом.

Но в других, более благоприятных странах, на смену семье пришло племя, простое развитие первого, скопление людей одной крови, которые могли проследить свою родословную до признанного главы; обладая, следовательно, вождем той же расы, наследственным или выборным, в соответствии с изменчивыми правилами, всегда основанными на традиции. Так было у евреев, у арабов, у которых эта система до сих пор преобладает; даже в Индостане, где современные исследования выявили способы владения собственностью, предполагающие ту же систему, она кажется примитивной.

Но особенно это касается кельтов, где эта система просуществовала до недавнего времени и может быть лучше известна во всех своих деталях. Действительно, их приверженность ей, несмотря на все препятствия, которые могли бы ей противостоять, показывает, что она была

для них естественной, отвечала всем их склонностям, была единственной системой, которая могла удовлетворить и сделать их счастливыми; следовательно, это характерная черта расы.

Было время, когда система, о которой мы говорим, господствовала на многих землях, от западной части Ирландского моря до подножия Кавказа. Везде в этих пределах она имела одни и те же общие черты; только в Ирландии она сохранилась во всей своей силе до начала семнадцатого века, настолько она была укоренена в ирландской крови. Следовательно, там она может быть изучена лучше. Поэтому то, что мы расскажем, будет в основном получено из изучения ирландских обычаев, хотя другие гэльские племена также предоставят нам данные для наших наблюдений.

В странах, где господствовала клановая система, территория была поделена между кланами, каждый из которых занимал определенный район, который редко увеличивался или уменьшался. Это особенно заметно в Палестине, в древней Галлии, на Британских островах. Поэтому целью их враждебных столкновений всегда была движимая добыча любого рода, главным образом скот, а не завоевание или присоединение территории. Слово "добыча", которым обычно называют их экспедиции, сразу же объясняет их природу. Только в случае исчезновения клана изменялся рельеф местности, и часто происходил общий передел земель между соседними племенами.

Правда, когда избыток населения вынуждал их отправлять за границу стаи своей молодежи, завоевание чужой страны становилось абсолютной необходимостью. Но в таких случаях они распространялись за пределы кельтских границ, захватывая чужую территорию. Они почти всегда уважали земли других кланов той же расы, даже если те были настроены к ним крайне враждебно; исключения из этого правила крайне редки. Именно поэтому они отправляли большие армии своих молодых людей в Северную Италию, вдоль Дуная, в греческую Албанию и Фракию, и, наконец, в самый центр Малой Азии. Поэтому закрепление географического положения каждого племени было для них правилом, и в этом они отличались от кочевых народов, таких как татары в Азии и даже североамериканские индейцы, чья власть над землей была слишком слабой, чтобы оказывать длительное сопротивление захватчикам. Поэтому положение галльских городов было определенным и, так сказать, незыблемым, в чем мы можем убедиться, изучив карты древней Галлии в любое время до ее полного завоевания римлянами; не то происходит с германскими племенами, чье положение на картах должно меняться в зависимости от времени.

Мы уже видели, что границы родовых округов были настолько священны, что одной из главных обязанностей олламов и шаначей было знать их и следить за их сохранением.

Но если у кельтских народов территория была определена, то право на владение землей различалось у вождя и кланмена. Глава племени имел определенный участок, закрепленный за ним в силу его должности, и только до тех пор, пока он им владел; кланмены владели остальной частью совместно, ни за кем из них не было закреплено конкретного участка.

Поэтому, если говорить о землевладении, среди кельтов не было ни богатых, ни бедных; богатство лучших из них состояло из скота, домашней мебели, денег, драгоценностей и другого движимого имущества. Во времена святого Колумбы владелец пяти коров считался очень бедным человеком, хотя он мог отправить их пастись на любую свободную землю своего племени. Нет сомнений, что почти непреодолимая трудность земельного вопроса в это время возникла из-за привязанности людей к старой системе, которая еще не исчезла в их привязанностях; и, конечно, многие "аграрные бесчинства", как их называют, имели своим источником традиции народа, когда-то привыкшего свободно передвигаться и действовать на свободной территории.

Нет необходимости привлекать внимание читателя к другому следствию такого положения вещей, а именно к сохранению территориальных владений. Поскольку ни один человек среди них не мог отчуждать свою часть, ни один человек или семья не могли поглотить территорию, исключив других; следовательно, не могло существовать большой земельной аристократии, и ни одна часть земли не могла перейти путем покупки или каким-либо другим способом к другому племени или чужой расе. Сила оружия иногда приводила к временным изменениям, не более того. По такому же принципу сохранились небольшие индейские племена, до сих пор существующие в Канаде. Их "резервации", как они называются, были узаконены британским правительством во время завоевания Канады у французов, и отведенная им территория навсегда осталась бы в их владении среди постоянно меняющихся владений белой расы, если бы парламент Оттавы недавно не "разрешил" разделить эти резервации между семьями племен, предоставив каждому право распоряжаться своей частью, что вскоре приведет к их изгнанию из страны их предков.

Предыдущие замечания нисколько не противоречат тому, что обычно говорят о наследовании по "типу молотка", при котором имущество делилось поровну между сыновьями, исключая дочерей; поскольку ясно, что имущество, подлежащее такому разделу, было только движимым и личным.

Но после *земли* мы должны рассмотреть *людей* в рамках клановой системы. В этой главе мы рассмотрим их вкратце:

I. Политические должности, такие как Ард-Риг или верховный монарх, провинциальные короли и подчиненные вожди.

II. Положение простого народа.

III. Кабальеро или рабы.

Все литературные или гражданские должности, но не политические, были наследственными. Поэтому профессии оллама, шаначи, барда, брехона, врача переходили от отца к сыну - весьма неблагоприятное решение, но, тем не менее, в Ирландии оно, кажется, хорошо работало. Однако, как ни странно, эти различные классы не образовывали каст, как в Египте или Индии, потому что никому не мешали заниматься этими профессиями, даже если он не был рожден для них; и, в конце концов, успех в учебе был единственным условием для достижения высшей ступени литературной или профессиональной лестницы, как в Китае.

Но более странной и опасной особенностью этой системы было то, что на политических должностях достоинства были наследственными для семьи и выборными для человека. Таким образом, титул Ард-Риг или верховного монарха не обязательно переходил к старшему сыну бывшего короля, но другой член той же семьи мог быть избран на этот пост и даже назначался на него при жизни фактического владельца, становясь, таким образом, *танистом* или наследником. Каждый с первого взгляда видит бесчисленные недостатки такого института, и надо сказать, что большинство кровавых преступлений, вошедших в историю Ирландии, было совершено именно из-за него.

На первый взгляд, достоинство верховного монарха при клановой системе кажется почти синекурой, поскольку власть его была крайне ограничена, а в отношениях с подчиненными королями его обычно сравнивают с митрополитом и епископами-суфраганами в церкви. Тем не менее, все кельтские народы, по-видимому, придавали ему большое значение, и настоящие несчастья Ирландии начались, когда борьба за этот пост достигла такого

размаха, что народ разделился в своей верховной преданности, и ни один Ард-Риг не был признан всеми одновременно; это произошло как раз в период вторжения Стронгбоу.

Несколько фактов из истории различных ветвей кельтской семьи, ставших известными в последнее время, сразу же показывают, насколько высоко все кельты, где бы они ни жили, почитали достоинство верховного монарха. Он существовал, как мы уже говорили, во всех кельтских странах, а значит, и в Галлии; и отрывок из "Комментариев" Юлия Цезаря, посвященный этому вопросу, слишком важен, чтобы его полностью пропустить.

Отметив в одиннадцатой главе "De Bello Gallico", lib. vi, что в Галлии вся страна, каждый город или клан, каждое его подразделение, вплоть до отдельных домов, представляли собой странное зрелище двух партий, "фракций", всегда находящихся рядом и противостоящих друг другу, он говорит в главе XII. К моменту прибытия Цезаря в Галлию *эдуи* и *секваны* боролись за верховную власть: "Последний *civitas-clan*, а именно секваны, уступая в силе - поскольку с незапамятных времен верховная власть принадлежала *эдуям* - призвал на помощь германцев под началом Ариовиста, заручившись большими преимуществами и обещаниями. После многих успешных сражений, в которых погибла вся *эдуйская* знать, секваны приобрели такую силу, что собрали вокруг себя наибольшее число союзников своих соперников, заставили *эдуев* отдать в заложники детей своих погибших вельмож, поклясться, что они не будут ничего предпринимать против своих завоевателей, и даже завладели частью их территории, получив таким образом верховную власть над всей Галлией".

Из этого отрывка мы видим, что в руках одного человека находилось главенство над всем народом. У победившего племени был вождь, которому принадлежало это главенство. Цезарь, правда, не говорит о монархе как о личности, а приписывает власть "*цивитас*", племени. Однако хорошо известно, что у каждого племени был свой глава, и что в кельтских странах власть никогда не принадлежала телу людей, собранию, комитету или совету, как мы говорим в наше время, а вождю, какой бы степени он ни был.

Автор "Комментариев" был римлянином, в чьих глазах государство было всем, а фактический чиновник, диктатор, консул или претор - всего лишь инструмент на короткое время; и он, как и большинство его соотечественников, был слишком склонен судить о других народах по своему собственному.

Из процитированного отрывка можно сделать вывод, что в Галлии, как и в Ирландии, существовал верховный монарх, и современные историки Галлии это признают.

Но есть еще более странный факт, который совершенно невозможно объяснить, если не исходить из того, что кельты повсеместно придавали верховному сану чрезвычайное, если не абсолютное значение в своей политической системе.

Чтобы придать ему то значение, которого он заслуживает, мы должны обратиться к последующему событию в истории кельтов в Британии, поскольку оно произошло там через несколько столетий после Цезаря, и процитируем слова Огюстена Тьерри, который рассказывает о нем:

"После отступления легионов, отозванных в Италию для защиты центра империи и самого Рима от нашествия готов, бритты перестали признавать власть иностранных правителей, поставленных над их провинциями и городами. Исчезли формы, должности, сам дух и язык римской администрации; вместо них была восстановлена традиционная власть родовых вождей, ранее упраздненная римской властью. Древние генеалогии, бережно сохраненные

поэтами, которых на британском языке называли *bairdd* - барды, помогли выявить тех, кто мог претендовать на звание вождей племен или семей, а племя и семья в их языке были синонимами; родственные узы составляли основу их социального государства. Люди самого низкого сословия в этом народе сохраняли в памяти длинную линию своих предков с тщательностью, едва ли известной другим народам, среди высших лордов и принцев. Все британские кельты, бедные или богатые, должны были установить свою генеалогию, чтобы в полной мере пользоваться своими гражданскими правами и обеспечивать свои притязания на собственность на территории племени. Принадлежа целиком к первобытной семье, никто не мог претендовать на землю, если его родство не было хорошо установлено.

"На вершине этого социального порядка, представляющего собой федерацию мелких наследственных суверенитетов, бритты, освободившись от римской власти, создали высокий национальный суверенитет; они создали вождя вождей, на их языке называемого *Пентейрн*, то есть *короля всего*, на языке их старых летописей. И они сделали его выборным - таков же был раньше обычай в Галлии. -Цель заключалась в том, чтобы ввести в их систему своего рода централизацию, которая, однако, всегда была слабой среди кельтских племен" (*Conquete de l'Angleterre*, liv. i.).

Для нас очевидно, что если бритты *и представляли собой* верховную власть, когда освободились от римского ига, то только потому, что обладали ею до того, как попали под это иго. Поэтому можно с уверенностью заключить, что в Британии, Галлии и Ирландии существовал верховный монарх; а поскольку бритты, утратив на несколько столетий самостоятельность в управлении, решили восстановить эту верховную власть, как только получили свободу, очевидно, что они придавали ей реальное значение и что она входила как важнейший элемент в социальную структуру.

Но какова же в действительности была власть Ард-Рига в Ирландии, Пентейрна в Британии, верховного вождя в Галлии, имя которого, как обычно, не упоминается Цезарем?

Во-первых, следует отметить, что определенная территория всегда находилась под его непосредственной властью. Затем, насколько мы можем судить по истории, между верховной властью и подчиненными королями или вождями существовали взаимные обязательства: первые предоставляли субсидии вторым, которые, в свою очередь, платили дань, чтобы поддержать щедрость или военную мощь первых.

Из ирландских анналов мы знаем, что достоинство Ард-Рига всегда поддерживалось союзами с одними провинциальными королями, чтобы обеспечить подчинение других, и у нас есть намек на ту же природу в уже цитированном отрывке из Цезаря, что это также происходило в Галлии.

Из "Книги прав" мы также знаем, что дань и жалованье состояли из кабалы, серебряных щитов, вышитых плащей, скота, оружия, кукурузы, продуктов питания или любых других взносов.

Кроме того, Ард-Риг созывал *Фейс*, или общее собрание нации, каждый третий год; сначала в Таре, а после того, как Тара была оставлена на произвол судьбы в результате проклятия святого Руадана в шестом веке, там, где верховный монарх устанавливал свою резиденцию.

Порядок наследования верховной власти был самым слабым местом ирландской конституции и стал причиной наибольшей части бедствий нации. Теоретически преемником монарха становился старший сын - по некоторым данным, старший родственник, если у него

не было изъятий, представляющих собой коренной недостаток: верховная власть, однако, чередовалась в двух семьях. Для обеспечения престолонаследия наследник всегда объявлялся при жизни верховного короля; но это конституционное устройство вызвало, возможно, больше преступлений и войн, чем любой другой социальный институт у кельтов. Правда заключается в том, что после того, как наследник, поддерживаемый каким-нибудь провинциальным королем, вытеснял царствующего монарха, один из провинциальных вождей претендовал на корону и наследовал ее насильственным путем.

Однако общее правило, согласно которому монарх должен был принадлежать к роду Миледа, соблюдалось почти без исключений. Сто восемнадцать государей, согласно летописям, хранящимся во рву, управляли всем островом со времен милезийского завоевания до святого Патрика в 432 году. Из них шестьдесят принадлежали к роду Херемона, обосновавшемуся в северной части острова; двадцать девять - к потомству Хебера, обосновавшемуся на юге; двадцать четыре - к роду Ира; трое происходили от Лугайда, сына Ита. Все они принадлежали к роду Миледа; только один был *фирболгом*, или плебеем, и одна женщина.

Конечно, очень примечательно, что на протяжении столь долгого времени - почти две тысячи лет, по мнению лучших хронологов, - Ирландией правили принцы одной и той же семьи. Этот факт не имеет аналогов в истории и свидетельствует о том, что народ был крепко привязан к своей конституции, какой она была. Она вызывала восхищение сэра Джона Дэвиса, генерального прокурора Якова I, а позднее - лорда Коука.

Функции провинциальных королей Ольстера, Мюнстера, Лейнстера и Коннаута в своих округах были такими же, как и у Ард-Рига, осуществлявшего власть над всей страной. Они также враждовали и заключали союзы с нижестоящими вождями, а в мирные времена между ними существовали взаимные обязательства. Высшие вожди дарили подарки, низшие - дань; совещания на собраниях, взаимные соглашения по защите общества, войны против общего врага порождали среди них традиционные правила, которым обычно следовали, или периодические разногласия.

Иногда в провинции было два короля, в основном в Мюнстере, который часто делился на север и юг. У каждого короля был свой наследник, такой же, как и монарх. Более того, у каждой наследственной должности, помимо ее фактического обладателя, был свой танист с правом наследования. Таким образом, причины для раздоров и междоусобиц без нужды множились; тем не менее все кельтские племена упорно придерживались всех тех институтов, которые, казалось, были заложены в самой их природе и способствовали укреплению традиционного духа в их среде.

Различные должности и присущие им права проистекали из преобладающего во всем мире семейного или родового уклада. Генеалогии и традиции управляли всем, и, как мы видели, давали их ученым людям самую важную роль и функцию в социальном государстве; таким образом, то, что греческие и латинские авторы, в основном Юлий Цезарь, рассказали нам о кельтских друидах, буквально верно и для олламхов в их различных степенях.

Но родовой дух проявлялся, прежде всего, в авторитете и правах каждого вождя на своей территории. Он был истинным патриархом всех подчиненных ему, признанным главой рода, избранным всеми на этот пост после смерти своего предшественника, после должных консультаций с файлами и шаначи, которым вверялось хранение законов, управляющих кланом, и сохранение прав всех в соответствии со строгим порядком их генеалогий и традиционных правил, которые должны были соблюдаться.

Власть вождя была огромна, хотя и ограничена со всех сторон законами и обычаями. В ее основе лежала глубокая привязанность к родственникам, столь пылкая в кельтской природе. Все члены клана были кровно связаны с главой племени, и каждый из них лично гордился успехом его начинаний. Ни один феодал не мог ожидать от своих вассалов подобной самоотдачи; ведь в феодализме главной движущей силой было чувство чести, в клане - семейная привязанность.

В клановости типом была не армия, как в феодализме, а семья. Такая система, несомненно, порождала множество неудобств. "Разрушение всякой общей власти, - говорит преподобный Дин Батлер (Введение к "Анналам" Клайна), - и умножение мелких независимых княжеств было злоупотреблением, *сопутствующим* феодализму; оно было *присуще* самой сути патриархального или семейного строя. Он начался, как и закончился феодализм, с небольших независимых обществ, каждое из которых имело свой отдельный центр притяжения, каждое группировалось вокруг лорда или вождя, и каждое скорее отталкивало, чем привлекало все подобные общества. И все же это было не без преимуществ. Если феодализм давал больше сил для нападения на врага, то клановость обеспечивала больше счастья дома. Первое подразумевало лишь равенство для немногих, крепостное право или даже рабство для многих; второе давало ощущение равенства для всех".

Несомненно, именно это чувство равенства, соединенное с чувством родства, не только обеспечивало больше счастья кельтам, но и так тесно связывало дворянство страны с низшими сословиями и вызывало у этих последних столь горячую привязанность к своим вождям. Клановость, таким образом, придала особый характер всей расе, и ее влияние было настолько длительным и, похоже, неистребимым, что это можно наблюдать в народе и по сей день.

Везде, где ранее преобладал феодализм, в настоящее время мы замечаем страшную ненависть, существующую между двумя классами одной и той же нации; и подавляющее большинство современных революций берет свое начало в этом ужасном антагонизме. Подобного никогда не было и не могло быть в кельтских странах; и если бы Англии после многовекового противостояния не удалось в конце концов уничтожить или изгнать всю аристократию Ирландии, мы, несомненно, и по сей день могли бы наблюдать ту нежную привязанность между высшими и низшими, богатыми и бедными, которая существовала на острове в прежние века.

Таким образом, это не только придавало народу особый характер, но и давало каждому подчиненному вождю огромную власть над своим кланом; и вряд ли во всей истории страны можно найти хоть один пример того, как члены клана отказывались повиноваться своему вождю, разве что в случае с великими преступниками, поставленными своими злодеяниями под запрет общества в прежние времена и под запрет церкви, с тех пор как среди них утвердилась христианская религия.

Предыдущие наблюдения дают нам представление о состоянии людей в кельтских странах. Однако, поскольку мы знаем, что рабство среди них существовало, мы должны рассмотреть, что это было за рабство и как скоро оно исчезло, не пройдя, как в остальной Европе, через испытание крепостным правом.

Прежде всего, мы не можем, как некоторые, называть рабами покоренные расы и бедных милезийцев, которые, согласно древним анналам Ирландии, подняли восстание и установили своего короля в течение, как предполагается, первого века христианской эры. *Аттакотты*, как их называли, были не рабами, а бедными земледельцами, вынужденными

платить большую ренту: само их название на кельтском языке означает "племя или народ, платящий ренту". Их угнетение никогда не достигало той степени страданий, от которых в наши дни стонут ирландские мелкие фермеры. Ведь, согласно истории, они могли за три года приготовить из своих излишков большой пир, на который приглашали монарха и всех его вождей со свитой, чтобы по окончании пира быть вероломно убитыми. Для такого чудовищного пира потребовалась большая равнина Магх Кро, ныне Мой Кру, близ Нокмы, в графстве Голуэй; изобилие мяса, деликатесов и напитков, конечно же, было необходимо для развлечения такого количества высокородных и атлетически сложенных гостей, и пир продолжался девять дней. Кто может предположить, что в наше время свободные коттеджеры целой провинции Ирландии, содержа свои семьи и выплачивая ренту, могли бы даже за три года выделить деньги и средства, необходимые для удовлетворения потребностей такого случая? Но простое изложение факта доказывает, по крайней мере, что аттакотты не были рабами, а всего лишь низшей кастой, лишенной многих гражданских прав и вынужденной платить налоги на землю, вопреки всеобщему обычаю кельтских стран.

Цезарь, правда, утверждает, что среди кельтов в Галлии существовало настоящее рабство. Но внимательное изучение короткого отрывка из его "Комментариев", на котором основано это мнение, докажет нам, что рабство, о котором он упоминает, сильно отличается от того, что существовало у всех других народов древности.

"Во всей Галлии, - говорит он, - есть два класса людей, которые пользуются всеми почестями и общественным положением в государстве: друиды и рыцари. На плебеев смотрят почти как на рабов, не принимающих никакого участия в общественных делах. Многие из них, обремененные долгами, обложенные большими налогами или угнетаемые высшим классом, отдаются в рабство знати, и тогда, *in hos eadem omnia sunt jura quoe dominis in servos*, знатные господа властвуют над ними, как мы, господа, над своими рабами".

Из этого же отрывка ясно, что среди кельтов не существовало такого подневольного класса, как у римлян и других народов древности. Плебеи, как их называет Цезарь, то есть простые родовитые люди, не занимали никаких должностей в государстве, не созывались на народные собрания, и поэтому, по мнению писателя, были никем. Но само название, которое он им дает, - *плебс* - показывает, что они были не более настоящими рабами, чем римский плебс. Они осуществляли свои функции в государстве посредством выборов, и Цезарь не знал, что они могли достичь государственных должностей, приложив усилия к обучению и получив *сан* файта, или шаначи, или брехона, по крайней мере, в Ирландии: и это давало им непосредственное участие в государственных делах.

Он добавляет, что долги, налоги и притеснения вынуждали многих из них отдавать себя в рабство, и тогда они были среди кельтов тем же, чем рабы были среди римлян.

Это утверждение Цезаря требует некоторого изучения. О том, что среди гэлов, особенно в Ирландии, были рабы, мы знаем из нескольких отрывков старых писателей, сохранившихся в различных летописях этой страны. Сам святой Патрик в молодости был там рабом, и из его истории и других источников мы узнаем, как обычно добывали рабов, а именно, путем пиратских экспедиций к берегам Британии или Галлии. В языческие времена ирландские *кураги* отправлялись с восточных или южных берегов острова и, высаживаясь на континенте или на каком-нибудь британском острове, захватывали женщин, детей и даже мужчин, если экипаж судна был достаточно силен, чтобы одолеть их; затем пленников везли в Ирландию и продавали там. Они теряли свои права, низводились до состояния "движимого имущества" и, таким образом, становились настоящими рабами. Среди подарков, сделанных вышестоящим вождем нижестоящему, упоминаются кабальеры и кабатчики. Нас это не

удивляет, ведь то же самое происходило и в древнейших патриархальных племенах Востока, а Библия знакомит нас с мужскими и женскими слугами Авраама, Исаака и Иакова, которые также называются кабальеро и кабатчиками. Таким образом, среди кельтов рабы были двух видов: украденные у чужих племен и те, кто как бы продал себя, чтобы избежать более тяжелого гнета: именно о последних упоминает Цезарь.

Численность первого класса всегда была очень мала, по крайней мере, в Ирландии и Британии, поскольку пиратские походы кельтских племен, населявших эти страны, почти всегда совершались на каррагах, которые могли привезти из чужой страны лишь несколько таких несчастных.

Что касается другого класса, то, что бы ни говорил Цезарь об их численности в Галлии, считая ее состоящей в основном из плебеев или простых сородичей, мы не сомневаемся, что он ошибался, и что число настоящих рабов, доведенных до такого состояния их собственными действиями, должно быть, всегда было необычайно мало.

Как иначе можно объяснить многочисленные армии, собранные галльскими вождями против власти Рима, или британских и ирландских лордов в их непрерывных междоусобных войнах? В обоих случаях воюющие кланы были, безусловно, свободными людьми, сражавшимися с решимостью, которую может дать только свобода, и этого соображения самого по себе достаточно, чтобы показать, что огромная масса кельтских племен никогда не была обращена в рабство или даже в крепостную зависимость.

Более того, весь ход ирландских летописей доказывает, что рабство никогда не охватывало ни одного заметного класса кельтского населения; оно всегда оставалось индивидуальным и домашним, никогда не угрожало безопасности государства, не вело к мятежам и гражданским беспорядкам, не требовало ни бдительности, ни даже заботы со стороны хозяев и лордов.

История Либрана, записанная в житии святого Колумбы, настолько уместна для нашей цели и так хорошо подходит для того, чтобы дать нам верное представление о том, каким было добровольное рабство среди кельтских племен, что мы приведем ее целиком словами Монталембера:

"Однажды Колумбе в Ионе объявили, что из Ирландии только что высадился незнакомец, и Колумба отправился встречать его в дом, отведенный для гостей, чтобы поговорить с ним наедине и расспросить его о месте жительства, семье и причине его путешествия. Незнакомец рассказал, что предпринял это мучительное путешествие, чтобы в изгнании, под монашеским постригом, искупить свои грехи. Колумба, желая убедиться в реальности его покаяния, нарисовал самую отталкивающую картину тягот и сложных обязательств новой жизни. "Я готов, - сказал незнакомец, - подчиниться самым жестоким и унижительным условиям, которые ты можешь мне приказать". И, сделав признание, он поклялся, все еще стоя на коленях, выполнить все требования покаяния. "Хорошо, - сказал аббат, - теперь встань с колен, сядь и слушай. Сначала ты должен семь лет каяться на соседнем острове Тирче, после чего я снова увижу тебя". Но, - сказал кающийся, все еще мучимый угрызениями совести, - как я могу искупить лжесвидетельство, о котором я еще не говорил? Перед тем как покинуть свою страну, я убил бедняка. За это преступление меня ждала смертная казнь, и я уже сидел в кандалах, когда один из моих родственников, очень богатый человек, освободил меня, заплатив требуемую сумму. Я поклялся, что буду служить ему всю жизнь; но, прослужив несколько дней, я отказался от него, и вот я здесь, несмотря на свою клятву". На это святой добавил, что он будет допущен к пасхальному причастию только после семи лет покаяния.

"Когда они были завершены, Колумба, причастив его своей рукой, отправил его обратно в Ирландию к своему покровителю, взяв с собой меч с рукояткой из слоновой кости в качестве выкупа. Однако покровитель, движимый мольбами своей жены, помиловал кающегося без выкупа. "Почему мы должны принимать цену, которую прислал нам святой Колумба? Мы недостойны ее". Просьба такого заступника должна быть удовлетворена безвозмездно. Его благословение сделает для нас больше, чем любой выкуп". И тут же он отстегнул от пояса пояс, которым в Ирландии принято освобождать пленников или рабов. Кроме того, Колумба приказал своему кающемуся оставаться со своими старыми отцом и матерью, пока он не окажет им последние услуги. Выполнив это, братья отпустили его, сказав: "Да не позволим мы себе задерживать человека, который семь лет трудился ради спасения своей души со святым Колумбой!" Он вернулся на Иону, захватив с собой меч, который должен был стать его выкупом. Отныне ты будешь называться Либраном, ибо ты свободен и освобожден от всех уз", - сказал Колумба; и он немедленно принял от него монашеский постриг".

Итак, рабство в Ирландии сохранялось и после принятия христианства, но как оно отличалось от рабства в других европейских странах, для уничтожения которого потребовалось столько веков и которое должно было пройти столько разных стадий! Хотя мы не можем точно знать, когда рабство было полностью отменено у кельтов, полное молчание современных летописей по этому вопросу оправдывает мнение, что датчане, впервые высадившись, не нашли в стране настоящих рабов; и если сами датчане угнетали народ везде, где устанавливали свою власть, они не могли сделать из рабства социальный институт. Оно никогда не было чем-то большим, чем просто домашним укладом; оно не могло стать государственным делом, как у народов древности.

Поэтому в родовых племенах, особенно у кельтов, личная свобода самого низшего сородича была правилом, а лишение индивидуальной свободы - исключением. Поэтому нравы народа были полностью свободны от унижительной покорности рабов и холопов у других народов - унижительного отношения низшего класса к вышестоящим, которое сохраняется и по сей день среди крестьянства Европы, и которого никогда не знали патриархальные народы. Нормандские захватчики Ирландии в двенадцатом веке были поражены легкой свободой манер и речи народа, столь отличной от той, что была у низших сословий в феодальных странах. Вскоре им это даже понравилось, и высокомерные последователи Стронгбоу с готовностью перенимали одежду, привычки, язык и добродушие кельтов, среди которых они оказались.

И здесь уместно показать, какие социальные склонности и привычки были естественным результатом клановой системы, чтобы стать характерными для расы и сохраниться навсегда, по крайней мере, до тех пор, пока существует сама раса. Бесхитростное семейное состояние септов естественным образом развивало специфически социальные чувства, гораздо менее сложные, чем у народов, созданных более искусственно, но гораздо более глубокие и прочные. В самой природе ума этих племен должна была быть большая простота идей и, как следствие, необычайная стойкость убеждений и воли. Здесь нет сложной и систематической комбинации политических, моральных и социальных взглядов, а есть лишь несколько жизненных аксиом, которых придерживаются с восхитительной энергией; поэтому мы видим единство цели, единство национального и религиозного чувства среди всех представителей племени.

Поскольку среди них нет ничего сложного и систематизированного, политическая система должна быть предельно простой и полностью опираться на семью. И если идеи семьи столь же абсолютны, сколь и просты, то и политическая система становится абсолютной и прочной; без улучшений, правда, но и без постоянных изменений, которые приносят

страдания вместе с революцией вдумчивым, рефлексирующим и систематическим нациям. Какое ужасающее количество несчастий принесла французам не логика, как ее называют! Именно во имя логических и метафизических принципов сто лет назад была разрушена ткань общества, чтобы освободить место для того, что тогда называлось более рационально построенным зданием; но новое здание еще не закончено, и одному Богу известно, когда оно будет закончено!

Несколько аксиом, лежащих в основе кельтского разума в отношении правительства, гораздо предпочтительнее, потому что гораздо больше способствуют стабильности, а следовательно, миру и порядку, какими бы ни были местные волнения и временные распри и раздоры. Отсюда мы видим постоянство верховной власти в одной семье у кельтов на протяжении стольких веков, несмотря на постоянную борьбу за эту верховную власть. Отсюда и неизменность территориальных границ, несмотря на постоянные междоусобицы, хотя территория была закреплена не за какой-либо конкретной наследующей семьей, а за чисто моральным существом, называемым кланом или септом.

Что касается нравственных и социальных чувств в этих племенах, то они не черпаются холодно из разума и не навязываются сурово внешним законом в виде аксиом и постановлений, как это было в основном в Спарте и как это до сих пор происходит в Китайской империи; но они стремительно вырываются из импульсивных и любящих сердец и распространяются, как живые воды, которые никакие искусственно высеченные камни не могут оградить и ограничить, но которые должны свободно распространяться в земле, которую они удобряют.

Глубокая привязанность лежит у них в основе всех нравственных и социальных чувств; а поскольку все эти чувства, даже национальные и патриотические, сливаются с настоящими домашними чувствами, среди них должна существовать большая чистота нравов, и ничто так не способствует этому, как семейные привязанности.

А когда эти чисто естественные склонности возвышаются до уровня сверхъестественных благодаря боговдохновенному кодексу, благодаря возвышенной христианской чистоте, то на земле не найти ничего более прекрасного и восхитительного. Целомудрие всегда привлекательно для чистого сердца; патриархальная бесхитрость становится священной даже для развращенного, а то и вовсе ожесточенного человека.

Конечно, мы не претендуем на то, что это счастливое положение вещей не имеет исключений, что свет не имеет тени, красота не имеет случайных изъянов. Мы говорим об общем или, по крайней мере, о большинстве случаев, ибо совершенство не может принадлежать этому миру.

И все же мистицизм полностью отсутствует в таком моральном и религиозном состоянии, возможно, из-за скудости идей, которыми управляет сердце, а возможно, и из-за бесхитростной простоты, которая характеризует все вещи у примитивно устроенных народов. И, что удивительно, без всякого мистицизма среди них часто встречается совершенная святость жизни, приспособляющаяся к любым обстоятельствам, климату и ассоциациям. Одно и то же сердце юной девы способно вступить в супружескую жизнь или посвятить себя религиозному безбрачию; и в любом случае обязанности каждой из них исполняются с совершеннейшей простотой и высочайшей святостью. Поэтому как часто одно незначительное обстоятельство

определяет всю ее дальнейшую жизнь и делает ее либо матерью семейства, либо преданной супругой Христа! И все же, если окончательное решение принято, вся последующая жизнь, кажется, предопределена с младенчества, как будто иного пути и быть не могло.

Несомненно, чувственное развращение в особенности порождается искусственным состоянием общества, которое неизбежно способствует болезненности воображения и нервной возбудимости. Примитивная и патриархальная жизнь, напротив, ведет к умеренности во всем и покою чувств.

Именно в этом кроется объяснение того, с какой готовностью кельты повсюду, но особенно в Ирландии, как только им было проповедано христианство, устремились к жизни совершенной и непрерывной. Сам святой Патрик выразил свое удивление и показал несколькими словами в своей "Исповеди", что он едва ли был готов к этому. "Сыновья ирландцев, - говорит он, - и дочери их вождей хотят стать монахами и девами Христовыми". Мы знаем, какое множество монастырей и женских обителей возникло по всему острову во времена первоверховного апостола и его ближайших преемников. Монталембер отмечает, что, согласно самым достоверным и древним документам, едва ли можно найти упоминание о религиозном доме, в котором было бы менее трех тысяч монахов или монахинь. По всей видимости, это было освященное число, и произошло это сразу после обращения острова в христианство, когда еще многие были язычниками.

"Была среди них, - рассказывает святой Патрик, - одна благословенная ирландская девушка, нежная по происхождению, прекраснейшая, уже достигшая брачного возраста, которую я крестил. Через несколько дней она вернулась и сказала мне, что ей явился посланник Божий, который посоветовал ей стать девой Христовой и жить в единении с Богом. Благодарю Всевышнего! Через шесть дней после этого она с величайшей радостью и жадностью получила желаемое. То же самое следует сказать обо всех девственницах Божьих; их родители - оставшиеся язычники, без сомнения, - не одобряя этого, преследуют их и подвергают поношению; однако их число постоянно увеличивается; и, действительно, *я не могу назвать число* всех тех, кто родился для Христа, кроме тех, кто живет в святом вдовстве и сохраняет постоянство среди мира.

"Но больше всего страдают те девушки, которые связаны служением; они часто подвергаются ужасам и угрозам - конечно, со стороны языческих хозяев, - и все же они упорствуют. Господь даровал этим девушкам-служанкам свою святую благодать чистоты; чем больше их искушают против целомудрия, тем больше они показывают себя способными сохранить его".

Разве этот отрывок, написанный святым Патриком, не описывает в точности то, что сегодня происходит повсюду, куда эмигрируют ирландцы? Итак, кельты, очевидно, были в момент своего обращения теми, кем они являются сейчас; и справедливо замечено, что из всех народов, чьи записи сохранились в истории католической церкви, они были единственными, чьи вожди, принцы и даже короли проявили почти такое же стремление стать не только христианами, но даже монахами и священниками, как и последние из их сородичей и вассалов. В любом другом месте низшие сословия в основном обеспечивали первых последователей Христа, богатые и великие были немногочисленны в начале и составляли лишь исключение.

Очевидным следствием этого хорошо подтвержденного факта является то, что языческие кельты, даже самого высокого ранга, обычно вели чистую жизнь и восхищались целомудрием. Но есть и нечто большее. Нравственность зиждется на чувстве долга; чем глубже это чувство запечатлевается в сердце человека, тем более он становится по-

настоящему нравственным и святым. Можно почти с уверенностью утверждать, что едва ли какая-либо вещь придает чувству долга больше прочности, чем простая и патриархальная жизнь. Их взгляды на мораль не более сложны, чем их взгляды на все остальное; они привыкли сводить все вещи духовного, морального характера к нескольким чувствам и аксиомам, как это было, но в то же время сильно привязались к ним из-за важности, которую каждый человек естественно придает вопросам такого рода; то, что у других народов образует сложный кодекс морали, более или менее чистый, более или менее порочный, у народов, о которых мы говорим, сжимается, так сказать, в ореховую скорлупу, и, суть всегда остается в основе, идея долга становится первостепенной в их умах и сердцах, и каждый их поступок озаряется тем светом человеческой совести, который, в конце концов, для каждого из нас является голосом Бога. Ложные вопросы не отвлекают их разум и не дают совести ошибаться. Поэтому кельтские племена по самой своей природе были строго совестливы.

Это было так важно для них, что духовные вещи в их глазах становились, как это и есть на самом деле, реальными и существенными. Поэтому их религия не была только внешней. Напротив, внешние обряды были в их глазах лишь символами и эмблемами той реальности, которую они покрывали.

Поэтому нас не должно удивлять, что для них религия всегда была превыше всего, что они всегда жертвовали ей всем, что дорого человеку на земле. Все они, кажется, чувствуют так же инстинктивно и глубоко, как и тщательно воспитанный и превосходный ум Томаса Мора, что вечные вещи бесконечно превосходят все временные и что мудрый человек должен отказаться от всего, чем быть неверным своей религии.

Из предыдущих замечаний мы можем заключить, вместе с г-ном Мэтью Арнольдом, который приложил свой критический и благодарный ум к изучению кельтского характера, что "кельтский гений имеет сентимент в качестве своей главной основы, с любовью к красоте, очарованию и духовности для его превосходства", но, добавляет он, "неэффективность и своеволие для его недостатков". По поводу этих последних слов мы можем позволить себе сделать несколько заключительных замечаний.

Если под "неэффективностью" подразумевается, что в силу своей импульсивной натуры кельты часто пытались сделать больше, чем могли, и поэтому терпели неудачу; или что во многих случаях меньшего значения они меняли свое решение и после небольшого усилия не продолжали только что начатое дело, то в истинности этого замечания сомневаться не приходится. Но если знаменитый писатель хотел сказать, что этот недостаток характера всегда сопутствовал кельтам во всех их начинаниях и что поэтому они постоянно срывались и никогда не добивались успеха; Или, что еще хуже, что из-за недостатка настойчивости и энергии они слишком быстро расслаблялись в своих усилиях, и что любое предприятие и решимость с их стороны становились "безрезультатными" - мы настолько не согласны с ним, что основной целью следующих страниц будет опровергнуть эти положения и показать на примере истории расы, по крайней мере в Ирландии, что именно благодаря их "своеволию" они никогда не были *в конечном итоге безуспешны* в своих устремлениях; но что, напротив, они всегда в конце концов *добивались* того, за что с привычным упорством и самоотверженностью выступали во все времена. По крайней мере, мы надеемся, что это станет очевидным, когда они ставили перед собой великую цель и когда речь шла о вещах, которым они придавали реальное и первостепенное значение.

ГЛАВА II.

МИР ПОД РУКОВОДСТВОМ ЕВРОПЕЙСКИХ РАС - УЧАСТИЕ ИРЛАНДСКОЙ РАСЫ В ДВИЖЕНИИ.

"Старые пророчества исполняются; Иафет овладевает шатрами Сема" - (Де Майстр, *Письмо графу д'Аварэ*).

Следующие соображения сразу же продемонстрируют важность и реальность темы, которую мы взялись рассматривать:

Именно во время второго рождения человечества, когда семья Ноя, оставшаяся одна после потопа, должна была положить начало новому состоянию вещей и в своем потомстве завладеть всеми континентами и островами земного шара, было произнесено пророчество, упомянутое в начале этой главы, которое впоследствии было записано Моисеем и сохранено евреями и христианами до конца времен.

Никогда еще оно не было так близко к исполнению, как сейчас, и великий Жозеф де Местр был первым, кто ясно указал на это. Однако он не хотел сказать, что только в наше время Европа поставлена Провидением во главе человеческих дел; он лишь имел в виду, что то, что пророк увидел и возвестил шесть тысяч лет назад, похоже, сейчас находится на грани полного осуществления.

Будет интересно рассмотреть в общих чертах, как раса Иафета, которому Европа была отведена в качестве места обитания, постепенно становилась все более и более заметной после того, как в самом начале была отброшена в тень потомством двух других сыновей Ноя.

Азиатская и африканская расы, потомство Сема и Чама, в наши дни выглядят лишенными всякой энергии и неспособными не только управлять чужими расами, но даже устоять в одиночку и избежать чужеземного ига. Так было не с самого начала. Для них был период удивительной активности. Азия и Африка на протяжении многих веков поочередно были центрами цивилизации и человеческой истории; материальные реликвии их былой энергии до сих пор поражают всех европейских путешественников, посещающих пирамиды Египта, обелиски и храмы Нубии и Эфиопии, огромные каменные сооружения Аравии, Петреи и Персии, а также грандиозные пагоды Хиндостана. Как под палящим солнцем люди этих ныне презируемых рас могли возводить столь могущественные и столь обширные сооружения; как предки ныне несчастного копта, странствующего бедуина, изнеженного перса, мечтательного индуса могли проявлять такую умственную активность и такую физическую выносливость, о которых ясно свидетельствуют остатки их архитектурного мастерства и даже их литературы, - это загадка, которую до сих пор никто не пытался разгадать. Ничто в современной Европе, где сейчас преобладает такая активность, не может сравниться с тем, чего достигли восточные и южные расы тысячи лет назад. Эфиопия, ныне погребенная песком и сном, была, по словам Херена, самого надежного наблюдателя древности в наши дни, страной огромной коммерческой предприимчивости и удивительного архитектурного мастерства и энергии. По всей вероятности, Египет получил свою цивилизацию из этой страны, а Гомер воспекает знаменитое процветание долгоживущих и счастливых эфиопов. Бесплезно повторять здесь то, что все мы узнали в юности о Вавилоне и Ниневии в Месопотамии, о Персеполисе в плодородном и цветущем Иране, о ныне разрушенных горных городах Идумеи и Северной Аравии, о Фивах и Мемфисе, о Фадморе в Сирии, о Балке и Самарканде в Центральной Азии, о замечательных городах на берегах Ганга и в южных районах полуострова Хиндостан.

То, что предки несчастных людей, которые до сих пор живут во всех этих странах, смогли возвести строения, которые время, похоже, не в силах разрушить, в то время как их потомки едва могут возвести хижины для жилья, которые погребаются под песком при первом же дуновении бури, необъяснимо, особенно если принять во внимание принципы современной доктрины человеческого прогресса и неограниченной совершенности человека.

Во времена расцвета восточных и южных народов сыновья Иафета еще не заняли своего места в истории. Тихо и незаметно они уходили от колыбели человечества; и если бы Священное Писание не записало их имена, мы бы сегодня не смогли докопаться до истоков европейских народов. Однако, согласно пророчеству, им было суждено стать будущими правителями мира; и их воспитание для этой высокой судьбы было грубым и болезненным, поскольку они получили в качестве своей доли земного шара его самую грубую часть: непрерывный лес, покрывающий все их владения от центрального плато, которое они покинули, до берегов северного и западного океана, их крайнего предела. Многие ветви этой смелой расы - *рода Japeti* - *впали* в состояние варварства, но варварства, сильно отличающегося от варварства племен восточного или южного происхождения. Их деградация не была окончательной, как это, по-видимому, произошло с некоторыми ветвями, по крайней мере, других стеблей. Их всегда можно было вернуть, их всегда можно было обучить, и, просуществовав столетия в почти дикарском состоянии, они были способны вновь достичь высочайшей цивилизации. Это убедительно продемонстрировали скандинавские и германские племена.

Можно даже сказать, что все ветви рода Иафета сначала пали со своего первоначального возвышения и прошли через настоящее варварство, чтобы затем вновь подняться собственными усилиями и занять выдающееся положение на сцене истории; и этот факт, несомненно, породил басню о первобытном дикарском состоянии всех людей.

Ложность этой теории сразу же доказывается внезапным появлением всех восточных наций в великолепии и силе, у которых никогда не было варварских предков. Но если они падают, то, похоже, навсегда; и по меньшей мере проблематично, смогут ли западные сношения и даже смешение западной крови оживить апатичные расы Азии. Что же касается того, что они восстанут по собственной воле и вновь займут лидирующее положение в мире, то никто не может и на секунду задуматься об осуществлении такой мечты.

Но как и когда расы Иафета впервые появились в истории? Как и когда восточные расы начали отставать от своих младших собратьев?

О пеласгах, их колонизациях и завоеваниях на берегах и островах Средиземного моря написано много и с огромным количеством догматизма. Но ничего нельзя с уверенностью доказать относительно их происхождения и нравов, их взлета и падения. Фактически, европейская история начинается с истории Греции, а борьба между Элладой и Персией - это сразу же блестящее появление сыновей Иафета на мировой арене - Троянская война была более чем наполовину сказочной.

Походы Александра установили господство Запада; и с этой эпохи восточные расы начинают погружаться в глубокий сон, в котором они все еще лежат, и который блестящая деятельность сарацин и мусульман нарушила на время - теперь, мы должны надеяться, навсегда.

Однако падение далекого Востока не было одновременным с господством Греции на Востоке. Великий полуостров Индия еще долгие века поразительную активность под

властью индусов, патанов, моголов и сикхов. Китай также должен был долгое время оставаться огромной и процветающей империей; но существование обеих этих стран было сосредоточено в них самих, так что остальной мир не ощущал никакого результата от их внутренних волнений. Жизнь в великой монгольской семье постепенно угасала, и тихие удары пульса, свидетельствующие о медленном замерзании их крови, не были ни слышны, ни ощутимы за пределами их собственных территориальных границ.

После появления на их западных границах сыновей Иафета во главе с македонским героем ничего нового в литературе и искусстве у них не появилось. Теперь кажется установленным, что санскритская литература, единственное, но действительно удивительное свидетельство интеллектуальной жизни в Хиндостане, предшествует этой эпохе.

Что касается Китая, то великие открытия, которые в руках европейских рас привели к таким замечательным результатам, как морской компас, печатный станок, порох, бумага, банкноты, оставались для китайцев просто игрушками или без дальнейших усовершенствований после их первого открытия. Неизвестно, когда эти великие изобретения впервые появились у них. Они были в ходу уже много веков, прежде чем Марко Поло увидел их в действии и едва ли понял их сам. Европейцы в то время были настолько мало подготовлены к восприятию этих материальных инструментов цивилизации, что публикация его путешествий вызвала лишь недоверие к этим могучим двигателям добра или зла.

Но именно эти доказательства восточной изобретательности подтверждают факт некоторого перерыва в умственной деятельности народов, открывших их. Точная дата этого события неизвестна, но все указывает на то, что оно произошло много веков назад, и ничто не способно так хорошо донести до нашего сознания великий факт, который мы сейчас пытаемся установить, как простое упоминание о двух следующих явлениях в жизни самых отдаленных восточных народов:

Гений Востока в свое время был способен создавать литературные произведения философского и поэтического характера, не превзойденные ни одним другим народом. Самые ученые люди современности в Европе, когда они имеют возможность практически познакомиться с ними и прочесть их на их оригинальных диалектах, едва ли могут найти слова, чтобы выразить свое изумление, будучи близко знакомы с шедеврами Греции и Рима и самых вежливых христианских народов. Они находят в санскритских стихах и религиозных книгах образцы всех мастей; но прежде всего они находят в них изобилие, свежесть, умственную энергию, которые наполняют их удивлением; однако все эти высокие интеллектуальные способности исчезли много лет назад, никто не знает, как и когда именно. Очевидно, что нация, породившая их, впала в некий бессознательный ступор, который и был ее психическим состоянием с тех пор, и который сегодня возносит тщедушную Европу до уровня гиганта перед павшим колоссом.

И снова: много веков назад монгольская семья в Китае изобрела многие материальные процессы, которые в основном стали причиной подъема Европы в наши дни. Они действительно были изобретением китайцев, которые не получили их от какого-либо другого народа и не передали их ему. Много веков назад они стали известны нам случайно, благодаря их посредничеству; но, поскольку в то время мы не были готовы к восприятию столь полезных открытий, их упоминание в книге, которую тогда читали во всей Европе, вызвало лишь насмешки и неверие. Как только западный ум овладел ими самостоятельно, они сразу же приобрели огромное значение и дали начало, можно сказать, всему тому, что мы называем современной цивилизацией. Но в руках китайцев они оставались бесполезными и непродуктивными, каковыми и остаются по сей день, хотя теперь они могут

видеть, что мы с ними сделали. Таким образом, их разум, некогда достаточно активный, чтобы изобретать могучие инструменты материального прогресса, давно стал совершенно неспособным совершенствовать свои изобретения, так что европейские корабли передают их изумленному взору то, что изначально было их собственным, но настолько улучшенным и измененным, что делает оригинал совершенно презренным и нелепым. И, что еще более странно, хотя они могут сравнить свои грубые орудия с нашими и обладают самым острым умом в том, что материально полезно, их нельзя заставить признать превосходство Запада. Преимущество, которым они действительно обладали перед нами тысячу лет назад, все еще остается реальностью для их слепой гордыни.

Но пора вернуться в ту эпоху, когда раса Иафета начала проявлять свою силу.

Римская интеллектуальная и физическая сила была первой великой силой, которая дала Европе то превосходство, которое она с тех пор никогда не теряла; и был момент в истории, когда казалось, что нация, или скорее город, находится на пороге осуществления пророческого обещания, данного сыновьям Ноя.

Но народ-идолопоклонник не мог получить этого блага, и римское владычество очень слабо затронуло африканские и азиатские народы, какими бы ни были его притязания.

Ведь когда Рим покорил то, что он называл Европой, Азией и Африкой - весь земной шар, - всякий раз, когда его империя не доходила до моря, он создавал там посты вооруженных людей; колонии были разосланы, а легионы распределены по всей линии; даже в некоторых местах, как в Британии, были построены стены, протянувшиеся через острова, если не вдоль континентов. Любая страна, имевшая счастье оказаться между этими границами, принадлежала "городу и миру" - *urbi et orbi*; дальше была киммерийская тьма на севере или пылающие пустыни на юге. Человечество не имело права существовать вне ее пределов; и если какие-то бродячие варвары забредали за негостеприимные границы, они не могли пожаловаться на то, что их существование было стерто с поля истории, настолько недостойны они были имени людей. Сама наука, наука тех времен, должна была признать подобные идеи и продиктовать их отточенным писателям. Так, по мнению величайших географов, человечество не могло существовать ни в тропических, ни в арктических регионах; а Страбон, разделив земной шар на пять зон, заявил, что только две из них пригодны для жизни.

Теперь мы знаем, насколько ложными были эти утверждения, и насколько ограниченным было могущество Древнего Рима. Она претендовала как на всеобщее, так и на вечное господство, но в обоих случаях обманывала себя. Под ее властью расы Иафета не "поселились в шатрах Сема". Она не была достойна исполнения великого пророчества, которое мы сейчас рассматриваем.

Однако, несомненно, именно благодаря ей дети Иафета стали доминирующей расой на земном шаре, а восточные народы, некогда столь активные и могущественные, были омрачены ее славой и уже погрузились в тот сон, который кажется вечным.

Египет пал так низко, что победоносному римскому полководцу достаточно было появиться на его границах, чтобы добиться немедленного подчинения.

Сирия и Месопотамия быстро превращались в страшные пустыни, какими они являются сегодня. Персия не смела двинуться с места в ужасном присутствии нескольких легионов, разбросанных вдоль Тигра; и если позже парфянские цари оказали успешное сопротивление Риму, то только благодаря отвратительной коррупции римского общества

того времени; но, по сути, Иран пал, чтобы больше не подняться, разве что спазматически под магометанским правлением.

Дело в том, что в последующем потоке варваров, который на протяжении веков захлестывал и разрушал всю Европу, мы видим со всех сторон потоки североевропейских рас, членов одной семьи Иафета. Именно готы разорили Палестину еще во времена святого Иеронима. Если бок о бок с северными народами появились гунны, никто точно не знает, откуда они пришли. Атила называл себя королем скифов и готов, а также внуком Нимрода. Он пришел со своими могучими войсками из-за Дуная, и это все, что можно с уверенностью сказать о его происхождении.

Восток, таким образом, был уже мертв и не мог представить сильного врага против ненавистного ему Рима. Именно в этом восточном бездушии мы можем найти причину продолжительности бесславного существования Константинопольской империи. Рим и Запад, хотя и гораздо более энергичные, были побеждены варварами того же происхождения, посланными Провидением, чтобы "обновить его молодость, как у орла". Константинополь и Восток еще тысячу лет влачили свое жалкое существование, потому что далекий Восток не мог послать несколько своих племен, чтобы коснуться их стен и заставить их рассыпаться в прах. Примечательно даже то, что армии Магомета и его преемников в порыве своего нового фанатизма долгое время не решались напасть на род Иафета, обосновавшийся на Босфоре. Из родной Аравии они легко захватили Египет и Северную Африку, Сирию и Палестину, Месопотамию и Персию. Но Малая Азия и Фракия веками оставались стойкими против их ярости, и всякий раз, когда их флоты появлялись на Босфоре, они были легко разбиты недостойными преемниками Константина и Феодосия. Этот факт, который не был достаточно замечен, убедительно показывает, что энергия, которую магометанство привнесло в восточные народы, продолжалась бы недолго и встретила бы на Западе успешное сопротивление, если бы на сцене не появились турки, не уничтожили сарацинские династии и, влив кровь Центральной Азии в жилы восточных и южных фанатиков, не продлили на столько веков господство Полумесяца над значительной частью земного шара.

Это был переломный момент в человеческих делах между Востоком и Западом. Мы не пишем историю и, следовательно, не можем вдаваться в подробности. Достаточно сказать, что новый элемент, усиленный долгой борьбой с мусульманством, должен был дать Западу прочный перевес, которым не мог обладать Древний Рим, и развитие которого мы видим в наши дни. Этим новым элементом была христианская религия, прочно утвердившаяся на руинах идолопоклонства и ереси; гораздо более прочно утвердившаяся, следовательно, чем при христианских императорах Рима, когда язычество еще существовало в самой столице.

Христианская религия, которая должна была создать единое общество из всех детей Адама; которая при своем рождении получила название вселенской или католической (тогда как до этого все религии были лишь национальными, а потому весьма ограниченными в своем влиянии на человечество в целом); которой одной было суждено установить и поддерживать на протяжении всех веков, несмотря на бесчисленные препятствия, настоящую всеобщую власть над всеми народами и племенами - только христианская религия могла дать одной расе перевес над другими, пока все не станут, так сказать, слиты *воедино*.

Поначалу казалось, что Провидение предназначило это высокое призвание для семитской ветви человеческой семьи. Еврейский народ, обученный Самим Богом на протяжении стольких веков для высших целей, в конце концов породил великого Вождя, который, искупив всех людей, должен был собрать их всех в одну семью. Этот Вождь, наш

божественный Господь, сам будучи евреем, избрал двенадцать человек из того же народа, чтобы они стали основателями великого здания. Мы знаем, как божественный план был нарушен из-за упрямства иудеев, которые *отвергли краеугольный камень здания*, чтобы самим разбиться о его стены и разрушиться. Сыновья Иафета были заменены сыновьями Сема, Европа - Азией, Рим - Иерусалимом; а реальное начало длительного преобладания Запада датируется основанием христианской церкви в Риме.

Посмотрите, как из христианства кавказская раса, как мы ее называем, стала владыкой мира. Могучая революция, в результате которой все ветви этой великой расы смешались и перепутались, пронеслась над Римской империей. Все кажется разрушенным натиском варваров, чтобы они, приняв единственную истинную религию, которую нашли без поисков среди завоеванных ими людей, могли стать достойными исполнителями замыслов Провидения. Все преграды низвергнуты, чтобы единое учреждение, называемое христианством, обрело форму и гармонию. Не должно быть больше ни римлян, ни галлов, ни иберов, ни германцев, ни скандинавов - только христиане. Это обновленная и возрожденная раса Иафета, пропитанная истинным учением, облеченная в твердые добродетели, одушевленная всепоглощающей энергией. Это колоссальная статуя, вылепленная папами, высеченная епископами, поставленная на ноги христианскими императорами и королями, в первую очередь Карлом Великим, Альфредом, Людовиком IX и Отто. Разве не существует совершенного единства между этими великими людьми, разделенными такими промежутками времени и пространства? Разве не является их творением вселенская республика, фундамент которой они заложили своими руками?

Остальной мир, все еще распростертый у ног глупых идолов или увлеченный человеческими ошибками и заблуждениями, все глубже погружается в апатию и разложение, в то время как Европа отведена для могущественных целей в грядущих веках. На Западе собирается поток, которому суждено смести все препятствия и покрыть своими возрождающими водами все континенты.

Этот поток - современная европейская история. Она изложена в тысячах томов, многие из которых, однако, являются абсолютно недостоверными преданиями о тех могущественных событиях. Ключ к их правильному толкованию был только у тех, кто следовал за христианским светом, данным свыше, как звезда, чтобы направлять чудесный гигант в его пути. Главными среди них были: в древности - Августин, автор "Града Божьего"; Орозий, первым сведший летопись мира к формуле *"Божественное провидение управляет миром и людьми"*; Отто Фрейзингенский в своем труде *"De mutatione rerum"*; автор *"Gesta Dei per Francos"*; в наше время - Боссюэ и его последователи.

Уничтожение идолопоклонства имело столь важное значение для возрождения мира, что его хватило в качестве догмы, чтобы великая ветвь семитской семьи обрела прочную жизнь на несколько столетий. У мусульманства нет другой истины, кроме утверждения единства Бога; но, ведя войну против Троицы и, следовательно, против самого основания христианской веры, оно надолго стало величайшим препятствием на пути распространения истины. Она помешала раннему триумфу кавказской расы и на время вовлекла народы Востока и Юга в ложную жизнь.

Нашествие татарских орд при Чингисхане и его преемниках было не жизнью, а лишь припадочным безумием.

Таким образом, европейский поток был заторможен в своем разливе новой активностью Аравии и Туркомании. Это была борьба, в которой победа долгое время висела на волоске: потребовались многочисленные крестовые походы всей Западной Европы, долгий героизм

испанского и португальского народов, непрерывные атаки и оборона тамплиеров и рыцарей Мальты по всей поверхности Средиземного моря, чтобы обеспечить перевес Запада. Окончательно все было решено при Лепанто. С того великого дня магометанство постепенно пошло на убыль, и теперь, кажется, нет непреодолимых препятствий для свободного течения европейского потока.

Однако этот поток не является однородным: это далеко не так. Если бы христианский элемент всегда оставался в нем единственным или хотя бы главенствующим, то уже давно победа была бы обеспечена навсегда, и только католические миссии исполнили бы старые пророчества и дали бы сынам Иафета владеть шатрами Сема - славное дело, так хорошо начатое на Востоке, в Индии и Японии; на Западе, во всей Америке!

Но, к сожалению, политика папства, которой придерживался и Карл Великий, и другие великие христианские государи, не была продолжена. Норманнский феодализм Англии и Северной Франции, цезаризм Германии и королей Капетингов, ереси, принесенные с Востока крестоносцами, язычество и неоплатонизм эпохи возрождения образования, а главное, страшные потрясения всей Европы, вызванные протестантским расколом и ересью, нарушили чистоту этого великого яфетического потока и замедлили до наших дней его мощный и всепоглощающий импульс.

Замечательно, что во всей Европе только один маленький остров навсегда упрямо противостоял всем этим aberrациям и твердо и, можно сказать, успешно стоял на своей позиции. Читатель уже знает, что демонстрация этого потрясающего факта является целью данного тома.

Стоя так долго в стороне от всех этих блужданий с правильного пути, она почти не появлялась на поле европейской истории, разве что в качестве жертвы Скандинавии и Англии. Но в череде веков есть время для появления всех тех, кого Провидение призвало сыграть свою роль. То, что для человека - мириады лет, для Бога - не мгновение; и, похоже, мы наконец достигли той эпохи, когда Ирландия должна быть вознаграждена за свою стойкость и верность.

Импульс, который сейчас придает европейская мощь, с каждым днем становится все более четким, и, судя по последним событиям, ирландцы не собираются играть в нем бесславную роль. Сила экспансии, столь характерная для них с самого начала, в последние годы приобрела гигантские масштабы. Сама ненависть их врагов, меры, принятые их угнетателями для их уничтожения, только способствовали тому, что они получили более широкое поле деятельности и гораздо более мощную силу. Бог не без умысла расселил их в таком количестве по разным островам и континентам. Именно они придают распространению иафетизма среди сынов Сема правильное направление и результаты. Другие расы Западной Европы, если бы они были предоставлены самим себе, превратили бы это великое событие в проклятие для человечества и, возможно, в предвестника последних бедствий; но ирландцы, сохранив свою чистоту, являются истинным инструментом в руках Бога для исправления того, что неправильно, и очищения того, что испорчено.

Если бы Европа во всей своей полноте оставалась столь же стойкой к истинному христианскому духу, как маленький остров, усеивающий море на ее западной границе, каким неисчислимым счастьем это обернулось бы для всего земного шара, покоящегося, как и сегодня, под водительством расы Иафета!

Но где же теперь чистые воды, которые должны были бы оживить и оплодотворить его? В их среде плавают бесчисленные элементы, способные уничтожить жизнь и посеять повсюду бесплодие.

Давайте посмотрим, во что верят европейцы; каковы мотивы, которыми они руководствуются; что они предлагают себе для распространения своего влияния и установления своего господства; каковы реальные, открыто провозглашаемые цели лидеров в обширной схеме, охватывающей всю землю; что становится с чужими расами, как только они вступают с ними в контакт.

От одной этой мысли кровь христианина стынет в жилах, и он благодарит Бога за то, что его жизнь не будет продлена, чтобы стать свидетелем успешного завершения огромного заговора против Бога и человечества.

Ведь в наши дни, несмотря на столь многочисленные отклонения в русле великого европейского потока, поистине удивительно, какую власть он приобрел над земным шаром в своем владычестве, управлении, объединении. Каков же был бы результат, если бы его течение постоянно находилось под христианским руководством!

Прошло совсем немного времени с тех пор, как вся земля стала нам известна; и можно сказать, что Европе достаточно было узнать ее, чтобы сразу же стать ее хозяйкой; такую власть дала ей христианская религия! Первое кругосветное путешествие Магеллана состоялось только вчера, а сегодня европейские корабли бороздят океаны и моря мира, неся в каждом парусе дыхание и дух иафетизма. Упорные ледяные поля полюса едва ли могут замедлить их ход, а отважные мореплаватели и авантюрные путешественники подвергают свою жизнь опасности в погоне за чисто теоретическими представлениями, лишенными почти всякой практической пользы.

Самые отдаленные и до недавнего времени недоступные уголки Земли открыты для нас благодаря паре так же, как для древних были открыты страны, граничащие со Средиземноморьем. Экспедиция аргонатов вдоль южного побережья Черного моря в свое время была героическим предприятием. Финикийские колонии, основанные в Африке и Испании расой, которая впервые в истории человечества попыталась вывести свои корабли в океан, чтобы торговать с северными племенами вплоть до Ирландии и Балтики, хотя никогда не теряла из виду берега; попытки карфагенян обогнуть Африку; трехлетние плавания кораблей Соломона по Красному морю и Персидскому заливу - все это были гораздо более опасные предприятия, чем длительные путешествия наших пароходов через Индийский океан в Австралию или вокруг мыса Горн в Калифорнию и на острова Южного моря, через южную и северную части Тихого океана.

Из всех крупных приморских городов в любой части земного шара пароходы доставляют людей в любую точку компаса, так что доски у входов в офисы, которые можно найти повсюду для размещения путешественников, служат указателями трудов по всеобщей географии.

И европеец, все еще не удовлетворенный всем, чего он достиг в скорости и комфорте, ищет более быстрые и легкие способы передвижения. Ученые уже много лет занимаются экспериментами, с помощью которых они надеются заменить океан атмосферой в качестве общественной дороги для народов; и воздушные потоки, мчащиеся во всех направлениях со скоростью самых быстрых ветров, возможно, еще будут использоваться нашими детьми вместо рек, в будущем заброшенных, и океанских потоков, наконец, оставленных пустыми и бесполезными, как до путешествий Колумба и де Гамы.

Все это - непреложный и суровый факт, глядящий нам в лицо и дающий кавказской расе такую силу, о которой наши предки и мечтать не могли. И если все это должно быть единственным результатом деятельности человека - достижением чисто мирских целей - Бог, чей это мир, может смотреть на это с небес, как на работу титанов, готовящихся напасть на его права, и Он будет знать, как обратить все эти могучие усилия сыновей Иафета к своим святым целям. Он может использовать небольшую ветвь этой великой расы, специально сохраненную с самого начала незапятнанной простой бережливостью и подготовленную к своей работе долгими гонениями, и это соображение мы рассмотрим позже.

Тем временем огромной массе европейской семьи позволено продолжать свое замечательное дело, и мы ненадолго отвлечемся от него.

Как будто для того, чтобы еще более непосредственно содействовать этой работе по объединению земного шара, Провидение предоставило в распоряжение главных участников этого предприятия денежные средства, которые еще несколько лет назад никто не мог предвидеть.

В 1846 году на небольшом рукаве одной из великих рек Калифорнии колонист обнаруживает золото, принесенное в виде пыли с песком, и вскоре большая часть страны оказывается безмерно богатой этим драгоценным металлом. За этим первым открытием следуют другие, не менее важные, и через несколько лет золото в изобилии находят по обе стороны длинного хребта Скалистых гор; снова на севере, почти до самого арктического круга. Северная Америка, по сути, оказывается огромным месторождением золота. Вскоре за ней следует Австралия, и этот новый континент, исследование которого едва началось, как говорят, повсюду усеян крупными оазисами из нефтеносных пород и гравия. В свое время такие же новости пришли из Южной Африки, где недавно сообщили, что алмазы, помимо золота, обогащают исследователей и рабочих.

Нет нужды говорить о рудниках серебра и ртути после золота и алмазов; но в результате европейская раса сразу же получает огромное богатство, соизмеримое с огромными коммерческими и производственными предприятиями, необходимыми для установления ее господства на всем земном шаре.

Поэтому на плаву есть работа для всех кораблей; нужно строить новые и более крупные; современное инженерное искусство помещает в лоно глубокого моря суда, которые немногие из величайших рек могут вместить в свои каналы и бухты.

Когда все эти средства господства и распространения получены, можно приступить к великой работе, явно возложенной на расу Иафета.

Общение с самыми дикими и нецивилизованными племенами охотно культивируется даже с риском для жизни. Новые пути для торговли открываются в местах, где люди, все еще живущие в самом примитивном состоянии, не имеют практически никаких потребностей; и считается, что это часть мастерства проницательного торговца - наполнить умы этих неотесанных и неискушенных варваров желанием любой возможной роскоши. Разве не слышали мы недавно, что у дикарей островов Фиджи, которые еще несколько лет назад были каннибалами, теперь есть король, ищущий защиты Англии, если не присоединения своего королевства к Британской империи?

Да, материальная цивилизация Европы, новые открытия пара и магнетизма, неутомимая энергия людей, стремящихся к всеобщему господству, дают кавказской расе такое превосходство над остальным человечеством, что, кажется, быстро приближается время,

когда манеры, одежда, внешний вид даже европейцев вытеснят все другие типы и распространят повсюду мертвый уровень наших привычек.

Этот факт уже реализовался в Америке, Северной и Южной. Географы могут давать длинные описания первобытных племен, которые все еще сохраняют тень существования; иностранные читатели, возможно, представят себе, что континент все еще находится в спокойном владении грубых и нецивилизованных рас, которые бродят по его поверхности по своему усмотрению и позволяют некоторым европейцам занимать определенные города и гавани для целей торговли и бартера. Мы знаем, что ничто не может быть более ошибочным. Европейцы являются настоящими хозяевами на севере и юге; индейцам разрешено существовать на нескольких участках, сужающихся год от года до более узких пределов. Северная и большая половина континента является главным образом местом обитания наиболее активной ветви смелой расы Иафета. Недавно была проложена первая из железных линий, которые должны соединить Атлантическое и Тихоокеанское побережья. Города возникают по всему ее пути: гавани Калифорнии, Орегона и Аляски скоро будут кишеть гораздо больше, чем сейчас, отважными мореплавателями, готовыми европеизировать различные группы островов, разбросанных по Тихому океану. Уже сейчас на Сандвичевых островах и Таити число европейцев значительно превышает число туземцев. Те туземцы, которых на Филиппинских островах сохранила католическая церковь, очень скоро исчезнут с поверхности самого большого океана земного шара.

Тогда Восточная Азия подвергнется гораздо более серьезному нападению, чем когда-либо прежде. С момента ее открытия европейцы могли добраться до нее только через большие расстояния, которые отделяют Западную Европу от Китая и Японии. Но в течение короткого времени многочисленные пароходы, отправляющиеся из Сан-Франциско, Портленда, Гонолулу и многих других пока безымянных гаваней, будут высаживать путешественников в Йокогаме, Хакодади, Йеддо, Шанхае, Кантоне и других азиатских портах.

Американцы Соединенных Штатов также не будут одиноки в этой гонке. Правительства нескольких стран готовятся пробить канал через Панамский, Дарьенский или Техуантепекский перешеек, как это уже было сделано с Суэцким каналом; и вскоре корабли, отправляющиеся из Западной Европы, с помощью пара будут последовательно пересекать Атлантический и Тихий океаны, как два больших озера, чтобы высадить своих пассажиров и грузы на границах Китая и Индии.

Японцы, эти англичане Востока, готовы перенять европейские изобретения. Они действительно уже знают многие из них и, похоже, стремятся соответствовать европейским манерам. Говорят, что нация разделилась на две партии именно по этому вопросу соответствия; скоро все они будут единодушны. Какой импульс будет дан европеизации Китая и Тартарии!

В Гиндостане Англия уже приступила к этой работе; но климат полуострова препятствует внедрению большого числа людей кавказской расы, поэтому распространение расы начнется, скорее всего, от подножия Гималайских гор. Уже сейчас англичане и русские концентрируют свои силы на верховьях Инда. Вопрос лишь в том, какая нация первой привет мечтательным сыновьям Сема дух и кровь Иафета? Похоже, что Центральная Азия станет местом сбора последних усилий титанов объединить свою мощь, поскольку именно здесь сила Бога впервые рассеяла их.

Взглянув на остальной мир как на свидетеля того же удивительного зрелища, мы пройдем дальше. Австралии явно суждено стать полностью европейской; число туземцев, и без того

незначительное по сравнению с колонистами, скоро совсем исчезнет. Турция, Кавказ, Бохара быстро обретают новый облик и перенимают западные манеры.

Африканский треугольник оказывает наибольшее сопротивление, благодаря своим пустыням, ужасному климату и дикому или детскому нраву его жителей. Однако попытки европеизировать его в данный момент предпринимаются на самом южном мысе, по всей северной линии, огибающей Средиземное море, в основном в Египте, а также через Эритрейский залив на востоке; наконец, на многих точках его западного берега, который, как ни странно, отстаёт, хотя и стал первым пунктом открытия португальцев.

Если свести все сказанное к нескольким строчкам, то создается впечатление, что все расы людей, кроме кавказской, переживают стремительный процесс объединения или исчезновения.

В Америке это явление, конечно, наиболее поразительно.

В Азии все туземные расы кажутся парализованными и неспособными держаться вместе в присутствии русских и англичан.

В Африке магометанство ещё сохраняет для туземцев определённую жизненную активность, но и она быстро сходит на нет.

Наконец, в Австралии и на Тихом океане исчезновение туземцев ещё более разительнее и более внезапно по своему действию, чем даже в Америке.

Такого положения вещей не было двести лет назад, а когда начались крестовые походы, всё было наоборот.

Мы не можем поверить, что этот огромный, всеобщий факт является лишь внешним следствием новых приспособлений, новых удобств, новых внешних привычек; того, что называется материальной цивилизацией. Мы не можем поверить, что это просто одежда, дома, кулинарный режим, народные обычаи тех многочисленных иностранных племен или народов, которые претерпевают столь удивительные изменения. Это внешнее явление предполагает *субстрат*, внутреннюю реальность идей и принципов, заслуживающих нашего главного внимания как истинная причина всех этих внешних изменений; причина, о которой, тем не менее, мало кто задумывается в общественной оценке этой могущественной революции.

Это разум Европы: вера или отсутствие веры, религиозные или иррелигиозные взгляды, честолубие, стремление к невозможному или нечестивому счастью, безрассудное разгул необузданных страстей, которые пытаются распространиться среди всех народов и поднять, а точнее, опустить их всех до уровня опьяненной, колеблющейся, обезумевшей Европы.

Если чудовищный замысел удастся, то не будет больше молитвы в деревнях благочестивых маронитов, покорности Богу в горах Армении, простоты веры среди пастухов Халдеи, чистоты жизни среди бродячих детей азиатских пустынь.

Наряду с истиной и добродетелью многие ошибки и чудовища, несомненно, исчезнут, но не заменятся тем, что гораздо лучше.

Муэдзин мечетей больше не будет возвышать свой голос с минаретов в полдень и в сумерках; простой лама больше не будет верить в последовательные воплощения Будды; суеверный индус больше не будет бросаться под машину Джаггернаута; многие другие подобные нелепости и преступления, будем надеяться, исчезнут навсегда. Но с какой

пользой для человечества? В конце концов, разве суеверие не лучше для людей, чем полное неверие? И когда весь мир придет в состояние Европы, когда то, чему мы ежедневно являемся свидетелями там, будет воспроизведено на всех континентах и островах, будут ли люди действительно более добродетельными и счастливыми?

Однако мы не должны думать, что в потрясающих преобразованиях, которые мы попытались обрисовать, нет ничего по-настоящему хорошего. Если это действительно исполнение великого пророчества, о котором мы говорили в начале этой главы, то это благородное и славное событие. Бог знает, как обратить его себе на пользу, и нам остается лишь с благодарностью приветствовать его приход.

Несомненно, фактическое превосходство расы Иафета, благодаря которому совершается эта удивительная революция, является результатом христианства, то есть католицизма. Именно потому, что Европа, или скопление различных ветвей расы Иафета, в течение пятнадцатисот лет была омрачена истинным храмом Божьим, его славной и непогрешимой Церковью; именно потому, что образование европейцев в основном обязано истинным посланникам Божьим, папам и епископам; Именно потому, что ум Европы действительно формировался великими католическими мыслителями, воспитанными в монастырях и обителях Церкви; наконец, именно потому, что европейцы - истинные сыны мучеников и крестоносцев, на них возложена великая миссия возрождения и слияния в единое целое всего мира.

Но, к сожалению, работу портят приделки в движении, выросшие в предшествующие века. Фактически, все европейское движение было брошено на ложный путь, который мы уже обозначили как просто материальная цивилизация.

И все же, несмотря на все отбросы, в яфетическом движении есть много чистого металла. В основе всего этого лежит учение о том, что все люди произошли от одного отца и что у всех был один Искупитель; что, следовательно, все они братья и что среди них не должно быть места кастам и классам, высшим и низшим существам; что Бог, которого обожают христиане, один всемогущ; что идолопоклонство всех видов должно исчезнуть, и что в конечном итоге должно быть только одно стадо и один пастырь.

Это спасительные истины, которых в основном до сих пор придерживается род Иафета, несмотря на некоторые резкие и противоположные ложные утверждения, истины, которые в своей чистоте преподает только Католическая Церковь, и которым, как мы надеемся, суждено стать едиными для всего человечества.

Но ее претензии еще далеки от признания лидерами движения. А кто эти лидеры? Вопрос крайне важный.

Англия, безусловно, является первым и главным. Наделенная всеми чертами скандинавской расы, которых мы коснемся после, глубоко пропитанная кровью датчан и северян, она обладает всей неукротимой энергией, всей систематической хваткой ума и твердостью цели в сочетании с мудрым духом компромисса и консерватизма людей Крайнего Севера; Из всех народов она унаследовала их великую силу экспансии на море, обладая всеми бродячими наклонностями старых викингов и духом торговли, предпринимательства и колонизации тех старых финикийцев из арктического круга.

Католический юг Европы, Испания и Португалия, по причинам, которые здесь не стоит исследовать, утратили свое могущество на океане; временное морское превосходство

Голландии сошло на нет, поскольку жители этой плоской страны были слишком замкнуты и узко мыслящи, чтобы постигать мир в течение длительного времени; Франция, единственный современный соперник Англии в качестве морской державы, была вынуждена, вследствие революций прошлого и нынешнего веков, сосредоточить все свои силы на европейском континенте; молодой гигант Запада, Америка, еще не в состоянии овладеть сразу огромным континентом и универсальным господством над путями океана, Англия получила свободный простор для своих морских предприятий, и она с головой бросилась в эту карьеру. Из Европы она бесспорно является первой державой всего мира. Чтобы лучше представить масштабы ее владычества, мы приводим сокращенный очерк из "Истории ста лет" Чезаре Канту:

"В Европе у нее есть колонии на Гелиголанде, Гибралтаре, Мальте и Ионических островах.

"В Африке - Батерст, Сьерра-Леоне, множество заведений на побережье Гвинеи, острова Маврикий, Родриго, Сешель, Сокотора, Вознесения, Святой Елены и, что самое важное, Капская колония.

"В Азии, где она сменила французов и голландцев, у нее, кроме Цейлона, есть империя в 150 000 000 человек в Индии, острова Сингапур и Суматра, часть Малакки и множество владений в Китае.

"В Америке она является хозяйкой Канады, Нью-Брансуика и других восточных провинций; Лусая, Бермудских островов, большей части Антильских островов, части Гвианы и Фолклендских островов.

В Южном океане большая часть Австралии, Тасмания, Норфолк, Земля Ван Демена, Новая Зеландия и многие другие группы Океании принадлежат ей".

"Какое еще государство может соперничать с ней в управлении колониями и в выборе положения, из которого она могла бы командовать на море? Джерси и Гернси - ее ключи от Дуврского пролива; с Гелиголанда она может открыть или закрыть устья Эльбы и Везера; с Гибралтара она следит за Испанией и Барбарийскими государствами и держит ворота Средиземного моря. С Мальты и Корфу она имеет такое же преимущество над Левантом. Сокотора является для нее ключом Красного моря, откуда она командует Восточной Африкой и Абиссинией. Ормуз, Чесми и Бушир дают ей власть над Персидским заливом и большими реками, впадающими в него. Аден обеспечивает сообщение Бомбея с Суэцем. Пуло-Пинанг делает ее хозяйкой Малаккского пролива, а Сингапур - прохода между Китаем и Индией. У мыса Доброй Надежды ее войска образуют передовую охрану Индийского океана, а с Ямайки она управляет Антильскими островами и ведет надежную торговлю с остальной частью Центральной и Южной Америки.

"Англичане тщательно исследовали все Средиземное море, русло Инда, Ганга, Брахмапутры, Годавери и других рек Индии; все побережье между Капской колонией и Китаем; у Англии есть пароходы на Амазонке и Нигере, а ее суда можно встретить повсюду на побережье Чили и Перу".

Другие европейские семьи пытаются идти по ее стопам; во главе их сейчас стоят Соединенные Штаты. Будучи изначально отпрыском английского рода, кровь всех других яфетических рас придала этой стране активность и смелость, которые со временем сделают ее превосходящей в этих отношениях саму страну-мать.

И все же в настоящее время, даже в присутствии Соединенных Штатов, в присутствии всех других морских держав, Англия стоит во главе яфетического движения.

К сожалению, ее первая цель, после приобретения богатства и обеспечения своей власти, состоит в том, чтобы исключить Римско-католическую церковь, насколько это возможно, из выгод системы, противостоять ей, когда она будет следовать за ее прогрессом, и либо позволить язычеству или магометанству продолжать спокойно властвовать везде, где они существуют, либо заменить их, насколько это возможно, своим протестантизмом. В любом случае, католицизм Церкви должен быть подавлен или, по крайней мере, помешан, чтобы освободить место для католицизма английской нации.

И похоже, что так оно и было бы на самом деле, если бы на пути не встало упрямство ирландского характера; Если бы кельты Эрина, после столетий угнетения и противодействия ложным странствиям европейского потока, не настаивали на том, чтобы следовать за английским лордом в его путешествиях, преследуя его повсюду, заходя на его корабли, приветствуя или не приветствуя его, бросаясь на берег вместе с ним, где бы он ни счел нужным высадиться, и ставя свою лачугу и свою каркасную церковь на виду недавно возведенных величественных дворцов и великолепных храмов с многоярусными окнами и мягкими ковровыми покрытиями.

И через несколько лет ирландский кельт проявил бы себя в новой стране таким же активным и трудолюбивым, каким угнетение сделало его ленивым и беспечным на своей земле; на месте лачуги появился бы дом, достойный человека; более того, скромное жилище, которое он сначала вознес своему Богу, исчезло бы, чтобы освободить место для здания, не совсем недостойного божественного величия; по крайней мере, гораздо выше претенциозных строений угнетателей его религии. Взоры людей вновь обратятся к "городу, построенному на горе", а характер всеобщности, вместо того чтобы быть отнятым у истинной Церкви, станет еще более блистательным, чем когда-либо, благодаря стойкому ирландскому кельту.

Таким образом, распространение Евангелия в дальних регионах будет осуществляться без собственного флота. Как и их предки в языческие времена, они будут использовать суда народов, рожденных для бережливости и торговли; величественные корабли "египтян" будут использоваться истинным "народом Божьим".

Для них Стефенсон усовершенствовал паровой двигатель, чтобы суда могли совершать длительные морские путешествия без необходимой помощи парусов; для них Брюнель и другие потратили долгие годы на планирование и строительство новых Ноевых ковчегов, способных вместить всех чистых и нечистых животных; для них Баринги и другие богатые капиталисты охватили пять континентов и все острова океана в своих финансовых схемах; Евреи Англии, Германии и Франции, Ротшильды и Мендельсоны, накопили большие суммы денег, чтобы ссудить судостроительные компании; для них, в конце концов, были открыты давно скрытые золотые месторождения Калифорнии, Австралии и многих других мест, чтобы в нужное время пополнить казну безбожников, чтобы они могли взять на себя обеспечение средств передвижения и поселений для миссионеров Бога!

И чтобы доказать, что это не преувеличение, достаточно взглянуть на количество эмигрантов, которые должны были отправиться в чужие края и которые действительно покинули Англию, отправившись в ее различные колонии или в Соединенные Штаты. В течение нескольких лет тысяча ирландцев ежедневно отплывала из портов Великобритании; и в течение многих лет 200 000 человек, по крайней мере, делали это каждые двенадцать месяцев. Когда мы перейдем к сравнению ирландцев дома и ирландцев за границей, мы приведем более подробные сведения, чем это возможно здесь. Этих нескольких слов достаточно, чтобы показать огромное количество судов и огромные суммы, которые требовались для такой необычной операции.

Это явление, безусловно, достаточно любопытно, достаточно универсально и достаточно предсказуемо по своим последствиям, чтобы заслужить тщательное расследование его причин и способа, которым оно было вызвано.

Мы увидим, что все это произошло оттого, что ирландцы держались в стороне от других ветвей великой яфетической расы, чтобы в нужное время и по-своему присоединиться к общему движению, постоянно противостоя всему злу, которое в нем есть, но используя его так, как задумано Провидением.

Последующие главы будут посвящены развитию этой общей идеи; несколько замечаний, которыми мы завершаем настоящую, могут помочь нам более четко сформулировать вывод, который мы делаем.

Несомненно, что, рассматривая ирландскую нацию в целом, мы находим в ней черты, которые не заметны ни в одной другой европейской нации; и что, рассматривая Европу в целом, во всей сложности ее привычек, манер, тенденций и образа жизни, мы имеем картину, полностью отличную от картины ирландского народа. Англия на протяжении последних восьмисот лет пыталась сформировать его и сделать творением своей мысли, и ей это совершенно не удалось.

Сегодня остров Эрин населяет та же раса мужчин и женщин, что и тысячу лет назад, с той лишь разницей, что сейчас он гораздо более жалок и заслуживает жалости, чем тогда. Несмотря на долгие века угнетения, люди обладают теми же примитивными привычками, простыми мыслями, пылкой импульсивностью, упрямым духом и жизнелюбивым нравом. На протяжении веков они не дали ни одного человека в ту армию опрометчивых умов, которые увлекли остальную Европу за собой на край той бездонной пропасти, в которую никто не может заглянуть без содрогания, с помощью возвышенных, возможно, но в сущности пустых и праздных теорий.

Среди них не нашлось ни одного ересиарха; ни одного причудливого философа, ни одного обладателя яркого света, способного обмануть народы и сбить их с пути, ни одного сторонника социальных теорий, противоположных евангельским, ни одного изобретателя новых теогоний и космологий - новых по названию, старых по сути - открытых современными студентами в Царях Китая, *Ведах* Индостана, *Зендах* Персии или *Эддах* Севера; Ни один пылкий исследователь природы, ищущий в недрах земли, или на вершинах гор, или в глубинах океана, или в движении звезд доказательств того, что Бога нет, или что материя существовала всегда, что человек сделал себя сам, развив свое собственное сознание из инстинкта животного или даже из материальных движений зоофита.

Мы просим читателя вспомнить об этих безумных теориях, столь распространенных в наши дни, от которых общество не может ожидать ничего, кроме конвульсий и бедствий, и увидеть, как все народы Европы, кроме ирландцев, способствовали этому пагубному результату; что только они не дали ложного лидера в этих блужданиях с правильного пути; что их общество на протяжении всего времени выступало против принятия теорий, которые привели к ним, отвергало их с презрением и даже отказывалось исследовать их: С этими мыслями и воспоминаниями в голове он может понять, что мы имеем в виду, когда утверждаем, что ирландцы упорно отказывались присоединиться к европейскому движению. Хотя, приняв христианство, они были приняты в европейскую семью, христианство, которое они приняли, было так тщательно пропитано и так полно проведено в жизнь, что все, что хоть в малейшей степени противоречило ему, сурово отвергалось всем народом. Поэтому они стали народом со своеобразными привычками. Отвергая суровые черты феодализма, не заботясь об утонченности так называемого возрождения образованности, решительно выступая против

протестантизма, они не желали иметь ничего общего с тем, что отвергала или даже подозревала Церковь, пока в наши дни не предстали перед глазами всего мира в том виде, который мы обрисовали. Так они, не в последнюю очередь благодаря своему долгому мученичеству, стали подходящими инструментами для той великой работы, которую Провидение требует от них сегодня.

Англия, великий лидер в материальной части социального движения, о котором пойдет речь в этой главе, долгое время колебалась, принимать ли ей принципы, совершенно губительные для общества. В силу своего житейского здравого смысла она старалась следовать тому, что представлялось ей *через СМИ*, в силу своей мудрости избегать того, что казалось ей крайностями, но что на самом деле является вечным антагонизмом истины и лжи, порядка и хаоса. Двадцать лет назад английские писатели были единодушны в том, чтобы говорить на языке умеренности и здравого смысла всякий раз, когда какой-нибудь опрометчивый автор из иностранных государств рисковал опасными новинками; в своих рецензиях они сразу же указывали на яд, скрывающийся под покровом науки или воображения, и на опасность этих постоянно увеличивающихся новых открытий. Если какой-нибудь англичанин одобрял эти теории, он не мог создать школу среди своих соотечественников и оставался почти в одиночестве своей партии.

Но наконец-то Англия поддалась всеобщему распространению соблазна, и сегодня она бежит наперегонки с дезорганизацией так же рьяно, как и все остальные, стремясь быть лидером среди других лидеров, ведущих к гибели. Всех поражает эта внезапная и поразительная перемена. Это поистине необъяснимо, если не считать страшной аксиомы: *Quos Deus vult perdere, dementat*. Поэтому не многие ожидают, что вскоре бури пронесутся над преданным им островом Великобритании, который больше не является исключением из универсальности указанного нами зла.

Какое же место в Европе остается безопасным, куда еще не докатилась волна глупости или, скорее, безумия?

Ответ на этот вопрос дает одна лишь Ирландия.

ГЛАВА III.

ИРЛАНДЦЫ ЛУЧШЕ ДРУГИХ НАРОДОВ ПОДГОТОВИЛИСЬ К ПРИНЯТИЮ ХРИСТИАНСТВА.

Введение христианства дало Европе власть над миром, которой не мог обладать языческий Рим. Все ветви яфетической семьи объединились в то, что справедливо и уместно было назвать христианством. Ирландия, приняв Евангелие, действительно впервые вошла в европейскую семью; но в совершении ею этого великого акта были свои особенности, которые придали ее национальной жизни, и без того отличавшейся от жизни других европейских народов, уникальный импульс. Первая из этих особенностей заключалась в ее подготовке к великому принятию веры и в тех немногих препятствиях, с которыми она столкнулась при ее принятии, по сравнению с остальным миром.

Провидение мудро распорядилось, чтобы искупление было отложено до тех пор, пока большая часть человечества не достигнет наивысшей цивилизации. Спаситель родился не во времена невежества и варварства. Августовский век, несомненно, является самым интеллектуальным и утонченным с точки зрения литературного и художественного вкуса, который когда-либо видел мир. За несколько столетий до этого Греция достигла вершин науки и искусства. Ни одна страна, ни в древние, ни в современные времена, не превзошла ее в остроумии философских писателей и эстетическом совершенстве ее поэтов и

художников. Рим использовал ее для украшения своих городов и унаследовал ее вкус к науке и литературе.

Но искусство и литература воплощают только идеи; и, как хорошо сказал Озанам: "Под потоком идей, оспаривающих империю мира, лежит сам этот мир, такой, каким его сделал труд, с теми сокровищами богатств и видимых украшений, которые делают его достойным быть преходящим местом пребывания бессмертных душ. Под истинным, добрым и прекрасным лежит полезное, которое становится ярче от их отражения. Ни один народ не оценил идею полезности так остро, как Рим; ни один не приложил к земле руку, более полную силы и более способную преобразовать ее; ни один не высыпал более обильно сокровища земли к ногам человечества...".

"В конце второго века ... ритор Аристид в следующих выражениях воспевал величие Римской империи: "Римляне, весь мир под вашим владычеством, кажется, соблюдает день праздника. Время от времени шум битвы доносится до вас с концов земли, где вы отражаете гота, мавра или араба. Но вскоре эти звуки рассеиваются, как сон. Иными являются соперничество и различные конфликты, которые вы возбуждаете во всей Вселенной. Это борьба за славу, соперничество в великолепии между провинциями и городами. Благодаря тебе множатся гимназии, акведуки, портики, храмы и школы; оживает сама почва, и земля становится одним огромным садом!

"Подобным же был и язык сурового Тертуллиана: "По правде говоря, мир становится день ото дня богаче и лучше возделывается; даже острова больше не являются одиночеством; скалы больше не страшат мореплавателей; повсюду есть жилища, население, закон и жизнь".

"Легионы Рима построили дороги, которые избородили горы, перепрыгнули через болота и пересекли столько различных провинций с такой же прочностью, регулярностью и единообразием; и различные расы людей теряли дар речи от восхищения при виде могучих творений, которые впоследствии приписывали Цезарю, Брунехо, Абеяру!"

Именно среди этой мирской славы родился Христос, он проповедовал и страдал, его религия утверждалась и распространялась. Она сразу же нашла прозелитов как среди самых образованных и ученых людей, так и среди рабов и ремесленников; таким образом было доказано, что христианство способно удовлетворить самые возвышенные чаяния самых цивилизованных, а также обеспечить счастье самых многочисленных и несчастных слоев населения.

Но мы должны задуматься о том, что развитая цивилизация Греции и Рима на самом деле была огромным препятствием для распространения истины и, что еще более достойно сожаления, часто придавала христианству первых веков в римском мире неестественный аспект - полуязыческий вид, так что вторжение варваров было почти необходимо, чтобы разрушить все естественное; чтобы только Церковь, оставшись лицом к лицу с этими неотесанными детьми Севера, могла начать свою миссию заново и влить их всех в семью под названием "Христианство". "Христианство, - снова цитируя Озанама, - уклонилось от осуждения почитания прекрасного, хотя идолопоклонство содержалось в нем; и поскольку оно почитало человеческий разум и порожденные им искусства, гонения отступника Юлиана, во время которых изучение классики было запрещено верующим, стали самым суровым из его испытаний". В истории литературы нет более интересного момента, чем тот, когда школа с ее профанными - то есть языческими - традициями и текстами была принята в Церковь. Отцы, чьей христианской строгости мы удивляемся, были страстны в своей любви к античности, которую они, как бы, покрывали своими священными одеяниями. . . . По их милости Вергилий прошел через железные века, не потеряв ни одной страницы, и по праву

четвертой эклоги занял место среди пророков и сивилл. Святой Августин меньше порицал бы язычество, если бы вместо храма Кибелы оно воздвигло святилище Платона, в котором его произведения могли бы публично читаться. Хорошо известен сон святого Иеронима и бичевание, которому его подвергли ангелы за то, что он слишком любил Цицерона; однако его раскаяние было недолгим, поскольку он заставил монахов Елеонской горы проводить ночи за переписыванием цицероновских диалогов и не стеснялся излагать комических и лирических поэтов вифлеемским детям".

Мы уже знаем, что ничего подобного не существовало в Ирландии, когда Евангелие достигло ее, и что там новая религия приняла особый облик, который никогда не менялся и который сделал ее сразу и навсегда преимущественно христианской нацией.

Среди греков и римлян литература и искусство, хотя и принятые церковью, тем не менее были глубоко пропитаны язычеством. Все главные акты их общественной жизни требовали исповедания идолопоклонства; даже увеселения, драматические представления и простые игры были религиозными и, следовательно, языческими выставками.

Мы не говорим здесь о притягательности атеистической и материалистической философии, о сладострастной, часто деморализующей литературе и поэзии, о невообразимой проституции искусства перед самыми низменными страстями, о чем в изобилии свидетельствуют реликвии Помпеи.

Но помимо этих излишеств разврата и неверия, которые, несомненно, ненавидели сами добродетельные язычники, одобренная, правильная и так называемая чистая жизнь лучших людей языческого Рима требовала загромождения идолопоклонством. Помимо тысячи обязанностей, праздников и тому подобного, установленных или санкционированных государством, самые обычные жизненные акты, призыв в армию, отправление в военный поход, вступление в любую гражданскую должность или магистратуру, гражданские присяги в судах, общественная баня, почти общественная прогулка, нынешние выражения в разговоре, частное чтение лучших книг, простое разглядывание множества внешних объектов, составляли почти столько же исповеданий ложного и языческого культа.

Как можно было стать христианином и в то же время оставаться греком или римлянином? Мрачные взгляды монтаниста Тертуллиана для многих были страшными истинами, требующими постоянной осторожности и самопроверки. Для христианина были открыты два пути - оба чрезмерные, но оба почти неизбежные: с одной стороны, ужасный ригоризм, делающий жизнь невыносимой, почти невозможной; с другой стороны, расхлябанность мыслей и действий, ведущая к слабости, а иногда и к отступничеству.

Принимая во внимание то, что было написано на эту тему в первые три века христианства не только Тертуллианом, но и большинством ортодоксальных писателей, святым Киприаном, Лактанцием, Арнобием и авторами многих Деяний мучеников, мы можем легко понять, как доктрины христианства рисковали никогда не пустить глубокие корни в сердцах людей, окруженных такими соблазнами, самих рожденных в язычестве и остающихся после обращения подверженными соблазнам такого манящего характера.

Поэтому та самая "высокая цивилизация", как ее называют, в среде которой проповедовалось христианство, представляла реальную опасность для внутренней жизни нового ученика Христа.

Да и как могло быть иначе, если сейчас всем известно, что даже в начале пятого века Рим был почти полностью языческим, по крайней мере внешне и среди высших классов; Так,

поэт Клавдиан, обращаясь к Гонорию в начале его шестого консульства, указал ему на место капитолия, все еще увенчанного храмом Юпитера, окруженного многочисленными языческими сооружениями, поддерживающими в воздухе армию богов; и вокруг храмы, часовни, статуи, без числа - фактически, вся римская и греческая мифология, стоящая в городе катакомб и пап!

В государственных календарях, сохранившихся до наших дней, языческие праздники соседствовали с праздниками Спасителя и его апостолов. В городе и за его пределами, по всей Италии и в самых отдаленных провинциях, идолы и их алтари все еще были окружены толпами народа, распростертого у их ног.

Если в городах новая религия уже осмеливалась демонстрировать нечто из присущего ей великолепия, то все сельское население все еще оставалось язычником, воспевая хвалу Церере и Вакху, трепеща перед фавнами и сатирами, а также многочисленными божествами рощ и фонтанов. Христианство тогда занимало в Италии такое же положение, какое сегодня занимает католицизм в Соединенных Штатах среди бесчисленных религиозных сект.

Здесь не место показывать, насколько сильно язычество Греции и Рима развратило общество и насколько полным было его гниение в то время. Это уже было показано несколькими великими писателями нашего века. Для нашей цели достаточно отметить, что даже некоторые христианские писатели эпохи, непосредственно следующей за эпохой первых мучеников, в своих вкусах и произведениях более чем наполовину были язычниками. Авсоний на Западе, наставник святого Паулина, в одних своих стихах настолько непристойный, в других - настолько языческий, что критики долгое время не решались назвать его христианином. Сколько его современников, подобно ему, витали на грани между христианством и язычеством! Когда Юлиан Отступник восстановил идолопоклонство, многие, кто только позорил имя христианина, открыто вернулись к поклонению Юпитеру и Венере, и их отступничество едва ли может быть причиной для сожаления искренних учеников нашего Господа.

На Востоке это явление не столь поразительно. Как ни странно, идолопоклонство не укоренилось так прочно в стране, где оно впервые приняло столь соблазнительную форму; и Константинополь был во всех смыслах этого слова христианским городом, когда Рим в своем сенате с таким упорством боролся за свои алтари Победы, свои весталки и свое древнее поклонение.

Однако и там христианские писатели были слишком склонны смешивать старые идеи с новыми и принимать доктрины, расположенные как бы посередине между Платоном и Святым Павлом. Были даже епископы, которые были скандалом для Церкви и все же оставались в ней. Синезий - самый яркий пример; его учение было скорее философским, чем христианским, а жизнь, хотя и благопристойная, была совершенно мирской. История арианства показывает, что и другие, кроме Синезия, были далеки от идеала христианских епископов, столь достойно представленного в то время многими великими врачами и святыми понтификами.

Таковы, как на Востоке, так и на Западе, были опасности, подстерегавшие истинный христианский дух у самой колыбели нашей святой религии.

Опасность не ограничивалась мифологией язычества, его литературой и поэзией. Сама философия стала настоящим камнем преткновения для многих, кто хотел бы казаться учениками веры, когда они предались самым необузданным блужданиям человеческого разума.

Дело в том, что греческая философия, разделенная на множество школ, чтобы угодить всем вкусам, стала широко распространенным институтом во всем римском мире. Ум Востока был лучше всего приспособлен к ней, и те, кто ее преподавал, были, следовательно, почти все греки. Цицерон сделал ее модной среди многих своих соотечественников; и хотя латинский ум, всегда практичный до грани утилитаризма, не был склонен к утопическим рассуждениям, все же, поскольку это было в моде, все интеллектуальные люди чувствовали необходимость познакомиться с ней в достаточной степени, чтобы иметь возможность говорить о ней и даже принять какую-то определенную школу. Патриции, сохранившие приверженность суровым принципам старой республики, стали стоиками, а люди из развращенной аристократии называли себя, вместе с Горацием, членами "эпикурейского стада". Отсюда необходимость для всех приучать свой ум к научным спекуляциям, превратившая западный мир в рассадник диких и опасных доктрин.

По мнению некоторых восточных отцов Церкви, греческая философия была подготовкой к Евангелию и могла быть использована для обращения многих. Так, мы видим, что святой Иустин, мученик, всю свою жизнь славился именем философа и продолжал носить, даже после своего обращения, философский плащ, над которым так насмехался насмешник Лукиан.

И все же, несмотря на это весьма уважаемое мнение, мы не можем сомневаться, учитывая то, что произошло в то время и последующие события, что философия стала камнем преткновения на пути христианства и породила самые худшие и опасные формы ереси; что она посеяла в европейском разуме семена всех заблуждений, создав ту спекулятивную тенденцию характера, которая так свойственна большинству ветвей яфетической расы.

Персидский дуализм и, как многие считают, пантеистический буддизм, процветавшие в то время в Центральной и Восточной Азии, заразили александрийские школы и придали философии новый, мечтательный характер, который стал источником последующих страшных заблуждений. Неоплатонизм Порфирия и Плотина был призван, по замыслу его создателей, заложить научную основу для политеизма, а у Ямблиха, в конце концов, стал открытым оправданием самых абсурдных мифологических басен.

Но, хотя это могло удовлетворить Юлиана и тех, кто последовал за ним в его отступничестве, оно не могло стать внутренней опасностью для Церкви. Однако у многих оно приняло форму, которая сразу же породила худшие ошибки гностицизма; и гностицизм поначалу считался христианской ересью, так что человек мог быть пантеистом самого худшего толка и при этом называть себя христианином. Святой Иоанн с самого начала предвидел эту опасность, и говорят, что он написал свое Евангелие против нее, потому что это учение открыто отрицало Божественность Христа. Но после его смерти секта стала намного сильнее и привлекла многих христиан, которые были склонны из-за неправильного толкования некоторых текстов святого Павла о борьбе между плотью и духом принять систему, претендующую на объяснение происхождения этой борьбы.

Александрийский гностицизм не смог возбудить в умах святых монахов Востока того отвращения, которое мы сейчас испытываем к его догматам, поскольку он не предавал открыто анафеме Писания Ветхого Закона, а даже сохранял к ним некоторое внешнее уважение, из-за множества евреев, живших в Александрии, и в особенности потому, что открытая система дуализма, которая впоследствии пришла из Сирии и в руках Манеса утверждала существование двух равных и вечных принципов добра и зла, не нашла места в учении Валентиниана и его школы.

Но даже этот страшный сирийский гностицизм, наделявший принцип зла происхождением столь же древним и священным, как происхождение самого Бога, - манихейство, наглое и радикально аморальное, - столь отвратительное для наших чувств, столь чудовищное для наших более правильных представлений, - имел подобие истины для многих умов, в то время склонных ко всему, что приходило с Востока. Мы знаем, как прочно эти доктрины завладели великой душой Августина, который долгое время исповедовал и лелеял их. Рим при императорах-язычниках с распростертыми объятиями принял восточных богов и философию, пытавшуюся объяснить их мифологию; многие одаренные умы третьего и четвертого веков погрузились в созерцание тех тайн, которые из Центральной Азии яркими бликами озаряли западный мир.

Эта первая опасность, однако, была предотвращена трудами святого Игнатия Антиохийского, святого Иринея Лионского, Климента Александрийского, Тертуллиана, Оригена, святого Епифания, Феодорита и других, задолго до времени святого Августина, последнего из них. Гностицизму больше не давали возможности придавать неправильную тенденцию христианским доктринам, и он угас, пока не был восстановлен во время крестовых походов, чтобы возродиться в средние века в своей самой злокачественной форме.

Но в самый момент ее упадка в Церковь ворвалась философия, которая едва не погубила ее, вдохновив Ария и Пелагия. Учения первого были явно неоплатоническими, второго - стоическими, и все заблуждения, распространенные в Церкви с третьего по шестой век, берут начало в арианстве и пелагианстве.

В Платоне, которого читали в Александрии, Арий нашел весь материал для своей доктрины, которая распространилась, как лесной пожар, по всей Церкви. Многие способствовало росту числа его приверженцев: горячая любовь к философии, столь присущая восточной церкви, до такой степени, что многие верили, что Платон был почти христианином, а его доктрины, следовательно, наделены реальным авторитетом; естественная склонность людей принимать новое и кажущееся рациональным объяснение непостижимых тайн; очевидное согласие его доктрины с некоторыми местами Писания, где говорится, что Сын ниже Отца; Но главное - это удовлетворение, которое оно принесло многим новым христианам, принявшим веру при обращении Константина по политическим, а не по соображениям совести, и которые сразу же были избавлены от сверхъестественного бремени веры в Богочеловека, рожденного от женщины и умершего на кресте. Вера сводится к мнению, религия превращается в философию, простой человек, пусть его дарования будут какими угодно, признается нашим проводником, а не наваливается на нас страшным грузом божественной природы; все это объясняет историческую фразу святого Иеронима после Римского собора: "Мир стонал и удивлялся, обнаружив себя арианом".

Любой человек, знакомый с церковной историей, знает, как под давлением этих доктрин Церковь Христова непременно превратилась бы в простую рациональную школу, если бы не полученные ею обещания вечности.

Мы также знаем, сколько времени потребовалось для утверждения истины: сколько соборов должно было собраться, сколько книг должно было быть написано, сколько усилий потребовалось от правителей Церкви, в первую очередь от римских понтификов, чтобы утихомирить столько бурь, объяснить столько сложных моментов доктрины, чтобы одержать окончательную победу.

И после того как все было сделано, все еще оставался корень зла, заложенный в том, что мы называем философским складом ума западных народов, то есть в склонности ставить все

под сомнение, искать странные и новые трудности, создавать провоцирующие войну теории среди мира, стремиться основать новую школу или, по крайней мере, выступить в качестве блестящего и поразительного излагателя старых доктрин в новой форме, в общем, добавить последнее имя в список, и без того длинный, тех, кто взбудоражил мир своим мастерством в диалектике и софизме.

Пелагий последовал за Арием, и его ошибки имели ту же цель в долгосрочной перспективе - лишить нашу святую религию всего духовного и божественного.

Во времена святого Августина и святого Иеронима среди христиан существовала необычайная тенденция принимать все возможные философские доктрины, даже если они прямо противоречили первым принципам богооткровенной религии; и внутри Церкви опасность подмены по каждому вопросу, связанному с хорошо известными догмами, была гораздо больше, чем многие себе представляют.

Из предыдущих размышлений мы можем узнать, как трудно было утвердить в языческой Европе глубоко христианскую жизнь и доктрину; и что после того, как общество явно прониклось новым духом, все еще было слишком легко нарушить текущий поток небесных благодатей Евангелия. Это происходило, повторяем, от причин, предшествовавших христианству, от источников зла, которые божественная религия должна была преодолеть и которые слишком часто препятствовали ее сверхъестественному действию. Фактически, церковная история тех веков состоит главным образом из изображения почти непрерывных отклонений от прямой линии чистого учения и морали и напряженных усилий, прилагаемых правителями Церкви против непрекращающегося отпадения.

Окинув взглядом ранние этапы развития христианства в остальном мире, мы можем теперь перейти к непосредственной теме, которую мы рассматриваем, и проследить его течение в Ирландии. С самого начала нас поражают особенности - благословенные, конечно, - которые проявляются, как и во всех других вопросах, в ее принятии истины. Остров, по сравнению с Европой, невелик, это правда; но героизм, проявленный его жителями на протяжении стольких веков в поддержку религии, которую они приняли так свободно, так щедро и сразу, как умом, так и сердцем, выделяет его как достойный особого внимания; И, исходя из ее уникального принятия и приверженности вере, она достойна, если это возможно, естественного объяснения таких действий помимо побуждений Божественной благодати, поскольку ее удивительное упорство, ее непоколебимая вера составляют сегодня такую же характерную черту нации, как и в день ее вступления в христианскую Церковь.

Далее мы рассмотрим, с каким видом идолопоклонства столкнулся первый апостол, высадившись на остров, и с какой легкостью оно было уничтожено, чтобы не оставить после себя ядовитых побегов смертоносного корня зла.

Чтобы понять религиозную систему Ирландии до проповеди Евангелия, мы должны сначала сделать общий обзор политеизма, если его можно так назвать, во всех кельтских странах, и того особого характера, который он носил в самой Ирландии.

В давние времена во всех странах религия имела некоторые общие черты, которые принадлежали к обрядам и верованиям всех народов и, очевидно, вытекали из первобытных традиций человечества, а следовательно, из истинного и Божественного откровения. Таковы были вера в золотой век, в падение из счастливого начала, в наказание, наложенное на грех, что послужило причиной великих земных бедствий - прежде всего потопа, память о котором жила в традициях почти всех народов; в необходимость молитвы и искупительной жертвы; в передаче вины от отца к сыну, выраженной во всех первобытных законодательствах и до сих

пор сохранившейся в китайских законах и обычаях; в существовании добрых и злых духов, откуда, скорее всего, и возникло многобожие; в надежде на будущее возрождение человека, представленной в Греции прекрасным мифом о ящике Пандоры; и, наконец, в доктрине вечных наград и наказаний.

Каждая из этих строго истинных догм претерпела больше или меньше изменений при прохождении через различные народы древности, но, тем не менее, везде сохранилась в той или иной форме.

В какую именно эпоху человечество начало ошибочно толковать эти первобытные традиции? Когда возникло и стало всеобщим поклонение идолам? Никто не может сказать точно. Мы знаем лишь, что за тысячу лет до Христа идолопоклонство царило повсюду, и даже еврейский народ часто впадал в этот грех, и только в наказание был возвращен к поклонению истинному Богу.

Но если ошибка запятнала всю систему поклонения среди народов, то в различных расах людей она различалась в зависимости от разнообразия их характеров. Свирепость или мягкость нравов, острота или тупость понимания, активность или леность нравов, жаркий, холодный или умеренный климат, улыбчивая или унылая страна, но главным образом тысячи различий нравов, которые так же заметны среди человечества, как и почти бесконечное разнообразие форм, видимых в творении, придали каждой отдельной религии свои собственные и характерные типы, которые впоследствии, когда истина была спущена с небес для всех, придали всеобщему христианскому духу особую внешнюю форму в каждом народе, внутреннее приспособление к его особым склонностям, предназначенное в Божественном плане внести в будущую Католическую Церковь прекрасное разнообразие, необходимое для того, чтобы сделать возможной ее универсальность среди человечества.

Подробное рассмотрение кельтской религии вывело бы нас за рамки дозволенного. Вопрос о том, были ли древние кельты идолопоклонниками или нет, до сих пор остается нерешенным, хотя только во Франции на эту тему написано более шестисот томов. Юлий Цезарь считал, что они поклонялись идолам в том же смысле, что и его соотечественники; но он, вероятно, был одинок в своем мнении. Аристотель, Пифагор, Полигистор, Аммиан Марцеллин считали друидов философами-монотеистами. Большинство греческих писателей соглашались с ними, как и все александрийские отцы Церкви в третьем и четвертом веках.

Среди современников большинство склоняется к противоположному мнению; тем не менее, многие весомые авторы, отличая общественное богослужение простого народа от учения друидов, утверждают монотеизм этой сакральной касты. В частности, Самуэль Ф. Н. Морус, который вместе с Ж. А. Эрнестом считался в прошлом веке мэтром античной учености в Европе, утверждает в своем издании "Комментариев" Цезаря, что "люди, а также человеческие дела, судьбы, путешествия и войны, по мнению кельтов, управлялись и управляются одним верховным богом, и что система апофеоза, общая почти для всех древних народов, была совершенно неизвестна в древней Галлии, Британии и на соседних островах".

Древние авторитеты, согласные с этими выводами, настолько многочисленны и ясны, что великий историк Галлии Амеди Тьерри считает, что такая чистая и мистическая религия, соединенная с такой возвышенной философией, не могла быть продуктом почвы. Пытаясь выяснить ее происхождение, он предполагает, что она была принесена на запад Европы восточными кимрами первого вторжения; что она была принята высшими слоями общества, а среди низших слоев сохранилось старое идолопоклонство.

Единство и всемогущество Божества, метемпсихоз, или учение о переселении души - не в тела животных, как это происходило и продолжает происходить на Востоке, а в тела других человеческих существ - вечная продолжительность существующих субстанций, материальных и духовных, следовательно, бессмертие человеческой души, были главными догмами друидов, по мнению большинства антикваров.

Если это так, то можно смело утверждать, что, за исключением явленной религии в Иудее, которая всегда была гораздо более явной и чистой, в древности нельзя найти системы, превосходящей систему друидов, особенно если добавить, что, помимо религиозного учения, в их больших академиях была разработана и целая система физики. "Они спорили, - говорит Цезарь, - о звездах и их движениях, о размерах Вселенной и Земли, о природе физических вещей, а также о силе и могуществе вечного Бога".

Чтобы вернуть наш вопрос домой, спросим, каковы были религиозные верования и культ ирландских кельтов, когда они еще были язычниками? Очень мало положительных фактов известно по этому вопросу; но у нас есть достаточно данных, чтобы показать, кем они не были; и в таких случаях отрицательных доказательств вполне достаточно.

Долгое время у ирландских историков была мода приписывать своим предкам самые дикие формы древнего идолопоклонства. Они считали делом национальной чести превратить поклонение Эрину в точное отражение восточного, греческого или римского многобожия. Они возводили на малейшем фундаменте грандиозные сооружения суеверных и отвратительных обрядов. Поклонение огню, финикийские или африканские ужасы, самое грубое идолопоклонство, даже человеческие жертвоприношения самой отвратительной природы, по их словам, были почти ежедневным явлением в Ирландии. Но с развитием античных знаний все эти фантомы последовательно исчезают; и чем больше изучаются древние обычаи, литература и история острова, тем яснее становится, что притворные доказательства, приводимые в поддержку этих причуд, действительно не имеют под собой оснований.

Во-первых, нет ни малейших оснований полагать, что человеческие жертвоприношения, принятые в Галлии, когда-либо практиковались в Ирландии. Ни одна действительно древняя книга не упоминает о них. Они определенно не были в моде во времена святого Патрика, поскольку он не мог не выразить свой ужас перед ними в той или иной форме, и это выражение было бы зафиксировано, по крайней мере, в одном из многочисленных житий святого, написанных вскоре после его смерти и изобилующих всевозможными подробностями. Если же их не было во время его долгого апостольства, то мы можем с уверенностью заключить, что их не было и раньше, поскольку не было причин для их прекращения до распространения христианства.

Было время, когда все большие кромлехи, которыми изобилует остров, считались жертвенными камнями; и весьма вероятно, что мнение, столь распространенное в прошлом веке в отношении реальности этих жестоких обрядов, имело своим источником существование этих грубых памятников. После многочисленных исследований и раскопок вокруг и под кромлехами всех размеров все осведомленные антиквары признают, что они не имели никакого отношения к жертвоприношениям. Это были просто памятники, воздвигнутые над телами вождей или героев. Многие усыпальницы такого рода были вскрыты, либо под кромлехами, либо под большими курганами; там было обнаружено огромное количество украшений из золота, серебра или драгоценных камней, утвари из различных материалов, прекрасных произведений большого художественного достоинства, которые теперь заполняют музеи нации или частные кабинеты. Ничто, связанное с какими-

либо религиозными обрядами, не попало на глаза ученым искателям истины. Таким образом, было установлено, что древняя раса достигла высокой степени материальной цивилизации, но не было найдено ни одного ключа к ее религии.

Что касается поклонения огню, которое не так давно признавалось всеми как безусловно составляющее часть кельтской религии в Ирландии, то сегодня от этого мнения осталось так мало, что оно едва ли заслуживает упоминания. Теперь не остается никаких сомнений в том, что круглые башни, которых раньше было так много в Ирландии, не имели никакого отношения к поклонению огню. Долгое время считалось, что они были построены не для других целей, а следовательно, задолго до прихода Святого Патрика. Но доктор Петри и другие антиквары практически доказали, что круглые башни никогда не имели никакого отношения к суевериям или идолопоклонству; что они были христианского происхождения, всегда строились рядом с христианской церковью и из тех же материалов, а их целью было призывать верующих к молитве, подобно *кампили* в Италии, быть местом убежища для духовенства во время войны и давать дальним деревням предупреждение о любом вражеском вторжении.

Факт из жизни святого Патрика, когда он предстал перед судом короля Лаэгайра, на который так полагаются как на доказательство существования огнепоклонничества, теперь выглядит несоразмерно слабым. Судя по самым надежным и древним манускриптам, разжигание королевского костра вряд ли было религиозным актом.

МакГеоган, чья история составлена на основе наиболее достоверных документов, говорит: "Когда монарх созывал собрание или устраивал праздник в Таре, было принято разжигать костер в предыдущий день, и было запрещено зажигать другой огонь в любом другом месте в то же время, на территории Бреага".

Вот и все; вероятной причиной запрета было желание оказать честь королю. Если бы это был акт поклонения, Патрик, зажигая свой собственный пасхальный костер, не только проявил бы неуважение к монарху, но и в глазах народа совершил бы святотатство, о котором вряд ли могли бы не упомянуть внимательные историки того времени.

But the proof that we are right in our interpretation of the ceremony is clear, from the following passage, taken from the work of Prof. Curry on "Early Irish Manuscripts:" "Из книги военных походов мы видим, что, когда король Дати, непосредственный предшественник Лэгхейра на троне Ирландии, задумал завоевать Британию и Галлию, он пригласил государства нации встретиться с ним в Таре, на приближающемся празднике Балтайна (одном из великих языческих праздников древнего Эрина) в майский день.

"Праздник Тары в этом году был проведен с небывалым размахом. Были зажжены костры в Лейлтене (сейчас он называется Леллтаун на севере Ирландии), а спортивные состязания, игры и церемонии проходили с необычайным великолепием и торжественностью.

"Считается, что эти игры и торжества были учреждены Лугом более тысячи лет назад в честь Лейлт, дочери короля Испании и жены Макейра, последнего короля колонии Фирболг. Именно при ее дворе воспитывался Луг, а после ее смерти он приказал похоронить ее в этом месте, где воздвиг огромный курган над ее могилой и учредил ежегодные игры в ее честь.

"Эти игры торжественно проводились в первый день августа и продолжались вплоть до девятого века" - следовательно, в христианские времена, и, следовательно, зажигание костров имело столь же малое отношение к огнепоклонству, как и игры к языческим обрядам.

Более серьезная трудность возникает в связи с разрушением Кром Круаг святым Патриком, и важно рассмотреть, насколько Кром Круаг действительно можно назвать идолом.

Что касается статуй кельтских богов, то все исследования и раскопки, которые проводили самые кропотливые антиквары, особенно в последние годы, так и не привели к обнаружению в Ирландии не то что статуи бога, а вообще какого-либо языческого знака. Из многочисленных подробностей жизни святого Патрика ясно, что он нигде не встречал ни храмов, ни статуй богов, хотя изредка упоминаются идолы. Единственный факт, который поражает читателя, - это святое рвение, побудившее его поразить своим "бакулусом Иезу" чудовищный Кром Круаг с его двенадцатью "под-богами".

Во всех своих путешествиях по Ирландии - а едва ли найдется место, которое он не посетил и не благовестил, - святой Патрик встретил только одного идола или, скорее, группу идолов, расположенных в графстве Каван, которые были предметом почитания народа. Больше нигде идолы не встречаются, иначе святой счел бы своим долгом уничтожить и их. Этот первый факт, безусловно, ставит ирландцев в положение, в отношении идолопоклонства, значительно отличающееся от положения всех других политеистических народов. Во всех других странах для политеизма характерно умножение статуй богов, выставление их во всех общественных местах, в домах, но главным образом внутри или у дверей возведенных для этой цели сооружений. Однако в Ирландии мы не находим ничего подобного, за исключением Кром Круага. Святой апостол народа продолжает проповедовать, крестить, обращать людей, не встречая никакого поклонения богам из камня или металла; он только слышит, что в каком-то месте есть нечто подобное, и ему приходится преодолевать большое расстояние, чтобы увидеть это и показать людям их глупость в почитании этого.

Но что же это был за идол? По мнению большинства толкователей ирландской истории, это был золотой шар или шар, изображающий солнце, с двенадцатью конусами или столбами из латуни вокруг него, символизирующими, вероятно, астрономические знаки. Святой Патрик в своей "Исповеди", похоже, ссылается на Кром Круаг, когда говорит: "Это солнце, которое мы видим по милости Божьей, восходит для нас каждый день; но его великолепие не будет сиять вечно; нет, даже все те, кто поклоняется ему, будут несчастно наказаны".

Болландисты в примечании к этому отрывку "Confessio" считают, что он может относиться к Кром Круагу, который, возможно, представлял солнце, окруженное знаками двенадцати месяцев, через которые оно описывает свою орбиту в течение года.

Мы знаем, что друиды, возможно, лучше разбирались в науке астрономии, чем ученые любого другого народа в то время. Не только в Галлии и Британии они продолжали свой курс обучения в течение нескольких лет; тот же факт подтверждается для Ирландии авторитетами, чье свидетельство не подлежит сомнению. Можно ли предположить, что изображение простых небесных явлений, установленное на видном месте, со временем стало предметом суеверного почитания народа, и святой Патрик счел своим долгом уничтожить его? Да и отношение людей к моменту его разрушения показывает, что он не мог носить для них такой же священный характер, как статуя Минервы в Парфеноне для греков или капитолийского Иова для римлян. Можем ли мы предположить, что святой Павел или святой Петр осмелились бы сломать хоть одну из них? Заметим, что событие, о котором мы говорим, произошло в самом начале служения святого Патрика, и еще до того, как он приобрел ту огромную власть над умами всех, которая впоследствии позволила ему бесстрашно совершать все, к чему побуждало его рвение.

Какое бы объяснение ни давали всему этому происшествию, мы сомневаемся, что найдем лучшее, чем то, которое мы приводим, и вытекающие из него соображения оправдывают мнение, что ирландские кельты не были идолопоклонниками, как все другие народы древности. У них не было никакой мифологии, кроме безобидных сказок, никаких поэтических историй о богах и богинях, которые могли бы порадовать воображение и чувства и придать язычеству столь привлекательное одеяние, что оно стало бы реальным препятствием для распространения христианства.

Более того, то, что мы сказали о вере во всемогущество единого верховного Бога, какой бы ни была его природа, как о первой догме друидизма, похоже, глубоко засело в сознании ирландских кельтов и стало причиной того, что они сразу же поняли и приняли монотеизм, проповедуемый Святым Патриком, и с какой легкостью они его приняли. Несомненно, даже будучи язычниками, они были очень религиозным народом, иначе как бы они могли принять доктрины христианства с той пылкой готовностью, которая будет рассмотрена в следующей главе? Народ, полностью лишенный какой бы то ни было веры, не может быть тронут, как ирландцы, возможно, больше всех других народов, при первом же взгляде на сверхъестественные истины, такие как христианство. И так мало они были привязаны к язычеству, так заметно прониклись благоговением перед верховным Богом вселенной, что, как только им объявили об этом, они приняли догму.

Простая и трогательная история обращения двух дочерей короля Лаэгайра придаст смысл и жизнь этому очень важному рассуждению. Она взята из "Книги Армага", которую профессор О'Карри, безусловно, компетентный авторитет, считает более древней, чем 727 год, когда народные ирландские предания о Святом Патрике, должно быть, были еще почти столь же яркими, как и сразу после его смерти.

Когда святой Патрик и его спутники собрались на рассвете у фонтана Клебаха, недалеко от Круахана в Коннауте, Этне и Фелимия, дочери короля Лаэгайра, пришли искупаться и обнаружили у колодца святых мужей.

"Они не знали, откуда они, и в каком виде, и от какого народа, и из какой страны; но они приняли их за фей - *Duine sidhe*, то есть за земных богов, или призраков.

"И сказали им девы: "Кто вы и откуда?"

"И сказал им Патрикий: "Лучше бы вам исповедаться нашему истинному Богу, чем допытываться о нашем роде".

"Первая дева сказала: "Кто есть Бог?"

"И где Бог?"

"И где его жилище?"

"Есть ли у Бога сыновья и дочери, золото и серебро?"

""Жив ли он?"

""Прекрасен ли он?"

""Много ли у него приемных сыновей?"

"Дочери его дороги и прекрасны для людей мира сего?"

""На небе он или на земле?"

"В море? В реках? В горах? В долинах?

""Объявите нам знание о нем?

""Как его увидеть? Как его полюбить? Как его найти?

"В юности ли? В старости ли его найти?

"Но святой Патрик, исполненный Святого Духа, ответил и сказал:

"Наш Бог - Бог всех людей, Бог неба и земли, моря и рек. Бог солнца, и луны, и всех звезд. Бог высоких гор и низменных долин. Бог, который над небесами, и на небесах, и под небесами.

"У Него жилище на небе, и на земле, и на море,
и все, что на ней.

"Он вдохновляет все вещи. Он оживляет все вещи. Он над всеми вещами.

"У Него есть Сын, единосущный и равноправный с Ним. Сын не младше Отца, и Отец не старше Сына. И Дух Святой дышит в них. Отец, и Сын, и Святой Дух не разделены.

"Но Я хочу соединить вас с небесным Царем, так как вы дочери земного царя. Верите ли вы?

"И сказали девы, как бы одними устами и одним сердцем: Научите нас, как нам уверовать в Царя Небесного. Покажи нам, как мы можем увидеть его лицом к лицу, и все, что ты скажешь нам, мы сделаем".

И сказал Патрикий: "Веруете ли вы, что крещением вы снимаете с себя грех отца вашего и матери вашей?

Они ответили ему: "Верим".

"Веруете ли вы в покаяние после греха? "Веруем..." и т. д.

"И крестились они, и белая одежда была положена на головы их. И попросили они увидеть лицо Христа. И сказал им святой: "Вы не увидите лица Христова, если не вкусите смерти и не примете жертвы".

И они ответили: "Дай нам жертву, чтобы мы могли увидеть Сына, Супруга нашего".

"И приняли они евхаристию Божию, и уснули сном смерти.

"И были положены на одно ложе, покрытое одеждой, - и друзья их сильно плакали и рыдали о них".

Эта прекрасная легенда в полной мере отражает то, как ирландцы принимали веру. Не только простые девы *поняли* и *уверовали* так внезапно по проповеди апостола. Великие люди нации почти так же охотно, как и простой народ, принимали крещение: обращение Дубтаха - достаточное тому подтверждение.

Он был друидом, главным поэтом короля Лаэгайра - все поэты принадлежали к этому ордену. После жены, братьев и двух дочерей монарха он был самым известным новообращенным, которого Патрик приобрел в начале своего апостольского служения. Он стал христианином при первом появлении святого в Таре и сразу же начал воспевать в стихах свою новую веру, как раньше воспевал героев своего народа. До самого конца он оставался тверд в своей вере и был дорогим другом обратившего его святого человека. Как мог он и все главные

новообращенные Патрика так внезапно и так постоянно уверовать в Бога христиан, если их прежняя жизнь не подготовила их к принятию нового учения, а доктрина монотеизма представляла реальную трудность для их понимания? Возможно, в их вере во всемогущего Бога, которая, как говорят, была главной догмой друидизма, не было ничего ясного и определенного; но их простые умы явно склонялись к этой доктрине, что побудило их одобрить ее, как только она была представлена им с торжественным утверждением.

Чтобы прояснить этот момент, мы добавим краткое описание трудов и успехов этого апостола.

В 432 году Патрик высаживается на острове. К тому времени некоторые из жителей, возможно, уже слышали о христианской религии из соседней Британии или Галлии. За год до этого Палладий проповедовал в округе, известном как нынешние графства Вексфорд и Уиклоу, построил три церкви и обратил несколько человек в христианство, но можно сказать, что Ирландия продолжала оставаться в том же состоянии, в котором она пребывала тысячи лет: Друиды владели религиозным и научным превосходством; вожди враждовали, как во времена Фингала и Оссиана; народ, хотя и находился в постоянных раздорах, был счастлив на своей богатой земле, подбадриваемый своими бардами и поэтами; в стране было очень мало или вообще не было рабов; повсюду было изобилие пищи; золото, серебро, драгоценные камни обильно украшали лица вождей, их жен, их воинов; богатые ткани, окрашенные в разные цвета, чтобы отличать различные слои общества; глубокое религиозное чувство в их сердцах, готовящее их к вере, вызывая живые эмоции при виде божественной силы, проявляющейся в их горах, долинах, озерах и реках, а также на вздымающемся лоне всеохватывающего океана; Суеверия разного рода, конечно, но ни одного деморализующего характера, ни одного с признаками жестокости или похоти; никаких отвратительных статуй Приапа, Вакха, Кибелы; никаких непристойных эмблем религии, как во всех других странах, чтобы противостоять христианству; но над всем островом - песни, празднества, глубокая привязанность к родственникам, и, как будто кровное родство не могло удовлетворить их сердце, приемные семьи, покрывающие землю другими братьями и сестрами; все это пронизано сильной привязанностью к клановой системе и социальным обычаям. Такова точная картина Эрина того времени, которая при изучении древности все яснее предстает перед глазами современного студента.

Патрик появляется среди них, опираясь на свой посох, и приносит им из Рима и Галлии новые песни на новом языке, переложенные на новую мелодию. Он приходит, чтобы открыть им то, что скрыто, неизвестно для них самих, в глубинах их сердец. Он объясняет силой единого Верховного Бога, почему их горы так высоки, их долины так улыбкивы, их реки и озера кипят жизнью, их фонтаны так свежи и прохладны, а их солнце так умеренно в своем тепле, а луна и звезды, озаренные мягким сиянием, мерцают над глубокой темнотой их рощ.

Он велит им заглянуть в собственную совесть, признать себя грешниками, нуждающимися в искуплении, и указывает им, каким образом Верховный Бог, которого они наполовину уже знали, снизошел до спасения человека.

Сразу же со всех концов острова к нему стекаются новообращенные; они приходят толпами, чтобы креститься, принять новый закон, по которому они могут читать свои собственные сердца; они готовы делать все, что он пожелает; многие, не довольствуясь строгими заповедями, предписанными всем, хотят вступить на путь совершенства: мужчины становятся монахами, женщины и молодые девушки монахинями, то есть супругами Христа. В одном только Мюнстере "было бы трудно, - говорит современный писатель, отец Бренан, -

оценить количество новообращенных, которых он принял, и даже количество церквей и религиозных учреждений, которые он основал".

И так было со всеми остальными провинциями острова. Доказательства по-прежнему стоят перед нашими глазами. Ибо, как справедливо замечает профессор Карри: "Никто, кто сам разбирается, не может сомневаться в том, что во время первой проповеди в Эрине радостной вести о спасении святыми Палладием и Патриком были построены те *бесчисленные* христианские церкви, чьи места и руины так густо покрывают поверхность нашей страны и по сей день, все еще неся через все превратности времени и завоеваний *неизменные имена своих первоначальных основателей*".

Согласно общепринятому мнению, апостольство святого Патрика длилось тридцать три года; но какова бы ни была его реальная продолжительность, несомненно, что его ноги несколько раз пересекали весь остров, а после его ухода из жизни в большом количестве возникали церкви и монастыри, которые оставались, чтобы рассказать о его трудах, когда их основатель скончался.

С Ирландией все было не так, как с Римом, Карфагеном, Антиохией и другими великими городами Европы, Африки и Азии. Не одни только рабы и ремесленники заполняли эти нововозведенные христианские здания. Некоторые из первых мужчин нации приняли крещение. Мы уже рассказывали о семье Лаэгайр. В Коннауте при первом появлении человека Божьего все жители той части провинции, которая сейчас представлена графством Майо, стали христианами; семь сыновей короля провинции приняли крещение вместе с двенадцатью тысячами своих сородичей. В Лейнстере принцы Илланд и Алинд были крещены в фонтане близ Нааса. В Мюнстере Аенгус, король Кашеля, со всей знатью своего клана принял веру. Упоминается также ряд вождей в Томонде; и все племя Далкассиан, столь прославленное до и после в летописях Ирландии, приняло вместе с водами крещения ту пламенную веру, которую ничто не смогло вырвать у них до сих пор.

Многие друиды, отказавшись от своих суеверий, даже отреклись от власти над народом. Мы уже упоминали Дубтаху; его примеру последовали многие другие, среди которых был Фингар, сын короля Клиты, который, как говорят, принял мученическую смерть в Бретани; Фич, ученик Дубтахы, сам поэт, принадлежавший к знатному дому Хай-Баирха в Лейнстере, был возведен святым Патриком в епископы и стал первым обитателем престола Слетти.

Фих был членом бардовского ордена друидов, поэтом по профессии, почитался как ученый человек еще до принятия христианства; при жизни к нему, как к христианскому епископу, обращалось множество людей, и он считался оракулом истины и небесной мудрости.

Тем не менее Патрик столкнулся с оппозицией. Некоторые вожди объявили себя против него, не осмеливаясь открыто нападать на него. Многие друиды, называемые в старых ирландских летописях *волхвами*, всеми силами старались отвратить от него ирландский народ. Но лишь однажды ему угрожала опасность для жизни. На самом деле это была война аргументов. Долгие дискуссии проходили с разным успехом, но в целом заканчивались победой истины.

В итоге во втором поколении после святого Патрика во всей Ирландии не осталось ни одного язычника; само воспоминание о язычестве, казалось, навсегда исчезло из их памяти; отсюда вытекает трудность в определении характера этого язычества.

После его отмены в литературе страны, которая в то время была гораздо более многочисленной, чем сейчас, не осталось ничего ни в ее памятниках, ни в наклонностях народа, что могло бы помешать существованию новоучрежденного христианства, ни в

характере, рассчитанном на то, чтобы придать религиозному культу народа неправильный уклон, как это, как мы видели, происходило в остальной Европе.

Так не можем ли мы заключить, что Ирландия была гораздо лучше подготовлена к новой религии, чем любая другая страна; что, когда она была принята крещением в европейскую семью, она вошла в нее способом, свойственным ей самой, и который закрепил за ней раз и навсегда ее твердую и непоколебимую привязанность к истине?

Ей не пришлось ничего менять в своих нравах после отказа от немногих разрозненных суеверий, к которым она была привержена. Ее песни, ее барды, ее празднества, ее патриархальное правление, ее воспитание остались, христианизированные и освященные ее великим апостолом; клановость проникла даже в монастыри и впоследствии породила некоторые злоупотребления. Но, возможно, святая считала, что лучше допустить существование вещей, которые могут привести к злоупотреблениям, чем сразу и насильственно ниспровергать обычаи, укоренившиеся с веками в самой природе народа, некоторые из которых впоследствии стоили Англии веков немыслимого варварства, чтобы искоренить.

Что касается того, какую именно форму приняло язычество ирландских кельтов, то у нас так мало данных, что создать на их основе какую-либо систему практически невозможно. Из уже процитированного отрывка "Исповеди" можно сделать вывод, что они поклонялись солнцу; и этот отрывок очень примечателен как единственное упоминание святого Патрика об идолопоклонстве среди людей. Если бы оно было лишь эмблемой Высшего Существа, то в его поклонении не было бы ничего идолопоклоннического; а сильные выражения, в которых святой осуждает его, возможно, лишь выражают его опасение, что суеверие невежественных людей может превратить почитание в идолопоклонство. Во всяком случае, не было ни одной статуи, ни одного храма, ни одной богословской системы, воздвигнутой или связанной с ним в какой-либо форме.

Торжественные формы клятв, которые давали и приносили ирландские короли, также заставляют нас предположить, что они оказывали суеверное почтение ветрам и другим стихиям. Но почему это чувство должно выходить за рамки того, что испытывает даже христианин, сталкиваясь с тайнами как естественного, так и сверхъестественного порядка? Пораженный благоговением язычник видел, как сверкает молния, как буря собирается и проносится над ним в величественной ярости; слышал великий голос могучего океана, омывающего или омывающего его берега: он был свидетелем этих чудесных эффектов; он не знал, откуда пришли буря или молния, или голос океана; он трепетал перед невидимой силой, которая двигала ими, - перед своим Богом.

Так его воображение населило его рощи и склоны холмов, его реки и озера безобидными феями; но страна фей никогда не превращалась ни у одного народа в столпотворение жестоких божеств; и мы очень сомневаемся, что такое безобидное суеверие можно по праву назвать даже греховным заблуждением.

По сути, единственное, что могло сделать язычество в Ирландии по-настоящему опасным в противовес проповеди христианства, - это группа людей, которым было поручено заботиться о религии, - друиды, *волхвы* из летописей. Но поскольку мы не находим следов кровавых жертвоприношений в Ирландии, друиды там, вероятно, никогда не носили того характера, который они имели в Галлии; нельзя сказать, что они были жрецами, приносящими жертвы; их служение заключалось лишь в притворных гаданиях или в работе над заклинаниями и заклятиями. Они также внесли суеверие в медицинскую практику и научили людей почитать стихии или таинственные силы этого мира.

Не упоминая ни одного из многочисленных примеров, которые можно найти в истории о действии этих друидических заклинаний и заклинаний, о консультациях с облаками и церемониях, которыми они окружали свое искусство врачевания, мы перейдем к главному: легкости и внезапности, с которой все эти заблуждения исчезли при первой проповеди Евангелия - факт, весьма красноречиво свидетельствующий о силе, которую они оказывали на разум народа. Все естественные обычаи, игры, праздники, социальные отношения, как мы видели, сохранились, многие и по сей день; то, что считалось их религией, с ее церемониями и суевериями, было сразу же отброшено. Весь ирландский ум свободно и щедро распахнулся при простом объявлении о существовании Бога, присутствующего повсюду во вселенной, и принял его. Догма о Святом Духе, не только наполняющем все - "*complens omnia*", - но и обитающем в их душах по благодати, наполняя их любовью и страхом, должна была показаться им естественной. Сами их суеверия должны были подготовить путь для истины, только для этого требовалось изменение - или, если не сказать, более непосредственный и осязаемый объект, занявший место и наполнивший их неопределенную тоску. Иначе трудно объяснить, как в течение нескольких лет друидизм и магия, заклинания и прорицания были заменены чистой религией, учением о небесных милостях, получаемых через молитву, заступничеством сонма святых на небесах, верой в христианские чудеса и пророчества; в то время как едва ли что-либо из римской или греческой мифологии могло быть заменено соответствующими христианскими практиками, хотя папы делали все возможное в этом отношении. Почти все заблуждения ирландских кельтов имели соответствующие истины и святые практики в христианстве, которые можно было легко заменить и сразу же окутать их недоверием или просто забвением. Поэтому в последующей церковной истории Ирландии мы не видим ничего похожего на тот краткий очерк, который мы дали о многих опасностях, возникавших в молодой христианской церкви, которые брали свое начало в прежней религии других европейских народов.

Что касается философии и ее опасностей в Ирландии, то наша задача будет простой, но немаловажной с точки зрения влияния на последующие рассуждения. Умы народов различаются так же сильно, как и их физические характеристики; и чтобы изучить ирландский ум, нам достаточно принять во внимание институты, которыми он руководствовался с незапамятных времен. Они были такого рода, что не могли не принадлежать традиционному народу. Все патриархальные племена обладают этим общим характером, но ни одно, пожалуй, не проявляется так ярко, как кельты.

В характере таких людей нет ничего рационалистического; они принимают старые факты, а если и рассуждают о них, то лишь для того, чтобы найти доказательства, а не мотивы для сомнений. Они никогда не доводят свои дискуссии до придинок, синонимичных отклонению, что, по-видимому, является удовольствием тех, кого мы называем рационалистическими расами. Именно среди них зародилась философия, и среди них же она процветает. Своими острыми рассуждениями они могут расширить человеческий разум, открыть новые горизонты и, если их ограничить в справедливых рамках, действительно обогатить понимание человека. Мы далеки от мысли, что философия приносит только вред, и что было бы благословенно, если бы человеческий интеллект всегда оставался в спящем состоянии, не пытаясь постичь философскую истину и подняться над обыденным уровнем; мы слишком уважаем великие имена Августина, Ансельма, Фомы Аквинского и многих других, чтобы придерживаться такого мнения.

И все же нельзя отрицать, что чрезмерное изучение философии породило множество бед среди людей, часто было подчинено заблуждениям, в лучшем случае стало для многих умов источником холодного и унылого скептицизма.

Ни одна раса людей, пожалуй, не была так склонна следовать этим интеллектуальным отклонениям, как кельтская, в основном благодаря своим традиционным склонностям.

До того как до них дошло христианство, интеллектуальные занятия кельтов сводились в основном к истории и генеалогии, медицине и ботанике, юриспруденции, песням, музыке и художественной обработке металлов и драгоценных камней. Таков был обычный *учебный план* друидических занятий. Астрономия и физические науки, а также знания о "природе вечного Бога", по словам Цезаря, широко изучались в галльских школах. Некоторые элементы этих интеллектуальных занятий могли занимать и внимание ирландского студента в течение двенадцати, пятнадцати или двадцати лет подготовки к *посвящению* в высшую степень оллама. Но самые древние и достоверные документы, которые мы изучили до сих пор, не позволяют нам утверждать, что так было в какой-либо степени.

Однако в христианские времена астрономия в Ирландии изучалась лучше, чем где бы то ни было, что подтверждается необычайным импульсом, который придал этой науке Вергилий Зальцбургский, который, несомненно, был ирландцем и получил образование в своей родной стране.

Поэтому только в Церкви они получили высшее интеллектуальное образование в области философии и богословия Писания и Отцов. Известно, что благодаря введению в школах латинского и греческого языков в дополнение к просторечию, Библия на латыни и греческом, труды многих отцов на обоих языках, а также самые знаменитые произведения римских и греческих классиков стали интереснейшими предметами изучения. Они переписывали эти произведения для собственного пользования в *скрипториях* своих многочисленных монастырей. Мы до сих пор располагаем некоторыми из этих рукописей шестого и последующих веков, и среди тех, что остались от английских, французских или итальянских монастырей упомянутых периодов, нет ни одной более красивой или правильной.

В седьмом, восьмом и девятом веках ирландские школы прославились на всю Европу. Молодые англосаксы из лучших семей отправлялись получать образование в Иннисфейл, как тогда часто называли остров; и из этих знаменитых учебных заведений многочисленные учителя и миссионеры отправлялись в Англию, Германию (в основном вдоль Рейна), Францию и даже Швейцарию и Италию.

Однако в истории всех этих интеллектуальных трудов мы никогда не читали о поразительных теориях в области философии или теологии, выдвинутых кем-либо из них, если не считать эксцентричного Иоанна Скота Эригены, которого Карл Лысый, при дворе которого он жил, защищал даже от справедливой строгости церкви. Никогда не изучавший богословия, он взялся за догматику и, возможно, стал бы основателем какой-нибудь ереси, если бы нашел сторонников в Германии или Франции.

Но он единственный ирландец, который когда-либо угрожал миру Церкви, а через нее и всему миру. Дунс Скотус, если бы он был ирландцем, никогда не учил никаким заблуждениям и всегда оставался признанным лидером в католических школах. К чести Эрин следует сказать, что ее дети всегда боялись хоть в малейшей степени отклониться от пути веры. И было бы неверно полагать, что столь свойственная им сохранность от ереси, которой они выгодно отличаются от всех других европейских народов, происходит от тупости ума и неспособности следовать сложной аргументации. Они демонстрируют остроту своего понимания тысячью способов: в поэзии, в романтических сказках, в повествовательных

сочинениях, в юридических тонкостях и аргументах extempore, в изучении медицины, а главным образом в том мастерском красноречии, которым отличаются столь многие из них. Кто скажет, что они не могли также достичь высокого уровня в философских дискуссиях и онтологических теориях? Они всегда воздерживались от таких занятий в силу естественной несклонности, что делает им честь и спасает их в наше время, как мы увидим в следующей главе, от бесчисленных бед, от которых страдает общество повсюду и которым оно даже угрожает гибелью.

Таким образом, среди многочисленного и разностороннего потомства Иафета одна маленькая ветвь сохранила себя в стороне от всеобщего движения всей семьи; и, приняв христианство и заняв место в содружестве западных народов, она знала, как сделать это по-своему, и таким образом прочно ухватилась за спасительные доктрины, переданные всей расе с великой целью - целью, к сожалению, часто терпящей поражение - воплотить в жизнь возвышенный идеал христианской религии.

Подробные сведения о различных обстоятельствах, связанных с введением нашей святой веры в Ирландии, в этой главе были весьма ограничены, поскольку главной целью было рассказать о подготовке нации к этому. В следующей главе мы непосредственно рассказываем о том, чего можно было коснуться лишь во второй части.

ГЛАВА IV.

КАК ИРЛАНДЦЫ ПРИНЯЛИ ХРИСТИАНСТВО.

Для обращения язычников в христианство Бог предоставил человеку множество внешних доказательств откровения в дополнение к внутреннему импульсу своей благодати. Эти внешние доказательства обычно называют "свидетельствами религии". Они оказывают свое главное воздействие на пытливые умы, знакомые с философскими рассуждениями, и придают большое значение истине, полученной путем логического вывода. Благодаря им многие язычники Греции и Рима были обязаны своим обращением; благодаря им в наши дни многие незнакомые люди, поразмыслив, приходят к вере Христовой, всегда предполагая первостепенное влияние Божественной благодати на их умы и сердца.

Но легко заметить, что, за исключением редких случаев, те, кто обретает истину в результате такого процесса, с некоторым трудом попадают под влияние сверхъестественного, которое составляет существенное основание христианства. Это влияние, правда, является лишь эффектом действия Святого Духа на душу новообращенного; но Святой Дух действует в соответствии с расположением души; и мы знаем, из того, что было сказано о характере религии среди римлян и греков в ранние дни Церкви, что потребовались долгие века, вливание северной крови и простота новых рас, незагрязненных языческой мифологией, чтобы внушить людям то глубокое сверхъестественное чувство, которое со временем стало отличительной чертой веков веры. Ирландия сразу же прониклась этим чувством, и поэтому в самом начале она приняла христианство более основательно, чем любая другая западная нация.

Дело в том, что, что бы ни думали и ни говорили, христианская религия, со всей прелестью, которую она придает этому миру при правильном понимании, никогда не разрушая природу, но всегда помня о ней и посвящая ее Богу, действительно наделенная, следовательно, как земными, так и небесными обещаниями, - христианская религия все же в основе своей сверхъестественна, полна благоговения и тайны, небесна и непостижима, прежде чем стать земной и благодарным объектом чувства.

Не рассматривая различные формулы, которые ересь заставляла непогрешимую Церковь время от времени провозглашать и навязывать своим детям, один только Апостольский Символ веры сразу же переносит человека в область сверхъестественного, в само небо. Троица, Воплощение, Искупление, миссия Духа Святого на земле, общение святых, прощение грехов и воскресение мертвых - все это тайны, требующие откровения от Самого Бога, чтобы сделать их известными человеку и заставить его поверить в них. Разве не благодаря им человек, даже находясь на земле, напрямую общается с небесами?

Твердо верящий в эти тайны человек уже является небесным гражданином по вере и надежде. Он обрел новую жизнь, новые чувства, как бы новые способности ума и воли - все, что, очевидно, выше природы.

И из многих отрывков Нового Завета ясно, что наш Господь желал, чтобы жизнь Его учеников была полностью пронизана этой сверхъестественной сущностью. Они не должны были быть людьми земными, земными, но гражданами другой страны, небесной и вечной. Отсюда требуемая от них святость и совершенство - святость, по словам Христа, подобная святости Самого Небесного Отца; отсюда презрение к вещам этого мира, столь настоятельно рекомендованное нашим Господом; отсюда уверенность в том, что люди призваны быть сынами Божиими, что вечный Сын воплотился, чтобы приобрести для нас эту славную привилегию; отсюда, наконец, столь частая рекомендация в Евангелии полагаться на Бога в этой жизни и искать прежде всего духовных благословений.

Эта надежда изложена в Нагорной проповеди в таких выражениях, что, если понимать ее буквально, человек должен полностью пренебречь своими временными преимуществами, полностью забыть о *природе* и думать только о *благодати*, или, скорее, ожидать, что вещи природы будут даны нам нашим небесным Отцом, "который знает, что мы нуждаемся в них".

Природа, следовательно, принимает новый аспект в этой системе. Она больше не является совокупностью временных благ, которые находятся в пределах досягаемости усилий человека и которые он должен добыть для себя сам. Это, действительно, мирское сокровище, принадлежащее Богу, как и все остальное, и которое рука Божья обильно рассыпает среди своих созданий. Бог не преминет дать каждому то, в чем он нуждается, если у него есть вера. Таким образом, Бог всегда виден в природе; и искупленный человек, возвысившийся над полевыми зверями, смотрит на этот мир другими глазами, нежели телесными.

Если бы христианство было буквально понято теми, кто впервые принял его, оно бы полностью изменило моральный, социальный и даже природный облик вселенной. Изменения, произведенные новой религией, были действительно поразительными, но не такими, какими они могли бы быть, если бы сверхъестественное полностью завладело человеческим обществом. Это произошло в Ирландии, и, можно сказать, в одной только Ирландии.

Начиная с проповеди святого Патрика, мы отмечаем его заботу о том, чтобы передать своим новообращенным достаточное знание христианских тайн, но, прежде всего, чтобы эти тайны влияли на их жизнь, воздействуя на сердце нового христианина сильнее, чем даже на разум.

Так, в прекрасной легенде об Этне и Фелимии святой, не довольствуясь наставлениями об атрибутах Бога, Троице и других сверхъестественных истинах, идет дальше; он требует изменения всего их существа, чтобы оно одухотворилось: глубоко возбуждая их чувства, говоря о Христе как о своем супруге, заставляя их желать принять Его в святой Евхаристии

даже ценой своей временной жизни, он настолько возвышает их над природой, что они действительно просят о смерти. "И приняли они Евхаристию Божию, и уснули в смерти".

Опять же, в гимне Тары небесный дух, который заключается в тесном единении с Богом и Христом, выражен так восхитительно, что мы не можем удержаться от того, чтобы привести выдержку из него, отметив, что этот прекрасный гимн был великой молитвой всех ирландцев во все века вплоть до наших дней, хотя, к сожалению, сейчас он не так широко известен и используется ими, как раньше:

"В Таре, сегодня, пусть сила Божья испробует меня, пусть сила Божья сохранит меня, пусть мудрость Божья наставит меня, пусть око Божье увидит меня, пусть ухо Божье услышит меня, пусть слово Божье сделает меня красноречивым, пусть рука Божья защитит меня, пусть путь Божий направит меня, пусть щит Божий защитит меня" и т. д.

"Христос да будет со мной, Христос предо мной, Христос после меня, Христос во мне, Христос подо мной, Христос надо мной, Христос справа от меня, Христос слева от меня; ... Христос в сердце каждого, с кем я говорю, Христос в устах каждого, кто говорит со мной, Христос в каждом глазу, который видит меня, Христос в каждом ухе, которое слышит меня!"

Могло ли что-то более сильное сделать из тех, кого он обратил, настоящих сверхъестественных христиан - забывших об этом мире и думающих только о другом, более светлом?

К моменту его приезда остров был полон сверхъестественных суеверий. Друиды, по мнению людей, обладали силой, неподвластной человеку; история свидетельствует о том же явлении во всех языческих странах, не исключая и те, что существуют в наше время. Для того чтобы одолеть *волхвов*, требовалась настоящая сверхъестественная сила.

Поэтому, по словам Пробуса, маги, которым было предсказано прибытие Патрика, подготовились к поединку, и несколько вождей поддержали их. Престижи были, таким образом, испытаны в противоборстве с чудесами; но, как Моисей одержал победу над властью египетских жрецов, так и Патрик - над кельтскими магами. Говорят даже, что в одном из состязаний погибли пять друидов.

Иногда смертью наказывали и князей. Рейд, глава клана, пришел со своими друидами и со словами заклинаний, написанными под белыми одеждами; он упал замертво. Сам Лэгхейр, Ард-Риг всей Ирландии, чья семья приняла христианство, но отказалась от своих суеверий, погиб вместе со своими многочисленными сопровождающими.

Но еще более необычным явлением было то, что смерть, которая часто была наказанием за неверие, так же часто становилась благом, которого желали новообращенные христиане, настолько полностью они находились под влиянием сверхъестественного. Поэтому Руису было трудно поверить. Чтобы укрепить его веру, Патрик вернул ему молодость, а затем предоставил выбор между этим сладким благословением жизни и счастьем рая; Руис предпочел умереть, как Этна и Фелимия.

Однажды бард Сехналл сказал святому Патрику, что хотел бы воспеть хвалу святому, которым еще владеет земля. "Поспеш, - сказал Патрик, - ибо ты у ворот смерти". Сехналл, не только не смущенный, но и полный радости, спел славный гимн в честь Патрика и сразу после этого умер.

Кинреча подошла к двери монастыря святого Сенана. "Что общего между женщинами и монахами?" - сказал святой аббат. "Мы не примем тебя". "Прежде чем я покину это место, -

ответила Кинреча, - я возношу эту молитву Богу, чтобы душа моя покинула тело". И она опустилась на землю и скончалась.

Различные жития апостола Ирландии и его преемников полны фактов подобного рода. Если даже писатели придали некоторым из них высокую оценку, несомненно одно: люди, жившие во времена апостольства, твердо верили в них и передавали свою веру своим детям. Более того, ничто так не способно придать первобытному народу, как ирландцы, сильный сверхъестественный дух и характер, как заставить его презирать земные радости и тосковать по лучшей стране.

Действительно, в жизни святого Патрика и его соратников слишком много фактов подобного рода, чтобы можно было обвинить их не то что в навязывании, а даже в заблуждении. Желание умереть, чтобы соединиться с Христом; безразличие, по крайней мере, к продлению существования; готовность, если не радость, с которой было воспринято объявление о смерти, так часто упоминаются в этих старых легендах, как обычные события, никого не удивляющие, что их следует признать как факты, часто имевшие место в те ранние века.

И, что еще более поразительно, это чувство принятия смерти, либо как благо, либо как нечто само собой разумеющееся, с совершенной покорностью воле Божьей, похоже, было характерно для ирландского народа на протяжении всего времени, начиная с принятия христианства. Это часто можно наблюдать в наши дни, и проявляется это в равной степени как у молодых, так и у людей среднего и пожилого возраста. Молодые, закрывая глаза на ту яркую жизнь, сладость которой они еще едва вкусили, никогда не ропщут на то, что их лишат ее, хотя надежда так манит их; люди среднего возраста, отозванные в разгар еще неосуществленных проектов, видят внезапный конец всего, что прежде интересовало их, не имея иной заботы, кроме как о детях, которых они оставят после себя; Старики, среди других рас, как правило, столь живучие, радуются, что настал их последний час, и говорят только о своей радости, что наконец-то они "возвращаются домой", в ту страну, куда до них ушло столько их друзей и родственников.

Это само по себе накладывает на кельтский характер неизгладимый отпечаток, отличающий его от всех других, даже христианских народов.

Вторым признаком того, что сверхъестественное с самого начала прочно завладело ирландцами, является их твердая вера в силу священства. Это настолько бросается в глаза, что враги и представители Церкви называют их "народом, одержимым священством". Давайте подумаем, является ли это упреком.

Если христианство истинно, то что такое священство? Даже среди греков, от которых ранее исходило столько ересей, пока они не были уничтожены расколом и его наказанием - турецким рабством, когда великие врачи, посланные им Провидением, говорили на эту тему, каковы были их слова, и какое впечатление они производили на их высокомерных слушателей? На этот вопрос ответит святитель Иоанн Златоуст. Его длинный трактат, написанный другу Василию, - это не что иное, как пылкое описание великих привилегий, данных христианскому священнику Самим Первосвященником - Христом Господом нашим.

Когда великий проповедник из Антиохии, еще не будучи священником, описывает ужасный момент жертвоприношения, алтарь, окруженный ангелами, сошедшими с небес, человека, посвященного в должность, которая выше любой другой на земле и столь же высока, как должность воплощенного Сына Божьего - Сам Бог сходит сверху и низводит с собой небеса - кто может верить в христианство и не быть пораженным благоговением?

Кто может читать слова Христа о том, что любой человек, наделенный этим достоинством, послан Им, как Он Сам был послан Своим Отцом, и не испытывать врожденного уважения, причитающегося таким божественным почестям? Кто может читать подробности этих привилегий, касающихся отпущения грехов, дарования благодати через таинства, непогрешимого учения истины, власти, даже дарованной им иногда над природой и болезнями, не чувствуя себя перенесенным в мир, находящийся намного выше этого, и не возлагая свою уверенность на то, что Сам Бог объявил столь могущественным и главенствующим в потусторонних мирах?

Таково, в нескольких словах, христианское священство, если христианство обладает реальностью и не является самозванством. Поэтому среди всех народов, где существует здоровая вера, к служителям Божиим проявляется величайшее уважение; но ирландцы во все времена были наиболее стойкими в своем почитании и доверии. И если мы выясним причину их такого положения, то обнаружим, что другие народы, твердо веря словам Христа, не закрывают глаза на человеческие слабости и с большим подозрением смотрят на поведение людей, облеченных столь высоким достоинством, но в то же время подверженных земным страстям и грехам; ирландцы же, напротив, со всей порывистостью своей натуры предаются чувству, главенствующему в их сердцах, которое всегда является доверием и готовностью положиться.

Но это утверждение, какова бы ни была его внутренняя ценность, само нуждается в дальнейшем объяснении, которое можно найти только в большей привлекательности сверхъестественного для ирландской натуры, когда она развита благодатью. Они полностью и без подозрений принимают все небесное, потому что больше других чувствуют, что созданы для неба, и земля, следовательно, имеет для них меньше привлекательности. Они цепляются за мир, который намного выше этого, и все, что принадлежит ему, дорого для них.

Поэтому с первой проповеди христианства среди них все земные достоинства меркли перед небесными почестями священства. Святой Патрик учил их, что даже высшие обязанности настоящего христианского короля гораздо ниже обязанностей христианского епископа.

Король, по словам апостола Ирландии - а его слова стали каноном ирландской церкви, - "должен не судить никого несправедливо; быть защитником странника, вдовы и сироты; пресекать воровство, наказывать прелюбодеяние, не держать у себя ни шутов, ни безнравственных людей; не возвеличивать беззаконие, а выметать нечестивцев из страны, истреблять отцеубийц и лжесвидетелей; защищать бедных, назначать справедливых людей для управления делами королевства, советоваться с мудрыми и умеренными старцами, справедливо и стойко защищать свою родину от врагов; во всем уповать на Бога."

Все это, очевидно, относится только к внешнему управлению. Но "епископ должен быть рукой, поддерживающей, лоцманом, направляющим, якорем, который держит, молотом, который бьет, солнцем, которое просвещает, росой, которая увлажняет, скрижалей, на которой пишут, книгой, которую читают, зеркалом, в которое смотрят, ужасом, который устрашает, образом всего доброго; и пусть он будет всем для всех".

Под этим метафорическим стилем мы видим все внутренние качества духовного христианского наставника, который учит не только авторитетом, но и примером.

И, по мнению обращенных Патриком, разве епископы, аббаты и священники, поддерживаемые невидимой силой, не были сильнее всех видимых армий и стражников королей и князей?

"Когда король Кашеля осмелился спорить со святым аббатом Мокемоком, в первую ночь после спора старик взял короля за руку и повел его к северным городским стенам; там он открыл королю глаза, и тот увидел всех ирландских святых своего пола в белых одеждах, с Патриком во главе; они были там, чтобы защитить Мокемока, и заполнили равнину Фемина.

"На вторую ночь старик пришел снова и отвел короля к южной стене, и там он увидел белокожую славную армию ирландских девственниц во главе с Бриджит: они тоже пришли защищать Мохоэмок и заполнили равнину Монаэль". 1

(1 Многие цитаты в этой главе взяты из "Легенды. Hist." Дж. Г. Ши).

В летописях ни одного другого христианского народа мы не видим столько примеров власти служителей Божьих наказывать злых и помогать добрым, как в жизнеописании Ирландии. Плохие короли и вожди обличаются, проклинаются, наказываются; бедные получают помощь, угнетенные избавляются от своих врагов, больные восстанавливают здоровье, мертвые даже воскресают - эти примеры читатель встречает почти на каждой странице житий ирландских святых. Болландисты, привыкшие встречать подобные чудеса в издаваемых ими житиях, нашли в ирландской агиографии такой избыток их, что отказались включить в свой замечательный сборник множество уже опубликованных или находящихся в рукописях. Тем не менее, критики наших дней, не найдя ничего невозможного или недостойного Бога в большом собрании Колгана и других ирландских антикваров, выражают свое удивление по поводу их исключения из собрания Болланда.

Никто, по крайней мере, не откажется признать, что, правдивы они или нет, факты, изложенные в этих житиях, всегда вызывают благочестие и благоухают верой. Они, безусловно, доказывают, что во все периоды своего существования ирландцы проявляли святую жадность ко всему сверхъестественному и чудесному. Разве они не знают, что наш Господь обещал дары такого рода своим апостолам и их преемникам? И то, что в деяниях апостолов и многих деяниях мучеников положительно утверждается как происшедшее в самом начале существования Церкви, ничуть не менее необычно и физически невозможно, чем то, о чем говорится в ирландских легендах.

Каждая христианская душа, естественно, возмущается неверием Штрауса или Ренана в отношении первых; так не будет ли противоестественным для той же христианской души отвергать вторые, потому что они подпадают под легкую усмешку "ирландской легенды" и не содержатся в Священном Писании?

Как бы то ни было, вера ирландцев никогда не колебалась в таких вопросах, и сегодня они придерживаются той же уверенности в силе священников, которая повсеместно встречается нам на страницах Колгана и Уорда. Причина в том, что они безоговорочно признают христианство, а оно во всей своей полноте является сверхъестественным. Критика человеческого разума в отношении святых вещей имеет в их глазах характер святотатства и богохульства; такая критика является для них открытым неуважением к божественным вещам; а поскольку божественные вещи, по сути, более реальны, чем могут быть явления, подчиняющиеся естественным законам, скептицизм в первом случае всегда более неразумен, чем во втором, если предположить, что рассказ о божественных милостях опирается на достаточный авторитет.

Поэтому очевидно, что с момента проповеди христианства в Ирландии мир предстал перед жителями этой страны в ином свете, нежели тот, в котором его видели другие люди. Для них природа никогда не отделяется от своего Создателя, рука Бога всегда видна во всех мирских делах, а страшное разделение духовного и материального миров, впервые зародившееся в

бэконовской философии и достигшее в наши дни кульминации в почти открытом отрицании духовного и, таким образом, материализации всего сущего, справедливо рассматривается детьми святого Патрика со священным ужасом как ведущее к атеизму, если не к самому атеизму.

Не впадая в такие крайности, как заклятые неверные современности, все другие христианские народы, казалось, боялись делать логические выводы, предпосылки которых были заложены откровением. Они пытались проследить *путь* между истиной и заблуждением; они в определенной степени допускали разделение Бога и природы, полагая, что акт творения произошел много веков назад, а не продолжался в течение всего времени; и, таким образом, в соответствии со своей системой, они обязаны считать чудеса очень необычными вещами, которым нельзя верить *prima facie*, требующими бесконечных предосторожностей, прежде чем допустить предположение об их происхождении; все это указывает на реальное отвращение к их допущению и врожденный страх перед предположением о всемогуществе, справедливости и благодати Бога. Это первый шаг к манихейству и родственным ему заблуждениям; и большинство христианских народов, к сожалению, впитав принципы этих заблуждений в философию нового времени, почти утратили всякую веру в сверхъестественное и свели откровение к скудной и холодной системе, нереализованной и не подлежащей воплощению в человеческой жизни.

Не так ирландская религия глубоко вошла в их жизнь. Это вещь каждого момента и каждого места. Природа, творение Божье, вместо того чтобы отталкивать их от самого Бога, мягко, но настойчиво влечет их к Нему, так что они чувствуют себя истинными получателями благословений Божьих, будучи причастными к благословениям природы.

И неужели служители Божьи, получившие столь необыкновенную власть над сверхъестественным миром, должны быть полностью лишены власти над низшей частью творения? Кто может так говорить и при этом искренне верить в слова нашего Господа? Кто может так говорить и действительно называть себя последователем и соратником святых, которые так твердо верили в постоянное действие Бога в этой, меньшей части Его творения?

И эта вера ирландцев в силу священства - не вчерашний день. Она возникла с момента принятия ими христианства и, напомним, сохранится навсегда. Поэтому ее следует тщательно отличать от той любви к каждому священнику Божьему, которая так горячо бьется в сердцах всех этих людей и которая так укрепилась в результате долгих гонений и страданий.

В Ирландии, как и в любой другой христианской стране, священство всегда выступало на стороне народа против его угнетателей. В первые века христианства на острове епископы, священники и монахи часто были вынуждены использовать свой авторитет и власть против князей и вождей кланов, привыкших грабить, разрушать и убивать под малейшим предлогом и не умевших сдерживать свои яростные страсти, разжигаемые враждой и гордыней силы и храбрости. Некоторые из этих вождей даже противились распространению религии; рассказывают, что Эоход, король Ольстера, бросил в море двух своих дочерей, которых Патрик крестил и посвятил Богу.

На протяжении нескольких столетий главы кланов были настолько непокорны и так трудно поддавались игу Христа, что святые, встав на сторону бедняков, должны были стоять как медная стена, сдерживая ярость великих и могущественных.

Даже Бриджит, скромная и нежная дева, часто сурово отзывалась о князьях и правителях. "Когда она жила в земле Брегия, невестка короля Коннала пришла просить ее молитв, ибо

была бесплодна. Бриджит отказалась идти к ней, но, оставив ее без присмотра, послала одну из своих служанок. Когда монахиня вернулась: "Матушка, - спросила она, - почему вы не пойдете к королеве? Вы молитесь за крестьянских жен". "Потому что, - ответила раба Божия, - бедняки и крестьяне почти все добрые и благочестивые, а сыновья царей - змеи, дети крови и блуда, за исключением небольшого числа избранных". Но, в конце концов, раз уж она прибегла к нам, вернись и скажи ей, что у нее будет сын; он будет злым, и род его будет проклят, но он будет царствовать много лет".

Можно привести множество подобных примеров, когда святые и служители Божьи всегда встают на сторону бедных и беспомощных; их огромное количество в житиях старых святых сразу же дает основания для глубокой любви, которую низший класс ирландского народа испытывал к святым людям, которые были одновременно и слугами Божьими, и их помощниками в любой беде.

То же самое можно найти во всей последующей истории острова, главным образом в последние эпохи гонений. Но, как мы уже говорили, эту привязанность и любовь следует отличать от чувства благоговения и трепета, проистекающего из сверхъестественного характера их должности. Первое чувство - просто естественное, порожденное делами благодеяния и святой благотворительности, о которых с любовью вспоминают те, кому они помогли. Второе было следствием религиозной веры в святость священнического характера и оставалось в полной силе даже тогда, когда сами бедняки попадали под упреки или угрозы в результате какого-либо проступка или порочной привычки.

Отсюда всеобщее уважение, которое вся раса питает к своим духовным правителям, и их несокрушимая уверенность в их высоких прерогативах. В процветании и в невзгодах, в свободе и в подчинении они всегда сохраняют инстинктивную веру в невидимую власть, которой Христос наделил тех, кого Он избрал своими служителями. Это чувство, которое, несомненно, встречается среди добрых христиан во всех местах, так же, как и среди отдельных людей; но среди ирландских кельтов оно скорее правило, чем исключение.

Поэтому они вполне заслужили в этом смысле, со времен Святого Патрика и до наших дней, звание "народа, одержимого священниками", которое закрепилось за ними в качестве упрека со стороны тех, для кого любая вера в сверхъестественное - это вера в самозванство.

Другой и еще более сильный факт, иллюстрирующий степень, до которой ирландцы во все времена доводили свою преданность сверхъестественному характеру христианской религии, - это необычайная пылкость, с которой они с самого начала устремились на высокий путь совершенствования, называемый путем "евангельских советов". Нигде в истории христианства не было подобных сцен.

Для огромной массы людей обычный образ жизни - это исполнение заповедей Божьих; лишь немногие чувствуют, что их призывают вступить на другой путь, и внутренне ощущают необходимость быть "совершенными".

В Ирландии ситуация с самого начала была совершенно иной. Святой Патрик, несмотря на то, что он хорошо знал склонности этой расы, в своей "Исповеди" выражает удивление и восторг, которые он испытал, увидев, каким образом и в каком количестве они просили посвятить их Богу в первый же день после крещения. При этом они сознавали, что такое стремление вызовет еще большее противодействие со стороны их родственников и друзей-язычников. Так мы читаем о судьбе дочерей Еохада, а также об истории Этны и Фелимии.

Весь народ, по сути, внезапно был охвачен святым порывом и сразу же вознесся на высоту христианской жизни. Монастыри и женские обители не могли быть построены достаточно быстро, хотя они довольствовались самыми легкими тканями - плетеные изделия были обычным материалом для стен, а тонкие рейки - для крыш.

Это не был эфемерный пыл, подобно костру из жнивья или соломы, вспыхивающему на мгновение, чтобы затем вновь погрузиться в глубокий мрак. Он продолжался несколько столетий; он все еще пылал в полную силу во времена Колумбы, более чем через двести лет после Патрика; он разросся до огромного пожара в седьмом и восьмом веках, когда множество людей устремились с этого пылающего острова блаженных, чтобы распространить священный огонь по всей Европе.

Как народ продолжал размножаться, когда столько людей посвятили себя святому безбрачию, можно объяснить только большим количеством детей, которыми Бог благословил тех, кто вел обычную жизнь, и которые, судя по хроникам того времени, должны были быть в меньшинстве.

От первых монастырей и монастырских построек не осталось ни единого следа, потому что они были построены из тленных материалов, но в каждом из них жили сотни, а то и тысячи монахов или монахинь.

Но даже в наши дни мы имеем наглядное подтверждение того, во что люди едва ли могли заставить себя поверить или, по крайней мере, назвали бы преувеличением, если бы не сохранились веские доказательства. Бог внушил своим детям мысль о возведении более основательных сооружений, о строительстве каменных стен и покрытии их черепицей и металлом; и остров буквально покрылся не готическими замками, не роскошными дворцами и пышными строениями, а большими и удобными зданиями и церквями, в которых религиозная жизнь обитателей могла протекать с большим комфортом и в уединении от мира.

Во времена Реформации все эти приюты совершенства и аскетизма были, конечно, осквернены, обращены в гнусные или рабские цели, многие разрушены до основания; еще большому числу было позволено постепенно прийти в упадок и превратиться в груды развалин.

И что же произошло, когда английское правительство, не в силах больше сопротивляться общественному мнению, было вынуждено согласиться на обследование бедных и сравнительно немногочисленных останков, которые еще сохранились, чтобы продемонстрировать интерес к прошлой истории острова; когда были назначены уполномоченные для публикации списков и схем бывших жилищ "святых", которые "рвение" "реформаторов" сносило без пощады? К всеобщему изумлению, по сохранившимся руинам было доказано, что большую часть острова когда-то занимали монастыри и монастыри всех мастей. А профессор О'Карри, основываясь на местных традициях и географических и топографических названиях, выразил уверенность, что многие из них можно отнести к временам Патрика и его первых спутников.

Таким образом, совершенно ясно, что с самого начала ирландцы были не только "священниками", но и очень привязаны к "монашеским суевериям".

И все же мы не сможем составить полного представления об этой привязанности, если ограничимся перечислением реально возведенных зданий, если предположить, что такое перечисление возможно в настоящее время. Ведь по многим фактам, приводимым в

ирландской агиологии, мы знаем, что многие из тех, кто посвятил себя жизни покаяния и аскезы, не селились даже в скромных строениях первых монахов, но, считая себя недостойными общества своих собратьев или осужденными суровым, но справедливым "другом их души", как тогда называли духовника, скрывались в горных пещерах, в глуши лесов и перелесков или изгоняли себя на скалы, вечно омываемые морскими волнами.

Да, было время, когда страшные одиночества Гебридских островов, пугающие современного туриста во время его летних исследований, кипели христианской жизнью, и каждая скала, пещера и песчаная полоса имели своего обитателя, и этим обитателем был ирландский монах.

Иногда они проводили семь лет на пустынном островке, совершая покаяние за один-единственный грех. Часто они проводили целую жизнь на скале посреди океана, наедине с Богом, не имея иного общения, кроме общения с совестью.

Кто знает, сколько тысяч людей вели такую жизнь, шокирующую, конечно, чувства мирских людей, но на самом деле посвященную созерцанию того, что выше природы, - жизнь, следовательно, возвышенную и святую?

Если перейти от уединения к многочисленным ульям, где пчелы первобытного христианства в Ирландии трудились, строя свои гребни и выделяя мед, что мы увидим? Люди обычно думают, что все монастырские учреждения были похожи друг на друга; что средневековые учреждения были просто воспроизведением более ранних. Аббат, три обета, аскетизм, псалмодия, учеба - таковы общие черты, присущие всем; но у ирландских монастырей были особенности, которые стоит рассмотреть. Мы найдем в них более сильное выражение сверхъестественного, возможно, более небесный оттенок, большее забвение мира, его нравов и привычек, его страстей и целей.

Все, что он знал об этой святой жизни, Патрик узнал в Леринском монастыре, где Запад отразил более правдиво, чем когда-либо впоследствии, восточный свет великих основателей монашества в Палестине и Египте.

Первое, что следует отметить, - это отсутствие, в значительной степени, строгой системы. Датчане, приняв христианство, и англо-норманны ввели ее впоследствии; но гений ирландской расы совершенно не приемлет ее, и скандинавские расы в последующие века вряд ли когда-либо могли подчинить их холодному единообразию железного правила.

Установил ли святой Патрик правила в основанных им монастырях? А святой Колумба двумя столетиями позже? Устанавливал ли правила кто-нибудь из великих мастеров духовной жизни, которые, как известно, оказали влияние на мир ирландских монастырей? Ничего подобного не только не передано нам, но и не упоминается в житиях святых аббатов, которыми мы располагаем.¹ (1 "Ирландские покаяния", подробно цитируемые в книге преподобного доктора Морана "Ранняя ирландская церковь", не являются монашескими правилами, хотя многие каноны касаются монахов). Правило святого Колумбана - единственное, дошедшее до нас; но все основанные им монастыри находились в Бургундии, Швейцарии, Германии и Италии - то есть за пределами Ирландии, за пределами острова святых. Он был вынужден снабдить свои монастыри письменными правилами, поскольку они были окружены варварскими народами, некоторые из которых часто принимали монахов в свои заведения, и которым святость Ирландии была незнакома или совершенно неизвестна. Но почему народ Божий, живущий на его преданном острове, искупленный сразу же после рождения в водах крещения, должен быть скован постановлениями, которые могут служить препятствием для действия Святого Духа на их свободные души?

Согласно общепринятому мнению, у каждого основателя монастыря было свое правило, которому он сам следовал во всей строгости; если приходили ученики, они должны были соблюдать его или уходить в другое место; если, приняв его, они оказывались не в состоянии соблюдать его в точности, настоятель был снисходителен и не налагал на них бремя, которое они уже не могли нести, предварительно доказав свою готовность следовать ему.

Так, сообщается, что святой Мохта был единственным, кто в точности исполнял свое правило, а его монахи подражали ему, как могли. Святой Финтан, склонный к суровости, получил в видении следующее предупреждение: "Борись до конца сам; но остерегайся стать причиной злословия для других, требуя, чтобы все сражались так же, как ты, ибо одна глина слабее другой".

Таким образом, каждый основатель, каждый аббат, предоставленный руководству Святого Духа, практиковал аскезы, которые в наши дни самопотакания кажутся совершенно невероятными, и проявлял суровость к тем, кто находился под его властью. Но эта строгость была сдержана таким рвением к благу душ, а следовательно, таким несомненным милосердием, что кающийся монах нес свое бремя не только с покорностью, но и с радостью. В последующие века это стало характерной чертой ирландского монашества.

Жизнь Колумбы полна примеров этой святой суровости. В житии святого Патрика мы читаем, что Колман умер от жажды, вместо того чтобы утолить ее до времени, назначенного его господином.

Сколько подобных фактов можно привести! Достаточно сказать, что после стольких веков, в течение которых, благодаря варварским гонениям, все церковные и монашеские традиции были утрачены Ирландией из-за полной невозможности следовать им, ирландцы по-прежнему проявляют заметную склонность к святой строгости покаяния, хотя весь остальной христианский мир, кажется, почти полностью забыл о ней.

Но если ирландским монастырям не хватало системы, то в то же время в них присутствовал избыток чувств, восторженный порыв, который нигде не встречается в такой степени, и который мы называем их второй особенностью после принятия христианства. Это прекрасно выражено в гимне из службы святого Финиана: "Вот день радости; клерки аплодируют и радуются; солнце справедливости, которое было скрыто в облаках, снова сияет".

Как только этот первобытный энтузиазм, казалось, хоть немного ослабевал, появлялись реформаторы, чтобы разжечь его снова. Такими были Бриджет, таким был Гильдас, такими были ученики святого Давида из Меневи в Уэльсе, такими были все, кого Дух Божий вдохновлял на любовь к Ирландии. Таким образом, сцены, разыгравшиеся во времена Патрика, повторялись снова и снова.

И когда строился монастырь, это был не столько монастырь, сколько город, ибо вся страна вокруг присоединялась к благому делу. Как сказал один человек, "казалось, что Ирландия перестанет быть нацией и станет церковью".

Что касается вопроса о земле и присвоении земельных владений, то какая разница, кто является их владельцем? Если это территория клана, то клану ничего не остается, как приветствовать, аплодировать и помогать. Если же это частная территория, то с владельцем даже не советуются; как он может думать о том, чтобы противостоять Божьему промыслу? Так, в ирландской истории - по крайней мере, на ранних этапах - мы никогда не читаем о тех длинных хартиях, которые даровались в других землях королями, герцогами и графами и с такой тщательностью хранились в архивах монастырей. Похоже, что датчане, после того как

они стали христианами, первыми ввели этот обычай; после них англо-норманны, в истинном духе своей расы, сделали из него процветающий бизнес. Сами ирландцы поначалу и не помышляли о подобном. У них не было опасений, что кто-то может претендовать на землю, на которой стоит дом Божий. Здания были на месте, земля должна была их поддерживать: какому ирландцу придет в голову изгонять святых обитателей и тащить стены за уши?

Все окрестное население занято их возведением. Длинные ряды плетня и теса выстроены в правильном порядке; над ними - грубая крыша из досок; внутри появляются маленькие кельи, между которыми возводятся небольшие перегородки. Симметрия или не симметрия - все решает положение земли, ведь для определения уровня не требуется мастерство землемера. Разве дождь не идет своим чередом, как только он начинается?

Как далеко и как широко протянутся эти длинные ряды? Они кажутся улицами города, и на самом деле так оно и есть. Здесь будут жить две-три тысячи монахов, помимо учеников, отданных на их попечение. И, помимо келий для проживания, здесь есть залы, где преподают; музеи и хранилища рукописей, священных предметов; комнаты, где пишат, переводят, сочиняют; сараи, где хранят провизию, готовят и варят ее, готовя к трапезе.

Для самого важного сооружения - храма Божьего - отдельные камни обтесывают, придают им форму и подгоняют каждый к другому с тщательностью и точностью. Святая простота окружает это искусство, но не обошлось и без резных крестов и других божественных эмблем. Внутри будут совершаться небесные таинства религии. Если вы спросите: "Почему он такой маленький?" - ответ уже готов. В этом огромном пространстве, пустующем вокруг, достаточно места для верующих, которых не могло вместить ни одно здание. Умы ирландских архитекторов еще не доросли до концепции собора Святого Петра. Внутри достаточно места для служителей культа; без колокольного звона в примыкающей круглой башне верующие присоединяются к богослужениям.

Не только в возведении этих сооружений проявился жизнерадостный порыв, который преодолевал все трудности. Монашеская жизнь не была все время жизнью покаяния и мрачного аскетизма, но также активного труда и переполненного чувства, истинной поэзии и восторженного ликования. В сохранившихся фрагментах мы читаем, как на засушливой скале Ионы Колумба вспоминал свое прежнее место жительства в Дерри, с его дубовыми лесами и чистыми водами озер. Во всех житиях ирландских святых мы читаем о глубокой привязанности, которую они всегда сохраняли к своей стране, родственникам и друзьям; о том, что они делали и готовы были сделать для них. И хотя все это в основе своей было лишь естественным чувством, степень, до которой оно доходило, поможет нам лучше узнать ирландский характер и яснее объяснить то необычайное расширение души, которое в области сверхъестественного превосходило все, что можно было наблюдать в других местах.

"В одном монастыре с детства жили два брата. Старший умер, и пока он умирал, другой трудился в лесу. Вернувшись, он увидел, как братья открывают могилу на кладбище, и таким образом узнал, что его брат умер. Он поспешил туда, где аббат Финтан с несколькими монахами пел псалмы вокруг трупа, и попросил его об одолжении умереть вместе с братом и войти с ним в небесное царство. "Брат твой уже на небесах, - ответил Финтан, - и вы не сможете войти туда вместе, пока он не воскреснет". Тогда он преклонил колени в молитве, ангелы, принявшие святую душу, вернули ее, и мертвец, поднявшись на своем одре, позвал брата: "Иди, - сказал он, - но иди скорее, ангелы ждут нас". В то же время он освободил место рядом с ним, и оба, возлегши, уснули вместе в смерти и вместе вознеслись в Царство Божие".

Этот анекдот лучше, чем что-либо другое, может показать нам, как природа и благодать соединились в ирландской душе, чтобы согреть ее, очистить, возвысить над обычными чувствами и земными страстями и постоянно поддерживать ее в состоянии энергии и жизненной силы, неизвестном другим народам. Ибо на какой странице церковной истории других народов мы можем прочесть о подобных вещах?

В отношении их страны благодать также приходила на помощь природе; сверхъестественное редко отделялось от естественного в их сознании, и нечто от этого двойного союза сохранилось в них во всех смыслах и, несомненно, способствовало тому, что их национальность была нетленной, несмотря на гонения. Как горяча и чиста была в сердце Колумбы любовь к Ирландии, из которой он был добровольным изгнанником! Патрик, хотя и не уроженец Ирландии, не уступал никому в этом священном чувстве; одной из трех вещей, о которых он просил Бога, умирая, было то, что Эрин не должна "остаться навсегда под чужеземным игмом": Киран возносил ту же молитву, и причиной их молитвы было то, что она была "островом святых", призванным помочь спасению многих.

Религия неизменно связана с тем острым чувством, которое всегда присутствует в сознании ирландцев по отношению к своей стране; и, несомненно, именно это святое и сверхъестественное чувство сохранило страну, которую враги так упорно пытались отнять у них.

Но не только любовь к родине, родным и друзьям разжигала в их сердцах дух энтузиазма; вся их монашеская жизнь была одной из высокодуховных преданностей, энергии и действий, более чем человеческих.

Мы видим, как они трудятся в своем монастырском улье и вокруг него. Как они молятся и расппевают богослужение; как изучают и излагают святое учение своим ученикам; как они постоянно находятся в пути, проходя сотнями и тысячами по острову, внутренний дух не позволяет им стоять на месте. Им предстоит совершить столько паломничеств, поклониться стольким святыням, совершить столько дел братской любви. Другие монахи в других странах, конечно, делали то же самое, но редко с таким всеобщим рвением. Весь остров, как мы уже говорили, - единая церковь. Со всех сторон вы можете встретить епископов, священников и монахов, несущих почитаемые реликвии или отправляющихся основать новый монастырь, заложить еще одну святыню или основать дом для нуждающихся. Люди по пути вливаются в их ряды и следуют за ними, разделяя горячий энтузиазм. Многих - скольких! - привлек этот образ жизни, в котором не было ничего земного, но все дышало святостью и небесной благодатью!

Таким образом, остров с самого начала стал святым островом. Но ревность по Богу в своей стране не была достаточной для их пылкой деятельности, и эти мужи Божьи рано почувствовали побуждение отправиться за границу, чтобы распространять веру. Об их апостольстве среди варварских племен можно было бы написать тома, но у нас есть место лишь для нескольких слов.

Сначала они отправились на острова к северу от них, на Гебриды, Фарерские острова и даже в Исландию, которую они колонизировали еще до того, как туда высадились норвежские пираты. Затем они евангелизировали Шотландию и север Англии; и, отправившись из Линдисфарна, они завершили дело обращения англосаксов, начатое святым Августином и его монахами на юге.

Наконец, весь континент Западной Европы предложил себя их рвению, и они сразу же были готовы полностью и безоговорочно влиться в поток новых идей и энергии, который в то время

начал обновлять лицо той части мира, которую заселили варвары из Германии. При королях Меровингах во Франции, а затем при династии Карловингов они прославились на востоке Франции, на берегах Рейна, даже на севере Германии, в сердце Швейцарии и на севере Италии. Здесь не место даже пытаться сделать набросок их миссионерских трудов, которые теперь известны всем изучающим историю тех времен. Но мы можем упомянуть, что в то время ирландские монархи и правители знакомились с континентальными династиями и делами благодаря необходимым связям ирландских епископов и монахов с Римом, центром католицизма. Так, мы видим, что Малахия II переписывался с Карлом Лысым, намереваясь совершить паломничество в Рим.

Из желтой книги Лекайна мы узнаем, что Коналл, сын Коэлмуина, привез из Рима закон о воскресном дне, который впоследствии был принят в Ирландии.

Помимо ирландских миссионеров, которые поддерживали постоянную переписку с континента Европы со своей родиной, известно, что многие в те ранние века совершали паломничество в Рим; среди них святой Деган, святой Килиан, апостол Франконии; святой Седулий Младший, который помогал на римском соборе в 721 году и был послан папой с миссией в Испанию; святой Донат, впоследствии епископ Фьезоле, и его ученик Андрей. Святой Катальд отправился из Рима в Иерусалим, а по возвращении стал епископом Таренто. Донаф, сын Бриана Бору, отправился в Рим в 1063 году, неся, как говорят, корону своего отца, и там умер.

Подсчитано, что древние ирландские монахи владели с VI по IX век тринадцатью монастырями в Шотландии, семью во Франции, двенадцатью в Арморической Галлии, семью в Лотарингии, одиннадцатью в Бургундии, девятью в Бельгии, десятью в Эльзатии, шестнадцатью в Баварии, пятнадцатью в Разтии, Гельвеции и Суэвии, а также несколькими в Тюрингии и на левом берегу Рейна. Ирландия тогда не только участвовала в европейском движении, но и стояла во главе его; и все же этот период в ее летописи почти не изучен.

Религиозное рвение, которое тогда так проявлялось на самом острове, было характерно и для многих континентальных народов, и продолжалось с момента введения христианства до датского вторжения. Главным образом этому рвению способствовало то, что все, что связано с религией, составляло часть даже их внешней жизни. Благодать полностью овладела душой народа. На этот мир смотрели как на тень, прекрасную лишь в отражении красоты небес.

Поэтому ирландцев называли "святыми". Так их называли все, и они принимали это звание с подлинной и святой простотой, которая свидетельствовала о более истинной скромности, чем притворное отречение, которого мы могли бы ожидать. Таким образом, они казались выше искушения. Девственниц, посвященных Богу, было не меньше, чем монахов. У них тоже были свои процессии и паломничества; они выходили из переполненных домов, чтобы найти другие, не зная и не рассчитывая заранее место, где они могли бы отдохнуть и "ожидать воскресения". Таков был их язык. Иногда они обращались к дверям монастырей, и если поблизости не находилось места, подходящего для сестер, монахи оставляли им свою обитель, свои постройки и возделанные поля, на которых рос урожай, не забирая с собой ничего, кроме священных сосудов и книг, которые могли понадобиться в новом заведении, которое они отправлялись основывать в другом месте.

Кто же мог представить, что в их головы могла прийти хоть одна мысль, кроме милосердия и доброты? Разве они не были полностью мертвы для мирских страстей и жили только для Бога? Было бы святотатством осквернить святой остров не только противозаконным поступком, но даже мирским воображением. Разве не видели многие святые мужи и женщины, как ангелы постоянно спускаются с небес, а души праведников после их ухода

отправляются из Ирландии прямо на небо? И те и другие находятся в постоянном общении! Если бы глаза всех были так же чисты, как у лучших из них, истина открылась бы всем одинаково, и "остров святых" показался бы им тем, чем он был на самом деле - светлой страной, где искупление было великим фактом; где души огромного большинства были действительно и реально искуплены в полном смысле этого слова; где люди могли наслаждаться предвкушением небес - само пространство над их головами было для них в любое время дорогой, соединяющей небесные чертоги с этим подлунным миром.

Правда, на острове всегда было немало великих грешников, осквернявших святое место, на котором они обитали, своими кровавыми делами. Спаситель предсказал, что до судного дня везде будут "плевелы среди пшеницы".

Именно среди вождей в основном, почти полностью, царил грех. Клановая система, к сожалению, способствовала смертельной вражде, которая часто заливала кровью все уголки острова. Семейные ссоры, будучи сами по себе противоестественными, приводили к самым жестоким преступлениям. Старая греческая драма дает ужасающие примеры этого, и подобные страсти иногда наполняли грудь вождей ирландских кланов. Лишь немногие из них умирали в своих постелях. Увлеченные страстью, они не уважали ничего из того, что обычно уважают мужчины.

Однако было бы преувеличением считать, что на этом основании между кланом и Церковью существовал явный и полный антагонизм, и относить всех князей на сторону зла в противовес "святым", которых мы представляли себе ведущими небесную жизнь. От святого Аэнгуса мы знаем, что одна из славы Ирландии в том, что многие ее святые были из княжеских семей, в то время как у других народов Евангелие сначала принимали бедные и ничтожные, а врагов оно находило среди высших и образованных классов. Но в Ирландии великие, бок о бок с самыми ничтожными из своих сородичей, склонились под иго Христова, а барды и ученые мужи стали монахами и епископами с самой первой проповеди Слова.

Дело в том, что множество королей и вождей удвоили свою славу своими добродетелями и попали в летопись ирландских святых. Кто может читать, например, историю короля Гуайра, не восхищаясь его верой и истинным христианским духом?

Рассказывают, что когда святые Каймин и Кумейн Фота однажды беседовали о духовных вещах с этим святым королем Коннавта, Каймин сказал Гуайру: "О король, если бы эта церковь вдруг наполнилась всем, что ты пожелаешь, каким было бы твоё желание?" "Я хотел бы, - ответил король, - получить все сокровища, которые может хранить церковь, и направить их на спасение душ, возведение церквей и нужды бедных Христа". "И чего же ты просишь?" - спросил царь у Фоты. "Я хотел бы, - ответил тот, - иметь столько священных книг, сколько может вместить церковь, чтобы давать их всем, кто ищет божественной мудрости, распространять среди людей спасительное учение Христа и спасать души от рабства сатаны". Затем оба повернулись к Каймину. "Со своей стороны, - сказал он, - если бы эта церковь была наполнена людьми, страдающими от всех видов страданий и болезней, я бы просил Бога, чтобы Он дал мне возможность собрать в моем жалком теле все их беды, все их боли и дал мне силы терпеливо поддерживать их ради любви к Спасителю мира". "1 (1 Этот отрывок приведен на латыни Колганом (Acts SS.). В ирландском оригинале, переведенном и опубликованном д-ром Тоддом - Гимн Либерта - он более подробен).

Таким образом, самый возвышенный и сверхъестественный дух христианства стал естественным для ирландского ума как в великих, так и в низких, как в богатых, так и в бедных. Женщины в этом отношении соперничали с мужчинами.

"Дарья была слепа от рождения. Однажды, беседуя с Бриджит, она сказала: "Благослови мои глаза, чтобы я могла видеть мир и удовлетворять свою тоску". Ночь была темной, но потом стало светло, и мир предстал перед ее взором. Но, налюбовавшись им, она вновь обратилась к Бриджит. "Теперь закрой мои глаза, - сказала она, - ибо чем больше человек отсутствует в мире, тем больше он присутствует перед Богом".

Даже если можно выразить сомнение в реальности этого чуда, одно, по крайней мере, не подлежит сомнению: дух слов Дарьи был близок ирландскому уму того времени, и никто, кроме того, кто впервые достиг высшей точки сверхъестественной жизни, не мог помыслить или высказать подобное чувство.

Что более чем человеческая жизнь и дух возвысили, облагородили и, как бы, одухотворили даже обычные человеческие и естественные чувства, которые не только перестали быть опасными, но и стали, несомненно, в высшей степени угодными Богу и достойными его внимания. Пример может лучше пояснить наш смысл:

"Ниннид был молодым ученым, не слишком трепетным, которого однажды влияние Бриджит внезапно одолело, так что после этого он предстал совсем другим человеком. Бриджит объявила ему, что из его руки она должна в последний раз принять Тело и Кровь Господа нашего. Ниннид решил, что его рука должна оставаться чистой для столь высокого и святого служения. Он заключил ее в железный футляр и, желая оттянуть, насколько это было в его силах, момент, когда Бриджит должна была покинуть этот мир, отправился в Бретань, бросив ключ от шкатулки в море. Но Божьи замыслы непреложны. Когда настал час Бриджит, Ниннид во время шторма оказался на ирландском побережье, а ключ чудесным образом оказался на глубине".

Где, как не в Ирландии, такая дружба могла продолжаться долгие годы, не давая повода не только для малейшего скандала, но даже для самой отдаленной опасности? На этом острове естественные чувства человеческого сердца были полностью поглощены небесными эмоциями, в которых не было ничего земного? Отсюда и знаменитое разделение на "три ордена ирландских святых", первый из которых был настолько выше искушения, что для кенобитов не существовало никаких предписаний относительно их общения с женщинами.

"Женщин принимали и о них заботились; их допускали, так сказать, в святилище; его делили с ними, занимали совместно. Двойные или даже смешанные монастыри, расположенные так близко друг к другу, что образуют лишь один, объединяли оба пола для взаимного назидания; мужчины становились наставниками женщин, женщины - мужчин".

Ничего подобного не наблюдалось в других местах; ничего подобного не было и впредь. Роберт Арбриссельский учредил нечто подобное в ордене Фонтевро во Франции, но там это было странным и очень редким исключением; в Ирландии же на протяжении двух столетий это было правилом. Уже одно это показывает, насколько полно христианский дух овладел всей расой с самого начала.

Именно это придает ирландской агиологии особый характер, заставляя ее казаться странной даже лучшим людям других народов. Возвышение человеческого чувства до такой высоты совершенства настолько необычно, что люди не могут не удивляться, где бы они с ним ни столкнулись.

И все же, если бы дух, принесенный на землю нашим Господом, был более основательно распространен среди людей, если бы все были проникнуты им в одинаковой степени, если бы все одинаково понимали смысл проповеданного им Евангелия, он не казался бы странным, почти необъяснимым, он был бы признан естественным результатом действия христианской религии.

Но, к сожалению, так много и так велики были препятствия, повсеместно стоявшие на пути действия Духа Божьего в душах людей, что лишь немногие были способны полностью преобразиться в существа иной природы.

Огромная масса отставала в гонке за совершенством. Они были приняты в лоно Христово и в целом жили, по крайней мере, в соответствии с заповедями; но цель, которую поставил перед собой Спаситель человечества, на земле осуществлялась несовершенно. Жизнь мира была далека от того, чтобы быть пропитанной духом, который он принес с небес.

На "острове святых" мы, конечно же, видим, как огромное количество людей сразу же открылось для полноты этого божественного влияния. В этом кроется объяснение глубокой веры, которая с тех пор является характерной чертой этого народа. "Века увековечили союз католичества и Ирландии. Революции не смогли поколебать его; гонения не сломили его; он окреп в крови и слезах, и мы можем верить, что после тринадцати веков испытаний римская вера исчезнет из Ирландии только с именем Патрика и последнего ирландца".

ПРИМЕЧАНИЕ. Известно, что Ф. Колган, францисканец, взялся за издание "Acta Sanctorum Hiberniae". Он отредактировал только два тома: первый под названием "Trias thaumaturga", содержащий различные жития святого Патрика, святого Колумбы и святой Бриджит; второй под общим названием "Acta SS". Барнуолл, ирландец, родившийся и получивший образование во Франции, опубликовал "Histoire Legendaire d'Irlande", в которой он собрал, без особого порядка, несколько отрывков из "Acta" Колгана, а мистер Дж. Г. Ши перевел и опубликовал ее. Мы взяли из этого перевода несколько фактов, содержащихся в этой главе, поскольку работа францисканца нам недоступна.

Доктор Тодд, опираясь на ирландские MSS, привел несколько страниц, показывающих точность Колгана, хотя добрый отец не гнушался иногда сокращать и урезать, если только используемые им MSS не отличались от тех, которыми пользовался доктор Тодд. Вся книга представляет собой богатую копилку интересных анекдотов, и Монталембер показал, что умелый писатель может найти на этих страницах, забытых с XVI века. Сам мистер Фрауд признал, что восьмой век был золотым веком Ирландии.

ГЛАВА V.

ХРИСТИАНСКИЕ ИРЛАНДЦЫ И ЯЗЫЧНИКИ-ДАТЧАНЕ.

В течение нескольких столетий ирландцы пребывали в счастливом состоянии, описанном в предыдущей главе. В то время как весь европейский континент сотрясали нашествия германских племен и еще более диких гуннов, на острове царил мир, он открыл свои школы для молодежи всех стран, в первую очередь для англосаксов, и распространил свое имя по всему миру как счастливого и святого острова, обители святых, страны чудес, самого благословенного места на земле. Ни один захватчик не тревожил ее; различные тевтонские народы знали о море меньше, чем сами кельты, и ни одно судно не приближалось к ирландским берегам, кроме мирных керрагов, которые перевозили ее монахов и миссионеров за границу, или ее собственных сыновей в поисках пищи и приключений.

Казалось бы, провидение возложило на эту нацию высокую миссию - исцелять раны других народов, когда они лежали беспомощные в предсмертных муках, поддерживать доктрины Евангелия в Европе после тех ужасных вторжений и приводить в лоно Христа множество беспастушьих стад. Мирные посланники, вышедшие из Ирландии, стали такими же знаменитыми, как ее родные школы и монастыри; и если бы не ирландцы, такая национальная жизнь могла бы продолжаться.

Но Бог, желающий подготовить их к еще более великим свершениям в будущих веках, доказывающий страданиями, что все, кого он хочет использовать в качестве своих лучших инструментов, позволил ярости бури внезапно обрушиться на них. Это было лишь начало их бед, первый шаг на долгом пути к Голгофе, где они должны были быть распяты вместе с Ним, распяты почти до самой смерти перед окончательным и почти чудесным воскрешением. Датчане должны были стать первыми мучителями этого счастливого и святого народа; выносливые скитальцы северных морей должны были открыть долгую эру горя.

Скандинавское нашествие, опустошившее Европу как раз в тот момент, когда она начала оправляться от последствий первой великой германской волны, длилось, можно сказать, с восьмого по двенадцатый век. Потрясение пришло с Северного моря; Ирландия, соответственно, почувствовала его одной из первых, и мы увидим, как она одна выдержала и в конце концов преодолела его.

Чтобы лучше понять ожесточенность атаки, давайте сначала рассмотрим ее происхождение:

Балтийское море и различные заливы, связанные с ним, глубоко пронизывают северную часть европейского континента. Его изгибы образуют два полуострова: большой, известный под названиями Норвегии и Швеции, и меньший, расположенный на юго-западе, который сейчас называется Данией. Первый был известен римлянам как Скания, а второй они называли Кимврийским Херсонесом. От Скании произошло название скандинавов, которым впоследствии стали называть жителей всей страны. Помимо этих двух полуостровов, в окружающем море разбросано несколько островов.

Замерзшая и бесплодная земля, которую населял этот народ, с незапамятных времен вынуждала его добывать пропитание за океаном: сначала - рыбной ловлей, позже - пиратством. Вскоре они стали искусными мореплавателями, хотя их корабли были всего лишь маленькими лодками, сделанными из нескольких кусков дерева, соединенных вместе, и покрытых шкурами моржа и тюленя.

Из ирландских летописей следует, что они принадлежали к двум разным расам людей: норвежцы были светловолосыми и крупного телосложения, датчане - смуглыми и меньшего роста. Поэтому ирландцы отличали первых, которых они называли Финн Галлс, от вторых, которых они называли Дубх Галлс. Такого различия не было ни у одного европейского народа, ирландцы были более точны в наблюдении за своими врагами.

По общему мнению современных писателей, они принадлежали к тевтонскому роду. Готы, тевтонское племя, долгое время обитали на Большом полуострове. Но принадлежали ли готы к той же расе, что и норвежцы или датчане - вопрос спорный. Несомненно, что различные германские народы, которые первыми одолели Римскую империю, имели много отличительных черт от датчан и норвежцев, хотя язык всех указывал, в определенной степени, на общее происхождение.

Шведы, жители восточного побережья Скании, похоже, не принимали важного участия в скандинавских вторжениях; более того, они никогда не увлекались морским делом, как два

других народа. Более того, в то время они находились в кровавом конфликте с готами и были слишком заняты у себя дома, чтобы думать о внешних завоеваниях.

Долгое время скандинавские пираты, похоже, ограничивались тем, что рыскали по собственным морям и грабили побережья вплоть до Финского и Ботнического заливов. В конце концов, ободренные успехом, они отважились выйти в океан, напали на народы Западной и Южной Европы, а на западе колонизировали замерзшие берега Шетландских и Фарерских островов, а вскоре после этого Исландию и Гренландию.

На несколько столетий гавани Дании и Норвегии стали хранилищами всех богатств Европы, и между этими северными полуостровами и различными островами Северного и Ледовитого морей велась обширная торговля, даже с побережьем Америки, частью которого, по-видимому, является Гренландия.

Эти суровые и гористые страны и разделяющий их беспокойный океан были для скандинавских пиратов тем же, чем Средиземноморье и берега Испании и Африки задолго до этого были для финикийцев и карфагенян. Этим народам явно суждено было привнести в жизнь современных народов дух коммерции и предприимчивости.

Но здесь следует рассмотреть их религиозное и социальное состояние, из которого нации в основном черпают свои благородные или неблагородные качества. Мы увидим, что и те, и другие состоят из жесточайшего идолопоклонства, жестоких нравов и отвратительных обычаев.

Их система поклонения, с ее вероучением и обрядами, гораздо точнее по характеру и лучше известна нам, чем у кельтов. Если мы откроем книги, которые были написаны в Европе во времена нашествия этих северян, и поэмы этих диких племен, сохранившиеся до наших дней и объединенные под названием "Эдда", а также многочисленные саги, песни и баллады, которыми мы владеем до сих пор, то обнаружим упоминание трех высших богов и ряда низших божеств, которые придавали особый характер этому северному культу.

Это были Тор, бог стихий, в первую очередь грома; Водан или Один, бог войны; Фригга, богиня похоти; длинный список других нет необходимости приводить. Их религия, таким образом, состояла в основном: 1. в сражении со стихиями, особенно на море, под защитой Тора; 2. в убийстве своих врагов или в том, чтобы самим быть убитыми, по воле Одина - дарование или получение смерти было, по-видимому, великой целью существования; 3. в предании себя во время победы всем склонностям испорченной природы, которые они принимали за волю Фригги, проявляющуюся в их необузданных страстях.

Такова была скандинавская мифология в ее реальности.

Современные исследователи, главным образом в Германии и Франции, находят в Эдде полную систему космогонии и религии, почти одухотворенной, настолько красивой она им представляется. По крайней мере, они создали впечатление, что это такая же глубокая философия, как в старом Индостане и далеком Тибете. Группируя вокруг этих трех великих божеств, которые, как предполагается, олицетворяют высшие природные силы, их многочисленное потомство, особенно потомство Одина, вместе с невероятным количеством злобных великанов и добродушных асов - своего рода фей - любой искусный теоретик, одаренный необходимым воображением, может извлечь из всего этого почти совершенную систему космогонии и этики. Тогда отвратительные легенды Эдды и саг сразу же превращаются в интересные мифы, порожденные поэзией и воображением и несущие уму не менее возвышенную философию, почерпнутую, как говорят, из религии Зороастра.

Как мы уже говорили, эти открытия были сделаны главным образом в Германии и Франции. Англичане, более трезвый народ, хотя и скандинавской крови, не придают столь высокого значения тому, что в прямом смысле слова так низко.

Жаль, что столь приятные рассуждения должны быть всего лишь теоретическими пузырьками, не способными сохранить свою легкость и яркие краски в грубой атмосфере арктических регионов, лопающимися при первом дуновении северного ветра! Как могли бы здравомыслящие люди, руководствуясь столь сложной системой религии и физики, объяснить безжалостных пиратов Балтики?

Так же бесполезно говорить, что они принесли его из места своего происхождения - Персии, как утверждают эти теоретики. Человеку, не подверженному влиянию предвзятых или любимых систем, с первого взгляда очевидно, что никакая мифология Востока или Юга никогда не порождает мифологию Скандинавии. Между ней и любой другой нет ни малейшего сходства. Должно быть, она зародилась у самих скандинавов, а их длинные *религиозные* сказания были лишь кровавыми снами их фантазии, когда тоскливыми зимними вечерами им нечем было заняться, кроме как рассказывать друг другу о том, что приходило в их грубые умы.

Саксо Грамматик, безусловно, компетентный авторитет, и Снорри Стурлесон, первым переведший Эдду на латынь, который до сих пор считается одним из величайших антикваров нации - оба они жили в те времена, о которых мы говорим, когда эта религиозная система еще процветала или была свежа в умах всех - решили этот вопрос много веков назад, и заранее продемонстрировали ложность этих будущих теорий, заявив со старинной простотой, что отвратительные истории Эдды и саг были основаны на реальных фактах из предыдущей истории этих народов, и, следовательно, никогда не были задуманы писателями как выдуманные мифы, представляющие под образной и отталкивающей внешностью некое подобие духовной и утонченной доктрины.

Мы должны обратиться к нашим более просвещенным временам, чтобы найти изобретательных интерпретаторов грубых старых песен, которые девятьсот лет назад были развеяны на ветру в полярных морях, а в девятом и десятом веках распевались в шумном и пьяном хоре свирепыми, но, на современный взгляд, романтичными пиратами, воняющими кровью своих врагов.

Если какому-то современному пантеисту приспичило состряпать у себя в кабинете религиозную систему, неужели сразу становится ясно, что мифическое объяснение этих песен - единственное, которое можно принять, и что одиозные факты, которые эти легенды выражают, должны быть полностью отброшены? По крайней мере, мы надеемся, что, когда философы станут настоящими правителями мира, они не придадут своим тонким и абстрактным идеям религии тот же приятный оборот и то же конкретное выражение в повседневной жизни, которые поклонники Одина, Тора и Фригги находили приятным придавать, когда были хозяевами континента и властителями морей.

Нет! Единственный истинный смысл этого северного культа передан в простых словах Адама Бременского, когда он рассказывал о том, что еще существовало в его собственное время. (*Descript. insularum Aquil.*, lib. iv.) Он описывает торжественные жертвоприношения в Упсале в Швеции следующим образом: "Вот их жертвоприношение; из всех животных они приносят в жертву девять голов мужского пола, кровью которых по их обычаю умиротворяют богов. Мертвые тела жертв подвешивают в роще, которая окружает храм. Это место в их глазах

наделено таким священным характером, что деревья считаются божественными из-за крови и крови, которыми они измазаны. Вместе с животными, собаками, лошадьми и т. д., они подвешивают и людей; один христианин из этой страны сказал мне, что видел их своими глазами в роще вперемешку. Но бессмысленных обрядов, сопровождающих жертвоприношение и окропление кровью, так много, и они столь грубы и безнравственны, что лучше о них не говорить".

Перед нами чистая правда, и никакое другое значение, кроме самого грубого идолопоклонства, не может быть придано этим церемониям. Для полноты картины следует сказать, что Тор, Один и Фригга были страшными идолами, представленными в храме в Упсале, а маленькие статуи, которые скандинавские моряки брали с собой в походы и устанавливали на почетном месте на борту своих кораблей, были лишь уменьшенными копиями отвратительных оригиналов. Кроме того, известно, что Один существовал в качестве предводителя некоторых из их переселений, так что их идолопоклонство превратилось в поклонение героям.

Рассказав об их богах, нам остается добавить лишь пару слов об их вере в будущее государство, ведь каждый знаком с их жестокой и шокирующей Вальхаллой. Однако в ее залы могли попасть только воины и герои, великие из них; простое стадо не считалось достойным бессмертия. Таким образом, аристократическая гордыня проявлялась в самой основе их религии.

Об их социальном положении, их правительстве мы знаем немного. Они жили при своего рода грубой монархии, часто подвергаясь выборам, когда в правители выбирали самого дикого и храброго. Но кровное родство практически не имело отношения к их системе, столь отличной от системы кельтов. Сыновья вождя никогда не могли образовать септ, но после его смерти старший заменял его; младшие братья, лишенные своих титулов и имущества, были вынуждены отделяться и приобретать звание и почет пиратством; а право первородства, которое было главной причиной их морских вторжений, наложило печать на феодальную систему с одной из ее главных особенностей, которая, вероятно, зародилась у них. Некоторые, однако, придерживаются противоположного мнения и полагают, что после смерти отца его дети делили его наследство поровну.

Об их нравственных привычках мы можем судить по их религии. Все, что мы знаем об их истории, похоже, доказывает, что для них сила была правом, а вне закона - единственным наказанием по их законам.

Человек, виновный в убийстве, был вынужден покинуть страну, если только его смелость и количество друзей и последователей не позволяли ему путем более жестоких и массовых убийств все же стать великим вождем и даже претендовать на верховную власть. Исландия была колонизирована разбойниками из Норвегии, а частая смена династий в языческие времена доказывает, что среди них, как и среди варварских племен в целом, грубая сила была главным источником закона и власти.

О том, что вне закона не считалось пятном на характере, достаточно свидетельствует тот факт, что простая случайность рождения делала вне закона всех детей вождей, за исключением старшего из них; необходимость для младших сыновей покидать свой дом и родную страну и скитаться по океану в поисках грабежа была, согласно их мнению и обычаям, равносильна преступлению вне закона любого характера. По крайней мере, многие авторы утверждают это без колебаний.

Их бытовые привычки были вполне закономерными последствиями такого состояния общества. Между людьми, живущими в таком обществе, не могло существовать ни родственных уз, ни сыновней или братской привязанности. Удовлетворение жестоких страстей и самый крайний эгоизм были правилом для всех; и даже страх перед неумолимым судьей после смерти не мог сдерживать их при жизни, как это могло быть у других языческих народов, поскольку надежда достичь своей Вальхаллы зависела от убийства или самоубийства.

С их системой ведения войны мы знакомы лучше, чем с чем-либо другим, относящимся к ним, поскольку основное бремя их песен составлял рассказ об их варварских походах. Современному читателю действительно трудно прорваться через все поэмы Эдды или даже длинные саги, настолько их литература полна невообразимых жестокостей. И все же общее представление о ней необходимо, чтобы понять, какой ужас наводила на Европу их бесчеловечная война.

Как только теплый ветерок ранней весны растопит лед на реках и озерах, скандинавский викинг развернет парус, наполнит свою грубую лодку провизией и отдаст себя на милость волн. Если он остается один и не настолько силен, чтобы иметь под рукой флот, он ищет одинокую лодку своего народа - других в этих морях нет. Побуждаемые взаимным порывом, два экипажа нападают друг на друга; море краснеет от крови; дикая храбрость равна с обеих сторон; только случайность может решить исход поединка. Один из экипажей побеждает, убив всех своих противников; добыча переходит на лодку победителя; кубок с крепким напитком передается по кругу, и победа венчается пьянством.

Но если два вождя с утра до вечера спорили с одинаковой доблестью и успехом, то, преисполнившись восхищения друг другом, они становятся друзьями, объединяют свои силы и, высадившись на первом попавшемся месте, грабят, убивают, бесчинствуют над женщинами и дают волю своим необузданным страстям. Чем более свирепыми они становятся, тем более храбрыми они себя считают. Из всех их стихов и песен можно сделать вывод, что только у скандинавов, пожалуй, из всех языческих народов, мера храбрости и воинской славы не ограничивалась самыми изысканными пытками и самой ужасной смертью.

Грабеж, который, очевидно, был движущей силой всех их походов, был для них менее привлекателен, чем кровь; кровь, таким образом, является главной нагрузкой их поэзии, если ее можно назвать поэзией. Казалось бы, природа предназначила им проливать человеческую кровь потоками - самое благородное занятие, которым, по их представлениям, может заниматься храбрый человек.

Фигуры в их грубой литературе состоят в основном из чудовищных воинов и богов, каждый из которых обладает множеством оружия, чтобы убить большее число врагов, или гигантским ростом, чтобы преодолеть все препятствия, или зачарованными мечами, которые берегут сталь так же легко, как лен, и колют тело противника, как воздух.

А еще, разгоряченный кровью, северянин подвержен похоти, ведь он поклоняется Фригге так же, как и Одину. Но здесь не место давать даже представление о нравах, слишком отвратительных, чтобы представлять их воображению читателя.

Во "Всеобщей истории" Канту можно найти все источники, из которых можно почерпнуть приведенные нами подробности и многое другое в том же духе.

Мы не собираемся описывать здесь ужасы опустошений, совершенных англосаксами и датчанами в Англии, норманнами во Франции, Испании и Италии. Все эти народы, даже первые, были скандинавами и, естественно, попадают под наш обзор. Эта история уже известна тем, кто знаком с историей средневековой Европы. Единственное, что не хотелось бы опускать, - это неизменная система ведения войны, принятая этим народом при масштабных действиях.

Прибыв на побережье, которое они решили опустошить, они вскоре обнаружили, что в штормовую погоду они находятся в более опасном положении, чем на море. Поэтому они искали глубокий залив или, что еще лучше, устье большой реки, и, оказавшись на ее спокойном лоне, чувствовали себя хозяевами всей страны. Ужас народа, отсутствие организации обороны, столь характерной для кельтского или чисто германо-франкского общества, дикая храбрость и безрассудная стремительность самих захватчиков усилили их безрассудство и побудили их бесстрашно войти в самое сердце страны, которая лежала перед ними распростертая от страха. Все города на берегах реки были разграблены, люди, независимо от возраста, пола и состояния, убиты; церкви особенно были лишены своих богатств, а существовавшие тогда многочисленные и богатые монастыри были преданы огню, после того как монахи и все обитатели, вплоть до школьников, были беспорядочно истреблены, если не спаслись бегством.

Но, несмотря на то, что убивали всех без разбора, варварский завоеватель всегда проявлял особую жестокость по отношению к безоружным и беззащитным служителям религии. В их случае они с особым удовольствием дополняли жестокость оскорблениями, и не без оснований церковь того времени считала мучениками священников и монахов, убитых скандинавами-язычниками. Их кровожадное и отвратительное идолопоклонство демонстрировало свою ненависть к истине и святости, всегда проявляя особую жестокость при соприкосновении с Церковью Христовой и ее служителями. И, рассказывая о противостоянии ирландцев язычникам-датчанам, мы прежде всего хотим показать, как клановая система стала на самом деле мстителем за Божьи алтари и хранителем священных сооружений и многочисленных храмов, которыми, как мы видели, был так обильно усыпан Остров Святых, от полного уничтожения.

Зная, что, когда их разрушительный поход отнесет их на значительное расстояние от устья реки, жители могут в полном отчаянии подняться и перебить их при возвращении, скандинавские пираты для защиты от такого случая искали какой-нибудь труднодоступный остров или выступающую скалу, которые они укрепляли, и, поместив туда добычу, которой были нагружены их суда, оставляли часть своих сил для охраны, а остальные продолжали свой разбойничий путь. В Ирландии они находили места, прекрасно приспособленные для их целей, в многочисленных озерах, в которые впадали многие реки.

Такова была их неизменная система ведения войны на реках Англии; в Германии вдоль системы Рейна; вдоль Сены, Луары и Гаронны во Франции, а также на Тежу и Гвадалquivире в Испании, куда проникли по крайней мере две их крупные экспедиции. Так продолжалось несколько столетий, пока, наконец, они не задумались о том, чтобы занять опустошенные и обезлюдившие страны, и начали создавать постоянные поселения в Англии, Фландрии, Франции и даже на Сицилии и в Неаполе.

Когда пришло это время, они показали, что под их свирепой внешностью скрывается глубокий и систематический ум, способный на великие мысли и глубокие замыслы. Уже в своей собственной грубой стране они организовали торговлю в широких масштабах, и их гавани кишели богато нагруженными кораблями, прибывающими издалека или

готовящимися отправиться в дальнее плавание. Они стали великой колонизаторской расой и, установив свою власть на Гебридах, Оркнейских и Фарерских островах, в Исландии и Гренландии, сделали Англию своей собственностью, сначала с помощью племен джутов и англосаксов, затем с помощью Дании, которая в то время была настолько могущественной, что Англия фактически стала колонией Копенгагена; и наконец они задумали распространить свои завоевания еще дальше на юг, в Средиземное море, где их корабли стояли на якоре в гаванях прекрасной Сицилии.

Из многих хроник того времени мы знаем, с какой тщательностью они исследовали все захваченные ими страны, конфискуя землю после того, как уничтожали или обращали в рабство ее жителей, делили ее между собой и устанавливали свои варварские законы и феодальные обычаи везде, куда бы они ни пришли. Дудо из Сен-Кантена, среди прочих авторов, подробно описывает в своей грубой поэме армию землемеров, которым Ролло, первый герцог Нормандии, поручил составить карту своих завоеваний во Франции, чтобы разделить все между своими грубыми последователями и вассалами.

Об этом духе организации мы намерены рассказать в следующей главе, когда будем рассматривать англо-норманнское вторжение в Ирландию; но не стоит делать вывод, что северяне сразу же стали цивилизованными и что дух утонченности сразу же пронесся по их вновь построенным городам и замкам, овевая их мягкими манерами и нежными привычками. Долгое время они оставались такими же варварами, как и прежде, только с более совершенной системой и более научным методом - если мы можем применить такие выражения к данному случаю - в своих грабежах и убийственных экспедициях.

О Гастингсе, их последнем языческом морском конунге, Дудо, большой поклонник северян и подхалим первых нормандских герцогов во Франции, оставил следующий ужасный персонаж, при чтении которого в полном объеме мы едва ли узнаем, была ли поэма написана в упрек или в похвалу. Мы переводим с латыни

Согласно Дудо, он был...

"Злодей проклятый и свирепый сердцем,
Не имеющий себе равных в темных беззакониях;
Хмурый вредитель смертельной ненависти,
Он жаждал диких жестокостей.

Кровожадный, запятнанный всеми преступлениями,
Хитрый, коварный, смертельный враг,
Беззаконный, тщеславный, необдуманный, непостоянный,
Истинный источник бесконечного горя!"

Гастингс так и не поддался новой религии, которую всегда ненавидел и преследовал. Но даже после обращения в христианство его соотечественники долгое время сохраняли врожденную любовь к кровопролитию и тирании; в этом отношении, как и во многих других, они были полной противоположностью ирландцев.

О Ролло, первом христианском герцoge Нормандии, Адемар, современный писатель, говорит следующее:

"Став христианином, он приказал обезглавить в своем присутствии многих пленников в честь богов, которым он поклонялся. И он также раздал огромную сумму денег христианским

церквям в честь истинного Бога, во имя которого он принял крещение", что, по-видимому, означает, что эта операция произошла в тот самый день, когда он крестился.

Теперь мы можем сравнить успех, который сопутствовал оружию этих ужасных захватчиков во всей остальной Европе, с их полным провалом в Ирландии. Станет ясно, что глубокая привязанность ирландских кельтов к своей религии, ее алтарям, святыням и памятникам была истинной причиной их окончательной победы. Мы увидим, как истинно христианский народ сражается с язычеством в его самой отвратительной и дерзкой форме.

Но, во-первых, как обстояли дела в Англии?

"Не так уж необычно, - пишет проницательный автор в *"Дублинском обозрении"* (т. xxxii., с. 203), - что три последовательных завоевания Англии англосаксами, датчанами и норманнами были фактически завоеваниями одного и того же народа, причем в двух последних случаях - над теми, кто не только происходил из того же рода, но и переселился из тех же местностей. Джуты, англ и саксы в большинстве своем были датчанами или выходцами из Дании. Их вторжение в Англию началось с грабежа и закончилось завоеванием. Они были свергнуты датчанами и норвежцами точно таким же образом.

"В 875 году Ролл или Ролло, изгнанный из Норвегии Гарольдом Арфагером, принял профессию морского конунга и за короткие шестнадцать лет стал герцогом Нормандии и зятем французского короля, предварительно отказавшись от своей жены. Шестым герцогом в наследство от Ролло стал Вильгельм, незаконнорожденный сын Роберта ле Диабле и наложницы Герлевы. В результате битвы при Гастингсе, которую Вильгельм выиграл в 1066 году у убитого в ней короля Гарольда, первый стал сувереном Англии, а вместо прозвища "Бастард", под которым он был известен до сих пор, он получил фамилию "Завоеватель".

"Таким образом, саксонские и датские захватчики были покорены своими норманнскими братьями".

Таким образом, все скандинавские вторжения в Англию были успешными, каждое из них поочередно уступало место новому; и небезынтересно, что именно в тот год, когда Бриан Бору нанес смертельный удар датчанам в Клонтарфе, произошло полное подчинение Англии Канутом.

Успехи северян во Франции еще более достойны внимания. Их вторжения начались вскоре после смерти Карла Великого. Говорят, что перед смертью, услышав о появлении одного из их флотов неподалеку от устья Рейна, он проливал слезы и предсказывал бесчисленные беды, которые оно предвещало. Он видел, несомненно, что долгие и неоднократные усилия его жизни по покорению и обращению северных саксов не принесут его преемникам мира, который он надеялся завоевать своим мечом, и, зная от самих саксов о неумолимой свирепости, дерзости и ужасающей жестокости, привитых им в скандинавской крови, он не мог не ожидать для своей империи яростных нападений, которые готовились в арктических морях. Всю свою жизнь он был завоевателем, и под его властью франки, которых он постоянно приводил к победам, приобрели в Европе имя воинской славы, которая, как он опасался, уже не останется незапятнанной. Однако его предчувствия не разделял никто из тех, кто окружал его в старости; только его орлиный глаз разглядел грядущие несчастья.

Семь раз великий император покорял саксов. Он эффективно подавлял их, поскольку иначе не мог предотвратить их вторжение в пределы своей империи. Поэтому франки, составлявшие его армию, стали настоящими завоевателями Западной Европы. Начиная с

берегов Рейна, они покорили север вплоть до Балтийского моря; победами над лангобардами они завоевали Италию вплоть до Беневента; покорив Аквитанию, они завладели всей Францией; единственное испытание, которое они когда-либо получали, было в долине Ронсево, когда часть их армии была вынуждена отступить, не потеряв, однако, Каталонии, которую они завоевали.

Тем не менее, через несколько лет после этого мы видим их бессильными и охваченными ужасом при одном только имени северян, как только появились Гастингс и Ролло. Эти мореходы сразу же утвердились в самом центре франкского владычества, ведь именно в устье Рейна, на острове Вальхерен, они разбили свой первый лагерь. Из Вальхерена они двинулись по обоим берегам Рейна и, обогатившись добычей в монастырях, соборах и дворцах, задумались о других странах. Затем началась длинная череда сполохов, опустошивших всю Францию вдоль Сены, Луары и Гаронны.

Сопrotивления они почти не встретили. Только Париж из всех великих городов Франции выдержал долгую осаду и в конце концов откупился от них данью. Военная мощь нации была уничтожена в один момент, и из всей истории Франции этот период, несомненно, является самым унижительным для уроженцев этой земли.

А теперь давайте посмотрим, как ирландцы встретили те же пиратские вторжения.

Мы уже знакомы с главным недостатком их политической системы - отсутствием централизации. Ард-Риг фактически был лишь номинальным правителем, за исключением небольшой провинции, которая признавала только его вожество. На всей остальной территории Ирландии провинциальные короли были независимы лишь по имени. Они не только часто не желали подчиняться Ард-Ригу, но и нередко вступали с ним в открытую войну. Не стоит также полагать, что, по крайней мере, в случае серьезного нападения извне, их патриотизм преодолевал частные разногласия и заставлял их объединяться, чтобы выступить единым фронтом против общего врага. В патриархальном государстве едва ли найдется другая форма патриотизма, кроме патриотизма конкретного септа, к которому принадлежит каждый человек. Все идеи, обычаи, предрассудки противостоят объединенным действиям.

Однако столь грозное вторжение, каким повсеместно проявляли себя скандинавские племена, потребовало бы всех сил и средств всей страны, объединенной под началом одного могущественного вождя, особенно если бы оно не состояло из одного страшного набега.

В течение двух столетий большие флотилии мрачных, затянутых шкурами барков выгружали на берега Эрина свой очередной груз человеческих извергов, склонных к грабежу и резне и совершенно не боящихся даже самой ужасной смерти, поскольку такая смерть была для них входом в вечные царства их Вальхаллы.

Но в тот период, о котором мы говорим, страшное зло отсутствия централизации значительно усугубилось из-за изменений, произошедших в роду, которому принадлежала верховная власть на острове.

Энергичное правление длинной череды принцев, принадлежащих к северной линии Ну-Niall, уступило место возвышению южной ветви этой великой семьи; и гораздо более ограниченное наследство и союзы этой новой квазидинастии сделали ее личную власть очень слабой по сравнению с северной ветвью, и, следовательно, уменьшили влияние, которым обладала правящая семья в прошлые времена. В Ирландии более или менее

многочисленные связи по крови с великими семьями всегда оказывали сильное влияние на тело нации, делая его послушным и покорным воле Ард-Риг.

Муллинггар, в Западном Мите, был резиденцией южных Хай-Ниаллов, и Малахия из Шеннона, первый Ард-Риг из этой линии, сменил короля Ниалла из Каллана в 843 году. Датчане уже были в этой стране и совершали грабежи. Первое их нашествие упоминается Четырьмя Мастерами как произошедшее в Ратлине на побережье Антрима в 790 году.

Но страна вскоре воспрянула духом, и религиозные чувства, всегда стоявшие на первом месте в ирландском сердце, восполнили недостатки конституции государства и особо неблагоприятные обстоятельства того времени. Датчане, как обычно, сначала напали на монастыри и церкви, и одного этого было достаточно, чтобы зажечь в груди народа дух сопротивления и возмездия. Иона была опустошена в 797 году, а затем в 801 и 805 годах. "Чтобы спасти от хищничества датчан, - пишет Монталембер в своей книге "Монахи Запада", - сокровище, которое никакая благочестивая либеральность не могла заменить, тело святого Колумбы было перевезено в Ирландию". И по неизменному преданию ирландских летописей, оно было окончательно помещено в Дауне, в епископальном монастыре, недалеко от восточного берега острова, между великим монастырем Бангор на севере и Дублином, будущей столицей Ирландии, на юге".

Впервые Ирландия подверглась нападению датчан с севера сразу после того, как они завладели Гебридами; но побережья Германии, Бельгии и Франции стали свидетелями их нападений задолго до этого. Первой пострадала религия, а поскольку остров Святых во время их нашествия был покрыт церквями и монастырями, скандинавские варвары нашли в них богатый урожай, который побуждал их возвращаться снова и снова. Первая экспедиция состояла всего из нескольких лодок и небольшого количества людей. Тем не менее, поскольку их нашествия были неожиданными, а люди не были готовы к сопротивлению, многие святыне сооружения пострадали от этих нападений, а огромное количество священников и монахов было убито.

Мы читаем, что Армаг с его собором и монастырями был разграблен четыре раза за один месяц, а в Бангоре за один день было убито девятьсот монахов. Большинство обитателей этих домов бежали с книгами и мощами святых при приближении захватчиков, но, возвращаясь в свои оскверненные дома после ухода пиратов, давали повод для очередных грабежей.

Но ирландцы не всегда бежали в ужасе, как это происходило в Англии и Франции. Обычно поблизости собирались силы, чтобы встретить и отразить нападение, и во многих случаях мародеры с боем возвращались на свои корабли.

Кланы объединялись для защиты церкви. И хотя могло показаться, что вожди и их сородичи не в полной мере прониклись духом религии, хотя в своей безумной вражде они часто оставались глухи к увещаниям и обличениям епископов и монахов, тем не менее христианство царило в их сердцах. И когда они видели язычников, высадившихся на их берегах, чтобы оскорбить их веру и разрушить памятники их религии, чтобы пролить кровь святых людей, освященных девственниц и невинных детей, они обращали ту храбрость, которую так часто использовали против себя и для удовлетворения бесполезных споров, в новое и более подходящее русло - защиту своих алтарей и наказание святотатцев.

Клановая система была как нельзя лучше приспособлена для такого рода войн, пока не появлялись крупные флоты, а пираты были слишком малочисленны и слишком проникательны, чтобы решиться на дальние походы вглубь страны. Когда прибыло лишь

небольшое количество лодок, захватчики обнаружили поблизости клан, готовый принять их. Представители клана быстро собрались и, обрушившись на грабителей, показали им, насколько отличаются свободные люди кельтского побережья, вдохновленные искренней любовью к своей вере, от выродившихся сыновей галло-римлян.

Так, летописи страны сообщают нам, что "чужеземцы" были уничтожены в 812 году людьми Умхолла в Майо; Коррахом, лордом Килларни, в том же году; людьми Улидии и Карбри с людьми Хай-Кинселлы в 827 году; кланами Хай-Фигейнта, близ Лимерика, в 834 году, и многими другими.

Но у гидры было тысяча голов, и новые экспедиции постоянно прибывали. По словам г-на Ворсаэ, датского писателя нашего века:

"С незапамятных времен Ирландия славилась на скандинавском севере своим очаровательным положением, мягким климатом, плодородием и красотой. В "Конгспелле - зеркале королей", составленном в Норвегии около 1200 года, говорится, что Ирландия - едва ли не лучшая из известных нам земель, хотя там не растут виноградные лозы. Скандинавские викинги и эмигранты, которые часто довольствовались такими бедными странами, как Гренландия и острова в северной Атлантике, должны были, следовательно, обратить свое внимание на "Изумрудный остров", тем более что он вплотную примыкал к их колониям в Англии и Шотландии. Но совершить завоевания в Ирландии и обзавестись там постоянными поселениями только с помощью меча было непростой задачей..... Если учесть, что ни римляне, ни англосаксы так и не закрепились в этой стране, хотя и завоевали Англию, соседний остров, а также если вспомнить, какую огромную силу приложили англичане в более поздние времена, чтобы покорить кельтское население острова, то нельзя не удивиться весьма значительным скандинавским поселениям, которые уже в девятом веке образовались в этой стране".

Это слова датчанина. Мы увидим, что представляли собой "весьма значительные скандинавские поселения"; цитата заслуживает внимания, поскольку в нескольких словах отражает мотивы тех, кто в то или иное время вторгся в Ирландию, и упорное сопротивление, которое они встречали.

Ирландцы не были встревожены постоянным приходом этих северных орд. Они встречали их одну за другой, не задумываясь об их сложности и связи. Они видели лишь отряд свирепых варваров, высадившихся на их берегах с целью разграбить и сжечь возведенные ими церкви и святые дома; они видели, как их остров, до сих пор защищенный океаном от чужеземных нападений и покоившийся в постоянном кругу христианских праздников и веселых пиров, теперь осквернен присутствием и яростью свирепых язычников; Они вооружились для защиты всего, что дорого человеку; и хотя, возможно, сначала их били и отгоняли назад, они собирались с силами на расстоянии, чтобы обрушиться на победителей с налетом благородных птиц, которые летят на защиту своих птенцов.

Подобная борьба продолжалась в течение двухсот лет, за исключением периодов крупных вторжений, когда одного клана уже не хватало, чтобы отомстить за дело Бога и человечества, и Ард-Риг был вынужден выйти на арену во главе всей коллективной силы нации, чтобы противостоять огромным флотам и большим армиям датчан.

Страна, несомненно, пострадала; скот был убит, поля опустошены, церкви и дома сожжены; поэты умолкли или слагали свои песни только из нот печали; арфисты играли на национальном инструменте музыки печали; многочисленные школы были рассеяны, хотя и не уничтожены; Как столетия спустя, при саксах, люди уносили книги и письменные

принадлежности в свои убогие домики или прятали их в горных расселинах, и таким образом впервые в истории хедж-школы сменили школы больших монастырей. Так нация продолжала жить, и энергичный огонь, горевший в сердцах людей, невозможно было погасить. Они поднимались и снова поднимались, и часто брали благородный реванш, не падая духом от самых страшных бедствий.

В трех случаях эта кровавая распря принимала еще более серьезные и опасные формы. К берегам преданного острова приплыло не несколько лодок, а главная сила Скандинавии, казалось, объединилась, чтобы одним ударом сокрушить все сопротивление.

Когда сведения о богатстве, плодородии и красоте острова полностью распространились по Дании и Норвегии, в гаванях Балтики собрался большой флот и вышел в море.

Предводителем был знаменитый Тургезиус или Тургейс - по-норвежски Торгиль. Эдда и саги Норвегии и Дании были изучены с целью прояснения этого отрывка ирландской истории, но пока безрезультатно. Однако известно, что многие саги были утеряны, и в них мог содержаться рассказ об этом. Ирландские анналы слишком единодушны в этом вопросе, чтобы оставить хоть какую-то возможность для сомнений; и, какими бы ни были мнения ученых людей о ранних событиях в истории Эрина, рассказ о восьмом, девятом и десятом веках полностью опирается на историческую основу, так же уверенно, как если бы эти факты произошли несколько сотен лет назад.

Тургесий высадился со своим флотом на северо-восточном побережье острова, и сразу же разрозненные группы скандинавов, уже находившиеся в стране, признали его лидерство и стекались под его знамена. МакГеоган говорит, что "он взял в свои руки суверенитет всех чужеземцев, которые тогда находились в Ирландии".

С севера он двинулся на юг и, миновав Армаг на своем пути, напал на него и взял, разграбив его святыни, монастыри и школы. Тогда в его стенах находилось семь тысяч студентов, согласно древнему списку, который, по словам Китинга, был обнаружен в Оксфорде. Они были убиты или рассеяны, и та же участь постигла девятьсот монахов, проживавших в монастырях.

Форанан, примас, бежал, а языческий морской конунг, войдя в собор, сел на главный трон и провозгласил себя архиепископом. Незадолго до этого он опустошил Клонмакнойс и сделал свою жену верховной главой этого великого церковного центра, известного своими многочисленными монастырями святых женщин. Тенденция добавлять оскорбление к оскорблению, когда объектом оскорбления является религия Христа, издревле в крови северных варваров; и Тургесий просто подавал пример, в своей собственной грубой и честной манере, более полированному, но не менее нелепому принятию церковной власти, которое должно было произойти в Англии, со стороны Генриха VIII и Елизаветы.

Мощь захватчика настолько превосходила все силы, которые могли собрать соседние ирландские кланы, что возмущенные свидетели этих святотатств поначалу даже не пытались сопротивляться. Говорят даже, что в то самое время, когда северяне грабили и жгли на северо-востоке острова, люди из Мюнстера были заняты в Брегии; а Конор, правящий монарх Ирландии, вместо того чтобы защищать захваченные территории, сам усердно грабил Лейнстер до берегов реки Лиффи - (Хаверти. Но, несомненно, никто из этих заблуждающихся ирландских принцев еще не слышал о языческих опустошениях и оскорблениях их религии, и поэтому великому морскому кону было легко укрепить и расширить свою власть. Для достижения своей цели он использовал два мощных средства, которые могли бы навсегда сокрушить Ирландию, если бы источники жизненной силы в народе не были более чем обычно экспансивны и сильны.

Политические способности датчан начали проявляться в Ирландии, как это было примерно в тот же период (830 год) в Англии, а затем и во Франции. Тургезий понял, что для покорения нации необходимо создать военные пункты во внутренних районах страны и укрепить города на побережье, где он мог бы получать подкрепления из Скандинавии. Эти планы он поспешил воплотить в жизнь.

Его военные пункты были бы слишком легко разрушены храбростью ирландцев, укрепленной эластичностью их клановой системы, если бы они были высажены на суше. Поэтому он разместил их на внутренних озерах, которых так много на острове, где его флот мог отразить все атаки туземцев, не привыкших к морским столкновениям. Часть своего флота он разместил на озере Ли в верховьях Шеннона, другую - на озере Ниг, к югу от Антрима, третью - на озере Лугмаг или в бухте Дандолк. Эти различные военные позиции были опорными пунктами, которые надолго обеспечили господство скандинавов на севере острова. На юге Тургесий опирался на различные города, которые его войска последовательно строили или расширяли: Дублин, Лимерик, Голуэй, Корк, Уотерфорд и Уэксфорд. Этот первый скандинавский правитель смог начать эту политику только с утверждения своих соотечественников в Дублине, который они захватили в 836 году.

До этого времени у ирландцев не было почти ни одного города, достойного этого названия. Будучи патриархальным народом, они придерживались образа жизни старых восточных патриархов, которые не любили жить в больших городах. До вторжения датчан остров был покрыт фермерскими домами, расположенными на некотором расстоянии друг от друга. То тут, то там большие *дуны* или *ратты*, как их называли, служили жилищами вождей и становились убежищем для клана во время опасности. Со времен святого Патрика в большом количестве появились церкви и монастыри, которые сначала строились в лесах, но вскоре превратились в населенные пункты, во многом соответствующие представлению о городах в общепринятом понимании.

Северяне принесли с собой в Ирландию идеи городов, торговли и муниципальной жизни, доселе неизвестные. Их введение предполагало полное изменение обычаев коренных жителей и жесткие правила, против которых народ не мог не выступить. И странным был способ их внедрения этими северными ордами. Китинг рассказывает, как их понимал Тургесий. Они были гораздо хуже, чем воображаемые законы афинян, описанные в "Птицах" Аристофана. Невозможно было придумать более строгих правил, будь то муниципальные, сельские или социальные нормы; а поскольку северяне, как известно, отличались систематическим мышлением, более убедительного доказательства этого факта привести невозможно.

Китинг в следующих выражениях выражает сожаление по поводу жестокой тирании датского морского конунга:

"Результатом тяжкого гнета, в котором находились гэлы под властью чужеземца, стало то, что на людей Ирландии навалилась великая усталость, а немногие оставшиеся в живых священнослужители бежали в поисках безопасности в леса и пустыни, где и жили в нищете, но проводили время благочестиво и набожно, и теперь те же самые священнослужители горячо молили Бога избавить их от тирании Тургезия, и, кроме того, они постились против этого тирана, и велели всем мирянам из числа верующих, которые еще оставались послушными их голосу, поститься против него так же. И тогда Бог услышал их мольбы в том, что касается передачи Тургесия в руки гэлов".

Так в девятом веке были предвосхищены последующие события шестнадцатого и семнадцатого. Разумный редактор Китинг, однако, справедливо замечает, что это описание,

взятое в основном из Кембренсиса, не подтверждается во всей полноте современными анналами острова; что власть датчан никогда не была столь универсальной и деспотичной, как предполагается здесь; и что хотя каждый из упомянутых фактов мог действительно иметь место в какой-то части страны в определенный период датского вторжения, все же целое, представляющее фактическое состояние всего острова в то время, преувеличено и имеет слишком огульный характер.

Тем не менее очевидно, что господство северян не могло быть полностью установлено в Ирландии, вместе с их представлениями о превосходстве расы, торговлей в больших масштабах и последующим скоплением людей в крупных городах, без полного разрушения существующего социального положения ирландцев, и, следовательно, чего-то вроде ужасающей тирании, которая только что была описана.

Но люди были слишком храбры, слишком энергичны и пылки по своей природе, чтобы с такой легкостью нести столь тяжелое иго. Они были слишком привязаны к своей религии, чтобы, если потребуется, не пожертвовать своей жизнью, чтобы положить конец святотатственным узурпациям языческого короля, оскверняющего своими дерзкими предположениями самые благородные, самые высокие, самые чистые и самые священные достоинства святой церкви. Человек, запятнанный кровью стольких прелатов и священников, восседающий на главном троне страны в насмешку над их самыми глубокими чувствами; его жена-язычница, правящая городом, который так долго чтили и освящали девы Бриджит, супруги Христа; их религия, оскорбляемая теми, кто пытался ее разрушить, - как могло такое положение вещей вынести все население страны, еще не доведенное до того состояния, до которого его впоследствии довели столько веков угнетения!

Поэтому Китинг мог написать сразу после только что процитированного отрывка: "Когда знатные люди Ирландии увидели, что Тургезий внес смятение в их страну, что он принимает верховную власть над ними самими и низводит их в рабство и вассальную зависимость, они вдохновились стойкостью духа, возвышенностью духа, твердостью и непоколебимостью цели, что побудило их к серьезной работе и ревностному сражению против него и его убийственных орд".

И далее верный историк приводит длинный список сражений, в которых ирландцы добились успеха, заканчивая победой Малахии при Глас Линни, где, как мы знаем из "Четырех магистров", сам Тургезий был взят в плен и затем утоплен в Лаф Уайр или Овелл в Западном Мите по приказу ирландского короля.

Этот принц, ставший монархом всего острова, искупил апатию и недостаток патриотизма своих предшественников, Конора и Ниаллов. Он стал настоящим спасителем своей страны, а смерть угнетателя послужила сигналом для всеобщего наступления на "чужеземцев" во всех частях острова.

"Народ поднялся одновременно и либо истребил их в своих городах, либо разгромил в полях, так что, за исключением нескольких крепостей, таких как Дублин, вся Ирландия была свободна от северян. Везде, где они могли спастись, они укрывались на своих кораблях, но возвращались еще более многочисленными стаями, чем прежде". - (М. Хаверти.)

Очевидно, что глубокое чувство религии было главным источником той энергии, которую проявляли тогда ирландцы. Их еще не подтолкнули к яростному сопротивлению, насильно лишив земель; Хотя датчане, когда они переносили свою досадную тиранию на все детали частной жизни - не позволяя лордам и леди ирландской расы носить богатые платья и появляться в подобающем их рангу виде - когда они заходили так далеко, что отказывали

младенцу в чаше молока, чтобы грубый солдат мог утолить им жажду, - едва ли могли позволить, казалось бы, покоренному народу пользоваться всеми преимуществами, которые дает владельцу обладание землей. Однако ни в одной из хроник того времени, которые мы видели, нет упоминания об открытой конфискации, обследовании и разделе территории между жадными последователями морского конунга. Мы еще не являемся свидетелями того, что произошло вскоре после этого в Нормандии при Ролло, и того, что должно было случиться четыреста лет спустя в Ирландии. Скандинавы еще не достигли той степени цивилизации, которая заставляет людей придавать первостепенное значение владению определенной частью какой-либо территории и требовать проведения межевания, оформления титулов, хартий и всех письменных документов, необходимых для придирчивого и слишком щепетильного законодательства. Ирландцы, следовательно, не понимали, что их обширные акры переходят под контроль чужой расы и отбираются по частям, постепенно низводя их до состояния простых крепостных и иждивенцев.

А вот что они увидели, не исключая возможности ошибки или обмана, так это то, что их религия оскорблена, их духовные правители не просто больше не имеют права исполнять обязанности своего священного сана, но их выслеживают и убивают или изгоняют в горы и леса. Они видели, что язычники фактически правят их священным островом, превращая рай святости в столпотворение жестоких страстей, во главе которого стоит суеверное и жестокое идолопоклонство. И хотя ирландские хроники об этом умалчивают - менестрели и историки были слишком увлечены собственными страданиями, чтобы обратить внимание на языческие обряды своих врагов, - эти враги поклонялись Тору, Одину и Фригге и столь же искренне ненавидели Церковь, которую они намеревались полностью уничтожить. Именно это придавало ирландцам мужество отчаяния. По этой причине, в первую очередь, весь остров взялся за оружие, обрушился на своих врагов и обрушил на их головы страшное возмездие. Именно это, несомненно, вдохнуло в нового монарха ту энергию, которую он проявил на поле Глас Линни; и когда он приказал утопить варвара, теперь уже пленника в его руках, это было главным знаком того, что он ненавидит в нем богохульника и гонителя Божьей церкви.

Так первые национальные несчастья этого кельтского народа стали средством разжечь в его сердцах большую любовь к своей религии и большее рвение к ее сохранению в своей среде.

Ирландия снова стала свободной; и хотя у нас нет подробностей о том коротком периоде процветания, который последовал за свержением тирании, о которой мы уже говорили, мы не сомневаемся, что первым предметом заботы тех, кто под Богом добился своего освобождения, было восстановление руин оскверненных святилищ и возвращение религии чести, которой она была лишена.

Датчане и сами поняли, что поступили опрометчиво, пытаясь лишить ирландцев религии, которая была так дорога их сердцам; они решили изменить политику, поскольку по-прежнему стремились завладеть островом, который, по словам г-на Уорсаэ, они считали лучшей страной из всех существующих.

Поэтому они решили действовать более осмотрительно, использовать торговлю и материальные блага, которые она дает, чтобы заманить ирландцев на свою погибель, позволив северянам вести с ними дела и постепенно снова поселиться среди них. Отец Китинг рассказывает эту историю в своем причудливом и наглядном стиле:

"План, принятый ими по этому случаю, состоял в том, чтобы снарядить трех капитанов, происходивших из благороднейшей крови Норвегии, и отправить их с флотом в Ирландию, чтобы получить какую-нибудь станцию для торговли. С собой они взяли много заманчивых

товаров и много ценных драгоценностей - с целью представить их ирландцам в надежде заручиться их дружбой; ибо они полагали, что таким образом им удастся тайно закрепиться на ирландской земле и получить возможность снова угнетать ирландский народ... Итак, три капитана, прибыв из норвежских портов, высадились в Ирландии со своими приверженцами, как бы требуя мира и под предлогом налаживания торговли; и там, с согласия ирландцев, которые были настроены на мир, они завладели некоторыми приморскими местами и построили на них три города, а именно: Уотерфорд, Дублин и Лимерик".

Итак, мы видим, что скандинавы отказались от своего первого проекта завоевания Севера, чтобы обрушиться на Юг, и ограничились небольшим количеством укрепленных морских портов.

Первым результатом этой политики стало более прочное, чем когда-либо, удержание Дублина, однажды уже занятого ими в 836 году. "Амлаф, или Олаф, или Олаус, пришел из Норвегии в Ирландию в 851 году, так что все иноземные племена на острове подчинились ему, и они взымали ренту с гэлов". - (Четыре мастера.)

С этого времени и до XII века Дублин стал главным оплотом скандинавов, и не менее тридцати пяти остменов, или датских королей, правили им. Они сделали его важной империей, и таковой он оставался даже после прекращения скандинавского нашествия. Макфирбис утверждает, что в его время - 1650 год - большинство купцов Дублина были потомками норвежского короля Ирландии Олафа Кварана; чтобы придать торговле больший импульс, они первыми начали чеканить деньги в стране.

Новая скандинавская политика, проводимая Амлафом, который пытался основать в Дублине резиденцию королевства, которое должно было распространиться на весь остров, привела, таким образом, лишь к созданию пяти или шести мелких княжеств, в которых северяне, будучи некоторое время хозяевами, постепенно были низведены до второстепенного положения и в конце концов ограничились лишь торговыми операциями.

После попытки Тургесия подмять под себя религию страны они не проявляли ни малейшей склонности к ее повторению; поэтому они спокойно владели местами, которые занимали на морском побережье, и постепенно сами приняли христианство.

Об обстоятельствах, сопутствовавших этой смене религии с их стороны, известно немного; несомненно, что она произошла лишь в конце десятого века. Некоторые утверждают, что христианство было принесено к ним из их собственной страны, где оно уже было насаждено несколькими миссионерами и епископами. Но известно, что святой Анчарий, первый апостол Дании, не смог обосноваться в этой стране на постоянной основе и был вынужден направлять нескольких миссионеров из Гамбурга, где он основал свою кафедру. Кроме того, известно, что Дания была по-настоящему обращена Канутом только в XI веке, после завоевания им Англии. Что касается Норвегии, то первая попытка ее обращения королем Хакином, который стал христианином при дворе Ательстана в Англии, была неудачной; и хотя его преемник, Гарольд, на какое-то время преуспел, язычество снова было восстановлено и процветало до 995 года. На самом деле именно Олаф Святой, прибывший из Англии в 1017 году со священниками Сигефридом, Будольфом и Бернардом, сумел окончательно ввести христианство в Норвегии, причем в своей миссии он больше использовал меч, чем слово.

Что касается обращения датчан в Ирландии, то, похоже, в конечном счете именно постоянно присутствующее зрелище действия христианства среди ирландцев постепенно открыло им глаза и уши. Они полюбили страну и народ, когда узнали их досконально; они уважали их за

храбрость, которую те тысячу раз доказывали; они чувствовали влечение к ним из-за гениальности их темперамента и теплых социальных чувств; даже недостатки их характера и импульсивная натура были им приятны. Вскоре они стали искать их общества и отношений; они начали вступать с ними в браки, а от этого оставался всего один шаг до принятия их религии.

Однако датчане из Уотерфорда, Корка и Лимерика последними отказались от язычества, и, похоже, сделали это только после Клонтарфа.

Весьма примечательно, что во время всех этих конфликтов ирландцев с датчанами, когда северяне усеяли остров мертвецами и руинами, когда они, казалось, прочно установили свое господство на Оркнейских, Гебридских островах и даже на острове Мэн; Когда моря вокруг Англии и Ирландии кишели пиратами, а из многочисленных гаваней Балтики почти каждую весну отправлялись новые экспедиции, ирландская колония Дал Риادا в Шотландии, которая была буквально окружена захватчиками, сумела отвоевать у пиктов Северную Британию, загнать их в Низины и так полностью искоренить, что история больше никогда не говорит о них, и по сей день историческая проблема остается нерешенной - что стало с пиктами? - Как бы ни были разнообразны объяснения их исчезновения. И, что еще более примечательно, колония Дал Риادا получала постоянную помощь от своих братьев в Эрине, а первый из династии шотландских королей, в лице Кеннета МакАльпина, был фактически посажен на трон Шотландии оружием ирландских воинов, которые, не удовлетворившись постоянными конфликтами с датчанами на своей собственной земле, перешли через Восточное море к соседнему побережью Великобритании.

Последние сорок лет десятого века датчане жили в Ирландии так, словно принадлежали этой земле. Если они вели войну против одного провинциального короля, то становились союзниками других. Когда клан воевал с кланом, датчан часто можно было встретить на обеих сторонах, а если на одной, то они вскоре присоединялись к другой. Их приучали к манерам местных жителей, они перенимали многие их обычаи и привычки. Однако между двумя расами всегда оставалось скрытое недоверие, более или менее выраженное; было ясно, что Ирландия никогда не избежит опасности порабощения, пока скандинавский элемент не станет бессильным.

Эта антипатия с обеих сторон очень рано проявилась даже в церковных делах: христианские туземцы смотрели на христианских датчан с завистью; так что в середине десятого века датчанам Дублина удалось заполучить епископа из своего народа, они отправили его в Англию для посвящения Ланфранком, архиепископом Кентерберийским, и долгое время дублинская кафедра находилась под юрисдикцией преемников Ланфранка.

Это стало серьезной проблемой для Ирландии, поскольку столица Лейнстера стала рассматриваться как зависимая, по крайней мере духовно, от Англии; а позже, во время вторжения при Стронгбоу, установление английской Палеи было значительно облегчено таким соглашением, на которое Рим согласился только ради духовной выгоды своих скандинавских детей в Ирландии.

И ирландцы были правы, не доверяя всему чужеземному на этой земле, поскольку, даже став христианами, датчане не могли устоять перед соблазном сделать последнее усилие для покорения страны.

Отсюда и возникло их последнее общее усилие, которое привело к окончательному поражению при Клонтарфе. В наши задачи не входит изложение истории этого великого события, известного во всех подробностях изучающему ирландскую историю. Не нам

проследить различные этапы, по которым Бриан Бору поднялся к верховной власти и сместил Малахию, рассказывать о многих частичных победах, которые он уже одержал над северянами, упоминать о его великолепном управлении государством и о счастье ирландцев под его властью.

Но наш долг - указать на настойчивые попытки скандинавской расы не только удержаться на ирландской земле, но и заново попытаться завоевать то, что ей так часто не удавалось. Ибо, описывая их подготовку к этой последней масштабной попытке, мы лишь добавляем еще одно доказательство стойкости ирландцев, которой мы уже имели столько поводов восхититься.

В хронике Адемара, которую Ланиган цитирует у Лаббе (Nova Bibl., MSS., Tom. 2, p.177), говорится, что "северяне пришли в то время в Ирландию с огромным флотом, взяв с собой даже своих жен и детей, с целью истребить ирландцев и занять вместо них эту очень богатую страну, в которой было двенадцать городов, с обширными епископствами и королем".

Лаббе считает, что "Хроника" была написана до 1031 года, так что, по его мнению, автор был современником тех фактов, о которых он рассказывает.

Ирландские анналы со своей стороны утверждают, что "иноземцы были собраны со всего запада Европы, посланники были отправлены в Норвегию, на Оркнейские острова, на Балтийские острова, так что большое количество викингов прибыло со всех частей Скандинавии со своими семьями с целью постоянного поселения".

Примерно в то же время датчане предприняли аналогичные усилия для прочного завоевания Англии, которые увенчались успехом: Свейн был провозглашен королем в 1013 году, а Канут Великий стал ее неоспоримым правителем в 1017 году.

Хорошо известно, как провалилась эта попытка в Эрине: армия из двадцати одной тысячи вольных разбойников была полностью разбита под Дублином Брианом и его сыновьями.

С тех пор существование скандинавской расы на ирландской земле было весьма шатким; им лишь разрешили занимать морские порты для торговли, и вскоре ирландские вожди сменили своих королей в Дублине, Лимерике, Уотерфорде и Корке.

В заключение читателю, возможно, будет интересно узнать, какие следы оставили датчане после своего долгого пребывания на острове. Если прислушаться к народной молве, то страна до сих пор полна развалин зданий, занятых ими. Простые люди, указывая незнакомцам на остатки сооружений, укреплений, рат, донов, даже круглых башен и церквей, либо более древних, либо более поздних, чем период вторжения норвежцев, приписывают их датчанам. Очевидно, что двести лет разрушений, сожжений и ужасов оставили глубокий след в сознании ирландцев; и поскольку они не могут предположить, что столь могущественные враги могли так долго оставаться в их среде, не оставив замечательных следов своего пребывания, они часто приписывают им строительство тех самых зданий, которые они разрушили. Общая точность их преданий, кажется, здесь не на высоте. Ведь нет на земле народа, который был бы так точен, как ирландцы, в сохранении истинной памяти о фактах своей прошлой истории. Не так давно все ирландские крестьяне были прекрасно знакомы со всей историей своего района; они могли сказать, какие кланы сменяли друг друга, где именно была низвергнута одна партия и побеждена другая; каждая деревня имела свои верные предания, запечатленные в памяти ее жителей, и, если обратиться к летописи народа, совпадения часто оказывались поразительными. Как же так получилось, что они так часто ошибались в отношении датчан?

Было дано частичное объяснение, которое само по себе является доказательством цепкости ирландской памяти. Известно, что Туатха де Данаан были не только искусны в медицине, обработке металлов и магии, но и многие постройки, как правило, приписываемые им лучшими антикварами; среди прочих - большой курган Нью-Грейндж на берегу Бойна, который до сих пор прекрасно сохранился, хотя был вскрыт и разграблен датчанами - работа, напоминающая египетский памятник. Совпадение имени Туатха де Данаан с именем датчан, возможно, побудило многих неграмотных ирландцев принять универсальную ошибку, в которую они впали давным-давно, приписав большинство древних памятников своей страны датчанам.

Факт в том, что руины нескольких малозначительных замков и церквей - это все, что осталось от датского господства в Ирландии; и даже они, должно быть, были результатом его позднего периода.

Но более любопытное доказательство того, что все датское на острове исчезло. датского на острове приводит мистер Уорсэ, чья цель при написании своего рассказа о датчанах и норвежцах в Англии, Шотландии и Ирландии, целью которого было прославить свою собственную страну, Данию.

Он специально изучил названия мест и вещей, которые можно отнести к скандинавам, соответственно, в трех больших подразделениях Британских островов; и, конечно, язык народа-завоевателя всегда проявляется во многих словах покоренной страны, где порабощение было достаточно продолжительным.

В Англии, главным образом в северной половине королевства, очень много датских имен, которые до сих пор сохранились в географии страны. В книге мистера Уорсэ есть таблица с 1 373 датскими и норвежскими названиями мест в Англии, а также список из 100 датских слов, выбранных из вулгарного языка, которые до сих пор используются среди людей, живущих к северу от Уотлинг-стрит.

В Шотландии, как и в Высокогорье и даже в Низине, в географии страны до сих пор можно встретить значительное количество названий или, по крайней мере, окончаний.

Три или четыре названия мест в окрестностях Дублина, а также окончания названий городов Уотерфорд, Уэксфорд, Лонгфорд и некоторых других - вот и все, что мистер Уорсэ смог найти в Ирландии. Таким образом, язык ирландцев, не говоря уже об их правительстве и законах, остался устойчивым к долгим и настойчивым попыткам великой и воинственной северной расы вторгнуться в страну и заменить социальную жизнь коренных жителей.

В целом, скандинавские вторжения были полностью провальными. Им не удалось наложить отпечаток своей национальности или индивидуальности ни на одну вещь на острове, как это было в Англии, Голландии и на севере Франции. Те несколько капель крови, которые они оставили в стране, уже давно влились в здоровый поток чистого кельтского ручья; даже язык народа не был ими затронут.

Что касается социального характера нации, то он не был затронут этой страшной агрессией. Скандинавские обычаи в отношении правительства, общества, домашних дел не могли повлиять на ирландцев; они отказывались признать систематическую зависимость, которую суровость северян наложила бы на их характер, и сохраняли свои свободные нравы, несмотря на все неблагоприятные попытки. В этой стране Тургесий, Амлаф, Ситрик и их

соратники потерпели столь же значительную неудачу, как и другие скандинавские вожди, преуспевшие в Британии и Нормандии.

Муниципальная система, заслужившая столько похвал, была презрительно оставлена ирландцами датчанам в портовых городах, и они продолжали вести сельскохозяйственную жизнь, приспособленную к их вкусам. Города и поселки были построены во внутренних районах лишь много позже англичанами.

Клановые территории продолжали управляться, как и прежде. Действие "Книги прав" распространялось даже на Датскую Палею, и датчане пытались обратить ее в свою пользу, вводя в нее ложные главы. Как поэма гэлов из Ат Клиата впервые попала в "Книгу прав", до сих пор неизвестно лучшим ирландским антикварам. Джон О'Донован на основании одного стиха из нее делает вывод, что она была написана в десятом веке, после обращения датчан Дублина в христианство. Это, безусловно, доказывает, что скандинавы в Ирландии, как и англичане в Пале позже, привязались к Эрину и обычаям Эрина - фактически, стали. Ирландцами, во всех смыслах и целях. Не сумев сделать из ирландцев северян, они поддались мягкому влиянию ирландских нравов и религии.

Что касается коммерческого духа, то ирландцы не могли уловить его, даже столкнувшись со зрелищем богатства, которое он приносил "иностранцам". В летописях этой расы открыто говорится, что их величайшие короли - Малахия и Бриан Бору - не изгоняли датчан из страны, чтобы те могли наживаться на скандинавских торговцах и получать через них вина, шелка и другие товары, которые последние импортировали с европейского континента.

То же самое можно сказать и о мореплавании. Ирландцев никогда не удавалось склонить к этому ремеслу, как бы они ни увлекались короткими путешествиями на своих каррагах.

Единственными пагубными последствиями вторжения норвежцев для ирландцев были: 1. прерывание исследований в том большом, даже всеобщем масштабе, в котором они проводились ранее; 2. разрушение прежней монархической конституции, заставив несколько кланов, на которые напали "чужеземцы", действовать независимо от Ард-Рига, так что с этого времени безответственная власть была разделена между гораздо большим числом вождей.

Но эти печальные последствия вторжения норвежцев ничуть не повлияли на характер, язык и институты ирландцев, которые, по сути, в конце концов одержали победу над характером, языком и институтами пиратов, обосновавшихся среди них на протяжении двух столетий.

ГЛАВА VI.

ИРЛАНДСКИЕ СВОБОДНЫЕ КЛАНЫ И АНГЛО-НОРМАНДСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ.

Датчане были покорены, и ирландцы могли свободно продолжать плести нити своей истории - хотя в результате локальных войн они лишились концентрирующей силы Ард-Рига, - когда предательство в их собственных рядах открыло путь для гораздо более серьезного нападения со стороны другой ветви великой скандинавской семьи - англо-норманнов.

Нравы людей остались неизменными; клановая система не претерпела ни малейших изменений; она выдержала испытание предыдущими революциями; теперь ей предстояло столкнуться с новой системой, только что завоевавшей Европу и распространившейся по всему, казалось бы, обреченному острову. Из всех мест она пустила глубокие корни в Англии, где ей суждено было пережить свое разрушение в других местах в конвульсиях нашей

современной истории. Этой системой, находившейся тогда в полном расцвете сил, был феодализм.

Для того чтобы правильно понять и составить верное суждение об этом вопросе и его могущественных проблемах, мы должны вкратце рассказать о главных чертах феодализма в тех странах, где он процветал.

Феодальная система исходила из принципа, что все земельные владения исходили от короля, как полководца завоевательной армии; что они распределялись им среди своих приверженцев на определенных условиях и что они подлежали конфискации в случае невыполнения этих условий.

Кроме того, феодальная система, с политической точки зрения, предполагала принцип, согласно которому все гражданские и политические права вытекали из владения землей; те, кто не владел землей, не могли обладать ни гражданскими, ни политическими правами - по сути, они были не людьми, а холопами.

Следовательно, он свел нации к небольшому числу землевладельцев, пользующихся всеми привилегиями гражданства; массы же, лишённые всех прав, не имеющие ни доли в управлении, ни возможности подняться по социальной лестнице, были навсегда обречены на холопство или крепостничество.

Феодализм, по нашему мнению, пришел сначала из Скандинавии. Большинство писателей выводят его из Германии. Вопрос о его происхождении слишком обширен, чтобы входить в наши рамки, да и не нужен, поскольку мы имеем дело главным образом с фактом, а не с его историей.

Когда мореход завоевывал лодку врага или разрушал деревню, он распределял добычу между своей командой. Каждая вещь передавалась его последователям в виде подарка, а взамен они были обязаны служить ему с величайшим рвением и преданностью. Со временем у мореплавателей возникла идея обосноваться на какой-нибудь территории, которую они опустошили и обезлюднили. Морской конунг сделал с землей то, что привык делать с добычей: он разделил ее между своими верными последователями - *fideles* - отдав каждому его долю территории. У англосаксов это называлось *feoh*, которые, как показывает доктор Линггард, первыми применили эту систему на британской земле. Так появилось слово *fief*, которое со временем заняло свое место во всех языках Европы.

Даритель считался абсолютным владельцем всего, что он дарил, как и командир судна в море. Это был пожалованный им бенефиций, к которому прилагались некоторые обязательные условия. Военная обязанность была первым, но не единственным из них. Писатели о феодализме упоминают множество условий, невыполнение которых влекло за собой так называемую неустойку.

В странах, где пиратам удавалось закрепиться, все коренное население либо уничтожалось ими, как это было в Нормандии, как рассказывает Дудо, либо, что случалось чаще, меч не мог занести уничтожение так далеко, оставшиеся в живых жители попадали в крепостную зависимость и вынуждены были обрабатывать землю для завоевателей; отныне они назывались холопами или глебами (*ascripti glebae*). Очевидно, что только те, кто владел землей, могли претендовать на гражданские и политические права в новых государствах, возникших таким образом. Таким образом, владение землей на условиях феодального держания было главной и единственной существенной характеристикой средневекового феодализма.

Эта система, впервые введенная в Британии англосаксами, была доведена до постоянного состояния норманнами - последователями Вильгельма Завоевателя; и когда пришло время, когда предательство призвало норманнских рыцарей на ирландскую землю, преданный остров оказался лицом к лицу с железной системой, которая в тот период сокрушала и утяжеляла всю Европу.

Норманны уже сто лет как обосновались в Англии; все замки в стране были заняты норманнскими лордами; все епископства заполнены норманнскими епископами; всеми монастырями управляли норманнские аббаты. Во главе государства стоял король, в то время Генрих II. Здесь, как ни в одной другой стране Европы, король был ключевым камнем в феодальной кладке. Ни один дюйм земли в Англии не принадлежал ему иначе, как под его властью, как обладающему главенствующим положением (*supremum dominium*). Все земли были дарованы его предшественниками в качестве вотчин с правом возврата к короне путем конфискации в случае нарушения феодальных обязательств. Здесь не было ни аллодиальной собственности, ни чувствительного наследственного домена, как в остальной, иначе говоря, феодальной Европе. Все английские юристы были единодушны в доктрине, что только король является истинным хозяином территории; что владение под его началом влечет за собой все условия феодального владения, и что любой акт или пожалование, исходящие от его власти, должны пониматься именно так.

Юго-западная часть Уэльса была занята нормандскими лордами, по большей части фламандцами. Двое из них, Роберт Фицстефенс и Морис Фицджеральд, отплыли на помощь ирландскому королю Лейнстеру. Они первыми высадились на берег, прибыв на целый год раньше Стронгбоу.

Наконец Стронгбоу прибыл. Условия, заранее оговоренные между ним и королем Лейнстера, были выполнены. Он был женат на дочери Дермода МакМерроу, вождя Лейнстера, признан Риг Дахмой, то есть наследником короны, а ирландцы, привыкшие испокон веков восхищаться доблестью и покорно склоняться перед законом завоевания, признали это притязание. Английского авантюриста они рассматривали как одного из своих по браку. Выборы в таком случае были излишни, вернее, понятны, и Стронгбоу занял место, которое в их глазах принадлежало ему по праву жены, - главы всех лейнстерских кланов при Мак-Мерроу.

Когда чуть позже Генрих II признал Стронгбоу своим сюзереном и получил дань уважения как предполагаемый наследник Лейнстера, подчинение ему было в глазах ирландцев лишь следствием их собственной клановой системы. Они понимали оказываемое ему почтение совсем не в том смысле, который придавали ему феодальные народы; и если бы они догадывались об истинных намерениях новых гостей, ни один из них не согласился бы жить под таким игом и склонить шею перед ним.

На самом деле на небольшой территории, где разворачивались те великие события, лицом к лицу стояли два мира, совершенно непохожие друг на друга. Камбренис рассказывает, что англичане были поражены увиденным. Империализм Рима никогда не касался Ирландии. Датчане, которым так упорно сопротивлялись с самого начала и которых в конце концов одолели, так и не смогли ввести здесь свои ограничительные меры угнетения. Англичане нашли туземцев в точно таком же состоянии, в каком Юлий Цезарь нашел галлов за двенадцать лет до этого, за исключением религии: раса управлялась патриархально вождями, связанными со своими подчиненными кровным родством; никакого единства в управлении, никакого общего флага, никакой частной и наследственной собственности, ничего, что связывало бы племена вместе, кроме религии. Это была не нация, а скорее

скопление мелких народностей, часто воюющих друг с другом, но все они крепко привязаны к Эрину - простому названию, включающему, тем не менее, дорогую идею страны - вожди выборные, смелые, предприимчивые; подчиненные свободные, привязанные к вождю, как к общему отцу, с пылом бросающиеся во все его распри, готовые умереть за него в любой момент. Вокруг вождя и клана вращалось множество брегонов, шаначей, поэтов, бардов и арфистов - поэзия, музыка и война странным образом сливались воедино. Религия Христа распространяла над всеми ореол чистоты и святости; большие монастыри, наполненные благочестивыми монахами, и монастыри благочестивых и непорочных дев изобиловали; епископы и священники в церквях, распевая псалмы, каждый из которых аккомпанировал себе на многострунной арфе, издавали сладкую гармонию, неслыханную в то время в любой другой части света.

Важнейшей особенностью, которую следует учитывать, является их понимание собственности. Наследственное право на землю по отношению к отдельным лицам, как и передача собственности любого рода по праву первородства, были им неизвестны. Если определенная территория была закреплена за вождем, меньшая часть - за епископом, шаначи, главным поэтом и другими гражданскими должностными лицами, каждый в своей степени, то эта собственность была связана с должностью, а не с человеком, который ее занимал, и переходила к его избранному преемнику, а не к его собственным детям; в то время как большая часть территории принадлежала клану в целом. Никто не имел права отчуждать ни одного колена, и если иногда часть земли предоставлялась изгнанникам, чужакам, соседнему клану, то по этому вопросу советовалось все племя. По общей земле бродили большие стада скота - собственность отдельных людей, которые не могли владеть ничем, кроме движимого имущества, за пределами своих маленьких деревянных домиков.

Такое положение вещей существовало, согласно их летописям, уже несколько тысяч лет. Их предки счастливо жили в таких социальных условиях, которые они хотели сохранить и передать своим потомкам.

Внешняя торговля была им неприятна; по сути, они не имели склонности к коммерции. Они презирали роскошь, почти не зная, что такое деньги, которые были недавно введены в их обиход. Однако, будучи утонченными в своих вкусах, любя украшения, вино на пирах, украшая лица своих жен и дочерей шелком и драгоценными камнями, они позволили датчанам поселиться в своих морских портах, торговать этими товарами и ввозить для своих нужд то, что не производила их земля.

Эти приморские города были укреплены северянами после их первых побед, когда они овладели ими. На всей остальной территории острова не было видно ни одной крепости или крупного города. Все жители занимались сельским хозяйством и пасли скот, предпочитая жить в деревне; их дома были построены из плетня и глины, но были удобны и упорядочены.

Особняки вождей не были ни огромными архитектурными сваями, ни хмурыми крепостями. Они носили название ратхов, когда использовались для жилья, и дунов, когда строились с целью противостоять нападению. В обоих случаях они находились частично под землей, частично над ней; все они были круглой формы, построенные иногда из больших камней, чаще из стен из дерновой глины.

Вместо того чтобы покрывать конечности почтовыми плащами, как воины средневековой Европы, они носили шерстяную одежду даже на войне, а в качестве украшений - цепи или пластины из драгоценных металлов. Поэтому норманнские захватчики, облаченные в

тяжелые доспехи, были удивлены, оказавшись лицом к лицу с незащищенными и обнаженными, по их мнению, людьми. Еще больше они удивились природной смелости и готовности ирландцев выступать перед своими вождями и князьями, не понимая, что все они одной крови и осознают этот факт.

Еще меньше они могли понять свободу и дружелюбие, существовавшие между ирландской знатью и беднейшими из их сородичей, столь отличные от надменного отношения аристократии иностранного происхождения к крепостным и холопам покоренного ими народа.

Поэтому у двух противостоящих друг другу народов не было ничего общего, кроме, пожалуй, чрезмерной настойчивости в достижении целей. Новые пришельцы принадлежали к суровому, неуступчивому, систематическому народу, которому суждено было придать Европе тот великий характер, который в наше время так превосходит характер южных или восточных народов. Туземцы обладали той сильной привязанностью к своим проверенным временам обычаев, которая так свойственна патриархальным племенам, в природе которых традиции и социальные привычки так тесно переплетены, что неистребимы, если только не полностью истребить народ.

И вот теперь особенности обеих рас должны были проявиться в сильном контрасте из-за великого вопроса о собственности на землю, который лежал в основе борьбы между клановостью и феодализмом. Ирландцы, как мы уже видели, не знали ни индивидуальной собственности на землю, ни права владения, ни ренты, ни тем более конфискации. Вожди часто призывали их вносить свой вклад в их содержание, причем нередко в достаточно деспотичной форме, но эти вклады всегда были натуральными.

Предстояло создать новую, совершенно иную систему, с которой ирландцы поначалу, казалось, согласились, поскольку не понимали ее, вкладывая в слова, которые в устах захватчиков имели совсем другое значение, свои собственные идеи.

У ирландцев "оказать почтение" означало признать превосходство другого, либо в силу его законной власти, либо в силу его успехов в войне; и последствия этого акта заключались либо в выполнении постановлений, содержащихся в "Книге прав", либо в подчинении временным условиям, гарантированным заложниками. Но то, что человек, приносящий дань, становился по этому акту сеньором сюзерена пожизненно и наследственно в его потомстве, лишался всех привилегий гражданства, а также мог быть лишен всех своих земель, помимо многих мелких наказаний, предусмотренных феодальным кодексом, который часто сводился к простому властолюбию, - такое значение слова "дань" никак не могло прийти в голову ирландцу в тот период.

Поэтому, когда после зверств, учиненных первыми захватчиками, которые не уважали ни договоров, ни велений человечности, ни даже святынь и неприкосновенности религиозных домов, Генрих II. Ирландцы и их вожди, надеясь, что он положит конец вопиющей тирании Фицстефенов, Фицджеральдов, де Ласи и других, вышли ему навстречу и признали его власть как главного вождя Лейнстера через Стронгбоу и, возможно, как монарха, который должен восстановить мир и счастье на всем острове. Маккарти, король Десмонда, стал первым ирландским принцем, который выразил почтение Генриху.

Пока король проводил рождественские праздники в Дублине, прибыло множество других вождей; среди них О'Кэррол из Ориэля и О'Рурк из Бреффни. Родерик О'Коннор из Коннаута, которого многие до тех пор признавали монархом Ирландии, сначала думал сражаться, но, по своему обыкновению, заключил договор, в котором, как говорят, признал Генриха своим

сюзереном и тем самым положил Ирландию к его ногам. Только Ольстер не видел захватчиков; но, поскольку его жители не протестовали с оружием в руках, норманны сделали вид, что с этого момента они являются законными владельцами острова.

Не медля ни минуты, они начали феодализировать страну, разделив землю и построив замки. Эти две операции, к которым мы сейчас обратимся, открыли глаза ирландцам на обман, который над ними совершался, и стали настоящей причиной судьбоносной борьбы, которая ведется и по сей день.

Сэр Джон Дэвис, английский генеральный прокурор времен Якова I, изложил суть дела в одном предложении: "Вся Ирландия была кантонизирована Генрихом II между десятью представителями английской нации; и хотя они не получили во владение и трети королевства, но по титулу они были владельцами и лордами всего, так что туземцам ничего не оставалось".

Маккарти, король Десмонда, первым признал власть Генриха II, но земли Маккарти были одними из первых, если не первыми, пожалованными Генрихом своим приспешникам. Эту грамоту можно увидеть в Уэйре, и она достойна прочтения в качестве примера многих последовавших за ней пожалований, с помощью которых Генрих попытался произвести полный переворот в землевладении. Хартия, передавшая Мит де Лэйси, была единственной, в которой, как казалось, сохранялись старые обычаи страны в отношении территории; и все же именно в Мите были совершены самые большие злодеяния.

Однако перед захватчиками встала одна трудность: их права были лишь на бумаге, в то время как ирландцы все еще владели большей частью острова, и как только истинная цель норманнов проявилась, они больше не были склонны подчиняться Генриху или любому из назначенных им лордов. Территорию пришлось отвоевывать у них силой оружия.

Англичане претендовали на весь остров как на свой собственный. На самом деле они были хозяевами только той части, которую занимали их войска; остальная часть, следовательно, должна была быть завоевана. И если в Десмонде, куда впервые обрушились все силы англичан, они владели лишь немногим более одной четвертой части земли, то что же было на остальной части острова, большая часть которой их еще не видела?

Очевидно, что для его покорения потребуются долгие годы войны, и систематический ум завоевателей немедленно приступил к разработке наилучших средств для достижения своей цели. Уроки континентального опыта сразу подсказали эти средства; они увидели, что, покрыв страну феодальными замками, можно в конце концов покорить самый строптивый народ. Предстояла коренная революция. Две системы были настолько антагонистичны друг другу, что успех норманнского проекта предполагал изменение землевладения, законов, обычаев, одежды - всего. Даже музыка бардов должна была замолчать, поэзия писем - упразднена, родословные семей - прекращены, сами игры народа - прерваны и запрещены. Требовалось построить огромное количество замков. Проект был страшным, жестоким, варварским, достойным языческой древности. За него взялись с какой-то свирепой готовностью, и через некоторое время он оказался близок к осуществлению. Но в долгосрочной перспективе она потерпела неудачу, и четыреста лет спустя, при восьмом Генрихе, она была так же далека от завершения, как и в тот день, когда второй Генрих покинул остров в 1171 году.

Чтобы показать, какое значение захватчики придавали своей системе и с каким рвением они приступили к ее реализации на практике, достаточно привести несколько отрывков из старых летописей островов; они удивительно выразительны в своей простоте:

"1176 ГОД Н.Э. Англичане были изгнаны из Лимерика Донналом О'Брайан. В Келлсе возводится английский замок".
-(Четыре мастера.)

"1178 ГОД Н.Э. Англичане построили и укрепили замок в Кенлисе, ключевом из этих частей Мифа, против вторжений людей из Ольстера."-(Ware's Antiquities.)

"1180 Г. Н.Э. Хью де Лейси основал несколько колоний в Мите и укрепил страну множеством замков для защиты и безопасности англичан" (Ibid.).

Подобные перечисления можно было бы продолжать до бесконечности; в заключение приведем следующую запись, взятую из "Четырех магистров":

"1186 Г. Н.Э. Хью де Лейси, осквернитель и разрушитель многих церквей, лорд англичан в Мите (ирландцы не могут назвать его своим лордом), Бреффни и Ойргиалле, тот, кто завоевал для англичан большую часть Ирландии и чьими английскими замками был полон весь Мит, от Шаннона до моря, закончив замок Дер Маг, отправился в сопровождении трех англичан, чтобы посетить его... Один из людей Тебты, юноша по имени О'Миадхай, подошел к нему и топором отрубил ему голову от тела".

План захватчиков с самого начала был настолько обширным и всеобъемлющим, что они были уверены в том, что навсегда овладеют Ирландией; и для этого они, несомненно, намеревались уничтожить или изгнать коренной народ, или, в лучшем случае, сделать рабами тех, кого они решили оставить. Для этого у них были изготовлены пророчества, и Камбрэнсис в своей второй книге, глава xxxiii, уверенно заявляет: "Пророчества обещают полную победу английскому народу... ..и что остров Гиберния будет подчинен и укреплен замками - буквально инкастеллирован, инкастеллатам - на всем протяжении от моря до моря".

Одновременно со строительством замков происходил раздел территории. Десять крупных лордов, среди которых, по словам сэра Джона Дэвиса, Генрих II кантонизировал Ирландию, сочли необходимым отдать часть своих больших владений своим последователям, чтобы те могли занять всю территорию. МакГеоган собрал у Уэйра лучшие сведения об этом очень интересном и сравнительно малоисследованном предмете. Там можно найти любопытные детали, показывающие, что, за исключением Ольстера, не только география, но даже самая незначительная топография страны была хорошо изучена этими феодальными вождями. Характерная для них любовь к системе прослеживается во всех этих сделках.

Но теперь ирландцы видели достаточно. Вся страна была в огне. Началась партизанская война, свойственная кельтским кланам. На вновь построенные замки нападали, часто захватывали и разрушали их. Стронгбоу заперли и осадили в Уотер-форде, который попал в руки датчан. Последние повсеместно вставали на сторону ирландцев. Лимерик несколько раз переходил из рук в руки, пока Донналл О'Брайан, оставшийся в его владениях, не поджег его, чтобы он снова не попал в руки захватчиков.

В Мите, где находились многочисленные замки де Лейси, шла война на нож. О'Мелаклин сначала пытался убедить, но на совещании с де Лейси осмелился громко выступить против короля Англии, и, поскольку его слова должны были выражать чувства подавляющего большинства народа, мы приводим их:

"Несмотря на его обещание поддержать меня в обладании моими богатствами и достоинствами, он послал разбойников, чтобы захватить мое достояние. Скупой и

экономный на своем имуществе, он щедро расходует чужое и тем самым обогащает распутников и распутниц, которые в разврате проели достояние своих отцов".

На этот мужественный протест Раймон Легро ответил ударом кинжала, и после обезглавливания О'Мелаклин был похоронен ногами вверх как мятежник.

Сам монарх, Родерик О'Коннор, наконец появился на сцене, разбил англичан при Турлесе и, войдя в Мит, опустошил страну.

Генрих наконец убедился в необходимости проведения более мягкой политики, и О'Коннор отправил в Англию католика О'Даффи, архиепископа Туама, Лоренса О'Тула из Дублина и Конкорса, аббата Святого Брендана, и был заключен Виндзорский договор, который на самом деле был компромиссом, но оставался истинным законом страны в течение четырехсот лет. Его можно увидеть в книге Раймера "Foedera".

Сэр Джон Дэвис справедливо замечает, что по этому договору "ирландские лорды лишь обещали стать данниками короля Генриха II; а те, кто платит только дань, хотя и отнесены Бодином к первой степени подчинения, все же не являются должным образом подданными, но суверенами; ибо хотя они меньше и ниже принцев, которым они платят дань, все же они обладают всеми другими пунктами суверенитета.

"И, следовательно, хотя король Генрих и носил титул суверенного лорда над ирландцами, он все же не приводил в исполнение те вещи, которые являются истинными признаками суверенитета.

"Ибо давать народу законы, назначать над ним магистратов и чиновников, наказывать или миловать злоумышленников, иметь единственную власть заключать войну или мир - вот истинные признаки суверенитета, которых не было в Ирландии у короля Генриха II, но ирландские лорды по-прежнему сохраняли за собой все эти прерогативы. Ибо они управляли своим народом по брегонскому праву; они назначали своих собственных магистратов и чиновников; ... они заключали войну и мир друг с другом без контроля; и это они делали не только во время правления Генриха II, но и после него во все времена, вплоть до правления королевы Елизаветы".

Согласно одной из статей договора, ирландцам было разрешено жить в Пале, если они того пожелают; и даже там они могли спокойно пользоваться своими обычаями, насколько это позволяла буква закона. Многие акты ирландских парламентов, правда, принимались с целью лишить их этого права, но безуспешно.

Эдмунд Спенсер, сам живший в Пале во времена правления Елизаветы, рассказывает как очевидец, что "видел их собрания на их древних привычных холмах, где они обсуждали и решали дела в соответствии с брегонскими законами, между семьями и семьями, поселками и поселками, собираясь в большом количестве и отправляясь, согласно их обычаю, во всеоружии".

Станихерст, современник Спенсера, также был свидетелем разгона этих собраний и видел, как "толпы длинными вереницами спускались с холмов вслед за каждым вождем, который гордился тем, что мог привести самую большую компанию домой к вечернему ужину".

Здесь уместно сказать о брегонском праве, которое оставалось в противоборстве с феодальными обычаями на протяжении нескольких столетий. Однако до недавнего времени об этом кодексе можно было составить лишь смутное представление. Но в настоящее время антиквары пересматривают и изучают его, готовясь к изданию "Сенчус Мор", в котором

содержится ирландское право. Известно, что он существовал до обращения Ирландии в христианство, и что законы танистики и гавелкинда, обычаи сплетничества и воспитания были языческого происхождения. Патрик пересмотрел кодекс и исправил то, что не совпадало с христианской религией. Он также ввел на острове многие принципы римского гражданского и канонического права, которые, не уничтожая особенностей, присущих ирландскому характеру, придали их кодексу более современный и христианский аспект.

Эдмунд Кэмпбиан, который впоследствии умер мучеником при Елизавете, в своем "Рассказе об Ирландии", написанном в мае 1571 года, говорит следующее: "Они (ирландцы) говорят на латыни как на вульгарном языке, выученном в их общих школах пивоварного ремесла и права, где они начинают учиться детьми и держатся шестнадцать или двадцать лет, заучивая афоризмы Гиппократы, гражданские институты и некоторые другие разделы этих двух факультетов. Я видел их в школах по десять человек в одной палате, скорчившихся на соломенных кушетках, с книгами у носа, лежащими на земле, и так по частям выбалтывавших свои уроки, причем в большинстве своем это были пышнотелые парни лет двадцати пяти и старше".

Именно тогда после обучения в течение шестнадцати-двадцати лет брехонский судья - великий судья целого септа или низший судья одной знатной семьи - садился в определенное время под открытым небом на холме, обычно имея в качестве сиденья комья земли, чтобы решать различные вопросы, вызывающие разногласия между соседями.

Сэр Джеймс Уэйр замечает, что они не были знакомы с законами Англии. Он мог бы лучше сказать, что они предпочитали свои собственные, как пришедшие не из холодной и языческой Скандинавии, а с теплого юга, от величайших из человеческих законодателей, юристов Древнего Рима и святых толкователей законов христианского Рима.

Каковы же были те законы Англии, о которых говорит Уэйр? Речь идет не об общем праве, которое вошло в обиход во времена после Генриха II и которое англичане почерпнули главным образом из христианского гражданского и канонического права, а о тех феодальных установлениях, которые англо-норманны пытались ввести в Ирландии, чтобы вытеснить старое право и обычаи туземцев.

Во-первых, это был закон территории, если его можно так назвать, по которому верховный правитель становился настоящим владельцем целой земли, которую он распределял между своими великими вассалами, чтобы те перераспределяли ее между низшими вассалами.

Существовал закон первородства, который и по сей день действует в Англии и привел к тому, что в этой стране со времен Вильгельма Завоевателя и в Ирландии со времен английских "плантаций" XVI-XVII веков сложилось то положение вещей, которое сейчас так хорошо известно Европе.

Кроме того, существовал длинный список феодальных условий, соблюдение которых обязывало великих баронов и их последователей удерживать свои земли. Их владение было связано с данью и феодальной присягой, понимаемой в феодальном смысле слова, с опекой и препятствиями для брака, со штрафами за отчуждение, с тем, что английские юристы называют *primer seisin*, рентой, рельефом, выморочным имуществом и, наконец, конфискацией; последняя во все времена соблюдалась в Англии строже, чем в любой другой феодальной стране, и благодаря ее постановлениям многие знатные семьи в течение веков были доведены до нищеты, а их вожди часто оказывались в блокаде. Английская история полна таких случаев.

Закон опеки, по которому ни один несовершеннолетний, ни наследник, ни наследница не могли иметь другого опекуна, кроме сюзерена, и не могли выходить замуж без его согласия, во все времена был большим источником богатства для королевской кассы и соответственно тяжелой дани, возлагаемой на вассала. Английские короли сочли этот закон настолько выгодным, что быстро ввели его в церковные дела: после смерти настоятеля каждый епископский дом или монастырь считался несовершеннолетним, подопечным, о котором должен был заботиться государь, наслаждавшийся доходами, не утруждая себя особыми расходами.

Наконец, существовали законы об охоте, которые запрещали охотиться или стрелять из ястреба даже в своих владениях.

Таковы были законы Англии, которые, как жалуется сэр Джеймс Уэйр, ирландцы не знали.

Подписав Виндзорский договор, английский король, очевидно, признал за Родериком О'Коннором, а через него и за ирландцами, главные права суверенитета над всем островом, кроме Лейнстера и, возможно, Мит. Но в то же время пара мест в договоре скрывала смысл, конечно, не понятый ирландцами, но чреватый бедами и несчастьями для их страны.

Во-первых, Родерик О'Коннор признал себя и своих преемников сеньорами королей Англии; во-вторых, привилегии, предоставленные ирландцам, должны были сохраняться лишь до тех пор, пока они оставались верны своей клятве верности. Мы видим здесь ту же путаницу идей, которую мы отмечаем в отношении значения, придаваемого слову *homage* одной из сторон. Коренные жители острова понимали слово "сеньор" и "присяга" в смысле, соответствующем их обычным представлениям о подчинении; англичане же вложили в эти слова феодальный смысл.

Все бедствия четырех последующих веков и, следовательно, все ужасы времен, последовавших за протестантской Реформацией, должны были стать наказанием за это непонимание.

Давайте представим себе две такие разные расы людей, как милезийские кельты, с одной стороны, и скандинавские норманны французы с другой стороны, заключили такой договор, как Виндзорский, и каждая из сторон решила покончить с этим недоразумением. Виндзорский договор, и каждая из сторон решила довести свое толкование до до самого горького конца.

Англичане владеют достаточно четко определенной территорией, но они всегда начеку, чтобы воспользоваться любой возможностью реального или мнимого ее нарушения, чтобы расширить свои границы и подчинить себе весь остров. Тем не менее, они обязаны позволить ирландцам-брехонцам жить среди них, руководствуясь своими обычаями и законами. Более того, они признают, что бывшие великие ирландские лорды той самой страны, которую они занимают, - не простые ирландцы, а благородной крови; ведь с самого начала англичане признавали пять семей страны, известных как "пять кровей", чистыми и благородными, по крайней мере, теоретически.

Ирландцы за пределами Пале признаны совершенно независимыми, полностью неподвластными Англии, со своими собственными магистратами и законами, даже военными; они подчиняются только дани. Но в то же время эта независимость становится абсолютно незащищенной из-за навязывания условий, смысл которых хорошо известен и

прекрасно понятен во всех странах, завоеванных скандинавами, но совершенно непонятен ирландцам.

Последствия очевидны: с заключением договора началась война, которая продолжалась четыре столетия, пока новый и более мощный стимул к резне и опустошению не проявился в Реформации, начатой Генрихом VIII.

Сначала произошло всеобщее восстание. Именно это слово использовал Уэйр, когда Джон, мальчик двенадцати лет от роду, был послан своим отцом Генрихом с титулом лорда Ирландии, чтобы получить покорность различных ирландских лордов в Уотерфорде, где он высадился. "Молодые английские джентльмены, - рассказывает Кембрэнсис, который был свидетелем этой сцены, - обращались с ирландскими вождями с презрением, потому что, как он говорит, "их поведение было грубым и варварским". Ирландцы, естественно, возмутились таким обращением со стороны юноши, как возмутились бы и со стороны его отца; в гневе они удалились, чтобы взять в руки оружие и поднять всю землю на "восстание".

Этот торжественный протест не остался без последствий в Европе. В начале правления Ричарда I Климент III, назначив по просьбе короля Уильяма де Лонгшампа, епископа Эли, своим легатом в Англии, Уэльсе и Ирландии, позаботился о том, чтобы ограничить власть этого прелата теми частями Ирландии, которые находились под юрисдикцией графа Моретона - то есть Джона, брата Ричарда. Он имел право осуществлять свою юрисдикцию "in Anglia, Wallia, et illis Hiberniae partibus in quibus Joannes Moretonii Comes potestatem habet et dominium."- (Matth. Paris.) Таким образом, похоже, что Климент III ничего не знал о булле Адриана IV.

Война, как мы уже говорили, была непрекращающейся. Англия в конце концов настолько отчаялась завоевать страну, что некоторые лорды при дворе Генриха VI заставили его написать письма некоторым из его "ирландских врагов", призывая последних осуществить завоевание острова от имени короля. Это, безусловно, было последним средством, о котором история не знает ни одного народа, воюющего с соперником. Но даже в этом Англия потерпела неудачу. Эти лорды - "ирландские враги" короля Генриха VI - отправили его письма герцогу Йоркскому, тогдашнему лорду-лейтенанту, "и опубликовали на весь мир позор Англии" (сэр Джон Дэвис).

В результате в конце правления Генриха VI ирландцы, по словам того же автора, "одержали победу над всеми, без крови и пота; только тот маленький кантон земли, называемый Английской Палеей, содержащий четыре небольших графства, продолжал вести приграничную войну с ирландцами и сохранил форму английского правления".

Таким образом, феодализм в Ирландии был сведен к небольшой территории между Бойном и Лиффи, подверженной постоянному раздражению со стороны О'Муров, О'Бирнов и О'Каванагов. И такое положение дел продолжалось вплоть до периода так называемой Реформации в Англии.

Ирландия оказалась тогда единственным местом в Западной Европе, где феодальные законы и феодальные обычаи не могли пустить корни. Через все остальные народы континента эти законы распространялись постепенно, из стран, захваченных северянами, в самые отдаленные уголки, видоизменяясь и смягчаясь в некоторых случаях под влиянием врожденной силы сопротивления, оставшейся от прежних институтов. Только на этом маленьком острове, где клановость еще держалась, феодализм потерпел полное фиаско. Мы просто фиксируем факт, наводящий на размышления, который доказывает, если не больше,

то, по крайней мере, то, что кельтская натура гораздо более настойчива и целеустремленна, чем принято считать.

Но нас ждет еще более интересное зрелище: сами англичане, морально побежденные и покоренные примером своих антагонистов, отказываются от феодальных обычаев и перенимают нравы, которые поначалу считали грубыми и варварскими.

Виндзорский договор, подтвержденный впоследствии многими дипломатическими актами, обязал английского короля Генриха III обратиться к О'Брайену из Томонда со следующими словами: "Rex regi Thomond salutem". Тот же английский монарх был вынужден дать О'Нилу Ольстерскому титул Рекс, после того как, возможно, по неосторожности, использовал титул Регул. Оба О'Брайена и О'Нил жили посреди густонаселенного ирландского района, где несколько великих английских лордов заперлись в своих замках на границах соответствующих территорий кланов.

Нормандские лорды во многих частях страны жили прямо посреди ирландского населения, с его брегонскими судьями, шанахами, арфистами и прочими чиновниками, привязанными к своим обычаям сплетен, воспитания, танистики, гавелкинда и прочим обычаям, которые парламенты Дрогеды, Килкенни, Дублина, Трима и других мест вскоре должны были объявить непристойными и варварскими. В тот момент встал вопрос: Какая из двух систем, клановость или феодализм, приведенные таким образом в тесный контакт и антагонизм, должна возобладать?

Вскоре выяснилось, что отвращение, которое сначала испытывали английские лорды к таким странным обычаям, не было совершенно непобедимым, и многие из них даже пошли на то, чтобы выбирать жен из числа местных семей. В самом деле, перед их глазами с самого начала был прекрасный пример - брак Стронгбоу с Евой, дочерью МакМерроу. Вскоре межродовые браки стали преобладающим обычаем, так что потомство первых захватчиков должно было, в конце концов, иметь в своих жилах кельтскую кровь.

Отсюда возникло различие между англичанами по крови и англичанами по рождению. Первые, правда, носили английское имя, но родились на острове и вскоре стали известны как вырожденные англичане. Это вырождение было лишь моральным следствием постоянного общения с местными жителями. - Другие же постоянно менялись и всегда состояли из самых последних новоприбывших из Англии.

Стоит отметить, что одного короткого проживания было достаточно, чтобы объединить две столь противоположные натуры, как ирландцы и англичане. Последние, не довольствуясь свадьбами с ирландскими женами, отправляли своих детей на воспитание к ирландским друзьям; и дети, естественно, выходили из яслей более ирландскими, чем их отцы. Они больше не возражали против того, чтобы стать сплетниками друг для друга на крестинах, перенять одежду своих приемных родителей, чей язык во многих случаях был единственным, который они принесли из своего приемного дома.

Таким образом, Ирландия, даже в тех районах, которые были основательно опустошены первыми захватчиками, снова стала прежней Ирландией; и песни бардов и мелодии арфистов звучали в английской замке так же, как и в ирландском ратхе.¹ (1 Процесс приобщения англичан к ирландским нравам прекрасно описан в "Умеренном кавалере" при Кромвеле, цитируемом мистером Дж. П. Прендергастом во втором издании "Кромвелевского поселения", р. 263. Если этот процесс был характерен для протестантских офицеров Кромвеля, то тем более для католических англо-норманнов!)

Национализация их рода, получившая мощный импульс благодаря тому, что англичане, жившие за пределами Пале, избежали феодальных поборов и наказаний из-за невозможности применить феодальные законы на территории Ирландии, встревожила англо-норманнов по происхождению, в руках которых находился двигатель правительства; и, оглядываясь в поисках средства защиты, они не смогли найти ничего лучшего, чем акты парламента.

Нам не удалось установить точную эпоху, когда был созван первый ирландский парламент; более того, до сих пор этот вопрос представляется спорным. Однако, по общему мнению, он был созван при короле Иоанне. Первое упоминание о нем у Уэйра относится к 1333 году, т.е. уже после Эдуарда III, более чем через сто пятьдесят лет после Завоевания. Но необходимость в строгих правилах, чтобы держать ирландцев в узде и не дать англичанам "выродиться", стала настолько острой, что в 1367 году знаменитый парламент собрался в Килкенни и принял законопроект, известный как "Статуты Килкенни", в котором этот вопрос был полностью проработан, и в Ирландии установился новый порядок вещей.

Ирландцы не признавали никакого другого парламента, кроме своих древних фейсов; и поскольку они не проводились уже несколько столетий, они продемонстрировали свою признательность новому английскому учреждению таким образом, как описано Уэйром под 1413 годом: "11 числа февраля, на следующий день после дня святого Матфея, в Дублине начался парламент, который продолжался пятнадцать дней; за это время ирландцы сожгли все, что стояло на их пути, как было принято во времена других парламентов".

Читатель, знакомый с законодательными актами, получившими название "Статуты Килкенни", вряд ли удивится такому порядку действий.

Ни в тот период, ни позже, за исключением одного раза при Генрихе VIII, ирландская раса не была представлена в этих ассамблеях. В царствование Эдуарда III в парламенте Килкенни не было ни одного уроженца Ирландии или старого английского жителя, а только новоприбывшие англичане; ведь все его акты были направлены против ирландцев и вырождающихся англичан - против последних особенно. Как избирались члены этих парламентов в то время, мы не знаем; но они созывались не более чем от двенадцати графств, число которых, впервые установленное королем Иоанном, постепенно уменьшалось, пока в царствование Генриха VII не сократилось до четырех, так что ирландский парламент стал состоять из нескольких человек, и те немногие представляли чисто английские интересы.

Настоящая история времени потребовала бы рассмотрения различных постановлений, принятых этими так называемыми ирландскими парламентами, поскольку они более четко, чем что-либо другое, указывают на разногласия между двумя нациями. Однако наше пространство, да и наша цель, не позволяют этого сделать. Чтобы читатель хотя бы примерно представлял себе трудности, с которыми сталкиваются обе стороны, мы приводим несколько выдержек из очень известного "Статута Килкенни".

В преамбуле говорится, что "англичане в Ирландии уже стали ирландцами по своему языку, именам, одежде и образу жизни, отвергли английские законы и подчинились ирландцам, с которыми заключили множество браков и союзов, что вело к полному разорению и уничтожению содружества". И далее в Статутах говорится - мы приводим выдержки из разных глав: "Англичане больше не могут заключать мир или войну с ирландцами без специального ордера; англичанам вменяется в обязанность разрешать ирландцам пасти свой скот на их земле; ирландцы не могут быть представлены англичанами к какой-либо церковной должности; они - ирландцы - не могут быть приняты ни в какие монастыри или

религиозные дома; англичане не могут развлекать кого-либо из их бардов, или поэтов, или шанашистов", и т.д.

Это необычное законодательство без всяких фактов доказывает, до какой степени потомство первых норманнских захватчиков Ирландии переняло ирландские обычаи и стало одним целым с туземцами.

Таким образом, ирландцы в данном случае морально победили своих врагов, и феодализм потерпел поражение. Другой пример был приведен в связи с неизменными вторжениями на остров. Враг, каким бы успешным он ни был вначале, в конце концов был вынужден уступить силе сопротивления этого народа; и чтимые временем обычаи древней расы пережили все попытки насильственных иноземных нововведений. Потомство тех гордых дворян, которые вместе с Гиральдом Камбрэнским не находили ничего, кроме презрения, в этом народе, столь странном для их глаз, которые смотрели на них как на легкую жертву, которую можно лишиться их земли, а эту землю занять ими, это потомство в течение, сравнительно говоря, нескольких лет полностью переняло жизнь и нравы простых ирландцев. От феодализма они отказались ради клана. Каждая из великих английских семей, впервые высадившихся на острове, образовала новый септ, а кланы Джеральдинов, Де Курси и других были приняты в полное содружество со старыми милезийскими септами. Так два больших рода Берков в Коннауте называли своих вождей Мак-Виллами Либо и Мак-Виллами Оугтер. Бермингемы стали Мак-Йорисами; Диксоны - Мак-Джорданами; Манглы - Мак-Костеллами. Другие старые английские семьи назывались Макхаббард, Макдавид и т.д.; один из джеральдинских септов был известен как Макморис, другой - как Макгиббон; вождь дома Данбойнов стал Макферисом.

Между тем "было очевидно, - говорит сэр Джон Дэвис, - что те, кто управлял Ирландией под властью английской короны, намеревались создать вечное разделение и вражду между англичанами, поселившимися в Ирландии, и ирландцами в расчете на то, что англичане в конце концов искоренят ирландцев".

Несомненно, если бы эти законы Килкенни были приведены в исполнение, как они и задумывались, то эффект, на который рассчитывали эти законодатели, мог бы стать естественным результатом. Однако даже гораздо позже, в период, когда английская власть значительно усилилась при Генрихе VIII, весьма любопытное обсуждение этой возможности, имевшее место в то время, отнюдь не обещало легкой реализации. Следующий отрывок из "Государственных бумаг", составленных при великом Тюдоре, содержит довольно здравый взгляд на этот вопрос и не столь уж сангвиничен в отношении успеха надежд, которые лелеял генеральный прокурор Якова I:

"Земля очень велика - по оценкам, она не меньше Англии, - так что, если заселить ее новыми жителями, их число будет столь велико, что не найдется ни одного крещеного принца, который мог бы пощадить такое количество подданных, чтобы покинуть свои края. . . . Но затеять полное истребление всех ирландцев в этой земле было бы чудесным и роскошным делом и большим трудом, учитывая и недостаток обитателей, и великую тяжесть и страдания, которые эти ирландцы могут переносить, и голод, и холод, и жажду, и дурное жилье, больше, чем жители любой другой земли".

Таким образом, на этом пути, безусловно, были трудности; однако несомненно, что вопрос о полном истреблении ирландцев на протяжении столетий занимал целый ряд английских государственных деятелей и с уверенностью ожидался английской нацией. Сэр Джон Дэвис, как мы видим, не приписывает Статутам Килкенни никакой другой цели.

Но могли ли эти статуты быть исполнены? Исполнялись ли они вообще? Тот же автор утверждает, что они выполнялись в течение "нескольких лет"; но дальнейшее доказывает, что это не так. Причина, которую он приводит для их исполнения, - то, что в течение определенного времени после этого парламента на острове царил мир, - заставляет нас поверить в обратное; ведь если, как он сам справедливо отмечает ранее, намерением законодателей было создать вечное разделение и вражду между двумя расами, обнародование и строгое исполнение этих статутів немедленно вызвало бы войну, которая могла закончиться только полным истреблением одной расы или другой.

А тот факт, что в последующих ирландских парламентах эти одиозные законы часто считали необходимым принимать заново, доказывает, что они не были приведены в исполнение, поскольку требовалось новое законодательство по этому вопросу.

Правда, события, дошедшие до нас либо через ирландские анналы, либо через английские хроники, показывают, что было предпринято несколько попыток привести в исполнение эти акты Килкенни, в основном против Фиц-Томасов или Джеральдинов Десмондов, которые даже после их принятия притворялись такими же независимыми от них, как и раньше, и отказывались присутствовать на заседаниях парламента, когда он был созван, утверждая странную привилегию, "что графы Десмонды никогда не должны приходить ни в парламента, ни в Большой совет, ни в любой обнесенный стеной город, только по их желанию или удовольствию". И Десмонды продолжали упорно противостоять английским законам вплоть до правления Елизаветы.

Но в полной мере они осуществлялись главным образом против церковников, поскольку в летописях страны мы время от времени встречаем случаи, когда какой-нибудь английский прелат в Ирландии подвергался судебному преследованию за то, что давал ордена простым ирландцам, а некоторые нормандские аббаты были низложены за то, что принимали в свои монастыри простых ирландцев в качестве монахов.

За исключением нескольких подобных случаев, нет никаких доказательств того, что в отношениях старых английских поселенцев с их ирландскими соседями произошли какие-либо существенные изменения. На самом деле, дела развивались в столь благоприятном направлении, что в конце концов потомки Стронгбоу и его последователей стали, как известно, "Hibernis Hiberniores", и судьи, присланные из Англии, могли заседать только в четырех графствах между Лиффи и Бойном; а большинство старых английских семей называли "английскими мятежниками", а местных жителей - "ирландскими врагами".

Сэр Джон Дэвис сам вынужден признать это: "Когда гражданское правительство стало настолько слабым и рыхлым, что английские лорды не хотели, чтобы английские законы исполнялись на их территории и в их сеньориях, а вместо них и они сами, и их люди принимали ирландские обычаи, тогда положение вещей, как игра в ирландскую игру, так перевернулось, что англичане, которые надеялись полностью покорить ирландцев, были ими полностью и абсолютно покорены, потому что *Victi victoribus leges dedere*".

Истина не может быть выражена в более ясных терминах. Однако все еще не сказано. Тот же самый упорный характер, пробивающийся сквозь, казалось бы, непреодолимые препятствия, ярко проявляется у ирландцев в сохранении своей земли, которая, в конце концов, была главным предметом спора между двумя расами.

Первые англо-норманнские захватчики, включая самого Генриха II, не имели иной цели, кроме как постепенно оккупировать всю территорию, подчинить ее феодальным законам,

предоставить англичанам положение феодалов и низвести ирландцев до положения холопов, если им не удастся их выкорчевать.

Несколько лет спустя, по Виндзорскому договору, король, похоже, ограничил свои притязания Лейнстером и, возможно, Митом, и прямо разрешил туземцам сохранить свои земли в других районах острова. Однако ни одно из его прежних пожалований, по которым "он распределил весь остров между десятью англичанами", не было отозвано; они продолжали оставаться частью и средством формирования политики захватчиков, и последующие парламенты всегда предполагали действительность тех прежних пожалований, которые были сделаны Стронгбоу и его последователям.

Правда, эти последующие парламентские акты опирались не только на первые документы, но и на то, что ирландские вожди и жители Лейнстера и Мит справедливо лишились своих владений, не выполнив условий, фактически содержащихся в Виндзорском договоре, в котором они клялись в почтении и покорности английскому королю. Очевидно, что законно или незаконно англо-норманны намеревались рано или поздно завладеть всем островом.

Чтобы добиться своей цели, они объявили, что туземцы не будут подчиняться английским законам, а сохраняют свои брегонские законы, которые, по их мнению, вообще не были законами, и которые парламент Килкенни объявил "развратными обычаями". Отныне туземцы оказались вне поля зрения закона, не могли претендовать на его защиту, а стали подданными английской короны, лишенными политических, гражданских и даже человеческих прав.

Вскоре, в связи с постоянными пограничными войнами вокруг Палеи, они были объявлены "чужаками и врагами". И эти выражения стали в глазах английских юристов тождественны ирландской расе и ирландской природе; так что во все времена, мирные или военные, даже когда ирландцы сражались в английских рядах, помогая Плантагенетам в их яростных схватках с шотландцами или французами, они все равно были "ирландскими врагами"; "пришельцами", недостойными прав человека, холопами, в жилах которых не могла течь благородная кровь, за исключением пяти семей.

Все остальные были не только не благородными, но даже не людьми, а простыми ирландцами, которых любой мог убить, даже если они служили под английской короной, рискуя быть оштрафованным на пять марок, которые должны были быть уплачены в казну короля Англии за то, что он лишил его величество полезного инструмента.

Это (на современный взгляд) поразительное социальное положение требует более пристального изучения, чтобы понять, было ли у него хотя бы то достоинство, что оно в конце концов обеспечило англичанам владение землей, которую они так жаждали.

Прежде всего, мы видим, что Генрих II, Иоанн и Генрих III неоднократно распространяли законы Англии на весь остров. Но все английские юристы скажут нам, что эти законы распространялись только на жителей английской крови. Простые ирландцы всегда считались пришельцами или, скорее, врагами короны, так что "по факту, убийство простого ирландца в мирное время часто считалось не преступлением", как прямо указывает сэр Джон Дэвис.

Только пять семей были исключены из общей категории и признаны благородной кровью - О'Нилы из Ольстера, О'Мелахлины из Мит, О'Конноры из Коннаута, О'Брайены из Мюнстера и МакМерроузы из Лейнстера.

Эти пять семейств, безусловно, многочисленные, но образующие лишь столько же септов, были признаны или, как казалось, были признаны имеющими право на свои земли и способными подавать и защищать иски в суде. Мы говорим "казались", потому что в стольких случаях они оказывались причисленными к простым ирландцам, что отдельные представители этих септов, побуждаемые простой необходимостью, часто были вынуждены, несмотря на почти непобедимое отвращение, просить и принимать специальные хартии о натурализации от английских королей. Так, в царствование Эдуарда IV О'Нил, по случаю женитьбы на дочери дома Килдэр, был сделан английским подданным специальным актом парламента.

В действительности же даже самые прославленные представители "пяти кровей" едва ли пользовались всеми правами низших английских вассалов, хотя их предки были признаны королями бывшими англо-нормандскими монархами в официальных документах: "Rex Henricus regi O'Neill" и т.д.

Но если в отношении политических и социальных прав этих великих семей существовала хоть какая-то тень сомнения, то для остальных представителей ирландской расы таких сомнений не существовало. Они были абсолютно бесправны. Лишение их земель, разграбление их домов, разорение их ферм, издевательства над их женами и дочерьми, их убийства не могли повлечь за собой для виновных никаких гражданских или уголовных исков. На самом деле, как мы уже показали, такие действия соответствовали духу и даже букве закона, так что преступнику, как мы должны считать, достаточно было заявить, что человек, которого он ограбил или убил, был простым ирландцем, и разбирательство немедленно прекращалось, если этот важный факт был доказан; а в случае убийства убийца спасался уплатой штрафа в размере пяти марок в казну.

Для современных, даже английских ушей все это может показаться невероятным. Можно привести множество ярких примеров, подтверждающих истинность этого. Их можно найти во всех работах, посвященных этой теме. Сэр Джон Дэвис, этот великий ненавистник Ирландии, очевидно, получает истинное удовольствие, изображая несколько таких случаев со всеми их отягчающими деталями, едва ли ожидая, что каждое написанное им слово послужит тому, чтобы навсегда заклеить англо-нормандскую Англию позором.

При таком законодательстве было ясно, что жизнь на границах Пале не только небезопасна, но и что земля останется в руках сильнейшего. Любому англо-норманну нужна была власть только для того, чтобы завладеть землей своего соседа.

Но не в природе человека подчиняться такому жестокому рабству, как это, без попытки хотя бы отомстить. И уж тем более не в природе такого народа было подчиняться подобным мерам - народа, древнейшего в Европе, владевшего землей так далеко, как только помнит человек, цивилизованного до того, как Скандинавия превратилась в гнездо пиратов, христианизированного с пятого века и распространившего литературу, цивилизацию и святую веру Христову через Англию, Шотландию, Германию, Францию и Северную Италию.

Если мы немного, и только немного, остановились на интенсивности борьбы, которая велась на протяжении четырехсот лет, предшествовавших дополнительным жестокостям, привнесенным Реформацией, то сделали это с умом, поскольку в последнее время стало модным наводить лоск на прошлое, игнорировать его, позволять мертвым хоронить своих мертвецов - и все это было бы очень хорошо, если бы это было сделано, И не забыли ли писатели заклеить ирландцев как необщительных, варварских и кровожадных, потому что с оружием в руках, с пылким и священным огнем в душе они снова и снова стремились отвоевать территорию, которая была завоевана у них обманным путем, и потому что они

считали справедливым убивать в открытом бою тех, кто заявлял, что может убить их даже в мире, заплатив пять марок.

Спор, таким образом, никогда не прекращался, да и как он мог прекратиться? Но в этом бесконечном конфликте между двумя расами потеря территории склонялась скорее на сторону англичан. Если поначалу, благодаря своим замкам, лучшей дисциплине и оружию, англичане одерживали верх над туземцами и расширяли свои владения за пределы Пале, то вскоре наступала реакция - ирландцы получали свой день мести и снова вступали во владение землей, которую у них отняли. Чтобы возместить свои потери, англо-норманны прибегли к актам парламента, которые могли связывать не только англичан Пале, но и жителей других районов, которые, пользуясь привилегиями английского права, были также связаны его положениями.

Чтобы правильно понять необходимость и цели этих постановлений, мы должны на мгновение вернуться к временам завоевания.

Случай Стронгбоу проиллюстрирует многие другие. Он женился на Еве, дочери МакМерроу, и таким образом связал себя с лучшими семьями Лейнстера. После смерти тестя он получил в наследство все королевство. Большую часть своих владений, которыми он либо не хотел, либо не мог управлять сам, он был вынужден распределить, в обычном стиле, между своими последователями. Он раздал большие поместья в качестве *вотчин* тем, кто следовал его судьбе, но не мог забыть и своих ирландских родственников, к которым сильно привязался. Поэтому он закрепил за многими ирландскими семьями территорию, которая ранее принадлежала им, а многие его английские приверженцы, которые, как и он сам, женились на дочерях земли, сделали то же самое на своих более ограниченных территориях. Это полностью объясняет, почему ирландские семьи остались в Лейнстере после поселения там англо-норманнов, которые основали в нем свой Пале, а также почему они продолжали владеть своими землями в окружении англичан, как раньше в окружении датчан.

То же самое происходило в королевстве Корк, на границах Коннаута и вокруг морских портов Ольстера, везде, где англичане обосновывались и возводили замки и укрепления.

Но помимо ирландских семей, которые, вступив в брачный и патронажный союз с англичанами, сохранили свои земли и постепенно увеличили их, многие другие, уроженцы этих земель, вновь вступили во владение своей прежней территорией, уступив ее англо-норманнским держателям *вотчин*. Постоянные пограничные войны, являвшиеся необходимым следствием английской политики, не могли со временем не оттолкнуть многих англичан, которые, владея крупными владениями также в Англии и Уэльсе, предпочитали вернуться в свою страну, чем оставаться с женами и детьми в состоянии постоянной тревоги, вынужденные жить в своих замках, опасаясь в любой момент нападения со стороны соседей-ирландцев.

Кроме того, подавляющее большинство ирландцев, которые не пользовались этими особыми привилегиями, которые, лишившись своих земель при первом вторжении, оставались фактически *вне закона* и никогда не вступали в брачные или социальные союзы со своими врагами, эти люди не могли согласиться голодать и умирать на своей собственной земле, на острове, который они любили и с которого они не могли - если бы они так решили - сбежать путем эмиграции. У них оставался один выход, и они ухватились за него. У них были свои горные крепости и болота, куда можно было улететь, и оттуда они могли преследовать захватчика и дюйм за дюймом отвоевывать свое законное наследство.

Часто их даже поощряли в их нападениях и грабежах англичане из Пале и за его пределами, которые, не желая больше подчиняться жестоким феодальным законам и поборам, могли помешать английским судьям, шерифам, эсквайрам и другим королевским чиновникам исполнять закон против них, и таким образом они держались в своих горах, болотах и скалистых утесах, посреди захватчиков их земли.

Тогда у английских правителей возникла необходимость в принятии мер, направленных на предотвращение дальнейшего захвата территории ирландцами, если не на расширение английских поселений. Они не видели иного средства, кроме парламентских актов, которые, по их мнению, должны были, по крайней мере, помешать подданным английской крови помогать ирландцам вновь вступить во владение, как это делалось в то время в столь широких масштабах.

Для этого они возродили прежние статуты, по которым ирландцы оказывались без защиты закона, объявлялись иностранцами и врагами и, следовательно, лишались права подавать иски в любой английский суд за посягательства на их земли или за насилие, совершенное над их лицами.

Вскоре они продвинулись еще дальше. Ирландцам было запрещено покупать землю, хотя англичане были вольны силой захватывать земельные владения ирландцев, когда были достаточно сильны для этого. Ирландец не мог получить в дар или купить ни одного колена земли, принадлежавшей англичанину. Таким образом, в каждой хартии, выданной впоследствии тем немногим ирландцам, которые обратились за ней, было четко указано, что они могут покупать землю для себя и своих наследников, чего без этого специального положения они сделать не могли; в то время как для англичанина отчуждение его земельной собственности по завещанию, дарению или продаже ирландцу было равносильно лишению его имущества короны. В соответствии с парламентскими актами казначейским чиновникам предписывалось проводить расследования с целью получения возвратов по таким сделкам передачи имущества, чтобы обогатить королевскую казну за счет конфискаций и конфискации; и списки статуты, сохранившиеся до наших дней в Дублине и Лондоне, показывают, что такие преследования часто имели место, с неизменным результатом в виде конфискации.

Решения судов всегда были в пользу короны, даже в тех случаях, когда договор передачи или завещание не приносили никакой пользы человеку, в пользу которого они были составлены, а просто являлись доверием для третьего лица английской расы. А огромное количество дел, в которых инквизиции были отменены, как явствует из парламентских протоколов, по причине злонамеренности и неправды - стороны, на которых жаловались, были не ирландцами, а англичанами - доказывает то, о чем мы утверждаем, а именно, что ирландец не может получить землю по договору от англичанина.

И все же, как справедливо говорит мистер Прендергаст: "Несмотря на эти запреты и законы ирландского парламента, ирландцы росли и увеличивались за счет англичан, а кельтские обычаи пересиливали феодальные, пока в конце концов управление феодальным правом не ограничилось лишь несколькими графствами, лежащими в пределах Лиффи и Бойна".

Давайте в заключение взглянем на результат более чем четырехвекового феодального гнета.

Ирландия с самого начала отвергла феодализм, и это в то время, когда Европа была вынуждена принять его, более или менее, повсеместно.

Различие между лордами и холопами, столь заметное во всех других странах, осталось в конце, как и в начале борьбы, и было неизвестно на острове. Даже в Пале присутствие О'Муров, О'Бирнов, О'Каванагов и других септов выражало протест и открыто отрицало с болот, лугов и горных высот то надругательство над человечеством, которое дарует немногим все, что предназначено для всех. Брехонский закон был в полной силе на всем острове, и если ирландцы позволяли английским судьям ездить по своим делам в пределах четырех графств, то при полном понимании того, что они будут вершить правосудие только в отношении английских подданных, взимать феодальные пошлины и выносить решения о конфискации и наказании только тем, кто признает право короля на эти поместья. Законы, принятые в притворном ирландском парламенте, касались только тех, кто называл себя англичанами по рождению; ведь даже англичане по крови, чьи предки издавна жили на острове, часто отказывались подчиняться законам парламента, в котором они сами не заседали, хотя имели на это право.

Напрасно угроза принуждения вновь и вновь стояла перед глазами великих лордов Десмонда, Томонда и Коннаута. Если они выбирали, то шли; если не выбирали, то оставались дома; и подчинялись или не подчинялись по своему желанию самим законам, в зависимости от того, могли или не могли поставить их наперекор.

Замки, которые были построены по всей стране первыми захватчиками, чтобы подчинить себе окружающие районы, в начале пятнадцатого века уже не были феодальными крепостями. Они были либо разрушены и сровнены с землей ирландцами, либо заняты ирландскими вождями; или, что еще более странно, если их владельцами были английские лорды, они были из тех, кто был покорен ирландскими нравами. В их залах сохранялись все старые обычаи Эрина. Там можно было увидеть группы шаначей, арфистов и брегонских юристов, беседующих со своим вождем на примитивном языке страны. Поэтому "иностранцы", живущие в Дублинском замке, называли их вырожденцами. Особняки Десмондов, Бургосов, Ормондов были штаб-квартирами соответствующих кланов, а не неприступными крепостями закованных в сталь воинов, которые одни обладали социальными и гражданскими правами. Если хозяин дома и носил иногда титул графа, или графа, или барона, он старался никогда не использовать его перед своими приближенными, которых он называл своими сородичами. Отправляясь в Дублин или Лондон, он надевал его с одеждой рыцаря или великого феодала; по возвращении домой он отбрасывал его, вновь надевал деревенский плащ и снова становился ирландцем.

Тема феодальных титулов в Ирландии недостаточно изучена и прояснена. Более ясный свет, брошенный на этот вопрос, без сомнения, показал бы более убедительно, чем долгие дискуссии, с каким упрямством ирландцы отказывались признать реальность феодализма, даже когда соглашались признать его присутствие и фразеологию. Недостаточно внимания уделяется тому факту, что к тем немногим ирландцам, которые впоследствии согласились получить от короля английские титулы, их соотечественники относились с большим отвращением, чем к самим англичанам, хотя в большинстве случаев титулы были пустыми, ничего не меняющими в их образе жизни. Тем не менее их считали отступниками от своей нации, а после Реформации такой шаг часто становился первым шагом к отступничеству от религии, самым глубоким пятном на ирландском имени.

Феодализм также имел свой способ налогообложения, который в Ирландии не сработал.

В феодальных странах господин не облагал холопов никакими налогами; это были простые люди, *ascripti gleboe*, которые обрабатывали землю для своих господ и, как хорошие крепостные, не могли владеть ничем, кроме немногочисленной утвари в своих жалких

лачугах. Им полагалось лишь то, чего хватало для поддержания их собственной жизни и жизни их семей, и, следовательно, они не могли нести никаких дополнительных налогов. Но в сложном общественном устройстве, порожденном феодализмом, нижестоящий лорд облагался налогами вышестоящего, и эта система проходила по всей феодальной шкале, и потребовался бы целый юрист, чтобы объяснить, что такое прислуга, тальяж, вардшип, штрафы за отчуждение, сейзин, рента, выморочное имущество и, наконец, конфискация, самая тяжелая и самая распространенная в Англии.

Ирландцы доблестно боролись с наложением этих тягот и помогали англичанам, поселившимся среди них, со временем отказаться от них.

Следует, однако, отметить, что им не удалось предотвратить утяжеление своих собственных налогов, согласно Книге прав, благодаря изобретательности англичан, которые обосновались среди них и получили все права клана. Из документов, которые были лучше изучены в последнее время, мы видим, что великие англо-ирландские лорды преуспели в увеличении бремени в форме поборов, на которые ирландцы никогда не жаловались.

По этому вопросу стоит обратиться к доктору О'Доновану в предисловии к его изданию "Книги прав".

Но именно в самой сути феодализма неудача англо-норманнов была наиболее заметна. Феодализм в действительности заключался в статусе, придаваемом земле, владение которой определяло и давало все права, так что, согласно ему, человек был создан для земли, а не земля для человека. Он был помещен на землю вместе с полевыми животными, пока не обрабатывал ее и не производил продукцию, пока система не округлилась до совершенства и не вывела на поверхность новые принципы социальной экономики, согласно которым чем больше скота и чем меньше людей, тем более процветающей и счастливой может считаться страна.

Ирландцы поставили на карту свое существование вопреки этим принципам и победили. Победа была настолько полной, что феодальные бароны, которые впервые появились среди них, в конце концов уступили клановости, стали вождями новых кланов и открыли свои территории для всех, кто решил отправить своих лошадей и коней пастись во владениях вождя. Напрасно ирландские парламенты издавали судебные приказы о конфискации имущества английских лордов, действовавших таким образом, поскольку между законом и его исполнением вмешивались кланы, и ни один шериф или судья не мог выйти за пределы четырех графств Пале, чтобы привести эти законы в исполнение.

Рассказывают, что один из ирландских вождей, получив от высокопоставленного английского чиновника уведомление о визите шерифа при очередном нарушении какого-то нового закона или постановления, за безопасность которого шериф должен был отвечать, ответил на это: "Вы хорошо сделаете, если в то же время сообщите мне, какова будет сумма его *эрика* в случае убийства, чтобы я мог заранее оценить ее для клана".

Эта история, возможно, лучше, чем что-либо другое, объясняет причину краха феодализма в Ирландии.

ГЛАВА VII.

ИРЛАНДИЯ ОТДЕЛЕНА ОТ ЕВРОПЫ - ТРОЙНОЙ ЭПИЗОД.

Пока шла борьба, описанная в предыдущей главе, Ирландия практически не имела сношений с остальной Европой. Только небеса были свидетелями героизма, проявленного

свободными кланами в борьбе с феодальной Англией. Лишь во время междоусобных войн Роз Эрин получил передышку, и тогда мы читаем, что Маргарет Оффали вызвала на мирный поединок бардов острова, а к святыням Рима и Компостеллы стекались паломники, вожди и принцы, "дававшие обеты веры с западного острова".

Тем временем христианство было свидетелем могущественных событий, в которых Ирландия не могла принять никакого участия. Восторженный порыв, породивший крестовые походы, восстание коммун против феодального рабства, умственная деятельность многочисленных университетов, каждый день вступающих в жизнь, образуют, помимо всего прочего, три великие прогрессивные волны в движущемся океане того времени:

I. Когда Европа стальной фалангой бросилась на Азию и спасла христианство от ига ислама, когда яфетическая раса могучим усилием утвердила свое право не только на существование, но и на перевес в делах мира, Ирландия, нация христиан из христиан, не имела имени среди людей. Считалось, что она находится в зависимости от Англии, и посланники, разосланные Святым Престолом по всем частям света для проповеди крестовых походов, ни разу не коснулись ее берегов, чтобы передать крест ее воинам. Самый рыцарский народ христианства был полностью забыт, и в его церковных анналах крестовые походы не упоминаются даже по имени.

Более того, священные войны были начаты и продолжены феодальным рыцарством Европы, и фактически везде, где европейцы устанавливали свою власть на Востоке, эта власть принимала форму феодализма. Но Ирландия отвергла эту систему, и поэтому ее сыновьям не нашлось места в рядах рыцарей Фланера, Нормандии, Аквитании и Англии. Их рыцарство было иного рода, и в то время оно было занято тем, чтобы вырвать свое социальное государство и территорию из рук безжалостных захватчиков.

Поэтому даже святой Бернар, горячий друг святого Малахии, не вспомнил о них, когда путешествовал по Европе, чтобы раздать Крест целым армиям воинов. Он не только не пересек Ла-Манш, чтобы пробудить христианский энтузиазм народа, всегда готового откликнуться на призыв к оружию, когда на карту поставлено благородное дело; он даже не подумал написать ни одного письма ни одному епископу или аббату в Ирландии, прося их проповедовать священную войну от его имени.

Таким образом, Ирландия не смогла принять участие ни в одном из преимуществ, которые принесли европейским народам крестовые походы, как не смогла она принять участие и в менее полезных результатах, которые также были получены в результате этой мощной агитации.

Среди таких результатов есть один, который не получил должного внимания. Историки много говорят о многочисленных и широко распространенных ересь, заразивших Европу в средние века; но их восточное происхождение не было тщательно исследовано, и мы не сомневаемся, что, если бы это было сделано, оказалось бы, что многие из них пришли с ответной волной крестовых походов.

Все эти заблуждения с самого начала имеют очень восточный облик. Павликиане, петробрусиане, альбигойцы и родственные им секты исходили из принципа дуализма, и даже в то время их открыто обвиняли в манихейских идеях. Все они придерживались более или менее аморальных принципов, отвергали или, по крайней мере, стремились ослабить общепринятые идеи, на которых зиждется общество, гражданское и религиозное. Если бы им удалось распространить свои заблуждения в Европе, возможно, что это вторжение имело бы более фатальные последствия, чем сам исланизм. И даже потерпев неудачу, они

оставили в европейских обществах зародыши тайных ассоциаций, которые существовали с тех самых пор и которые в наши дни вырвались наружу, чтобы наводить ужас на народы и заставлять их бояться наступления последних дней.

Внимательному наблюдателю ясно, что ереси двенадцатого, тринадцатого и четырнадцатого веков больше похожи на заблуждения наших дней, чем на протестантизм, который появился после них. Первые принципы Лютера, если бы они были доведены до законного конца, положили бы начало социализму и коммунизму наших дней; но он боялся последствий своих доктрин, и необходимость иметь хорошие отношения с немецкими князьями заставила его во время Крестьянской войны почти отказаться от своих первых высказываний и занять позицию посередине между католическими принципами и полным нигилизмом последующих времен. Известно, что в конце своей жизни он пытался восстановить руины всех догм, социальных и религиозных, которые он сначала пытался ниспровергнуть и уничтожить.

Манихейство средневековья, конечно, не было столь научным и продуманным, как современный социализм; но оно привело бы к таким же дурным последствиям для общества, если бы не было сокрушено объединенной властью Церкви и государства. Если бы он был успешен, невозможно представить, что стало бы с Европой.

О его восточном происхождении историки говорят мало. Однако мы знаем, что, прожив на Востоке, самые благочестивые христиане становились все слабее и слабее в своем противостоянии опасным заблуждениям, распространенным тогда в Азии. Турнефор заметил это в свое время, во время правления Людовика XIV.

Известно также, что потомство первых крестоносцев в Палестине образовало гибридную расу, которая, ослабленная влиянием роскошных привычек восточных стран, развратилась и под именем Пулани исповедовала слабое христианство, непригодное для борьбы с энергичным фанатизмом мусульман. Многие европейцы вернулись с тех войн колеблющимися в вере, и никто не знает, сколько их вернулось с полностью утраченной верой.

Поэтому не будет лишним предположить, что восточные заблуждения, внезапно вспыхнувшие в это время в Западной Европе, последовали за возвращающимися паломниками, и весьма вероятно, если не абсолютно точно, что, если бы не было Крестовых походов, манихейство и порожденные им тайные общества никогда не были бы известны в Италии и Франции. Поэтому один из первых и величайших поборников Церкви в споре с альбигойцами - Петр Преподобный, аббат Ключи, - в самом начале ереси не нашел лучшего средства противостоять новым заблуждениям, чем нападать на все, что приходит с Востока. Так, он написал свои длинные трактаты против Талмуда и Корана, так сильно крестовые походы уже способствовали внедрению в Западную Европу семян азиатских заблуждений. Все историки сходятся в том, что пауликанцы, болгары, альбигойцы и другие люди того времени имеют восточное происхождение.

Манихейство действительно заразило Европу задолго до этого. Некоторые римские императоры издавали суровые эдикты против него. В V веке ересь все еще процветала в Италии и Африке, сам святой Августин был ее адептом в течение нескольких лет и своими трудами познакомил нас с самыми яркими ее сторонниками в свое время. За ним в его нападках последовало множество отцов, как греческих, так и латинских.

Но после нашествия варваров мы больше не слышим о манихеях в течение пятисот лет. Запад полностью забыл о них. Арианство и манихейство, по-видимому, погибли вместе.

Десятое столетие называют периодом тьмы и невежества; по крайней мере, оно имело то преимущество, что было свободно от ересей; догматы Церкви были безоговорочно и повсеместно приняты. Западная Европа, хотя и раздробленная новорожденным феодализмом на тысячу осколков, была, по крайней мере, едина в вере, пока этот великий и могучий союз, в порыве энтузиазма породивший крестовые походы, вдруг не обнаружил, что восточные теории и безнравственность вторгаются в страны, наиболее верные Церкви.

Раймонд VI, граф Тулузы, великий защитник альбигойцев, был ближайшим потомком великого Раймонда, одного из вождей первого крестового похода, который мог бы претендовать на иерусалимский престол, если бы Годфрид де Буйон не завоевал поддержку воинов Креста своим пылким и чистым благочестием. Раймонд VI жил в Лангедоке во всем роскошном великолепии восточного эмира, и, несомненно, доктрины дуалистического манихейства были более близки его вкусу к удовольствиям, чем суровые догматы христианской религии. Честолюбие, правда, было одним из главных мотивов, побудивших его встать во главе еретиков; он надеялся обогатиться через них за счет церковных трофеев; таким образом, та же сила, которая позже подвигла немецких князей принять лютеранство, уже действовала на честолюбивого графа Тулузского в начале тринадцатого века. Так, мы видим его во главе своих войск, грабящим церкви, разоряющим монастыри, попирающим и оскверняющим святыни, чтобы пополнить свою казну.

Однако несомненно и то, что его, главных сектантов и множество дворян Южной Франции привели к принятию альбигойского заблуждения унизительные привычки, которые они приобрели ранее.

Мы не собираемся вступать в долгую дискуссию по этому вопросу; мы просто хотим противопоставить широкому распространению ереси в Западной Европе великий факт полного отсутствия ее в Ирландии; или, скорее, мы должны сказать, и этим мы подтверждаем наши размышления, что ошибки подобного рода действительно вторглись в Эрин в это время, не затронув ни в малейшей степени детей земли.

Ибо примечателен тот факт, что в начале XIV века название ереси в первый и последний раз упоминается в католической Ирландии; новые доктрины имели близкое сходство с некоторыми из заблуждений альбигойцев, а их главными распространителями были все лорды Пале.

В ноябре 1235 года папа Бенедикт XII написал письмо по этому поводу Эдуарду III Английскому, которое можно прочесть в "Церковной истории" Ф. Бренана.

Из многих фактов, описанных Уэйром в его "Древностях", становится ясно, что викарий Христа, не имея возможности свободно следовать своим склонностям в отношении заполнения Эринских кафедр и будучи вынужденным назначать на епископские должности, по крайней мере, во многих частях острова, только людей английского происхождения, выбирал для этой цели членов различных религиозных орденов, существовавших в то время. Вместо того чтобы предоставлять епископскую юрисдикцию феодальным выдвиженцам двора, когда они оказывались недостойными, Рим назначал францисканца или доминиканца, члена какой-либо религиозной общины, родившегося в Англии, но, по крайней мере, более независимого от двора, более сочувствующего народу, менее подверженного мирским и корыстным мотивам, а значит, более готового подчиниться мандатам Рима, которые всегда были на стороне справедливости и нравственности. Таким образом, мы видим, что за всю историю Ирландии, как правило, епископы, избранные из религиозных орденов, были приемлемы для народа и верны своему долгу.

Таким человеком, безусловно, был Ричард Ледред, минорит, родившийся в Лондоне, которого Папа Римский поставил епископом Оссори. Но именно за это он вызвал ненависть многих английских чиновников и даже мирских прелатов, среди которых наиболее заметным был Александр Бикнор, архиепископ Дублинский. Бикнор был не только архиепископом, но и назначен королем лордом-судьей Ирландии, а затем и лордом-наместником; еще позже английский парламент отправил его послом во Францию.

"Было бы хорошо, - говорит Ф. Бренан, - для самого архиепископа и для тех, кто находился под его юрисдикцией, если бы он воздержался от участия в государственных делах тех времен". Честолюбие составляло не последнюю черту характера Александра, даже задолго до того, как он был возведен в высокий церковный сан. Он стремительно продвигался к власти, переходя от одного поста к другому, пока в конце концов не оказался в лабиринте, не имея возможности проложить себе путь, если только не прибегнуть к помощи проводников, столь же неопытных, сколь и коварных. Именно по этим причинам у него возникли серьезные трудности не только с архиепископом Армага из-за примата, но и с собственными суффраганами, особенно с епископом Оссори".

В этих обстоятельствах упомянутый прелат, посетив свою епархию, обнаружил явные признаки распространения ереси среди своей паствы. В то время его епархия входила в состав английской Палеи, а Килкенни, где находился его кафедральный собор, часто становился местом заседаний парламента.

Среди тех, кто наиболее активно содействовал распространению новых доктрин, были сенешаль Килкенни, казначей Ирландии и главный судья Common Pleas - все англичане из Пале. Ревностный епископ, не боясь последствий, открыто осудил их и публично отлучил казначея от церкви. Среди английских пособников сразу же поднялась страшная буря, и, чтобы отвести от себя вину, они обрушились на прелата с обвинениями в причастности к преступлению Томаса Фицгилберта, который сжег замок Мой Кахир и убил его владельца Хью Ле Пура. Имущество Ледреда уже было конфисковано за его смелость в обличении еретиков, и в конце концов он был вынужден покинуть свою епархию и бежать в Авиньон, где пробыл в изгнании девять лет.

Архиепископ Дублинский был одним из его злейших врагов, и, хотя сам он не был обвинен в ереси, он, несомненно, был пособником еретиков и сделал все возможное, чтобы Ледред был арестован за свои предполагаемые преступления.

Уэйр в своих житиях Бикнора и Ледреда, очевидно, является приверженцем первого и врагом второго. Он утверждает, что Ледред молчаливо признал свою вину в деле Ле Пура, поскольку обратился к королю с просьбой о помиловании, как будто читатели английской истории не сталкивались постоянно со случаями, когда невинные люди были вынуждены просить о помиловании за преступления, которых они никогда не совершали.

О характерах обоих прелатов, к счастью, лучше судить по двум папам, Бенедикту XII и Клименту VI: первый верил в существование ереси, обличаемой Ледредом, второй освободил епископа Оссори от высшей юрисдикции Бикнора из-за несправедливой вражды, проявленной к нему этим мирским прелатом.

Из-за отсутствия всех исторических документов, касающихся этого дела, мы не можем понять, какой эффект произвело на Эдуарда III письмо понтифика. Весьма вероятно, что король предпочел поверить Бикнору, а не Папе, и пренебрег советом последнего.

Как же в таком случае была покончена с ересью? Просто благодаря здравому смыслу и духу веры народа, а точнее, глубокому христианскому чувству коренных ирландцев, которые всегда выступали против нововведений и оставались тверды в традиционной вере, присущей нации по милости Божьей. Раскол и ересь кажутся невозможными среди детей Эрина. Если в какой-то момент среди них и появлялись какие-то новшества, то они быстро исчезали, как пустой пар. Они слышали, что в других частях Церкви, в основном на Востоке, появились ересиархи и увлекли в заблуждение большое количество людей, образовав порой грозные секты, которые угрожали самому существованию религии Христа; но лица еретика они никогда не видели. Вскоре, конечно, они должны были оказаться во власти целой стаи таких людей, увидеть, как притворная церковь вступает в союз с государством, чтобы довести их до извращения; но пока у них не было подобного опыта.

Лишь несколько еретиков были указаны им перстом одного из их епископов, и его доносы были подтверждены судом Святого Престола. Поэтому, по словам Ф. Бренана, "сенсация, охватившая все классы, стала острой и страшной. Епископ и его духовенство выступили вперед, и с помощью веских аргументов, силой и властью истины выступили против врагов религии и нанесли им поражение".

Выраженное здесь чувство вполне естественно для истинного христианина при одном только упоминании о ереси. И все же как мало народов испытывали "яростное и страшное" чувство при появлении среди них положительного заблуждения! Но во все периоды своей истории ирландцы испытывали именно такие чувства.

К счастью для них, число сектантов было настолько мало, что становилось незначительным; англичан в Пале всегда было мало по сравнению с коренными жителями, и ересь принималась лишь небольшим числом людей.

Ошибка, таким образом, не могла вызвать на острове тех социальных и политических потрясений, которые она произвела во Франции в то же время. Не было необходимости во второй Альбигойской войне, чтобы положить ей конец. Не было необходимости даже в инквизиции как церковном трибунале. Приговор епископа, указ об отлучении, произнесенный от подножия алтаря, - вот и все, что требовалось.

Если сравнить этот единственный факт ирландской церковной истории с тем, что происходило в то время в Европе - распространение самых коварных заблуждений, неустойчивость веры многих людей, общая подготовка к социальному потопу, который надвигался и так скоро должен был обрушиться, - то нельзя не прийти к выводу, что Ирландия, посреди своих несчастий, была счастлива, будучи отделенной от остального мира. Дыхание новизны не могло занести заразу на ее берега. Она была счастлива даже тем, что не видела, как ее сыновья записываются в армию Креста, если результатом их побед было возвращение из Святой Земли восточного разврата и многочисленных ересей, поселившихся там и обосновавшихся даже вокруг гроба Господа нашего, за столько веков отрыва от Запада и открытого общения со всеми дикими причудами арабской, персидской и индийской философий.

Мы верим, что даже в разгар такого испытания Ирландия осталась бы непоколебимой в своей вере, как она сделала это позже, когда ересь пришла к ней с принуждением или смертью; и эта твердость намерений, которую ирландцы всегда проявляли, когда речь шла о смене религии, заслуживает нашего внимания. Ибо легкость, с которой одни народы в течение веков поддавались духу новизны, и стойкое сопротивление, оказываемое ему другими, - это тема, которая заслуживает исследования, но которую мы можем лишь слегка затронуть.

В древние времена греческий ум, с самого начала привыкший к тонкости аргументации и легко увлекаемый врожденным рационализмом, представляет собой поразительный контраст с устойчивым традиционным духом латинской расы в целом. За исключением пелагианства и сходных с ним заблуждений, все великие ереси, поразившие Церковь в первые десять веков, зародились на Востоке; а различные секты, каталогизированные несколькими греческими отцами уже во втором и третьем веках, поражают современного читателя тонкой паутиной, на которой плетутся их зачастую нелепые системы, достаточно прочные, однако, в то время, чтобы стать основой для оказания губительного впечатления на большое число приверженцев. Почти бесконечное множество философских систем в языческой Греции подготовило почву для последующих причуд ереси, и мы должны обратиться к нашим временам, столь изобилующим абсурдными теориями, чтобы найти параллель невероятному разнообразию догматических утверждений среди греческих ересиархов ранних времен.

Но с началом протестантизма, в шестнадцатом веке, мир стал свидетелем еще более яркого примера разнообразия различных ветвей яфетической семьи - народы, принадлежащие к тевтонскому и скандинавскому родам, в основном приняли это заблуждение сразу и с удивительной спонтанностью. Различные остатки кельтской расы и все латинские народы в целом остались послушны руководящему голосу Церкви Христовой. Современные авторы, проникнутые так называемыми либеральными идеями, обычно приписывают это различие устойчивому, систематическому уму северных народов и их врожденной любви к свободе, которая не могла выдержать ига духовного деспотизма, навязанного Римской церковью. Но все это лишь предположения, неспособные объяснить факт. Разумеется, тевтонский и скандинавский ум более систематичен и, очевидно, более устойчив, чем кельтский; но он гораздо менее устойчив, чем латинский. Ни один народ за всю историю человечества не проявлял большей устойчивости и системности, чем римляне, и латинская семья унаследовала эти черты от Рима. Испанская раса не имеет себе равных в устойчивости (в том смысле, который здесь подразумевается под устойчивостью), а французская, безусловно, не имеет себе равных в системе, которую она часто доводит до абсурда.

Что касается любви к свободе, в отличие от любви к свободе, то она не имеет абсолютно никакого отношения к великой революции, которую называют Реформацией. Ни одна нация не может наслаждаться деспотизмом, и вся история Ирландии - живой пример того, что ее сыновья неуклонно противятся ему до смерти. И теперь уже слишком поздно делать вид, что распространение протестантизма в значительной части Европы послужило делу истинной свободы. Бальмез и другие доказали ложность таких притязаний. Если современные писатели, такие как мистер Бэнкрофт, например, люди в остальном здравого ума и больших способностей, продолжают утверждать это, то утверждение должно исходить из глубоко укоренившихся предрассудков, которые размышлениям еще не удалось искоренить, и их мнения по этому вопросу неизбежно ограничиваются смелыми утверждениями, характер которых в других они сами заклеили бы как пустой и необоснованный.

Причина различий лежит глубже в строении человеческого разума, в кельтской и латинской расах с одной стороны, в тевтонской и скандинавской семьях - с другой. Любой, кто изучал ирландский характер в наши дни - характер, который был таким же и в прежние века, - легко увидит в нем нечто от этой великой и счастливой причины.

Разница заключается прежде всего в здравом смысле, который позволяет им инстинктивно понимать, что вечное следует предпочесть временному. Если бы все люди постоянно помнили об этом, они бы не только всегда принимали истины веры, поскольку вера, по словам святого Павла, есть "содержание того, на что надеются", но и всегда оставались бы

верными моральному кодексу, данному нам Богом. Кельт действительно иногда теряет представление о вечном в присутствии временного искушения; но он никогда не слеп к знанию того, что вера - основа спасения, и что надежда остается до тех пор, пока она не отменяется. Поэтому он никогда не откажется от нее. Необходимость возрождения веры возникает редко, когда после греховной жизни тень смерти напоминает ему о долге, который он несет перед собственной душой. Великая истина о том, что в конечном счете все есть ВЕЧНОСТЬ, всегда остается глубоко запечатленной в его сознании; и служителю Божьему не нужно тратить половину своего труда, когда он возвращает такого человека к добродетельной жизни. Ирландца почти не нужно спрашивать: "Веришь ли ты?". Ведь каждое слово, которое произносят его губы, каждый взгляд и жест, каждое выражение чувств - это, по сути, акт веры. Как легко после этого совершается работа по возрождению!

Счастливая раса, для которой эта жизнь - лишь тень, которая проходит! Для которой невидимое всегда присутствует или возвращается так ярко и легко!

Это предполагает, как мы уже говорили, здравый, здравый смысл, характерный для этой расы. Можно сказать, что эта нация обладает мудростью сэра Томаса Мора, который считал, что глупо терять вечность ради двадцатилетней жизни в легкости и почестях. Не эта ли мысль, в сущности, поддерживала нацию в том страшном мученичестве трех столетий, чью ужасную историю нам еще предстоит рассказать? Не они ли, как народ, один за другим, поколение за поколением, жили и проводили свою жизнь в презрении, в нужде, в страшных страданиях, чтобы умереть в муках или скрытых страданиях, без проблеска надежды от этого мира для своей расы, своих семей, своих детей, самого своего имени, потому что они не отказались от своей религии, то есть истины, которая одна могла обеспечить вечное благополучие их душам?

Говорите нам после этого об устойчивом и систематическом разуме! Говорите нам о любви к свободе, о чувстве собственного достоинства! Где же найти такие вещи в их реальности, в их испытании, если не в сценах и народе, которые мы только что изобразили?

Вторая причина, не менее действенная, чем первая, и, конечно, столь же примечательная, заключается в самом составе кельтского ума, который, естественно, склонен к твердой вере, потому что он отдан исключительно традициям, событиям прошлого, рассказам поэтов, историков и генеалогов. Если бы ирландцы хоть раз обратились к критике, сомнениям, спорам, то само их существование как народа прекратилось бы. Они должны продолжать верить, иначе вся реальность исчезнет из их сознания, привыкшего на протяжении стольких веков впитывать это твердое знание, основанное, правда, на слухах; но как еще истина может дойти до нас, кроме как через слухи? Отсюда их простое и бесхитростное согласие со всем, что они слышат из надежных уст, - согласие, в котором никогда не отказывают известному врагу, никогда не отказывают испытанному другу, даже если установленные факты странны, загадочны, безотчетны и невероятны для умов, устроенных по-другому.

Таким образом, читая их "Acta Sanctorum", мы сразу же оказываемся в мире, столь отличном от нашего повседневного, - в области чудес, тайн, небесных и сверхъестественных деяний, равных которым нет ни в одном рассказе о чудесных путешествиях или басне воображаемого романтика. И все же, кто скажет, что авторы сомневались хоть в одной фразе написанного ими? Разве не ясно из самих слов, которые они используют, что они сочли бы святотатством произнести неправду, говоря о блаженных святых? И разве жизнь святых может быть похожа на жизнь простых смертных? Что странного в том, что земля была таинственной и небесной, когда по ней ходили небесные существа? Прочитайте Литанию и Фестологию Аенгуса и усомнитесь, что святой человек не верил всему, что в них содержится. Скажите, если это

возможно, что не все это правда, хотя и кажется невероятным. Кто может сомневаться в том, что утверждается с такой яростью? Как может быть неправдой то, во что святые мужчины и женщины верили сами и передали миру, чтобы он верил?

Это полностью объясняет простоту веры, которая до сих пор отличает ирландский народ. Это объясняет, почему среди них нельзя найти ни одного еретика, и их сильный ужас перед ересью, как только она становится известна. Не только их разум несет на себе отпечаток веры: сам их внешний вид свидетельствует об этом. Зайдите в любой крупный город, где проживает много ирландцев; пройдитесь по общественным улицам, где они гуляют среди детей других рас, и вы легко отличите их не только по скромности их женщин и простоте их мужчин, но и по выражению уверенности и довольства, запечатленному на их чертах. Тот, кто имеет устоявшуюся веру, больше не является исследователем, не испытывает беспокойства и тревоги, свойственных человеку, погруженному в сомнения и неуверенность; все черты лица, все жесты и позы тела говорят о спокойствии и отдыхе.

Мы могли бы сделать эту дискуссию более эффективной, изучив противоположные явления, показав, как легко расы, по-разному одаренные, наделенные духом критики и аргументации, отрываются от веры и следуют примеру обманчивых учителей. Нашей целью было описать ирландцев, а не вдаваться в изучение физиологии других умов; но несколько слов о германских и скандинавских племенах и народах, возможно, не будет лишним.

Нет сомнений, что эти расы ставят свой "здоровый смысл" в совершенно иное русло, чем ирландцы; что они также гораздо более склонны к критике, тому, что они называют "ворчанием", и отсутствию отдыха.

Что касается первого пункта - их "здорового смысла", - то легко заметить их склонность предпочитать временное вечному. Ведь их "здоровый смысл" заключается в том, чтобы наслаждаться вещами этой жизни, не слишком беспокоясь о другой. И в этом наблюдении нет ничего, что могло бы их оскорбить, ибо таково их открытое исповедание и оценка истинной мудрости. Отсюда их любовь к комфорту, их бережливость, их проницательность во всех материальных и мирских делах; отсюда их постоянное хвастовство своей цивилизацией, понимание того, что приятно чувствам; отсюда же их успех в жизни, в которой они поставили все свое счастье. Как можно было ожидать, что они останутся непоколебимыми в вере, которая объявляет войну удовольствиям и говорит лишь о презрении к этому миру? Поэтому неудивительно, что их главным аргументом, доказывающим, что их религия лучше и правильнее, является сравнение их физического благополучия с неполноценностью в этом отношении католических народов.

Что касается духа критики и аргументации, то ничто так не противостоит духу веры; и ясно как день, что северные расы обладают им в высшей степени. Какой вопрос, религиозный или философский, может остаться нетронутым, когда он попадает под микроскопическое зрение немецкого философа или английского рационалиста? Еще несколько лет критики в том виде, в каком она сейчас понимается и практикуется, не оставили бы абсолютно ничего, что могло бы вызвать уважение и веру человеческого разума.

Внимательный наблюдатель после серьезного изучения предмета наверняка придет к выводу, что именно из-за мелких причин такого характера эти расы так легко отказались от своей веры, а не из-за своего систематического ума и любви к свободе.

II. Возникновение коммун, одна из величайших особенностей средневековой Европы, не распространилось на Ирландию, отделенную в то время от континента. Но именно в силу этого отделения остров навсегда остался свободным от будущих политических волнений

того, что известно как "третье сословие". Несколько замечаний на эту тему необходимы, поскольку против ирландцев выдвигается возражение, что они никогда не знали муниципального управления, а также в связи с ложными утверждениями некоторых философских историков, которые утверждают, что датчане и англо-норманны, в свою очередь, принесли Ирландии великое благо, подарив ей права граждан.

Каковы же были причины подъема коммун в XI и последующих веках? Универсальность этого факта говорит об идентичности мотивов, поскольку, не имея общего понимания между различными народами, восстания проявлялись примерно в одно и то же время в Италии, Франции, Германии, Испании и Англии.

В древних городах, существовавших до германских нашествий, население, после того как бедствие миновало, состояло в основном из трех элементов: 1. Свободные люди из расы завоевателей, которые были бедны и занимались каким-либо механическим ремеслом; 2. Остатки римского населения, которые занимались каким-либо ремеслом; 3. Свободные люди из сельской местности, которые, не имея средств к существованию в деревне, перебирались в города, где им было легче прокормиться.

Таким образом, помимо феодалов и холопов, повсеместно образовался третий класс - ремесленников и торговцев.

Юридическая власть была ограничена сеньорами, чьи права распространялись только на землю и прикрепленных к ней людей, ремесленники оказались лишенными юридических прав, без признания и места даже в существовавшей тогда юриспруденции, следовательно, в практически анархическом состоянии. Поэтому они создавали между собой собственные ассоциации, избирали собственных магистратов, принимали собственные подзаконные акты.

В упомянутых нами городах только епископ поддерживал социальные отношения с владыками, будь то феодальный вождь окрестностей или граф города. Таким образом, епископ часто выступал в роли посредника между горожанами и привилегированным классом, который их окружал. Главной целью горожан было получить хартию прав от сюзерена, который один мог действовать справедливо и беспристрастно по отношению к бесправным бюргерам. Именно этому было обязано огромное количество хартий, выданных в то время, многие из которых, опубликованные в последнее время, лучше, чем что-либо другое, дают нам представление о происхождении муниципальной жизни в средневековой Европе.

Новые города, основанные захватчиками или возникшие сами по себе вокруг феодальных замков и монастырей, вскоре столкнулись с необходимостью получения подобных льгот, которые, как только они были получены, придали им социальный статус, недоступный ранее.

Число свободных людей, доведенных до нищеты, или недавно освобожденных - освобожденных в результате повсеместной эмансипации, начатой и поощряемой церковью, - распространяло коммуны даже на сельские районы. Таким образом, многие деревни или небольшие города превратились в корпорации, и возникло социальное государство, доселе совершенно неизвестное в Европе.

Долго обсуждался вопрос, обязаны ли эти новые муниципальные корпорации своим происхождением муниципальной системе римлян, или же они были полностью от нее оторваны. Общепринятым мнением является то, что эти две системы были совершенно разными. В некоторых случаях римский муниципальный город мог превратиться в

средневековый корпоративный город на основании новой хартии и с расширенными правами, но это, конечно, было исключением. В подавляющем большинстве случаев города, получившие новую хартию, никогда прежде не пользовались муниципальными правами.

Этих нескольких слов достаточно, чтобы показать, что коммуны, где бы они ни возникали, предполагали существование феодализма, а рабство, некогда столь широко распространенное, постепенно переходило в крепостное право.

Но ни феодализма, ни рабства в старом языческом понимании этого слова, ни даже крепостного права, как правильно его называть, как оброк *ascripti glebae*, в Ирландии никогда не существовало. Поэтому у ирландцев не было необходимости в создании коммун.

Тем не менее, мы находим в Ирландии коммуны и хартии, выданные ирландским городам английскими королями. Но это были всего лишь английские учреждения для особого блага англичан Пале, в которых всегда отказывали "ирландскому врагу" и которых "ирландский враг", за исключением нескольких отдельных случаев, никогда не требовал. Таким образом, почти повсеместно подтверждается тот факт, что восстание коммун никогда не распространялось на Ирландию, и что если ирландцы никогда не пользовались их благами, то они также мало участвовали в дурных последствиях, которые они порождали.

Все эти дурные последствия коренились в чувстве острой вражды между высшими или благородными классами, и не только холопами, которых они держали между собой, но и средними классами, которые жили в городах, эмансипируясь медленными степенями и образуя со временем "третье сословие".

Действия этой вражды составляют большую часть истории Европы с XII века до наших дней, и многие социальные потрясения, зафиксированные в летописях шести эпох, предшествующих нашей, могут быть отнесены к ней. Ужасная Французская революция, безусловно, стала ее результатом, хотя следует признать, что несколько вторичных причин способствовали усилению разрушительных последствий катастрофы, главной из которых было распространение неверных доктрин среди высших и средних классов.

Но в наши дни мы наблюдаем еще более ужасное зрелище - упорное противостояние бедных и богатых во всех странах, некогда христианских, и это можно проследить непосредственно по их средневековому происхождению, которое мы сейчас рассматриваем; а какое зло готовит человечеству это явление, сможет сказать только будущая история.

В Ирландии такой опасности никогда не было. В более ранней конституции нации не могло быть ни соперничества, ни вражды классов с классами, поскольку между ними никогда не существовало социальных различий; И если в наши дни бедные там, как и везде, выступают против богатых, то не как класс против класса, а как испорченный против испортившего, жертва против грабителя, против владельцев земли по праву конфискации - земли, на которой все еще живут старые владельцы, со всеми традициями их истории, которые никогда не были полностью стерты и которые в наши дни оживают под изучением патристических антикваров. Этот факт невозможно отрицать.

В этом отношении Ирландия настолько отличается от других стран, что ни в одной другой стране народ не был доведен до такого унижительного состояния нищеты, и в то же время ни в одной другой стране среди низших классов не наблюдается такой же покорности существующему порядку в обществе. Ни коммунизм, ни социализм там никогда не проповедовались, а если бы и проповедовались, то только для глухих. До последних двух или трех столетий в Ирландии не было посеяно ни одного семени вражды между высшими и

низшими, богатыми и бедными. Причину этого мы рассмотрели в предыдущей главе. И если после массовых конфискаций семнадцатого века страна разделилась на два враждебных лагеря, вина за это никогда не возлагалась на бедных, обездоленных; они всегда были жертвами и никогда не произносили открытых угроз уничтожения в адрес своих угнетателей. Если в будущем люди ожидают больших бедствий, Ирландия - единственная страна, от которой не стоит опасаться ничего подобного, и надвигающаяся революция, от которой она может получить выгоду, не будет искать у нее помощи в подрыве общества.

Теперь мы оставляем читателя в полной мере оценить реальную ценность мнения современных авторов, которые оправдывают последовательные вторжения датчан и англо-норманнов, а также, как мы полагаем, пуритан, как достойные похвалы попытки ввести в Ирландии муниципальную систему, столь плодотворную во всей Европе.

Нет сомнений в том, что муниципальные права принесли огромную пользу европейскому обществу в том виде, в котором оно существовало на момент их введения. Они сформировали зародыш нового класса, которому суждено было стать правящим классом мира и который впервые понял и провозгласил права человека, а также предоставил всем необходимую свободу и обеспечил ее справедливыми законами, которые справедливо соблюдались. Христианство - истинный источник всех этих прав, поскольку христианская мораль должна быть их нормой.

Но сколько человеческих страданий потребовалось сначала для того, чтобы последовали такие благословенные результаты, только потому, что религия, которая всегда неуклонно работала на ту же цель, была полностью отброшена, а ее помощь даже презиралась в этих могущественных изменениях! И в конце концов - можно сказать, в результате - насколько ограниченным стало это благо! Как мало наций, даже в наши дни, которые понимают беспристрастность, умеренность, справедливость! Как скоро человечество станет достаточно просвещенным, чтобы спокойно наслаждаться теми благами гражданской свободы, которые провозглашаются и трубят на все четыре ветра небесные, но нигде не находят правильного понимания и справедливого распределения?

Ирландия никогда не знала тех муниципальных прав, из которых вытекает столько бед, а также так мало благ, потому что их основные элементы никогда не были там найдены. Что может произойти в будущем, никто не может сказать. Однако настало время, чтобы все увидели, что нация равна любым правам, на которые, как говорят, имеют право люди.

III. Великое интеллектуальное движение, начавшееся в Европе в средние века благодаря многочисленным университетам, возникавшим повсюду под опекой пап и христианских монархов, не достигло острова, вследствие его исключения из европейской семьи; однако даже это не было для нее безусловным злом, хотя, безусловно, стало самой большой потерей. В то время как Европа в VIII и IX веках пребывала в полной темноте, одна лишь Ирландия грелась в лучах науки, чей блеск, сияющий в ее многочисленных школах, привлекал туда своей яркостью молодежь всех народов, которых она принимала с беспредельной щедростью. Не довольствуясь этим, она посылала своих ученых и святых людей, чтобы распространить свет за границу и рассеять густую тьму, чтобы основать учебные заведения как очаги, откуда должен излучаться свет истины на мир, погрязший в варварстве.

И когда теплый солнечный свет, созданный или поддерживаемый ею, проливает свои лучи на Италию, Францию, Германию и саму Англию, все ее собственные школы закрываются, ее некогда великие университеты разрушаются. Клонард, Клонферт, Армаг, Бангор, Клонмакнойз опустели, а богатые англо-норманнские прелаты обнаруживают, что их

кошельки пусты, когда встает вопрос о восстановлении или формировании единого центра интеллектуального развития. Естественными последствиями должны были стать тьма, варварство, грубое невежество. Ирландия никогда не опускалась до такой глубины духовного опустошения. Ее сыновья, хотя и лишенные всякой внешней помощи, все равно веками питались собственными литературными сокровищами. Вплоть до династии Стюартов народ сохранил не только свои кланы, своих князей и свои брегонские законы, но и свои шанашы, свои книги, свою древнюю литературу и традиции. Этого феодальные бароны не могли у нее отнять; и если они не отплатили бы ей в какой-то мере за то, что отняли, наводнив ее новыми методами мышления, знания, научного исследования, то, по крайней мере, они не могли уничтожить ее старые рукописи, стереть из ее памяти старые песни, вырвать бессмертную арфу из рук ее бардов или заставить уста ее священников не давать волю тем вспышкам страстного красноречия, которые естественны для них и должны выйти наружу. Поэтому для нее не было десятого века тьмы - давайте помнить об этом - свет никогда не покидал ее, но продолжал светить ей изнутри, несмотря на отказ ее хозяев открыть для нее шлюзы знаний.

По этой причине он не был для нее безусловной потерей; но есть и другая, возможно, более весомая причина.

Мы должны быть осторожны, чтобы не приписывать добру злоупотребления, совершаемые людьми; однако добро иногда становится причиной зла; так было и с этими великими, восхитительными и достойными сожаления университетами.

Они придали разуму человека импульс, который гордость и честлюбие обратили в интеллектуальную гибель. То, что предназначалось для распространения истинного знания и веры, в итоге стало источником духовной гордыни, естественным побудителем сомнений и отрицания. Современная наука, так называемая, воплощение тщеславия, софистики, ошибок и заблуждений, косвенно происходит от университетов средневековья; и именно во времена так называемого возрождения образованности произошла великая революция в науке, которая превратила интеллектуальное золото в отбросы, некогда божественную амброзию знаний, подаваемую счастливым смертным в средневековые времена, в яд.

Это притворное "возрождение образования" никогда не может быть упомянуто в связи с Ирландией; а "идолопоклонство искусства" и развращение нравов никогда не пересекали канал, который Бог установил между Великобританией и Островом Святых.

Другое возрождение, хотя и совершенно иного характера, происходило в Эрине именно в тот период, когда Война Роз давала ей передышку, о чем мы повествуем словами современного ирландского писателя в заключение размышлений, которым мы предавались:

"В этот период жила Маргарет Оффалийская, красивая и опытная королева О'Кэррола, короля Эли. Она и ее муж были щедрыми покровителями литературы, искусства и науки. По специальному приглашению королевы Маргарет литераторы Ирландии и Шотландии в количестве почти трех тысяч человек провели "сессию" для продвижения литературных и научных интересов в ее дворце близ Киллеага, в Оффали, причем все собравшиеся были гостями короля и королевы во время их пребывания.

"Неф большой церкви Да Синчелл был превращен по этому случаю в банкетный зал, где Маргарет сама открыла торжество, поставив на главный алтарь два массивных золотых потира в качестве подношения и отдав двух детей-сирот на попечение кормилиц, которые должны были стать ее подопечными. Облаченная в золотые одежды, эта прославленная

дама, отличавшаяся как красотой, так и щедростью, восседала в королевском кресле на одной из галерей церкви, окруженная духовенством, брегонами и личными друзьями, проливая блеск на происходящее внизу, а ее муж, не раз встречавший в бою величайших генералов Англии, оставался на колеснице у входа в церковь, чтобы приветствовать гостей и следить за соблюдением порядка. Приглашения были разосланы, а гости расставлены по списку, составленному главным брегеном О'Кэррола; второе развлечение, состоявшееся в Ратхангане, было дополнительным, чтобы охватить тех ученых людей, которые не были собраны на первом празднике" (А.М. О'Салливан).

Таково было истинное "возрождение обучения" в Ирландии - возвращение к ее старым традиционным учениям. Если бы это мирное время было более продолжительным, то, без сомнения, старые школы процветали бы заново, и люди в последующие века могли бы сравнить результаты двух систем: одна из них привела к истинному просвещению, миру, согласию, вере и благочестию, хотя и ограничивалась незначительной территорией одного маленького острова; другая привела к умственной анархии, столь распространенной сегодня и распространяющейся по всей остальной Европе.

ГЛАВА VIII.

ИРЛАНДЦЫ И ТЮДОРЫ - ГЕНРИХ VIII.

Утратив единственную гарантию единства - власть, принадлежавшую Ард-Ригу, - которая удерживала вместе различные части острова, Ирландия потеряла всякую возможность осуществлять совместные действия. Народы были столь же многочисленны, как и кланы, а интересы столь же разнообразны, как и семьи. Правда, они исповедовали одну и ту же религию, и в соблюдении ее предписаний и обычаев они часто находили средство от своих социальных бед; но религия, не встречая противодействия ни с какой стороны, за исключением незначительных разногласий между местным духовенством и английскими сановниками, в целом считалась не подлежащей обсуждению в их перепалках и спорах. Мы увидим, как удары, нанесенные по нему английскими монархами, спаяли в единое целое этот народ, стали причиной того союза, который сейчас так примечателен среди них, и действительно составили единственные узы, которые когда-либо связывали их вместе.

Прежде чем остановиться на этих соображениях, давайте взглянем на состояние страны, предшествовавшее попытке ввести в ней протестантизм.

В этот период английская территория была ограничена половиной пяти графств в Лейнстере и Мите; и даже в этих пределах О'Каванаги, О'Бирны, О'Муры и другие сохраняли свои обычаи, свои брегонские законы, свой язык и традиции, часто совершая набеги в самые окрестности столицы и выставляя свои галлоугласы и керны в двадцати милях от Дублина.

Дворянство и народ находились в точно таком же состоянии, в каком знали его на протяжении веков. Немногочисленные англичане, давно обосновавшиеся в стране, сроднились с туземцами, переняли их нравы, язык и законы, столь оскорбительные поначалу для высокомерных англо-норманнов.

Но революция назревала, главным образом из-за изменений, недавно внесенных Генрихом Тюдором в религию Англии. Важно изучить первую попытку такого рода в Ирландии; не только потому, что она стала поводом для установления на длительный период настоящего единодушия среди народа - так сказать, рождения нации, - но и для правильного понимания слова "восстание", которое раньше так свободно использовалось по отношению к туземцам и которому теперь предстояло получить новое толкование.

Когда-то англичане обманули ирландцев, добившись их покорности в XII веке, навязав им слово *homage*. Теперь они будут обманывать Европу, постоянно используя, а точнее, злоупотребляя словами "мятежник" и "восстание". Принятием новых законов они объявят простую приверженность старой религии страны отрицанием суверенного права и, следовательно, актом открытой измены; ирландцев будут безжалостно убивать за религию Христа, не удостоив их имени, хотя и венца мученичества; ибо Европа будет так эффективно обманута, что даже Церковь будет колебаться, провозглашать ли этих религиозных героев святыми Божьими.

Но великий факт рождения нации в разгар этих мук смягчит их жестокость в сознании читателя и в какой-то мере объяснит чудесные замыслы Провидения.

Из английской государственной газеты, опубликованной М. Хаверти, мы узнаем, что в 1515 году, за несколько лет до восстания Лютера, остров был разделен более чем на шестьдесят отдельных штатов, или "областей", "некоторые размером с шир, некоторые больше, некоторые меньше".

Если бы не это деление и не постоянные междоусобицы, которые оно порождало: на севере - между О'Нилами и О'Доннеллами, на юге - между Джеральдинами (Десмондами и Килдарами) и Батлерами (Ормондами), власть английского короля была бы легко поколеблена. Политика, постоянно проводимая Англией в последующие времена, - политика, хорошо выраженная латинской пословицей "*Divide et impera*", - сохранила английскую власть в Ирландии и в конце концов привела остров, по крайней мере внешне, к подчинению Великобритании - подчинению, против которого ирландская совесть, ирландский голос и ирландское оружие не переставали протестовать и отрицать. Но народ был разделен, и требовалось какое-то великое и всеобщее бедствие, чтобы объединить его и сделать единым народом.

То, что, даже несмотря на эти разногласия, в то время они были готовы изгнать англичан с острова, не требует лучших доказательств, чем слова самих англичан. Архиепископ Дублинский Джон Аллен, креатура Вулси, которого коварный кардинал нанял, чтобы начать работу по уничтожению монастырей на острове и противостоять великому графу Килдэру, отправил своего родственника, секретаря Дублинского совета, в Англию, чтобы сообщить, что "английские законы, нравы и язык в Ирландии ограничены узким кругом в двадцать миль;" и что, если законы не будут должным образом соблюдаться, "маленькое местечко", как называли Пале, "будет приведено в то же состояние, что и остальная часть королевства"; то есть само Пале, доведенное до столь незначительных пределов, будет принадлежать исключительно ирландцам.

Именно в это время восстание "шелковистого Томаса" вызвало гнев Генриха VIII и привело к гибели почти всей семьи Килдаров.

Примерно в это же время пал Вулси, и Кромвель, сменив его на посту канцлера Англии, а Кранмера - на посту архиепископа Кентерберийского, начал Реформацию в Англии с развода короля, который вскоре после этого принял верховенство в духовных делах как прерогативу короны и сделал парламент - в те дни сам верховный законодатель в церкви и государстве.

Кромвель, известный в истории как креатура и друг Кранмера, как и его защитник, тайный извращенец протестантских доктрин Германии и первый заговорщик по уничтожению католицизма на Британских островах, взялся спасти английскую власть в Ирландии, навязав этой стране верховенство короля в религиозных вопросах, прекрасно понимая, что такой шаг

подтолкнет ирландцев к сопротивлению, но полагая, что сможет легко покорить их и сделать остров английским.

Будучи назначен не только канцлером Англии, но и генеральным викарием короля в мирских и духовных делах, Кромвель выяснил у своих английских агентов в Ирландии, как лучше всего достичь своей цели - подчинения страны. Их отчет сохранился среди государственных бумаг, и некоторые из их предложений заслуживают нашего внимательного рассмотрения. Если бы Генрих VIII согласился последовать их совету, он бы сам начал кровавую политику, которую так хорошо проводил спустя много лет другой Кромвель, знаменитый "Протектор".

В докладе говорится, что наиболее эффективным способом действий было бы истребление народа; но Генрих счел достаточным привлечь на свою сторону дворянство - народ был ему не по зубам.

Агенты генерального викария были правы в своем зверском предложении. Они хорошо знали ирландский народ и понимали, что единственный способ отделить Ирландию от престола Петра - это превратить страну в пустыню.

Их средством уничтожения народа был голод. Кукуруза должна была систематически уничтожаться, а скот убиваться или изгоняться. Их действия, правда, ограничивались границами Палеи. Позднее нежный Спенсер предложил распространить их на весь Мюнстер, и особой славой "Протектора" стало проведение этой политики почти на всем острове.

"Сама жизнь ирландцев, - говорится в отчете, - состоит, очевидно, из двух вещей: отними у них это, и они навсегда лишатся возможности восстановить или досадить кому-либо из подданных Ирландии. Сначала отнять у них их кукурузу и столько, сколько не может быть выращено, и отдать в руки тех, кто будет жить и обитать в их землях, чтобы сжечь и уничтожить их, так что ирландцы не смогут там жить; а затем завладеть их скотом и зверями, которые будет труднее всего достать, и все же, с помощью проводников и политики, их можно часто иметь и брать".

Далее в отчете самым тщательным и изобретательным образом описываются все приемы и планы по проведению этой политики в жизнь. Но здесь мы имеем, как бы сгущенную, в ореховой скорлупе, холодно и тщательно изложенную систему, которая была принята позже и почти увенчалась чудовищным успехом. Но момент для осуществления этой варварской затеи еще не наступил, и мы не видим, чтобы положительные результаты последовали незамедлительно.

Этот проект, каким бы законченным он ни был, был далеко не единственным предложенный в то время для "изгнания ирландцев" из Ирландии. Ирландии. Мистер Прендергаст в своем "Введении в Кромвелевское поселение", пишет:

"Ирландцы никогда не были обмануты относительно целей англичан, и, хотя Пале не расширялось в течение двухсот сорока лет, в правление Генриха VIII они были твердо убеждены, что первоначальный замысел не был оставлен. "Ирландцы считают, - говорил судья Кьюсак королю, - что англичане однажды навсегда изгонят их из своих земель".

Фактически, затем предлагался проект за проектом по очистке Ирландии от ирландцев до Шеннона. Некоторые заходили так далеко, что уже помышляли об их полном истреблении; но "в хрониках завоевания не было найдено ни одного прецедента для этого". К этому

следует добавить сложность поиска людей, которые могли бы вновь заселить эти земли, если они вдруг окажутся незаселенными.

"Только вожди и джентльмены ирландцев должны были быть изгнаны из своих владений", согласно некоторым из этих проектов, "и только они должны были быть отправлены в изгнание, в то время как их земли должны были быть отданы англичанам".

"Король, однако, похоже, удовлетворился конфискацией владений графа Килдэра и его семьи. Хотя он был свирепым и кровожадным, в его натуре было что-то львиное; несмотря на все эти побуждения, он оставил ирландцам и старым англичанам их владения и, казалось, даже стремился закрепить их за собой, но не смог этого сделать из-за нехватки времени."

Мы считаем суждение мистера Прендергаста о Генрихе VIII слишком благосклонным. Щедрость не побудила его пощадить народ и дворян, за исключением Килдаров. Мы полагаем, что он никогда не помышлял об уничтожении народа, потому что такой политический элемент не мог прийти ему в голову. Что же касается знати, то он желал одержать над ней верх, поскольку предвидел долгие войны, необходимые для ее полного уничтожения или изгнания.

В связи с этим он принял собственный план, твердо придерживаясь своей цели - добиться признания своего нового титула "главы церкви" как в Ирландии, так и в Англии.

Кромвель начал свою работу с двух мер, которые с большим успехом были приняты в последней стране, но которым суждено было охватить братский остров из конца в конец и сделать "народ" со временем действительно единым. Эти меры были приняты парламентом: 1. 1. установление духовного верховенства короля; 2. немедленное уничтожение всех монастырей, существовавших в стране, и передача их имущества дворянам, готовым к отступничеству.

Необходимость созыва парламента была вызвана неудачей уже предпринятой первой попытки установить верховенство короля. Браун, преемник Аллена на Дублинском престоле, в душе лютеранин, был уполномочен королем и Кранмером, его освятителем, сразу же утвердить новую доктрину. О том, что ему не удалось добиться успеха, подробно рассказывается в письме к Кромвелю, которое сохранилось до наших дней и остается одним из самых гордых памятников стойкости ирландцев в своей религии.

Он жалуется, что не только духовенство, но и "простой народ" были "более ревностны в своей слепоте, чем святые и мученики в истине, в начале Евангелия", и "их враждебность к нему была такой, что его жизнь была в опасности".

И все это в Дублине, в самом сердце Палеи, где главным противником новой доктрины, "вождем народа" против этой первой попытки раскола был Кромер, архиепископ Армагский, сам англичанин! Таким образом, прелаты Англии, которые, за исключением благородного Фишера, без ропота подчинились воле Генриха, не могли найти последователей, даже из своей собственной нации, в Ирландии, настолько их вера укрепилась благодаря общению с "простым народом".

Поэтому потребовался парламент, и тот, который должен был стать инструментом введения великой английской меры, впервые собрался в Дублине 1 мая 1536 года; но, будучи пророчен, он собрался снова в 1537 году и завершил свою работу только после того, как был вновь созван в 1541 году, когда старый ирландский элемент был в первый и последний раз представлен на его заседании, чтобы, если возможно, освятить новую доктрину, торжественно приняв ее от старой расы.

Этот парламент, который был впервые созван в Дублине, по словам МакГеогана, "прерывался в Килкенни, затем в Кашеле, после в Лимерике и, наконец, снова в Дублине". Главной причиной этих перерывов была трудность заставить ирландский парламент, даже состоящий из англичан, как это было до 1541 года, принять декреты о верховенстве, отрицании римской власти и т.д., которые были так легко приняты в Англии.

Ирландские парламенты, насколько мы можем судить, состояли не только из лордов, духовных и мирских, и депутатов общин, но каждая епархия также имела право посылать туда трех церковных прокторов, которые в силу своей должности не владели ни бенефициями, ни феодами, а потому могли свободно голосовать, не опасаясь преследований и конфискаций, в соответствии со своей совестью и чувством права.

Эта особенность ирландских ассамблей, даже если в них не заседал ни один представитель коренной расы, была фатальным препятствием для успеха схемы, разработанной Брауном и осуществленной Кромвелем. Поэтому мы не удивляемся, когда узнаем, что в результате деспотичного акта, нередкого во времена правления Генриха VIII, прокторы были исключены из парламента, который таким образом стал послушным инструментом в руках правительства.

Таким образом, не только несколько государственных мер были проведены в соответствии с желанием короля, но и великая цель, предложенная собранием, была окончательно достигнута; и, уступая лидерство английскому парламенту, Генрих VIII и его преемники были утверждены в звании "Верховного главы церкви в Ирландии", с полномочиями реформировать и исправлять ошибки в религии. Все апелляции к Риму были запрещены, а власть папы объявлена узурпацией.

Однако Генрих, предвидя, что все эти излюбленные меры его политики, принятые английскими голосами в чисто английском собрании, хотя и на ирландской земле, встретят всеобщее сопротивление всех местных лордов, задумал созвать великих ирландских вождей на новое заседание парламента, от которого, как он ожидал, на острове произойдет нравственная революция. Сэр Энтони Сент-Легер, назначенный наместником в августе 1540 года, был признан подходящим человеком для столь деликатной миссии. Он выполнил ее с политическим благоразумием, то есть с разумным сочетанием доброты и мошенничества, которое превзошло все ожидания.

Чтобы подготовить почву для обмана ирландских вождей, их осыпали всевозможными милостями, а именно титулами и поместьями, в основном принадлежавшими упраздненным монастырям; и Сент-Легер, попеременно применяя силу и дипломатию, в конце концов добился того, что ирландцы согласились принять титулы. Кон О'Нил, глава дома Тайрон, отправился в Англию в сопровождении О'Кервеллана, епископа Ологерского, и был допущен к аудиенции у короля. По отношению к этим гордым ирландцам Генрих проводил политику, совершенно отличную от той, которую он использовал в отношении английских лордов. Одним он просто угрожал своим неудовольствием и феодальными наказаниями, которые он так хорошо умел применять; других принимал при дворе как фаворитов и дорогих друзей; королевская вежливость, любезные выражения, улыбающееся лицо - вот оружие, которое он использовал против "варварских ирландцев".

Тайрон, О'Доннел и другие не устояли перед его хитростью. Первый отказался от титула принца и славного имени О'Нил, чтобы получить взамен титул графа Тайрона. Манус О'Доннел стал графом Тирконнелом. Оба получили обратно земли, которые они предложили королю, и их примеру последовало множество низших лордов. Среди них два Магенисса были наречены рыцарями; Мурроу О'Брайен из Северного Мюнстера стал графом Томонда и

бароном Инчкина; де Бурго, или Мак-Вильямс, был создан графом Кланрикарда, и множество других подчинились подобным образом и получили новые титулы, которые отныне стали заметными в ирландской истории.

Так началось постепенное подавление кланов. Многие из этих дворян, к сожалению, не удовлетворившись тем, что получили обратно из рук короля земли, перешедшие к ним от давних предков и принадлежавшие на самом деле не им лично, а кланам, главами которых они были, с жадностью набросились на владения религиозных орденов, подавление которых стало первым следствием раскола в Ирландии, который вскоре займет наше внимание.

Ирландские вожди уже видели, как Вулси, кардинал, находившийся в полном общении с Римом, подавил сорок монастырей на острове. Поэтому они могли вообразить, что конфискация еще большего количества со стороны короля не является чем-то несовместимым с религией монарха, и что факт их участия в грабеже не противоречит их титулу католиков и подданных Рима. Такова человеческая совесть, когда она ослеплена корыстью.

Король считал, что одержал верх над дворянством, - а это было все, чего он желал, - и теперь можно провести последнюю сессию парламента 1536 года и последующих лет, чтобы освятить это нечестивое дело.

"12 июня 1541 года, - пишет мистер Хаверти, - в Дублине состоялся парламент, на котором впервые ирландские вожди заседали вместе с английскими лордами. О'Брайен явился туда в сопровождении своих прокуроров и адвокатов, а Кавана, О'Мор, О'Рейли, Мак-Вильямс и другие заняли свои места лично, причем речи спикера и лорда-канцлера переводились им на ирландский язык графом Ормондом. Единогласно был принят акт, наделяющий Генриха VIII и его преемников титулом короля Ирландии вместо титула лорда Ирландии, который до сих пор носили английские короли со времен Иоанна. Этот акт был встречен в Дублине с большим ликованием, и в следующее воскресенье лорды и джентльмены парламента отправились в процессии в собор Святого Патрика, где архиепископ Браун отслужил торжественную мессу, после чего закон был провозглашен и запето *Te Deum*".

Стоит отметить, что на сессии 1541 года, на которой присутствовали только ирландские вожди, ни слова не было сказано о верховенстве короля в *спиричуэлс*. Сэр Джеймс Уэйр, который излагает различные постановления с большей подробностью, чем обычно, не упоминает об этой любимой мере короля и лютеранского архиепископа Брауна, но она была лишь неотъемлемой частью парламента 1536 года, пророчествовавшего последовательно в Килкенни, Кашеле, Лимерике и, наконец, снова в Дублине. На первом заседании был принят закон о верховенстве и провозглашен законом Ирландии. На последующих сессиях, включая сессию 1541 года, о нем ничего не говорилось, и все же предполагалось, что ирландские вожди одобрили его, поскольку это была мера, ранее принятая в том же парламенте; а на последней сессии было открыто объявлено о подавлении различных аббатств и монастырей в результате верховенства короля - с Римом, разумеется, не советовались - все подписавшие последний указ должны были тем самым одобрить и принять предыдущие. Таким образом, О'Нил, О'Рейли, О'Мор и другие, сами того не осознавая, стали раскольниками, хотя многие из них, а может быть, и все, не видели связи между различными сессиями того долгого парламента. Конечно, если бы на выходе из Дублинского собора, где они слышали мессу архиепископа и ассистировали на торжественном *Te Deum*, им сказали, что этот акт призван освятить отказ от религии их предков и начало страшной революции, которая закончится уничтожением их

национального существования, почти самого их рода, они бы недоверчиво посмеялись над непрошеным пророком.

Но даже если, как мы вполне можем поверить, эти ирландские лорды действительно стали жертвами обмана и не были в целом развращены святотатственным даром подавленных монастырей, люди, их сородичи, движимые яркими впечатлениями и безошибочными инстинктами религиозной веры и патриотической национальности, которые всегда жили в их груди, возмутились слабостью своих вождей как национальным отступничеством и настоящим вероотступничеством и немедленно приняли меры, чтобы привести лордов в чувство и предотвратить распространение английского разврата.

Все, кто получил титулы от Генриха и передал ему документы на свои земли, как если бы эти земли принадлежали им лично, а не всем кланам вместе, все те, кто обогатился за счет разграбления религиозных домов и кто принял хоть какое-то участие в уничтожении столь дорогих ирландскому сердцу религиозных орденов, вскоре почувствовали возмущение, которое эти события вызвали среди коренных кланов, на севере и на юге. А тем из вождей, кто действительно был обманут и сохранил в душе сильную любовь к своей религии и стране, безошибочный голос "народа" напомнил об их ошибке и вернул к чувству долга.

В то время как дворяне еще находились в Англии, принимаемые Генрихом в его королевском дворце в Гринвиче, отказываясь от своих ирландских имен, чтобы стать английскими графами и баронами, вождь Ольстера, протестуя против того, что он никогда больше не примет имя О'Нил, а будет довольствоваться титулом графа Тайрона; в то время как О'Брайен был создан графом Томондом; Маквильямс, граф Кланрикард; О'Доннелл, граф Тирконнелл; Кавана, барон Баллианн; и Фицпатрик, барон Оссори; кланы дома, своевременно узнав об этих настоящих изменах, согласовывали планы, как заставить своих лордов раскаяться в слабости или предательстве, и как наказать их по возвращении.

О'Нил, "первый представитель своего рода, принявший английский титул", высадившись в Ирландии, узнал, что его народ низложил его и избрал вместо него его сына Джона Гордого, более известного как Шейн О'Нил; О'Доннелл по прибытии встретил большую часть своего клана, возглавляемую его сыном, с оружием в руках против него; новый граф Кланрикард уже был низложен своим народом и вместо него избран другой Мак-Вильямс с гэльским именем; и так же было с остальными.

Но, к сожалению, правительство Англии было достаточно сильным, чтобы поддерживать своих любимых вождей, и оно нашло несколько ирландских инструментов, готовых сформировать ядро ирландской партии в их пользу. Таким образом, решения кланов перестали быть единодушными; в каждом из них образовались две партии: одна национальная, объединяющая большую часть народа, настоящего, истинного народа; другая английская, состоящая из нескольких ирландцев-отступников, поддерживаемых властью Англии. Таким образом, отныне мы слышим об О'Рейли, о королевском О'Рейли и т.д.

Таким образом, Генрих VIII с помощью своего министра Сент-Легера, похоже, преуспел в разрушении кланов, после того как ирландское национальное правительство было разгромлено задолго до этого. Путаница в титулах, имуществе и традициях становилась еще более запутанной. Как могли шаначи, барды и брегоны больше не сходиться в своих родословных, песнях и правовых решениях? Англия рано начала проводить в Ирландии ту суровую и хладнокровную политику, которую столетия спустя она использовала для уничтожения туземных и магометанских династий в Индостане. Это еще не было *divide et*

impega в широком масштабе, но разделение было доведено до предела, насколько это было в силах Англии, до самых последних элементов социальной системы.

Поэтому с этого времени мы не должны удивляться тому, что Англия принимает в свое лоно недостойных сыновей Ирландии, которых она хотела сделать своими орудиями. В Дублине или Лондоне всегда имелся достаточный запас материалов, из которых можно было изготовить вождей короны; правительство сделало частью своей политики удержание в своих руках и подготовку для своих целей некоторых членов каждой из правящих семей - О'Нилов, О'Рейли, О'Доннеллов, О'Конноров и других.

Таким образом, возобладали уже не политика искоренения и уничтожения, а столь же фатальная по своим результатам политика, которая полностью уничтожила бы ирландское национальное чувство, чтобы установить на его месте не только английские нравы, язык и обычаи, но и английские расколы, ереси, философские спекуляции - как говорят Четыре Мастера - в конечном итоге, материализм и нигилизм.

Но в действительности, благодаря дальновидному здравому смыслу народа, эта затея почти полностью провалилась. Национальный дух возродился среди высших классов, как коренных, так и английских, благодаря решительной позиции, занятой низшими кланами.

Десмонды и Килдары на юге, О'Доннеллы, Магуайры и другие на севере вскоре проявили себя в новом духе пламенного католицизма; Создали, по сути, новую нацию, совершенно отдельную от клана, или, скорее, объединившуюся с ним, почти уничтожили английскую власть, держали Елизавету в постоянном волнении и страхе в течение всего ее правления, и добились бы восстановления своей независимости и обеспечения свободы вероисповедания, если бы их добродушие не было навязано лицемерием и безверием Стюартов, у которых они всегда искали свободы в отправлении своей религии, но никогда ее не получали.

Так народ, ирландская раса, помешала политике Генриха, стремившегося завладеть дворянством. Упорное сопротивление, которое они оказывали постоянно увеличивающейся английской власти, в конце концов достигло таких масштабов и стало настолько обескураживающим для их угнетателей, что старая политика полного истребления была возобновлена Кромвелем и партией оранжистов в следующем веке.

Отказ народа, то есть основной массы, подчиниться политике своих вождей и решимость отречься от нее, сместив ее сторонников и выбрав вместо них других, самым счастливым образом отразился на всей дальнейшей истории.

Вожди, приняв новые титулы, дарованные им английскими королями, заняв места в парламенте и согласившись с различными принятыми там мерами, подчинились иностранному правлению, отдали этому правлению земли племени, которые не в их силах были отдать сами, отказались, по сути, от своей национальности и стали английскими подданными. Действия кланменов отменили все фатальные последствия, вытекающие из этих действий. Они остались нацией, отличной от англичан, чьи законы они никогда не признавали и не принимали. И, поскольку под влиянием политики Англии дух кланов упал, он лишь освободил место для нового и более сильного духа - религиозного чувства, посягательства на узы общей религии, которая отныне лежала в основе всей борьбы, которая впервые в истории объединила в одно целое разрозненные кланы, придала им единство и последовательность, никогда не известные до тех пор, и таким образом родилась настоящая нация.

Поэтому они могли похвастаться не только тем, что не утратили своей автономии, но и тем, что были связаны друг с другом крепче, чем когда-либо; они могли заключать союзные договоры с иностранными державами, не совершая измены, и вскоре начали пользоваться этой властью; они могли даже объявлять войну против Англии, и это не было мятежом. Преемники Генриха VIII. постоянно вели себя так, как будто ирландский народ действительно подчинился английским королям и английскому правлению, как будто принятие нескольких титулов несколькими вождями (которые были свергнуты своим народом, как только этот факт стал известен) означало признание со стороны ирландского народа своего поглощения английской феодальной системой; Они пришли в "ужас", когда увидели, что преемники этих вождей отказались от этих титулов и вернули себе свои собственные имена; они называли ирландцев "мятежниками" и "предателями" за то, что те вступили в войну с Англией - страной, которую они никогда не признавали своим правителем, - и ввели в свою страну испанские, итальянские и французские войска в качестве союзников.

Объяснение всей этой загадки заключалось в том простом факте, что народ, нация, решительно отказались санкционировать действия своих лидеров; и все притязания английских королей, государственных деятелей и юристов оказались бесполезными. Те ирландцы, которые впоследствии вошли в различные Джеральдинские и Ольстерские конфедерации и призвали на помощь иностранные армии, не были ни мятежниками, ни предателями, а гражданами независимого государства, обладающими международными правами, как граждане любой независимой страны. В этом мы убедились в предыдущей главе, и сэр Джон Дэвис был вынужден признать эту истину, признав разницу между данниками и подданными.

Один взгляд показывает нам важность почти единодушного крика кланов Тайрона, Тирконнела и других частей Ирландии. Благодаря их патриотическому чувству англичанам ничего не оставалось, как наказать ирландцев за их решимость придерживаться своей религии и объявить им религиозную войну, хотя они все время называли их мятежниками и предателями. Таков взгляд беспристрастного историка на эти могущественные события.

Однако стоит внимательнее присмотреться к этому новому элементу, который впервые проявился в национальной жизни Ирландии, - народу, независимо от клана; народу, влияющему на лидеров и тем самым становящемуся живой, а может быть, и правящей силой в государстве. И чтобы никто из наших читателей не был убежден в том, что так оно и было на самом деле, мы упомянем здесь факт, который более ярко предстанет перед нами в следующей главе: в конце правления Елизаветы усилия всех ее огромных армий и ее мучительная политика по изменению религии страны привели к тому, что в общей сложности шестьдесят человек из благородного сословия перешли в протестантизм, и ни один из кланов не стал отступником!

Бриджит из Килдара не удивилась бы этому, судя по тому, что мы слышали от нее ранее.

Чтобы найти объяснение этому удивительному факту, мы должны сравнить ирландский народ с другими национальностями, и тогда мы сможем легко выделить его особенности, такие стойкие, такие выносливые, можно сказать, несокрушимые. Мы обнаружим, что каким этот народ был триста лет назад, таким он остается и по сей день, обладая большим единством чувств, преданностью принципам и более высокими целями, чем любой другой народ современности.

В древности народ, в христианском понимании этого слова, никогда не появлялся на поле истории. В деспотических странах Азии и Африки о нем не было и не могло быть и речи; это

была инертная масса, которую деспот использовал по своему усмотрению. Финикийские государства, и в особенности Карфаген, были простыми олигархиями, главной целью которых была торговля, а рабы служили для торговых или военных целей. В республиках Греции и Италии правила аристократия, а когда после столетий кровавой борьбы и революций подданные Рима наконец получили права гражданства, внезапно возник деспотизм империи, подавляющий и плебеев, и патрициев.

Всякий раз, когда в тех древних государствах мы видим, как низшие классы, не в силах больше нести наложенное на них тяжкое иго, восстают против ставшего невыносимым деспотизма и требуют соблюдения своих естественных прав, это был лишь всплеск волн, поднятых на высоту гор яростью внезапной бури, но вскоре утихших и усмирённых непреклонной волей суровых правителей. Народ был просто толпой, чье насилие, когда оно достигало успеха, несло с собой разрушения; и, хотя он, казалось бы, полон страшной силы, которой ничто не может противостоять, его власть длится очень недолго. Если бы она только могла пережить уничтожение всех высших правителей, она закончила бы тем, что уничтожила бы саму себя.

Если мы хотим встретиться с народом, таким, каким мы его себе представляем в соответствии с нашими христианскими представлениями, мы должны спуститься в тот период времени, который последовал сразу за организацией христианства, а именно в столь избитое средневековье. Феодализм, правда, долгое время выдерживал экспансию, сохранял остатки рабства, которые он нашел в Европе при ее зарождении, или в лучшем случае изобрел крепостное право как несколько более мягкую замену прежней деградации человека. Но феодализм сам по себе был недостаточно силен, чтобы предотвратить естественные последствия энергичного христианства, которое в то время преобладало; и короли, герцоги и феодальные епископы были вынуждены давать хартии, которые гарантировали свободу подданных. Тогда и появился народ, сначала в городах, потом в деревне, где, однако, крестьянам еще долго приходилось тащить на себе цепи светского крепостного права.

Так народ жил в Испании, где он веками доблестно сражался под началом своих господ против Полумесяца, так что в некоторых провинциях все классы были облагорожены, и не было ни одного плебея, что означает, что вся масса горожан составляла народ. Так народ рано возник в Италии, где каждый город почти стал центром свободы и деятельности, несмотря на раздоры и постоянные междоусобицы. Так народ жил во Франции, где ученые мужи католических университетов с точностью определяли пределы королевской власти, а вспышка крестовых походов объединила все классы для борьбы за Христа, образовав единое тело, одинаково вовлеченное в святое дело. Так, наконец, народ жил своей жизнью даже в Германии и Англии, где настоящая свобода, хотя и зародилась позднее, впоследствии все же укоренилась в общественной жизни.

Во всех этих странах он назывался *populus Christianus*; у него были свои ассоциации, свои гильдии, свои христианские обычаи, свои привилегии, свои права. Его существование было признано законом, и повсюду он имел либо христианские кодексы, либо, по крайней мере, местные обычаи для своих гарантий. Постепенно оно выросло в огромную силу и получило название "Третье сословие", стоящее сразу после духовенства и дворянства. Его члены знали и уважали градации социальной иерархии, существовавшие в то время. Монархи большинства стран, в первую очередь Франции, вставали на его сторону, когда дворяне пытались его притеснить, а его депутаты были услышаны в парламентах различных стран христианства.

Сколько миллионов людей счастливо жили в течение нескольких столетий под властью этих великих институтов средневековья! И если представители народа в то время редко могли подняться над своим порядком, разве что через церковь, то эта досадная неспособность часто предотвращала опасные и подрывные амбиции и, таким образом, была действительно источником и причиной всеобщего счастья. Правительства в тот период существовали тысячелетиями; люди могли рассчитывать на стабильность положения вещей, а великие предприятия могли быть предприняты и доведены до успешного конца.

Но во всей Европе, за исключением Ирландии, народу приходилось бороться с феодальной властью, и только очень постепенно, шаг за шагом, он мог вступить в свои права. В Ирландии, как мы видели, феодализм не успел пустить корни, так что кланмены, представлявшие там то же, что и народ в других странах, никогда не подвергавшиеся рабству или крепостному праву, обладали всеми свободами, на которые может претендовать обычный класс людей. Они всегда вносили свою лепту в дела собственной территории, хотя бы тем, что охотно помогали своим вождям, главным образом во время датских войн, а затем на протяжении четырехсот лет борьбы с англо-норманнами. Люди были настоящими завоевателями под руководством своих вождей, и вечное пользование их любимыми обычаями было привилегией как самых ничтожных из них, так и самых гордых из их знати. Они и сами прекрасно понимали это, и не меньше, чем главам кланов, приписывали себе преимущества, которые получили.

Поэтому, когда поведение их вождя не соответствовало тому, что кланники считали правильным, они были готовы выразить свое неодобрение его действиями, сместив его и передав свою верность на службу выбранному ими человеку.

Но хотя такой образ действий характерен для всего периода их истории, особенно с момента принятия ими христианства и до того момента, когда удары религиозных гонений превратили их в единый народ, они были разделены и часто воевали между собой. Но не успела работа извращения дать о себе знать в их среде, как мы видим, что кланы проявляют единство чувств по многим вопросам, которое никогда не отличало их прежде. Так что отныне разрозненные кланы постепенно стали сливаться в ирландцев.

Это единство чувств проявилось, прежде всего, в глубокой любви к своей религии, которая сразу же стала всеобщей и всепроникающей. Эта любовь, несомненно, существовала и раньше, так как вряд ли она могла возникнуть и разрастись до таких масштабов сразу; но как удар молотка высекает искру, так и сила противостояния разжигала пламя и заставляла его вырываться наружу. С первого же удара оно проявилось по всему острову, и таким образом народ раз и навсегда стал единым.

Это единство чувств проявилось и в горячей любви к своей стране в отличие от особой местности, где проживает племя. Так возник истинный братский союз со всеми своими соотечественниками, в каком бы округе или городе они ни жили. Старый антагонизм между семьей и родом проявлялся лишь в редкие и неосторожные моменты, но в целом каждый хватался за руку другого только как католик и ирландец.

Это явно объясняется их религией. Католицизм не знает места; само его название противоречит ограничениям такого рода. Если бы оно могло осуществить свою цель, заложенную его Божественным основателем, оно сделало бы единым целым все народы; и в определенной степени оно выполнило эту задачу. Различия характеров, которые глубоко запечатлены в природе разных ветвей человеческой семьи, действительно, никогда не стираются ею полностью; но эти различия исчезают, если преклонить колени перед одним алтарем и принять одни и те же таинства. Католическая религия - единственная, которая

является, когда-либо была и должна претендовать на универсальность; религии древности были чисто местными.

Со времени пришествия нашего Господа ни одна ересь, ни один раскол никогда не претендовал на реальность католического существования, и если это слово самостоятельно применяется некоторыми сектами, мир смеется над ним как над бессмысленной вещью. Только Католическая Церковь действительно претендует на такой характер и обладает им.

Но если из всех людей она составляет единую семью в духовных вопросах, то какое единоплемянное чувство она не должна создавать в едином народе, действительно проникнутом ее духом, который подвергается нападкам ради нее? До правления Генриха VIII ирландцы в своей борьбе с Англией не могли призвать на помощь ни одной религиозной мысли, поскольку Англия тоже была католической, и норманнская знать, обосновавшаяся среди них, придерживалась того же календаря, имела те же церкви, то же вероучение, те же таинства. Но как только на английскую власть легла печать ереси, противостояние этой власти приобрело религиозный аспект и уже не ограничивалось кланами, на которые сразу же было совершено нападение, а распространилось на всю нацию.

Если свести дело к какому-то конкретному пункту, чтобы яснее представить смысл, то священник или монах, на которого объявили охоту, больше не был уверен в убежище в своем округе и среди людей только своего сословия, но его одинаково приветствовали в замке вожда или в крестьянской хижине по всей стране. Любому ирландцу, подвергнутому штрафу, тюремному заключению или пыткам за свою религию, не находил сочувствия только в кругу своих друзей или знакомых, но, даже если его судили и преследовали в каком-нибудь уголке острова, вдали от родного дома, он мог рассчитывать на сочувствие стольких друзей, сколько было ирландских католиков, которые были свидетелями его страданий. Такое положение вещей, конечно, было неизвестно ранее.

Религия, когда она глубока, является самым сильным чувством человеческого сердца и наделяет народ, проникнутый ею, непобедимой силой. Чтобы судить об интенсивности религиозного чувства у ирландцев, следует помнить, что оно было единственным наследием, оставшимся им после того, как все остальное было отнято, и, хотя оно было особым объектом нападения, они должны были лишиться один за другим своих старых обычаев, своих собственных вождей, их учебных и молитвенных домов, их религиозных и светских учителей, даже возможности дать образование своим детям, права не только владеть своей землей, но даже возделывать несколько акров ее, даже самого языка, словом, всего того, что делает страну дорогой для человека. Им суждено было на века остаться изгоями и чужаками на родной земле; ничтожными и невежественными нищими, без малейшей возможности подняться по социальной лестнице.

Лишь одно они сохранили в своих сердцах - свою веру, хотя и лишенную всех внешних обстоятельств, украшающих ее, и сведенную к самым простым элементам. Но, по крайней мере, это была их религия, чтобы лишить их которой, все богатства, ресурсы, армии, законы могущественной нации должны были быть напряжены до предела в течение долгих веков. Как же они могли не любить и не лелеять ее, не цепляться за нее, как за неоценимое сокровище, единственное настоящее, которым они могли обладать на земле, где все остальное проходит?

Итак, здесь, всегда предполагая первостепенное влияние благодати Божьей, кроется секрет той несокрушимой силы и неутомимой энергии, которую проявляли ирландцы, начиная с

середины XVI века, и мы можем оценить ценность того единства, которое обеспечили им одни лишь гонения.

К любви к религии, лежавшей в основе этого единства, вскоре добавилась любовь к стране, причем под любовью к стране мы понимаем любовь ко всему острову, а не только к конкретному септу, к которому принадлежал человек, или к месту, в котором ему довелось родиться. До сих пор народ и вожди были так разобщены, что Англия могла напасть на один септ, не опасаясь восстания других, а зачастую и получала помощь от враждебного клана. Англо-норманны так основательно переняли местные нравы, что Килдары часто враждовали с Десмондами, хотя оба принадлежали к одному и тому же джеральдинскому роду; а Ормонды поддерживали постоянную вражду с обеими джеральдинскими ветвями. Когда Генрих VIII почти уничтожил Килдаров, мы не видим, чтобы Десмонды сначала почувствовали свою потерю; возможно, они даже радовались этому.

То же самое было и с местными жителями, особенно с О'Нилами и О'Доннеллами на севере. Казалось, что весь остров и его общие интересы никого не волнуют, настолько они были поглощены делами своей собственной местности. И такое положение вещей существовало с самого начала, даже среди святых людей. Песни Колумбы, Кормака Маккаллинанна, даже древних фенийских героев - все они воспевали победы одного септа над другим или красоты какого-то одного места на острове, предпочитая их всем остальным.

Этот дух клановости был настолько распространен даже в начале религиозных смут, что Генрих VIII и Елизавета после него добивались успеха, направляя свои атаки на определенные места, так как были уверены, что другие районы не придут на помощь.

Чувство национальности, то, что мы называем патриотизмом, долго боролось в муках рождения, прежде чем появиться на свет, и только во второй половине правления Елизаветы были созданы конфедерации, включавшие в себя всю страну и призывавшие даже иностранную помощь.

Но это чувство стало проявляться, как только религия подверглась нападкам; поэтому мы называем эту эпоху истинным рождением народа.

И поскольку мы имеем дело главным образом с народом, мы должны отметить, что он постепенно перестал обращать внимание на свои мелкие ссоры и местные предрассудки, теряя своих вождей; он начал искать лидеров среди себя, и, поняв наконец, что весь остров находится под угрозой захватнической политики Англии, он должен был бороться за весь остров, а не за какой-то отдельный район.

Тогда впервые Ирландия стала для них реальностью, существующей личностью, покинутой королевой, плачущей о судьбе своих детей, голосом убитой матери призывающей на помощь тех, кто остался в живых, и достойной, благодаря своей красоте и несчастьям, их самых героических и бескорыстных усилий.

Религиозное чувство, таким образом, впервые сделало ирландцев нацией и придало им то единство мысли, которое они демонстрируют сейчас повсюду, даже в самых отдаленных уголках земного шара, где бы они ни выбрали место своего изгнания. И если среди них еще сохранилось что-то от прежнего пристрастия к месту, где они впервые увидели свет, то другие части Эрина, по крайней мере, охвачены их глубокой любовью, и они готовы пролить свою кровь за свою страну, независимо от предрассудков места.

Таким образом, они наконец-то полюбили друг друга так, как никогда не любили люди другой нации. Чтобы понять это, мы должны помнить, что на протяжении многих веков они, как

народ, были угнетены и находились в рабстве у суровой и могущественной нации. Им приходилось поочередно защищаться от самых открытых и самых коварных нападений. Лишенные во многих случаях всех средств защиты, они не имели ничего, кроме своей религии и поддержки, которую они могли оказать друг другу.

Если бы мы могли хоть немного вообразить себя на их месте, понять их язык, когда они встречались друг с другом в своих хижинах, в болотах и трясинах, в горах и на пустынных болотах, если бы мы могли проникнуть в их чувства и увидеть работу их разума, мы могли бы получить слабое представление о той привязанности, которую они должны были чувствовать к братьям, ведущим смертельную борьбу с теми же врагами и сражающимся в кажущейся бесконечной и безнадежной борьбе с теми же ужасными шансами. Союз, привязанность, преданность - слишком слабые слова, чтобы использовать их здесь.

По этой же причине ирландский народ отмечен особенностями, которые мы не находим ни у кого другого. В древности, как мы уже говорили, народ никогда не мог стать чем-то большим, чем толпа; в наше время это также часто случалось. С ирландцами такого нет и быть не может. Их цель всегда была слишком возвышенной, их борьба - слишком долгой, их мораль - слишком искренней и чистой. Ведь их целью всегда было спасение своей страны; их борьба длилась почти триста лет; их мораль всегда определялась самой сладкой религией. Крайние случаи угнетения, подобные их, могли иногда порождать вспышки насилия, неизбежные в человеческом отчаянии; но в целом, к их чести, можно безбоязненно сказать, что они почти всегда сохраняли должное уважение к социальной иерархии и всем видам прав. Многие из них скорее умерли от голода, чем прикоснулись к имуществу богатого и враждебного соседа. Где еще мы можем найти такой пример?

В это объединение людей, к которому привели религиозные гонения, входили не только выходцы из старой расы, но и сами англо-ирландцы, которых постепенно привели к единодушию чувств, которого они никогда не знали, хотя ранее переняли ирландские манеры, - единодушию, которое лютеранский архиепископ Браун предвидел и открыто осуждал заранее. Это был человек, который невольно свидетельствовал ирландцам, что "простые люди этого острова более ревностны в своей слепоте, чем святые и мученики в истине в начале Евангелия"; тот же Джордж Браун из Дублина первым понял, что религиозный вопрос начал, еще при Генрихе VIII, объединять коренных ирландцев и потомков последователей Стронгбоу, до того времени жестоко враждовавших друг с другом.

В письме, датированном "Дублин, май, 1538 год", лорду-тайному советнику он сказал: "Замечено, что с тех пор, как предки его высочества владели этой страной, старые туземцы жаждали, чтобы иностранные державы оказали им помощь и возвысили их; а теперь и англичане, и ирландцы начинают противиться приказам вашей светлости" (о верховенстве), "и откладывают свои старые национальные распри, которые, боюсь, если что и заставит иностранца вторгнуться в эту страну, так это он".

Этот человек, совершенно мирской и безверный, проявил в этом острую политическую прозорливость, намного превосходящую прозорливость обычных советников английского короля. Он открыто предсказал то, что на самом деле произошло лишь к середине царствования Елизаветы, и то, что должны были завершить ужасы Кромвелевских войн - полное слияние ирландских и англо-нормандских католиков, оба переселенные в Коннаут, погибающие под мечом солдата, веревкой палача или умирающие от голода в недрах своих гор - навеки соединенные в узах мученичества.

"Рождение ирландского народа" должно было быть обеспечено еще одной мерой английского правительства - подавлением религиозных домов. В заключение мы должны остановиться на этом.

В анналах Четырех магистров под 1537 годом мы читаем: "В Англии вспыхнула ересь и новое заблуждение, явившиеся следствием гордыни, тщеславия, скупости, чувственных желаний и распространенности различных научных и философских спекуляций, так что народ Англии перешел в оппозицию к папе и Риму.

"В то же время они придерживались самых разных мнений; и, приняв старый закон Моисея, по примеру еврейского народа, они присвоили королю титул главы Церкви Божьей на время его правления. Они разорили те ордена, которым разрешалось иметь мирское имущество, а именно: монахов, каноников, монахинь, братьев Креста и т. д.... Они врывались в монастыри, продавали их крыши и колокола; так что не было ни одного монастыря от Аррана Святых до Иккийского моря, который не был бы разорен и рассеян, за исключением лишь нескольких в Ирландии".

А под 1540 годом они заявляют: "Англичане во всех местах Ирландии, где они устанавливали свою власть, преследовали и изгоняли девять религиозных орденов, и особенно они разрушили монастырь Монаган, обезглавили опекуна и нескольких монахов".

Можно добавить, что при восстановлении старой веры при королеве Марии, в Ирландии не нужно было восстанавливать ничего, кроме монастырей. Эти учреждения почти без исключения были безжалостно уничтожены.

В наших предыдущих рассуждениях мы не говорили ни о каких других религиозных домах в Ирландии, кроме тех, что принадлежали старому колумбийскому ордену монахов, как его называли, который вырос в этой стране и носил так много признаков ирландской специфики. Так продолжалось до тех пор, пока связи с Римом не стали более частыми, и различные ордена, основанные на Западе, были последовательно введены в Ирландии. Мы не ставим перед собой задачу написать историю монашества, а потому не собираемся вдаваться в подробности этого вопроса, как бы интересны они ни были. Но мы можем добавить, что постепенно старые монастыри - в основном со времен норманнского нашествия - и новые, которые были основаны, перешли под управление различных конгрегаций, признанных Святым Престолом. Похоже, что монастыри, основанные самим святым Колумбой, впоследствии подчинились правилу святого Бенедикта, а остальные, в большинстве своем, - правилу регулярных каноников святого Августина; но точная эпоха этих изменений неизвестна. Однако несомненно, что бенедиктинцы, цистерцианцы и бернардинцы были введены в страну очень рано, вместе с четырьмя меникантискими орденами - францисканцами, доминиканцами, кармелитами и августинцами.

Предлог для их уничтожения в Англии, конечно, был тот же, что и во всех других странах Европы, - необходимость реформации; но не похоже, что даже этот предлог был выдвинут в случае с ирландскими монастырями. Дело в том, что на эти нержавеющие заведения на Острове Святых не могло пасть и дыхание подозрения. В представлении местных жителей само их название всегда было синонимом святости и всех христианских добродетелей, и поэтому они продолжали пользоваться самой беспредельной популярностью. Тот факт, что английское правительство выбрало их в качестве особого объекта нападения, сам по себе

достаточен для того, чтобы защитить их характер от любого поношения. Две меры были сочтены необходимыми и достаточными для того, чтобы оторвать Ирландию от верности Святому Престолу и ввести в страну раскол, если не ересь. Одной из них, и, безусловно, самой действенной, считалось уничтожение женских монастырей для обоих полов. Это, как мы утверждаем, является достаточным извинением для их обитательниц.

Но этих общих рассуждений недостаточно для нашей цели, которая заключается в том, чтобы очертить и выявить истинный характер нации. Поэтому уместно дать представление о том, в какой степени преобладало монашеское влияние, и о характере людей, которые лелеяли, любили и принимали его во все времена.

Можно сказать, что христианская церковь, основанная на острове святым Патриком, опиралась в основном на религиозные ордена. Во многих случаях настоятели монастырей были выше епископов, и, как правило, иерархия Церкви была как бы подчинена монастырским учреждениям.¹ (1 См. "Монахи Запада" Монталембера: Bollandists, Oct.", tome xii., p. 888.) В то время, о котором мы говорим, такого уже не было, но существовавшее ранее состояние взаимного подчинения аббатов и епископов в течение нескольких веков в Ирландии оставило глубокие следы в характере учреждений и самого народа. Можно сказать, что в сознании ирландца существование христианства почти предполагало наличие многочисленных монастырей и религиозных домов. И эту их идею вряд ли можно назвать ошибочной, они не преувеличивали значение религиозных орденов, поскольку их оценка была не выше, чем оценка самого Христа и его Церкви.

Если справедливо было сказано, что французская монархия была установлена епископами, то с такой же справедливостью можно утверждать, что ирландский народ был воспитан, более того, создан монахами. Монахи заняли место, оставленное друидами, и таким образом стали для христиан тем, чем другие были для язычников-ирландцев. В течение длительного периода ирландские монахи составляли очень значительную часть населения. В их теле были сосредоточены дары науки, искусства, святости, даже чудеса, которым нет числа, если только не предположить, что агиография острова была доверена заботам идиотов, неспособных установить текущие факты. Огромная литература острова, превосходящая по объему литературу любой другой христианской страны того времени, была либо продуктом монашеского ума и образованности, либо, по крайней мере, была переведена и сохранена монахами. Одаренный Юджин О'Карри мог бы заполнить несколько страниц своего великого труда названиями книг, которые, как известно, вышли из ирландских монастырей, но от которых сохранилось лишь несколько фрагментов; и ни один здравомыслящий человек, прочитавший его книгу, не сможет презреть заведения, которые могли бы дать столько доказательств фантазии, интеллекта и эрудиции. Разрозненные фрагменты этой богатой литературы, избежавшие ярости скандинавов, невежества и хищности ранних англо-норманнов, слепого фанатизма пуритан, еще в XVII веке могли послужить материалом для огромных компиляций четырех мастеров - Уорда, Уоддинга, Линча и Колгана.

То, что мы здесь изложили, - простая, неприукрашенная правда; однако только вчера этот вопрос начали по-настоящему изучать.

Но главное, что заслуживает нашего внимания, - это то, что монастыри были не только средоточием знаний и литературы в Ирландии, но и представляли собой все то ценное, чем обладала нация. Поскольку они были повсюду, на острове не было места для многого другого. Уберите их, и страна превратится в пустое место. Это так хорошо устраивало коварных советников Генриха VIII и Елизаветы, что они настояли на уничтожении монастырей и направили все свои усилия на осуществление своей цели.

Феодализм потерпел неудачу в своем стремлении покрыть страну замками; родная королевская власть и низшие вождества, находясь в постоянных распрях друг с другом и с общим врагом, не смогли обогатить страну памятниками искусства и богатыми дворцами; только церковь добилась всего, что было сделано таким образом, и в церкви долгое время преобладающее влияние имели монахи, а не епископы. Поэтому можно с уверенностью сказать, что Ирландия была по сути своей монашеской страной, больше, чем любая другая страна христианства.

Этот факт объясняет, как получилось, что монастырские институты не могли быть разрушены. Стены монастырей могли быть разрушены, более ценные постройки могли быть превращены в жилье для новой протестантской аристократии, их имущество могло пойти на обогащение выскочек и на жадность алчных завоевателей, но сам институт не мог погибнуть.

Правда, во всех католических странах дело обстоит именно так; но в отношении Ирландии разница велика. Во всех странах религиозные учреждения часто становились объектом антихристианской ярости и гнева. Их часто разрушали, и казалось, что они полностью исчезли, когда мир удивлялся их быстрому воскрешению. Дело в том, что Церковь нуждается в них, и практика евангельских советов должна всегда находиться в состоянии активного действия на земле, поскольку благодать Божья всегда вдохновляет ею множество избранных душ. Бог - источник; следовательно, поток должен течь, поскольку источник жизни вечен и вечно бегущий.

Но и в других странах, помимо рассматриваемой нами, религиозные дома и институты иногда фактически искоренялись, по крайней мере на время. Когда французское Учредительное собрание одним из своих разрушительных декретов закрыло эти учреждения по всей Франции, те из них, которые по своей распущенности заслуживали смерти, сразу же прекратили свое существование и выпустили своих воспитанников, чтобы пополнить ряды развращенного общества и добавить религиозную деградацию к безнравственной грязи мира. Те религиозные дома, в стенах которых не переставал обитать дух Божий, действительно были закрыты и опустели; но их обитатели пытались вести религиозную жизнь в каком-нибудь неизвестном и безвестном месте, пока безумие Конвента и последовавшее за ним царствование террора не сделали продолжение святых занятий какой-либо общины абсолютно невозможным. Но запомните это: святые цели монахов и монахинь не нашли отклика в народе, и, оказавшись почти полностью отвергнутыми неверующим народом, не имея ни одного пристанища на всей территории страны, внезапное и полное прекращение религиозной аскетической жизни в некогда самой католической стране Европы стало результатом.

То же самое может вскоре произойти в наши дни в Италии и Испании, пока лучшие времена не вернутся в эти ныне смятенные страны, и крайности зла не вернут их к чему-то из их первобытной веры.

Но не так в Ирландии: общины могли продолжать существовать, даже оказавшись вне дома, потому что они были нужны народу и могли предоставить ему убежище и покой в самые тяжелые периоды гонений. И этот великий факт взаимной любви между монахами, священниками и народом в немалой степени способствовал тому всеобщему единению, которое отныне стало характерной чертой народа, доселе разделенного на враждебные кланы. Вероятно, ничто так не способствовало рождению нации, как глубокая привязанность, существовавшая между ирландцами и их религиозными орденами. Последние всегда проповедовали мир и часто примиряли врагов, а также приводили разъяренных людей к практике христианского милосердия и терпения.

Мы видели примеры этого, когда кланы были очень сильны и вожди не думали ни о чем, кроме как о "добыче", как они это называли, заставляя своих врагов давать "заложников" и опустошая территории враждебных кланов. Тогда голос монаха стал слышен посреди борющихся страстей, и они часто совершали настоящие чудеса, превращая в агнцев людей, похожих на рыкающих львов или пожирающих волков; но их действие стало гораздо более эффективным, когда у людей не осталось ничего, кроме их религии и "монахов". Они, правда, больше не могли жить в стенах своих монастырей, но от этого их жизнь становилась более единой с жизнью народа.

Иногда они находили убежище в больших гостеприимных домах местной знати, где во время правления Генриха VIII и Елизаветы почти независимая власть вождей все еще могла оказать им помощь. Иногда и более скромное жилище фермера или крестьянина предоставляло им надежное убежище, где они могли практиковать свое служение почти в полной свободе, благодаря надежной и неприкосновенной тайне соседей и жильцов. На большом расстоянии вокруг католики знали об их местопребывании, часто посещали их, даже без опасности, что этот факт станет известен шпионам и доносчикам. И это, естественно, открывает перед нами новую черту ирландского характера.

Их натура, которая во всех других вопросах была столь экспансивной и страстной, что хранить тайну было для них невозможным подвигом, обретала другой характер, когда опасность для их религии или ее служителей требовала от них наложить печать на уста. В течение многих лет большое количество священников и верующих могли не только существовать, но и передвигаться и работать среди них, и при этом их местопребывание не становилось известным стаям врагов, которые их окружали. Нация была приучена к благоразумию и осмотрительности веками угнетения и тирании. Многие факты такого рода известны и занесены в мрачные анналы тех времен; но сколько их еще будет неизвестно никогда!

Так, в 1588 году, в худшую часть царствования Елизаветы, "Джон О'Маллой, Корнелиус Догерти и Вальфрид Фераль, члены ордена Святого Франциска, окончательно пали жертвами злобы еретиков. В течение восьми лет они несли религиозные утешения по всем горным районам Лейнстера. Многие семьи из Карлоу, Уиклоу и Уэксфорда были вынуждены укрыться в горах от ярости английских войск. Добрые францисканцы участвовали во всех их опасностях, переходя по ночам с места на место; они посещали больных, утешали умирающих и приобщали всех к святым тайнам. Часто твердый камень был их единственной постелью; но они охотно принимали наготу, голод и холод, чтобы утешить своих страдающих братьев". - (Moran's Archbishops of Dublin.)

В этих нескольких словах мы имеем представление о горном монастыре. За эти восемь лет сколько ирландцев получили утешение и успокоение от этих немногих тружеников, которые, изгнанные из своего святого дома, решили жить в пустыне и исполнять свое правило среди странствующих людей трех больших графств, получая взамен содержание, любовь и тайную любовь своей паствы! Нам остается только представить себе эту или подобную сцену, повторяющуюся в каждом уголке страны, и тогда мы легко поймем, как ирландский народ пришел к единодушному решению стоять друг за друга, и как из состояния полного разделения, которое ранее преобладало, начали формироваться элементы компактного, твердого и нерушимого тела.

Мы приписываем это "рождение нации" Генриху VIII, потому что изменение, которое он попытался внести в религию острова, стало поводом и причиной его возникновения; и хотя его правление никогда не было свидетелем того совершенного объединения народа,

которое произошло позже, тем не менее, верно, что тогда оно, несомненно, началось, и его источником была попытка установить свое духовное господство в Ирландии.

Это чувство единения и силы в любви продолжало расти и проявлялось все больше и больше в течение двух последующих столетий, когда в самых отдаленных уголках острова разыгрывалось множество сцен, подобных описанной. Бог, по своей милости, снабдил его множеством высоких труднодоступных гор, пути к которым были известны только туземцам. В этих укрытиях святые мужи, изгнанные из своих жилищ и церквей, могли спокойно отдыхать и заниматься своими делами. Они даже могли набирать свои потрепанные силы, принимать послушников и обучать их; таким образом, их правило продолжало соблюдаться, а их существование как тела затянулось надолго после того, как их враги вообразили, что они окончательно погибли. Как только восстановилась тишина, когда гонения стихли, и им дали передышку, чтобы они могли с некоторой безопасностью проявлять себя более открыто, они посетили свои старые обители, часто находили некоторые части руин, которые допускали ремонт, и снова поселились в безопасности там, где их предшественники жили веками.

Крестьянская хижина также часто давала им приют; какой-нибудь одинокий фермерский дом на берегу озера или у глубокого болота принимал название их монастыря; какой-нибудь краног в озере или сухое место в толще болота, куда они могли добраться известными только им тропами, были их убежищем во времена чрезвычайной опасности. В обычное время их монастырем становился фермерский дом, которому они дали название своего утраченного монастыря. Именно здесь братья О'Клири и их спутники жили долгие годы, редактируя труды "Четырех мастеров", пока, наконец, им не удалось опубликовать свои необыкновенные "Анналы". Рукописи, которые, несмотря на яростные гонения и "уголовные законы", они обошли весь остров, чтобы собрать, были сохранены с благоговейной заботой в бедной ирландской хижине. Литературные сокровища, которые с тех пор, к сожалению, погибли, но которые они на время спасли от врагов и которые они увековечили, напечатав их, заполнили бедные прессы и старую мебель их убежища, и, исключительно благодаря дружеской помощи тех, кто дал им приют, они смогли обогатить мир своим чудесным сборником.

Из горы и хижины на берегу реки монахам иногда разрешалось перебираться в свои прежние жилища, рискуя, однако, свободой и жизнью. То, что их предки делали во время скандинавских нашествий, когда монастыри так часто разрушались и отстраивались заново, то же самое делали монахи XVI и XVII веков во многих частях острова.

Так, отец Муни, францисканец, рассказывает, что его монастырь - Мультифарнхем - был полностью разрушен сэром Фрэнсисом Шином, а многие монахи убиты, но он с несколькими другими после долгих и необычных приключений вернулся на место, покинутое врагом, и "перед праздником Рождества Господа нашего мы построили небольшой дом на месте монастыря, и там мы поселились, кто остался после бегства...". После этого отец Нехемиас Грегган, отец-хранитель, начал строить церковь и ремонтировать монастырь, для чего заготовил много леса на территории Деабхны Маклохлейн; и когда они покрыли крышей часовню и некоторые другие здания, пришли солдаты другого сэра Фрэнсиса Рингтия, и снова сожгли монастырь, а часть братии унесли в плен в Дублин."

Монастырь Мультифарнхем был возведен в третий раз, и, по сути, оставался во владении францисканцев на протяжении всех гонений, так что до сих пор старая церковь восстановлена ими, а современный дом, который сейчас составляет их монастырь, построен на месте старого монастыря.

Так же долгое время обстояло дело и со многими другими религиозными учреждениями; тот же отец Муни, писавший в 1624 году, говорит: "Когда королева Елизавета стремилась

заставить всю Ирландию отпасть от католической веры и был принят закон, запрещающий всех членов религиозных орденов и отдающий их монастыри и имущество в казну, а все остальные обратились в бегство или, по крайней мере, покинули свои дома и, ради безопасности, жили уединенно и поодиночке среди своих друзей, не принимая послушников, только орден св. Франциска оставался, как бы, непоколебимым. Ибо, хотя из некоторых монастырей их насильно изгоняли в большие города, а сами монастыри превращали в жилища для светских людей, и некоторые из отцов подвергались насилию и даже смерти; Однако в деревне и других отдаленных местах они всегда оставались в монастырях, совершая богослужение по обычаю религиозных, их проповедники проповедовали народу и выполняли другие свои обязанности, обучали послушников и сохраняли монастырские здания, считая грехом отказ от своей религиозной привычки или даже ее сокрытие, хотя бы на час, из-за любого человеческого страха. И раз в три года они проводили свои регулярные провинциальные соборы в окрестных лесах, соблюдая правило, как это принято в провинциях, находящихся в мире".

Таким образом, когда начались гонения Кромвеля, религиозные ордена снова процветали в Ирландии. Они добились от Стюартов некоторых послаблений в исполнении законов, и, поскольку все в то время сражалось на стороне Карла I против парламентариев, вполне естественно, что власти не проводили варварские законы на острове в полном объеме.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1641 году, более чем через сто лет после указа Генриха VIII, францисканский орден все еще имел в Ирландии шестьдесят два процветающих дома, каждый с многочисленной общиной, а также десять женских монастырей ордена Святого Клера. В актах генерального капитула доминиканцев, состоявшегося в Риме в 1656 году и относящегося к тому же преследованию Кромвеля, говорится, что на момент его начала в Ирландии было сорок три монастыря этого ордена, в которых проживало около шестисот воспитанниц, из которых только четвертая часть пережила это бедствие. Иезуитов в 1641 году было восемьдесят человек, из которых после окончания бури осталось только семнадцать. Из петиции, поданной в Священную конгрегацию в 1654 году, мы узнаем, что все капуцины были изгнаны, за исключением нескольких человек, оставшихся на острове, где они жили как "пастухи", "скотоводы" или "землепашцы".

Все постановления парламентов Генриха VIII и Елизаветы не смогли за столетие уничтожить монашество; казалось, это сделала только война Кромвеля, оставившая всю нацию почти на последнем издыхании, на грани уничтожения. Тем не менее, через несколько лет ордена вновь ожили и приготовились начать свою святую работу заново. Генрих VIII и его наместник Кромвель обманывали себя, думая, что покончили с монашеством на земле, которая была колыбелью стольких религиозных семей. Они лишь укрепили решимость ирландцев не допустить поглощения своей национальности английской. Если что и питало и поддерживало эти чувства в их сердцах, так это ежедневное общение со святыми людьми, которые разделяли их беды, их отшельничество в горах, их нищету на болотах, их убогость в лесах и лесных чащах. Если монашество создало и взрастило нацию, когда она впервые стала христианской, то оно дало народу второе рождение, более святое, чем первое, поскольку было освящено мученичеством. Отныне среди них не должно было быть разрозненных кланов и враждующих септов: только католики-ирландцы должны были оставаться в рядах преемников "святых" древности, решив быть теми, кем они были, или умереть. Но поскольку законы, эдикты и меры фанатичного безумия не могут уничтожить нацию, новому народу было суждено дожить до лучших и светлых дней.

Мы несколько предвосхитили ход событий, чтобы рассмотреть основные факты, связанные с замыслами английского правительства в отношении религиозных орденов. Этих нескольких слов будет достаточно, чтобы дать читателю представление о новом характере, который эти события наложили на ирландскую нацию. С каждым днем она становилась все более сплоченной; с каждым днем решимость сражаться до смерти за Божье дело становилась все сильнее; прежних поводов для разногласий становилось все меньше, а то единодушие, которое страдания за благородное дело естественным образом порождают в человеческом сердце, проявлялось все сильнее. По правде говоря, нация рождалась в муках широкого и продолжительного бедствия; но в грядущих временах ее ждали долгие века, чтобы вознаградить ее за несчастья прошлого.

Примечательно, что когда в 1829 году Англия, опасаясь гражданской войны, была вынуждена предоставить католическую эмансипацию, когда ирландским агитаторам удалось вырвать ее у врага и добиться ее не только для себя, но и для своих английских братьев-католиков, британские государственные деятели, в конце концов согласившиеся на столь запоздалую меру справедливости, тем не менее, упорно отказывались распространить это благодеяние на религиозные ордена. Они оставались под запретом, и так остаются до сих пор. "Уголовные законы" для них так и не были отменены, и даже по сей день им, согласно закону, строго запрещено "принимать послушников" под всеми варварскими наказаниями, которые были приняты ранее и никогда не отменялись.

Но народ постоянно считал это исключение не подлежащим учету. Существующие ныне религиозные ордена находятся под защитой народа, и Англия никогда не осмеливалась применить даже угрозу против открытого нарушения этих "законов". Доктор Мэдден в своей интересной работе "Уголовное право" подчеркивает этот факт, горячо взявшись за старую тему ирландского католицизма, с силой утверждая, что "религиозные ордена необходимы Церкви" и что отрицать их право на существование, пусть даже только на бумаге в своде законов, - не меньшее преступление против такой глубоко католической нации, как ирландцы.

Единственный факт, который, казалось бы, противоречит нашим рассуждениям, - это хорошо установленный и упомянутый нами факт, что некоторые коренные ирландские лорды захватили некоторые монастыри и приняли участие в святотатственном грабеже. Но нельзя сказать, что несколько вождей составляли нацию, и, несомненно, многие из тех, кто поддался искушению, впоследствии прислушались к обличающему голосу совести, как в следующем случае, приведенном Майлзом О'Рейли в его "Ирландских мучениках": "Геласий О'Калли, который был в числе ирландских мучеников".

"Геласий О'Калленан, родом из знатной семьи в Коннауте... вступил в орден цистерцианцев. После обучения в Париже монастырь Бойл был предназначен для его трудов. Прибыв в Ирландию, он обнаружил, что монастырь с его имуществом захвачен одним из окрестных дворян, которому узурпация была обеспечена эдиктом Елизаветы. Аббат . . . смело отправился к узурпировавшему власть дворянину, увещевая его о вине, которую он понес, и о каре небесной, которую он непременно навлечет на свою семью. Вдохновленный его увещеваниями, дворянин вернул ему полное владение монастырем и землями; а через некоторое время, созерцая святую жизнь его обитателей, ... он тоже отрекся от мира и вступил в религиозный институт".

ГЛАВА IX.

ИРЛАНДЦЫ И ТЮДОРЫ. - ЕЛИЗАВЕТА. - НЕПОКОЛЕБИМОЕ ДВОРЯНСТВО. - СТРАДАЮЩАЯ ЦЕРКОВЬ.

12 января 1559 года, во второй год правления Елизаветы, в Дублине был созван парламент для принятия Акта о верховенстве; то есть для установления лютеранства в Ирландии, как это уже было сделано в Англии под видом епископальной церкви.

Но этой попытке суждено было встретить в Дублине более решительное сопротивление, чем в Лондоне.

Сэр Джеймс Уэйр говорит по этому поводу: "В самом начале работы этого парламента доброжелатели Ее Величества обнаружили, что большинство дворян и общинников - все они были англичанами по крови или рождению - разошлись во мнениях относительно церковного управления, что заставило графа Сассекса (лорда-депутата) распустить их и отправиться в Англию, чтобы посоветоваться с Ее Величеством о делах этого королевства.

"Эти разногласия были вызваны несколькими изменениями, произошедшими в церковных делах в течение двенадцати лет.

"1. Король Генрих VIII удерживал церковное верховенство с первыми плодами и десятыми долями, поддерживая семь таинств, с отпеваниями и мессами за живых и мертвых.

"2. Король Эдуард отменил мессу, разрешил книгу общих молитв, освящение хлеба и вина на английском языке и установил только два таинства.

"3. Королева Мария, после смерти короля Эдуарда, вернула всех к Римской церкви и папскому послушанию.

"4. Королева Елизавета в свой первый парламент в Англии отменила главенство папы, оставив десятую часть и первые плоды своим наследникам и преемникам. Она отменила мессу и для общего единообразия богослужения в своих владениях, как в Англии, так и в Ирландии, установила книгу общих молитв и запретила использование папистских обрядов".

Таков очень ясный очерк изменений, произошедших в религии Англии за короткие двенадцать лет.

Члены ирландского парламента, хотя и были английского происхождения, не могли так легко примириться с этими быстрыми изменениями, как их собратья в Англии; более того, они претендовали на совесть - вещь, казалось бы, неизвестную английским членам, а если и известную, то чрезвычайно эластичную и ускользающую. В этом и заключалась трудность: как ее преодолеть? Разговор между Елизаветой и Сассексом, должно быть, носил весьма интересный характер.

Вернувшись с частными инструкциями от королевы, граф Сассекс снова созвал парламент, состоявший только из так называемых представителей десяти графств - Дублина, Мит, Западного Мита, Лута, Килдэра, Карлоу, Килкенни, Уотерфорда, Типперэри и Уэксфорда. Мы видим, что почти полное исчезновение килдэрской ветви Джеральдинов привело к расширению английской Палеи. Остальные депутаты были гражданами и бюргерами тех городов, в которых преобладала королевская власть. "С таким собранием, - говорит Леланд, -

неудивительно, что, несмотря на шум и противодействие, в течение нескольких недель вся церковная система королевы Марии была полностью отменена". Нет нужды отмечать, что народ не имел никакого отношения к этому перевороту; он просто наблюдал за происходящим или уже организовывал сопротивление.

Тем не менее, даже в этом собрании агенты королевы были вынуждены прибегнуть к мошенничеству и обману, чтобы провести свои меры, и нельзя сказать, что они получили большинство голосов.

"Процедуры", по словам мистера Хаверти, "окутаны тайной, и считается, что основные меры были проведены с помощью мошеннических и тайных средств". И, в примечании, он добавляет: "Говорят, что граф Сассекс, чтобы успокоить протесты, раздававшиеся в парламенте, когда выяснилось, что закон был принят несколькими членами, собравшимися в частном порядке, торжественно пообещал, что этот закон не будет применяться к мирянам в течение всего царствования Елизаветы" ¹ (1 Доктор Карри в своих "Гражданских войнах" собрал несколько любопытных фактов, иллюстрирующих этот тезис).

Какими бы ни были средства, принятые для внедрения и проведения новой политики, было определенно установлено, что "королева является главой Ирландской церкви, реформированное богослужение было восстановлено, как при Эдуарде VI, и книга общих молитв, с дальнейшими изменениями, была введена вновь. На каждого человека, не посещающего новую службу, был наложен штраф в размере двенадцати пенсов за каждое нарушение; епископы должны были назначаться только королевой и посвящаться по ее повелению. Все должностные лица и священнослужители, церковные или светские, должны были приносить клятву верховенства под страхом лишения прав или недееспособности; а тот, кто поддерживал духовное верховенство папы, должен был за первое нарушение лишиться всех своих владений, настоящих и личных, или быть заключенным в тюрьму на один год, если они не стоят двадцати фунтов; за второе нарушение - подлежать *praemunire*; а за третье - быть виновным в злоумышлении".

Подразумевалось, что эти законы будут строго соблюдаться в отношении всех священников и монахов, хотя в целом останутся недействительными для мирян; и, за некоторыми исключениями, о которых упоминает доктор Карри, это правило соблюдалось. Таким образом, правление Елизаветы, столь жестокое для церковников, принесло мало мучеников среди мирян в Ирландии. И по этой причине сэр Джеймс Уэйр может похвастаться, что во всех "восстаниях" ирландцев против Елизаветы они ложно жаловались, что их свобода вероисповедания была ограничена, как будто они могли поклоняться без священников и церквей.

Но был принят закон, по которому три раза подряд утверждать духовное превосходство Папы считалось "государственной ошибкой", и отныне тот, кто должен был пострадать в защиту этой католической догмы, считался предателем, а не мучеником.

Женщина, восседавшая на английском троне, быстро обнаружила, что изменить религию ирландцев не так просто, как полностью подмять под себя религию своего собственного народа.

Лишенные религиозных домов и средств обучения, лишенные священников и церквей, не имея никакой связи с Римом, кроме тайной, ирландцы все же показали своим угнетателям, что их совесть свободна и что никакие акты парламента или приговоры незаконных трибуналов не могут помешать им оставаться католиками.

Пообещав расправиться с мирянами так же мягко, как и с духовенством, Елизавета была уверена, что католическая религия скоро исчезнет в Ирландии, а вместе с исчезновением священников исчезнут и церкви, таинства, обучение и открытое общение с Римом. На первый взгляд, ее предположения были верны, но народ молча собирался и объединялся, как никогда прежде.

Всю ирландскую политику Елизаветы можно свести к двум разделам: 1. Ее политика по отношению к дворянам, которая внешне выглядела как компромисс и терпимость, но на самом деле была направлена на уничтожение, и они так правильно это понимали, что поднялись и призвали на помощь иностранцев; 2. Ее церковная политика - политика крови и полного ниспровержения, которой священники и народ, теперь навсегда объединившиеся в одном великом деле, сопротивлялись с самого начала и в конце концов победили; а декреты, принятые с ужасающей варварской жестокостью, только укрепили ирландский народ в том единодушии, которое породили коварные сделки Генриха VIII.

I. С дворянами Елизавета надеялась добиться успеха лестью, хитростью, обманом, наконец, предательством, посеяв среди них раздор; но все ее усилия лишь крепче привязали их друг к другу и возродили среди них истинный дух национальности и патриотизма.

Она не заявила им, что ее великой целью является уничтожение католической церкви; тем не менее они должны были почувствовать и возмутиться с самого начала; прежде всего, они должны были выразить презрение, которое вызывала у них приманка, что "законы" будут исполняться не против них, а только против церковников. Если бы они действительно были воодушевлены чувствами, которые уже владели сердцами людей, они бы с презрением отвергли предложенный компромисс.

Но она, казалось, предоставляла им полную свободу в религиозных вопросах; она не приводила их к присяге, как в Англии; новые законы были мертвой буквой по отношению к туземным лордам, которые жили по другим законам и молчали, как и лорды Пале. Однако в ее глазах ничто не имело такого значения, как исполнение этих указов; следовательно, она могла осуществить свои замыслы только обманом. Джордж Браун, первый протестантский архиепископ Дублина, предсказывал, что старая ирландская раса и англо-ирландские вожди объединятся с континентальными державами, чтобы утвердить свою независимость. Вся политика царствования Елизаветы дает нам основания полагать, что она правильно поняла глубокое замечание мирского еретика. Поэтому, хотя (или, скорее, потому) север Ольстера был в то время оплотом католического чувства, а О'Нилы и О'Доннеллы - его лидерами, она льстила им, приводила их к своему двору, помиловала несколько "мятежей" Шейна Гордого, а затем осыпала своими милостями молодого Хью из Тирона, которого держала при своем дворе. Она ослепляет их великолепием этого двора, королевскими подарками, которые она так царственно им преподносит, и перспективой еще больших милостей. Тем временем на юге она обращает суровый взор и решает уничтожить все, что осталось от рода Джеральдинов. Это стало началом истребительной войны, и дворянство, которое в то время было разобщено, вскоре прочно сплотилось.

Нет необходимости вдаваться в славную и романтическую историю семьи Джеральдин. Елизавета выбрала их в качестве первого объекта своей атаки, потому что они, как англо-ирландские католики, были в ее глазах более одиозными, чем чистокровные ирландцы.

Она знала, что тогдашний граф Десмонд почти чудом спасся с острова вместе со своим младшим братом Джоном, когда остальные представители знатного рода были зарублены в Тайберне. Она знала, что Джеральд после долгих скитаний добрался наконец до Рима, получил образование под присмотром своего родственника, кардинала Поула, лелеялся

царствующим понтификом как дорогой сын, а впоследствии появился при тосканском дворе Космо Медичи; Поэтому после возвращения в Ирландию его можно считать главой католической партии, хотя, чтобы спастись от преследования и сохранить свои огромные богатства в Мюнстере, он проявлял величайшую сдержанность во всех своих действиях, казалось, уважал приказы королевы во всем, даже в ее внешней политике против Церкви; так что если священников и принимали в его замках, то всегда тайком, и они были вынуждены вести жизнь в полном затворничестве.

Но, несмотря на все эти внешние проявления, Елизавета знала, что Джеральд на самом деле искренний католик, что он считает себя суверенным принцем и, следовательно, не побрезгует вступить в союз против нее не только с северными ирландскими вождями, но даже с католическими князьями континента. Поэтому она решила уничтожить его.

Сидни был отправлен в Ирландию в качестве лорда-лейтенанта. Сначала он объехал весь Мюнстер и горько жаловался, что ирландские вожди разрушают страну своими раздорами, хотя прекрасно понимал, что эти раздоры тайно поощряются Англией. Он вроде бы прислушивался к людям, когда они жаловались на своих лордов, но при проведении ассамблей вешал тех же людей под самыми ничтожными предложениями и приводил их в исполнение оптом. В одной из своих депеш домашнему правительству он самодовольно упоминает о бесчисленных казнях, которые сопровождали его триумфальное продвижение по Мюнстеру: "Я не написал, - говорит он, - имя каждого варлета, который умер со времени моего прибытия, как в результате обычного хода закона и военного положения, так и в плоской драке с ними, когда они брали пищу без доброй воли дающего; ибо я считаю, что это не тот материал, которым стоит нагружать мои письма; но я уверяю вас, что число их велико, и некоторые из них лучшие, а остальные дрожат. По большей части они дерутся за свой ужин, и многие из них теряют головы еще до того, как им подадут ужин. Они падают во всех углах, и будут падать, с Божьей помощью" ("Сиднейские депеши", бр. М.).

Это был человек, который объявил себя мстителем народа за своих правителей. Он жаловался главным образом на Джеральда Десмондского и без всякого предлога вызвал его и его брата Джона, доставил их пленниками в Дублин, а затем отправил в лондонский Тауэр. В семейной шарашке рассказывается, что тогда, и только тогда, Джеральд отправил частное послание своим родственникам и сторонникам, назначив своего кузена Джеймса, сына Мориса, известного как Джеймс Фицморис, главой и лидером в своей семье на время своего отсутствия.

"Ибо Джеймс, - говорится в шанак, - был хорошо известен своей верностью древней вере, не менее чем своей доблестью и рыцарством, и с радостью люди старого Десмонда приняли эти повеления, и нерушимой была их привязанность к тому, кто теперь был их назначенным вождем".

Джеймс сразу же приступил к организации памятной "Джеральдинской лиги", к судьбе которой в течение многих лет было приковано внимание всего христианства.

Этот первый открытый договор ирландских лордов с Папой Римским, как с суверенным принцем, и с королем Испании требует нескольких замечаний о праве ирландцев объявлять открытую войну Англии и выбирать себе друзей и союзников, не будучи при этом мятежниками.

В это самое время англичане настолько осознавали слабость своего титула на суверенитет Ирландии, что постоянно пытались подкрепить свои претензии самыми абсурдными притязаниями.

В посмертном акте об убийстве Шейна О'Нила в ирландском парламенте 1569 года министры Елизаветы пытались отнести ее титул на королевство Ирландия к периоду, предшествовавшему милезийскому роду королей. Они придумали нелепую историю о "короле Гурмондусе", сыне благородного короля Белана из Великобритании, который был владыкой Байона в Испании - вероятно, они имели в виду Байонну во Франции, как и многие его преемники вплоть до Генриха II, который владел островом после "прихода ирландцев на ту же землю" (Haverty, Irish Statutes, 2 Eliz., sess. 3, cap. i.).

Эти ученые мужи, процветавшие в золотое царствование Елизаветы, должно быть, считали ирландцев очень легко навязываемыми, если воображали, что могут слушать подобные измышления в то время, когда у каждой великой семьи был свой летописец, чтобы проследить ее родословную до самого истока рода Миледов.

Завоевательный титул, в то время имевший силу во всех странах, не имел никакого значения для ирландцев, которые никогда не были и не признавали себя завоеванными. Разве они не сохранили свои собственные законы, обычаи, язык, органы местного самоуправления? Разве англичане хоть раз пытались подчинить их своим законам? Они открыто отказались предоставить свои претенциозные льготы тем немногим "выродившимся ирландцам", которые в полном отчаянии обратились за ними. Такая политика отделения была принята Англией с целью "искоренить" ирландцев. Поэтому английское правительство могло только принять естественное следствие такой системы - ирландская раса должна быть предоставлена сама себе, в полном соответствии со своими собственными законами и местными органами власти.

Сама политика Генриха VIII и Елизаветы, проявившаяся в их попытке разрушить кланы, отдавая предпочтение "хорошо настроенным ирландцам" и назначая их путем мошеннических выборов вождями различных септов, доказывает, что сами англичане признавали кланы настоящей *нацией* - как их называли в то время ирландские летописцы и даже английские писатели. Это было признание того очевидного факта, что туземцы обладали собственными законами престолонаследия и избрания, собственным правительством и автономией.

Исчезновение Ард-Рига, который обладал титульной властью над всей страной, не является доказательством того, что у ирландцев не было правительства: ведь они сами на протяжении нескольких веков отказывались признавать его власть. Остров был разделен на несколько небольших независимых государств, каждое из которых имело право вести войну, заключать мир и союзы. Гиллапатрик из Оссори отправил своего посла к Генриху VIII, чтобы сообщить, что если он, английский король, не помешает своему заместителю Руфусу Пирсу из Дублина досаждать кланам Оссори, то Гиллапатрик в целях самообороны объявит войну королю Англии. А властный Генрих Тюдор, вместо того чтобы посмеяться над угрозой вождя, оказался достаточно проникательным, чтобы осознать ее значение, и предотвратил ее исполнение, признав причину уважительной и передав поведение своего заместителя на расследование.

Кроме того, принципы, по которым христианство управлялось на протяжении веков, как раз в это время разрушались с приходом протестантизма, и для управления современными народами вводились новые теории. Какими были старые принципы, а какими - новые; и как Ирландия относилась к каждому из них?

В старой организации христианства ключевым камнем всего политического здания было папство. Вплоть до XVI века суверенный понтифик признавался всеми христианскими народами верховным арбитром в международных вопросах, и если Англия и обладала какой-

то тенью власти над Ирландией, то лишь благодаря прежним решениям пап, которые, будучи дезинформированными, позволили англо-норманнским королям установить свою власть на острове. Что бы ни думали о булле Адриана IV, многое остается несомненным: мы не претендуем на решение этой сложной исторической проблемы.

Но, восстав против Рима, отвергнув титул папы, Англия отбросила даже это притязание, и буллой об отлучении, изданной против Елизаветы, ирландцы были освобождены от верности ей, если предположить, что такая верность существовала, основываясь исключительно на этом притязании.

В то время это понимали настолько хорошо, что римские понтифики, как правители папских государств, императоры Германии, как главы Германской империи, короли Испании и Франции всегда тайно, а иногда и открыто принимали посланников О'Нила, Десмонда и О'Доннелла и открыто направляли войска и флоты на помощь ирландцам в их борьбе за фактическую независимость.

Все это находилось в полном соответствии не только с авторитетом, который католические державы по-прежнему признавали за суверенным понтификом, но даже с новым порядком вещей, который протестантизм ввел в Западной Европе и который Англия, как отныне ведущая протестантская держава, приняла и с готовностью приняла. Отвергнув верховный арбитраж пап со стороны новых еретиков, Европа потеряла единство христианства и естественным образом разделилась на две лиги - католическую и протестантскую. Поэтому угнетенная католическая национальность, прежде всего слабая и бессильная, имела право обратиться к великим католическим державам за помощью против угнетения. А притязания Англии на владение Ирландией сами по себе были сущностью угнетения и тирании, усугубленные тем, что король или королева, отступник и порочный человек, объявили изменой народу, совершенно отдельному и отличному от них, который придерживается своей древней и почитаемой религии.

Кто может сказать, что Григорий XIII был виновен в несправедливости и пособничестве мятежу, когда в 1578 году снабдил Джеймса Фицмориса, великого Джеральдина, флотом и армией для борьбы с Елизаветой? Величайший в глазах католиков и достойнейший уважения в глазах всех беспристрастных людей авторитет - Папа Римский - таким образом подтвердил тот очевидный факт, что Ирландия является независимой нацией и может вести войну против своих угнетателей. Здесь мы имеем точку зрения, с которой можно спорить по этому вопросу в будущем.

Необдуманная или, возможно, вероломная доля, которую приняли несколько ирландских вождей в раскольнических и еретических, а также непатриотичных постановлениях парламента 1541 года и последующих постановлений 1549 года, несколько не скомпрометировала ирландскую нацию, поскольку народ, поскольку их вожди не имели права принимать решения по таким вопросам без полного согласия своих кланов, которые уже достаточно ясно и недвусмысленно заявили о возвращении своих лордов из экспедиции за титулами в Англию.

Все летописцы того времени сходятся во мнении, что "народ" был неизменно тверд в вере, поддерживая вождей везде, где они выступали против деспотичных указов, отказываясь от них, когда те проявляли признаки колебаний, но, прежде всего, когда они вставали на сторону притеснителей Церкви. Английские протестантские писатели того времени подтверждают это благородное свидетельство ирландских бардов, постоянно обвиняя местных жителей в "мятежном" духе.

История борьбы за Джеральдину известна всем читателям ирландской истории и не входит в рамки этих страниц. Однако нам предстоит рассмотреть иностранную помощь, которую получали вожди, в основном от Испании, и причины этих неудач, которые, как может показаться на первый взгляд, свидетельствуют о недостатке твердости самих ирландцев. Во время Джеральдинских войн, а затем во время так называемого восстания Хью О'Нила и Хью О'Доннела король Испании посылал корабли и войска на помощь ирландцам. Все эти экспедиции не увенчались успехом, а истребление туземцев было гораздо большим, чем могло бы быть в противном случае, из-за большого количества английских войск, отправленных в Ирландию для противостояния ожидаемому испанскому вторжению.

Такой же неудачный исход сопутствовал французскому флоту и армии, отправленным в Лимерик Людовиком XIV на помощь Якову II, а позднее - большому флоту и хорошо оснащенным войскам, посланным Французским конвентом на помощь "Объединенным ирландцам" в 1798 году.

Таким же образом вендийцы, с другой стороны, эти французские "мятежники" против самого Конвента, получили свой смертельный удар благодаря англичанам, которые были посланы им на помощь в Киберон.

Действительно, универсальный исторический закон гласит, что, когда нация или партия в нации борется против другой, почти неизменным следствием иностранной помощи является неудача; но из этого факта нельзя сделать вывод о недостатке храбрости, стойкости и даже конечного успеха со стороны тех, кто поднимается с оружием в руках против угнетения. Из множества причин, которые могут быть объяснены этим странным на первый взгляд законом истории, главными являются:

1. Трудность осуществления совместных и одновременных усилий повстанческих сил и далекой дружественной державы. Помощь приходит либо слишком рано, либо слишком поздно, либо высаживается на таком участке побережья, где помощь более чем бесполезна, и где она только вносит сумятицу в ряды борющихся туземных сил, чьи планы таким образом дезорганизируются, сбиваются с толку и приводятся в замешательство. Добавьте к этому морские опасности, возможно, недостаточное знание промеров и природы побережья, различия в духе, обычаях и языке двух объединившихся сил, и можно легко заключить, что шансы на успех, в отличие от шансов на неудачу, весьма незначительны.

2. Силы, против которых создается коалиция, всегда неизмеримо увеличиваются именно для того, чтобы встретить ее, а ее цель всегда известна заранее. В рассматриваемом случае легко показать, что Елизавету побуждал страх перед Испанией быстро подавить попытки "восстаний" на юге и севере. Историки подсчитали количество войск, отправленных королевой из Англии, и сокровищ, потраченных на эти экспедиции во время ее правления, и результат оказался поразительным для того времени. Фактически вся мощь Англии была задействована для того, чтобы одолеть Ирландию.

В наши дни успешное восстание Греции против Турции кажется противоречащим этим соображениям. Но независимость греков была достигнута скорее благодаря единодушному голосу Европы, принуждавшей Турцию, чем благодаря нескольким войскам, посланным из Франции, или нескольким англичанам или полякам, добровольно оказавшим помощь повстанцам.

Высказанные нами соображения можно еще раз подтвердить тем, что успешные восстания угнетенных национальностей, зафиксированные в современной истории, были полностью осуществлены силами повстанцев без посторонней помощи. Так, семь кантонов Швейцарии

выступили против Австрии, Венецианская республика - против северных варваров, португальцы во время революции в Брагансе - против Испании, а Объединенные провинции Низких стран - против Испании и Германии.

Единственный исторический пример, который может противоречить этому общему правилу, можно найти в революции Соединенных Штатов Америки, где французское сотрудничество было своевременным и действительно полезным, главным образом потому, что иностранная помощь была полностью поставлена под контроль и под командование верховного главы колонистов, генерала Вашингтона.

Этих нескольких слов достаточно для нашей цели.

Политика Елизаветы в отношении ирландского дворянства хорошо известна нашим читателям. Судьба дома Десмондов, по ее мнению, была предрешена с самого начала. Теперь уже достоверно известно, что она подтолкнула к мятежу великого графа, который долгое время отказывался открыто заявить о своем одобрении планов конфедератов и даже, как казалось вначале, сотрудничал с войсками королевы, выступая против них. Только после того, как его кузен Фицморис и брат Джон были почти уничтожены, он, убедившись в решимости английского правительства захватить и оккупировать Мюнстер с его пятью или шестью миллионами акров, смело встал на защиту своей веры и своей страны и погиб при попытке.

Именно тогда в Ирландии начались "протестантские плантации". Конфискованные поместья Десмонда, которые в действительности принадлежали не ему, а его племени, были переданы компаниям "плантаторов из Девоншира, Дорсетшира и Сомерсетшира, из Ланкашира и Чешира, организованным для обороны и поддерживаемым постоянными войсками" (Прендергаст).

Затем работа, начатая Генрихом II в пользу Стронгбоу, де Лейси, де Курси и других, была возобновлена, после четырехсотлетнего перерыва, чтобы быть доведенной до конца, то есть до полного обнищания родной расы.

Среди "гробовщиков" и "плантаторов", завезенных в Мюнстер Елизаветой, не лишним будет сказать пару слов об Эдмунде Спенсере и Уолтере Рэли, первый из которых был великим поэтом, а второй - великим воином и придворным. Они оба выступали за истребление коренной расы - политика, которую Генрих VIII был слишком высокодушен, чтобы принять, а Елизавета слишком презирала "народ", чтобы обратить на нее внимание. Для Генриха и Елизаветы Тюдор народ был ничем, а дворянство - всем. Спенсер, Рэли и другие выдающиеся англичане, которые ежедневно сталкивались с народом, прекрасно понимали, что с ним нужно считаться, и считали, как до них считал сэр Джон Дэвис, что его нужно "выкорчевать". Великий вопрос об ирландском народе с каждым днем принимал все большие масштабы; народ вскоре должен был проявить себя во всей своей силе и реальности, чтобы быть подавленным, по-видимому, Кромвелем, но на самом деле сохраненным Провидением для будущего века, который наступил в наши дни.

Спенсер и Рэли, одаренные более острым предвидением, чем большинство их соотечественников, выступали за полное уничтожение народа, считая, как и многие французские революционеры наших дней, что "только мертвые никогда не возвращаются".

Автор "Королевы фей", принимавший активное участие в ужасных кровавых расправах Джеральдинской войны, когда все ирландцы Мюнстера были истреблены без разбора, настаивал на том, что подобная политика должна быть принята в отношении всего острова. В

своим трудом "О состоянии Ирландии" он просит "большие массы войск, чтобы растоптать все, что стоит перед ними пешком, и положить на землю весь жестокий народ этой земли". Он призывает вести войну не только летом, но и зимой, "ибо тогда деревья голые и нагие, которые служат для содержания и жилья керна; земля холодная и влажная, которая служит ему подстилкой; воздух резкий и горький, чтобы обдуть его голые бока и ноги; Кони бесплодны и не имеют молока, которое служит ему пищей, к тому же они все с телятами (по большей части), и они через много погони и езды бросят всех своих телят и потеряют все свое молоко, что должно облегчить его в следующее лето."

Здесь Спенсер использует свое великолепное воображение, чтобы зловеще представить такие детали как наиболее эффективное средство для уничтожения ненавистной расы. Все, чего он требует, - это чтобы "конец был очень коротким", и он дает нам пример эффективности и красоты своей системы "во время последних войн в Мюнстере". Ибо, "несмотря на то, что тот же самый" (Мюнстер) "был богатейшей и изобильной страной, полной рогов и скота, ... все же за полтора года они" (ирландцы) "были доведены до такого убожества, что любое каменное сердце могло бы об этом пожалеть. Из каждого уголка лесов и глиняных они выходили, ползая на руках, потому что ноги не могли их нести; они выглядели как анатомы смерти; они говорили, как призраки, вызывающие из своих могил... что за короткое время их почти не осталось, и самая густонаселенная и изобильная страна внезапно опустела от людей и зверей".

Такова картина, ужасающе наглядная, того состояния, до которого Мюнстер был доведен политикой Англии, проводимой Гилбертом, Питером Кэрью и Косби; и до такого состояния "нежный" Спенсер желал бы довести всю страну.

Даже мистер Фрауд вынужден в язвительных выражениях осудить чудовищ, использованных королевой, и все его факты взяты, по его словам, из существующих "государственных бумаг".

Пишут об окончании Джеральдинской войны: "Английская нация в то время содрогалась от зверств герцога Алвы. Детей в детских садах доводили до патриотического гнева и безумия рассказами об испанской тирании. Однако кровавый меч Алвы никогда не касался маленьких, беззащитных и тех, чей пол признают и уважают даже собаки.

"Сэр Питера Кэрью видели убивающим женщин и детей, а также младенцев, едва покинувших грудь; но сэр Питер Кэрью не был призван к ответу за свое поведение и остался в фаворе у депутата. Гилберт, которого оставили командовать в Килналлоке, еще более наглядно демонстрировал ту же тенденцию. "Гилберт также не был плохим человеком. Со временем он превратился в храброго и рыцарственного джентльмена, не менее выдающегося в той высокой группе авантюристов, которые несли английский флаг в западное полушарие. ...прежде всего, человека "особой набожности". Он считал, что имеет дело скорее с дикими зверями, чем с людьми (в Ирландии), и, когда выслеживал их в норах, душил детенышей и выкорчевывал весь выводок.

"Метод лечения Гилберта имеет тот недостаток, что он должен быть доведен до последней крайности, иначе его вообще не стоит пробовать. Мертвые не возвращаются; и если матерей и младенцев убивают вместе с мужчинами, раса больше не доставляет хлопот; но работа должна быть сделана основательно; частичная и непостоянная жестокость оставляет лишь долгий долг заслуженной и все более углубляющейся ненависти".

"Справедливости ради следует сказать, что английские солдаты не виноваты, если хоть одному ирландскому ребенку из того поколения было позволено дожить до зрелого возраста" (Hist. of Engl., vol. x., p. 507).

Эти ужасы в Мюнстере произошли сразу после поражения ирландцев при Кинсейле. Таким образом, Кромвель в тех зверствах, о которых пойдет речь, лишь следовал политике "королевы-девственницы". И слишком очевидно, что англичане 1598 года были отцами или дедами англичан 1650 года. И те, и другие открывали систему ведения войны, которая никогда прежде не применялась даже среди язычников, разве что татарскими войсками под командованием Чингисхана; систему, которая в будущие века должна была определить политику, которой на короткое время последовал Французский конвент в Вандее.

Рэли, как и Спенсер, похоже, был активным сторонником этой системы. Правда, его единственное появление на сцене было связано со сдачей Смервика испанским гарнизоном; но саксонский дух этого человека проявился в исполнении им приказов лорда Грея, который, после того как, согласно всем ирландским рассказам, пообещал испанцам жизнь, приказал их казнить; а Рэли, похоже, руководил этой казнью, в ходе которой восемьсот военнопленных были жестоко убиты и сброшены со скал в море. С тех пор фраза "вера Грея" (Graia fides) стала пословицей среди ирландцев.

После того как удалось разбить Десмонда и "посадить" Мюнстер, внимание Елизаветы было направлено на О'Ниллов и О'Доннеллов в Ольстере. Эта захватывающая история хорошо известна. Достаточно сказать, что О'Доннел с юности был специально взвинчен жестоким обращением и тюремным заключением; и как только О'Нил, к которому королева относилась с величайшей видимой добротой, чтобы он стал человеком королевы, показал, что он все еще ирландец и любитель своей страны, он был намечен как жертва, и все войска и сокровища Англии были щедро брошены на его сокрушение и уничтожение королевской расы севера.

В этой гигантской борьбе примечательна одна особенность: всякий раз, когда английское правительство считало себя обязанным примириться с последними борцами за независимость Ирландии, первым условием, неизменно выдвигаемым О'Нилом и О'Доннелом, было свободное исповедание католической религии. Нельзя упускать из виду тот достоверный факт, что английская королева, которая в самом начале своего правления добилась от ирландского парламента признания своего духовного верховенства под страхом лишения прав, praemunire и high-treason, все время настаивала на обязательности этого титула; и хотя сначала она тайно обещала, что этот закон не будет применяться против мирян, она всеми своими мерами показывала, что его соблюдение имеет в ее глазах первостепенное значение.

Если бы ирландцы последовали за англичанами как нация и приняли протестантизм, Елизавета вряд ли стала бы вести с ними войну и вводить свои "плантации". Все это время ирландцы были "предателями" и "мятежниками" только потому, что предпочли остаться католиками, и МакГеоган хорошо заметил, что, "несмотря на суровые законы, принятые Генрихом VIII, Эдуардом VI и Елизаветой, вплоть до Якова I, общепризнанной истиной является то, что в этот период число ирландцев, принявших "реформированную религию", не достигало шестидесяти человек в стране, которая в то время насчитывала два миллиона душ". И МакГеоган мог бы добавить, что из этих шестидесяти ни один не принадлежал к народу; все они были туземными вождями, которые продали свою религию, чтобы удержать свои поместья или получить милости от королевы.

Сэр Джеймс Уэйр достаточно смело заявляет, что во всех своих отношениях с ирландской знатью Елизавета никогда не упоминала о религии, и их право исповедовать ее по своему усмотрению никогда не ставилось под вопрос. Она также никогда не приводила их к присяге, как это было принято в Англии. С технической точки зрения это утверждение кажется

верным. Однако неоспоримо, что Елизавета не позволяла католическим епископам или священникам оставаться на острове; разрешала ирландцам иметь для своих детей только протестантских школьных учителей; отдавала все свои церкви еретическим священникам; закрывала одно за другим все здания, которые католики использовали для своих богослужений, как только об их существовании становилось известно полиции; фактически обязывала их исповедовать протестантизм или вообще не исповедовать никакой религии.

В глазах Елизаветы католик был "мятежником". Каждый, кто был казнен за религию во время ее правления, был казнен за "бунт". Римские императоры, преследовавшие Церковь в течение первых трех веков, могли выдвигать те же претензии. И действительно, первые христиане, как говорят, подвергались пыткам и казням за "нарушение законов империи".

Этот момент станет более понятным при рассмотрении второй фазы политики Елизаветы, ее прямого вмешательства в дела Церкви.

II. Если в отношении дворянства политика английской королевы была вероломной и лживой, то в отношении Церкви она была откровенно кровавой и разрушительной.

Благонамеренные и в остальном хорошо информированные авторы, среди которых г-н Прендергаст, считают, что главной целью зверских действий, о которых мы сейчас расскажем, была "жадность", и что английское правительство просто потворствовало жадным желаниям авантюристов и предпринимателей, желавших уничтожить ирландцев и захватить их земли; Ибо, как говорит Спенсер, "конечно, это была прекраснейшая и милейшая страна, чем любая другая под небом, усыпанная множеством славных рек, изобилующих всякой рыбой; усыпанная множеством очень милых островов и славных озер, похожих на маленькие внутренние моря; украшенная славными лесами; также полная очень хороших портов и гаваней, открывающихся на Англию и приглашающих нас войти в них."

Такова, по мнению этих авторов, была политика Англии с момента первой высадки Стронгбоу на берега Эрина и даже в течение предшествующих четырех веков, когда обе расы были католическими, а обращение туземцев в протестантизм не могло прийти в голову захватчикам.

В определенной степени это правда. Тем не менее, нам кажется весьма сомнительным, что Елизавета должна была затевать столько войн в Ирландии, которые длились на протяжении всего ее правления и на которые она потратила все силы и средства Англии, только для того, чтобы угодить некоторому числу дворян, желавших найти заграничные поместья, где они могли бы поселить своих многочисленных отпрысков.

Главное значение завоевания, по ее мнению, заключалось в том, чтобы утвердить свое духовное превосходство в этой части ее владений. Она оставила бы туземных дворян в покое и даже одарила бы их своими самыми лучшими милостями, если бы только они, как английские подданные, согласились порвать с Римом. Рим отлучил ее от церкви; Пий V. освободил ее подданных от подданства из-за ее ереси, и Ирландия не отвергла буллу папы. В ее глазах это было великим и непростительным преступлением ирландцев. А то, что для нее весь этот вопрос носил религиозный характер, станет яснее из ее поведения по отношению к католической церкви на протяжении всего ее царствования. В эту часть нашей темы естественным образом входит рассмотрение шага, предпринятого Пием V, и, изучая его, мы увидим, можно ли назвать ирландцев мятежниками и "предателями" и насколько это возможно.

В своей истории Реформации доктор Хейлин говорит, что "главенство Елизаветы не могло устоять, и она не могла сохранить одно, не отбросив другое". Это совершенно верно и дает нам ключ ко всем ее церковным мерам.

Она притворялась католичкой во время правления Марии, но это было всего лишь притворство. Упорство в католичестве требовало от нее жертвовать своими политическими устремлениями, ибо церковь не могла признать ее законность, а следовательно, и ее право на корону Англии. Поэтому после смерти Марии Тюдор шотландская королева немедленно приняла титул королевы Англии; и хотя Папа Римский, тогда еще Пий IV, не сразу объявил о своей поддержке Марии Стюарт, а отложил решение на будущее, тем не менее, взгляд на дело, принятый понтификом, не мог быть ошибочным. Легитимность Елизаветы, или, как говорит Хейлин, "легитимность и верховенство Папы не могли стоять вместе". Тогда ей не оставалось ничего другого, как отвергнуть папскую власть и установить в своих владениях собственную, поскольку она не обладала достаточной верой, чтобы поставить свою душу выше короны; успех ее отца, Генриха VIII, и сводного брата, Эдуарда VI, подтолкнул ее к этому шагу. Это полностью объясняет ее политику. Для нее стало принципом, что признание главенства папы в духовных вопросах означает отрицание ее легитимности и, следовательно, измену ей. Это делало положение католиков в Англии и Ирландии очень тяжелым. Но их моральный долг был достаточно ясен, и все остальные обязательства должны были уступить перед ним. В последовавших за этим гонениях они, безусловно, стали мучениками за свой долг и свою религию.

То, что вопрос о престолонаследии в Англии был открытым, должен признать каждый честный человек. Кто был законной королевой Англии после смерти Марии Тюдор? Королева Шотландии приняла этот титул, и, будучи законным отпрыском сестры Генриха VIII, она имела на него право как ближайший прямой потомок в случае, если претензии Елизаветы не будут признаны нацией. Нацией в то время фактически, хотя и не по праву, были дворяне, которые обогащались за счет церкви и поэтому были глубоко заинтересованы в исключении католических принципов. Парламент, состоящий из дворян, уже признал Елизавету, исключив шотландскую королеву, и это решение было подтверждено в отношении "женщины-претендентки", которую поддерживала иностранная держава, а именно Франция.

Англия, то есть продажная аристократия королевства, приняв на себя это решение, отказалась передать вопрос на рассмотрение Папы Римского; и таким образом впервые были отброшены принципы, которыми христианство руководствовалось на протяжении восьмисот лет. Однако при Марии католическая церковь была объявлена церковью государства; после ее смерти никаких изменений не произошло; масса народа по-прежнему оставалась католической. Елизавете потребовалось все ее правление, чтобы сделать англичан полностью протестантским народом. Огромная масса народа оказалась, следовательно, даже юридически под законом средневековья, который передавал решение подобных дел в руки римского понтифика.

Опять же, если мы подумаем о том, что нашей целью является рассмотрение вопроса о том, кто был законной королевой Ирландии, вопрос становится еще более ясным и простым. Верховенство Генриха VIII никогда не признавалось на острове, даже теми, кто подписался под постановлениями парламента 1541 и 1569 годов. Ирландские вожди не только никогда не соглашались, но и всегда сохраняли свою независимость во всем, кроме сюзеренитета английских монархов, а в то время они все без исключения были католиками. Поэтому для них Папа был толкователем закона о престолонаследии, как до этого времени он был общепризнан в Европе. Следовательно, Елизавета, как признанный незаконнорожденный ребенок, не могла стать законной королевой без положительного заявления и избрания

истинными представителями народа, одобренного папой. Таким образом, ее приход к верховной власти был простой узурпацией. Теория о том, что правительства *de facto* подчиняются как квазилегитимные, еще не была обсуждена юристами и теологами. Что касается всего этого вопроса, то не может быть никаких сомнений в том, к какому выводу пришел бы любой способный конституционный юрист наших дней.

Могут ли узурпированные права, подобные этим, наделить Елизавету властью объявить себя главенствующей не только в политических, но и в религиозных вопросах? И, поскольку она называлась королевой, можно ли считать изменой веру ирландца в духовное верховенство Папы? И все же, если не считать мучениками тех, кто погиб на дыбе и виселице в Ирландии во время ее правления, потому что отказывался признать за женщиной титул Наместника Христа, к такому решению мы должны прийти.

Политика английской королевы в отношении католических епископов, священников и монахов представляет этот вопрос в еще более ярком свете. Сейчас перед нами предстанет ее главная особенность, которая покажет, как все они пострадали за Христа. Мы говорим "все", потому что в эту категорию попадают не только те, кто держался в стороне от политики и ограничивался выполнением своих духовных функций, но и те, кто по велению папы или следуя естественным побуждениям собственных наклонностей, поддержал так называемое восстание Джеральдины и вождей Ольстера. Жизнь и смерть обоих сегодня хорошо известны, и обоим мы присваиваем звание героев и христианских мучеников.

Поскольку было бы слишком долго излагать здесь полную картину тех событий и проследивать биографии многих из тех, кто пострадал от преследований в то время, мы довольствуемся двумя верными представителями вышеупомянутых классов - Ричардом Кригом, архиепископом Армага, и доктором Херли, архиепископом Кашеля. Дело великого Оливера Планкетта, пострадавшего при Карле II и ставшего жертвой всей английской нации, выходит за рамки нашего сегодняшнего обсуждения.

Биография первого из них была написана несколькими авторами, которые, соглашаясь с основными фактами его истории, расходятся лишь в хронологии. Изложение д-ра Рута является самым длинным из всех, запутанным и подверженным некоторой путанице в отношении дат; но очерк этой жизни, появившийся в "Рамблере" за апрель 1853 года, является наиболее последовательным и легко согласуется с известными фактами общей истории того периода, и поэтому мы следуем ему:

Ричард Криг, предложенный на престол Армага нунцием Дэвидом Вулфом, прибыл в Лимерик в августе 1560 года, в самом начале царствования Елизаветы. Пий IV, занимавший тогда пост понтифика, не пришел ни к какому выводу относительно суверенитета Англии и открыто не заявлял о своем праве Марии Стюарт на корону. Папа не дал архиепископу Кригу никаких позитивных предписаний относительно его политического поведения, и тот остался волен следовать велениям своей совести. Он пришел лишь с письмом к Шейну О'Нилу, который в то время был почти независим в Ольстере.

Архиепископ не только не принимал никакого участия в политических мерах ольстерского вождя, который часто враждовал с Елизаветой, но вскоре разошелся с ним во мнениях на чисто совестливых основаниях и в конце концов отлучил его от церкви. Посреди многочисленных трудностей, окружавших его, он решил насаждать мир и верность Елизавете во всем Ольстере, прося у Шейна только об одном - основать колледжи и школы, и думая, что, сохраняя верность королеве, он сможет получить ее помощь в основании университета. Добрый прелат мало представлял себе характер женщины, с которой ему

пришлось иметь дело, полагая, вероятно, что указ о ее духовном верховенстве останется мертвой буквой для священства, как это было ложно обещано мирянам.

Но ему недолго оставалось предаваться этим иллюзиям: во время отпевания мессы в одном из монастырей своей епархии он был выдан каким-то осведомителем и арестован отрядом солдат, которые препроводили его к правительственным властям, а те отправили его в Лондон и заключили в Тауэр 18 января 1565 года. Там его несколько раз допрашивали Сесил и лондонский регистратор, которые без труда убедились, что прелат совершенно невиновен в политических интригах.

Он чудом спасся, прошел через Лувен, отправился в Испанию, в то время находившуюся в мире с Англией, и, желая вернуться в Ирландию, написал через испанского посла Лестеру, в то время всевластному у королевы, чтобы заранее заявить, что, если папа прикажет ему вернуться в свою епархию, он намерен лишь воздать кесарю то, что принадлежит кесарю, и Богу то, что принадлежит Богу. Уже тогда, после нескольких месяцев тюремного заключения, он думал, что, если ему удастся убедить Елизавету в том, что он действительно предан ей, она простит ему его католичество.

Не получив ответа, он отплыл на родину, где высадился в августе 1566 года, и вскоре после этого написал сэру Генри Сиднею, тогдашнему лорду-депутату, в тех же выражениях, что и Лестер, и предложил, кроме того, использовать свои усилия, чтобы склонить Шейна О'Нила к заключению мира.

Что подумали Сидней и его хозяева в Лондоне, Сесил и Лестер, о простоте этого доброго человека, сказать невозможно. Они снизошли до того, что не ответили на его более чем прямолинейное сообщение, кроме короткого устного ответа относительно О'Нила: "Мы выступили с речью о его истреблении войной".

Добрый прелат, так четко определив свою позицию, решил, что может спокойно следовать велениям совести и управлять своей паствой в мире; но вскоре, в апреле 1567 года, он был взят в плен О'Шонесси, который получил от Елизаветы специальное благодарственное письмо за свои услуги по этому случаю.

По приказу королевы его судили в Дублине, но дело было настолько ясным, что даже протестантское жюри не смогло его осудить. Поэтому честные дублинские присяжные были брошены в тюрьму и оштрафованы, а прелата снова перевезли в Лондон, откуда он во второй раз сбежал благодаря попустительству своего тюремщика.

В 1567 году его снова схватили и передали офицерам королевы под обещание, что его жизнь будет пощажена. И только благодаря этому обещанию он так и не предстал перед судом, а оставался узником Тауэра в течение восемнадцати лет, пока в 1585 году не был, по всем достоверным сведениям, преднамеренно отравлен.

Это простое повествование, безусловно, доказывает, что в глазах Елизаветы одно лишь поддержание духовного верховенства Папы было изменой, а каждый католик, следовательно, потому что он католик, - предателем, заслуживающим смерти. Правда, ирландские прелаты, монахи и народ могли бы подражать большинству английских дворян и жителей, приняв новую догму. В этом случае они стали бы действительно верными и послушными подданными и получили бы все права гражданства; дворяне сохранили бы свои поместья, джентри получили бы места в ирландском парламенте, а простой народ, отказавшись от клановости, абсурдных старых традиций, памяти предков и послушания Римскому престолу, не был бы лишен благ образования; им было бы позволено заниматься

ремеслом и производством; им было бы разрешено держать свои земли или сдавать их в долгосрочную аренду; они бы пользовались привилегией жить в обнесенных стенами городах, если бы не испытывали склонности к сельскому хозяйству. Они, несомненно, стали бы "высокопроцветающей" нацией, как англичане и шотландцы наших дней, пользующиеся всеми преимуществами славной британской конституции, возделывающие поля своих предков и превратившие свой прекрасный остров в рай, более очаровательный, чем богатые луга и пшеничные поля самой Англии.

С другой стороны, они получили бы все эти временные преимущества за счет своей веры, которую никто не имел права у них отнимать; по их мнению и мнению миллионов их собратьев-католиков, они лишились бы права на небо, а ирландцы всегда были достаточно неразумны, чтобы предпочесть небо земле. Они предпочитали, как святые мужи древности, о которых говорит св. Павел, "быть побиваемыми камнями, рассекаемыми, искушаемыми, предаваемыми на смерть от меча, скитаться в овечьих шкурах, в овсяных; быть в нужде, бедствовать, страдать, которых слово недостойно; скитаться в пустынях, в горах, в норах и пещерах земных, будучи утверждены свидетельством веры", то есть иметь свидетельство своей совести и одобрение Бога, и считать это лучшим, чем мирское процветание и земное счастье.

Обратимся теперь к тем прелатам, монахам и священникам, которые во время правления Елизаветы принимали участие в ирландской политике против королевы, можем ли мы в связи с этим отказать им в звании мучеников за веру?

Доктор Херли, архиепископ Кашельский, чьи мемуары были опубликованы Майлзом О'Рейли, может быть взят в качестве примера этого класса. Предположим, что подозрения английского правительства относительно его политической миссии были вполне обоснованными, хотя и не доказанными. При Елизавете прелатов и священников, как правило, предавали смерти или заключали в темницы по одному лишь подозрению, и, как мы видели на примере архиепископа Армагского, даже явные доказательства их невиновности не спасали их.

По отцовской линии доктор Херли, естественно, был вхож к Джеймсу Джеральдину, графу Десмонду; а по материнской он принадлежал к королевскому роду О'Брайенов из Мюнстера. Посвященный в архиепископы Кашеля в Риме в 1550 году, при Григории XIII, во время восстания Джеральдинов, он был вынужден соблюдать максимальную осторожность при въезде в Ирландию. Полиция Елизаветы в то время особенно активно выслеживала священников и монахов по всему острову, но особенно на юге.

Архиепископ избежал всех этих опасностей, избежал доноса Уолтера Баала, мэра Дублина, который в то время фактически преследовал его мать, даму Элеонору Бирмингем; он бежал в замок Томаса Флеминга, который спрятал его в тайной комнате своего дома и относился к нему как к другу. Но когда все решили, что опасность миновала, и ему больше не пристало общаться с людьми в замке, его заподозрил англо-ирландец по имени Диллон, донес на него, и, наконец, Томас Флеминг выдал его и переправил в Дублин, где против него начался процесс со стороны Ирландского совета и министров королевы в Англии.

Его заключение в тюрьму совпало с подавлением восстания в Мюнстере, и граф Десмонд начал ту страшную жизнь вне закона, которая закончилась только его несчастной смертью.

Целью обвинителей архиепископа было связать его с замыслами Рима и восстанием в Мюнстере; государственные бумаги, сохранившиеся в Лондоне, открыли нам переписку

между Адамом Лофтусом, протестантским архиепископом Дублина, с одной стороны, и Уолсингемом и Сесилом - с другой.

Единственными доказательствами того, что архиепископ присоединился к южной конфедерации, были: 1. Подозрения, поскольку он был посвящен в Риме примерно во время отплытия экспедиции под командованием Джеймса Фицмориса; 2. Информация некоего Кристофера Барнуэлла, находившегося в то время в тюрьме, которому обещали жизнь, если он сможет предоставить доказательства, достаточные для осуждения прелата. Ценность показаний "информатора" при таких обстоятельствах общеизвестна; однако все, что смог утверждать Барнуэлл, это то, что "он присутствовал при разговоре в Риме между доктором Херли и кардиналом Коменсисом, секретарем Папы, и результатом всего разговора было то, что "доктор не знал и не верил, что граф Килдэр присоединился к восстанию Фицмориса и Десмонда, и кардинал упрекнул его за то, что он не верит в это".

Это считалось неопровержимым доказательством против него, несмотря на его положительное отрицание. К нему применяли пытки, но самые ужасные страдания не смогли вырвать у него признания в участии в заговоре. Тем не менее Лофтус и Уоллоп придерживались мнения, что он "мятежник" и должен быть предан смерти. Единственное затруднение, которое возникло у лордов-судей Ирландии, заключалось в том, что в Ирландии не существовало закона против "предателей", устроивших заговор за морем, и они попросили, чтобы архиепископа либо отправили судить в Англию, либо судили в Ирландии на основании военного положения, что избавило бы их от ответственности.

Последняя милость была им оказана, и святого архиепископа вывели из тюрьмы на раннем рассвете, в пятницу, то ли в мае, то ли в июне 1584 года. Он был варварски повешен на витее, взывая к Богу и от всего сердца прощая своих мучителей.

Наша цель не в том, чтобы разглагольствовать об этом судебном убийстве и дальнейшими подробностями усиливать ужас, который должен испытывать каждый честный человек при рассказе о столь зверских действиях. Напротив, мы предположим, что сотрудничество архиепископа Кашеля с Фицморисом и Десмондом, и даже с Папой и королем Испании, было бы четко доказано - ведь несомненно, что, если не в этом, то, по крайней мере, в некоторых других случаях, во время правления Елизаветы, обвиняемые епископы или священники действительно принимали участие в попытках ирландцев освободиться от подобной тирании, и настаивать на том, что даже в этом случае убитые католические священники действительно погибли за свою религию и не могут быть названы "мятежниками" ни в каком смысле.

Во-первых, может возникнуть вопрос о том, насколько ирландцы подчинялись английской короне. Мы видели, как за несколько лет до этого Гиллапатрик из Оссори отстаивал свое право на войну с Англией, когда чувствовал достаточный повод. При Елизавете дело стало еще более ясным, по крайней мере для католиков, после отлучения королевы Пием V. Как мы видели, главный титул Англии на Ирландию покоился на двух поддельных папских буллах: другой папа мог отозвать и отозвал это пожалование, основанное на заблуждении. До этого времени не было никакого реального подчинения путем завоевания за пределами Палеи, которая составляла лишь незначительную часть острова.

При таких обстоятельствах следует, по крайней мере, признать, что радикально и явно несправедливому закону, навязанному иностранной, хотя, возможно, и сюзеренной державой, можно оказать справедливое сопротивление силой оружия. Так и произошло в Ирландии. Королева Англии - ирландский парламент 1539 года не имел иной власти, кроме власти королевы, и не представлял никакой части народа - сделала мятежом то, что

ирландцы остались верны своей религии. Что могло помешать ирландцам противостоять таким притязаниям, даже ценой пролитой крови? Первые христиане Римской империи, правда, никогда не поднимались с оружием в руках против кровавых эдиктов кесарей или Антонинов; но эти случаи не являются параллельными.

Предположим, что Греция или Малая Азия никогда не поддавались римской власти и стали полностью христианскими: никто не отказался бы признать их право оказать вооруженное сопротивление распространению эдиктов о гонениях на их территорию. Напротив, это было бы их долгом: и каждый из их жителей, схваченный и казненный как мятежник, был бы увенчан мученическим венцом.

В этот момент, действительно, возникает вопрос об особых мотивах, которые двигали каждой воюющей стороной, даже когда она сражалась на правильной стороне. Мы далеки от мысли, что все ирландцы, особенно вожди и вождя, которые в то время встали под знамена Десмондов или О'Нилов, сражались исключительно за Христа и религию. Многие из них, несомненно, участвовали в борьбе из мирских побуждений, возможно, даже с недостойными христианина целями; и в этом случае те, кто пал в борьбе, ни в коем случае не были воинами Христа.

Но сколько таких можно найти среди епископов, священников или монахов, погибших при Елизавете? Разве нельзя сказать о них, что все они пали ради религии? Можно даже смело утверждать, что большинство простых ирландцев, погибших в тех войнах, можно отнести к той же категории, что и их духовных правителей, ведь в действительности они были защитниками права и поборниками католицизма.

Следует помнить, что в тот период, о котором мы говорим, единственный реальный вопрос, вовлеченный в борьбу, постепенно принимал все более и более религиозный характер. Генрих VIII и его заместитель Сент-Легер нанесли смертельный удар по клановости и ирландским институтам в целом, одарив и заставив вождей принять английские титулы, а также закрепив за ними новые акты на феодальное владение их землями. При Елизавете та же политика проводилась неуклонно и успешно, ее двор всегда украшало присутствие молодых ирландских лордов, получивших образование под ее личным присмотром и наделенных всеми ее королевскими милостями. Взамен она просила их лишь о том, чтобы они стали людьми королевы. Отвращение, которое ирландцы когда-то испытывали к этому позолоченному рабству, с каждым днем становилось все менее заметным. Но в то время как все, казалось бы, так хорошо работало на достижение цели, поставленной Елизаветой в начале ее правления, внезапно проявляется и быстро становится заметной новая черта - привязанность ирландцев к своей религии и яростное сопротивление переменам, которые королева всегда держала на первом плане, а именно замене ее духовного верховенства на верховенство Папы.

Таким образом, мы видим, что ирландские лидеры, заявляя о своих претензиях накануне войны или подписания мирного договора, всегда ставили свои религиозные убеждения на первое место в списке. Религиозный вопрос становился все более и более актуальным, и, несмотря на все ее прекрасные заверения в том, что она не будет посягать на религиозные пристрастия мирян, главной целью Елизаветы в Ирландии и в Англии было уничтожение католицизма путем уничтожения священства в корне и по частям.

Дворяне показали, насколько они были убеждены в этом, когда пошли на принятие системы сокрытия, даже двуличия, на которую ирландцы никогда не должны были поддаваться. Мало того, что отправление религиозных обрядов было ограничено местами, куда не мог

проникнуть ни один англичанин или протестант, но постепенно они позволили, чтобы в их дома - эти святилища свободы - вторгались преследователи королевы, разыскивая священников или монахов, "недавно прибывших из Рима".

В дворянских усадьбах искусными архитекторами были построены тайные апартаменты; под крышами, на просторных лестницах и даже в подвалах и погребках были искусно устроены ниши. Там несчастный служитель религии был заточен на недель и месяцев, выходя наружу только ночью, чтобы подышать свежим воздухом на вершине дома или в густых зарослях прилегающего парка. Все способы уклонения от закона, использовавшиеся христианами первых веков, были воспроизведены и применены в католической Ирландии вождями, обладавшими "тайным обещанием" королевы, что в их религию не будут вмешиваться и что ее верховенство не будет применяться против них.

Но не так поступил народ: его обостренное чувство несправедливости сразу приняло во внимание все обстоятельства дела. Это было религиозное преследование, не более того; это же чувствовали в глубине души и дворяне. Люди видели, как служителей религии выслеживали, хватали, тащили в тюрьму, судили, осуждали, варварски казнили; они осознавали это как попытку уничтожить католичество и противостояли этому всеми доступными им средствами. Они видели, как с монахами и монахинями обращались, словно с дикими зверями; солдаты набрасывались на них, где бы они ни встретились, и предавали их смерти со всеми обстоятельствами жестокости и оскорбления, без суда и следствия, даже без удостоверения личности, требуемого для преступников. Книга мистера Майлза О'Рейли "Ирландские мученики" полна подобных случаев. Поэтому народ часто оказывал открытое сопротивление исполнению закона; солдатам приходилось разгонять толпу, но настоящей толпой был тот самый отряд, которым командовали английские офицеры.

Когда ирландские лорды уже не осмеливались предоставлять убежище объявленному вне закона священству в своих поместьях и замках, крестьянская хижина по-прежнему оставалась для них открытой. Чем больше крови лили исполнители варварских законов, тем сильнее становилась решимость народа защитить угнетенных и спасти помазанника Божьего.

Затем открылась сцена, которой не было даже при самых жестоких гонениях тиранов старого Рима. Вся мощь английского королевства была задействована для подавления ирландской знати во время войн в Ольстере и Мюнстере; теперь вся полиция того же королевства была задействована для задержания и уничтожения служителей церкви. Именно из этого занятия и возникла та великая полицейская система, которая с тех пор процветает в большинстве европейских государств, будучи изобретенной или, по крайней мере, усовершенствованной для этой цели.

Тогда, впервые в современной истории, английским государственным министрам стали платить за службу многочисленные "шпионы" и "доносчики". Ими кишели не только города Англии и Ирландии, главным образом портовые, но и вся страна; их можно было встретить повсюду: вокруг скромного жилища крестьянина и ремесленника, на улицах и на дорогах, проверяя каждого незнакомца, который мог оказаться переодетым монахом или монахиней. Они распространились по всему европейскому континенту - вдоль побережья и в глубине Франции и Бельгии, Италии и Испании, в церквях, монастырях и колледжах, даже при княжеских дворах, и, как мы видели на примере доктора Херли, в самых залах Ватикана. Английские государственные газеты раскрыли их тайну, и вся история теперь перед нами.

Чтобы поддержать эту армию шпионов и доносчиков, солдаты другой армии Англии, которые были заняты либо удержанием Англии под игом, либо вытеснением свободы и религии из

Ирландии, не гнушались выполнять приказы, превращавшие их в полицейских и сбиров. И к их чести можно сказать, что они выполняли эти приказы со свирепым рвением, которому нет равных в летописи военной жизни других стран. Если во время самых страшных волнений во Франции армия использовалась для подобной цели, то следует признать, что, насколько это касалось войск, они выполняли свою нежелательную задачу с неохотой и смягчали, по крайней мере, свое исполнение, учтивыми манерами и почтительным поведением. Но эти солдаты Елизаветы от первого до последнего проявляли свою свирепость. Как правило, они далеко заходили за рамки приказа; они получали нечеловеческое удовольствие, добавляя оскорбление к оскорблению, объединяя в своих лицах двойной характер - стражей общественного порядка и грубых палачей невинных жертв. Многие и многие свидетельства их варварства хранятся по сей день. Мы приводим лишь несколько, чтобы оправдать наши суровые высказывания:

"Преподобные Таддеус Дональд и Джон Хэнли приняли свой мученический венец 10 августа 1580 года. Они долгое время трудились среди страдающих верующих на юго-западном побережье Ирландии. Когда монастырь Бантри был захвачен английскими войсками, эти святые мужи получили свой желанный мученический венец. Их привели на высокую скалу, нависающую над морем, привязали спиной к спине и бросили в волны".

"В монастыре Эннискорт Таддеус О'Меран, отец-хранитель монастыря, Феликс О'Хара и Генри Лейход, находившиеся под управлением Генри Уоллопа, вице-короля Ирландии, были взяты в плен солдатами, в течение пяти дней подвергались различным пыткам, а затем были убиты".

"Преподобный Донатус О'Риди, из Коннаута, приходской священник Кулрахы, когда солдаты Елизаветы ворвались в деревню, искал убежища в церкви; но напрасно, так как он был повешен возле главного алтаря, а затем пронзен мечами, 12 июня 1582 года".

"Когда Друри был лордом-депутатом, около 1577 года, Фергал Уорд, францисканец, ... попал в руки солдат и, подвергнутый жестоким бичеваниям, был повешен на ветвях дерева с накидкой из его собственного религиозного одеяния".

Чтобы найти параллель подобным зверствам, мы должны вернуться к записям о страданиях первых мучеников - например, Игнатия Антиохийского, который писал о стражниках, назначенных для его доставки в Италию: "От Сирии до самого Рима я должен был сражаться с дикими зверями, на море и на суше, привязанный ночью и днем к стае из десяти леопардов, то есть десяти солдат, которые держали меня и были тем свирепее, чем больше я старался быть с ними добрым".

Случаи такой крайней жестокости редки даже в Деяниях первых мучеников, но в мемуарах времен Елизаветы они встречаются нам ежеминутно. И полицейские шпионы, и солдаты-полицейские были воодушевлены яростью и гневом, которые, должно быть, владели душой самой королевы; ведь жестокость, которая практиковалась в ее правление и в основном по ее приказу, была необходима не для того, чтобы обеспечить ей трон при жизни; и поскольку она не могла надеяться на собственное потомство, не желание сохранить корону за своими детьми могло оправдать столько кровопролития и страданий. Она, очевидно, следовала побуждениям жестокого сердца в тех зверских мерах, которые составляют особенность внутренней политики ее царствования. Преследования, непрерывно бушевавшие на протяжении всей ее долгой карьеры в Ирландии и Англии, несомненно, являются одними из самых кровавых в летописи католической церкви.

ГЛАВА X.

АНГЛИЯ ГОТОВА К ПРИНЯТИЮ ПРОТЕСТАНТИЗМА - ИРЛАНДИЯ НЕТ.

Елизавета потратила большую часть своего царствования во времени и все растущие ресурсы объединенной Англии в материальном плане, чтобы установить свое духовное господство в Ирландии; и все же, когда после ее смерти Маунтджой получил приказ заключить мир на почетных условиях с вождями Ольстера, ее дорогая политика была оставлена, а неудача, по сути, признана.

30 марта 1603 года Хью О'Нил и Маунтджой по договоренности встретились в аббатстве Меллифонт, где обменялись условиями мира. О'Нил, объявив о своей покорности, получил амнистию за прошлое, был восстановлен в своем звании, несмотря на то, что был осужден и объявлен вне закона, и восстановлен в своем достоинстве графа Тайрона. Он сам и его люди должны были наслаждаться "полным и свободным исповеданием своей религии"; были выданы новые грамоты, возвращающие ему и другим северным вождям почти все земли, занимаемые их кланами.

О'Нил, со своей стороны, должен был навсегда отказаться от своего титула "О'Нил" и позволить английским законам преобладать на его территории.

Как это последнее условие могло сочетаться с полным и свободным исповеданием католической религии, договор не объясняет; но очевидно, что новые акты парламента, касающиеся религии, не должны были включаться в английский закон, признанный вождями Ольстера.

Тем временем потомки соратников Стронгбоу были полностью покорены на юге, Мюнстер был опустошен, а Джеральдины полностью уничтожены. Но даже там протестантизм не был признан теми жителями, которые остались.

Не лишним будет сравнить различные результаты, которые принесло провозглашение верховенства королевы в Англии и Ирландии:

В начале правления Елизаветы Англия все еще была, по крайней мере внешне, такой же католической, как и Ирландия. Генрих VIII стремился лишь к тому, чтобы положить начало расколу; протестантизм, установленный при Эдуарде, был полностью сметен во время короткого правления Марии. Если бы Елизавета только надеялась на признание Папой королевы, можно не сомневаться, что даже из политических соображений она воздержалась бы от нарушения мира в стране ради введения ереси. Религия была для нее ничем, а корона - всем.

Утвердить ересь для нее было не так просто, как для Генриха ввести раскол. Все епископы царствования Генриха, за исключением Фишера, отказались от верности Риму, чтобы угодить государю; все епископы, выдвинутые Марией, остались верны Риму; и так трудно было найти кого-то, кто посвятил бы новых прелатов, созданных Елизаветой, что католические писатели, как нам кажется, доказали, что ни один из вторгшихся прелатов не был действительно посвящен в сан.

Тем не менее, к концу правления Елизаветы нет никаких сомнений в том, что английский народ, за редким исключением, был протестантским; и протестантами они оставались с тех пор.

В "Истории уголовных законов" д-ра Мэддена читаем: "Отец Кампиан был выдан одним из шпионов Уолсингема, Джорджем Элиотом, и найден спрятанным в доме мистера Йейтса, из Лайфорда, в Беркшире, вместе с двумя другими священниками, мистерами Фордом и Коллингтоном. Элиот и его офицеры выставили своих пленников на всеобщее обозрение, и вид священников в руках констеблей стал предметом насмешек для неразумной толпы. Такое часто случалось при перевозке пленных священников из одной тюрьмы в другую, из Лондона в Оксфорд или наоборот, и, похоже, вместо сочувствия со стороны населения они встречали презрение, оскорбления, а иногда и грубое насилие. Это необычно и нелегко объяснимо; факт же не подлежит сомнению".

Доктор Мэдден, вероятно, считает, что в течение нескольких лет после смены религии английский народ должен был проявить себя таким же твердым католиком, как и ирландцы. Но объяснение оскорблениям и насилию простое: это было английское, а не ирландское население. Первые совсем забыли веру своего детства, вторых невозможно заставить от нее отказаться. Трудность объяснения разницы между ними заключается в том, чтобы понять ее истинную причину; и нам кажется, что одной из главных причин было различие рас.

Английские высшие классы в целом были совершенно равнодушны к религии; единственное, что затрагивало их душу и тело, - это их мирские интересы, и, судя по тому, с какой готовностью они согласились на все изменения, о которых говорилось в начале последней главы, они с такой же готовностью стали бы мусульманами, как и кальвинистами. Низшие классы, поначалу просто пассивные, впоследствии стали одержимы настоящим фанатизмом по отношению к новому вероучению, установленному Тридцатью девятью статьями; так что с того времени и до недавнего времени - а дух его жив до сих пор - английская толпа всегда была готова разрушить католические часовни и заведения любого рода, где бы благочестие нескольких человек не смогло воздвигнуть их, пусть и незаметно.

Из приведенных фактов очевидно, что еще до той необычайной религиозной революции, которая называется Реформацией, католическая вера не была прочно укоренившейся в умах и сердцах англичан, что бы ни происходило в предыдущие века. Очевидно, что даже "народ" в Англии не был готов пойти на любые жертвы ради своей религии.

Не приходится сомневаться, что Елизавета предвидела это и ожидала лишь незначительного сопротивления со стороны английской знати и народа тем изменениям, которые она намеревалась осуществить. Если бы она предполагала, что народ готов пойти на любые жертвы, чем отказаться от своей религии, она, по крайней мере, была бы более осторожна в обнародовании своих мер, даже если бы решила отделить свое королевство от Рима. Она могла бы довольствоваться расколом, введенным ее отцом, и этого действительно было бы достаточно для осуществления ее политических планов.

Но она слишком хорошо знала своих соотечественников, чтобы приписывать им религиозную преданность, которая если и была у них когда-то, то давно угасла. Она видела, что Англия созрела для ереси, и результат подтвердил ее житейскую проницательность. Как же получилось, что перемены, которые были абсолютно невозможны в Ирландии, так легко произошли в другой стране? Или, если обобщить вопрос: Как получилось, что, если говорить в целом, народы Северной Европы так легко приняли протестантизм, в то время как народы Южной Европы отказались принять его или лишь слегка затронуты им? Ранке заметил, что когда после первой вспышки на Севере движение достигло определенной точки во времени и пространстве, оно остановилось и, вместо того чтобы продвигаться дальше, казалось, отступило или, по крайней мере, замерло.

Многие протестантские писатели пытались слабо и легкомысленно решить этот вопрос, и нам постоянно говорят о высшем просвещении северных рас, об их привязанности к свободе, об их более высокой цивилизации и других очень красивых и легко цитируемых вещах того же рода, которые в настоящее время многими признаются как истины и считаются неоспоримыми объяснениями этого явления. Согласно этому мнению, южные расы были более невежественными, менее цивилизованными, более легко обманутыми священниками и королями, а главное, более готовыми склониться перед деспотизмом и равнодушными к свободе.

Католические писатели, в основном Бальмез, часто давали удовлетворительный ответ на этот вопрос; однако ответы, которые они давали на различные софизмы, затронутые в статье, не произвели, похоже, никакого эффекта на современные массы, которые продолжают упорно верить в то, что так часто опровергалось. С нашей стороны было бы самонадеянно и, вероятно, совершенно бесполезно вступать в длительную дискуссию по этому вопросу. Но, будучи ограниченным Англией, он является своего рода тестом, который можно применить ко всем этим предметам цивилизации и свободы, и настолько ясен и верен, что не может оставить ни малейшего места для сомнений или колебаний: более того, поскольку он неизбежно входит в исследование, которое составляет заголовок этой главы, его нельзя полностью отбросить.

Все, что мы делаем, - это выясняем, почему северные народы стали жертвой дезорганизующих доктрин протестантизма с большей готовностью, чем южные. Общее непостоянство человеческого ума, которое так хорошо показал великий испанский писатель, не кажется нам достаточной причиной; ведь ум южных народов, несомненно, не менее непостоянен, по крайней мере, во многих вопросах, чем у других рас.

Сравнивая Север и Юг, мы относим ирландцев к последним, хотя географически они принадлежат к первым и, по сути, являются единственной северной нацией, сохранившей верность Церкви.

Сначала изложим основные факты, которые мы хотим объяснить некоторыми удовлетворительными причинами.

После того как социальные потрясения, вызванные сменой религии, немного улеглись, выяснилось, что протестантизм вторгся в три скандинавских королевства, почти полностью исключив католицизм, причем в такой степени, что до недавнего времени возвращение в лоно матери-церкви означало для любого человека смерть или перевозку.

То же самое можно сказать почти в той же степени о Северной Германии, где открытые гонения, или, скорее, война, бушевали до установления "религиозного мира" в 1608 году. Саксония, где зародилась ересь, была ее центром и оплотом в Германии; саксонцы были скандинавами, перебравшимися с южных границ Балтики, где они долгое время жили в постоянном общении с датчанами, норвежцами и шведами.

Саксонская и нормандская Англия в конце XVI века оказалась почти полностью протестантской, и преследования сравнительно немногих оставшихся в живых католиков разгорелись с новой силой.

Необычное явление наблюдалось в Низких странах. Та их часть, которая впоследствии стала называться Голландией и была впервые захвачена и заселена северянами из Вальхерена, стала почти полностью протестантской, в то время как Бельгия, которая изначально была кельтской, осталась католической.

Бавария, Австрия и Швейцария были разделены между протестантизмом и католичеством, и это разделение существует до сих пор.

Во Франции только часть дворянства, которое изначально было норманнским и франкским, а при феодализме основательно прониклось северным духом, приняла новые доктрины, которые отвергли люди кельтского происхождения. Правда, позднее горцы Севенн приняли протестантизм от старых вальденсов; но мы даем широкий очерк и не отрицаем, что некоторые мелкие черты могут не вписываться в общую картину.

В Италии только литераторы, в Испании несколько ригористически настроенных прелатов и монахов проявили склонность к партии "реформ".

В целом, таким образом, можно с уверенностью заключить, что скандинавский ум был благосклонен к протестантизму.

Мы говорим "скандинавский ум", потому что скандинавская раса простиралась не только через Скандинавию, но и через Северную Германию, вдоль Балтийского моря и Немецкого океана; через Голландию у Вальхерена; через часть Центральной и Южной Германии, вплоть до Швейцарии, куда саксы вторгались во времена Карла Великого и после него, пока Оттон Великий не дал им окончательный отпор, покорив их более основательно, чем это удалось великому Карлу.

По общему мнению, скандинавы и германцы принадлежат к одной расе. В общем смысле это верно, и все индогерманские народы, возможно, изначально принадлежали к одному и тому же роду; но, в частности, в этой огромной ветви человеческой семьи существуют столь разительные различия, что приходится признать существование подрас определенного характера, предполагающих различные, а иногда и противоположные наклонности.

Кто может представить себе, что собственно германцы идентичны индусам, хотя по языку они, как и большая часть европейских народов, могут принадлежать к одному и тому же роду? Точно так же германские племена, хотя и имеют много общего со скандинавской расой, отличаются от нее в различных отношениях.

Лучшие этнографы признают, что скандинавская раса, которую они, по нашему мнению, неправомерно называют готами, сильно отличалась по языку от тевтонской. Язык первых, сохранившийся в своей чистоте в Исландии и по сей день, вскоре смешался с собственно немецким в Дании, Швеции и даже в Норвегии в значительной степени. Таким образом, языки изначально различались, как и, соответственно, расы. Даже в настоящее время скандинавы пытаются установить разницу между собой и тевтонами в отношении языка и национальности.

Насколько идентичной была религия тех и других - сложный вопрос. Мы считаем весьма вероятным, что поклонение Тору, Одину и Фригге было чисто скандинавским и проникло в Германию, вплоть до Швейцарии, вместе с саксами. Герта, согласно Тациту, была верховной богиней германцев. В скандинавской мифологии ей не было места. Ипсамбул, столь известный среди тевтонов, был совершенно неизвестен в Скандинавии. Германцы, как и кельты, считали строительство храмов недостойным божества, в то время как скандинавские храмы, в первую очередь чудовищный храм в Упсале, хорошо известны. Можно привести еще много подобных фактов, чтобы показать различие их религий.

Германцы с самого начала проявляли привязанность к сельской жизни; мы знаем, как франкские короли Меровинги любили жить в деревне. Скандинавы заботились только о

море и своим мастерством в навигации показали, чем они отличаются от германцев, которые даже меньше, чем кельты, были склонны к большим морским экспедициям.

Все это приведено лишь как сильное предположение, а не как доказательство реальной разницы между двумя расами - германской и скандинавской.

Но насколько протестантизм был конгениален для скандинавского ума? Этот второй вопрос имеет еще большее значение, чем первый.

В предыдущей части книги мы рассмотрели характер племен, некогда сгруппировавшихся вокруг Балтики, за исключением финнов, обитавших вдоль восточного побережья; и, опираясь на неоспоримые авторитеты, пришли к выводу, что этот характер состоял главным образом из жестокости, дерзости, хищности, системы и духа предприимчивости в торговле и мореплавании.

Когда они приняли христианство, это, несомненно, в значительной степени изменило их характер, и среди них жило много святых людей, некоторых из которых Церковь причислила к лику святых. Но покорение этих свирепых пиратов было, несомненно, величайшим триумфом, когда-либо достигнутым святой Супругой Христа.

Однако, даже став христианами, они долгое время сохраняли - мы не говорим сейчас о сегодняшнем дне - глубокие черты своего прежнего характера, в том числе старый дух хищничества и ту систематическую дерзость, которая, когда требует случай, всегда готова посягнуть на права других. Вскоре они также проявили общую тенденцию подчинять духовные вопросы индивидуальному разуму, а великие из них - вмешиваться в религиозные дела и вмешиваться в них. Герцоги Нормандии, короли Англии и саксонские императоры Германии редко прекращали спорить о правах духовной власти; ученые среди них были готовы поставить под сомнение верховенство Рима во многих вещах и оспорить то, что другие люди, более религиозно настроенные, признали бы без споров. Дух спекуляции, которому ирландские Четыре магистра отчасти приписывали введение протестантизма в Англии, бушевал в школах этих северных народов, когда более высокая цивилизация привела к возведению университетов и колледжей в их среде.

Но помимо этого систематического философского духа, их характер был глубоко пропитан материальной хищностью, которая, в конце концов, всегда была великим пороком этих северных племен. Нет нужды напоминать читателю, что в Англии протестантизм был особенно благодарен скупым желаниям придворных Генриха VIII и Елизаветы. Конфискация церковного имущества и его распределение среди знатных людей было главным стимулом, побудившим их принять удобные доктрины нового порядка и подмять под себя старую религию страны. Этот хищнический дух проявился и в Германии, хотя и не так явно, как в Англии; и, конечно, в обеих странах всеобщая конфискация имущества религиозных домов, ограбление церковных храмов и их драгоценностей - яркие черты истории великой Реформации.

Уильям Коббетт красноречиво писал на эту тему и привел огромное количество фактов, которые так трудно опровергнуть, что защитники протестантизма были вынуждены прибегнуть к мелким уловкам, заявив, что великий английский радикал был простым партизаном, который никогда не говорил искренне, а всегда подкреплял теорию, за которую брался, преувеличенными и искаженными фактами, которые никто не был обязан признавать под его ответственность. Таков был их ответ; но неудобные факты оставались и остаются неоспоримыми.

Но со времен Коббета люди, которых нельзя обвинить в пристрастности и преувеличении, опубликовали достоверные свидетельства о беспредельной жестокости реформаторов XVI века, особенно в Англии, которые все беспристрастные люди обязаны уважать и не приписывать никаким недостойным мотивам, поскольку они поддерживаются даже протестантскими авторитетами. Приведем несколько цитат, взятых из "Истории уголовного законодательства" доктора Р. Р. Мэддена:

"Граф Уорик, впоследствии герцог Нортумберленд, был первым представителем аристократии в Англии, кто публично выступил против излишеств в епископских одеждах, расходов на облачения и сюртуки, а в конце осудил алтари и "мумию" распятий, картин и изображений в церквях.

"Граф обратил внимание на церковную утварь и драгоценные камни, украшавшие табернакль и киворий. Вскоре многие придворные прониклись подобным же рвением к религии - жадой золота, серебра и драгоценностей из церквей. За короткое время не только имущество церквей, но и владения богатых епископств и соборов были поделены между фаворитами Кранмера и протектора (Сомерсета): как, например, Линкольнский собор "со всеми его поместьями, кроме одного"; епископство Дарем, которое было выделено Дадли, герцогу Нортумберлендскому; Бат и Уэллс, восемнадцать или двадцать поместий которых в Сомерсете были подарены протектору с целью защиты оставшихся."

Ряд подобных подробностей можно найти на страницах того же автора.

Доктор Хейлин, протестант, говорит: "О том, что соображения выгоды продвигали эту работу Реформации так же, как и любую другую, если не больше, можно судить по расследованию, проведенному через два года после этого, в котором (расследовании) следовало спросить: `Какие золотые или серебряные кресты, подсвечники, кадильницы, потиры, копны и другие облачения оставались тогда в любой из соборных или приходских церквей, или, в противном случае, были присвоены или унесены?'. . . Оставляя, - добавляет д-р Хейлин, - по одному потиру в каждой церкви, с тканью или покрывалом для стола для причастия, считалось достаточным. За снятием алтарей по приказу последовала замена их доской, называемой Господней доской, а затем и столом, по решению епископа Ридли.

"Гостиные многих частных лиц были завешаны алтарными покрывалами, столы и кровати покрыты копнами, вместо ковров и покрывал, и многие сделали из священных чаш кубки для питья, как некогда Белшазар праздновал свои пьяные пиры в освященных сосудах Храма. Это был жалкий дом, не заслуживающий названия, в котором не было бы чего-нибудь из этой мебели, хотя бы просто большой подушки из покрывала или алтарной ткани, чтобы украсить их окна и чтобы их стулья казались чем-то вроде государственных кресел".

Могли ли подобные сцены превзойти то, что происходило в девятом, десятом и одиннадцатом веках в захудалых городах Норвегии и Дании после возвращения могущественного сиконга с его большим флотом из пиратского похода в Южную Европу, когда трофеи многих христианских церквей и богатых домов пошли на украшение диких жилищ этих варваров? Адам Бременский рассказывает, как он своими глазами видел богатые продукты европейского искусства и промышленности, скопившиеся во дворце короля Дании и в убогих жилищах знати, или выставленные на продажу на общественных рынках города.

Но хищничество было лишь одной из характерных черт скандинавов; разум народа, несмотря на запутанную и чудовищную мифологию, которую он создал в языческие времена, проявлял рационалистическую и антисверхъестественную тенденцию. Их ум был

по природе своей систематичен и рассудителен; он обсуждал духовные вопросы во всех их материальных аспектах и тем самым порождал те спекуляции, которые вскоре стали источником ереси. Поэтому в Англии и на севере Германии власть Рима всегда ставилась под сомнение; а поскольку английский ум был полностью скандинавским, в то время как ум немцев был смешан с более южным настроением, главная проблема в Германии между империей и Римской церковью заключалась в вопросе инвеституры, который объединял материальный и духовный аспекты, тогда как в Англии ссора почти неизменно носила материальный характер, как, например, пенс Петра.

Даже в самые католические времена англичане горько сетовали на взимание с них петровских пенсов и на передачу английских бенефиций прелатам других наций, что также сводилось к вопросу о доходах или деньгах. И столь характерным было недовольство всего народа, что оно не ограничивалось никаким сословием: церковники и монахи были столь же громкими в своих обличениях Рима, как король и дворяне; и таким образом теологические вопросы папского верховенства и церковной власти в целом приняли вполне материальную форму. Диатрибы бенедиктинского монаха Мэтью Париса хорошо известны, и их мирской дух может вызвать в нас только жалость к тому, что они стали главной причиной разрушения его собственного ордена в Англии и Ирландии и полного разорения религиозных домов, от имени которых он, как ему казалось, писал.

Если бы вред от этих презренных разборок по поводу пенсов и бенефиций Петра ограничился лишением папской казны доходов, которые другие народы с радостью предоставляли в помощь Отцу Верных, результат был бы достойным сожаления; но, в конце концов, христианство не пострадало бы в гораздо более разумной четверти. Но в Англии вопрос сразу же перешел к выборам епископов и аббатов, и таким образом оппозиция Риму постепенно приняла гораздо большие масштабы.

Народ также, в основном, встал на сторону королей против пап. Каждый мещанин Лондона, Йорка или Кентербери вбивал себе в голову, что Рим замышляет глубокие растраты против его частной собственности и собирается залезть глубоко в его личный кошелек. При таком состоянии общественного мнения уважение к духовной власти не могло не уменьшиться и, наконец, совсем угаснуть; и когда голос понтифика раздавался по важным вопросам, затрагивающим интересы нации, даже самые ясные доказательства того, что Рим прав и желает только блага народу, не могли полностью рассеять подозрительные опасения и недоверие, которые всегда должны таиться в уме скупца по отношению к тем, кто, по его мнению, хочет его ограбить.

Здесь нет возможности вдаваться в дальнейшие подробности, но если читатель захочет найти более убедительные доказательства "вопросительного духа", "разумного недоверия" и "систематической догматичности", присущих скандинавскому уму, ему достаточно поразмыслить над тем, что происходило в Англии во времена Реформации. Все вопросы, касающиеся души, все сверхъестественные стремления христианина, все эмоции живой совести, кажется, полностью отсутствуют у всех этих английских дворян, прелатов, теологов, ученых университетских людей, даже простых священников и монахов, за исключением немногих, кто, как и благородный Томас Мор, считал, что "двадцать лет легкой жизни не могут без глупости сравниться с вечностью блаженства". Рассудочный ум, вскормленный на "спекуляциях", заменил веру, и, когда все сверхъестественное было уничтожено, не осталось ничего, кроме мирской мудрости и материальных стремлений к временному благополучию.

Рассмотрев другие особенности скандинавской расы, мы могли бы прийти к такому же выводу, но место не позволяет нам вдаваться в них. Однако после всего сказанного легко

понять, насколько хорошо была подготовлена английская нация к тому, чтобы принять смену религии почти без ропота.

В начале правления Эдуарда VI, когда началось осквернение церквей, народ, правда, выражал некоторое возмущение. "Различные беспорядки, - говорит доктор Мэдден, - происходили из-за поношения таинства, изгнания его из церквей в некоторых местах, разрушения алтарей и изображений; во время одного из таких беспорядков один из представителей власти был заколот, когда сносил некоторые предметы почитания в церкви".

"Короче говоря, все королевство было в смятении, но особенно Девоншир и Норфолк. В первом графстве повстанцы осадили Девон; против них был послан благородный лорд, и, будучи подкреплён валлонами - немецкими наемниками, привезенными для того, чтобы правительство могло осуществить свои планы, - его светлость разбил повстанцев, и многие были казнены по военному положению".

Но этот остаток привязанности к религии своих отцов, похоже, вскоре угас, поскольку после смерти Эдуарда народ, похоже, окончательно обратился в новые доктрины. Во время самой коронации Марии католический священник, прочитав молитву за умерших и осудив гонения предыдущего царствования, устроил беспорядки; проповедника оскорбили и заставили покинуть кафедру. Что же удивляться, что после смерти Елизаветы Англия стала полностью протестантской?

Мы очень далеки от того, чтобы игнорировать благородные примеры верности своей религии, продемонстрированные христианскими героями всех сословий в Англии в те катастрофические дни. Трогательные биографии английских мучеников, рассказанные на простых страницах епископа Чаллонера, невозможно читать без восхищения. Именно такое чувство вызывает у католического читателя прочтение Деяний христианских мучеников при римских императорах, которые так часто укрепляли нашу веру и вызывали слезы скорби на наших глазах. Сейчас, особенно когда столько скрытых доселе подробностей жизни католиков, религиозных и светских священников, мирян, женщин в те времена, всплывают в рукописях, религиозно хранимых в частных семьях, и наконец-то публикуются для всеобщего назидания, Трогательно и вдохновенно рассказывается о героизме, проявленном ими не только на публичном эшафоте, но и в безвестных и отвратительных тюрьмах, в затворничестве и болезненном уединении, продолжавшемся долгие годы безвестной жизни и заканчивавшемся лишь еще более безвестной смертью, когда жертве преследований посчастливилось избежать поимки. Нет сомнений, что, когда станет известна вся история преследуемых католиков в Англии, об их добродетелях будет написано такое трогательное повествование, какое только можно найти в церковных анналах любого народа.

Тем не менее, то, что было сказано о нации, как о народе, остается печальным фактом, в котором невозможно усомниться. Эти благородные исключения лишь доказывают, что расовые побуждения не являются высшими и что Божья благодать может возвысить человеческую природу с любого уровня.

Насколько разными были народы латинского и кельтского происхождения! У них привязанность к религии отцов была не исключением, а правилом, и стоит только вспомнить слова аббата МакГеогаана о том, что к моменту смерти Елизаветы едва ли шестьдесят ирландцев, считая их всех, исповедовали новые доктрины, чтобы сразу же понять, какую устойчивую тенденцию к пути долга прививает истинное благородство крови. Ирландцы не были одиноки в этой стойкости; нет нужды напоминать, как вели себя люди по всей Франции, и особенно в Париже, в то время, когда гугенотские дворяне укореняли в почве

заблуждения, посеянные там ранее и уже принесшие плоды в Германии, Швейцарии и Англии.

Похоже, что мы упустили из виду интересный вопрос, предложенный в самом начале, о котором до сих пор не было сказано ни слова, - распространился ли протестантизм так легко на Севере, потому что он обнаружил, что этот регион населен расами, лучше приспособленными к цивилизации, если не лидирующими в этом отношении, и людьми, жаждущими свободы и нетерпимыми к любому рабству. Мы заявили, что решение этого вопроса, особенно в случае с Англией, очевидно и, следовательно, не должно быть отброшено из-за предыдущих решений того же вопроса, которые почти не встретили внимания со стороны противной стороны.

Бесспорно одно: ни по своему происхождению, ни даже по своим последствиям протестантизм не может считаться в каком-либо смысле поборником свободы и цивилизации на Британских островах.

Нам всегда казалось странным, что здравомыслящие люди, знакомые с историей, могли утверждать, что стремление к свободе и высшей цивилизации дало Германии и Англии склонность к протестантизму. Мы можем понять, как состояние Европы в восемнадцатом и девятнадцатом веках может придать окраску заявлению пристрастного писателя, желающего объяснить в наше время большую свободу, которой действительно пользовалась Англия, и более высокое материальное процветание, наблюдаемое в целом среди протестантских северных народов. Многого можно понять. Но делать протестантизм источником свободы и цивилизации и приписывать ему то, что произошло после его распространения, но что на самом деле было вызвано совсем другими причинами, - это не поддается нашему пониманию.

Что касается свободы, то самый поверхностный читатель должен знать, что в Англии к моменту возникновения протестантизма не осталось ни малейшей ее частицы; и легко показать, что в Германии ее было меньше, чем в Италии, Испании и даже Франции.

Кто может упоминать английскую свободу в одном дыхании с Генрихом и Елизаветой Тюдор? Как действия этих двух членов семьи могли хоть в малейшей степени способствовать ее развитию, и разве не рабский нрав английского народа в то время так прекрасно подготовил его к восприятию немецкой ереси? С народом обращались как с рабами, и он ничего не значил в замыслах этих великих политических правителей. В самой верхушке аристократии не осталось ни искры прежнего храброго духа, который вырвал Магна Чарта из сердца слабого государя. Король или королева могли бесстрашно попираť все привилегии дворянства, отправлять на каторгу самых гордых лордов нации почти без суда и следствия и конфисковывать в раздутый королевский кошелек огромные поместья первых английских семей. Для этого не нужны доказательства. Доказательства - это записи, заголовки, так сказать, истории тех времен, которые можно читать на бегу; они составляют самую суть их истории, а события шестнадцатого века в Англии едва ли представляют нам что-либо иное. Такое положение вещей было естественным результатом всеобщей анархии, царившей во время "Войны роз".

Здесь можно поставить более интересный и сложный вопрос: как объяснить появление подобного явления в столь гордой нации? Имеет ли к этому отношение католическая религия, которая до этого времени была единственной религией страны? Эти вопросы могли бы послужить материалом для весьма оживленной дискуссии. Но в отношении самого факта - рабской покорности англичан, находившихся в то время под властью короля и королевы, - сомнений быть не может.

Доказательство того, что католицизм не имел никакого отношения к введению такого деспотизма, привело бы к слишком длинной диссертации, чтобы мы могли в нее вступать. Мы просто предлагаем несколько соображений, которые, как нам кажется, окажутся достаточными и удовлетворительными для нашей цели для любого откровенного читателя:

I. Католическое богословие, конечно, никогда не приводило к такому положению вещей. Во всех католических школах того времени, как в Англии, так и на континенте, святой Фома был великим авторитетом, а его труд "De Regimine Principum" был в руках у всех студентов-католиков. Лютер был первым, кто отверг святого Фому.

В этой книге всех учили, что если среди различных видов правления "правление короля - наилучшее", то, по мнению автора, "правление тирана - наихудшее". А тираном он называет "любого правителя, который презирает общее благо и стремится к своей личной выгоде".

В этой книге великого доктора все могут прочесть: "Чем дальше правительство отходит от общего блага, тем оно несправедливее. Оно отступает от общего блага в олигархии, которая стремится к благосостоянию немногих, чем в демократии, цель которой - благо многих. . . . Но еще больше она удаляется от общего блага при тираническом правительстве, которое стремится к благу одного".

Общее следствие, которое святой Фома выводит из этой доктрины, заключается в том, что "если правитель управляет множеством свободных людей ради общего блага этого множества, то правительство будет хорошим и справедливым, как и сами свободные люди".

Такова была политическая доктрина, которую преподавали в католических университетах Европы до XVI века; но, по всей вероятности, этот золотой труд, "De Regimine Principum", уже не был учебником в английских школах времен Генриха Тюдора.

Но когда, вдаваясь в подробности, святой и ученый автор противопоставляет противоположные эффекты, производимые свободой и деспотизмом на нацию, как мог Генрих по своей воле допустить распространение таких слов, как следующие?

"Естественно, что люди, находящиеся под террором" (тиранического правительства), "должны вырождаться в существа рабского нрава, стать робкими и неспособными к любым мужественным и смелым предприятиям - это утверждение подтверждается поведением стран, которые долгое время находились под деспотическим правительством. Соломон говорит: "Когда у власти находятся властные, люди прячутся", чтобы избежать жестокости тиранов, и это не удивительно: ведь человек, правящий без закона и по собственному капризу, ничем не отличается от хищного зверя. Поэтому Соломон называет нечестивого правителя рыкающим львом и хищным медведем".

"Итак, поскольку следует предпочесть правление одного - что лучше всего, и поскольку это правление может вырождаться в тиранию - что, как было доказано, хуже всего, - следовательно, следует самым тщательным образом регулировать установление короля над народом, чтобы он не впал в тиранию".

Наконец, святой Фома воплощает доктрины всей этой книги в своей "Сумме" следующим образом: "Тираническое правительство несправедливо, поскольку управляется не ради общего блага, а ради частного блага правителя; поэтому его свержение не является мятежом, если только ниспровержение тирании не преследуется столь неумеренно, что народ больше страдает от его свержения, чем от существования правительства".

Эту тему можно было бы проиллюстрировать любым количеством выдержек из трудов других великих теологов средневековья; но для нашей цели достаточно того, что мы сказали. Очевидно, что католическая доктрина не могла привести к такому состоянию Англии при Тюдорах.

II. Еще одно, и очень важное, предположение заключается в следующем: несомненно, не католическая иерархия, и в первую очередь не папская власть, породила это состояние.

Что бы ни писали об институтах, существовавших в Европе в средневековый период, протестантские писатели обычно признают несколько важных фактов, наиболее благоприятных для католической религии, из которых мы выделим два. Первый из них был первоначально изложен М. Гизо в его "Цивилизации в Европе", а именно, что королевство Франция было создано христианскими епископами. После этого первого признания другие не католические писатели пошли дальше и были вынуждены признать, что, как правило, все современные европейские нации были созданы, вскормлены и воспитаны католическими епископами и что первые свободные парламенты этих наций были, по сути, "советами Церкви", либо чисто клерикальными и совершенно свободными от примеси мирских элементов, как Толедский совет в Испании, либо действующими в согласии с представителями различных классов в нациях.

Духовенство, как известно всем читателям, - дьяки - первыми взяли на себя инициативу в гражданских делах, будучи более просвещенными, чем другие сословия, и сохранив в себе всю образованность прежних времен. Нет необходимости добавлять к этому тот факт, что среди истинно христианских людей к голосу религии прислушиваются раньше, чем ко всем остальным. И разве сегодня не является общеизвестным тот факт, что в основном влияние, оказанное духовенством на формирование современных европейских королевств, было направлено в пользу хорошо регулируемой свободы, основанной на первом законе - законе Божьем, этом первоисточнике истинной свободы и цивилизации? Духовенству, безусловно, и монахам, в первую очередь, принадлежит отмена рабства; епископы принимали самое активное и заметное участие в движениях коммун, которым обязано своим рождением Третье сословие.

Многие писатели проявляют злобную изобретательность, перебирая страницы истории, чтобы навесить на некоторых прелатов Церкви обвинения в деспотизме и угнетении. Но, помимо того, что столь тщательно собранные повествования во многих случаях оказались извращением истины, и даже если допустить, что все эти обвинения беспристрастны и правдивы, общий тон и тенденция истории тех времен теперь признаются достаточным опровержением подобных обвинений. И беспристрастные авторы признают, что церковное влияние в те века было четко направлено против угнетения народа и в конце концов привело к формированию тех представительных и умеренных правительств, которые являются гордостью нынешнего века; И что принципы, провозглашенные великими школярами во главе с Фомой Аквинским, основали порядок в обществе на справедливости, религии и праве. Чем больше история изучается честно, тщательно и беспристрастно, тем яснее становится тот великий факт, что католическая иерархия в различных европейских странах представляла собой авангард истинной свободы и порядка.

Что касается папской власти, то любопытным примером обратного хода человеческих суждений и весьма значительным фактом является то, что те самые папы, на которых сто лет назад даже католические писатели смотрели как на воплощение надменного высокомерия и святотатственного самомнения, а именно Григорий VII, Иннокентий III и Бонифаций VIII,

теперь признаны величайшими благодетелями Европы своего времени и истинными образцами верховных христианских епископов.

Но если признать эти два факта, то возникает вопрос: как получилось, что правительства нескольких королевств, и в частности Англии, в течение XV и XVI веков слились в полный и беспрепятственный деспотизм? Поскольку наш интерес к этому вопросу ограничивается Англией, мы ограничимся этой страной и расскажем о ней в нескольких словах.

При Тюдорах правительство стало совершенно безответственным, личным и деспотичным, главным образом потому, что при предыдущих правлениях и постоянно с момента установления норманнской династии королей авторитет Рима, который в то время был единственным серьезным противовесом королевской власти, постепенно подрывался, а епископы, лишённые помощи верховного понтифика, стали лишь орудием в руках монархов.

Особая форма, которую приняла оппозиция Риму в Англии, по сравнению с аналогичной оппозицией в Германии, уже была затронута; оказалось, что она была связана главным образом с денежной данью и бенефициями, причем последние также сводились к денежным затруднениям. Было видно, что монахи и народ в целом встали на сторону королей и постепенно прониклись неприязнью и недоверием ко всему, что исходило из Рима; власть монарха, хотя и не была точно укреплена таким образом, осталась без контроля вышестоящего трибунала, который мог бы направлять ее, и, следовательно, короли, если они пожелают, могли следовать импульсу своего собственного каприза, который, по словам святого Фомы, составляет характерную черту тирании.

Другие причины, несомненно, способствовали возникновению и укреплению деспотизма английских королей. Среди таких причин можно назвать необычайные успехи, сопутствовавшие английскому оружию под предводительством королей-воинов во Франции, и страшные потрясения, вызванные Войной Роз; но мы не сомневаемся, что вышеупомянутая причина была главной и сама по себе в конечном счете привела бы к тому же результату.

Протестантизм, таким образом, не был порождением свободы в Англии и не насаждал ее с момента своего появления, поскольку королевская власть стала более абсолютной, чем когда-либо, благодаря его преобладанию и первому принципу, который он установил, - верховенству короля как в церкви, так и в государстве. Можно ли объяснить его возникновение в Англии существованием более высокой цивилизации, предшествующей ему по времени, из которой он вырос, или, по крайней мере, истинным стремлением к ней.

Этот вопрос так же прост в решении, как и первый: Не подлежит сомнению, что народы, полностью или в основном сохранившие верность Церкви, по уровню образованности и цивилизации намного превосходили северные народы, где ересь так рано обрела постоянную опору, и что на Юге тенденции к высшей цивилизации были в то время наиболее заметны и необычны, настолько, что правление Льва X. стало обиходным выражением для обозначения совершенства культуры.

Англия как нация в тот период только начинала выходить из состояния варварства и фактически была последней из европейских наций, принявшей цивилизованные обычаи и нравы в политических, гражданских и социальных отношениях жизни.

В политике она до той эпохи была погружена в страшные династические революции и еще не усвоила первые принципы хорошего управления. В гражданских делах ее кодекс был самым варварским, феодальные обычаи - самыми отвратительными, вся ее история - самой ужасающей во всем христианстве. В общественных устоях ей едва удалось сохранить

несколько драгоценных фрагментов старых добрых католических времен; а страшные сцены, через которые прошла нация и которые, по словам Ж. Ж. Руссо, выражающего истину, делают чтение этого периода ее истории почти невозможным для гуманного человека, почти полностью погрузили ее в деградацию. Читатель поймет, что речь идет об Англии трехсотлетней давности, а не сегодняшней.

Если под цивилизацией понимать обучение и изящные искусства, то, что в общей фразе выражается культурой и утонченностью, то как могла Англия сравниться в то время с Италией, Фландрией, Испанией, Францией, всеми латинскими или кельтскими народами? Как можно утверждать, что она была лучше приспособлена для принятия более духовной и возвышенной религии, чем любая из упомянутых стран?

В доказательство того, что используемые выражения грубы и необоснованны, можно привести два великих имени - Шекспира и Мильтона; третье, Бэкона, мы опускаем по причинам, которые не позволяют нам привести наше пространство.

Шекспир, чье имя можно поставить в один ряд с именами Гомера и Данте, не был продуктом тех времен. Он был даром Небес. В любую другую эпоху он был бы таким же великим, а может быть, и более великим. То, что он получил от своего окружения и от "цивилизации", которой он был благословлен, он передал нам в безлюдной форме, с хитросплетением сюжета и приключений, которые сделали бы варварским поэта, менее одаренного от природы. И, хотя этот вопрос никогда не был окончательно решен, вполне вероятно, что он родился и жил католиком; странно, как Елизавета, которая, по преданию, присутствовала на некоторых из его пьес, могла терпеть его верное изображение монахов и монахинь, в то время как она так варварски преследовала их оригиналов; Самое странное, как она могла вынести истинный и благородный образ Екатерины Арагонской, которую Генрих в благоприятный момент объявляет "королевой земных королей", противопоставив ее собственной матери, о которой проницательная старая придворная дама рассказывает такую историю:

"Жила-была одна дама (это старая история), Которая не стала бы королевой, не стала бы, За всю грязь в Египте: слышали ли вы ее?".

Так Шекспир противопоставляет распутную мать Елизаветы и благородную женщину, которую Генрих отбросил ради игрушки. А некоторые критики могут найти причину написания "Виндзорских жен" и "Сонетов" только в том, что это подношение развратной королеве. Больше он ничем не обязан своему времени.

И Милтон, который, хотя его отец был католиком, сам был пуританином, может сказать о нем то же, что мы сказали о Шекспире. Во всяком случае, вся его образованность и вкус пришли из Италии. Поэты этой по-настоящему цивилизованной страны отшлифовали его грубую натуру, как бы вопреки ей самой, и добавили к глубине его удивительного гения красоту и мягкую гармонию стиха, который всегда струился свободно, и силу нервной и звучной прозы.

Теперь встает вопрос: Если происхождение протестантизма в Англии нельзя приписать свободе и цивилизации, то нельзя ли, по крайней мере, утверждать, что естественным результатом протестантизма стало обретение истинной свободы и более высокой цивилизации? Разве не правда, что сегодня протестантские нации опережают другие в обоих этих отношениях? И какой еще причине можно приписать такое продвижение, как не "реформированной религии"? Разве не свобода, пришедшая к человеческому разуму после

отказа от ига духовных авторитетов и провозглашения прав индивидуального разума, привела к нынешнему передовому состоянию дел.

Нам знакомы все эти благозвучные фразы, которые так постоянно вдалбливают нам в уши и пересказывают изо дня в день в тысяче форм. Вопрос, признаем, не так прост в решении, как первый, и может быть, действительно, без подозрений в уклончивости, отброшен как не относящийся к теме данной главы, в которой речь идет о происхождении, а не о последствиях. Тем не менее, можно посвятить этому вопросу несколько слов, чтобы доказать, что ответ все равно должен быть отрицательным.

Первым результатом протестантизма, несомненно, было как можно более полное уничтожение оставшихся искр истинно либеральной мысли, провозглашенной в Европе католическими докторами средневековья. Везде, где распространялись новые доктрины, светские правители не только освобождались от понтификального контроля, но и сами наделялись высшей церковной властью. Эффективный контроль, который отеческий и смелый голос, исходивший из Ватикана, оказывал на королей и князей, был в одно мгновение отменен. В Германии, Англии и Скандинавии короли и мелкие князья, и даже герцоги, стали каждый столько папой в своих владениях. И это происходило с согласия, а часто и по настоятельной просьбе реформаторов.

Даже те европейские государства, которые не отпали от старой веры христианства, воспользовались, можно сказать, трудным положением, в котором оказался Святой Отец, чтобы поддержать новые доктрины в отношении пределов власти Верховного Понтифика; И новые заблуждения, которые так внезапно появились во Франции и других странах во время и после великого раскола, ограничивая власть пап во многих вопросах, где она считалась обязательной, снова вспыхнули, в основном во Франции, под руководством протестантских или эрастианских парламентариев и легистов, под названием галликанских свобод - мнимых свобод, которые действительно сделали бы Церковь подчиненным приложением государства, вместо того, чем она является, духовным живым телом, управляемым исключительно духовным главой.

Как могли способствовать делу истинной свободы в Европе такие изменившиеся обстоятельства, не говоря уже о катастрофическом безрассудстве, с которым эти слепые правители и так называемые теологи отняли ключевой камень у европейского общественного здания, которое с того дня становилось все слабее, пока теперь мы не видим, как оно клонится к своему падению.

Введение протестантизма стало одной из главных причин перемен, в результате которых в руки государя перешла гораздо большая личная власть, чем та, которой он обладал прежде, и нет ничего удивительного в том, что абсолютизм императоров и королей в христианской Европе возник с его приходом.

С течением времени, когда причина стала действовать в более широких масштабах, охватывая более широкую окружность и втягивая в свой круг более обширные территории, мир увидел абсолютное правление, установленное в Англии, Франции, Испании и Германии. До шестнадцатого века слово "абсолютизм" было неизвестно в христианстве, как и доктрина "божественного права королей", которую понимали и проповедовали в Англии.

Но для того чтобы привести подробности, которые сделают эти размышления более поразительными, потребуется распутать весь запутанный клубок истории тех времен.

Тем не менее, мы должны рассмотреть последнее убежище протестантского либерализма. Действительно ли Реформация освободила современные народы и постепенно привела к появлению системы представительных органов власти, которая, начиная с Англии, стала более или менее распространенной во всей Европе?

Можно согласиться с тем, что протестантизм породил определенный вид либерализма, весьма распространенный в наши дни; но такой либерализм весьма далек от того, чтобы даровать нациям истинную свободу и стабильность; отсюда их постоянное волнение и общественные опасности, которые угрожают всем, даже особо благополучным протестантским нациям в той же мере, что и любым другим.

Именно новые доктрины привели к созданию "Содружества" в Англии и последующей революции 1688 года; между этими двумя событиями, однако, существуют большие различия.

Уничтожение монархии при Карле I было справедливым возмездием, назначенным Провидением английским королям, которые первыми открыто стряхнули с великой нации мудрое и благотворное иго Рима. Во всяком случае, несомненно одно: при "Протекторе", дитяти Революции, так же мало, как и при протестантских Тюдорах, англичане едва ли могли считаться свободными людьми.

Кромвель изгнал из зала представителей народа. Он едва ли мог найти эпитеты, достаточно унижительные для Магна Харты, которую народ считал, и справедливо, палладиумом английской свободы. В его презрительном приказе "убрать этот грохот", хотя "грохот", о котором идет речь, был булавой спикера, это слово означало свободу нации. Он был таким абсолютным монархом, какой когда-либо правил Англией. Свобода, которой он пользовался при его режиме, была бессмысленна для всех сословий, как и для католиков, которых он угнетал больше, и плохо компенсировалась материальным процветанием, которое его гений так хорошо знал, как обеспечить.

Именно его деспотическое правление и страх перед анархией, который охватил умы людей после его смерти - страх перед правительством соперничающих солдат - сделали столь легкой триумфальную реставрацию никчемных Стюартов в лице самого никчемного из них, Карла II.

Истинная конституционная свобода, которой может по праву похвастаться Англия, была делом долгих лет, последовавших за революцией 1688 года. По сути, это была работа всего восемнадцатого века, основанная на обломках старых католических доктрин и обычаев. Его ни в коем случае нельзя назвать результатом протестантизма, разве что как следующий за ним по времени.

Тот, кто знаком с состоянием религии и общества в Англии во второй половине XVII и в течение всего XVIII века, не нуждается в пояснениях, что среди правящих классов вера в богооткровенную религию перестала существовать. Как только иго Рима было сброшено, человеческий разум быстро вывел все последствия принципа полной независимости в религиозных вопросах. Тиндал, Коллинз, Гоббс, Шафтсбери и другие философы открыто осудили откровение, и та часть нации, которая считала себя просвещенной, приняла их новые доктрины. Было бы ошибочно полагать, что в 1700 году и позже англичане так же твердо верили в Тридцать девять статей Англиканской церкви, как это казалось в начале этого века. Весь прошлый век был для всей Европы, за исключением двух полуостровов - Италии и Испании, - периодом явного неверия.

Даже пресвитерианская Шотландия не избежала этой заразы, и некоторые богословы и проповедники Кирка того времени превозносятся за их либеральные взгляды на религию, то есть за отсутствие настоящей веры. Влияние Уэсли и его соратников на английские умы, а также страх перед распространением французской неверности и якобинства были более обширными и действенными, чем люди склонны представлять; и нет сомнений, что семьдесят лет назад Англия была гораздо более верующей страной, чем за сто лет до этого.

Но если даже шотландские пресвитерианские священники и служители Англиканской церкви, такие как Лоуренс Стерн, были недостойны называться христианами, то что же нам думать о тех, кому приходилось исповедовать не внешнюю веру в христианство из-за министерских должностей? Нет сомнений, что в массе своей они были почти полностью лишены какой-либо веры в явленную религию.

Таким людям, как эти, Англия обязана развитием своей конституции. Если протестантизм и сыграл в ней какую-то роль, то не более чем подготовил почву для уничтожения христианства в умах и сердцах людей; или, вернее, конституционная свобода в Англии никак не связана с религией. Англичане, предоставленные самим себе, проявили огромное количество государственных качеств, придумав для себя систему сдержек и противовесов, которая защищала подданных и определяла права правителя; и это дало нации несомненное превосходство над соседями на континенте. Но это нельзя приписать, разве что в очень отдаленной степени, протестантской доктрине о независимости человеческого разума.

Если бы мы изучили влияние, которое пример Англии произвел на другие народы, то обнаружили бы, что вместо распространения свободы он стал причиной распространения необузданной свободы под названием либерализм.

В самой Англии низшие слои общества находились в невежестве и, следовательно, в подчинении у правящих классов, а последние считали своим интересом сохранять порядок и стабильность в государстве, поэтому не могло возникнуть никаких страшных волнений, угрожающих разрушением общества.

В континентальных странах средние и даже низшие классы с большей готовностью подхватывали доктрины, которые, если их держать в рамках, могут способствовать внешнему процветанию, но которые, доведенные до крайности и логических последствий, могут вовлечь всю нацию в революцию и бедствия.

Так было в наши дни и в дни, непосредственно предшествовавшие нашим; и сейчас Англия переживает отдачу от этих конвульсий и, кажется, находится накануне того, чтобы самой подвергнуться конвульсиям, возможно, более ужасным, чем какие-либо другие нации.

Этих нескольких размышлений должно быть достаточно, поскольку их расширение вышло бы за рамки нашей темы. Но теперь встает вопрос: почему Ирландия оказалась не готова к принятию протестантизма? Почему она отвергла его окончательно и бесповоротно?

Согласно теоретикам, которые приписывают успех протестантизма на севере Европы более высокой цивилизации и более пылкой любви к свободе, противоположные характеристики должны были бы отличать те народы, которые остались верны Церкви, и особенно ирландцев. Так неужели отсутствие более высокой цивилизации и более пылкой любви к свободе стало причиной того, что Ирландия принесла столько страшных жертв только ради своей религии?

Мы не должны бояться приступать к сравнению скандинавской и кельтской рас в этих двух суставных точках, как они существовали во времена Тюдоров. Мы уверены, что подробное исследование обеих расы привело бы к блестящему подтверждению ирландского характера, хотя из-за шестисот лет жестоких войн с датчанами и англо-норманнами фактическое процветание страны значительно уступало английскому. Но набросок столь обширной темы должен нас удовлетворить.

Если судить о подъеме настроений нации, то первое, что бросается в глаза, - это мотив, которым руководствовались ирландские представители, отказываясь принять билль о верховенстве. "Пять или шесть смен религии за двенадцать лет - это слишком много для совестливых людей". Таков был ответ, присланный Елизавете, и произнесенный так, будто его легко понять. Если бы они считали, что их язык может быть неправильно понят, они, несомненно, выразились бы более жестко.

Странно, что столь очевидное и здоровое замечание не пришло в голову умным и высокоцивилизованным членам английского парламента - этим горячим поклонникам свободы - когда новый английский монарх обратился к ним с просьбой признать и утвердить в качестве закона религиозную систему, которую он решил установить!

Очевидно, что в это время Ирландия обладала совестью, на которую Англия либо не претендовала, либо не делала никаких притязаний; и, возможно, не будет слишком многого, если считать это первой причиной, по которой Ирландия осталась верна своей религии. На самом деле вся история того периода подтверждает это общее наблюдение. Покорность гордой английской аристократии, этих притворных государственных деятелей и законодателей в вопросах, столь тесно связанных с душой, ее убеждениями и моралью, убедительно показывает, что слово "совесть" не имело для них никакого значения или что, если они и знали о существовании такого понятия, они так мало придавали ему значения, что были готовы в любой момент обменять его на положение, то, что они считали честью, и богатство.

С другой стороны, постоянный, непоколебимый и категорический отказ ирландцев отречься от своей религии ради новаторских "спекуляций" притворных теологов - на самом деле еретических учителей - по приказу короля или королевы; их готовность подчиниться всем строгостям чрезвычайных уголовных законов вместо того, чтобы послушаться своего чувства права, слишком хорошо доказывает, что они обладали совестью, знали, что она означает, и решили следовать ей. Нет ни одного факта в их истории, общего или частного, если брать их вместе как нацию, когда своими действиями они выступали как единый народ, или по отдельности, когда священник и монах, великий человек или ничтожество, предпочитали потерять положение, имущество, имя, саму жизнь, чем быть неверными своей религии и Богу, который не доказывал бы, что они обладали совестью и подчинялись ее голосу.

Может ли народ, лишенный этого, считаться по-настоящему свободным и цивилизованным? И может ли народ, обладающий этим, считаться варварским? Ответ не может вызывать сомнений и сам по себе является достаточным решением рассматриваемого вопроса.

Но перейдем к более конкретным деталям. Ирландское представление о цивилизации, конечно, сильно отличалось от английского, но было ли оно менее верным? С момента первого вторжения нормандские дворяне и прелаты смотрели на захваченный народ как на варварский и неотесанный, как они ранее смотрели на англосаксов. Позже они говорили об ирландских обычаях как о "развратных", а еще позже большинство из них переняли эти "развратные обычаи".

Если речь идет лишь об утонченности внешних манер и знакомстве с искусственным кодексом, установленным обществом, с которым ирландцы до того времени никогда не вступали в контакт, норманнам можно предоставить все преимущества, которые они могли извлечь из этого, хотя даже в этом случае ирландские вожди могли впоследствии выгодно отличаться от своих врагов. Например, сомнительно, чтобы Хью О'Доннел и О'Салливан Бир, один из которых отправился в Испанию, а другой - в Португалию, а со вторым Филипп II велел обращаться как с испанским вельможей, не были столь же учтивы и достойны, как Сесил или Уолсингем, Эссекс или Рэли при дворе Елизаветы. И если мы возьмем случай потомков воинов Стронгбоу, которые стали "более ирландцами, чем ирландцы", то нет причин, почему бы нам не предпочесть манеры и осанку молодого Джеральда Десмонда, когда он, покинув Рим, появился при тосканском дворе, манерам и осанке молодых лордов, которые танцевали в Виндзоре, под взглядом Генриха, с Анной Болейн. Но если подойти к этому вопросу серьезно и изучить его более тщательно, то можно обнаружить необходимость изменить слишком распространенное мнение.

Цивилизация состоит не только и не столько в утонченности манер, сколько во всем том, что возвышает нацию; и после "совести", о которой мы говорили, ничто не играет такой важной роли в превращении нации в цивилизованную, как институты, в соответствии с которыми она живет.

Законы - это великий показатель цивилизованности народа, прежде всего в том, что касается их исполнения. Ничто не может быть более показательным, чем уголовный кодекс народа.

Законы Англии того времени мало чем отличаются от ирландского сборника, известного как "Сенчус Мор", который ученые смогли изучить совсем недавно, и который печатается сейчас, когда мы пишем, и будет проиллюстрирован учеными примечаниями. Из всех рассказов компетентных рецензентов ясно, что мудрость, здравый смысл, справедливость и христианское чувство составляют суть тех законов, которые Эдмунд Кампиан застал молодых ирландцев своего времени, изучавших их при столь странных обстоятельствах и с таким рвением и прилежанием, что они потратили на это шестнадцать или восемнадцать лет.

А как исполнялись те самые христианские законы, которые легли в основу английского законодательства в тот же период? Каковы, например, были особенности его уголовного кодекса? Нет необходимости описывать то, что известно всему миру.

В оправдание характерной для него варварской кровожадности можно сказать, что пытки, жестокие наказания и страшные кары за незначительные проступки составляли общие черты уголовного кодекса большинства христианских народов. Они были переданы варварскими предками, по большей части реликтами скандинавской жестокости, добавленной к римским наказаниям рабов, которые были пережитками языческой бесчеловечности. Этот ответ был бы недостаточен при сравнении английского и брехонского права, но он не выдерживает критики даже по отношению к другим континентальным нациям. Ни в одной стране того времени наказание не было столь безжалостным, как в Англии. Подробности, которые сейчас хорошо известны, могут быть опубликованы только для исключительных читателей; чтобы найти для них сравнение, доктор Мэдден говорит

"Мы должны спуститься к царствованию террора во Франции, к резне в сентябре, к массовым казням обычных времен; чтобы увидеть, как толпа оскорбляет жертв, а сам палач добавляет личное оскорбление к отвратительному исполнению своего ужасного долга".

Если перейти от законов к обычаям ведения войны, а в первую очередь к домашним распрям, то здесь проявляется самое уязвимое место в ирландском характере. Постоянные междоусобицы, являющиеся следствием клановой системы, служат неизменной темой для тех, кто обвиняет ирландцев в варварстве. Однако нет ли параллели с ними в ужасах тех династических революций, которые предшествовали Тюдорам в Англии, и которые Тюдоры положили конец только благодаря полнейшему деспотизму и пролитию потоками лучшей крови страны? Ирландские междоусобицы никогда не приводили к обезлюдению страны. Большинство достоверных историков даже признают, что, пока эти распри были в разгаре, земля действительно кишела счастливым народом и была богата всем, чем может наслаждаться сельскохозяйственная страна. Великие битвы между различными кланами часто заканчивались гибелью нескольких десятков воинов. Именно так, по сути, летописцы оценивали потери или выигрыши от каждой из этих побед или поражений.

Но в Войне Роз Англия потеряла большую часть своего взрослого населения; настолько, что оказалась совершенно неспособной вести войну с какой-либо внешней страной. Она даже не могла позволить себе послать подкрепление в английскую Палю в Ирландии - даже несколько сотен человек, которые временами могли бы оказаться столь полезными. На самом деле для Англии было очень вовремя и почти счастливо, что сокрушительный деспотизм Тюдоров спас нацию от полного разорения.

Наконец, можно ли утверждать, что ирландцы уступали англичанам в цивилизованности по причине своих социальных привычек, когда датчане, англосаксы и норманны, в свою очередь, неизменно перенимали ирландские нравы, предпочитая их собственным, после того как прожили в стране достаточно времени, чтобы оценить разницу между теми и другими?

Писатели, о которых мы говорим, приписывают распространение протестантизма не только более высокой цивилизации или, по крайней мере, особой склонности и пригодности к ней, но и утверждают, что оно было вызвано большей любовью к свободе, которая владела теми, кто принял его; в то время как ирландцы, как они утверждают, были вечно окованы священниками и трусили под плетью.

Связь между английским протестантизмом и свободой уже была достаточно затронута. Но в Ирландии все сопротивление ирландского народа смене религии является самым ярким доказательством присущей ему любви к свободе.

Что означает слово "священник"? Если применительно к ирландцам оно означает, что они остались преданными своим духовным наставникам и ценой жизни и конечностей защищали их от исполнения варварских законов, то этот эпитет, который бросают им в упрек, является для них славой, причем истинной.

Разве можно обвинять их в трусости за то, что они не отважились снести ни одной католической часовни - любимое развлечение английских толп со времен Елизаветы до Виктории, - или за то, что они не нашли в себе мужества поглумиться над мучеником на костре или обагрить свои руки его кровью, как это сделала нация более высокой цивилизации и более пламенной любви к свободе?

Ирландцы дрожат под ударами плети! Ее никогда нельзя было применить, пока расчетливое вероломство не сделало их обнаженными и беззащитными и не лишило всех средств защиты. И тот, кто в таком случае получает удар плетью, - трус, а тот, кто спокойно применяет его, - герой!

Наши наблюдения до сих пор расчищали почву для правильного решения и понимания данного вопроса. Теперь можно сказать, что ирландцы не были готовы к принятию протестантизма и остались тверды в своей вере, потому что...

1. Они обладали совестью.

2. В их стране не существовало религиозных злоупотреблений, достойных названия, которые требовали бы реформы. В Англии и Германии такие злоупотребления служили предлогом для смены религии. Это был всего лишь предлог, поскольку предполагаемые злоупотребления можно было устранить, не вторгаясь в сферу веры и не нарушая религиозных убеждений всей нации. Нет более тяжкого преступления, чем внедрить среди людей, пользующихся всеми благами, вытекающими из твердой веры в святую истину, простое сомнение, простое колебание догадок, чтобы заставить их хоть немного поколебаться в том, что прежде было твердой и обоснованной верой. Но если учесть, что это преступление дошло до того, что настолько подрывает фундамент христианской веры, что неизбежно приводит к открытию перед народами страшной бездны атеизма и отчаяния, - нет слов, достаточно сильных, чтобы выразить негодование, которое, естественно, должно вызывать такое развитие событий. И то, что конечным результатом новой ереси было приведение людей на самый край пропасти, сегодня уже достаточно очевидно, и это предвидел сам Лютер. По всей вероятности, он ясно осознавал это, поскольку вторая половина его жизни была посвящена тому, чтобы подпирать рушащиеся стены своего наспех возведенного здания теми опорами, которые он мог украсть у старой веры, и упорно бороться против всех тех, кто уже сделал окончательные выводы из его собственных принципов.

Для тех, кто в XVI веке привел в движение хаос, грозящий захлестнуть нас сегодня, религиозные злоупотребления, существовавшие в то время, не могут служить оправданием для уничтожения религии, поскольку пятна запятнали чистоту ее внешнего одеяния.

Но в Ирландии таких злоупотреблений не было, а значит, не было и предлога для введения протестантизма, и по самой причине своего чувства добра и права ирландцы оказались не готовы к ереси.

3. Даже если бы им пришло в голову пожелать какой-нибудь реформации, они, конечно, не были готовы к тому, что им предложили. Первой реформой нового порядка было закрытие любимых народом религиозных домов, которые были очагами обучения, святости и просвещения. Их предки-католики основали эти религиозные дома; они сами пользовались духовными и даже мирскими преимуществами, связанными с ними, ведь они были фактически единственными важными и полезными учреждениями, которыми располагала их страна; они были освящены жизнью и смертью тысячи святых в своих стенах; И вдруг они увидели, как притворные служители новой религии, о которой они ничего не знали, при поддержке свирепых валлонских или английских отрядов выгнали или убили их обитателей, закрыли их, подожгли, разграбили или превратили в частные жилища для удобства привозной аристократии. Это был первый акт "внедрения" "Реформации" в Ирландии. Люди получили возможность судить о святости нового вероучения при первом же его появлении среди них. И одного этого, помимо твердой приверженности вере своих отцов, было вполне достаточно, чтобы оправдать их сопротивление такой замене.

Но, прежде всего, когда они увидели, как обращались с обитателями этих святых домов, когда они увидели, как их выгнали в мир, без гроша в кармане, доведя до нищеты и нужды, как их преследовали, объявляли изгоями, отслеживали, оскорбляли солдаты, арестовывали, жестоко избивали, связывали по рукам и ногам и вешали либо перед дверями их горящего

монастыря, либо даже в самой церкви перед алтарем - что удивляться, что они были не готовы к принятию новой религии?

Варварство, проявленное в Англии и Ирландии по отношению к католицизму, было особенно зверским, когда было направлено против религиозных людей обоих полов; и поскольку в Ирландии ни один класс людей не был более справедливым и любимым, что удивительного в том, что ирландцы буквально возненавидели религию, пришедшую к ним из-за моря?

Не останавливаясь на других аспектах религиозного вопроса того времени и не сравнивая статьи новых и старых верований, достаточно только этой особенности дела. Этот процесс может быть проведен с пользой, но не является необходимым.

4. Новый порядок вещей, одним словом, вылился в хищничество и беспричинное кровопролитие. И, что бы ни говорили об ирландских бесчинствах те, кто не устает на них ссылаться, ирландская природа не терпит подобных эксцессов. Если они и бывают виновны в этом, то только тогда, когда их самих уже возмутили, и в таких случаях они первыми раскаиваются в содеянном в минуты охлаждения. С другой стороны, люди, которые первыми затеяли все эти безобразия, никогда не находят повода обвинять себя в чем-либо, даже вполне удовлетворены и убеждены в собственном совершенстве; и поскольку с самого начала они действовали хладнокровно и систематически, их самообладание никогда не нарушается, они остаются непоколебимыми в спокойном убеждении, что всегда были правы, каковы бы ни были последствия инициативного движения и его неуклонного продолжения.

Но, повторяем, ирландцы по своей природе не приемлют хищничества и бессмысленного пролития крови, и это стало еще одной веской причиной их противостояния религиозной революции, которая погрузила их в столь кровавое крещение.

5. И все же, возможно, самая радикальная и реальная причина их упорного отказа принять протестантизм кроется в их традиционном духе, о котором мы уже говорили. В их характере нет рационалистических тенденций.

И все эти моменты хорошо рассмотрены, но что, в конце концов, лучше - просто традиционный или строго рационалистический характер? К чему привели те философские спекуляции, из которых возник протестантизм? К чему стремятся люди сегодня благодаря ему? Не лучше ли было бы для человечества придерживаться освященных временем традиций прежних веков, независимо от сильных и убедительных требований, которые предлагает всем католицизм? И это сказано, нисколько не приписывая вину здоровой философии, не бросая ни малейшего упрека тем поистине великим и прославленным людям, которые расширили границы человеческого интеллекта и заслужили благосклонность человечества благодаря прочным истинам, которые они открыли в своих произведениях для пользы и наставления умов, менее одаренных, чем их собственные.

ГЛАВА XI.

ИРЛАНДЦЫ И СТЮАРТЫ - ЛОЯЛЬНОСТЬ И КОНФИСКАЦИЯ.

После смерти Елизаветы в 1603 году на английский престол был призван сын несчастной Марии Стюарт, и впервые в своей истории ирландский народ принял английское правление, с готовностью подчинился английской династии, а впоследствии проявил такую же преданность в поддержке падающего дела своих новых монархов, как и в защите своей религии и национальности.

Это чувство верности, родившееся так внезапно и странно в груди ирландцев, лелеемое так горячо и ценой стольких жертв, в конце концов поднявшее нацию на высшую ступень героизма, заслуживает изучения и выяснения его истинных причин.

Какой естественный эффект должно было произвести на ирландский народ известие о том, что Яков Шотландский стал наследником Елизаветы? Первым чувством должно было стать глубокое облегчение от того, что ненавистная тирания Тюдоров канула в Лету и на смену ей пришло правление их родственников Стюартов - родственников, потому что шотландская линия королей напрямую происходила от колонии Дал Риада, которую Ирландия так давно отправила к берегам Албании и к ветви которой принадлежал Колумкилл.

Для тех, кто не был достаточно сведущ в античной генеалогии, чтобы проследить его происхождение так далеко назад, было достаточно мысли о том, что Джеймс был сыном Марии Стюарт. Если кто и мог сочувствовать злосчастной шотландской королеве, так это ирландцы. В их представлениях не могло быть и речи о том, что сын убитой королевы-католички должен испытывать чувства, несовместимые с их собственными. Поэтому легко понять, как, когда пришло известие о смерти Елизаветы и восшествии на престол Иакова, сердце ирландцев всколыхнулось с новой надеждой и радостным ожиданием.

Что касается истинного расположения этого самого странного из монархов, Якова I, писатели расходятся во мнениях. Мэтью О'Коннор Старший, в руках которого оказались книги и рукописи Чарльза О'Коннора из Беллингари, весьма позитивно высказывается по своей стороне вопроса:

"Яков был решительным и непримиримым врагом католической религии; он отвратил своих исповедников от всякой привязанности к своему правительству яростью своей антипатии. Одна из его первых милостивых прокламаций вводила всеобщее тюремное заключение, за исключением "убийц и папистов". Другой прокламацией он обязался "никогда не предоставлять католикам никаких поблажек" и наложил проклятие на своих потомков, если они их предоставят".

Обратившись теперь к "Истории уголовного законодательства" доктора Мэддена, мы будем склонны изменить столь позитивное мнение. Там мы читаем:

"Совершенно очевидно, что его рвение к протестантской церкви было связано скорее с ненавистью к пуританам, чем к папству, и что он тяготел, в конце концов, к старой религии, к которой принадлежала его мать и за которую ее преследовали фанатики Шотландии".

Хьюм, похоже, поддерживает это суждение доктора Мэддена, когда говорит, что "принципы Якова должны были заставить его искренне желать единства веры отделившихся Церквей".

Однако оба мнения сходятся в конечном итоге, поскольку доктор Мэдден вынужден признать, что "новые меры суровости, по мере того как фанатизм времени становился насущным, вырывались у робкого короля. У него не было ни морального, ни политического мужества".

И все же в день его коронации ирландцы не могли представить, что их ожидает от сына Марии Стюарт; отсюда их бурное ликование, пока первый удар горького разочарования не открыл им глаза и не пробудил их к суровой реальности. Это было бегство Тирона и Тирконнела, к которому привели предательство и низкая хитрость. Эти вожди были, как они того и заслуживали, идолами нации. Они были вынуждены бежать, потому что, как говорит доктор Андерсон, протестантский священник, "хитрый Сесил использовал некоего Сент-Лоуренса, чтобы втянуть графов Тайрона и Тирконнела, лорда Девлина и других ирландских

вождей в фиктивный заговор, в котором не было никаких доказательств, кроме его собственных".

Настоящей причиной их бегства было желание авантюристов и "предпринимателей" "засеять" Ольстер, хотя по окончательному договору с Маунтджоем оба графа оставались владельцами своих земель. Этот договор не дал ни акра добычи, и, следовательно, в глазах англичан был неудачным. Долгие, кровавые и многообещающие войны царствования Елизаветы закончились тем, что на брови О'Нила и О'Доннела были надеты короны, к которым добавилась королевская грамота, закрепляющая за ними их земли и свободу вероисповедания для всего севера.

Джеймса встретили настойчивым требованием земли. О'Нил, О'Доннел и несколько других ирландских вождей были принесены в жертву этому требованию; они были вынуждены бежать; и едва они успели уехать, как миллионы акров в Ольстере были объявлены конфискованными в пользу короны и открытыми для "насаждения".

И здесь проявляется новая особенность конфискации, которая была введена первым представителем династии Стюартов и оказалась для ирландцев гораздо более неприятной, чем все, с чем они до сих пор сталкивались в подобной форме.

Во время вторжения под предводительством Стронгбоу, при поглощении владений Килдара Генрихом VIII, при аннексии графств короля и королевы при Филиппе и Марии, даже при последнем "насаждении" Мюнстера мирмидонами Елизаветы в конце войны Десмонда, земля была немедленно распределена между главными офицерами победоносных армий. Покоренные знали, что таков закон войны; великие генералы и придворные, вступившие во владение, почти не беспокоили арендаторов. Несколько великих туземных и англо-ирландских семей сильно пострадали от разорения; народ в целом почти не ощутил его, разве что разрушилась родовая община и появились феодальные обиды. Более того, новые владельцы были заинтересованы в том, чтобы их арендаторы были счастливы, и нередко отождествляли себя с народом, становясь со временем настоящими ирландцами.

Но с восшествием на английский престол первого из Стюартов произошли большие перемены в распоряжении землей во всей Ирландии.

Война в Тайроне закончилась за пять лет до этого, и те, кто принимал в ней участие, уже получили свою долю; побежденные - несчастье, завоеватели - выгоду. Яков привел с собой из Шотландии множество жадных приверженцев, и все они, от первого до последнего, рассчитывали возвыситься вместе со своим королем до богатства и почестей. Англия была недостаточно обширна, чтобы вместить их, и недостаточно богата, чтобы удовлетворить их аппетиты. Озадаченный, но хитрый король нашел выход из затруднительного положения в Ирландии. Он больше не ограничивал раздачу земли в этой стране солдатам и офицерам, которые были в ней главными. Он отдал ее шотландским авантюристам, лондонским торговым компаниям. Он передал ее протестантским колониям, которые первым делом использовали свою власть, чтобы выселить прежних арендаторов или кланменов и тем самым полностью изменить социальный облик севера.

Они успешно справились с поставленной перед ними задачей. Ольстер стал протестантской колонией, и с тех пор земля этой провинции остается в руках чужого народа.

Однако ольстерцев заставили поверить, что Джеймс намерен закрепить их в своих владениях; ведь, как пишет мистер Прендергаст в своем "Введении" к "Кромвелевскому поселению": "Я не знаю, как это сделать."

"17 июля 1607 года сэр Артур Чичестер, лорд-наместник, в сопровождении сэра Джона Дэвиса и других комиссаров, отправился в Ольстер, имея полномочия выяснить, какой землей владеет каждый человек. В каждом графстве, которое они посетили, перед ними предстали главные лорды и ирландские джентльмены, главы креагтов и простые люди, Брехоны и Шаначи, которые знали все септы и семьи, и взялись рассказать, какое количество земли должно быть у каждого человека. Таким образом, они определили и забронировали свои земли, и лорд-депутат пообещал им поместья в них. "Таким образом, - говорит сэр Джон Дэвис, - он сделал этот год юбилейным для бедных жителей, потому что каждый человек должен был вернуться в свой дом и восстановить свои старинные владения, и все они отправились домой, радуясь".

"Несмотря на эти обещания, в следующем году король опубликовал свой план плантации Ольстера, к которому его подтолкнул, судя по всему, сэр Артур Чичестер, который так много на нем заработал. . . . Нельзя сказать, что бегство графов послужило поводом для этих перемен, поскольку сразу после этого король издал прокламацию, которую он возобновил, вступив во владение территориями обоих графов, заверяя жителей, что они должны быть защищены и сохранены в своих владениях".

Действительно, похоже, что вся сделка, включая обещания и требование определить количество земли, занимаемой каждым жителем, а также фиктивный заговор, в который графы были вовлечены, была лишь хитрым приемом для осуществления плантации, в ходе которой поместья в тысячу, пятнадцать сотен и три тысячи акров предлагались тем англичанам и шотландцам, которые обязуются заселить свои участки английскими протестантами и обязуются, чтобы на них не селились ирландцы. Тем временем все, кто был в оружии во время войны с Тайроном, должны были быть переселены со своими семьями, скотом и последователями в пустующие места в Мюнстере и Коннауте и поселены там на расстоянии друг от друга.

Помимо этого, ирландцы были обязаны Джеймсу новым проектом - самым гениальным изобретением для успешного грабежа. Именно он был настоящим автором знаменитой "Комиссии по расследованию дефектных титулов".

Казалось бы, провинция Ольстер была слишком мала для алчности тех, кто постоянно призывал короля к большей тщательности в осуществлении своих планов. Кроме того, было очевидно, что английская оккупация трех других провинций до сих пор была неудачной. Остров так и не смог стать англоязычным, и необходимо было начать эту работу заново.

Новая комиссия была представлена ирландскому народу в самом заманчивом обличье. То политическое лицемерие, которое сегодня выдается за государственную мудрость, не является порождением нашего времени. Намерения Джеймса сводились к тому, чтобы положить конец всякой неопределенности в вопросах титулов и наделить каждого землевладельца титулом, который на будущее должен быть безупречным. Но результат превзошел все его намерения. Эта мера стала, по сути, двигателем всеобщего расхищения. Она не смогла обезопасить даже тех, кому удалось сохранить в собственности часть своих прежних владений, как это сделал Страффорд, который, несмотря на все несомненные титулы, пожалованные Яковом, сумел конфисковать в свою пользу большую часть провинции Коннаут.

Уместно привести несколько деталей этой новой меры Якова, чтобы показать благодарность, которой ирландцы были обязаны Стюартам, хотя бы только за это. В книге "Ирландия под английским правлением" преподобный А. Перро справедливо замечает: "Большинство ирландских семей владели своими землями только по традиции, и их права не могли быть

подтверждены обычными документами о праве собственности. По королевскому приказу было проведено всеобщее расследование, и тот, кто не мог доказать свое право на землю своих предков подлинными документами, лишался ее безжалостно, но юридически; перо юриста таким образом совершало столько же завоеваний, сколько и клинок наемника".

Советники Джеймса - те, кто помогал ему в этой затее, - были полностью уверены в ее эффективности для достижения их целей. За несколько лет до этого Артуру Чичестеру и сэру Джону Дэвису достаточно было обратиться к брегонским юристам и летописцам племен, в чьи обязанности входило досконально изучить границы различных территорий и сохранить записи в своей памяти, чтобы получить от ольстерцев доказательства их прав на собственность. До этого времени слово тех, кто по обычаю был уполномочен высказываться по таким вопросам, было законом для каждого ирландца. И действительно, вердикта этих людей было вполне достаточно, поскольку задача не была обременительной для памяти даже обычного человека, ведь она заключалась в запоминании не земельных владений каждого человека, а границ территории каждого клана.

Территории кланов были обозначены так же точно, как в любом европейском государстве в наши дни, а если и происходило какое-либо изменение границ, то это было результатом войны между соседними кланами, а значит, было известно всем. Поэтому предполагать, что при таком положении дел с землевладением территория клана Магуайров, например, принадлежала исключительно Магуайру и что он мог доказать свое право собственности на нее юридическими документами, было ошибочно - более того, это было невозможно. Тем не менее именно на этом основании король учредил одиозную комиссию.

Эта мера означала не что иное, как простое лишение имущества всех тех, кто подпадал под ее действие в то время. Мэтью О'Коннор привел несколько примеров ее действия, которые могут лучше показать всю чудовищность такой попытки.

"Огромные владения Брайана на Мерта О'Рурка были пожалованы его сыну Тейге по патенту в первый год правления короля и наследникам мужского пола от его тела. Тейге умер, оставив нескольких сыновей; их титулы были чисты, и никакие заговоры не могли заставить их аннулировать. В результате расследований было установлено, что все они - бастарды. Старший сын, Брайан О'Рурк, получил жалкую пенсию и был задержан в Англии, чтобы не претендовать на наследство. Однако в данном случае титул действительно существовал.

"В графстве Лонгфорд три четверти из девятисот девяноста девяти картронов, принадлежавших О'Фарреллам, были отданы авантюристам, к вящему разорению и нищете этой княжеской семьи. Двадцать пять септов лишились всего, а другим септам были выделены гористые и бесплодные участки, составлявшие примерно четвертую часть их прежних владений.

"О'Бирны из Уиклоу были лишены своего имущества в результате заговора, не имевшего аналогов даже в анналах тех времен; использовались сфабрикованные обвинения в измене, лжесвидетельстве и даже законном убийстве; и, хотя невиновность этих жертв хищнического гнета была установлена, они так и не были восстановлены".

Что касается англо-ирландцев и даже тех туземцев, которые согласились принять титулы от английских королей, то эти титулы, некоторые из которых восходят к временам вторжения Стронгбоу, были подвергнуты "расследованию" новой комиссии, и результат можно себе представить. Проницательный юрист может обнаружить изъяны в самых лучших юридических документах. С точки зрения закона, пренебрежение регистрацией смертельно опасно; и было доказано, что многие владельцы, чьи титулы были дарованы Генрихом VIII и

Елизаветой, не были зарегистрированы, просто подкупив клерков, на которых была возложена обязанность по их регистрации.

Эта часть нашей темы должна показаться странной читателю, знакомому с законами о собственности, действующими в цивилизованных странах. Проводя необходимые исследования для этого несовершенного очерка, писатель с удивлением обнаружил, что ни один из авторов, с которыми он консультировался, не говорил ни о чем, кроме жестокости, с которой ирландских землевладельцев заставляли предъявлять документы на право собственности, которых, как было известно, у них не было и не могло быть. Ни один из них не произнес ни слова о "давности"; однако одного этого было достаточно, чтобы остановить разбирательство любого английского суда, если бы он следовал нормам права, которыми руководствуются цивилизованные сообщества.

Большинство поместий, объявленных в то время выморочными для короля, находились во владении семей, к которым принадлежали их владельцы, на протяжении столетий; в случае некоторых ирландских семей и племен мы можем зайти так далеко, что скажем - на протяжении тысячелетий. Но нарушение права собственности, которое сохранялось даже менее века, привело бы в ужас любую нацию, подвергшуюся такому революционному процессу. Ни одна страна в мире не выдержала бы такого испытания; оно в один день ослабило бы все узы, скрепляющие общество.

Если комиссия, созданная Джеймсом, и не дошла до крайних пределов, до которых ее довели те, кто пришел после него, то именно он создал подобие юридического прецедента для эксцессов Страффорда при Карле I, которые достигли крайних пределов в руках парламентских комиссаров Кромвеля. Джеймс привел в действие двигатель разрушения: они довели его до конца. Ирландцы по праву могут возложить на него все те беды, которые стали для них следствием принципов, исходивших от него. Еще во время его правления они с инстинктивным ужасом видели бездну, которую он разверз, чтобы поглотить все их наследство. Первая комиссия Якова начала свою работу с того, что сообщила о трехстах восьмидесяти пяти тысячах акров в одном только Лейнстере как об "обнаруженных", поскольку титулы "не были такими, которые должны" (по их мнению) "стоять на пути замыслов Его Величества".

Таким образом, задолго до смерти Якова все надежды, которые его воцарение породило в умах ирландцев, исчезли; но, как ни странно, они не излечились от любви к династии Стюартов. Они с радостью встретили приезд Чарльза, мужа католической принцессы. Его брак состоялся за год до смерти его отца; и одного знания о том, что Генриетта Французская станет их королевой, было достаточно, чтобы уверить ирландцев в том, что отныне они будут наслаждаться свободой своей религии. Один и тот же мотив всегда пробуждает в них надежду и радость. Люди могут улыбнуться такой идее, но это предложение написано с глубоким уважением к ирландскому характеру. Надежда на религиозную свободу - самое благородное чувство, которое может волновать человеческую грудь; и если есть основания для восхищения в мотиве, который побуждает людей сражаться и умирать за свои очаги и семьи, то тем более в мотиве, который заставляет их ставить превыше всего свои алтари и своего Бога!

На этот раз их надежды казались вполне обоснованными, ведь договор, заключенный между Англией и Францией, предоставлял католической принцессе право воспитывать своих детей от этого брака до тринадцатилетнего возраста. Кроме того, в тот же договор были включены условия, благоприятные для английских католиков.

Но люди тогда не знали о причинах включения этих условий. Позднее Хьюм, будучи лучше осведомленным о том, что в то время было тайной, утверждает в своей истории, что "двор Англии всегда притворялся, даже в мемориалах французскому двору, что все условия, благоприятные для английских католиков, были включены в брачный договор только для того, чтобы угодить Папе, и что их строгое исполнение было, по соглашению с Францией, тайно отменено".

Ирландцы, однако, ликовали, а Карл и его министры поощряли их ожидания. Лорд Фолкленд от имени короля пообещал, что, если католические лорды принесут Карлу, нуждавшемуся в деньгах, добровольную дань, он взамен предоставит им определенные иммунитеты и защиту, которые впоследствии приобрели большую известность под названием "милости".

Главные из них заключались в том, чтобы разрешить "рецидивистам" практиковать в судах и отсудить ливрею своей земли, просто приняв акт гражданской верности вместо присяги верховенства; чтобы претензии короны были ограничены последними шестьюдесятью годами - срок, достаточно долгий по совести; и чтобы жителям Коннаута было позволено составить новую опись своих владений, которую должен был принять король. Было обещано, что через некоторое время соберется парламент, чтобы подтвердить все эти "милости".

Обещанная ирландскими лордами субсидия составила огромную по тем временам сумму в сорок тысяч фунтов стерлингов и должна была выплачиваться ежегодно в течение трех лет. По словам Мэтью О'Коннора, две трети суммы было выплачено, но ни одна из "милостей" не была получена, и король решил, что пообещал больше, чем мог выполнить.

Вместо того чтобы дать землевладельцам Коннаута возможность получить новый титул путем новой регистрации, Страффорд, при попустительстве Карла, разработал проект, который позволил бы королю распорядиться всей провинцией для обогащения своей казны. Этот проект заключался в том, чтобы отдать всю территорию под суд "дефектных титулов". Чтобы узаконить это разбазаривание, пергаментный грант пятисотлетней давности, выданный Генрихом II Родерику О'Коннору и Ричарду де Бурго, был представлен как делающий недействительными притязания ирландцев на их давнее владение, хотя и подтвержденные недавно составленными документами.

В графствах Роскоммон, Мейо и Слайго присяжные были на стороне короны. Честность и мужественное сопротивление присяжных из Голуэя не позволили провести эту меру в этом графстве. Страффорд сильно обиделся на этот отказ, и храбрые присяжные из Голуэя были наказаны без всякой пощады за их "контузию", ведь им открыто приказали выступить в пользу короля. Принужденные явиться в палату замка, они были оштрафованы на четыре тысячи фунтов каждый, их поместья конфискованы, а сами они заключены в тюрьму до уплаты штрафа; шериф, также оштрафованный на такую же сумму, не будучи в состоянии заплатить, умер в тюрьме. Таковы некоторые из "милостей", оказанных ирландцам при вступлении на престол Карла I.

Тем временем трудности короля с английскими подданными заставили его обратиться за надеждой к шотландцам, которым он пытался навязать епископальное вероисповедание. Сопротивление шотландцев и знаменитый ковенант, которым они связали себя, хорошо известны. В конце концов, Карл предоставил ковенантерам не только свободу совести, но даже религиозное верховенство пресвитерианства, оплатив их армию, более того, в течение некоторого времени, пока она находилась на службе в восстании против него.

Пример шотландцев, безусловно, был рассчитан на то, чтобы разжечь пыл ирландцев и подтолкнуть их к восстанию. Что такое гнет Шотландии по сравнению с тем, под которым так

долго стонала Ирландия? Конечно, последней попытки главного министра Карла лишить их единственной провинции, которая до сих пор им не доставалась, было достаточно, чтобы открыть им глаза и превратить их веру в династию Стюартов в ненависть и решительное сопротивление. И все же они были на грани того, чтобы довести свою преданность этой неверной и никчемной линии до вершин героизма. Щедрость натуры, заложенная в них, могла найти оправдание для Чарльза. "Он поступил бы с нами правильно", - думали они, - "если бы его оставили на свободе". Из восстания его подданных в Англии и Шотландии они могли сделать только один вывод - что он стал жертвой пуританства, к которому они не могли испытывать никаких чувств, кроме ужаса; и показательно, что их привязанность к своей религии сохранила им верность государю, которому они присягнули на верность, каким бы недостойным он ни был.

Так, во время знаменитого восстания 1641 года, когда за одну ночь Ирландия, за исключением нескольких городов, освободилась от угнетателя (провал плана в Дублине был единственным, что помешало полному успеху; англичане Пале все еще отказывались объединиться с ирландцами), только коренные ирландцы, предоставленные самим себе, решительно заявили о своей верности королю, которого они считали справедливым и терпимым, если освободить от ограничений, наложенных на него пуританской фракцией. Вскоре после этого произошел еще один факт, еще более странный и еще более рассчитанный на то, чтобы поколебать их доверие к монарху, который действительно поднял преданность нации на высоту, немыслимую и невозможную ни для одного народа, если только совесть которого поколеблена чувством сурового долга.

Когда шотландские ковенантеры, чье восстание обеспечило им владение всем, что они требовали, услышали об ирландском движении, они сразу же были охвачены фанатичным рвением, призывающим их уничтожить ирландский "папистский мятеж". Король Карл, находившийся в то время в Эдинбурге, выразил свое удовлетворение их предложением, и не было потеряно времени, чтобы переправить двухтысячный отряд шотландцев через Ла-Манш. Они высадились в Антриме, где и начали ту страшную резню, которая открылась изгнанием в море трех тысяч ирландцев, населявших остров Маги.

Когда, согласно книге М. О'Коннора "Ирландские католики", "письма с известиями о предполагаемом вторжении шотландцев были перехвачены; когда речи ведущих членов английского парламента, декларация ирландских лорд-судей и главных членов Дублинского совета поддержали эти слухи; когда мистер Пим заявил, что он не будет делать этого. Пим заявил, что не оставит в Ирландии ни одного паписта; сэр Парсонс объявил, что в течение двенадцати месяцев во всей стране не должно быть ни одного католика; сэр Джон Клотуорти утверждал, что обращение папистов должно осуществляться с Библией в одной руке и мечом в другой", а король все это время, казалось, разрешал и соглашался на это, ирландцы ничуть не были встревожены этими слухами, а принялись устанавливать на охваченном судорогами острове некий порядок во имя Бога и короля!

Тогда впервые коренные и англо-ирландские католики встали на одну сторону в общем деле. Это был тот самый союз, который предвидел архиепископ Браун, который время от времени проявлялся в виде симптомов, но который чаще всего разрушался из-за старой вражды. Но, наконец, убедившись, что единственная партия, на которую они могут положиться, и партия, которая действительно поддерживает царствующую династию, - это партия вождей Ольстера, католические лорды Пэйла бросились в нее душой и сердцем, и под руководством выдвинувшихся тогда католических епископов вместе образовали знаменитую "Конфедерацию Килкенни" в 1642 году.

Если бы у Карла даже тогда хватило мужества, честности или мудрости признать и признать своих истинных друзей, он мог бы избежать участи, которая настигла его; но все, что он сделал, - это почти развалил единственную коалицию, которая смело выступала в его пользу.

Здесь мы сталкиваемся с обстоятельством, которого еще не касались. Протестантизм в это время полностью изменил правила суждений и поведения, которым до сих пор следовали люди. Вместо старых принципов политической морали, которые до этого периода регулировали действия христиан, впервые в христианской истории по миру распространились идеи независимости, подрыва существующих правительств, революции в церкви и государстве, положив начало той череде катастроф, которая вошла в историю Европы с тех пор и которая еще далеко не исчерпана. Ирландцы твердо стояли на старых принципах, и, хотя они стали жертвами своей верности, они никогда не уклонялись от последствий того, что считали своим долгом, и этим принципам они остаются верны и по сей день.

Вернемся к этому небольшому отступлению: Ирландская иерархия, коренные ирландцы и англо-ирландские лорды Пейла объединились в "Конфедерацию Килкенни", в которой лежал зародыш истинно великой нации. В самом начале борьбы католическая иерархия увидела, что именно она должна взять на себя инициативу в этом движении, и взяла ее со всей серьезностью. Они не могли быть бесстрастными зрителями, когда речь шла о защите католической религии, соединенной на этот раз с правами их монарха. Они собрались на провинциальный синод в Келлсе, где после зрелого обсуждения дело конфедератов, "Бога и короля", свободы вероисповедания и верности законному государю, было объявлено справедливым и святым, и, возвысив голос против варварства, начавшегося с обеих сторон, и постановив отменить и забыть все различия между коренными ирландцами и старыми англичанами, они приняли меры для созыва национального синода в Килкенни.

Он собрался 10 мая 1643 года. Клятва объединения связала всех католиков по всей стране. Было постановлено провести общее собрание, состоящее из всех духовных и светских лордов и дворянства; собрание должно выбрать из своего состава членов, представляющих различные провинции и главные города, и назвать их Верховным советом, который должен заседать изо дня в день, отправлять правосудие, назначать на должности и осуществлять исполнительное управление страной.

Тем временем ирландцы за границей, изгнанники, узнали об этом движении, и несколько видных вождей вернулись, чтобы принять участие в борьбе; те же, кто остался вдали, помогали делу, заручаясь помощью католических государей и посылая домой все средства и военные припасы, которые они могли достать. Среди них одним из самых заметных был ученый Лука Ваддинг, который в то время в Риме писал свои знаменитые труды и отправлял деньги и оружие, предоставленные святым отцом. Джон Б. Ринуччини, архиепископ Фермо, посланный Папой в качестве нунция, отплыл на том же корабле, который доставил эти пожертвования в Ирландию.

Таким образом, католические прелаты создали свободное правительство, не имеющее ничего революционного в своем характере, но сочетающее некоторые формы старого ирландского феода с основными чертами современных парламентских правительств. Мэтью О'Коннор в своей книге "Ирландские католики" делает следующие справедливые замечания по этому поводу.

"Обязанность повиноваться гражданскому правительству была настолько глубоко внушена католическому разуму в этот период в Ирландии, что он вырожден в пассивную покорность. Эти впечатления возникли на почве религиозного рвения и были подкреплены гонениями.

Духовный авторитет духовенства был необходим, чтобы смягчить эти представления и укрепить их идеями конституционного, социального и христианского права на сопротивление в целях самообороны. Дворяне и дворянки полностью поддержали эти решения духовенства, а нация впоследствии ратифицировала их на общем съезде, состоявшемся в Килкенни в октябре следующего года. Казалось, что национальный союз наконец-то скреплен желаниями всех орденов и интересами всех партий".

Дело в том, что нация ожила и встала на новую точку зрения. Когда в октябре собралась Генеральная ассамблея, одиннадцать епископов и четырнадцать светских лордов составили то, что можно назвать ирландским парламентом; двести двадцать шесть простолыдинов представляли значительное большинство ирландских избирательных округов; великий юрист того времени Патрик Дарси был избран канцлером; а Верховный совет из шести членов от каждой провинции составлял то, что можно назвать исполнительной властью.

Этому правительству, которое действительно управляло Ирландией без всякого вмешательства, пока Ормонду не удалось его разрушить, подчинялись и признавали по всей стране. Оно брало на себя и выполняло все функции своего высокого поста, такие как чеканка денег, назначение окружных судей, отправка послов за границу и назначение офицеров для руководства действиями национальной армии. Среди этих последних достаточно одного имени, чтобы поручиться за их эффективность: это Оуэн Рой О'Нил, который в июле того же года вместе со многими другими вернулся с континента и официально принял на себя командование армией Ольстера.

Оуэн Ро О'Нил был внучатым племянником Хью Тиронского. Неизвестное даже сейчас в Европе, его имя до сих пор живет в памяти соотечественников. "Глава рода Хай-Ниалл, потомок сотни королей, наследник их добродетелей, без примеси их пороков, он заслуживал бы короны, а на большом театре получил бы титул героя" (М. О'Коннор).

Если бы Карл признал это правительство, провозгласившее его королем, отстранил от должности предателей Борлейса и Парсонса, которые замыслили против него, и не передал свою власть Ормонду, Ирландия, вероятно, была бы спасена от надвигающихся ужасов, а сам Карл - от эшафота. Каким бы ни был исход дела, факт остается фактом: ирландцы доказали, что могут создать собственное прочное правительство, и представлять их неспособными к самоуправлению совершенно ошибочно.

Невозможно вдаваться в подробности запутанных осложнений, которые последовали за этим, - осложнений, которые были вызваны главным образом кознями Ормонда; но можно безбоязненно заявить, что чем больше изучается история тех времен, тем более определенно признается, что "национальная" партия с нунцием Ринуччини в качестве главы и руководителя, лучше, чем какая-либо другая, могла спасти Ирландию. По крайней мере, ни один истинный ирландец теперь не станет притворяться, что "партия мира" во главе с Ормондом, которую выставили против "нунционистов", могла принести стране благо; напротив, все последующие несчастья следует приписать непосредственно ей.

Чтобы заклеить ее по заслугам, достаточно сказать, что среди ее главных лидеров были Ормонд, ее глава и прожектор, и Мурроу О'Брайен из Инчикина, по сей день справедливо известный как Мурроу сожжения. Эти два человека были продуктом "утонченной политики" Англии, направленной на уничтожение католицизма в высших классах путем применения одного из законов, управлявших угнетенной нацией, - принуждения.

И Инчикин, и Ормонд родились от отцов-католиков, и все их родственники при жизни оставались католиками. Но поскольку их отцы умерли в несовершеннолетнем возрасте

обоих, закон забрал их воспитание из рук ближайших родственников, чтобы передать его английским протестантским надзирателям от имени короля, который, согласно закону, должен был стать их законным опекуном. Это был один из плодов феодализма. Эти надзиратели должным образом воспитывали их в протестантской религии и давали им протестантское образование. Они росли, полностью проникнувшись мыслью о том, что страна, давшая им жизнь, - варварская, родители, которым они обязаны жизнью, - идолопоклонники, а их соотечественники - отъявленные негодяи, которым только и остается, что стать и навсегда остаться нищими и рабами.

В этих выражениях нет никакого преувеличения, и с этим согласится любой, кто изучит мнения и предрассудки англичан по отношению к ирландцам, начиная с того периода и почти до наших дней. Во всяком случае, для человека, знакомого с деятельностью "Суда присяжных", нет ничего удивительного в том, что Ормонд, потомок стольких знаменитых людей из великой семьи Батлеров - семьи, которая во все времена была так привязана к католической вере и которая впоследствии принесла столько жертв планам Кромвеля по трансплантации, - сам стал заядлым врагом религии своих родителей и тех, кто ее исповедовал; И что он должен использовать великие дары, которыми наделил его Бог, только для того, чтобы строить планы против этой религии и не дать своим соотечественникам получить даже те скудные преимущества, которые Карл в свое время был готов предоставить им через лорда Гланморгану.

Именно Ормонд помешал исполнению договора между этим лордом и конфедератами, положения которого гласили

1. Католики Ирландии должны были пользоваться свободным и публичным отправлением своей религии.
2. Они должны были владеть и охранять для своего пользования все католические церкви, которые в то время не находились в фактическом владении протестантов.
3. Они должны были быть освобождены от юрисдикции протестантского духовенства.

Но, благодаря его образованию, такие положения были слишком тяжелы для Ормонда, сына отца-католика, чья мать, в то самое время жившая благочестивой и прекрасной жизнью, была бы рада видеть эти преимущества, обеспеченные ее церкви и ей самой, как и остальным ее соотечественникам и женщинам.

Подобным образом Мурро О'Брайен, барон Инчкин, потомок стольких католических королей и святых, чье имя было славой само по себе и так тесно связано с католической славой острова, благодаря полученному им образованию превратился в жесточайшего притеснителя Церкви своего крещения. Его походы по той же стране, которой правили его предки, отличались всеми теми варварствами, которые в то время практиковали Манро, Кут и все парламентские лидеры шотландских пуритан, и могли бы стать достойным спутником Кромвеля и Иретона, которые вскоре последовали за ним. Одного только названия Кашеля и его собора, где он убил столько священников, женщин и детей, вокруг алтаря, украшенного великим и добрым Кормаком Маккаллинаном, было бы достаточно, чтобы предать его имя проклятию потомков.

Ормонд и Мурро были двумя вождями "партии мира", и что удивительного в том, что прелаты, которые так усердно трудились над созданием Килкеннийской конфедерации, и нунций во главе их, отказались иметь что-либо общее с проектами, в которых участвовали такие люди, если учесть, что некоторые положения этого "мирного договора" прямо противоречили

клятве, данной конфедератами? Но, к несчастью, Ормонд был искусным дипломатом, был послан королем и должен был воплощать в жизнь идеи, предложенные ему несчастным монархом. Поэтому его представления не могли не иметь веса, прежде всего среди англо-ирландских лордов Пале, многие из которых под влиянием его учтивых манер и обращения открыто высказались за предложенный мир.

Таким образом, мир посеял зародыши раскола и даже войны среди ирландцев. Единство между католиками, столь многообещающее, вскоре было разрушено; и те, кто встретил друг друга в таком братском духе в день, когда туземные вожди и англо-ирландские лорды собрались вместе в Таре, кто поклялся тогда, что разделения веков больше не должно существовать, снова стали смотреть друг на друга как на врагов. Не вдаваясь в подробности перипетий этих разногласий, достаточно сказать, что в конце концов между теми, кто так недавно вместе давал клятву конфедерации, вспыхнула война. Оуэн Ро О'Нил, победитель при Бенбурне и единственный человек, который мог руководить ирландскими армиями, подвергся нападению Престона и других лордов Пейла и умер, как утверждают некоторые историки, от яда, подмешанного ему одним из них.

Это был результат интриг Ормонда; тем не менее, Карл продолжал доверять ему, и хотя он дважды был вынужден сложить с себя полномочия лейтенанта, а один раз - бежать из страны, очарованный государь снова отправил его обратно.

Лишь в конце борьбы, когда злосчастный король оказался в руках своих врагов, Ормонда удалось склонить к условиям, приемлемым для национальной партии. Но было уже слишком поздно; парламентские войска разгромили в Англии все, что можно; Англия уже была республиканской до мозга костей, и армии, которые использовались против кавалеров, как только усилия последних прекратились со смертью короля, могли свободно покинуть страну, теперь покорную парламентскому правлению, и переправиться в Ирландию, с Кромвелем во главе, чтобы практически раздавить нацию и сосредоточить на этой роковой земле в течение девяти месяцев все ужасы прошлых веков.

Из-за смерти Оуэна Роу О'Нила, случившейся как раз в это время, Ирландия осталась без лидера, способного справиться с великим республиканским генералом. Страна уже была опустошена Кутом, Манро, Сент-Легером и другими шотландскими и английскими пуританами; но резня, которая до прихода Кромвеля была, по крайней мере, лишь локальной и сдерживалась войсками Оуэна Ро, вскоре распространилась по всему острову, не сдерживаемая никакими силами в поле. Кромвелевские солдаты, не довольствуясь статусом воинов, пришли как "мстители Господни", чтобы уничтожить "народ-идолопоклонник".

В том, что их истинной целью было истребление народа, и они использовали для этого представившуюся возможность, сомневаться не приходится. Только после справедливого разбирательства проект был признан невыполнимым, и были придуманы другие способы. Кут действовал с таким расчетом и ранее, что теперь является неоспоримым фактом, и был поощряем дублинским правительством. (1 См. "Ирландские католики" Мэтью О'Коннора.) То же самое можно сказать и о Сент-Легере в Мюнстере в начале восстания. В любом случае, все сомнения в этом вопросе, если они и существовали, исчезли с высадкой Кромвеля в 1649 году, когда истинная цель войны сразу же проявилась повсюду.

Результат политики этого человека Виллемейн в своей "Истории Кромвеля" описал в одном предложении: "Ирландия превратилась в пустыню, которую немногие оставшиеся жители описывали скорбной поговоркой: "Там не было достаточно воды, чтобы утопить человека, не было достаточно дерева, чтобы повесить его, не было достаточно земли, чтобы похоронить его"".

Французский писатель приписывает всему острову то, что было сказано лишь о его части. По сей день имя Кромвеля справедливо презирается в Ирландии, а "проклятие Кромвеля" - одно из самых горьких, которые можно навлечь на голову человека. Но в настоящее время нас волнует верность ирландцев Стюартам, и несколько размышлений представят ее перед нами в сильном, но правдивом свете.

С тех пор как был восстановлен Карл II, многие англичане с большим почтением относились к памяти "короля-мученика". Даже последующая революция 1658 года оставила воздвигнутый ему памятник нетронутым. Многие британские семьи продолжали хранить преданность шотландской линии, и имя якобита было для них почетным титулом. Но каковы были их страдания за дело короля во время его борьбы с парламентом и после его казни? Несколько дворян потеряли свои жизни и поместья; некоторые отправились в изгнание и последовали за судьбами претендентов, пытавшихся завладеть тронном. Но основная масса нации - Англия - можно сказать, нисколько не пострадала от великой революции, которая привела к Содружеству. Напротив, признается, что правление Кромвеля, по крайней мере, принесло стране мир и подняло могущество Великобритании на более высокий уровень в Европе, чем когда-либо прежде. Как обычно, англичане с большим рвением заявляли о своей лояльности, но, как правило, особенно тщательно следили за тем, чтобы это не причиняло им больших неудобств.

С презрением и недоверием относившаяся к Карлу и его советникам, настолько оскорбленная во всем, что историки до сих пор задаются вопросом, не предали ли ее во многих случаях король и роялисты, одна лишь Ирландия, в течение целого десятилетия стоявшая на защите Бога и короля, решилась непоколебимо встретить гибель в поддержку того, что она считала благородным делом.

После высадки Кромвеля, когда для любого здравомыслящего человека уже не оставалось надежды служить делу короля, когда естественное для каждого человеческого сердца желание спасти то, что можно спасти, могло бы не только без позора, но и по справедливости и праву, продиктовать необходимость примириться с парламентариями, и отказаться от безнадежного дела, "4 декабря 1649 года Эбер Макмахон, епископ Клогера, простой ирландец по имени, по происхождению, по восторженной привязанности к своей стране, использовал свои великие способности, чтобы побудить своих соотечественников к упорному сопротивлению Кромвелю и объединить все сердца и руки в поддержку администрации Ормонда. . . . Все епископы согласились с его мнением и подписали торжественное заявление о том, что они будут всеми силами отстаивать права его величества и благо нации. . . . Наконец Ормонд, то ли поняв, что на них нельзя положиться, то ли осознав, что предательство войск Инчикина, по крайней мере, со стороны ирландцев, является достаточным основанием для недоверия и подозрений по отношению к остальным, согласился на их удаление" ("Ирландские католики").

"Наконец-то!" - воскликнет читатель, гадая, найдется ли другой народ, достаточно терпеливый, чтобы ждать восемь лет принятия столь необходимой меры.

И единственной наградой за верность королю Карлу I в сложившихся обстоятельствах могло быть только уничтожение. Они смиренно ждали, когда надвигающийся мрак накроет их. Ужасный момент для нации, когда само отчаяние не способно настроить ее на дальнейшее сопротивление и возможный успех! Таково было положение ирландцев после смерти Карла.

Кто опишет эту преданность? После того как Ормонд потерпел заслуженное поражение на поле боя; после того как города один за другим попадали в руки разрушителя, который редко считал себя обязанным соблюдать условия капитуляции; после того как вожди, которые могли бы затянуть борьбу, исчезли либо из-за смерти, либо из-за изгнания, судьба нации была предрешена; однако она не уклонялась от последствий.

Варварство Кромвеля и его солдат настолько обезлюдило значительные территории, что войска, шедшие через них, были вынуждены нести провизию, как через пустыню. Скот, единственный ресурс сельскохозяйственной страны, был полностью уничтожен за десять лет войны. Поговаривали, что после каждого успешного сражения республиканский генерал приказывал без пощады убивать всех мужчин от шестнадцати до шестидесяти лет, лишать зрения всех мальчиков от шести до шестнадцати лет, а женщинам в грудь втыкать раскаленное докрасна железо. Подобные слухи, пусть и преувеличенные, свидетельствуют, по крайней мере, об ужасе, который внушал Кромвель. Что касается захваченных городов, то не может быть никаких сомнений в массовых убийствах, устроенных в них по его приказу. Из всего населения Тредага в живых осталось только тридцать человек, да и те были обречены на рабский труд. Хью Питерс, капеллан Фэрфакса, писал после этой варварской казни: "Мы - хозяева Тредага; ни один враг не был пощажен; я только что пришел из церкви, куда ходил благодарить Господа".

Та же участь постигла Уэксфорд, а позже и Дрогеду. Кромвель, рассказывая о тех кровавых расправах, в заключение сказал: "Люди винят меня, но такова была воля Божья".

Библия, святое слово Божье, неверно прочитанное и неправильно понятое этими фанатиками, убедила их, что было бы преступлением не истребить ирландцев, как Господь наказал Саула за то, что тот пощадил Агага и вождя амаликитян. Тот, кто захочет узнать больше подробностей об этих отвратительных зверствах, совершенных во имя Бога, может найти их во множестве историй того времени, но главным образом в "Тренодии" монаха Моррисона.

Некоторые современные ирландские историки, похоже, не понимают героизма своих соотечественников. "Горько, - пишет А. М. О'Салливан, - заплатил ирландский народ за свою верность английскому государю. К несчастью для их мирской судьбы, если не для их славы, они были высокодуховны и неосторожны там, где пассионарность, несомненно, была бы безопасностью, а могла бы быть только благоразумием".

Но вердикт потомков, всегда справедливый, называет такое высокодуховное и бесстрашное отношение истинным героизмом и отвергает пассионарность, даже если она обеспечивает безопасность и может быть названа благоразумием, если ее результатом является отказ от святой веры и христианской истины. Безопасность и благоразумие характеризовали поведение английской нации под железным правлением Кромвеля, как и под тиранией Тюдоров. Может ли читатель истории восхищаться этой нацией? Кто станет утверждать, что следствием безрассудного духа англичан стало наступившее процветание, а результатом ирландского героизма - разрушение и уныние? История обеих наций еще далека от завершения; и смелым будет тот, кто осмелится утверждать, что процветание Англии вечно, а унижение Ирландии никогда не узнает конца.

Как бы то ни было, но, по крайней мере, это неоспоримо: мнение, бытующее об ирландском характере, доказывает, что оно совершенно ошибочно, благодаря неопровержимым фактам, бегло изложенным выше. Решимость цели, верность совести и принципам, последовательность поведения - все это слишком слабые термины, чтобы передать

представление о великодушии, проявленном народом, и о его героической стойкости во время тех волнующих событий.

Наконец, после кровопролитной борьбы с Кромвелем и Айретоном, 12 мая 1652 года "лейнстерская армия ирландцев сдалась в Килкенни на условиях, которые последовательно принимались другими основными частями войск в период между этим временем и сентябрем следующего года, когда ольстерские войска вошли в состав". После этого начались настоящие беды Ирландии. Никогда еще человеческая изобретательность не была так востребована для уничтожения целой нации, как в мерах, принятых Протектором с этой целью. Необходимо дать их краткий очерк, поскольку все, что выпало на долю ирландцев, было призвано наказать их за верность своей религии и, не забывайте, за преданность законной династии Стюартов.

Чтобы облегчить исполнение суровых и жестоких намерений нового правительства, защитников нации следовало не только разоружить, но и убрать с дороги. Поэтому Кромвель милостиво разрешил им покинуть страну и поступить на службу в армии иностранных держав, находившихся в то время в мире с Содружеством. Сорок тысяч человек, офицеров и солдат, приняли это отчаянное решение.

"Вскоре агенты короля Испании, короля Польши и принца де Конде стали претендовать на службу в ирландских войсках. Дон Рикардо Уайт в мае 1672 года отправил семь тысяч человек партиями из Уотерфорда, Кинсейла, Голуэя, Лимерика и Бантри для короля Испании. В сентябре полковник Кристофер Майо получил свободу бить в свои барабаны, чтобы собрать еще три тысячи для той же цели. Лорд Маскерри взял с собой пять тысяч для короля Польши. В июле 1654 года три тысячи пятьсот человек отправились служить принцу де Конде. Сэр Уолтер Данган и другие получили свободу бить в свои барабаны в разных гарнизонах для разных целей" (Прендергаст).

Чтобы доказать, что отчаянное решение покинуть свою страну не исходило от ирландцев, несмотря на то, что некоторые пишут об обратном, достаточно отметить, что новое правительство поставило их изгнание в качестве необходимого условия капитуляции. Например, лорд Кланрикард, по словам Мэтью О'Коннора, "покинутый и окруженный, не мог добиться никаких условий для нации, да и для себя и своих войск, кроме печальной свободы транспортировки в любую другую страну, находящуюся в дружбе с Содружеством".

Чтобы еще раз доказать, если это необходимо, что экспатриация ирландских войск была частью уже решенной схемы, достаточно вспомнить тот неоспоримый факт, что с момента капитуляции в Килкенни в 1652 году и до открытого объявления в сентябре 1653 года, что парламент назначил Коннаут местом обитания ирландской нации, куда она должна была быть "пересажена" до 1 мая 1654 года, различные гарнизоны и небольшие армии, которые так галантно сражались за Ирландию и Стюартов, последовательно призывались (а Кромвель, в свою очередь, вынуждал) покинуть страну; И только когда ушли последние ирландские полки, было смело и ясно объявлено о гибели нации.

Но эти принудительные изгнания не ограничивались воинским сословием. "Лорд-протектор, - пишет Прендергаст, - обратился к лорду Генри Кромвелю, в то время генерал-майору ирландских войск, с просьбой нанять солдат... и обеспечить тысячу молодых ирландских девушек для отправки на Ямайку. Генри Кромвель ответил, что это не составит труда, только для их захвата необходимо применить силу; и он предложил добавить пятнадцать сотен или две тысячи мальчиков от двенадцати до четырнадцати лет. Окончательно установленное число составило тысячу мальчиков и тысячу девочек".

Общее число детей, от которых избавились подобным образом в период с 1652 по 1655 год, по разным оценкам, составило от двадцати тысяч до ста тысяч. Британское правительство, наконец, было вынуждено вмешаться и положить конец позорному трафику, когда оказалось, что одних ирландцев слишком мало, а агенты не были достаточно разборчивы в выборе и отправляли на Табачные острова также и английских детей.

В конце концов остров остался совсем без защитников и в достаточной степени обезлюдел. Подсчитано, что, когда последняя великая мера была объявлена и приведена в исполнение, в стране оставалось всего полмиллиона ирландцев, а остальное население составляли шотландцы и англичане, завезенные Яковом I, а также солдаты и авантюристы, впущенные Кромвелем.

Основные черты знаменитого "Акта о заселении" известны всем. Это был акт, призванный тихо избавиться от полумиллиона человеческих существ, которым, по замыслу его авторов, суждено было в свое время исчезнуть без всякого насилия - вымереть - и оставить весь остров во владении "благочестивых".

Коннаут славится как самая дикая и бесплодная провинция Ирландии. В лучшем случае здесь может проживать лишь скудное население. В это время она была полностью опустошена десятилетней войной и бесчинствами парламентских войск. Тогда эта провинция была милостиво дарована несчастной ирландской расе; она была отведена как рай для жалкого остатка, который должен был поселиться во всем Коннауте, за исключением полосы шириной в четыре мили вдоль моря и такой же полосы вдоль правого берега Шеннона. Это последнее разумное положение, несомненно, имело целью помешать им поселиться у океана, откуда они могли бы получать средства к существованию, помощь или средства к бегству в случае, если они когда-нибудь снова поднимутся; и, с другой стороны, пересечь Шаннон, на восточном берегу которого еще можно было увидеть их дома. Этот кордон шириной в четыре мили был очерчен вокруг ирландской нации и заполнен самыми яростными фанатиками "армии Господа", чтобы охранять преданные жертвы.

Несомненно, гибель расы была окончательно предрешена!

Но пусть будет справедливость по отношению к Протектору. Закон гласил, что в первый день мая 1654 года все, кто на протяжении всей войны не проявлял постоянной благосклонности к парламенту Англии, выступавшему против Карла I, должны были быть удалены со своими семьями и слугами в глушь бедной и опустошенной провинции, где им должны были быть предоставлены определенные земли в обмен на их собственные поместья. Но кто из ирландцев мог доказать, что они проявляли "постоянную доброжелательность" к английскому парламенту во время десятилетней войны? Этот акт был не чем иным, как проскрипцией всей нации. К англичанам Пале были причислены старые туземцы и даже несколько протестантов-роялистов, вставших на сторону павших Стюартов. Единственное исключение было сделано в пользу "земледельцев, пахарей, рабочих, ремесленников и других людей низшего сорта". Англичане и шотландцы, ставшие в соответствии с этим актом лордами и хозяевами трех богатейших провинций Ирландии, не могли позволить себе обрабатывать землю своими руками и заниматься механическими искусствами, необходимыми в гражданском обществе. Эти обязанности были возложены на ирландскую бедноту. Была надежда, что, лишённые дворянства и духовенства, они могут быть обращены новыми хозяевами в нужное русло и либо станут добрыми протестантами, либо погибнут как рабы. Здесь *mentita est iniquitas sibi*.

Душераздирающие подробности этого надругательства над человечностью можно найти в книге мистера Прендергаста "Кромвелевское поселение". Все читатели могут составить некоторое представление о масштабах бедствий Ирландии.

Читателя не может не поразить, как после стольких мер предосторожности, принятых не только против дальнейшего увеличения расы, но и для ее скорейшего уничтожения, сократившаяся до полумиллиона, запертая на бесплодном участке земли, брошенная на произвол судьбы своими гонителями, без священников, без какой-либо организации, она не только не погибла, но с тех пор продолжала неуклонно расти, пока к сегодняшнему дню не раскинулась вширь и вдаль, не только на острове своего рождения, но и на широком пространстве двух огромных континентов.

В рамках имеющегося в нашем распоряжении объема невозможно удовлетворить любопытство читателя по этой очень любопытной и интересной теме. Однако несколько замечаний могут в общих чертах указать на основные причины этого удивительного факта, если не считать чудесного вмешательства Бога в их пользу.

Во-первых, Коннаут стал более ирландским, чем когда-либо, и мощным инструментом, который впоследствии помог возрождению нации. Фактически, как мы вскоре увидим, он сохранил ему жизнь. Изгои, которым было позволено остаться в трех других провинциях в качестве слуг или, скорее, рабов, не были признаны управляемыми по религиозным соображениям; и, хотя новые акты парламента запрещали любому епископу или священнику оставаться на острове, многие все же остались, некоторые из них вернулись с континента, откуда были вывезены, чтобы помочь своим несчастным соотечественникам в этой тяжелейшей беде.

Как справедливо отмечает Мэтью О'Коннор: "Пылкое рвение, стойкость и спокойная покорность католического духовенства во время этих ужасных гонений могут сравниться с постоянством христиан в первые века существования Церкви. В период процветания они, возможно, зашли слишком далеко в своих притязаниях" - таково частное мнение М. О'Коннора о Килкеннийской конфедерации, - "но в час испытаний они превозмогли человеческие немощи. . . . Скорее, чем совсем оставить свои стада, они бежали от общения с людьми, скрывались в лесах и пещерах, откуда выходили, когда преследование их врагов ослабевало, чтобы проповедовать людям, утешать их в их страданиях, ободрять их в их испытаниях; ... их убежища были объектами. . их убежища были объектами неутомимого поиска; ищейки, последнее средство человеческой жестокости, использовались для этой цели, и за голову священника назначалась такая же цена, как и за голову волка" (Ирландские католики).

Однако надежды на то, что ирландцы из низших слоев общества, лишенные своих пастырей, а также руководства своих вождей, станут жертвами прозелитов и потеряют одновременно свою национальность и свою религию, были обречены на разочарование.

Возможно, причина, более эффективная, чем все другие, для сохранения ирландской нации от полного исчезновения, пришла из квартала, которого меньше всего ожидали, или, скорее, самого невероятного и удивительного.

Казалось, что ни одно средство не способно привести Ирландию к протестантизму лучше, чем постановление парламента, в котором говорилось, что не только офицеры, но и простые солдаты парламентской армии должны получать плату за свои услуги не деньгами, а землей, и что поместья старых владельцев должны быть разделены и распределены между ними в качестве платы, а также между теми, кто в Англии предоставил средства для ведения войны.

Хотя многие солдаты возражали против такого способа компенсации, некоторые продавали за бесценок выделенные им земли и возвращались в свою страну, подавляющее большинство было вынуждено удовлетвориться предложением правительства и решило обосноваться в Ирландии и стать фермерами. Но тут их подстерегала серьезная трудность: женщин нельзя было уговорить покинуть свою страну и отправиться жить на братский остров, а ирландские девушки, будучи сплошь католичками, по указу парламента запрещали солдатам жениться на них, если только им не удастся обратить их в протестантизм. После многих тщетных попыток солдаты Кромвеля, несомненно, вскоре убедились в невозможности обратить "непримиримых" дочерей Эрина в свою веру и нашли только один способ преодолеть трудности - жениться на них первыми, не требуя от них отступничества, и обеспечить себе приз после этого, поклявшись, что их жены - самые лучшие протестантки. Таким образом, пока лжесвидетельства становились повседневным явлением, победоносная армия сама оказывалась побежденной могущественным врагом, на которого она едва ли рассчитывала и к встрече с которым была совершенно не готова, и, наконец, отдохнув от своих трудов, наслаждалась сладостями мира и туком земли.

Но женщина, почувствовав свою власть, требовательна, и со временем кромвелевские солдаты обнаружили, что от них требуются новые жертвы, на которые они не рассчитывали. Их жен никакими уговорами нельзя было заставить говорить по-английски, поэтому, как бы это ни противоречило здравому смыслу, мужья были вынуждены выучить ирландский и говорить на нем как можно лучше. Их трудности стали умножаться с появлением детей, когда они обнаружили, что учат ирландский еще в колыбели, неотразимые в своем ирландском остроумии и юморе, повторяют молитвы и почитают веру, которой их учили на коленях матери. Так что с тех пор и по сей день потомки "Железнобоких" Кромвеля, по крайней мере те из них, кто остался в Ирландии, были преданными католиками и ярыми ирландцами.

Иначе обстояло дело с главными офицерами парламентской армии, которые получили большие поместья и могли легко заполучить жен из Англии. Они оставались стойкими протестантами, и их дети продолжали исповедовать религию, полученную вместе с поместьями, которые достались им в результате этой массовой конфискации. Но основная часть армии, вместо того чтобы способствовать формированию протестантского среднего класса и протестантского йоменри, на самом деле помогла увековечить господство католической религии в Ирландии и чувство национальности, столь заметное сегодня. Этот весьма примечательный факт был хорошо установлен и очень ясно изложен несколько лет назад выдающимися английскими обозревателями.

Тем временем Ирландия стала жертвой всех бед, которые могут постигнуть нацию. К опустошениям войны и несчастьям трансплантации добавился мор, который свирепствовал как среди завоевателей, так и среди побежденных. Сегодня "Тренодия" монаха Морриссона читается как преувеличенное сетование, бремя которого вырвалось из живого воображения. Однако можно не сомневаться, что она едва ли отражает всю правду; точное воспроизведение всех душераздирающих сцен, ежедневно разыгрывавшихся в то время на несчастном острове, окажется столь же трогательной историей, какая когда-либо вызывала жалость в сердце читателя.

И все эти страдания были прямым следствием двух причин: привязанности ирландцев к католической религии и их преданности династии Стюартов. Современные историки, рассматривая все обстоятельства, выражают непонимание постоянства привязанности этого народа к череде королей, от которых он неизменно испытывал не только пренебрежение, но и позитивное противодействие, а то и предательство. По их мнению, объяснить такую привязанность можно только странной косностью суждений. Некоторые

называют это глупостью, но ирландцев никогда не обвиняли в этом. Даже в самых скромных слоях общества у них есть не только юмор, но и острота восприятия, а порой и необыкновенное чутье, которое быстро распознает мотивы и выясняет, что на первом месте в сознании других.

Есть только одно прочтение этой загадки, соответствующее всему характеру людей: они держались за Стюартов, потому что те были послушны предписаниям и обязанностям религии, и трудились в убеждении, пусть и ошибочном, что только от Стюартов они могли надеяться на что-то похожее на свободу. Их духовные наставники настаивали на необходимости во что бы то ни стало поддерживать законную власть короля, и они были твердо убеждены, что ни от кого другого не могут ожидать смягчения религиозных карательных законов, навязанных им их врагами. Чем чаще они разочаровывались в мерах, принятых государями, на которых они возлагали свои надежды, тем тверже убеждались, что их намерения были благими, но оказались тщетными по вине тех, кто их окружал и принуждал.

Только религия может объяснить эту необычную привязанность ирландского народа к расе, которая в действительности стала причиной самых больших его несчастий.

Последующие события этой странной истории полностью совпадают с предыдущими. Достаточно нескольких слов, чтобы описать их в общих чертах.

После смерти Оливера Кромвеля его сын Ричард не смог и не захотел оставаться во главе английского государства, и народ, уставший от железной власти Протектора, опасаясь анархии и предпочитая консервативные меры монархии постоянно меняющимся революциям содружества, возвел на престол сына Карла I.

Но он заключил своего рода сделку с теми, кто распоряжался короной; он взял на себя обязательство и обещал как можно меньше нарушать корыстные интересы, созданные революцией, то есть обязался, что имущественное положение останется таким, каким он его найдет. В Англии это обещание принесло мало бед всей нации, хотя и стало роковым для не очень многочисленных семей, лишенных парламентом своих поместий. Но в Ирландии дело обстояло совсем иначе; там интересы всей нации были вытеснены, чтобы освободить место для этих "корыстных интересов" собственников, просуществовавших не более десяти лет.

Ирландские дворяне и джентри, поначалу не знавшие о существовании этой сделки, с радостью ожидали, что наконец-то с ними поступят по справедливости, ведь именно за верность отцу нового короля они были лишены всех своих владений. Вскоре они были обмануты. К своему удивлению, они узнали, что спекулянты, офицеры и солдаты, уже владевшие их поместьями, не будут потревожены, так как владение было недолгим; и что только те земли, которые еще не были присвоены, должны быть возвращены их законным владельцам при условии, что они не были папистами или могли доказать, что были "невинными папистами".

Последствия этой сделки очевидны. Ирландцы старой коренной расы, которые, как теперь выяснилось, так глупо пылали верностью трону, должны были быть брошены на произвол судьбы, на которую их обрек Кромвель, и не могли рассчитывать вернуть ничего из того, что они так благородно потеряли. Все это было настолько вопиюще несправедливо, что через некоторое время многие англичане даже убедились в несправедливости принятого решения и подняли голос в защиту ирландских католиков, которые одни могли надеяться на восстановление королевской власти. Чтобы положить этому конец, была выдвинута печально известная фабрикация "Оутс", которая уничтожила несколько английских

католических семей и заглушила голос человечества в его попытках подружиться с ирландской расой; И столь внезапным, всеобщим и долговременным был эффект этого заговора, закрывшего глаза на притязания ирландцев, что когда его главного пропагандиста Шафтсбери потащили в Тауэр и там посадили в тюрьму как злодея, а сам Оутс понес слишком мягкое для своего злодейства наказание, тем не менее никто и не подумал снова взяться за дело ирландских туземцев.

В наши дни почти невозможно осознать то, что занимало наше внимание в этой главе. Беспрецедентный акт растраты, в результате которого четыре пятых ирландцев были лишены Кромвелем своего имущества из-за их преданности Карлу I, по той якобы причине, что они не могли доказать постоянную добрую привязанность к английскому парламенту-рецидивисту; это лишение собственности было ратифицировано сыном Карла через несколько лет после того, как законные владельцы, пожертвовавшие своим имуществом ради его отца, были лишены собственности, в то время как парламентарии, которые силой оружия сломили власть Карла и позволили членам Долгого парламента судить своего короля и предать его суду, те самые солдаты и офицеры остались владеть своим недостойно нажитым имуществом, в то время как многие из владельцев находились всего в нескольких милях от него в Коннауте или даже обитали во флигелях своих собственных особняков, обрабатывая землю в качестве прислуги кромвелевских солдат.

Похожий случай, произошедший в последующие годы с французским дворянством-эмигрантом, не может сравниться с результатом этой странной уступки Карла II. На самом деле можно сказать, что сполохи 1792-93 годов во Франции, вероятно, никогда бы не состоялись, если бы не удачный пример, показанный законодателям Французской республики Английской революцией.

Что касается доли самого Карла II в этом деле, то о ней лучше всего говорит тот факт, что во время правления "веселого монарха" работа по расхищению земель велась так энергично, что когда через несколько лет на престол взошел Вильгельм Оранский, у него не осталось земли, которой он мог бы распорядиться среди своих последователей, кроме последнего миллиона акров. Все остальное было разделено. Доктор Мэдден мог бы сказать: "Вся Ирландия была так тщательно конфискована, что единственное исключение составляли пять или шесть семей английской крови, некоторые из которых пострадали во времена правления Генриха VIII, но с тех пор процветали. Тем не менее они не отказывались от соучастия с главным. Многие называют их обманутыми людьми; но люди обычно не могут понять высоких побуждений, которые движут людьми, движимыми лишь двойным чувством - религией и национальностью.

По нашему мнению, ничто не может лучше доказать, что ирландцы действительно были нацией в то время, о котором мы говорим, чем только что приведенные высказывания. Когда все умы так единодушны, воли так готовы, оружие так сильно и хорошо подготовлено для совместного удара, следует признать, что в целом существует общее чувство, национальная воля. Самоуправление может отсутствовать, оно может быть подавлено силой и сдерживаться самым неблагоприятным положением дел, но нация существует и не может в конечном итоге не подняться.

В те богатые событиями времена проявилась и та особенность, о которой уже говорилось, - истинный консервативный дух и инстинктивная ненависть к любому принципу, который в наши дни называют радикальным и революционным. Если бы в ирландцах существовала хоть малейшая склонность к тем социальным и моральным отклонениям, которые сегодня порождают столь многочисленные и широко распространенные беды, конечно, период

Английской революции был подходящим временем, чтобы призвать их и обратить их от неуклонного следования праву и порядку в новые русла, к которым тогда спешили народы, и которые действительно благоприятствовали бы на время их собственным усилиям по достижению независимости. Тогда бы ирландцы представили будущим историкам столь же захватывающий эпизод волнения и активности, как в свое время англичане и шотландцы, позже французы и как сегодня большинство европейских наций.

Соблазн был действительно велик. Они видели, с каким успехом восстание вознаграждалось у англичан и шотландцев. Сами они были уверены, что их заклеят как мятежников, какую бы сторону они ни приняли; и, как мы видели, Карл II позволил своим комиссарам в акте об урегулировании так их назвать и наказать за это - за поддержку дела своего отца против парламента.

Не лучше ли было бы им стать однажды, по крайней мере, мятежниками на полном серьезе, и получить от восстания ту же выгоду, которую получали все вокруг них? И все же они устояли перед деморализующими доктринами шотландских ковенантеров и английских республиканцев. Хьюм, открыто выступавший против всего ирландского, вынужден описать этот католический народ как "лояльный из принципа, привязанный к царской власти из религиозного воспитания, единодушно противостоящий народному неистовству и ревностно защищающий королевские прерогативы".

Все это полностью соответствовало их традиционному духу и историческим воспоминаниям. Революционные доктрины всегда были антагонистичны уму и сердцу ирландцев. Это станет более очевидным, когда речь пойдет о недавних временах, и, возможно, для некоторых будет сюрпризом узнать, что, за исключением нескольких человек, которые ни в коей мере не представляют нацию, новейшие и любимые теории мира, не только в области религии, науки и философии, но также и в области правительства и социального положения, никогда не находили среди них открытых сторонников. Пока что они являются единственной нацией, не затронутой болезнью, которая накладывает свой отпечаток на жизнь современного общества. Таким образом, можно сказать, что изгнанное дворянство все еще правит в Ирландии благодаря воспоминаниям о прошлом, хотя уже нет надежды на восстановление древнего порядка, ушедшего навсегда. Прерогативы, некогда дарованные аристократическим сословиям, теперь со всех сторон отвергаются и отрицаются; в Ирландии они были бы с радостью признаны завтра, если бы только действительные потомки старых семейств смогли реализовать свои притязания. Не следует забывать, что ирландское дворянство, как класс, хорошо заслужило свою страну, пожертвовало собой ради нее, когда пришло время жертвовать, и поэтому вполне уместно, чтобы они жили в памяти народа, который видит их следы, но не находит их. Мечта найти правителей для нации из числа тех, кто претендует на звание потомков старых вождей, - это мечта и не более того; но, несмотря на это, для многих ирландцев она не выходит за рамки реальности, настолько глубоко укоренился в них консервативный дух и настолько полностью, по крайней мере в этом случае, они свободны от влияния современных идей.

Ирландцы поддерживали Стюартов не только по религиозным, но и по национальным мотивам, поскольку эта семья происходила из рода гэльских королей, и какими бы недостойными они сами ни были, их права отстаивались и признавались перед всеми желающими. Но когда Стюарты ушли, верность была брошена на произвол судьбы.

Успех Кромвеля и его республики разрушил все перспективы воссоединения двух островов; а последующая революция 1688 года, начавшаяся так скоро после смерти Протектора, оставила ирландцев в том состоянии, в котором их поставила и оставила четырехсотлетняя

борьба с Плантагенетами и Тюдорами в отношении их связи с Англией - в состоянии антагонизма и взаимного отталкивания, когда ирландская нация, жертва силы, медленно воспитывалась несчастьем, пока не пришло время для открытого признания права.

ГЛАВА XII.

ВЕК МРАКА - УГОЛОВНЫЕ ЗАКОНЫ.

Вильгельм III Оранский был склонен добросовестно соблюдать статьи, согласованные при сдаче Лимерика, а именно: предоставить покоренным свободу вероисповедания, права граждан, столько, сколько осталось у них имущества, и средства для личной безопасности, признанные до ухода Сарсфилда и его людей.

Лорды-судьи даже издали прокламацию, повелевающую "всем офицерам и солдатам армии и ополчения, а также всем другим лицам, запрещающую причинять зло или вред, или применять незаконное насилие к любому из подданных Его Величества, будь то британцы или ирландцы, без различия, и что все лица, приносящие присягу верности и ведущие себя в соответствии с законом, должны считаться подданными под защитой Их Величеств и иметь равное право на пользу закона" (Харрис, "Жизнь Вильгельма").

Это первое провозглашение не было в целом выполнено, было опубликовано другое, в котором говорилось о "крайней мести закона против преступников"; и цитированный выше автор добавляет, что "удовлетворение, полученное ирландцами, стало источником долговременной благодарности к личности и правительству Вильгельма".

Утверждается даже, что новый монарх не только ратифицировал Лимерикский договор, но и "включил в ратификацию пункт, имевший для ирландцев первостепенное значение, который был опущен в проекте, подписанном лордами-судьями и Сарсфилдом. Этот пункт распространял преимущества капитуляции на "всех, кто находился под защитой ирландской армии в графствах Лимерик, Клэр, Керри, Корк и Майо". От включения этого пункта в ратификацию зависело огромное количество имущества католиков, и английский Тайный совет колебался, стоит ли воспользоваться его упущением. Честность короля объявила его частью статей".

Окончательное подтверждение было выдано из Вестминстера 24 февраля 1692 года на имя Уильяма и Марии.

Но партия, победившая честные наклонности Якова I, если таковые у него вообще были, а также его сына и внука, в это время была сильнее, чем когда-либо, и не могла согласиться распространить требования справедливости и права на завоеванных. Этой стороной была колония Ольстер, которую Кромвель распространил на две другие провинции - Лейнстер и Мюнстер, и которая была подтверждена в своей узурпации слабостью второго Карла. Мотивы лютой вражды, заставившей его выступить против любых мер, предполагавших самую малую справедливость по отношению к его соотечественникам, можно выразить двумя словами - алчность и фанатизм.

До того момента, как на английский престол взошел первый из Стюартов, все последовательные захваты Ирландии, даже последний при Елизавете, в конце Джеральдинской войны, были сделаны в пользу английской знати. Даже младшие сыновья семей из Ланкашира, Чешира и Дорсетшира, которые "заселяли" Мюнстер после разорения Десмондов, имели в своих жилах благородную кровь и, следовательно, были в большей или меньшей степени подвержены обычным предрассудкам феодалов. Жизнь земледельца и скотовода находилась слишком низко в социальной шкале, чтобы привлечь их

высокомерный взгляд. Следствием этого стало то, что католические арендаторы в Мюнстере были оставлены в своих владениях нетронутыми. Вместо "дани", которую требовали их прежние вожди, они теперь платили ренту своим новым лордам.

Но сброд, выпущенный на волю Яковом I, не был подвержен подобным утонченным представлениям. На смену высокомерным взглядам пришли глаза, зоркие, как у израильтян, для "главного шанса". Новые плантаторы, нацеленные только на прибыль и выгоду, думали вместе с французским крестьянином более позднего времени, что для того, чтобы земельные владения приносили полную прибыль, "нет ничего лучше, чем глаз хозяина". Поэтому ирландский крестьянин был лишен по меньшей мере половины ферм Ольстера и вынужден жить как можно лучше среди протестантских лордов Мюнстера. А чтобы "плантация" была полностью протестантской, новые владельцы должны были так разработать законодательство, чтобы лишить ирландских католиков возможности вернуть свои прежние владения. Так, были приняты законы, объявляющие недействительными все покупки, сделанные "ирландскими папистами".

Кто не был свидетелем того, как в определенный период своей жизни один скупой, но богатый человек, стремящийся лишь увеличить свою собственность и нажиться на рабском труде подвластных ему бедняков, воздействовал на жителей своего района? Кто не испытывал в глубине души отвращения к изнурительной тирании скупца, злорадствующего над тяжелым богатством, которое он выжимает из страданий и слез всех окружающих, и хвастающегося хитростью, успех которой слишком заметен в окружающем его запустении? Представьте себе подобные сцены, разыгрывающиеся на большой территории, начиная с Ольстера, распространяясь затем на Мюнстер и Коннаут, и, наконец, на весь остров, и мы получим точную картину последствий протестантской "плантации". Каждый год, почти весь семнадцатый век, на остров прибывали новые стаи этих иностранных авантюристов, которые прерывали свою деятельность только во время Килкеннийской конфедерации, а после уничтожения этого истинно национального правительства размножались все быстрее и быстрее, пока в то время, которое мы сейчас рассматриваем, "шотландская бережливость", как ее называют, не стала главной добродетелью большинства владельцев земли - шотландская бережливость, которая является лишь другим названием жадности.

Можно было бы с легкостью показать на примере длинных подробностей, что эта важнейшая особенность новой "плантации" вполне объясняет тот всеобщий и ужасный нищета, который с тех пор стал яркой чертой некогда счастливой Ирландии. Но можно сказать лишь несколько слов.

Наше внимание в первую очередь привлечет фанатизм новых "плантаторов". Сначала это были шотландские пресвитериане Нокса, которых послал Яков I, а затем - разглагольствующие солдаты и офицеры армии Кромвеля, скорее иудеи, чем христиане, поскольку их уста постоянно были наполнены библейскими текстами того особого характера, в которых гнев Божий обличается против нечестивых и жестоких племен Палестины. Сомнительно, чтобы идеи о Боге и человеке, провозглашенные и распространенные среди людей Кальвином и Ноксом, когда-либо были сравнены по своим дурным последствиям с самыми суеверными верованиями древних язычников. Давайте внимательно рассмотрим эти учения. Согласно им, Бог является автором зла: он издает свои указы об избрании или осуждении, независимо от заслуг или недостатков; подвергает вечным мукам бесчисленные души, которые никогда не могли быть спасены и за которых не умер Сын Божий. То, что любой разумный человек должен считать отвратительной жестокостью и несправедливостью, эти люди называли актами чистой справедливости, совершенными рукой Бога. Бог слепо спасает тех, кого спасает, и принимает их в свое лоно, хотя от них

воняет нераскаянными и нераскаянными преступлениями их жизни - фактически не подлежащими оправданию со стороны человека - только потому, что они убеждают себя, что они "избранные".

В этой системе человек - просто машина, не наделенная ни малейшим признаком свободной воли, но раздутая от непомерной гордыни; он считает всех остальных, кроме тех, кто принадлежит к его секте, необходимыми объектами слепого гнева Божьего, отброшенными и испорченными от вечности по замыслу Провидения; к ним "избранные" могут испытывать не больше жалости или привязанности, чем искупленные люди могут испытывать к самому архипредателю, поскольку оба они одинаково неискупимы и неискуплены.

Ни одна система притворной религии, придуманная извращенным человеческим разумом под вдохновением лукавого, не могла пойти дальше в своем злодеянии, чем эта.

Однако именно такой была чистая, неразбавленная сущность кальвинизма в самом начале его существования. В наше время его доктрины были радикально изменены, поскольку его приверженцы не смогли избежать успокаивающего действия времени и спокойного разума. Но в тот период, о котором мы говорим, его абсурдные и отвратительные догматы были свежи и принимались религиозно до буквы.

Новые колонисты верили и действовали в соответствии с убеждением, что все люди вне их собственного тела являются врагами Бога и имеют Бога в качестве своего врага. Какая удобная доктрина для людей с "зудящей ладонью"! "Паписты, в частности, были хуже идолопоклонников, и "искоренить их" означало лишь оказать услугу Богу. Если же это святое желание не могло быть исполнено, то ближайшим подходом к благому делу было лишить их всех прав и сделать жизнь таких отступников более жалкой, чем смерть, которая должна была обречь их на вечные муки, предусмотренные для них в вечных декретах, и таким образом дать им здесь предвкушение жизни, предназначенной для них в будущем.

Читатель может понять, как шотландские пресвитериане того времени, переполненные свободными и республиканскими идеями в отношении собственного благополучия, когда речь заходила о том, чтобы распространить их на своих собратьев-католиков, если они допускали такое понятие, отвергали такую абсурдную и неблагочестивую идею. Эти последние были недостойны пользоваться подобными благами. И таким образом, гул протестантского превосходства, "Протестантская свобода и право!" стали боевым кличем, подавляющим все попытки распространить даже самые обычные привилегии свободы, принадлежащей человеку по природе, на кого-либо, кроме протестантов, принадлежащих к тому же классу, что и они сами.

Здесь возникает любопытное размышление, полное смысла и вызывающее почти насмешку над типом свободной конституции. Восемнадцатый век стал свидетелем развития британской конституции в том виде, в каком она известна сейчас. Она приняла в свое лоно всех британских граждан, вознесла нацию на вершину материального процветания, но в то же время и на всем ее протяжении целые классы граждан Британской империи, как в Великобритании, так и в Ирландии, открыто, без всяких угрызений совести и жалости - не говоря уже о таком отвратительном слове, как логика, - были лишены защиты общей хартии и общих прав.

При Кромвеле доктрины Кальвина и Нокса не проявлялись столь навязчиво. Офицеры и солдаты его армий, как и их генерал, считали пресвитерианскую кирку слишком аристократичной и несгибаемой. Они образовали новую секту индепендентов, которая теперь называется конгрегационалистами. Но главная особенность новой религиозной

системы стала для Ирландии таким же злом, каким не могли быть суровые догмы Кальвина. Принцип, согласно которому Писание является единственным правилом веры, начал приносить свои плоды. Нет нужды говорить о том, что Священное Писание, предоставленное свободному толкованию каждого, становится источником многих ошибок, а также многих преступлений. Историки и романисты и раньше часто рассказывали нам, с какой целью "Слово Божье" подвергалось манипуляциям со стороны шотландских ковенантеров и кромвелевских вольноотпущенников.

Ковенантер, или вольный разбойник, видел в антагонистах своего "настоящего мятежа" и противниках замыслов своей темной политики лишь врагов Бога и противников его Промысла. Он считал себя уполномоченным Богом уничтожать католиков и убивать невинных женщин и детей, как войска Иисуса Навина были уполномочены сражаться с Амаликом и овладеть страной, занятой народом, чье жестокое идолопоклонство было неискоренимо и делало их абсолютно непримиримыми. Таким образом, к суровым и одиозным догматам кальвинизма новые захватчики присоединили фанатизм самообманутых евреев, никогда не получавших никакого поручения от Бога, которого они хулили, но носивших себя со всей торжественностью его орудий.

Поэтому нет ничего удивительного в зверствах, совершенных шотландскими войсками в 1641 году, когда они впервые вторглись на остров с севера, так же как и в многочисленных массовых убийствах, которые сначала сопровождали поход войск Кромвеля, Иретона и других лидеров, и которые были прекращены только после того, как голос Европы поднялся в восстании при пересказе, а сами они убедились, что полное уничтожение народа невозможно, и единственное, что можно сделать, - это вывезти столько, сколько можно вывезти, а остальных обратить в рабство.

Так новая колония начала свою деятельность, и легко понять, как такие глубоко протестантские доктрины, оставшиеся в груди людей, приехавших сделать Ирландию своим домом, не могли не стать непреодолимым барьером на пути слияния новых и старых жителей и придать страшную реальность теории "протестантского превосходства" и "протестантской свободы и права" - свободы и права угнетать людей другого вероисповедания.

Эти слова являются ключом к пониманию всех бед и несчастий ирландцев на протяжении всего восемнадцатого века. Теперь мы перейдем к рассмотрению начала действия этой фанатичной нетерпимости, которая положила начало веку мрака.

Лорды-судьи только вернулись, заключив мирный договор с Сарсфилдом, когда раздались первые раскаты грома, предвещавшие грядущую бурю. Доктор Доппинг, протестантский епископ Митский, читая перед ними проповедь в воскресенье после их возвращения в Дублин, открыто упрекал их в церкви Христа за снисходительное отношение к ирландцам и убеждал, что нельзя поддерживать веру с такой жестокой и вероломной расой. Такого рода доктрины приходилось слышать и раньше, причем от людей, подобных доктору Доппингу; их можно услышать и сейчас, но обычно они бросаются в зубы католикам и навешиваются на них как их доктрина, как бы часто их ни опровергали.

Доктор в общих чертах заявил, что с такими людьми никакие договоры не имеют обязательной силы и что поэтому Лимерикские статьи не должны соблюдаться.

Вильгельм и его ирландское правительство пытались обуздать эту неводержанность; но чувства сектантов были слишком пылкими, чтобы их можно было так легко подавить, и чем сильнее было противодействие, тем настойчивее они провозглашали свои взгляды, к

которым, естественно, у них появилось много приверженцев среди колонистов протестантской плантации.

Вскоре в Дублине собрался ирландский парламент. Большинство, проникнутое мрачным кальвинизмом того времени и опасаясь столкнуться с оппозицией уважаемого меньшинства католиков, пришедших занять свои места, приняло закон о введении новой присяги, противоречащей одной из статей договора. Эта присяга включала в себя отречение от прав Якова де-юре, отказ от духовной власти Папы Римского и (как будто этого было недостаточно для исключения католиков) заявление против доктрины транссубстанции и других фундаментальных догматов их вероучения. Лица, отказавшиеся принести эту клятву, лишались всех должностей и вознаграждений, а также обеих палат ирландского парламента.

Члены-католики были вынуждены немедленно выйти из состава парламента, и с того дня и до эмансипации 1829 года ни один католик не принимал участия в законодательстве своей страны.

После этого выхода, который во времена Французского конвента называли бы эпурацией, ирландский парламент стал бичом страны. По сути, он представлял лишь парламентскую Англию и подвергал Ирландию всем мерам, которые требовали английские ультралегионеры для достижения своих корыстных целей. Одержимый мрачным фанатизмом, его главной целью было искоренить на острове все остатки религии, которая когда-то там процветала. Весь его законодательный дух был сосредоточен на двух вопросах: Не следует ли строго соблюдать уже существующие законы, направленные против дальнейшего распространения папизма, и нельзя ли ввести какой-нибудь новый закон для достижения той же цели?

Много раз эти два вопроса ставились в собрании, называемом Ирландским парламентом, пока в конце восемнадцатого года не раздался гром, предвещавший грядущую бурю. Доктор Доппинг, протестантский епископ Митский, проповедуя перед ними в воскресенье после их возвращения в Дублин, открыто упрекал их в церкви Христа за снисходительность к ирландцам и убеждал, что нельзя поддерживать веру с такой жестокой и вероломной расой. Такого рода доктрины приходилось слышать и раньше, причем от людей, подобных доктору Доппингу; их можно услышать и сейчас, но обычно они бросаются в зубы католикам и навешиваются на них как их доктрина, как бы часто их ни опровергали.

Доктор в общих чертах заявил, что с такими людьми никакие договоры не имеют обязательной силы и что поэтому Лимерикские статьи не должны соблюдаться.

Вильгельм и его ирландское правительство пытались обуздать эту невоздержанность; но чувства сектантов были слишком пылкими, чтобы их можно было так легко подавить, и чем сильнее было противодействие, тем настойчивее они провозглашали свои взгляды, к которым, естественно, у них появилось много приверженцев среди колонистов протестантской плантации.

Вскоре в Дублине собрался ирландский парламент. Большинство, проникнутое мрачным кальвинизмом того времени и опасаясь столкнуться с оппозицией уважаемого меньшинства католиков, пришедших занять свои места, приняло закон о введении новой присяги, противоречащей одной из статей договора. Эта присяга включала в себя отказ от прав Якова де-юре, отречение от духовной власти Папы и (как будто этого было недостаточно для исключения католиков) заявление против доктрины транссубстанции и других фундаментальных догматов их вероучения. Лица, отказавшиеся принести эту клятву,

лишались всех должностей и вознаграждений, а также обеих палат ирландского парламента.

Члены-католики были вынуждены немедленно выйти из состава парламента, и с того дня и до эмансипации 1829 года ни один католик не принимал участия в законодательстве своей страны.

После этого выхода, который во времена Французского конвента называли бы эпурацией, ирландский парламент стал бичом страны. По сути, он представлял лишь парламентскую Англию и подвергал Ирландию всем мерам, которые требовали английские ультралегионеры для достижения своих корыстных целей. Одержимый мрачным фанатизмом, его главной целью было искоренить на острове все остатки религии, которая когда-то там процветала. Весь его законодательный дух был сосредоточен на двух вопросах: Не следует ли строго соблюдать уже существующие законы, направленные против дальнейшего распространения папизма, и нельзя ли ввести какой-нибудь новый закон для достижения той же цели?

Эти два вопроса много раз ставились в собрании, называемом Ирландским парламентом, вплоть до конца восемнадцатого года, когда в стране появилось папство, и, в свою очередь, это делает очевидной необходимость культивирования и сохранения доброго понимания среди всех протестантов в этом королевстве."

Пусть читатель помнит, что подобные высказывания и их результат в виде жестокого законодательства продолжались в Ирландии на протяжении всего XVIII века, и ему не составит труда понять смысл слов Эдмунда Берка, когда он сказал "Кодекс против католиков был машиной мудрой и тщательно продуманной; он был так хорошо приспособлен для угнетения, обнищания и деградации народа, а также для унижения в нем самой человеческой природы, как никогда не исходило от извращенной изобретательности человека". И в другом месте: "Чтобы сделать людей терпеливыми при лишении всех прав человеческой природы, все, что могло дать им знание и чувство этих прав, было рационально запрещено. Чтобы сделать человечество пригодным для оскорбления, его следовало унижить".

Но для нашей цели очень уместно дать очерк этих хороших законов, как их называет Уортон, прежде чем увидеть, как ирландцы предпочли подчиниться им, а не потерять свою веру, "приспособившись". Эта тема уже исследовалась многими авторами, причем в последнее время гораздо более полно, чем раньше. Но авторы никогда не представляли законы в целом, довольствуясь, по большей части, перечислением их в хронологическом порядке, в котором они были приняты, или, если иногда они пытались объединить и таким образом представить более яркую идею эффекта, который такие законы должны были произвести на народ, они никогда, насколько известно писателю, не были сведены к плану, и, следовательно, не смогли произвести того эффекта, который должен был быть произведен с их помощью.

Здесь невозможно привести текст этих различных законов - невозможно даже дать достаточно точное представление о них в целом. Тем не менее, они будут классифицированы в меру наших возможностей и настолько полно, насколько позволят обстоятельства.

Мистер Прендергаст, похоже, считает, что их конечной целью всегда было лишение ирландцев их земель или обеспечение грабежа, если они уже находились во владении. Мы не склонны оспаривать, что это была одна из главных целей, которую всегда учитывали при их принятии; но то, что это была единственная или даже главная причина, мы можем

позволить себе усомниться, с величайшим почтением к мнению знаменитого автора часто цитируемого "Кромвелевского поселения".

Мы считаем, что эти законы были порождены главным образом фанатизмом сектантов; или, если некоторые из их создателей, такие как лорд Уортон, не обладали никакими религиозными чувствами и не могли быть названы фанатиками, их намерением было потворствовать настоящему фанатизму английского народа, как он существовал в то время, и особенно колонии, посаженной в Ирландии, которая до смерти ненавидела папизм и отдала бы все свои владения и земли за уничтожение Алой женщины.

Для достижения намеченного великого результата цель "Уголовного статута" была единой в самой своей сложности. Ведь ему приходилось иметь дело со сложными правами, которые он отнимал одно за другим, пока единство системы не было завершено их полным уничтожением.

Мы классифицируем их как политические, гражданские и человеческие права. Результатом всей этой политики стало низведение ирландцев до уровня жалких рабов Спарты, с той лишь разницей, что если рабы лакедемонян насчитывали всего несколько тысяч, то ирландцы исчислялись миллионами.

Система в целом была делом времени, и при Вильгельме Оранском - даже при королеве Анне - она еще не достигла своей зрелости, хотя основные и самые суровые меры были приняты и введены в действие с самого начала. Маленькие хитроумные приспособления, касающиеся короткой и малой аренды, владения ценными лошадьми и т. д., были всего лишь причудливыми дополнениями, которые остроумные и изобретательные законодатели Ганноверской династии имели счастье обнаружить незаписанными в сводах законов, и которые они имели честь внести туда, придав тем самым новую пикантность и энергичный вкус всему блюду.

Ближе к середине XVIII века система, можно сказать, достигла своего совершенства. После этого времени, по всей вероятности, было бы невозможно усовершенствовать ее дальше и сделать иго рабства более тяжелым и тягостным для ирландцев. Красота и простота всего этого заключалась в том, что подавляющее большинство этих мер не были приняты в таком количестве положительных и явных выражений против католиков в виде открытых и преследующих статутов. В законах просто упоминалось, что для того, чтобы пользоваться таким-то и таким-то правом, необходимо, чтобы каждый подданный короны принес такую-то и такую-то присягу, которую не может принести ни один католик. Таким образом, все ирландское население было поставлено между своей религией и своими правами, и в любой момент, просто принеся присягу, оно могло пользоваться всеми привилегиями, которые делали колонистов, живущих среди них, такими счастливыми и довольными, и так гордились своим "протестантским превосходством".

Несомненно, надеялись, что если поначалу и в течение определенного времени вера ирландцев будет стойкой и побудит их пожертвовать всем, что было дорого в жизни, вместо того чтобы отказаться от этой веры, то, в конце концов, измученные и удрученные нищетой, не в силах больше нести свое тяжелое бремя, они сдадутся и, совершив такой простой поступок, как принесение клятвы в соответствии с законом, хотя и против своей совести, станут людьми и гражданами. Это было то, что французские конвенционалисты в 1793 году называли "отчаянным терпением" своих жертв.

Эта нечестивая надежда не оправдалась, и, за исключением сравнительно небольшого числа слабых христиан, народ выстоял и предпочел "позор креста Христова" наслаждениям этой бременной жизни.

Как видно, первыми были отняты их политические права. Парламент 1691 года потребовал от своих членов упомянутой клятвы, за отказ от которой все члены-католики были вынуждены немедленно выйти из состава парламента. Но поскольку клятва оказалась таким прекрасным инструментом для использования против людей, обладающих совестью, правящий орган - теперь он был сведен к прежнему протестантскому большинству - потребовал, чтобы такую же клятву приносили все избиратели, магистраты и чиновники любого ранга, от высших до низших.

Сама клятва представляла собой эластичную формулу, способную растягиваться или сжиматься в зависимости от обстоятельств, так что, добавив пару случайных фраз, ее можно было составить в соответствии с новыми требованиями и дать волю живому воображению изобретательных членов парламента. Было бы любопытно собрать отчет о разнообразии форм, которые он принимал, и прокомментировать различные случаи, которые привели к этим различным изменениям. Таким образом, длинная история гонительского неистовства может быть сведена к комментарию, занимающему сравнительно немного страниц. Даже во время так называемой католической эмансипации она не была отменена; напротив, ее свято хранили, и были составлены две новые формулы, одна для протестантов, а другая для католиков - членов законодательного органа, лордов и общин, и такой она остается по сей день, за исключением того, что самые оскорбительные пункты прошлого века исчезли.

Представьте себе, какое зрелище представлял собой остров всякий раз, когда проходили выборы представителей, магистратов или мелких чиновников; всякий раз, когда те, кто имел право выбирать обладателей должностей, не подлежащих избранию, объявляли о своем выборе. Эта огромная масса аристократических господ была выбрана из числа английских колонистов и имела своей целью сохранить господство протестантов, а значит, подмять под себя под самым жестоким угнетением всю массу населения острова. Во всех этих политических комбинациях и переменах, периодически повторяющихся и возвещаемых голосами прессы и громом на трибунах, не было иного смысла. Политика в Ирландии была не чем иным, как выражением деспотизма незначительного меньшинства над почти всем народом. Ведь, несмотря на все свои репрессивные меры, враги католической веры никогда не могли претендовать даже на подобие численности, не говоря уже о большинстве, среди детей веры, которой учил Патрик. Ирландия оставалась католической во все времена, и ее угнетатели не могли не чувствовать горького унижения от своей постоянной численной неполноценности. Отсюда и слова, приведенные в речи Уортона, лорд-лейтенанта.

Так было всегда, несмотря на сочетание множества обстоятельств, неблагоприятно влияющих на распространение католического населения. Не лишним будет привести статистические данные и замечания аббата Перро по этому интереснейшему вопросу, содержащиеся в его книге "Ирландия под британским владычеством".

"В 1672 году общая численность населения Ирландии составляла 1 100 000 человек (следует помнить, что это было после резни и перевозок времен Кромвеля). Из этого числа

800 000 были католиками.

50 000 - диссентеры.

150 000 "ирландцев".

В 1727 году англиканский примас Ирландии Боултер, архиепископ Армагский, писал своему английскому коллеге, архиепископу Кентерберийскому, что "в этом королевстве, по всей вероятности, на каждого протестанта приходится не менее пяти папистов". Эти пропорции подтверждаются официальной статистикой при королеве Анне.

"В 1740 году, согласно своего рода официальной переписи, подтвержденной Уэйкфилдом, число протестантских глав семей не превышало 96 067.

"Двадцать шесть лет спустя палата лордов Дублина распорядилась составить сравнительную таблицу протестантских и католических семей по каждому графству. Результат оказался следующим:

Протестантские семьи ...	130 263
Католические семьи ...	305 680

"В 1834 году были составлены точные статистические отчеты о членах каждой общины, которые дали следующие результаты: Общее население оценивается в 7 943 940 человек, члены Ирландской церкви составляют всего 852 064 человека. Остальные 7 091 876 человек были разделены таким образом:

Пресвитериане	642,350
Другие диссентеры	21,808
Католики	6,427,718

"Переписи населения 1841 и 1851 годов не содержали никакой информации по этому важному вопросу. Таким образом, прошло тридцать лет с тех пор, как официальные данные указывали точную пропорцию каждой церкви.

"Это молчание "Синих книг" породило в протестантской прессе Англии и Ирландии мнение, слишком поспешно принятое на континенте авторитетными публицистами, что эмиграция и голод привели к выравниванию численности протестантов и католиков в Ирландии. Из этого предполагаемого факта защитники англиканской церкви с радостью сделали очевидный вывод: скандал с протестантским учреждением посреди и за счет католического народа постепенно сходит на нет.

"Безнадежная надежда тори и оранжистов пошла еще дальше. Они смело оспаривали право Ирландии на звание католической. И хотя за десять и двадцать лет до этого эти же журналы яростно выступали против включения религиозных конфессий в статистику переписи населения, но, когда подошла перепись 1861 года, они столь же громко потребовали их включения. Они сделали это вызовом католикам.

"Ультрамонтанские журналы приняли вызов. Католики единодушно потребовали провести перепись по конфессиональному признаку. Результаты были представлены представителям нации в июле 1861 года. Не было более короткого, более решительного или более триумфального ответа на сарказмы и вызовы старой протестантской партии".

Мы ограничимся здесь общими суммами, опустив мелкие детали:

Католики	4,490,583
Истеблишмент	687,661
Диссиденты	595,577

Таким образом, в этом столетии, как и на протяжении всего века мрака, остров действительно и по-настоящему католический.

В качестве контраста несколько слов на ту же тему можно сказать об Англии. Мы уже говорили и приводили некоторые доводы в пользу этого, что к моменту смерти Елизаветы Англия уже была протестантской до мозга костей.

В своих "Мемуарах", т. II, сэр Джон Далримпл опубликовал любопытный официальный отчет о количестве католиков в Англии в царствование Вильгельма Оранского, найденный после его смерти в железном сундуке этого бдительного монарха. Из этого подлинного документа мы приводим следующую выдержку:

Число фригольдеров в Англии.¹ (1 Dr. Madden's "Penal Laws.")

Конформисты. Паписты. Нонконформисты.

Провинция

Кентербери, 2,123,362 93,151 11,878

Провинция

Йорк, 353,892 15,525 1,978

Итого 2,477,254 108,676 13,856

Известно также, что при Георге III число католиков во всей Великобритании не превышало шестидесяти тысяч, настолько основательным было отделение Англии от истинной Церкви.

Вернемся к остракизму целой нации от ее политических прав. Ни один человек, действительно принадлежащий к ней, не мог принимать ни малейшего участия в управлении ее делами. Все они были отданы под контроль иностранцев, чьей гордостью было то, что они англичане, и чьей главной целью было обеспечить английское господство и подчинить все ирландское власти силы.

И все же в это время в мире наступала новая эра; множество голосов провозглашали новые социальные и политические доктрины; Все должны были быть свободны, обладать привилегиями, которые не могли быть ущемлены, а именно: право голоса в делах нации, суд равных, никаких налогов без должного представительства и тому подобное - в то время как целый народ по единодушному согласию самых громких из этих поборников свободы был лишен всех преимуществ новых идей, был буквально помещен в рабство, лишен возможности быть услышанным и допущенным к пользованию общими правами, потому что единственный голос, который мог бы заявить в их пользу, который в прежние времена так часто и так громко звучал, когда говорить об этом означало оскорблять сильных мира сего, был лишен права быть услышанным. Учение о том, что папское верховенство является узурпацией, а сам папа - врагом свободы, было возведено в ранг кардинального принципа. После такого публичного отречения от прежних доктрин все эти новые, так называемые либеральные теории были просто заблуждением и ловушкой. Не было никакой возможности эффективно обеспечить свободу, несмотря на то, что так много было обещано всем и предоставлено некоторым; не было никакой возможности действительно защитить права всех. Провозглашенное общественное право в итоге обернулось властью. Большинство

деспотично правило меньшинством, а поскольку деспотизм толпы всегда более суров и универсален, чем деспотизм любого монарха, в Ирландии воцарилась жестокая несправедливость. И в ее случае несправедливость была особенно усугублена тем, что это было небольшое чужеземное меньшинство, попиравшее ногами права огромного коренного большинства.

Но, хотя лишение политических прав, возможно, более фатально для нации, чем для любой другой, из-за того, что следует за ним, особенно при разработке законов, тем не менее лишение гражданских прав обычно ощущается острее, потому что вытекающие из него обиды встречаются человека на каждом шагу, в каждый момент его жизни, в его домашнем и бытовом кругу. Фактически, уголовные законы лишили католиков всех гражданских прав, которые только может представить современное общество, и именно здесь изобретательность их угнетателей на протяжении большей части столетия трудилась над тем, чтобы полностью разрушить ирландское благосостояние.

Эти права можно классифицировать следующим образом: право на владение и обладание земельной собственностью, право на достойную жизнь с помощью профессии или ремесла, право на защиту от несправедливости с помощью равных законов, право на справедливый суд перед осуждением: таковы основные из них. Сомнительно, что осталось хоть что-то важное, чего можно лишить гражданина, если только его открыто и несправедливо не лишают жизни.

Уже было показано, как политика Англии в отношении Ирландии, начиная с первого вторжения, во времена Генриха II, была вызвана желанием завладеть этой землей, и как после семисот лет борьбы ей удалось достичь своей цели; так что весь остров был конфискован, а в некоторых случаях по два или три раза. Поэтому цель уголовных законов заключалась не в том, чтобы лишить ирландцев земли, которой они больше не владели, а в том, чтобы помешать им приобрести любую землю в любом количестве и вновь вступить во владение, путем покупки или иным способом, любой частью их собственной земли и владений, которые принадлежали их предкам. Столь суровый и коварный замысел, мы не сомневаемся, не приходил в голову ни одному из прежних законодателей даже в языческой древности.

Большим стимулом к деятельности в гражданском обществе является приобретение собственности, главным образом земли. В феодальные времена сеньориальные поместья могли приобрести только люди благородных кровей; но с аллодиальными поместьями дело обстояло иначе по всей Европе. Однако как раз в то время, когда феодальные законы выходили из употребления, ирландцы были лишены возможности, благодаря тщательно проработанным постановлениям, приобрести даже один фунт родной земли. "Запрет уже был распространен на всю нацию правительством Содружества, и когда земли, конфискованные в результате войн 1690 года, были проданы в Чичестер-Хаус в 1703 году, английский парламент объявил ирландцев неспособными купить на аукционе или взять в аренду более двух акров" - (Прендергаст).

Тот же автор добавляет в примечании: "Но именно тогда, когда поместье стало собственностью первого первооткрывателя-протестанта, в этот закон было внесено оживление. Первооткрыватели тогда стали похожи на гончих по следу земель, тайно купленных ирландцами. Джентльмены, опасаясь потерять свои земли, стали вынуждены подчиняться - то есть отречься от католицизма. В период с 1703 по 1709 год в Ирландии было всего тридцать шесть конформистов; в последующие десять лет (после принятия Акта об открытии) их стало сто пятьдесят".

Но цель заключалась не только в том, чтобы помешать ирландцам стать даже умеренно богатыми землевладельцами; они должны были быть низведены до фактической нищеты. Поэтому запретительные законы не остановились на этом первом возмущении; предполагались и предусматривались почти невозможные случаи, чтобы не исключить возможность их осуществления в какой-то момент. Было фактически предусмотрено, что если продукция их ферм принесет ирландцам большую прибыль, чем ожидалось, несмотря на все эти меры против возможного наступления такого зла, то аренда будет считаться недействительной, и "первооткрыватель" должен получить эту сумму.

Не было ни одной лазейки, с помощью которой народ мог бы избежать этого унижения. Но оставался шанс заняться торговлей, приобрести личную собственность и стать владельцем денежной суммы в банке или жилого дома в городе. Английский закон наследования понимался как закон для всех, а значит, в некоторых заштатных случаях бродячая ирландская семья могла со временем найти старшую ветвь, обладающую достаточным количеством имущества и способную подняться с мертвой точки всеобщего бедствия. Такая возможность, разумеется, не могла быть разрешена английскими колонизаторами, правившими страной. Таким образом, закон о народе, к которому ирландцы в свое время были так привязаны, теперь должен был быть навязан им, и только им одним из всех британских подданных. Было постановлено, что после смерти каждого ирландца все оставленное им личное имущество должно быть поровну разделено между всеми его детьми, которые, будучи, как правило, многочисленными, получают лишь ничтожные суммы и тем самым увековечат нищенское существование расы.

Где же удивление, что с тех пор вся нация дошла до состояния крайней нищеты? Такова была воля правителей, и их план, охраняемый и обеспечиваемый столькими законодательными актами, не мог не привести к желаемому результату. Если допустить хотя бы малую долю правды в том, что так часто бросают ирландцам в качестве упрека, - их беспечность и непредусмотрительность, - то как может быть иначе, по какой причине можно объяснить подобные неудачи, даже если они существуют, кроме как полной невозможностью добиться успеха в любых усилиях, которые они решили предпринять?

Истинное происхождение того состояния, в котором ирландцы сейчас предстают перед глазами иностранных путешественников, заключается в преднамеренном намерении, которое неукоснительно осуществлялось на протяжении более чем столетия, превратить остров в одну огромную богадельню.

Жалкое положение, в котором они пребывают с тех пор и которое, по всеобщему признанию, не имеет аналогов на земле, конечно, не должно быть поставлено в вину ни нынешнему населению Англии, ни даже колонии, все еще окопавшейся на ирландской земле; но с каким правом можно выдвигать его в качестве упрека самим ирландцам, когда его реальная причина столь очевидна и когда история так ясно говорит на эту тему?

Все здравомыслящие англичане наших дней с готовностью признают, что, не потакая взаимным упрекам, долг каждого - исправить обиды прошлого и избавиться от последних остатков его печальных последствий. Раны, столь глубокие и многочисленные в нации, не могут быть залечены полумерами; и только коренное изменение системы и полный отказ от законодательства могут оставить англичан наших дней без упрека.

Нищенство, таким образом, является необходимым несчастьем, а не преступлением Ирландии; мы можем даже пойти дальше и утверждать, что если миллионы ирландцев жили и умерли нищими благодаря варварским законам, принятым специально для этой цели, то

лишь немногие из них даже в силу тяжелой необходимости и крайнего несчастья проявили нищенский дух и скупердяйство.

Несомненно, почти неизменным результатом страданий и нужды является формирование эгоизма у страдальца, заставляющего его отчаянно цепляться за то немногое, чем он может обладать. Самосохранение и потакание себе в таком случае - закон человеческой природы, и никто даже не ожидает увидеть по-настоящему бедного человека великодушным, когда он с трудом может удовлетворить свои насущные потребности и настоятельные нужды своей семьи. Особенность ирландцев в том, что они умеют сочетать щедрость с лишением почти всех жизненно необходимых вещей. Когда они были хозяевами на своей земле, широкое гостеприимство и свободное "раздача даров" - так, мы полагаем, выражались ирландцы - были среди них повсеместными; самый бедный клан постыдился бы не подражать, в своей степени, либеральному духу своего князя. Они часто отдавали все, что имели, невзирая на будущее; и когда их вожди требовали от кланов того, что налагала на них Книга прав, они восклицали: "Тратьте меня, но защищайте меня".

И хотя народ Эрина был вынужден забыть эту старую пословицу, дух, породивший ее, живет в его сердцах и подтверждается его делами. Какой другой народ, даже самый богатый и процветающий, смог бы совершить то, что мир видел, как они воплощали в жизнь в течение этого столетия? Законы, которые так давно запрещали им быть щедрыми и запрещали открыто предоставлять средства для поклонения своему Богу, для образования своих детей, для помощи больным и нуждающимся среди них, наконец-то были приведены в действие их угнетателями. Но когда они наконец-то получили возможность следовать свободе и щедрости своих сердец, они обнаружили - что? В своей некогда прекрасной и христианской стране всеобщее запустение; почерневшие руины того, что было их аббатствами, церквями, больницами и приютами; сама земля, на которой они стояли, украдена у них, а протестантские учреждения в полной мере пользуются доходами католиков. Они нашли все в том же состоянии, которое знали на протяжении веков. Ничто не было им возвращено. Они были вольны тратить то, чем не владели, поскольку были бедны настолько, насколько это вообще возможно. Им нужно было сделать все, чтобы восстановить свои церкви, школы и различные приюты, а им не на что было это сделать.

Нет необходимости подробно описывать, что они сделали. Нынешнее благополучное состояние ирландских католических общественных институтов - церквей, школ и всего остального - объясняется тем, что они плохо набивали карманы. Одному Богу известно, как все это получилось. Мы же можем видеть в них только нищих Христа, богатых всеми дарами, "даже милостыней обильной".

Совершенно очевидно, что деградация, которую англичане хотели закрепить за ними навечно, не могла быть достигнута даже мерами, наилучшим образом приспособленными для развращения народа. Кельтская природа превзошла мрачные замыслы самых изобретательных противников и оставалась все такой же благородной, великодушной и открытой. Тем не менее, страдания жертв порой были неимоверными, а одно из неизбежных последствий таких тиранических мер вскоре проявилось в виде периодических голодов, которые с тех пор опустошают остров.

Во времена ее собственного владения о голоде не было и речи. Весь остров изобиловал зерном с ее полей, потребляемым здоровым населением, и был оживлен огромными стадами крупного рогатого скота и отарами овец. Что такое гека-гробницы Древней Греции по сравнению с тысячами коров, которые ежегодно предписывала Книга прав? Кто когда-

нибудь слышал, чтобы люди погибали от нужды среди такого изобилия? Даже во время самых жестоких войн, которые вели кланы против кланов, мы часто видим образ смерти в разных формах, но никогда - образ огромного населения, сведенного к корням и траве в качестве пищи.

Когда позже войны Реформации превратили Мюнстер в дикую местность, и мы впервые в истории Ирландии читаем о том, что люди действительно становились зелеными и синими в зависимости от цвета нездоровых сорняков, которые они были вынуждены есть, чтобы поддерживать жизнь, голод, по крайней мере, наступал именно после ужасной войны. Восемнадцатый век открыл нам ужасное зрелище народа, погибающего от голода посреди глубочайшего мира, часто в величайшем изобилии, когда продукты, в изобилии производимые трудом жителей, продаются и отправляются в чужие страны для обогащения заочных помещиков. Опустошительные голоды, наконец, стали периодическими, так что каждые несколько лет люди ожидали их, и казалось, что Ирландия слишком бесплодна, чтобы производить едва ли достаточное количество пищи, необходимой для ее скудного населения. Люди трудились, не покладая рук; земля была богата, времена года благоприятствовали, но они почти постоянно страдали от голода, который иногда переходил в массовую голодную смерть. Это был еще один результат действия законов, разработанных английскими колонистами, чтобы уменьшить численность коренного населения острова и не дать ему стать беспокойным и опасным. Таков был эффект гуманных мер, принятых для сохранения славы протестантского господства и обеспечения прав и свобод горстки чужеземных хозяев.

Уместно описать некоторые из этих ужасных бедствий, которые никогда не прекращались с тех пор и при виде которых в наши дни нас слишком часто тошнит. Ведь эмансипация 1829 года далеко не устранила всех причин ирландских несчастий. 17 марта 1727 года Боултер, протестантский архиепископ Армага, писал герцогу Ньюкаслу: "Со времени моего прибытия в эту страну голод среди бедных людей не прекращается. В прошлом году кукуруза стоила так дорого, что тысячи семей были вынуждены покинуть свои жилища и искать средства к существованию в других местах; многие сотни погибли".

В тот же период Свифт писал: "Семьи фермеров, которые платят большую арендную плату, живут в грязи и отвращении, на пахте и картофеле".

Ниже приводится краткое и простое описание голода 1741 года, сделанное очевидцем и скопированное Мэтью О'Коннором из памфлета под названием "Стоны Ирландии", опубликованного в том же году:

"Отсутствуя в этой стране несколько лет, вернувшись в нее прошлым летом, я обнаружил там самую жалкую сцену бедствия, о которой я когда-либо читал в истории. Нужда и несчастье на каждом лице, богатые не в состоянии помочь бедным, дороги усеяны мертвыми и умирающими телами; человечество цвета доков и крапивы, которыми они питались; двое или трое, иногда больше, на телеге, идущие к могиле из-за отсутствия носильщиков, чтобы нести их, и многие похоронены только в полях и канавах, где они погибли. За всеобщей нехваткой последовали потоки и злокачественные лихорадки, которые уносили множество людей разного рода, так что целые деревни были опустошены. Если в каждом доме королевства умер один человек - а это весьма вероятно, - то потери составили до четырехсот тысяч душ. Если же погибла только половина, то это слишком большая потеря для этой плохо населенной страны, так как в основном это трудовой народ. Когда незнакомец проезжает по этой стране и видит ее широкие, обширные и плодородные равнины, огромные стада овец и

черного скота, все ее природные богатства и удобства для обработки земли, производства и торговли, он должен быть удивлен, что жители испытывают такие страдания и нужду".

В то время, когда были написаны эти строки, изумление было искренним, а ответ на вопрос "Как такое может быть?" казался невозможным; явление было совершенно необъяснимым. В наши дни, когда та же картина горя так часто предстает на острове, причины ее хорошо известны; необъяснимым кажется то, что причина столь ясна, а средство так просто, но оно до сих пор не было тщательно применено.

В 1756 и 1757 годах повторились те же сцены с теми же ужасными результатами. Чарльз О'Коннор, в то время защитник своих обиженных соотечественников, так писал в своем письме к доктору Карри 21 мая 1756 года:

"Две трети жителей погибают из-за нехватки хлеба; мука доходит до восемнадцати пенсов за камень, и, если бы у бедняков были деньги, они бы превысили эту сумму, я полагаю, вдвое. Везде полно нищих, которые еще две недели назад были домохозяевами, и это в стране, которая хвастается своей конституцией, своими законами и мудростью своего законодательного органа".

Эти слова, хотя и достаточно широкие и универсально применимые, далеко не всегда передают нашему уму реальную картину состояния страны. Когда писатель говорит о "муке", под ней следует понимать рожь, овес и ячмень; и даже эта грубая и тяжелая пища, как он отмечает, была недоступна для бедняков, картофель стал единственным хлебом страны, и жители погибали из-за его нехватки.

Впервые в истории двух стран английское правительство задумалось об облегчении бедственного положения народа и выделило на эти цели огромную сумму в двадцать тысяч фунтов стерлингов. Такую щедрую сумму выделила богатая и процветающая страна, чтобы обеспечить продовольствием жителей такого большого острова, каким, как известно, является Ирландия. Что же касается изменения законов, которые на самом деле были причиной этого неимоверного несчастья, то такая мысль никогда не приходила в голову законодателям. Поэтому неудивительно слышать, что "бедствия во внутренних районах страны воскресили в памяти страшный образ бедствий 1741 года, и бедствия не прекращались, пока равновесие между населением и средствами существования не было восстановлено накопленными растратами от голода и моров", то есть пока не были уничтожены все те, кого законы того времени могли, как они и были задуманы, уничтожить.

Эти подробности, похоже, рассчитаны только на то, чтобы шокировать чувства читателя, уже достаточно знакомого с участью ирландского кустаря и рабочего с начала прошлого века. Тем не менее, мы не можем завершить эту часть нашей темы, не предав огласке следующее описание массы ирландского населения в 1762 году, сделанное Мэтью О'Коннором:

"Законы папства за полвека привели к разорению низших сословий. Их жилища, облик, одежда и уныние свидетельствовали о глубоком бедствии народа, управляемого железным скипетром завоевания. Участь негра-раба по сравнению с участью ирландского гелота была счастьем. Оба подвергались капризной жестокости наемных хозяев и недоброжелательных собственников; но негритянский раб был хорошо накормлен, хорошо одет и удобно устроен. Ирландский крестьянин был наполовину голоден, наполовину раздет, наполовину одет; небесный полог часто был единственной крышей для глинобитных стен его хижины. Малочисленность негров давала вест-индскому владельцу заинтересованность в сохранении своего раба; избыток хелотов вытеснял всякую заинтересованность в комфорте и сохранении ирландского коттеджа. Кодекс искоренил всякое чувство человечности, а

скупость стремилась подавить всякое чувство справедливости. Скупость порождалась расточительностью, наследственным пороком ирландского дворянства, и проявлялась в непомерных рентах, взимаемых с арендаторов, и в низкой оплате их труда. Со времен короля Вильгельма цены на предметы первой необходимости выросли втрое, а дневной наем - четыре пенсы - оставался неподвижным. Гнет десятины мало чем уступал тирании ренты; в то время как крупный землевладелец был почти свободен от этого давления, десятая часть продуктов труда коттеджа взималась для целей религиозного учреждения, от которого он не получал никакой пользы. . . . У крестьянина не было никаких средств: ни торговли, ни мануфактуры - они не поощрялись; ни эмиграции во Францию - бдительность правительства исключала возможность поступления на службу за границей; ни эмиграции в Америку - его бедность не позволяла найти средства. Ирландия, страна его рождения, стала его тюрьмой, где он в глубочайшем унынии считал дни своих страданий".

Стоит ли удивляться, что в результате возникали заговоры, тайные союзы и восстания; или нужно удивляться тому, что такие волнения были менее всеобщими и продолжительными?

В Ирландии постоянно ощущается голод. Для доказательства этого можно привести множество подробностей из множества различных и независимых источников.

Дювержье де Гауранны, француз, посетивший остров в 1826 году, пишет: "Ирландия - страна аномалий; самая плачевная нищета на самой богатой почве. . . . Нигде человек не живет в такой нищете. Ирландский крестьянин рождается, страдает и умирает - такова его жизнь".

В 1836 году доктор Дойл, епископ Килдэрский, отвечая на вопрос о состоянии населения, написал: "Как всегда; люди гибнут, как обычно".

В 1843 году мистер Теккерей, столь же мало друживший с Ирландией, сколь и враждовавший со своей страной, рассказывая о том, что он видел в своих путешествиях, говорит, что на юге и западе острова перед путешественником предстает зрелище народа, умирающего от голода, причем миллионами, в самых богатых графствах.

Нет необходимости повторять то, что уже было написано о страшном бедствии, охватившем страну в 1846 и 1847 годах. Подробности слишком ужасны. В конце концов даже лондонская газета "Таймс" была вынуждена признать причину этих бедствий: "Язва Ирландии истощает ресурсы империи. Этого следовало ожидать. Народ Англии самым виновным и глупым образом попустительствовал национальному беззаконию. Не возвращаясь к истории Союза (в 1800 году), а лишь в последние полвека, все это время было известно, что Ирландия стала жертвой беспрецедентного социального преступления. Помещики осуществляют там свои права железной рукой и отрицают свои обязанности медным лбом. Старость, немощь, болезнь, любая слабость обречены на смерть. Весь ирландский народ развращен зрелищем и общением с нищими и теми, кто, как известно, умирает от голода; а Англия тупо подмигивает этой тирании. Теперь мы начинаем искупать долгое проклятие пренебрежения. Таков закон справедливости. Если нас спросят, почему мы должны содержать половину населения Ирландии, ответ кроется в самом вопросе: мы сознательно позволили им превратиться в нацию нищих!"

Авторы "Таймс" возложили истинную причину этого ужасающего несчастья на лендлордов. Они не хотели проследивать происхождение этого зла за пределами 1800 года: они не могли или не хотели оценить христианский героизм, проявленный нацией, когда она находилась под таким смертельным бичом. Но все почитатели добродетели не должны забывать, что посреди бедствия, не поддающегося описанию, многие жертвы голода были одновременно

мучениками за честность и веру. "Иди сюда и давай умрем вместе, - сказала жена своему мужу, - чем трогать то, что принадлежит другому".

Гражданское право на владение землей и пользование ее продуктами до сих пор было единственным, рассмотренным нами; и эта тема была затронута довольно подробно, поскольку сельское хозяйство во все времена было главным занятием ирландцев. Но уголовные законы преследовали и многие другие цели; а поскольку их целью было, очевидно, развратить народ и низвести его до состояния фактического рабства и нужды, то и другие гражданские права были в равной степени ущемлены их тираническими положениями.

Во всех странах часть населения посвящает себя интеллектуальным занятиям, необходимым для жизни каждой культурной нации. Каждый, кто пожелает, имеет право посвятить свою жизнь медицине и юриспруденции, вступить в церковь или армию, если его вкусы направлены в одну из этих сторон. Не так в католической Ирландии. Клятва, которую должен был принести каждый барристер, не позволяла ирландцу-католику посвятить свои силы подобным целям. Для него существовала только одна церковь, и та была запрещена. В армии он не только не мог получить никакого чина, но ему не разрешалось вступать в нее даже рядовым - ему запрещалось держать мушкет. Таким образом, из-за фанатичной ненависти ко всему католическому Англия на целое столетие лишила себя услуг народа, составляющего сегодня более половины ее армии и флота, чьи усилия помогли покрыть ее флаг честью, и чье памятное отсутствие в английских рядах при Фонтенуа вырвало из сердца Георга II горькое выражение, когда победный прилив английской битвы был отбит ирландской бригадой: "Да будут прокляты законы, лишаящие меня таких подданных!"

Этих нескольких слов достаточно, чтобы показать, что уголовные законы на самом деле были декретом о запрете ирландцев, налагавшим на них клеймо не настоящих подданных, а простых рабов и бездельников, годных лишь на то, чтобы колоть дрова и носить воду по приказу своих господ и хозяев.

Но есть права человека, неотъемлемые от него и священные для всех народов, которые были попорчены в этой опустошенной стране вместе со всеми низшими правами. Таковы права на поклонение Богу, на правильное воспитание детей, на сохранение справедливой субординации в семье, на гармонию и счастье между ее членами. Эти естественные права нарушались более открыто и бесстыдно, если такое возможно, чем все остальные; и это само по себе сделало бы восемнадцатый век для ирландцев мрачным и печальным.

Именно из-за своей религии ирландцы претерпели все описанные бедствия и напасти. Если бы они только в самом начале Реформации склонились перед новым догматом о духовном верховенстве английских королей; если бы они чуть позже приняли Тридцать девять статей королевы Елизаветы; Если бы в последующие эпохи они хором с шотландскими пресвитерианами стали утверждать, что Библия является для них авторитетом во всех видах абсурда и злодеяний, умственных и нравственных; если бы они, одним словом, как они заметили в Сассексе, четыре раза за двенадцать лет меняли свою религию, они бы избежали гнева Генриха VIII., коварной и жестокой политики Елизаветы, изворотливой целесообразности Стюартов, варварства эпохи Кромвелей и, наконец, изощренных жестокостей уголовных законов.

Даже если бы посреди крайностей, до которых они были доведены, они в любой момент решились бы подчиниться и принести предписанную клятву, все их страдания закончились бы, и им сразу же были бы обеспечены все права и привилегии британских граждан. Время от времени в отдельных случаях они становились свидетелями внезапного и магического

эффекта, производимого конформизмом на тех, кто полностью отказывался от сопротивления и, руководствуясь какими-либо мотивами, склонялся перед неизбежными условиями, на которых людям разрешалось мирно жить на ирландской земле и пользоваться благами этой жизни; таким условием был отказ от католицизма. Но так мало нашлось тех, кто воспользовался этим легким шансом, навсегда предоставленным им, что можно было бы удивляться их постоянству, если бы они не считали, что превыше всего ставят свой долг перед Богом. Факт очевиден: у них была совесть, и они знали, что это значит.

Отказавшись от всего ради своей религии, они должны были, по крайней мере, иметь возможность свободно пользоваться ею; а поскольку выбор лежал между двумя альтернативами: пользоваться естественным правом поклоняться своему Богу или подчиняться всем жертвам, о которых говорилось выше (видимо, имеется в виду смысл различных клятв, предписанных законом), можно рассматривать только как дополнительную жестокость, чтобы насильственно лишить их того, что они решили сохранить любой ценой. Но авторы статута не рассматривали этот вопрос в таком свете. Они не могли упустить такую возможность причинить новые мучения своим жертвам; напротив, они сочли бы все свои труды потерянными, если бы не попытались принудить к тому, что менее всего поддается принуждению, - к религиозному чувству человеческой души. Поэтому было принято решение лишить их всех возможных возможностей для исповедания своей религии, чтобы огонь внутри не подавал признаков своего тепла.

Правда, ирландские католики не были, как христиане по эдиктам старого Рима, вызваны в государственные суды и там должны были отречься от своей религии или умереть. Странно, что правители Ирландии остановились на этом; что они не придумали в своих законах ничего хотя бы эквивалентного, если только статуты, обязывающие каждого человека под страхом штрафа присутствовать на протестантских богослужениях по воскресеньям, не будут истолкованы как попытка принуждения самой души, на что они очень похожи. И все же не было эдикта, открыто запрещающего имя католика и карающего его носителя смертью.

Но меры, принятые и фактически приведенные в исполнение, в действительности были равнозначны и привели бы к тому же результату более эффективно, чем любой языческий эдикт, если бы ирландская раса проявила хоть малейшее колебание в своей традиционной непоколебимости.

Первая из мер, придуманных для этой цели, была бы абсолютно эффективна в отношении любого другого народа или расы. Эта мера состояла из двух пунктов: 1. Все епископы, священники и монахи должны были покинуть королевство, а в случае их возвращения - подвергнуться смертной казни. 2. Все миряне должны были быть вынуждены каждое воскресенье помогать на протестантской службе под страхом штрафа за каждое нарушение: штраф увеличивался с повторением проступка, так что в конце концов он достиг бы огромной суммы. Пусть подобная политика будет проводиться в течение четверти века в любой стране мира, кроме Ирландии, и в этой стране католическая религия прекратит свое существование.

"Католическое духовенство, - пишет Мэтью О'Коннор - а читатель помнит, что он был свидетелем описываемых событий, - смирилось со своей тяжелой судьбой с христианской покорностью. Они отправились в портовые города, назначенные для их эмбаркации, и навсегда распрощались со своей страной и друзьями, со всем, что было дорого и ценно в этом мире. Многие из них спускались в долину лет и, должно быть, стремились сберечь свои кости вместе с прахом предков; теперь они были перенесены в чужие края, где не найдут ни ласковой груди, на которую можно было бы опереться, ни "благочестивой слезы", которая

сопровождала бы их похороны. Однако враги не могли лишить их утешения религии: этот первенец Неба по-прежнему ободрял их в невзгодах и изгнании, сглаживал неровный путь смерти и завершал их последние нестройные слова благословениями своей стране и молитвами за своих гонителей.

"Тех, кого задерживали после истечения срока, отведенного для депортации, заковывали в кандалы и заключали в тюрьму до тех пор, пока их не переправляли на какой-нибудь иностранный берег, чтобы они могли доказать слабость правительства и жестокость своих соотечественников. Некоторые немногие, неспособные по возрасту и немощи к эмиграции, искали убежища в пещерах или просили и получали укрытие протестантов, чьи гуманные чувства были выше их предрассудков и которые своим великодушным сочувствием в значительной степени искупали беспричинную жестокость своей партии.

"Положение о смертной казни тех, кто вернется из изгнания, подходило только для кровавых дней Тиберия или Домициана и шокировало гуманность просвещенного века. Вильгельм Оранский, чьи нужды вынудили его дать согласие на принятие этого положения, никогда бы не согласился на его исполнение".

Тем не менее, впоследствии оно неоднократно исполнялось, и на протяжении всего века существования уголовных законов оно не только оставалось в своде законов *ad terrorem*, но и любой священнослужитель, пренебрегший им, мог рассчитывать на самое суровое обращение. Из отчета капитана Саута следует, что в 1698 году число священнослужителей в Ирландии составляло четыреста девяносто пять человек регулярных и восемьсот девяносто два светских; а число регулярных священников, отправленных в том году за границу, составило четыреста двадцать четыре человека: из Дублина - сто пятьдесят три, из Голуэя - сто девяносто, из Корка - семьдесят пять и двадцать шесть из Уотерфорда.

Но такая мера была слишком масштабной, чтобы быть выполненной до конца; многие из запрещенных священников, в большинстве своем светских, ушли от преследования правительственных шпионов и остались скрываться в стране. Все епископы были вынуждены бежать; но через несколько лет, при Анне, некоторые из них вернулись, ибо знали, что без исполнения своих религиозных обязанностей католическая религия должна была погибнуть; и, чтобы продолжить преемственность священства, утвердить детей и побудить народ твердо стоять в вере, они пошли на риск гибели на виселице. Об этом факте вскоре стало известно гонителям, и общины Ирландии открыто заявили, что "несколько папистских епископов недавно прибыли в королевство, осуществляли церковную юрисдикцию в его пределах и продолжали преемственность римского священства, рукополагая большое количество папистских священников, и что их возвращение было вызвано недостатками в законах".

Чтобы скрыть этот недостаток, они придумали "закон о реестре". Они не заявили прямо о своем намерении снова вывезти их за границу, но их цель была ясно выражена в последующем законе 1704 года. По закону о реестре "все священники, находящиеся в королевстве, должны на общих квартальных сессиях в каждом графстве регистрировать свое место жительства, возраст, приходы и время рукоположения, имена соответствующих епископов, которые их рукоположили, и давать гарантии постоянного проживания в своих округах под страхом тюремного заключения и перевозки, а также обращения с ними как с "высокими предателями" в случае возвращения".

Очевидно, что при исполнении этого закона усилия полиции и доносчиков были бы излишними, поскольку духовенство было вынуждено действовать в качестве собственной полиции и доносить на себя. Кроме того, этот закон, по-видимому, был подготовлен с учетом

другого законопроекта, который был принят вскоре после этого, о полном изгнании. Поэтому он был не чем иным, как предварительной мерой, призванной обеспечить успех этого второго закона и предотвратить повторение прежнего "дефекта в законах".

Соответственно, был составлен новый пояснительный статут, требующий от духовенства принести клятву отречения до 23 марта 1710 года под страхом пожизненного изгнания, а в случае обнаружения в стране - под страхом государственной измены. Таким образом, этот законопроект ставил их перед необходимостью отказаться либо от своей страны, либо от своих принципов.

В то же время, чтобы поощрить доносчиков, общины постановили, что "преследование и доносы на папистов являются почетной службой". Никогда прежде ни один орган ни в одном государстве, а тем более законодатели, не выступали с подобной декларацией в пользу, по общему признанию, самого низкого из всех занятий; и вряд ли самому тираническому из римских цезарей пришло бы в голову упоминать о "почетной службе" делитариев, которых они нанимали для скорейшего уничтожения тех, чьего богатства жаждали. "Genus hominum", - говорит Тацит, - "publico exitio repertum".

В этой связи следует отметить, что большинство ирландских осведомителей сколотили состояние благодаря своим "разоблачительным" счетам, в то время как во времена Тиберия они обычно становились жертвами своих собственных проделок.

Жажда кровавой наживы загоняла духовенство в самые уединенные убежища и тащила их туда, где они представляли перед гонительными трибуналами, по приговору которых их обрекали на вечное изгнание. Должно быть, все они в конце концов исчезли с острова, если бы народ, наконец возмущившись такой подлостью и жестокостью, не пресек деятельность охотников за священниками громкими криками. Где бы они ни осмелились показаться, их забрасывали камнями и подвергали суммарной мести обезумевшего народа.

Отвратительная "профессия" стала в конце концов настолько позорной и невыгодной, что иностранные евреи были почти единственными, кто был готов взять на себя эту "почетную службу"; в "Истории Доминиканы" говорится, что некий Гарзия, португальский еврей, был самым активным из этих человеческих ищеек крови, и что в 1718 году он сумел обнаружить и задержать семь священнослужителей, находящихся под запретом.

Мы не можем говорить о самой отвратительной мере, которую когда-либо намеревались принять против католических священников, а именно о калечащих операциях, которые так долго и с такой энергией отрицали протестанты, возмущавшиеся при одном только упоминании о них, но теперь они четко доказаны архивами Франции, где имеются документы, показывающие, что непринятие этого позора было обусловлено исключительно суровыми словами протеста, направленными в Англию герцогом Орлеанским, регентом Франции во время малолетства Людовика XV.

Уже в середине века, в 1744 году, произошло внезапное усиление строгости; католикам, как обычно, приписывались намерения заговора, причем без всякого мотива, если только он не был вызван видом некоторых религиозных домов, которые были тихо и незаметно вновь открыты в течение нескольких предыдущих лет. И тут же правительство издало прокламацию о "подавлении монастырей, задержании церковников, наказании магистратов, не исполняющих законы, и поощрении шпионов и доносчиков увеличением вознаграждения".

Это было повторение старой истории; жестокие гонения вспыхнули во всех частях острова. Из деревень священники бежали в метрополию, стремясь скрыться среди множества ее

жителей. Другие бежали в горы и пещеры, и святая жертва снова приносилась в одиноких местах под голыми небесами, с дозорными, следящими за "волчьим рысканьем", и без всякого внешнего достоинства, которое давали величие леса и суровые горы.

В городах католики совершали богослужения в конюшнях, чердаках и других укромных местах, укрывавших их от преследования магистратов. Однажды, когда прихожане (собравшиеся в старом здании) стояли на коленях, чтобы принять благословение, пол провалился, и все оказались погребены под развалинами; многие были убиты, в том числе и священник; некоторые были искалечены на всю жизнь и до конца своих дней оставались памятниками жестокости правительства. Мертвых и умирающих, а также раненых везли по улицам на телегах, и это печальное зрелище, наконец, вызвало сочувствие у самих протестантов. Правительство было вынуждено уступить и позволить преследуемым католикам без дальнейших притеснений наслаждаться частным отправлением своей религии.

Но то, что это не было добровольной уступкой со стороны царствующей власти, достаточно очевидно из устойчивой, непоколебимой, противоположной политики, проводимой до этого времени. Ее просто заставили уступить возмущенному общественному мнению, а затем открыто выступили против преследований по соображениям совести по всей Европе.

Вместе с религией под запрет попало и образование. Уже при Вильгельме Оранском папистским школьным учителям было запрещено преподавать, но наказание за неповиновение закону не выходило за рамки штрафа в несколько фунтов. Так что ирландская молодежь могла, соблюдая некоторую осторожность, найти учителей греческого и латинского языков, математики, истории и географии. В Мюнстере особенно процветали литературные школы и академии; пыл народа к приобретению знаний не могли сдерживать такие ничтожные препятствия, как законы Вильгельма III.

Но ирландский парламент при Анне не мог удовлетвориться столь мягкими мерами. Согласно "Объяснительному акту" 1710 года, школьный учитель в Ирландии подвергался такому же наказанию, как и священник, которого он повсюду сопровождал. Тюрьма, перевозка, сама смерть стали наградой за преподавание. А поскольку другие законы, более суровые, не позволяли народу отправлять своих детей за границу для получения образования, и эти законы периодически обновлялись и становились все более строгими и эффективными, результатом стала полная невозможность получения католическими детьми образования выше домашнего.

Конечный результат известен всем. Была создана "школа-хедж" - единственный оставшийся способ передачи элементарных знаний; и потребовались ирландская изобретательность и ирландские способности к сменам, чтобы изобрести такую систему, какой она была, и продержат ее на протяжении столь долгого времени.

Но даже в последнее убежище дома еще предстояло кощунственно вторгнуться; самые священные права человека не могли быть оставлены гонимым народом, и самые крепкие узы семейной привязанности должны были, по возможности, быть разорваны. То, на что тирания еще не осмеливалась покушаться ни в одном веке, ни в одной стране, должно было стать законом в Ирландии; и то святое чувство, которым члены семьи держатся вместе, повинувшись одной из самых необходимых и торжественных заповедей Божьих, не могло быть оставлено непоколебленным в груди ирландского ребенка. Власть отца над своими детьми, а также честь и любовь, которые ребенок должен оказывать своему родителю, были фактически объявлены английским законодательством не имеющими никакой ценности и пригодными для жестокого вмешательства, вводящего непреодолимый соблазн.

Да, по законам, принятым в царствование Анны, сын должен был быть настроен против отца, и это ради религии! В ирландских законах было прописано и долгое время периодически действовало, что любой сын католика, перешедший в протестантство в любом, даже самом нежном возрасте, должен был единолично наследовать семейное поместье, которое со дня обращения сына не могло быть ни продано, ни обременено даже долгом по наследству. С того же дня сын лишался отцовского крова и передавался на попечение какого-нибудь протестантского опекуна. Никакие узы, какими бы священными они ни были, никакие притязания, какими бы дорогими они ни были, не вызывали уважения у тех государственных деятелей, которые в то самое время громче всех хвастались своей любовью к свободе, попирая при этом ногами самые необходимые права природы.

Самая злая изобретательность человека, конечно, не могла пойти дальше этого, чтобы развратить, унижить и уничтожить нацию. После беспрецедентных бедствий прежних веков мы видим, как миллионы людей низведены другими людьми, называющими себя христианами, до состояния языческих гелиотов, лишенных всех прав, с которыми обращались более варварски, чем с рабами. И все это время им позволяли, склоняли, поощряли положить конец своим страданиям, просто сказав одно слово, дав одну клятву, "подчинившись", как выражались. Тем не менее они упорно отказывались произносить это слово, давать эту клятву, подчиняться, то есть отречься от своей религии. Немногие, слабые в вере или увлеченные внезапной страстью, порывом отчаяния, приносят требуемую клятву, помогают, как того требуют воскресные религиозные службы, внезапно возвышаются, уверены в сохранении своего богатства или даже вступают в единоличное владение семейным имуществом, исключая всех остальных его членов. Но такие редкие примеры, вместо того чтобы вызывать зависть у остальных, вызывают лишь презрение и отвращение. Для них они отныне вероотступники, отступники от своей веры, изгнанные из лона нации; а их соотечественники скорее обнимают их страдания, чем меняют их на почести и богатство, купленные поруганной честью, утраченной верой и трусливым дезертирством от дела, ради которого их страна стала такой, какой стала.

Пока трусов было так мало, а храбрецов так много, причем последние составляли действительно большую часть народа, они были сплочены, как братская дружина, никогда не разлучавшаяся друг с другом. Если что и способно сформировать нацию, придать ей силу, сделать ее несокрушимой, нетленной, так это, несомненно, испытание, через которое они прошли, не дрогнув, и из которого вышли с единым разумом, единой целью, одушевленные одним святым чувством, любовью к своей религии и решимостью сохранить ее во что бы то ни стало.

Да, в любой момент на протяжении этого долгого столетия они могли бы изменить свое положение и сразу же перейти к пользованию всеми правами, дорогими для людей, что лучше всего выражено в нескольких словах Эдмунда Берка:

"Пусть три миллиона людей" (таково было число ирландцев в то время, когда он выступал) "откажутся от всего, что их и их предков учили считать священным, и публично поклянутся в этом в выражениях самых унижительных, оскорбительных и неприличных для людей честных и добродетельных, и опозорят всю свою прежнюю жизнь, и оклеветают полученное ими образование, и больше от них ничего не потребуется. Нет такой системы глупости, или нечестия, или богохульства, или атеизма, в которую они не могли бы впасть и которую они не могли бы исповедовать открыто и как систему, согласующуюся с пользованием всеми привилегиями свободного гражданина в самой счастливой конституции мира".

Таким образом, человеческий разум одобряет их постоянство; но это постоянство требовало чего-то большего, чем человеческая сила. Их поддерживал Бог. Только Он мог дать силу воли, достаточную для того, чтобы поддержать людей, погруженных на столь долгое время в пучину несчастья. К Нему они могли взывать: "Только благодаря Божественному милосердию мы не погибли"; *misericordias Domini, quod non sumus consumpti!*

Но человеческий разум может лучше понять, какой эффект произвело на огромное множество людей угнетение, столь беспримерное по своей жестокости. Огромное развитие мужественности и самостоятельности, героическая решимость вынести любое испытание ради совести и уверенность в том, что в конце концов удастся разорвать тяжелые цепи и сбросить невыносимое иго, - таков был эффект.

Некоторые авторы, писавшие о том ужасном восемнадцатом веке в Ирландии, утверждали, что дух народа был полностью сломлен, что в нем не осталось ни капли энергии и что наложение еще более тяжелого бремени, если бы такое было возможно, едва ли вызвало бы у него даже подобие протеста. Естественно было так думать; но, по нашему мнению, это верно только в отношении внешнего уныния, под которым находился народ, но совершенно неверно в отношении недостатка душевной энергии.

С их стороны, безусловно, не было никаких общих попыток восстания; они также не прибегали к этому последнему средству отчаяния - смерти после напрасной мести. Если авторы, о которых идет речь, предпочли бы этот последний смертельный выход уязвленной гордости, то они правы в своей оценке ирландцев; но они забывают, что жертвы были христианами и не могли прислушаться к тщетной мести и запретному отчаянию. Перед ними был открыт лучший путь, и они пошли по нему: смирились с волей Бога, в которого верили и за которого страдали, и терпеливо ждали дня избавления. Он обязательно должен был наступить; и если живущие тогда были обречены не увидеть этот счастливый день, они знали, что оставят его в наследство своим детям.

Эти авторы, несомненно, были бы удовлетворены существованием воли в народе, и их поведение встретило бы большее одобрение, если бы попытки некоторых людей отомстить частным образом были более общими и успешными; если бы группы Раппареев, Белых Мальчиков и других причинили больше зла своим угнетателям, хотя они и не могли подготовить их к возобновлению борьбы в широком масштабе с большей перспективой на успех.

Но этого не могло быть; успех никогда не мог быть достигнут таким путем, и бесполезно было пытаться это сделать. В то время не существовало никакой возможности вернуть ирландцам их права силой. Тем временем Провидение не забывало о тех, кто вел более мужественную моральную борьбу, страдая и терпя за свою религию. Оно готовило нацию к будущей жизни с великими целями, очищая ее в горниле несчастий и сохраняя народ чистым и неоскверненным.

Нигде период бедствий не был столь продолжительным и суровым. Ирландия стоит особняком в истории несчастий, длящейся уже семь столетий. Она стоит особняком, особенно потому, что вместе с ней страдания непрерывно усиливались до самого последнего времени, не сменяясь периодами облегчения и проблесками светлой надежды. Падающий дух народа, правда, время от времени подкреплялся оптимистичными ожиданиями, но лишь для того, чтобы эти ожидания увенчались горьким разочарованием и вновь погрузились в море страданий.

Тем не менее, на протяжении всего этого времени ирландцы оставались морально сильными и готовыми в нужный момент вскочить в рост гигантов по силе и решимости. Как они это сделали, мы еще увидим, а простота объяснения вызовет удивление. Но прежде всего уместно представить в самом выгодном свете утверждение о том, что ирландцы действительно были унижены бедствиями той эпохи, что они не обладали самостоятельностью в то время, когда это было единственным, что им оставалось.

Эта точка зрения выражена в "Истории Ирландии" Годкина: "Слишком хорошо уголовный кодекс выполнил свою ужасную работу по деградации интеллекта, морали и физического состояния народа, тонущего в вырождении из века в век, пока весь мужественный дух, все добродетельное чувство личной независимости и ответственности почти не исчезли, а сами черты лица - пустые, робкие, хитрые и нерелексивные - выдавали подкрадывающегося раба внутри".

И этот писатель, благожелательно настроенный протестант, не понимал, как может быть иначе, и считал само собой разумеющимся, что каждый без малейших колебаний признает истинность его утверждений.

Ибо чуть дальше он добавляет: "Не имея никаких прав на франшизу, не имея законной защиты жизни или собственности, не имея права обращаться с оружием, даже в качестве рядового солдата или егеря, не имея права приобретать элементы знаний ни дома, ни за границей, не имея права даже отдавать Богу то, что совесть диктует ему как должное, - кем могли быть ирландцы, как не ничтожными крепостными? Какая природа в их обстоятельствах могла быть иной? Разве не удивительно, что любая социальная добродетель могла пережить такое испытание - что любые семена добра, любые корни национального величия могли пережить такую долгую буйную зиму?"

И все же мистер Годкин ошибался; ирландцы не пострадали ни от "деградации интеллекта, ни от морали, ни даже от физического состояния", несмотря на множество причин, способных привести к таким результатам.

Их интеллект находился в невежестве. Не имея возможности обучать своих детей иначе, как тайком и вопреки законам, немногие из них могли приобрести даже первые элементы умственной культуры. Но интеллект нации не обязательно должен быть испорчен из-за этого. Как правило, невежество порождает умственный мрак и ошибки, и зачастую оно разлагает ум и опускает интеллектуальные способности до самого низкого человеческого уровня. Но это происходит только с теми людьми, которые, не имея религиозного субстрата, на который можно опереться, оказываются во власти ошибок и заблуждений. По крайней мере, одна великая мысль постоянно присутствовала в их сознании, и этой мысли было достаточно, чтобы уберечь их интеллект от деградации; она гласила: "Человек благороднее животного и рожден для более высокой судьбы". Эта истина была глубоко запечатлена в их сознании, и, отстаивая ее, они сражались, боролись и проливали кровь на протяжении всей своей мучительной истории.

Если бы интеллект нации был действительно развращен, разве их религиозные принципы не были бы первыми, что были выброшены за борт? Разве не приняли бы они без колебаний все догматы, последовательно предложенные им различными "реформаторами" Англии? Что такое истина, если нет разума, способного ее принять? Нужно быть очень сильным человеком, чтобы сказать: "Я вынесу все, что угодно, даже саму смерть, лишь бы не отречься от того, что, как я знаю, исходит от Бога". Бесплезно останавливаться на этих соображениях. Человек, который не видит в такой героической решимости доказательства

сильного и благородного ума, может быть, и обладает большим, но для здравомыслящих людей это будет выглядеть как очень ограниченный интеллект.

Мистер Годкин не мог должным образом взвесить свои выражения, когда говорил о падении нравов среди ирландцев. Это не гипербола - говорить о народе как о мученике; мученике в любом смысле этого слова: для христианина - христианском мученике. И, тем не менее, в силу этого факта она виновна в безнравственности, или, как он выражается, развращена моралью! Этот момент не стоит оспаривать. Но при сопоставлении этих двух народов - народа, развратившегося, и народа, развратившего его, - нам невольно вспоминаются слова, сказанные Господом в отношении Иоанна Крестителя, который в то время находился в темнице и в любой момент мог быть приговорен к смерти: "Что вы ходили в пустыню смотреть? Человека, облеченного в мягкую одежду? Вот, облеченные в мягкие одежды живут в домах царей".

Если мы хотим найти народ, действительно развращенный моралью, мы должны обратиться к тем, чье материальное процветание порождает разврат и дает всем средства для удовлетворения своих порочных страстей. Оргии вавилонян при их последнем царе, развратных персов впоследствии, римских патрициев во времена империи не нуждаются ни в каком упоминании. Причина безнравственности, царившей в эти эпохи, хорошо известна, и о ней очень ясно рассказали добросовестные историки, некоторые из которых сами были язычниками. Но чтобы народ, так долго находившийся под железным игом, задыхающийся, отказывающийся от своей веры и поклонения своему Богу, как поклонялись ему бесчисленные святые, чтобы следовать диким причудам сектантов и фанатиков, в то же время был обвинен в развращении и разложении нравов, - это слишком много для историка, чтобы утверждать это, или для читателя, чтобы поверить.

Но, несмотря на предрассудки, было признано, что из всех народов ирландцы были в высшей степени нравственными и христианскими. Никто не осмеливался обвинять их в открытом пороке, как бы их ни обвиняли в глупости. Распущенность - это великий порок, который бросают в них многие, кто, тщательно скрывая свои собственные недостатки, всегда готов "бросить в них первый камень". Им стоило бы поразмыслить над обличением Спасителя, обращенным к обвинителям женщины, взятой в прелюбодеянии; тогда, возможно, они дважды подумают, прежде чем повторять избитые временем обвинения.

Если под этим подразумевается, что в течение целого столетия многие из них страдали от крайней нужды и умирали от голода, что скудная пища наложила на многих глубокие следы физических страданий и телесного истощения, то никто не станет оспаривать этот факт, а вина за него будет брошена туда, куда она заслуживает быть брошенной. Но мы с изумлением обнаружим, что, несмотря на это, раса не выродилась даже физически; что она по-прежнему, возможно, самая сильная из всех существующих, и что ни один европеец, ни англичанин, ни тевтон, не может выдержать труд обычного ирландца. На огромной территории Соединенных Штатов общественные работы, каналы, дороги, железные дороги, огромные ткани, необъятные мануфактуры свидетельствуют об истинности этого утверждения, и единственное объяснение, которое можно удовлетворительно дать этому странному факту, заключается в том, что их нравы чисты и они не передают своим детям семена многих болезней, распространенных сейчас в повсеместно развращенном обществе.

Остается последнее обвинение в том, что "сами черты лица - пустые, робкие, хитрые и нерелексивные - выдают сидящего внутри раба".

Если допустить, что это правда - а мы этого ни в коем случае не делаем, любая школьная география, написанная любой рукой, сегодня свидетельствует об обратном, - то стоит ли удивляться, что они, так долго подвергавшиеся непреклонной суровости и неусыпной тирании, привыкшие к постоянным "домашним визитам", столь распространенным в Ирландии на протяжении всего прошлого века, так часто таскаться по судам "правосудия", подвергаться там оскорблениям, ложным обвинениям, суровому суду и бездоказательному осуждению - вынуждены были постоянно быть начеку, соблюдать глубокую сдержанность, прямо противоположную побуждениям их гениальной натуры, давать двусмысленные ответы, полные, между прочим, природного остроумия и удивительной остроты? Это был единственный выход, который оставался им в их бедственном положении. Они противопоставляли свою природную смекалку чудесно придуманному законодательству и часто выходили победителями. Предположим, что это правда, но разве не естественно, что при такой системе неослабевающего гнета и ненависти к ним их лица должны быть "пустыми, робкими, хитрыми и нерелексивными, выдающими сидящего внутри раба?"

Могут ли они дать гордый ответ, когда гордый взгляд был обвинением в мятеже? Неужели благоразумие, хитрость и справедливая сдержанность - это пустота и нежелание размышлять? Человек, написавший эти слова, должен помнить о выборе альтернатив, который всегда стоял перед умом ирландца, пусть даже несправедливо заподозренного или обвиненного: вероятность тюремного заключения или повешения, отправки в рабочий дом или на "американские плантации".

Ирландец, должно быть, очень сильно и быстро изменился с тех пор, как мистер Годкин написал эту книгу. Черты, которые он наложил на него, можно было бы лучше применить к сассекскому йокелю или английскому деревенскому хаму из любого графства. Большинство путешественников, как ни странно, не согласны с мистером Годкиным. Они считают ирландца образцом живости, хорошего настроения и остроумия; и они правы. Ведь под тяжестью такого груза страданий, под запретом столь ужасной судьбы нравственный облик ирландца не изменился; его мужественность осталась нетронутой. И сегодня мир свидетельствует о том же подъеме духа, о той же целеустремленности, которые всегда были присущи ему. Это действительно удивительно, что этот народ сохранился среди стольких причин для изменений и разрушения. Кто объяснит эту загадку? Что было у них на протяжении всей этой эпохи скорби, что давало им силы выдержать страшные испытания, что сохраняло в них ту стойкость, которая не позволяла им совсем сломаться? Что-то, чего у них не было, поскольку оно было запрещено под страхом жесточайших наказаний; что-то, за что, тем не менее, они цеплялись, несмотря на все запреты.

Это была месса-камень, характерная для восемнадцатого века, известная теперь только по преданию, но в то время распространенная по всему острову. Главные из этих святых мест стали настолько известны в то время, что на карте всех баронств Ирландии их можно найти под соответствующим названием "Корриган-Аффрион" - камень для мессы.

Если в каком-нибудь уединенном месте на горе, среди скал на ее вершине или в каком-нибудь тайном углублении безлюдной лощины находился выступ скалы, который мог служить для алтаря, вырубленный как бы самой природой, это место немедленно становилось известным в окрестностях, но хранилось в глубокой тайне от всех врагов и преследователей. Там в назначенное утро, часто еще до наступления дня, можно было увидеть толпу людей, стоящих на коленях, и священника, стоящего под пологом небес, среди глубокой тишины святых тайн. Хотя вся поверхность острова была усеяна многочисленными церквями, построенными в былые времена католиками, но теперь

оскверненными, в руинах или отданными на поклонение ереси, ни одной из них не позволялось служить местом, где хоть часть населения могла бы поклоняться своему Богу по обрядам, одобряемым их совестью. Отрезанный от этих храмов, так давно освященных сладостным воспоминанием как места, некогда занятые святыми и посвященные истинному поклонению их Богу, этот верный народ освящал своими молитвами, своей кровью и своими слезами другие места, которые в будущие времена будут вспоминаться как единственные места, оставленные им в течение более чем столетия для совершения божественных обрядов.

Это был единственный знак национальности, который они сохранили, но он был самым священным, самым надежным и самым сладким. Кто расскажет о множестве молитв, которые возносились туда из преданных умов и сердец, чтобы быть принятыми ангелами и пронесенными перед престолом Божиим? Кто скажет, что эти молитвы не были услышаны, когда сегодня мы видим потомство тех святых поклонников, получивших или готовых получить полную меру своих желаний?

Там, действительно, народ получил свое новое рождение; в скорби и страданиях, как родился его Спаситель, но именно по этой причине священный в глазах Бога и людей. Их враги поклялись полностью отделиться от них, вечно враждовать с ними; новый народ принял вызов, и это полное отделение, о котором заявили их враги, стало реальным средством их спасения и превращения в народ.

Как уже было отмечено, различные попытки сделать из них протестантов, попытки иногда хитрые и коварные, иногда открытые и жестокие, всегда настойчивые, никогда не упускаемые из виду, начали пропитывать народ новым чувством национальности, никогда не испытанным ранее и постоянно усиливающимся.

Это можно было наблюдать при Тюдорах. Их увлечение династией Стюартов послужило той же цели, и можно сказать, что из всех бед, которые принесла им эта привязанность, вырвалось то великое воздаяние национального чувства, которое почти компенсировало им ужасные бедствия, последовавшие за ней. Именно при Карле I Конфедерация Килкенни впервые дала им настоящую конституцию, более подходящую для нации, чем старый режим их Ард-ригов.

Но именно при английском Содружестве, когда они были так безжалостно раздавлены Кромвелем и его жестокими солдатами, когда, казалось, у них не осталось никакой надежды, наконец, раз и навсегда произошло прочное объединение старых туземных и англо-ирландских семей, которое уже было предпринято - и почти успешно - Килкеннской конфедерацией, но так и не было завершено; Общее несчастье объединило их в узы братской привязанности, навсегда уничтожив давние разногласия и антипатии, которые так и не были полностью отброшены.

Таким образом, нация формировалась и мученической смертью готовилась к славному воскресению, к величайшему будущему, уготованному ей Провидением; народ при этом не ослабевал под тяжестью выпавших на его долю испытаний.

Наконец, интенсивность страданий, вызванных уголовными законами в XVIII веке, еще теснее связала нацию узами единства, и на этот раз она обрела единодушие, которое стало непобедимым. Тогда и был принят их окончательный девиз, который останется неизменным. В клановую эпоху это было "Наш септ и наш вождь"; при Тюдорах - "Наша религия и наши родные лорды"; при Стюартах он внезапно стал "Бог и король"; он изменился еще раз, чтобы

никогда больше не меняться: он был заключен в одном слове, имени Того, Кто никогда не покидал их, Кто один твердо стоял на их стороне - "Наш Бог!"

ГЛАВА XIII.

ВОСКРЕШЕНИЕ - ОБМАНЧИВЫЕ НАДЕЖДЫ.

Под обманчивыми надеждами здесь подразумеваются некоторые из различных планов, которым ирландцы потворствовали и продолжают потворствовать, стремясь улучшить свою страну. Цель этой главы - показать, что для воскрешения Ирландии реконструкция ее прошлого невозможна; парламентская независимость или "домашнее правление" недостаточны, физическая сила и насильственная революция в сочетании с европейскими радикалами, в частности, столь же нечестивы, сколь и неосуществимы.

Воскрешение ирландской нации началось с конца прошлого века. Как, по их собственному прекрасному выражению, "в предрассветный час всегда темнее всего", так и никогда еще мрак не оседал так плотно над страной, когда забрезжил рассвет, и первые симптомы возрождающейся жизни замерцали на лице, казалось бы, мертвой нации. Его наступление лучше всего описано в "Истории католической ассоциации" Уайза. Читая его рассказ, невозможно не поразиться тому, как мала была доля людей в этом движении; это был чисто естественный процесс, направляемый милосердным Богом. Как и все естественные процессы, он начался с почти незаметного движения среди нескольких разрозненных атомов, которые, по кажущейся случайности сближаясь и соприкасаясь, начинают образовывать группы, которые собирают к себе другие группы во все возрастающем количестве, придавая таким образом форму организму, который через некоторое время определяет себя, чтобы в конце концов превратиться в сильное и здоровое существо. Этот процесс существенно отличался от тех революционных восстаний, которые с тех пор происходили в других странах, вплоть до полного изменения конституции и формы последних, без какой-либо соответствующей пользы, вытекающей из них.

Прежде чем приступить к всестороннему исследованию этого восстания, следует развеять некоторые ложные представления, слишком распространенные даже в наши дни среди людей, которые руководствуются самыми лучшими намерениями, желают добра ирландскому делу, но, похоже, не понимают правильного понимания вопроса.

Реконструкция, говорят они, невозможна - по крайней мере, если исходить из прошлой истории страны. Где ее лидеры, ее вожди, ее дворянство? Феодализм разбил кланы, преследования положили конец трудам генеалогов и бардов. Где сегодня О'Нил, О'Брайен, О'Доннел и другие? Пока не будут найдены новые лидеры - по возможности, выходцы из старых семей, более верные и надежные, чем те, кто до сих пор вызывался руководить своими соотечественниками, - как можно ожидать, что такой народ, каким всегда были ирландцы, вновь обретет корпоративное существование и получит подлинно национальное правительство?

I. То, что ирландское дворянство исчезло навсегда, можно признать. Излагая причины, по которым мы считаем невозможным соединить настоящее с прошлым посредством этого сословия и таким образом восстановить истинно национальное правительство, и подкрепляя это мнение тем, что последует далее, мы покажем в то же время, что в этом отношении Ирландия находится на одном уровне со всеми другими национальностями, среди которых аристократические классы полностью утратили престиж, некогда принадлежавший им, и уже не могут быть названы правящими современными нациями.

Вопрос о благородстве, безусловно, важен для ирландцев - да и для всех народов. Еще совсем недавно глубокие мыслители не представляли себе, что народ может наслаждаться миром и счастьем только под руководством тех, кто, как тогда считалось, является прирожденными проводниками с аристократической кровью в жилах, которым самим Богом предназначено управлять массами. Мы далеки от того, чтобы следовать столь распространенной сегодня моде высмеивать эти идеи. Такие люди, как Жозеф де Местр, который, безусловно, был сторонником этой теории и не мог представить себе существование нации без высшего сословия, назначенного Провидением руководить теми, чья кровь менее чиста, имеют право на то, чтобы к ним прислушивались с уважением, и ни к одному из их обдуманных мнений не следует относиться легкомысленно.

И, по правде говоря, никогда не существовало дворянства, более достойного этого звания, если судить по происхождению его власти, чем ирландцы. Его последние дни прошли, как у истинных героев, в борьбе за свою страну и своего Бога. Примечательно, что именно они, самые истинные, первыми из аристократического сословия пали. После них все аристократии Европы, за исключением, пожалуй, английской, которая до сих пор существует хотя бы по названию, постепенно отняли у них власть, так что сегодня можно с уверенностью сказать, что "благородная" кровь утратила прерогативу правления.

Существуют различные теории относительно этих высших классов; несколько слов о некоторых из них могут быть как уместны, так и интересны.

Из всех выдвинутых теорий наименее обоснованной является теория Вико, хотя она, по-видимому, опирается на глубокое знание античности. Ни один христианин не может принять его точку зрения о всеобщем дикарском состоянии общества после Потопа; а его объяснение происхождения аристократических рас и плебеев, их рабов, является исключительно плодом воображения, как бы хорошо ни был начитан в классической литературе автор "Scienza Nuova". Полагать вместе с ним, что первобытные "вельможи" достигли первой стадии цивилизации, изобретая язык, сельское хозяйство и религию и наложив рабское ярмо на "грубиянов", которые еще не обладали первыми признаками человечности, отвратительно для разума и противоречит всей здоровой философии и знанию истории. Его аристократия - это жестокий институт, который он стремится уничтожить, как только плебс станет достаточно образованным и сильным, чтобы захватить бразды правления, прежде чем он, в свою очередь, окажется под прогрессивным маршем монархии, которой завершается его система.

Феодальные представления о "благородной" крови покоились на совершенно иной основе. Феодальный монарх - лишь первый из дворян, а владение землей - истинная прерогатива и грамота дворянства. Низшие классы, лишённые этой привилегии, также лишены всех политических прав и являются ни больше, ни меньше, чем завоеванные расы, которые сначала были обращены в рабство. Христианство было единственной силой, которая внесла изменения, причем глубокие, в отношения этих двух классов друг к другу; строгое применение этой системы северянами полностью противоречило элементарным учениям нашей святой религии.

Из этого изменения вытекала христианская идея аристократического и монархического правления, которая нашла поддержку у некоторых талантливых писателей прошлого и нынешнего веков. По сути, это был возврат к старой системе, реализованной Карлом Великим в великой империи, основателем которой он был, - системе, славное шествие которой было прервано вторжением феодализма в его жесточайшей форме, который, как уже говорилось, пришел из Скандинавии во времена ближайших преемников Карла

Великого. При режиме благородного императора церковь, аристократия и народ составляли три сословия, каждое из которых имело свою долю в управлении. Такой способ управления государственными делами стал общепринятым в Европе и просуществовал почти тысячу лет.

Но является ли эта форма правления необходимой для счастья нации, как считали некоторые влиятельные умы? Если да, то мы родились в несчастливые времена, ибо краеугольный камень здания, аристократическая идея, разрушилась и, похоже, исчезла навсегда.

Любой человек, глядя на современную Европу, вынужден признать, что ее история за последние сто лет может быть сведена к одной фразе: допуск средних слоев общества к главному правительству. Россия сейчас составляет единственное исключение из этого правила; в Англии, которая кажется самой феодальной из всех наций, средние классы достигли высокого положения и, через своих особых представителей, часто брали на себя главную роль в государственных делах, начиная с революции 1688 года, и эта роль теперь не оспаривается. А поскольку в ряды аристократии часто попадают представители среднего класса, в подавляющем большинстве аристократических семей, существующих сегодня в Великобритании, трудно было бы найти чисто "благородную" кровь.

История постепенного упадка того, что называют дворянством в различных государствах Европы, потребовала бы тома. Во многих случаях он, конечно, будет признан вполне заслуженным, особенно во Франции, где разложение этого сословия стало одной из главных причин, приведших к первой Французской революции.

Но в Ирландии первоначальное представление о дворянстве отличалось от того, что было принято в других странах; действие этого института на народ в целом было своеобразным по своему характеру; и если в ранние времена эти грубые вожди часто были виновны в актах насилия и оскорблениях религии и морали, они искупили это своей последней долгой борьбой, столь благородно проведенной в защиту того и другого. Но гибель ордена была окончательной и полной, и, похоже, не оставляла надежды на воскрешение.

В нашей первой главе, когда мы рассматривали клановую систему, происхождение вожества у кельтов было отнесено к семье: все вожди, или вельможи, были главами септов или племен, что является ближайшим приближением к семье; все члены клана были связаны кровным родством с вождем. Таким образом, порядок знати у кельтов был естественным, а не искусственным; он не был ни результатом какого-то общепринятого понимания, ни грубой силы. Природа была у них родителем знатности и вожества; а облагораживание, или возведение человека простой человеческой силой в благородное достоинство, было им неизвестно: такое положение вещей было свойственно этой расе.

В системе Вико аристократия проистекает из физической силы или мастерства; следовательно, дворянство не основано на естественном праве, хотя автор делает все возможное, чтобы доказать обратное, в основном приписывая аристократическому классу открытие или изобретение права (*jus*), которое таким образом становится просто производным от силы.

В феодализме, чистом и несмешанном, после того как он проник дальше на юг под предводительством скандинавов, благородство происходило от завоевания и вооруженной силы. Правда, по этой системе викинг, монарх или суверенный лорд, распределял территорию, завоеванную у покоренных народов, между своими верными последователями, и таким образом земля и ее следствие, знатность, были, по-видимому, наградой за заслуги; но эти заслуги были эквивалентны успеху в битве, и они снова сводились к вооруженной силе. Фактически, власть феодализма покоилась в армии; главные дворяне были *duces* или

combats (герцоги или графы), низшие дворяне - equites (рыцари) и milites (вооруженные люди). Вся власть и титул начинались и заканчивались силой оружия, которое было единственной основой права: jus captionis et possessionis - право захвата и владения.

Со временем феодальные идеи претерпели значительные изменения среди аристократии христианства, благодаря постепенному распространению христианских нравов; и первое установление дворянства Карлом Великим, которое предшествовало чистому феодализму, впоследствии возродилось и просуществовало тысячу лет. Тогда дворянство присваивалось монархом за любые заслуги, и подразумевалось, что те, кого высшая власть возвела в это достоинство, завоевали свой титул делами, достаточными для доказательства их благородной крови, и что они имели право передавать титул своим потомкам. Идея была грандиозной и доказала свою огромную политическую и социальную пользу в тех огромных благах, которые она принесла Европе в течение стольких веков. К сожалению, вторжение скандинавов, последовавшее за смертью великого основателя, ввело феодализм в том виде, в котором он нам более известен, вмешалось в институт, который Карл Великий установил в таком восхитительном равновесии, и добавило к нему множество варварских дополнений, которые надолго вошли в само представление о знатности. Так, были сохранены титулы феодалов - дуче, комиты, эквиты, милиты - со всей атрибутикой грубой силы, которую суровый разум северной деспотии сделал божественной. Таким образом, владение земельной собственностью было разрешено только знати; огромная масса населения состояла из людей - ascripti glebae - которые в силу своего положения не могли подняться по социальной шкале; так что всем была внушена мысль, что масса народа была завоевана и низведена если не до рабства, то до того, что сильно напоминало его - крепостного права. Из этого порядка вещей и возник тот плодотворный источник всех современных революций - разделение Европы на два великих класса, антагонистичных друг другу и разделенных почти непроходимой пропастью, - господ и холопов.

Конечно, верховный сеньор имел право возвести в дворянское звание даже холопа, после того как тот доказал свою возвышенность героическими достижениями; но каких сверхчеловеческих усилий не требовали эти достижения; какое стечение случайных обстоятельств, редко случавшихся, делало почти иллюзорной надежду на возвышение, которую давала феодальная теория! Только Церковь открывала свои высшие ступени для всех без исключения, и в ней истинные заслуги были действительно гарантией продвижения.

Дальнейшие подробности не нужны. Разница между представлениями о дворянстве, бытовавшими в кельтских странах, и теми, которых придерживалась остальная Европа, уже говорит в пользу первых.

По этой причине действие ирландской аристократии на народ в целом было, к счастью, полностью свободно от тех причин раздражения, которые так распространены в феодальных странах. Тесная близость и личная преданность естественно существовали между вождем клана и его людьми - близость, проявлявшаяся в свободных манерах самых скромных из них, и та легкость социальных контактов между всеми классами людей, которая так удивила нормандских баронов во время их первобытного вторжения.

На первый взгляд, кельтская система, по крайней мере, в одном отношении, уступает той, что преобладала во всей остальной Европе: простые кланы никогда не могли предаваться надеждам на достижение вождя, будучи естественным образом отстраненными от этой высокой должности. Только действительные члены семьи вождя могли надеяться на то, что после его смерти они сменят его на выборах и возглавят септ; таким образом, дворянство

было совершенно исключительным и регулировалось самими законами природы. Должность действительно не подлежала передаче, и никакие усилия, какого бы характера они ни были, не могли завоевать ее для человека, рожденного в одной семье. Но на деле разница была невелика; и мы знаем, насколько иллюзорным зачастую было то честолюбие, которое система заслуг внушала человеку, рожденному из низшего сословия в других расах, кроме кельтской. Широкое утверждение, что ни один человек не может подняться из того состояния, в котором ему довелось родиться, остается верным почти во всех случаях.

Но, с другой стороны, существовали и другие мотивы честолюбия, кроме желания стать вождем или вступить на этот путь, будучи принятым в ряды знати, которые были открыты для кельта; и если бы желание простого кланмена стать вождем не выходило за рамки возможного, социальное состояние кельтских стран распалось бы и стало невыносимым, а общество распалось бы на свои примитивные элементы. Два важных соображения:

Вся история Ирландии преподносит один урок или, скорее, впечатляет одним фактом: каждый член клана гордился септом, к которому принадлежал, и так же рьяно трудился для его главы, как и в том случае, если бы преимущество перешло к нему самому. Особенность этой системы заключалась в том, что каждый мужчина отождествлял себя со всем племенем и особенно с его вождем; и это легко понять, поскольку мы видим, что такие же чувства существуют и в наши дни в семьях. В самой сути естественных связей заложено слияние индивида с общиной, к которой он принадлежит, а в вопросах, затрагивающих всю семью, - слияние себя с целым, забвение собственной личности, готовность к любой жертве, особенно когда жертва приносится в защиту любимого родителя.

Если судить по доступным нам древним анналам Ирландии, такие настроения, несомненно, царили в кельтских кланах, и легко представить, как в таких условиях туда не могли проникнуть честолюбивые мысли о вождестве или дворянстве. Более того, повторяем, если бы такие честолюбивые помыслы были подвластны реализации, вся система была бы разрушена.

Величайшим источником ссор, междоусобиц, войн и всеобщих бедствий среди ирландского народа было безумное стремление низших членов семьи вождя к верховной власти. Институт таниста, или наследника, в частности, который был общим для всех должностей, от высших до низших, был постоянным источником проблем и раздоров для септов, которые без него оставались бы едиными и гармоничными. Монталембер хорошо сказал, что кажется, будто неизлечимая смертность сопровождает ирландцев повсюду и обрекает почти всех высших среди них на то, чтобы их кровь проливали либо другие, либо они сами, и что действительно мало тех знаменитых вождей и королей, которые умерли спокойно в своих постелях. Их летописи наполнены кровавыми историями, и, зная об их сильной привязанности к религии, нежности к женщинам, детям, старикам и немощным мужчинам, трудно представить себе, как они дошли до того, что так часто проливали кровь и демонстрировали свою устойчивость против самых простых требований человечности.

Но эта трудность в достаточной степени объясняется их собственными летописями и состоянием общества, в котором они жили. Танистрия была великим источником всех этих зол. Должность вождя была настолько почетной, влиятельной и могущественной, что все естественные чувства, даже семейная привязанность, часто гасились безумным стремлением достичь ее в тех, кого природа поставила на этот путь.

Это выглядит как противоречие, однако ничто так хорошо не доказано, как их глубокая привязанность к ближайшим родственникам и ярость, которую они проявляли по отношению к ближайшим родственникам, когда их манила перспектива стать вождем. Что

могло бы произойти, если бы все низшие члены клана руководствовались теми же мотивами, остается только содрогаться. К счастью, им было отказано в возможности занять такое положение, и поэтому они были избавлены от всех преступлений и ужасов, которые оно влекло за собой. Теперь обратимся к падению ирландского дворянства, чтобы увидеть, как это падение было окончательным и решающим, не оставляя практически никакой надежды на его воскрешение.

Великие войны Генриха VIII и Елизаветы на острове часто вынуждали некоторых ирландских вождей на время покидать свою страну, что едва ли было известно ранее, когда Пале было так сужено, а власть английских королей так ограничена. Но первые путешествия ирландских лордов в чужие страны, как правило, не имели иной цели, кроме самой Англии, куда они иногда отправлялись, чтобы оправдаться перед государем от обвинений своих врагов или оказать ему знаки внимания, чтобы получить желанный предмет. Иногда их дети воспитывались при английском дворе, либо с целью привить протестантизм их бесхитростным умам, либо чтобы сделать их друзьями Англии, так что многие из них таким образом становились людьми короля или королевы. Так ирландское дворянство впервые вышло за пределы своей страны.

Когда, по мере развития событий, какая-нибудь великая семья была разгромлена или почти разгромлена, как Килдары Генрихом Тюдором и Джеральдины Елизаветой, возмущенные дворяне начинали думать об иностранных союзах и бросали взоры на Испанию, Бельгию или Францию, прежде всего на Рим, который был центром их религии, привязанность к которому была одним из их главных преступлений, где Святой Отец всегда был готов ободрить и принять их с распростертыми объятиями. Так история рассказывает нам об узком спасении юного Джеральда Десмонда.

Он был еще ребенком двенадцати лет и единственным оставшимся в живых представителем исторического дома Килдаров, когда его жизни добивались с рвением, напоминающим рвение Ирода, но преданность его сородичей пресекла все попытки его схватить. "Будучи попеременно гостем своих теток, женатым на дочери вождя Оффали и Донегала, симпатия к нему повсеместно привела к конфедерации между северными и южными вождями, которой давно уже не хватало, да так и не удалось осуществить. Была создана свободная лига, в которую вошли О'Нилы обеих ветвей, О'Доннелл, О'Брайен, граф Десмонд, вожди Мойлурга и Бреффни. Ребенка, предмет столь естественной и рыцарской привязанности, на время приютили в Мюнстере, затем через Коннаут перевезли в Донегал, и наконец, после четырех лет, в течение которых он занимал умы государственных деятелей больше, чем любой другой человек в королевском звании, он был благополучно высажен во Франции" (А. М. О'Салливан).

Но сношения ирландской знати с иностранными державами активизировались в период правления Елизаветы, когда благодаря великой лиге Десмонд-Джеральдинов на юге, за которой последовала лига О'Ниллов и О'Доннеллов на севере, они заключили открытый договор с папой и королями Испании; а когда наступали неудачи, у объявленных вне закона вождей не оставалось другого средства, кроме бегства на континент, где они пребывали до тех пор, пока не утихала буря, иногда до конца жизни.

Джеймс Фицморис надолго задержался в Италии, где, узнав о заключении в тюрьму своих кузенов Десмондов, задумал создать первую великую лигу в защиту религии, уже не только для исправления семейных обид, но и для ведения священной войны, которая могла бы привлечь к сотрудничеству все католические державы.

Эти несколько подробностей приведены здесь, потому что они знаменуют собой новую точку отсчета в истории расы, когда дворяне страны впервые отправились жить за границу с целью найти союзников для ирландского дела; в то время как ирландцы дома с тревогой ожидали, что их вожди за границей вернутся к ним с обещанной помощью.

Несколько слов о политике, которую проводили в отношении ирландского дворянства Генрих VIII, Елизавета и Яков I в начале своего правления, дадут нам достаточно ясное представление о средствах, принятых для постепенного наступления на них, которое привело сначала к их частичному порабощению, а затем к полному уничтожению. Эти монархи считали, что для превращения Ирландии в английскую колонию им достаточно уничтожить вождей, и порабощение страны будет завершено. В этом мнении их укрепила вспышка протестантизма, которая лишила низшие классы не только материального комфорта и религиозных утешений, но и всех иммунитетов и свобод, которые оставили им средние века. В то время как масса народа была лишена не только всякого политического влияния, но даже права на какое бы то ни было внимание со стороны государства, когда высшие дворяне трусились у ног королевской власти, находясь в полной власти тудоровских деспотов, как плебс Англии и Ирландии мог осмелиться показать свой фронт даже для того, чтобы засвидетельствовать простое существование?

Английские монархи знали, что дух ирландских дворян не сломен так, как дух их английских вассалов; и они решили привести гордых лордов Пейла и вождей старой расы к покорности, подобной покорности их собственных дворян. Но о простых кланменах они думали не больше, чем об английском сброде, и в этом заключалась их большая ошибка.

Последующая история доказала, что национальные лидеры ирландской расы могут быть полностью уничтожены, и все же ирландский вопрос останется такой же сложной проблемой, как и прежде, благодаря упорному, хотя иногда и пассивному сопротивлению крестьянства. Но в то время о подобном и не помышляли.

Все хитрости дипломатии, все уловки закона, наконец, все материальные ресурсы Англии были призваны, один за другим или вместе, достичь этой великой цели политики Тюдоров и первых Стюартов. Нет необходимости повторять то, что каждый человек, знакомый с историей того времени, знает наизусть; следует лишь как можно короче указать на постепенные результаты этой коварной и суровой политики.

Джеральдинская война закончилась полным уничтожением католической англо-ирландской знати на юге, место которой заняли младшие сыновья протестантских дворян из Англии. Вместе с Джеральдинами или вскоре после них пали О'Салливаны из Бира, МакГеоганы, О'Дрисколлы и О'Конноры из Керри, которых приняли Испания и Португалия.

Тогда все усилия Елизаветы были направлены на уничтожение туземных вождей севера. Ей это не удалось, и в результате войны был заключен мир, по которому ольстерские вожди получили свои земли и право открыто исповедовать свою религию.

Но Яков I, хотя и казался готовым соблюдать статьи договора, был вынужден под жестким давлением использовать обман, мошенничество, запугивание и силу, чтобы привлечь северную знать под свою власть, и следствием этого стало "бегство графов".

С этого момента началось активное движение "ирландских изгнанников", которые первоначально состояли в основном из семей, принадлежащих к первой крови земли, с мелкими вождями и капитанами в их свите. Сохранившиеся многочисленные письма, написанные в то время, а также донесения шпионов и осведомителей, направленные ко двору Англии из Испании, Португалии, Бельгии, Франции и Италии, дают нам представление

о том, какую жизнь вели эти дворяне в чужих странах. Иногда они получали поддержку от принимавших их государей, но в других случаях ими пренебрегали, и они вынуждены были зарабатывать на жизнь сменой.

Само "бегство" и все его подробности описаны преподобным К. П. Миэном. По словам Тейга О'Кинана, оллама Магуайра, на борту небольшого судна, которое их увозило, было девяносто девять человек, "у которых было мало морских вещей, а в остальном их жилища были убогими". Это была действительно первая эмиграция ирландской знати и дворянства, за которой должно было последовать множество других, вплоть до их окончательного исчезновения.

Сэр Джон Дэвис придерживался английской точки зрения на этот вопрос, когда писал лорду Солсбери примерно в то время: "Мы рады видеть день, когда лик и величие закона и гражданского правительства изгнали Тайрона из Ирландии, чего не смогли сделать лучшая армия в Европе и расходы в два миллиона фунтов стерлингов. И мы надеемся, что правительство Его Величества сотворит в этом королевстве большее чудо, чем когда-либо совершал Святой Патрик; ибо Святой Патрик изгнал только ядовитых червей, но позволил людям, полным яда, по-прежнему населять эту землю; но благословенный гений Его Величества изгонит из нее все эти поколения гадюк и сделает ее, прежде чем это будет долго, правильным счастливым островом".

Пророчество Дэвиса должно было исполниться уже давно, поскольку вся ирландская знать, "эти поколения гадюк", давно уничтожена; однако бедный остров все еще далек от того, чтобы стать "счастливым островом".

Главным средством, использовавшимся в то время для уничтожения знати, были позорные разоблачения шпионов и доносчиков. О существовании этих агентов было давно известно всем; но о масштабах их деятельности не подозревали до тех пор, пока государственные бумаги и переписка политических деятелей и лиц, занимавших в то время должности, не стали предметом изучения писателей, желающих выяснить всю правду.

Тогда выяснилось, что каждый человек в английском правительстве, начиная с высших, министров короля, через лордов-лейтенантов и главных судей Ирландии, вплоть до низших чиновников, один за другим содержал на своем жалованье людей всех сословий, которые по приказу своих работодателей были готовы обходить жертвы, готовы были обойти жертв одиозной политики и под видом дружбы, интереса, общего знакомства выяснить и даже, если нужно, придумать факты и обстоятельства, которые могли бы быть обращены против них или против любых других лиц, неприятных Англии, с целью их уничтожения. Таким образом, Англии в Европе и Елизавете в Англии принадлежит сомнительная честь изобретения этого великого агента современных правительств - тайной полиции.

Но деятельность этих осведомителей не ограничивалась только Англией и Ирландией, хотя эти два королевства, можно сказать, буквально кишели ими; все иностранные государства становились ареной их позорных махинаций, куда бы ни бежали ирландские дворяне или английские католики, спасаясь от преследований. Их можно было встретить при испанском и римском дворах, в Брюсселе и Лувене, в Париже и Реймсе, а также в переулках Лондона и в самых низких кварталах Дублина. Особенно кишат ими церковные учреждения, основанные ирландскими католиками для воспитания священства: они находят способы проникать в самые укромные уголки, а иногда прибегают к самому мерзкому и постыдному лицемерию, чтобы добиться допуска в эти святыне обители, посвященные науке и добродетели.

Все большие дома и гостиницы в чужих странах, где изгнанная ирландская знать проводила томительные часы, месяцы и годы своего изгнания, были самыми доступными местами для этих низких орудий английского правительства.

На донесениях этих людей строилась британская политика, и дворяне и джентри, оставшиеся на острове, попадали в сети, так осторожно расставленные вокруг них. Сколько их было брошено в лондонский Тауэр или дублинский замок по одному только слову этих вредителей общества! Сколько людей, внезапно предупрежденных о готовящемся предательстве, были вынуждены поспешно бежать, чтобы не попасть в руки своих врагов! Мы знаем, что первое "бегство графов" было вызвано именно такими средствами, но наши читатели ошибутся, если подумают, что это был исключительный случай, который почти никогда не повторялся. На самом деле это был обычный способ избавиться от ненавистой расы ирландцев.

Большим несчастьем было то, что даже среди самих ирландцев, а именно среди монахов и священников, принадлежащих к этой расе, английское правительство иногда, хотя и редко, находило готовые орудия и самых полезных осведомителей. Подлые и подлые души можно найти везде; самого Господа нашего предал один из апостолов, когда давал ему поцелуй мира; но среди ирландцев этот класс ограничивался несколькими нуждающимися авантюристами, а иногда и людьми, которые из-за какой-то личной обиды, реальной или мнимой, были ослеплены духом мести, чтобы отдать тех, чьей гибели они жаждали, в руки общих врагов, на свой собственный вечный позор и гибель. Простые люди были слишком благородны сердцем, чтобы участвовать в таком позоре, и тем, кто хотел соблазнить их золотом, чтобы они предали тех, кого они скрывали, всегда был готов ответ: "Король Англии не настолько богат, чтобы купить меня!".

Так, по частям, во время правления Елизаветы и Якова I, и, по крайней мере, частично во время правления Карла I, многие ирландские дворяне были заключены в тюрьму или убиты на родине, или вынуждены были отправиться в изгнание.

Когда Яков I, опустившись ниже по социальной шкале, начал расправляться с простым народом, кланами, арендаторами Ольстера, чтобы освободить место для своих шотландских пресвитериан, война с дворянством также не была прекращена по этой причине. Самой заметной и, по своим результатам, универсальной чертой его правления стало дробление кланов по всему острову, благодаря чему он добился полного изменения социального положения страны. Но самым действенным средством для достижения этого результата стало полное уничтожение дворянства и джентри. Хитрый монарх знал, что пока ирландцы могут видеться и общаться со своими прирожденными вождями и лордами, невозможно ни в малейшей степени угасить или ослабить дух клана. И только когда исчезнет ключевой камень, скреплявший их социальное здание, - глава септа, - вся конструкция рухнет.

После долгого испытания этой политики вероломства и хитрости пришел Кромвель, чтобы завершить дело насилием и грубой силой. На острове все еще оставалось множество знатных семей, и оллары и генеалоги хранили в чистоте списки соответствующих родословных. Нет сомнений, что во время истребительной войны Кромвеля, даже когда английский парламент принял Акт об урегулировании, все ирландские септы все еще знали, где найти своих законных природных вождей, которые, если уже не находились на острове, стояли во главе какого-нибудь полка во Фландрии, Франции, Австрии или Испании. Но с течением времени ирландские бригады, естественно, все больше и больше отождествляли себя со странами, на чью службу они перешли и где поселились; в то время как на самом

острове сила приводила к деградации того, что осталось от знати, и к уничтожению навсегда национальных государственных институтов, сохраненных генеалогами и бардами.

Одна из особенностей, которая наиболее сильно поражает читателя истории тех времен, - это то, что происходило на острове, когда английский парламент издал знаменитую прокламацию, в которой было заявлено, что "в их намерения не входит истребление всей нации" (11 октября 1652 года).

К тому времени главные офицеры армии Кромвеля уже завладели большим количеством замков и поместий дворян, которые не покинули страну. Остальные попали в руки авантюристов 1641 года, которые выделили деньги на создание частной армии для завоевания собственных земель; в то время как войска Кромвеля смотрели на происходящее, ожидая небольших денег в несколько сотен акров, которые должны были стать их долей в добыче. Вот странная и внушающая трепет картина завоеванного острова в семнадцатом веке:

Дворянам, уцелевшим в боях и поражениях, разрешили остаться на короткое время, пока их не переправят в Коннаут. Но, изгнанные из своих особняков, где новые "лендлорды" - это слово тогда впервые вошло в обиход - заняли их квартиры, они вынуждены были жить в разрушенных пристройках и собственными руками обрабатывать несколько соток земли, чтобы содержать свои погибающие семьи. Несколько гаранов (ломовых лошадей), несколько коров и овец были единственным подспорьем в труде и производстве. Им разрешалось выращивать небольшие урожаи зерна и кореньев, но все их время было занято исключительно ручным трудом.

Именно такая картина неизгладимо запечатлелась в памяти каждого, кто внимательно читал о событиях тех дней. Эта картина была представлена во всех провинциях острова, как в самых отдаленных горных массивах, так и на все еще улыбающихся равнинах низменности.

Дворяне, как класс, были полностью уничтожены; немногие из них опустились до низшего ранга йоменов; в то время как масса народа сразу же опустилась на мертвую ступень простых крестьян и рабочих. Если у кого-то из прежнего сословия еще оставалось несколько верных слуг, то их помощь требовалась для выполнения рутинной работы на ферме или в убогом жилище. Ни один из них не мог быть пощажен для поддержания "славы дома". Разве не горькой иронией было бы говорить с этим остатком о родословной и их длинной череде предков? И разве их враги, которые теперь были их хозяевами, стали бы одобрять запрещенные должности папок и шанакров, когда законы, направленные специально против них, так долго принимались, если не исполнялись? Настало время для неукоснительного исполнения законов, столь явно направленных на превращение свободнорожденных туземцев в феодальных крепостных.

Поэтому, когда наконец настал тот горький день, который должен был лишить их даже вида на наследственную территорию семьи, который должен был переселить их в Коннаут - среди соотечественников, конечно, но тем не менее чужих для них людей, чье присутствие не могло не быть нежелательным и не принести беспорядков, смятения и разлада, - как в таком случае они могли надеяться сохранить или возродить свой престиж старых лордов страны? Говорят, что из-за этого многие вожди Мюнстера предпочли отправиться в изгнание в Испанию или даже на острова Америки, чем поселиться в Коннауте, где они наверняка найдут злейших врагов в лице старых жителей этой опустевшей провинции.

Такое положение вещей не знало изменений, за исключением очень немногих англо-ирландцев, когда на трон после смерти Протектора взшел Карл II. На самом деле он был

всего лишь исполнителем великого Акта об урегулировании и привел в исполнение то, что было принято парламентом, который привел его отца к блоку, а его самого отправил в изгнание.

Он лишь вернул поместья нескольким семьям "невинных папистов". Несомненно, это выражение было применено к ним в насмешку. Основная же масса старых семей продолжала все глубже погружаться в деградацию и забвение всего, чем они когда-то были.

Потребовалась большая часть столетия, с 1607 по 1689 год, чтобы добиться почти полного исчезновения ирландского дворянства. Как пишет полковник Майлз Бирн в своей книге "Ирландцы дома и за границей": "Немногие факты в истории более удивительны, чем быстрота и полнота падения ирландских семей, пораженных карательными законами. Доведенные до нищеты сразу, с привычками, приобретенными в достатке, окруженные только сверстниками, потерпевшими такое же поражение, или опустошителями, ликующими и буйствующими на своих конфискованных землях, без друзей и без жалости, рассматриваемые как "подозреваемые" из-за причин для недовольства, которыми их так обильно снабдили, они казались пораженными оцепенением и совершенно неспособными к каким-либо усилиям, чтобы подняться из пропасти, в которую они были брошены. Удрученные, с разбитым сердцем, без сил, они терпели, пока таяло то небольшое личное имущество, которое у них оставалось, и, когда оно истощалось, были вынуждены прибегать к самым унижительным средствам, чтобы продлить существование, и принимать для своего беспомощного потомства самое скромное состояние, которое обещало им содержание. Сын вождя клана, землевладельца или джентльмена обычно прибегал к "ремеслу".

Это дало повод Свифту заметить Поупу: "Если вы хотите искать дворян Ирландии, то ищите их на угольной пристани или в либерти".

"Так, во времена моей юности "Девой", глава одного из самых могущественных и знатных наших септов, был кузнецом, я часто видел механика по имени Джеймс Данган, который, как говорили, был потомком Джеймса Дангана, графа Лимерика; а "Чеверс" (лорд Маунт-Лейнстер) был клерком миссис Бирнс, которая занималась изготовлением веревок".

"Озлобленные и озлобленные унижениями и страданиями, отказавшись от всякой надежды вернуть свои украденные земли, жертвы "векселей на открытие" или конфискации сжигали или уничтожали, или отбрасывали, как бесполезные, записи о своих прежних владениях, доказательства своей былой респектабельности, и, казалось, фактически желали уничтожить все свидетельства этого. Я знаю один случай, когда по важному поводу были найдены документы на право владения поместьем, и оказалось, что они были отданы портным, чтобы те разрезали их на полоски или мерки для своих торговых целей.

"Была выдвинута претензия на недействующее пэрство, и один мой родственник, к которому я обратился за информацией в ее поддержку, сказал: "Вы, конечно, в остатке; но вы находитесь в состоянии потомков многих ирландских семей, чья большая трудность состоит в том, чтобы доказать, кто был их дедом"".

Читатель, естественно, поражается, когда внезапное появление Якова II на острове представляет его взору другую ирландскую армию и новый ирландский народ, вновь сражающийся за Бога и короля, но среди тех, кто тогда появился на сцене, мало старых имен. Лидеры трехлетней борьбы, решившей конечную судьбу страны, в большинстве своем носят имена, неизвестные Ирландии и не связанные с ее прежней историей, настолько полностью погибла и исчезла аристократия острова.

Можно себе представить, что по прошествии еще одного столетия горя, описанного в предыдущей главе, будет невозможно восстановить генеалогию старых семей, которые могли бы возглавить подрастающее поколение. Некоторые имена все еще выдвигаются в качестве претендентов на наследственные почести некогда знатных семей, и поэтому мы все еще слышим о притязаниях на титул "О'Брайен", "О'Донахью" и некоторых других. Утверждать, что подобные притязания признаются всем народом, было бы сомнительно.

Таким образом, думать о восстановлении ирландской нации из ее прежних элементов, как они когда-то существовали, было бы пустой мечтой. Эти элементы растворены и навсегда уничтожены, и все, что может сделать нация в отношении своего прошлого, - это сохранить в благочестивой памяти былую расу людей, некогда проливших такую славу на ирландские летописи. Счастливой и патриотической мыслью антикварных обществ острова было исследовать старые национальные записи; иллюстрировать, объяснять и представлять их публике на языке, понятном современному поколению. Сомнительно, что в какой-либо другой стране аристократия пала с таким чистым и незапятнанным героизмом и славой. Среди всех современных наций, как уже говорилось, старый класс аристократов либо исчез из поля зрения, либо быстро исчезает из живой истории. Ирландия в этом отношении не одинока. Она была первой, кто утратил свое благородство, и утратила его полнее, чем любой другой народ. Но в многообразии движений, осложнений, революций, которые сегодня формируют ежедневный поток событий в Европе, где мы находим дворянство, рассматриваемое как сила, как элемент, рассчитанный на восстановление или даже на сохранение? В наши дни "дворяне" вполне довольны, если их не преследуют, не преследуют и не уничтожают; если они могут занять свое место среди толпы людей низшего ранга и участвовать в делах своей страны; довольны тем, что их имена, некогда столь исключительно славные, поставлены в один ряд с именами плебеев, чтобы вести модернизированные народы по новым путям, по которым они быстро движутся. Да что там, сильные мира сего пали так низко, что даже свергнутые короли и принцы иногда просят принять их в качестве простых граждан в странах, которыми они или их предки когда-то правили.

Здесь естественно возникает мысль: Если это явление универсально в отношении положения, отведенного сейчас людям "благородной крови", - поскольку очевидно, что для тех народов, которые не испытывают к ней почтения, предназначена будущая история, и это будущее должно быть совершенно независимым от такой идеи, - то Ирландия в этом отношении не хуже любой другой страны, более того, почтение к благородной крови, возможно, существует, в своем правильном смысле, теперь только в ее лоне, и, хотя больше не используется для каких-либо целей, все еще является элементом консерватизма, достойным сохранения и далеко не презренным.

Поэтому, когда мы причисляем к ложным надеждам ту, которую питают несколько ирландцев, чьи мысли все еще цепляются за прошлое и которые хотели бы его восстановить, это не означает, что мы относимся с пренебрежением к этим стремлениям, которые мы должны чтить и разделять, если бы существовала лишь малейшая возможность вновь вызвать к жизни то, что мы не можем не считать ушедшим навсегда.

II. Давайте перейдем к рассмотрению нашей второй обманчивой надежды, гораздо более глубокой, которая сегодня больше всех остальных занимает внимание общественности - отдельный ирландский парламент и правительство домашнего правления.

Желание иметь отдельный ирландский парламент, безусловно, является национальным стремлением, его даже можно назвать правом; ведь жители острова могут справедливо жаловаться на то, что находятся во власти соперничающей нации, частью которой они, как

предполагается, являются, и, следовательно, облагаются большими налогами для ее поддержки без какой-либо адекватной отдачи. Возможно, недалек тот день, когда это их желание придется выполнить, как и многие другие права, которые когда-то так же упорно отрицались.

Тем не менее, по нашему мнению, и мы говорим это обоснованно, нет никаких оснований полагать, что это станет универсальной панацеей от бед Ирландии, принесет здоровье, счастье и процветание нации, объединив в себе все благословения, весь будущий успех, все зародыши величия; нет также оснований полагать, что с этим гарантировано воскрешение нации, поскольку без этого она останется мертвой.

Если говорить еще яснее - представительство народа его депутатами является, согласно современным представлениям, элементом свободной конституции для всех наций, а Ирландия так долго пользовалась привилегией, очень похожей на эту, при своих национальных монархах, - то наша цель не может быть понята как обесценивание политического института, который, кажется, стал необходимостью времени, благодаря стремлению к нему всех умов и сердец. Но мы считаем заблуждением воображать, что обладание им обязательно и полностью обеспечит национальное счастье.

Каким бы ни был общий опыт парламентского правления, его история для Ирландии печальна. Старые феи народа здесь не упоминаются; они имели очень мало общего с современными парламентами, будучи всего лишь собраниями глав кланов, к которым в христианские времена добавились прелаты церкви. Не упоминается и "Генеральная ассамблея", которой Конфедерация Килкенни передала законодательные и исполнительные полномочия; ее невозможно воспроизвести в точности в том виде, в котором она существовала в наши дни.

Парламент, который здесь имеется в виду, - это такой парламент, который сразу же представляется уму человека XIX века, с его членами обеих палат, избранными народом, как в Америке, или членами верхней палаты, назначенными короной; его противоборствующие партии часто вырождаются в простые фракции; его взгляды ограничены материальным прогрессом, а цели и устремления совершенно мирские; он глубоко пропитан современными идеями либерализма, но очень мало знает, если вообще знает, об истинной свободе; часто следует примеру нескольких талантливых членов, чьи реальные достоинства редко являются показателем совести и чувства права.

Такое либеральное учреждение, как это, которое, если бы оно было предложено сегодня английским правительством для Ирландии, было бы встречено с безграничной радостью всеми слоями населения этой страны, тем не менее не было бы верным предвестником счастья для нации, и, повторяя сказанное выше, история такого учреждения в Ирландии печальна.

Нет необходимости вдаваться в историю ирландских парламентов. Если бы беспристрастный и справедливый автор взялся за такую работу, она могла бы открыть глаза многим и показать им, что в конце концов лучше полагаться на Божественное провидение, чем на такую помощь национальному процветанию.

Доктор Мэдден в своей работе "Связь Ирландии с Англией" убедительно показывает, что право на свободный и независимый парламент, подобный английскому, было предоставлено Ирландии королем Иоанном в самом начале "Завоевания". Такой парламент был предоставлен горстке англо-норманнов, которые уже были заняты строительством своих замков с целью обратить всю массу кланов в феодальное рабство, лишив их всех свободных

национальных собраний и обычаев. На протяжении почти четырехсот лет ирландские парламенты, если они не были полностью подчинены английскому контролю, как это произошло в конце концов в результате "Акта Пойнинга", были просто законодательными машинами, созданными для того, чтобы подчинить, поработить и окончательно искоренить все ирландское в стране. Язык сэра Джона Дэвиса был очень четким в этом вопросе.

Сегодня, когда это столь известный факт, кажется странным, что писатель, столь хорошо информированный, столь острый и проницательный, столь глубоко католический, каким, несомненно, является доктор Мэдден, должен придавать такое большое значение институту парламента, впервые предоставленному английскими монархами. В их поле зрения находилась лишь небольшая английская колония, обосновавшаяся на острове, со всеми ее феодальными обычаями, и они не думали о предоставлении свободы основной массе народа. Дело Молинье, которое так часто цитируют и восхваляют ирландские писатели, должно быть отброшено и забыто любым человеком, одушевленным истинной любовью к ирландскому процветанию. Это было всего лишь возрождение старых партий англичан по крови и англичан по рождению, без единой мысли о правах ирландцев. Это был случай, когда одна английская партия выступала против другой, обе стремились превратить Ирландию в колонию Англии, а несчастная страна была раздавлена между ними и в любом случае должна была стать жертвой. Туземцам нечего было сказать или сделать в этом вопросе, кроме как помочь, глядя на то, как их враги ссорятся между собой.

Те же замечания относятся и к памфлетам доктора Лукаса, которые вызвали в то время такой большой интерес и которые так подробно цитирует доктор Мэдден. Лукас, как известно, был ярким антикатоликом и, соответственно, антиирландским партизаном.

Тем не менее Католическая ассоциация всячески использовала аргументы Молинье и Лукаса, потому что они несли в себе хоть какие-то остатки национального духа, поскольку выступали от имени Ирландии, само название которой было ненавистно противоположной партии; и в то время Ассоциация была совершенно права: но с тех пор ситуация изменилась.

Конечно, странно, что, когда Генрих VIII предпринял серьезные попытки ввести протестантизм в Ирландии, в парламент были созваны не только англо-ирландские католики, но и местные вожди, некоторые из которых говорили только по-ирландски, так что их речи требовали перевода.

Но, как было показано ранее, это было не более и не менее чем хитроумным приемом, чтобы заставить настоящих ирландцев бессознательно подтвердить своим голосованием прежние постановления, в соответствии с которыми был принят Акт о верховенстве; создать впечатление, что они отреклись от своей религии и теперь являются добрыми протестантами; И, что еще хуже, вписать в свод законов, как признанный всеми, закон о духовном верховенстве короля, об отречении от папской власти, о подчинении всем декретам, принятым в Англии с целью полной смены религии нации.

К таким мерзким целям был приведен механизм парламента. Отныне он превратился в механизм для издания указов о преследованиях. Члены-католики иногда появлялись в нем, когда наступало затишье в исполнении законов, и они могли занимать свои места, не будучи виновными в отступничестве. Но, сделав из своих протестантских колоний закрытые округа, Яков I раз и навсегда обеспечил большинство представителей на стороне протестантов, и, как естественное следствие, нельзя представить себе ничего более скрежещающего, острого, пронзительного и сильного, чем этот двигатель закона, называемый ирландским парламентом, в том виде, в каком он существовал при Стюартах. Слово "ничего" было бы

неверным: было кое-что похуже; оно появилось вместе с революцией 1688 года, и ее результаты были засвидетельствованы в предыдущей главе.

Из-за различных клятв, наложенных на членов парламента во времена Вильгельма Оранского, ни один католик больше не мог заседать в ирландском парламенте, не отрекаясь от своей веры. И с этого момента государственное учреждение, заседающее в Дублине, как никогда ранее превратилось в гонимую и развращающую власть, нацеленную только на принятие, изменение, улучшение и исполнение законов, направленных на полную деградацию народа.

Однако наступил восемнадцатилетний период, названный сэром Джоной Баррингтоном "Возвышением ирландской нации". Было бы приятно представить этот период как настоящее исключение из всей предыдущей и последующей истории Ирландии, но потакать такому удовольствию нельзя.

В тот период, о котором идет речь, Франция выступила на стороне североамериканских колоний Великобритании, и английские суда были не единственными в море. Крупные французские флоты перевозили войска своим новым союзникам, и в 1779 году английское правительство направило в Ирландию предупреждение о том, что у ирландского побережья следует ожидать появления американских или французских каперов, а для защиты острова нельзя посылать никаких войск. Тогда возникло великое волонтерское движение. Каждый ирландец, имеющий право носить оружие, записывался в какой-нибудь полк, созданный с видимой целью противостоять вражеской высадке, но на самом деле патриоты намеревались заставить Англию отменить закон Пойнинга, чтобы добиться для парламента в Дублине реальной независимости от английского диктатора.

Результат хорошо известен. Вскоре под оружием оказались сто тысяч ирландцев, которые не только вышли на поле боя в качестве солдат, сформировав полки пехоты, конные отряды и артиллерию, но и, как ни странно, в качестве граждан, направили делегатов на съезды и громко потребовали от Англии не только предоставить братскому острову свободу торговли, но и наделить ирландский парламент независимыми полномочиями.

Это политическое состязание под открытым небом продолжалось два года, и, получив известие о капитуляции британской армии при Йорктауне и успешном завершении американской войны на стороне колонистов, ольстерские волонтеры решили провести национальный съезд делегатов от каждого города провинции. В пятницу, 15 февраля 1782 года, собрание состоялось в Данганноне, графство Тайрон, и там делегаты поклялись в верности новой, еще не написанной хартии, отказавшись признать "право какого-либо органа, кроме короля, лордов и общин Ирландии, издавать законы, обязывающие это королевство".

Та же резолюция была принята на последовательных собраниях делегатов-добровольцев, муниципальных корпораций и граждан в целом по всему острову.

Английское правительство не смогло противостоять давлению. После нескольких попыток затянуть уступку, 15 апреля 1782 года, благодаря твердости Граттана и его сторонников в дублинской палате общин, великая мера была принята единогласно:

"Ирландское королевство - это отдельное королевство с собственным парламентом, единственным законодательным органом; что не существует никакого органа, компетентного принимать законы, обязывающие нацию, кроме короля, лордов и общин Ирландии, и никакого парламента, имеющего какую бы то ни было власть или полномочия в этой стране,

кроме парламента Ирландии; что мы смиренно полагаем, что в этом праве заключена самая суть нашей свободы, право, которое мы, со стороны всего народа Ирландии, утверждаем как свое право по рождению, и которое мы не можем уступить иначе, как своей жизнью." Курсив наш.

"Новость, - говорит сэр Джона Баррингтон, - вскоре облетела всю страну; каждый город, поселок или деревня в Ирландии сияли эмблемами ликования и оглашались криками триумфа".

Через месяц все было принято новой британской администрацией. "Провидческая и неосуществимая идея превратилась в свершившийся факт; великолепный фантом стал славной реальностью; гептархия - старая ирландская конституция - не была восстановлена, но Ирландия обрела полную законодательную независимость".

Так отмечает это великое событие добросердечный автор "Взлета и падения ирландской нации". Жаль, что оно так скоро закончилось, как и заслуживало закончиться, в дыму; ведь "единодушное голосование" дублинской палаты общин не было искренним, а имело целью лишить блага вновь обретенной свободы огромную массу народа, то есть всех без исключения католиков.

Уже во время волонтерских волнений католики смотрели на это движение с радостью и надеждой, что, по крайней мере, может последовать некоторое смягчение варварского кодекса, принятого против них. Не имея возможности принять активное участие в движении, поскольку законы не позволяли им носить оружие и записываться в армию, они охотно приносили с собой мушкеты, которыми обладали, чтобы отдать их своим соседям-протестантам. Когда последний всплеск энтузиазма вызвало известие о том, что в Дублине соберется свободный и независимый парламент, они, конечно, были вправе ожидать, что в столь просвещенный век их естественные и гражданские права наконец-то будут восстановлены. Они также слышали об успехах американских колоний в завоевании этих прав для всех в их счастливой стране за Атлантикой; и мы можем быть уверены, что не многие из них слышали, как по окончании Войны за независимость главные офицеры американской армии вместе со своими французскими союзниками отправились в католическую церковь в Филадельфии, чтобы вместе с ними вознести благодарение Всевышнему перед католическим алтарем. Кроме того, на их стороне были Граттан и многие волонтеры.

В резолюцию, так единодушно принятую и ставшую законом британским правительством, была вставлена всеобъемлющая фраза: "Мы смиренно полагаем, что в этом праве заключается самая суть нашей свободы, право, на которое мы, со стороны всего народа Ирландии, претендуем как на свое право по праву рождения, и которое мы не можем уступить иначе как ценой своей жизни".

Могли ли инициаторы и успешные пропагандисты этого великого изменения в управлении страной истолковать такую фразу в ограниченном смысле? Разве ирландские католики, составляющие большую часть народа, не являются, по крайней мере, частью "всех в Ирландии"? Можно было бы предположить, что да: однако то, что последовало вскоре после этого, показало всю нелепость такой идеи.

Собрался новый парламент; было принято несколько мер, благоприятных для торговли и производства острова; но вскоре выяснилось, что избирательный закон в его нынешнем виде не соответствует изменившимся обстоятельствам времени. Законодательный орган был избран по устаревшей избирательной системе, которая не могла представлять нацию. Боро и места открыто и буквально принадлежали отдельным семьям или частным лицам;

избирательный округ иногда насчитывал не более дюжины человек. Фактически, менее ста человек владели местами или районами, способными составить большинство в Общине!

Как и везде в революционные времена, вопрос о парламентской реформе обсуждался не только в парламенте; каждый человек в народе, каждый в своей сфере, принимал участие в бурной борьбе, которая начала бушевать по всему острову. Волонтеры все еще были в своей славе. Окрыленные победой, они не прекращали своей политической агитации. В сентябре 1783 года они вновь собрались на съезд в Дунганноне, конкретной целью которого, как рассказывает доктор Мэдден, была парламентская реформа, а затем они решили "провести еще один большой национальный съезд делегатов от волонтеров в Дублине в ноябре следующего года".

На этом чрезвычайном собрании, естественно, был поднят вопрос о правах католиков, и, к его чести, протестантский епископ Дерри предложил распространить на них избирательное право.

То, что некоторые фанатики выступят против этого предложения, было вполне ожидаемо; и не было бы ничего удивительного в том, что оппозиция ограничилась несколькими людьми низшего положения, все еще глубоко проникнутыми узкими протестантскими идеями. Но когда лидеры движения за национальную независимость, лорд Чарльмонт и мистер Фладд, оказались в рядах решительных противников этого предложения, это стало поводом для удивления. Именно благодаря усилиям и влиянию лорда Шарлемонта усилия революции были окончательно обращены на сторону свободы; Флад же был большим националистом, чем сам Граттан, чье красноречие так запомнилось во время последних судьбоносных дебатов в ирландской палате общин. Флад дошел в своем патриотизме до того, что заподозрил британское правительство в неискренности его уступок, в то время как Граттан считал, что "в мотивах не должно быть ничего бесчестного и позорного, пока факты не сделают их подозрительными".

Тем не менее, именно Шарлемонт и Флад твердо стояли за исключение католиков из избирательного права, которого требовал для них протестантский епископ; и план Флада был принят окончательно.

Чтобы произвести более сильное впечатление на общественное мнение, 29 ноября несколько делегатов, которые также были членами парламента, прямо со съезда направились в Палату общин, некоторые из них были одеты в форму волонтеров, чтобы поддержать план мистера Флуда по исключению католиков из избирательного права.

В разгар беспорядков билль о реформе провалился: за него проголосовали семьдесят семь человек, против - сто пятьдесят. Таким образом, никаких изменений в парламенте не произошло, и католики остались на прежнем месте, что стало следствием просчетов вождей добровольческого движения за независимость.

Правда, в то же время и само волонтерское движение рухнуло на землю. С этого момента оно потянуло за собой обреченную жизнь. "Можно было бы подумать, - говорит доктор Мэдден, - что в нем есть национальная сила для большего, чем пятнадцатилетнее существование, и сила для достижения большего, чем эфемерная независимость, которая продержалась всего восемнадцать лет".

Но у католиков открылись глаза; они увидели, что день воскресения для них еще не наступил. Его не должен был осуществить никакой ирландский парламент. Таким образом, мы были правы, утверждая, что парламентская история Ирландии печальна. Следует,

однако, отметить, что с того времени многие протестанты, такие как епископ Дерри, Граттан и другие, всегда твердо отстаивали свободу для всех и оставались самыми стойкими сторонниками прав католиков. То, что мы до сих пор называли Ольстерской колонией Якова I, таким образом, было сведено к Оранжевой партии; и в этом смысле движение волонтеров стало реальным и постоянным благом для страны. Нет нужды упоминать имена многих выдающихся протестантов нашего времени, чья жизнь была посвящена служению всем - делом, словом или тем и другим. Вся честь им!

Но утверждается, что ирландское законодательство в редакции Конституции 1782 года обеспечило стране непрерывный поток процветания в течение восемнадцати лет, и поэтому волонтерское движение принесло расе большую пользу, по крайней мере временную. Мы представим дело в самом убедительном свете, противоречащем нашему собственному мнению, и для этого нам ничего не остается, как позаимствовать аргументы мистера У. Дж. О'Н. Даунта в его памфлете "Ирландский вопрос" (1869):

"Привыкшим, - говорит он, - со времен Союза (1800 г.) к национальным бедствиям и хроническим беспорядкам, о которых свидетельствуют комиссии Девона, отчеты о голоде и другие официальные источники информации, кажется мало правдоподобным рассказ об ирландском процветании до Союза - процветании, которое так сильно контрастирует с состоянием Ирландии при парламенте, который называют "имперским", но который по сути своей является английским и подавляющим. Но эти сведения приводятся на основе безупречного авторитета.

"Мистер Джебб, член ирландского парламента от Каллана, так говорит о процветании страны в памфлете, опубликованном в 1798 году:

"За пятнадцать лет наша торговля, наше сельское хозяйство и наши мануфактуры раздулись до таких масштабов, что самые сметливые друзья Ирландии не осмелились бы предсказывать".

"Банкиры Дублина, вполне компетентные свидетели, провели собрание 18 декабря 1798 года, на котором постановили, "что с тех пор, как Великобритания в 1782 году отказалась от права издавать законы для Ирландии, торговля и процветание этого королевства значительно возросли".

"Дублинская гильдия торговцев сделала то же самое 14 января января 1797 года".

Но это свидетельство и свидетельства других людей, которых мы могли бы процитировать, были свидетельствами людей, выступавших против "Союза". Давайте рассмотрим несколько признаний, сделанных сторонниками этой меры:

"Первым идет ее автор, мистер Питт, который в своей речи в английской палате общин 31 января 1799 года, упомянув о процветающем состоянии ирландской торговли в 1785 году, продолжает: "Но как обстоит дело сейчас? В настоящее время торговля бесконечно более выгодна для Ирландии".

Лорд Клэр, один из главных инструментов мистера Питта в достижении Союза, опубликовал в 1798 году памфлет, содержащий, как цитирует Граттан, следующий отчет об ирландском прогрессе после 1782 года: "На обитаемом земном шаре нет нации, которая бы с такой же быстротой продвигалась в культивировании и торговле, в сельском хозяйстве и производстве за один и тот же период".

"Наконец, господин секретарь Кок в юнионистском памфлете сказал тогда: "Мы получили опыт этих двадцати лет; ибо общепризнанно, что ни одна страна в мире никогда не добивалась таких быстрых успехов, как Ирландия в этих отношениях"".

Все это, несомненно, правда; и в наши намерения не входит ни восхищаться тем, что называлось Союзом, ни отстаивать его. Те из упомянутых писателей, которые так догматично высказывались в приведенных выше отрывках, имели в виду только материальное и внешнее процветание, да и то лишь одного класса граждан. Те, кто желает добра Ирландии, не могут удовлетвориться этим.

Ни одно имя сторонников или противников Союза, приведенных здесь в качестве свидетелей, не является кельтским. Было бы интересно узнать, что кельты острова, то есть большая часть его жителей, думали в то время не о Союзе, а о своем собственном парламенте, и какая часть этого великого материального процветания выпала на их долю.

Конечно, все они были против Союза, который по разным причинам стал одиозным в их глазах; но одобряли ли они, могли ли они одобрить действия своего законодательного органа, предшествовавшие Союзу с Англией? Довольны ли они были этими знаками процветания в пользу класса, который систематически их угнетал? Даже если допустить, что они были достаточно христианами, чтобы не испытывать зависти к успехам своих соотечественников-протестантов, разве они не жалели и не имели права жалеть о том дне, когда актом того же Законодательного собрания их, как единое целое, отрезали от всех этих преимуществ.

Ибо следует помнить, что именно по инициативе многих добровольцев, которые были так готовы принять мушкеты от своих соседей-католиков, чтобы нанести удар за свободу, ни один из уголовных статутов не был отменен, и ирландские католики продолжали, по крайней мере в рамках закона, стонать под страшными притеснениями, слабый очерк которых был приведен в последней главе. Поэтому говорить в их присутствии об их торговле, мануфактурах, сельском хозяйстве, росте их богатства и так далее было горькой насмешкой, на которую они не могли не обижаться в глубине души.

Неужели причина всех их бед была устранена таким свободным и независимым парламентом? Откуда взяться сельскохозяйственному процветанию народа, который по закону не имел права владеть ни дюймою своей земли, ни арендовать более двух акров? Как они могли заниматься процветающей торговлей, если по требованию "первооткрывателя" их могли заставить отдать ему излишки мизерного дохода? Как они могли даже думать о том, чтобы заняться каким-либо производством, когда законы низводили их до ужасающего состояния нищеты, о котором мы с содроганием вспоминали? И эти законы были сохранены и занесены в свод законов теми самими людьми, которые хвастались процветанием Ирландии!

Нельзя не подтвердить, что социальное положение Ирландии не претерпело никаких изменений, и что разделение классов, о котором с таким заслуженным упреком говорил Эдмунд Берк, по-прежнему оставалось неизменным:

"Они разделили нацию на две различные партии, не имеющие общих интересов, симпатий или связей. Одна из них должна была обладать всеми правами, всей собственностью, всем образованием; другая должна была состоять из водоносов и стригалей дерна для них.

Любая мера была приятна и популярна ровно настолько, насколько она была направлена на то, чтобы притеснить и разорить группу людей, которых считали врагами Бога и человека, а на самом деле - расой фанатичных дикарей, позорящих саму человеческую природу.

"Чтобы сделать человечество пригодным для оскорбления, его следовало унижить".

И даже если предположить, что процветание, о котором так много говорят, было всеобщим и все имели в нем реальную долю, как долго оно оставалось бы таковым, если бы ирландский парламент продолжал существовать, а не слился с английским, или, как его называли, имперским законодательным органом? Как долго эти два разделенных органа, заседающие один в Дублине, другой в Вестминстере, могли бы действовать согласованно, не переходя в жестокие и взаимные упрёки со всеми вытекающими отсюда последствиями?

Сложность проявилась с самого начала, когда впервые возник вопрос об относительном статусе обоих законодательных органов.

Мистер Фокс, великий либеральный министр короля, попытался решить эту проблему, проведя различие между внутренним и внешним законодательством: Ирландия никогда не должна была вмешиваться в работу своего парламента в отношении своих внутренних вопросов, в то время как английский законодательный орган имел право вмешиваться во все меры, касающиеся внешнего законодательства. Это очень похоже на то, что сейчас предлагается в рамках home-rule.

Вот какой ответ дал на это в дублинской трибуне мистер Уолш: "Что касается тонко подмеченного английским министром различия между внутренним и внешним законодательством, то оно кажется мне самым абсурдным и в то же время самым нелепым положением, которое только может быть выдвинуто в отношении независимого народа.

"Ирландия либо независима, либо нет; если она независима, то никакая власть на земле не может принимать законы, которые бы ее связывали, внутренние или внешние, кроме короля, лордов и общин Ирландии".

Мистер Уолш, весьма влиятельный член ирландской палаты общин, как и многие другие, несомненно, видел причину беспокойства, уже нарушившего взаимное спокойствие двух наций. И действительно, его опасения вскоре оказались слишком обоснованными. Доктор Мэдден рассказывает следующее;

"Не прошло и месяца с момента открытия нового ирландского парламента в 1782 году, как лорд Абингдон в британской палате пэров попросил разрешения внести декларативный билль, чтобы подтвердить право Англии издавать внешние законы для Ирландии в вопросах, касающихся торговли последней. Аналогичное предложение было внесено в британскую палату общин сэром Джорджем Янгом.

"Один из пунктов билля лорда Абингдона гласил, что королева Елизавета, ранее запретившая королю Франции строить больше кораблей, чем у него было, без предварительного получения ее разрешения, постановляет, что ни одно королевство, как уже говорилось выше, как Ирландия, так и другие, не должно осмеливаться строить флот или военные корабли без разрешения лорда Верховного адмирала Англии".

Легко предвидеть, что готовится симпатичная ссора. И снова можно утверждать, что история ирландских парламентов печальна.

Но можно ли было ожидать от него большего? Достаточно ли обширна сфера мер, доступных любому законодательному собранию современности, чтобы охватить все, что важно для католического народа, каким когда-либо была ирландская нация?

Общий вопрос о парламентском правлении - очень сложный. Современный парламент сильно отличается от старых собраний представителей различных орденов в любом государстве. Вместе с церковью возникли те древние институты, которые в некоторых частях Европы имели двойную природу - советов и политических собраний.

Этот порядок канул в Лету, и сегодня никто не думает о возрождении этих освященных временем институтов, как бы ни склонялись политические писатели к деспотизму, с одной стороны, или анархии - с другой. Каково же происхождение современного парламента? Он возник в Англии в течение семнадцатого и восемнадцатого столетий, как бы постепенно, в результате распада старых парламентов; аристократия, и в первую очередь церковь, все больше и больше теряли принадлежавшее им когда-то влияние, которое в прежние времена делало их главными в этих государственных обсуждениях. Это одна из главных особенностей новомодной британской конституции, которая появилась совсем недавно и утвердилась только после падения династии Стюартов, получив дополнительные изменения в ходе борьбы партий при Брауншвейгской и Ганноверской линиях королей.

Таким образом, это совершенно британская порода недавнего времени, особенно хорошо приспособленная для Англии, чье процветание с момента ее основания постоянно растет. Но очень сомнительно, что другие страны получили равные преимущества от его внедрения.

В конце прошлого века несколько известных французов, во главе с Мунье, попытались воспроизвести его слабую копию во Франции. Их неудача слишком хорошо известна всему миру: как их английские идеи были пропущены народом, в то время как гораздо более радикальная революция сметала все остатки старой французской конституции, не заменив ее ничем, кроме грубых и неверных идей, которые привели к анархии.

Прискорбный провал первой попытки не обескуражил других политических теоретиков; и вот уже столетие, как по всей Европе ежедневно появляются и продолжают появляться эссе на тему английского законодательства, воплощенного в конституции парламентов, и все это, как хотели бы заставить нас поверить сангвинические писатели, должно послужить ступенькой для "Всеобщей республики", которая должна возродить мир.

На всех этих ассамблеях поднимаются вопросы материальных интересов, материального процветания, материальных проектов. О моральном благополучии народа редко или вообще не слышно ни слова; а когда моральный вопрос все же выносится на обсуждение, неясность выдвигаемых и обсуждаемых теорий, нерешительность предлагаемых мер, отсутствие единства во взглядах показывают, насколько современные законодатели не приспособлены даже к тому, чтобы касаться того, что волнует душу человека. Сами законодатели чувствуют, что их характер далек от святости, что духовный элемент не постижим в их мире. И они, безусловно, правы.

Даже меры внешней политики не всегда успешны в обеспечении материального благосостояния народа. По крайней мере, во Франции различные законодательные органы, сменявшие друг друга, принесли в этом отношении, пожалуй, не меньше вреда, чем свобода печати и свобода публичных дискуссий, у которых всегда были и будут свои горячие сторонники и существование которых совместимо с общественным порядком в одних странах, но не в других.

То же самое, с некоторыми оговорками, можно сказать об испано-американских республиках, Бразилии, а теперь и об Испании, Италии и других европейских странах. Законодательная машина, которая так хорошо работает в Англии и ее колониях, кажется, выходит из строя в непривычном для нее климате и среди непривычных народов, даже в том, что касается материального процветания.

Но в наши задачи не входит ни написание истории парламентов, ни абсолютное осуждение этих современных институтов в тех немногих словах, которые им посвящены. Все, на чем мы хотим настаивать, это на том, что все пороки наций не излечиваются ими, и что их не следует воспринимать как абсолютно желательные и вседостаточные сами по себе.

Что касается их возможной судьбы в будущем, то их современная одежда еще не достигла двух столетий, а семена упадка уже проявляются во многих местах. Достаточно нескольких вопросов, чтобы это продемонстрировать: Может ли парламент в его современном понимании просуществовать сколько-нибудь долго и успешно работать, если он состоит большей частью из продажных законодателей, которых избрали продажные избиратели? Не растет ли в последнее время коррупция с обеих сторон, как со стороны избранников, так и со стороны избирателей? Сколько времени нужно, чтобы законодательство зашло в тупик и доказало современным народам невозможность вести даже материальные дела с таким коррумпированным механизмом? Чтобы ответить на эти вопросы, не требуется особой прозорливости.

И все же именно на этот шаткий институт возлагает свои надежды Ирландия наших дней. Она воображает, что, получив его, застрахована от процветания и счастья; что без него она не может не быть недовольной, как она и должна быть, если у нее есть хоть какое-то чувство. И такова ненормальность ее положения, что, имея перед собой такое убеждение, мы считаем, что она права, требуя домашнего правления, и что, настаивая на нем, она в конце концов добьется его; но мы убеждены, что, получив его, она не излечится от своих бед и не обретет своего счастья. Мы ценим ее достаточно высоко, чтобы считать ее достойной чего-то лучшего, и это "что-то", мы уверены, Бог приберегает для нее.

Предположим, ее искреннее желание будет исполнено, и ей будет предоставлен дом в Парламенте. Предположим, что даже старый вопрос о ее отношениях с английским законодательным органом решен. Большая трудность была решена удовлетворительно, хотя трудно понять, как это может произойти. Но если предположить, что вопросы для ее обсуждения и свободного определения четко определены, то домашнее правление становится возможным без возбуждения оппозиции со стороны соперничающего парламента Великобритании.

Каким будет состав ее государственного учреждения? И какова программа его работы?

В составе двух палат, если их будет две, католики не будут исключены, как это было в 1782 году; это, безусловно, большая перемена, чреватая, без сомнения, большой пользой для страны. Но перестанет ли преобладать английский элемент? Туземную расу так долго держали в рабстве, что лишь немногие ее представители, несомненно, будут играть ведущую роль в дискуссиях. А скольким вообще будет позволено влиять на выборы членов своими голосами или возможностями? Вряд ли можно ожидать всеобщего избирательного права, возможно, оно даже нежелательно. Вопрос, безусловно, сомнительный. В отношении состава ирландского парламента мы уверены в одном: он не будет представлять нацию.

Ведь эта нация - католичка до мозга костей; страдания более чем двух веков сделали религию для нее дорожкой жизни; все, чем она была, и все, чем она является сегодня, можно

выразить одним словом - католичка. Ей не оставили ничего, кроме этого гордого и благородного титула, который из всех других у нее отняли бы враги. Нация существует и поныне, независимо от парламентских постановлений, вопреки бесчисленным парламентским декретам прежних времен; она живет, действует, работает и творит чудеса, о которых мы еще расскажем. Посмотрите, как она занята с тех пор, как ей впервые разрешили это делать. Ее алтари, ее религиозные дома, ее приюты, все святое, что было в руинах, - все было восстановлено.

Не довольствуясь столь энергичной работой на своей земле, она перебралась в Англию, где великое и неожиданное католическое возрождение, вселившее такой трепет и страх в сердца сектантов, во многом заслуга ее.

Пересеките широкую Атлантику и даже огромный Южный океан, и при созерцании ирландской активности в Северной Америке, Австралии и всех английских колониях поражает интенсивная жизненная сила, проявляемая этим так долго терпевшим бедствие народом. Но вся эта активность, вся эта жизненная сила направлена на то, чтобы утвердить на твердой и нерушимой основе повсюду святую католическую церковь.

Глядя на все это, скажите, является ли Ирландия действительно католической, является ли эта нация чем-либо иным, кроме как католической.

Но может ли ее новый парламент быть католическим?

Нет! Никто не представляет себе, что такое возможно; никто не думает, не мечтает об этом. Поэтому ясно, что он не может представлять нацию.

Кто же войдет в его состав? Люди, которые отбросят - таково современное выражение - свое вероисповедание и оставят его за дверью. Ничего лучшего ожидать не приходится. Правда, горькое чувство, которое так долго вызывали религиозные вопросы, вряд ли проявится вновь; или, если говорить более корректно, религиозный вопрос никогда не поднимался в Ирландии, весь народ был един в этом вопросе; но можно надеяться, что ожесточенные гонения на все католическое вряд ли повторятся, какими бы ни были составляющие элементы новых палат парламента.

Учитывая невозможность даже предположить возможные мнения людей, в руках которых будет находиться будущая судьба Ирландии, можно с уверенностью предсказать, что в их законодательных залах к религиозным и, следовательно, моральным вопросам будут подходить только в духе либерализма. Вероятно, единственное, что будет предпринято, - это обеспечение внешнего счастья и процветания народа, если предположить, что большинство членов будут одушевлены истинными патриотическими принципами; и действительно, чаяния всех, кто желает добра Ирландии, ограничиваются внешним или материальным процветанием; и, со своей стороны, мы не считаем это малозначительным. Но разве это все, что нужно ирландскому народу?

Они настолько низко пали в шкале человечности, что для их воскрешения необходимо сделать все возможное; и это "все возможное" заключается в замене мяса плоти на картофель и хорошей теплой одежды на лохмотья. Тот, кто говорит, что ирландский народ может довольствоваться подобным восстановлением, плохо знает его благородную натуру и никогда не читал его сердце.

Безусловно, они имеют право на те мирские блага, которых они так долго были лишены; и нас не поймут, если мы скажем, что одной из главных задач хорошего правительства не является предоставление народу этих материальных благ; Более того, мы считаем, что, когда

целый народ так долго подвергается всем злодеяниям, которые не только делают эту жизнь несчастной, но и совершенно невыносимой, на тех, кому доверено управление делами, лежит обязанность немедленно исправить эти злодеяния и попытаться заставить народ забыть о своих несчастьях, по крайней мере, наслаждаясь обычными удобствами этой жизни. Забвение прошлого не может быть достигнуто никаким другим способом. И это очень простой, но в то же время очень удовлетворительный ответ на вопрос, который так часто задают и на который так часто отвечают по-разному: "Почему Ирландия недовольна?"

Но, признавая истинность, а может быть, и необходимость всего этого, правительство католического народа не выполнило своего долга, если оно приложило все усилия, чтобы обеспечить временное счастье нации, и в конце концов преуспело в этом. Кроме того, он должен учитывать его моральные и религиозные потребности, иначе большая часть его обязанностей остается невыполненной.

Это, конечно, не приходит в голову большинству людей, которые, похоже, договорились между собой считать аксиомой управления, что правители народа не должны иметь в виду никакой другой цели, кроме материального комфорта и благосостояния масс. Они не задумываются о том, что потребности нации должны быть удовлетворены в полном объеме и что ее моральные и религиозные нужды имеют не меньшее значение, чем мирские. Это очевидно во всех тех странах, где, в подражание Англии или по ее наущению, в настоящее время действуют парламентские правительства - страны, включающие не только Европу, не исключая Грецию и ее главные острова, но и юг Африки у мыса, Америку, Северную и Южную, Австралию и крупные острова Ямайку, Тасманию, Новую Зеландию и несколько групп Полинезии, подготавливая Азию к благодетельству, которому, вероятно, суждено проявиться сначала в Японии, распространяясь затем по всему самому большому континенту мира.

Везде, где процветают современные парламенты, консультируются исключительно по материальным интересам. Это новая черта яфетизма; и одному Богу известно, как долго народы будут довольствоваться таким положением вещей!

Но если некатолические народы таким образом ограничивают свои устремления, то тем более нет причин, почему католический народ не может подражать им в этом, особенно если этот народ веками покорялся любому злу этой жизни, чтобы сохранить свою религию, показывая, что в его глазах религиозные блага стоят гораздо выше всех мыслимых материальных преимуществ; и мы все знаем, что так было в Ирландии.

Но можно спросить, что это за религиозные потребности, которые должны быть удовлетворены, и как мы можем их узнать? Для католика ответ очевиден, и нет ничего проще. То, что духовные наставники нации считают первостепенной важностью и абсолютной необходимостью, носит именно такой характер, и правительство, которое не прислушивается к напоминаниям, исходящим из такого квартала, показывает тем самым, что оно не знает, или небрежно относится к своему главному долгу. С тех пор как груз тирании, отягощавший ирландский народ, был если не полностью, то, по крайней мере, весьма ощутимо уменьшен, с тех пор как правители Церкви в этой несчастной стране смогли возвысить свой голос и провозгласить то, что они считают крайне важным для тех, кто находится под их опекой, разве не странная истина, что их голос никогда не переставал звучать и что в этот самый момент он протестует так же громко, как и прежде? Когда к нему прислушивались так, как следовало бы? Будет ли к нему прислушиваться еще больше, если Ирландия получит домашнее правление? С горечью приходится констатировать, что

единственный ответ, который можно дать на этот последний вопрос, по-прежнему звучит категорично "Нет!".

По той простой причине, что Ирландия не может иметь истинно католический парламент, и что все важные меры, которые будут занимать внимание членов-католиков в случае их встречи в Дублине, будут направлены на развитие производства, торговли, строительства кораблей, законов о правах арендаторов и т. д.; все это очень замечательные вещи, на которые Ирландия имеет несомненное право, которые будут сильно оспариваться, и в борьбе за которые она может снова потерпеть поражение; которые, даже если она их получит, не позволят ей конкурировать с Англией, и которые, после и прежде всего, не соответствуют биению сердца нации - полному и окончательному восстановлению католической церкви на всей ее широкой земле.

Не лишним будет заметить, что только что высказанное широкое утверждение не влечет за собой никаких репрессий против прав меньшинства. Это меньшинство, поддерживаемое английским правительством, наслаждалось почти тремя столетиями угнетения и тирании, изощряло человеческую изобретательность, чтобы придумать схемы уничтожения большинства: оно потерпело неудачу. Большинство, которое наконец-то вздохнуло свободно, вполне может позволить себе не поднимать палец в отместку и оставить то, что называется свободой совести, тем, кто так долго отказывался от нее. Результат можно оставить на усмотрение естественных законов и святой работы Провидения. Но их религиозные права должны быть, во всяком случае, обеспечены им полностью; права их Церкви должны быть навсегда оставлены совершенно свободными и неограниченными.

Но как много было сделано против этого, даже в последнее время? Почему протестантский университет имеет столько привилегий, в то время как аналогичному католическому учебному заведению отказывают в признании? С какой целью были созданы Королевские колледжи? Католические епископы, безусловно, обладают правами в отношении образования своей паствы; с какой настойчивостью эти права не подвергаются нападкам и обходу! Если протестантский истэблишмент был окончательно упразднен, то разве его служители не получили в самом акте упразднения уступки, которые придают им еще большой вес, моральный и материальный, на чаше весов, противостоящих католическому прозелитизму, а то и сохранению? Разве не является еще пятном, если не в глазах закона, то, по крайней мере, в глазах английских колонистов в Ирландии, быть "римским католиком"? Неужели "суперизм" настолько мертв, что уже никогда не сможет возродиться? Сколько средств еще остается в руках протестантского меньшинства, чтобы досаждать, раздражать и обеднять предполагаемое свободное большинство?

Тот, кто серьезно рассматривает этот вопрос, не может не признать, что в Ирландии все еще существует огромное количество открытой или молчаливой оппозиции Церкви большинства, и Церкви, которую большинство любит с такой глубокой привязанностью, что, пока сохраняется хоть малейший остаток старого угнетения, Ирландия должна оставаться недовольной.

И более чем сомнительно, что домашнее правление будет достаточным средством для исправления такого положения вещей, из-за того факта, на котором уже настаивали, что новый парламент не может быть католическим парламентом.

Читатель легко поймет, что имелось в виду, когда он говорил, что полное восстановление католической церкви на острове не предполагает последующего искоренения ереси; но оно явно предполагает совершенно свободное осуществление церковью всех ее прав. Ничто иное, как это, не может удовлетворить ирландский народ.

III. Мы переходим к рассмотрению третьей обманчивой надежды - надежды на то, что народ вернет себе все свои права путем подавляющей силы численности и вооруженного сопротивления тирании - пропаганды физической силы, как ее называют; другими словами, права и необходимости открытого восстания или тайных объединений, явно требующих для успеха сотрудничества многочисленных революционных обществ Европы: преступное заблуждение, которое принесло стране много зла, и которое все еще лелеют слишком многие ее сыновья. Хотя мы намерены свободно говорить на эту тему, мы надеемся, что наш язык будет умеренным и справедливым.

Для католика, который был свидетелем или слышал о страшных бедствиях, причиненных современным нациям доктриной права на восстание, на вооруженную силу, на открытое восстание против реального или воображаемого зла, эта доктрина не может не вызывать отвращения и презрения.

Правда, для наций, как и для отдельных людей, существует нечто, напоминающее право на самооборону. Ни один католический теолог не может утверждать, что народ обязан склониться под игм тирании, когда он может стряхнуть ее с себя; и именно эта истина дает повод многим сторонникам того, что называется правом на восстание. Более того, нет никаких сомнений в том, что в случае с Ирландией, в частности, ирландцы на протяжении многих веков имели собственное законное правительство, и когда на них нападали иностранцы, высаживавшиеся на их берегах под любым предлогом, они имели полное право, более того, это была обязанность глав кланов, провинциальных королей и принцев, защищать всю нацию и ту ее часть, которая была вверена их особой заботе, в частности, от открытых или тайных врагов. Захватчики называли их "мятежниками" без тени возможного предлога, и это название вызывало столь же справедливое негодование, сколь и несправедливое.

При династии Стюартов положение дел стало еще более ясным: ведь тогда они сражались на стороне английских государей, которым подчинялись; и, ведя войну против врагов своего короля и страны, они не только отстаивали свое право, но и выполняли весьма почетный, а в некоторых случаях и героический долг. Тем не менее к ним снова было применено название "мятежники", и, как мы уже видели, они понесли наказание.

После полного подчинения право на возмездие своим угнетателям, даже если оно было оправдано в теории, часто оказывалось иллюзорным и необоснованным на деле из-за невозможности успешного сопротивления; а тайные ассоциации, известные под названиями "Тори", "Раппаре", "Белые мальчики", "Ленточки", за исключением первой, осуждались церковью.

Но в наше время право на восстание не может быть защищено, если, чего вряд ли можно избежать, дело католической нации связано с различными революционными обществами и заговорами, которые позорят современную Европу, угрожают обществу и все осуждены суверенным понтификом.

Обстоятельное обсуждение обоих случаев - упорного сопротивления, оказанного после падения Стюартов, и некоторых попыток обретения независимости в более поздние времена - сразу же покажет разницу между ними и не позволит мыслящим людям причислять "тори" древних времен к ярким революционерам наших дней. Мистер Прендергаст дал честный очерк первого во втором издании своего "Кромвелевского поселения".

Читатель, который ознакомится с этим интересным рассказом, сможет заметить удивительное совпадение, которое, однако, насколько нам известно, еще не было отмечено:

те же самые сцены, разыгравшиеся в Ирландии во время длительного сопротивления угнетению после падения династии Стюартов, были повторены во Франции во время правления террора и некоторое время после него во всех районах, поднявших восстание против тирании Конвента, и оба случая, безусловно, были примерами борьбы права с силой.

На самом деле, для человека, знакомого с историей насильственных изменений, которые в течение последнего столетия вызвали современные теории, метафизические системы и, прежде всего, деятельность тайных обществ, чтение истории Англии и Ирландии, начиная с Реформации, открывает новые источники интереса, показывая, как последняя ужасная судорога во Франции была просто копией первой в Англии, по крайней мере, в том, что касается средств, использованных в каждой из них, если не конечной цели.

В Англии революция была начата самим монархом с целью сделать свою власть более абсолютной и универсальной путем отказа от папского верховенства и, следовательно, уничтожения католической церкви. Во Франции революцию начали лидеры средних классов, которые использовали огромную власть, предоставленную им процветающими тогда тайными обществами, и влияние разнузданной прессы, чтобы уничтожить королевскую власть и аристократию, чтобы самим получить верховную власть и править страной. Таким образом, цель двух революций была совершенно различной, но средства, использованные для их осуществления, при детальном рассмотрении оказываются совершенно одинаковыми.

В обеих странах со стороны революционной партии или Национального собрания были наложены и приведены в исполнение различные клятвы, отправлены войска, проведены сражения, опустошительные банды разоряли страну, находящуюся в состоянии восстания, те же варварские порядки в Ла-Вендее и в Ирландии, так что даже язык, используемый во втором случае, является точным аналогом языка в первом. Решено уничтожить людей, затем власти отступают и решают изменить политику, но при этом жестко сохраняют полицейские меры, включая в обоих случаях "визиты по месту жительства", дознания комиссаров, военные суды в первом случае, революционные трибуналы во втором - и последующие массовые казни с обеих сторон. Декреты о конфискации проводились с особой жестокостью, что приводило к резким переменам в судьбе: аристократическое сословие часто доходило до нищеты, в то время как его богатством пользовались новые люди из среднего класса. Крестьяне получили очень мало пользы от революции во Франции, а в Ирландии - вообще никакой, или, скорее, наоборот. И, если вдаваться в мельчайшие подробности, во Франции, как и в Ирландии, есть те же информаторы, шпионы, отряды вооруженной полиции или авантюристы, которые охотятся, чтобы обнаружить, преследовать и уничтожить последние остатки повстанцев.

Если рассматривать религиозную сторону вопроса, то параллель будет еще более разительной, поскольку запрещенные служители культа были одной и той же веры во Франции и на Британских островах, а средства, принятые для их уничтожения, были абсолютно одинаковыми.

Со стороны повстанцев сравнение аналогичное. В обоих случаях наблюдается первый отказ подчиниться несправедливым декретам, одинаковое упорное сопротивление более строгим законодательным актам, эмиграция аристократических классов, преданность духовенства, за редким исключением, одинаковые способы сокрытия - ложные двери, ловушки, тайные шкафы, маскировка и т. д.; бегство в деревню и укрытие в лесах, пещерах, холмах или горах; а когда бремя становится невыносимым и открытое сопротивление, даже без надежды на

успех, становится неизбежным, остаются те же ресурсы, метод организации, нападение, призыв к оружию, призыв к Небесам, тот же героизм: да, и то же одобрение религии и восхищение всех благородных сердец во всем мире.

Единственное различие состоит в том, что во Франции борьба длилась всего несколько лет, а в Ирландии - столетия. Во Франции ярость революции вскоре вылилась в ужасы; в Ирландии суровость преследующей власти оставалась мрачной и спокойной на протяжении веков, добавляя указ к указу, армию к армии. Во Франции многочисленные охотники на священников и "разбойников", как их называли, процветали лишь короткое десятилетие; в Ирландии такие же охотники на священников и "тори" занимались своим позорным ремеслом более века.

В случае с последней страной конфискация была гораздо более тщательной и постоянной, а эмиграция - полной и окончательной; но в обоих случаях католическая религия пережила бурю и подняла голову более величественно, чем когда-либо, как только ее ярость утихла.

И наконец, чтобы перейти к вопросу, который сейчас требует более пристального внимания: если кампании Оуэна Ро О'Нила, Брунсвика и Сарсфилда послужили образцом для великого восстания в Вандее и Бретани, то банды "тори" и "повстанцев", рассеянные по Ирландии во времена кромвелевского поселения, послужили примером для набегов "чуанов", которые во Франции последовали за разрушенными надеждами роялистов.

Как следует рассматривать оба случая с точки зрения общих правил морали? Как они рассматривались в то время религиозными и совестливыми людьми?

Несомненно, тори в Ирландии и шуаны во Франции совершали злодеяния, которые каждый христианин должен осудить; но можно также не сомневаться, что те из них, кто не был обезумевшим от страсти, но позволил своим врожденным религиозным чувствам говорить даже в те ужасные времена, были удержаны либо собственной совестью, либо советом Божьих людей, с которыми они советовались, от совершения многих преступлений, которые иначе могли бы стать результатом их несчастного положения. Все это, однако, сводится к рассмотрению отдельных случаев, которые здесь не могут быть приняты во внимание.

Единственный вопрос, который нас интересует, - это дело тори и чоуанцев в целом. С самого начала это было явно отчаянное дело, и, если признать, что побудивший его мотив был великодушным, благородным и достойным похвалы, то от его отстаивания нельзя было ожидать ничего, кроме накопленных бедствий и еще больших несчастий. Таким образом, при абстрактном рассмотрении ни в том, ни в другом случае религия не может высказаться положительно.

Но если беспристрастный и справедливый человек примет во внимание все обстоятельства обоих случаев, особенно того, который был представлен в Ирландии, в изложении мистера Прендергаста, с учетом всей вопиющей несправедливости, зверских процессов и варварской жестокости противной стороны, кто осмелится сказать, что люди, доведенные до безумия таким накоплением страданий и пыток, действительно несут ответственность перед Богом за все последствия, вытекающие из их жалкого положения?

Говоря словами автора "Кромвелевского поселения": "Разве они не имели права жить на своей земле? Разве они были обязаны по совести отправиться в чужую страну с неизгладимым клеймом, оставленным на них жестоким и изначально нелегитимным правительством?" И если простой акт пребывания в своей стране, на который они, несомненно, имели право, вынуждал их жить как преступники и вести хищническую войну, в

иных обстоятельствах неоправданную, но в данных обстоятельствах единственно возможную для них, кому можно приписать эту вину? Неужели их следует сурово судить как преступников и преступниц, достойных лишь жалкого конца, на который все они рано или поздно были обречены? Неужели все упреки и оскорбления должны быть вылиты на них и ни капли не достаться тем, кто сделал их такими, какими они были? Кто из нас может сказать, что, оказавшись в таком же положении, он не считал бы жизнь, которую они вели, и неизбежную смерть, с которой они столкнулись, единственным путем долга и чести?

Мы глубоко убеждены, что первые ирландские "тори" считали себя вправе мстить за обиды Ирландии, считать себя истинными патриотами и героическими защитниками своей страны, и что многие жившие тогда честные и совестливые люди были с ними согласны. И народ, который всегда вставал на их сторону и помогал им, в конце концов, безусловно, имел право на свое мнение как единственный истинный представитель страны, оставшийся в те злополучные времена.

До сих пор мы рассматривали право на сопротивление со стороны старых "Тори"; теперь мы переходим к тому, что называется вторым случаем - право на восстание, отстаиваемое современными революционерами, в основном связанное с незаконными организациями, столь широко распространенными в наши дни. Это, действительно, великая обманчивая надежда сегодняшнего дня, которую необходимо рассмотреть более подробно, чтобы показать, что Ирландия, вместо того чтобы поощрять среди своих детей малейшую привязанность к современному революционному духу, должна настаивать на том, чтобы все они, если верны благородным принципам своих предков, противостояли ему, как, собственно, и противостоит ему большая масса нации, упорно, хотя он встречает почти постоянную поддержку Англии, которая распространяет его в угоду своим собственным целям. Надежда Ирландии должна исходить из другого источника.

Давайте посмотрим на происхождение и природу этого революционного духа, столь отличного от законного права на сопротивление, которое всегда отстаивали великие католические богословы.

Природа этого духа заключается в том, чтобы производить насильственные изменения в правительстве и обществе с помощью насильственных средств; и он зародился в том, чтобы сначала ослабить, а затем уничтожить власть пап над христианством. По обеим этим интересным темам необходимо сказать всего два слова - слова, которые, как мы надеемся, будут ясны и убедительны.

Само слово "революционер" означает насилие, и его так понимают все, кто использует это слово, зная его значение. Революционные действия в государстве - это действия, которые не санкционированы ни законом, ни конституцией, но быстро осуществляются с любой целью. В различных революциях современности всегда применялось насилие, и, когда говорят о мирной революции, сразу понятно, что этот термин не используется в его обычном значении.

В этом вопросе, вероятно, все согласны, и, следовательно, нет необходимости в дальнейших объяснениях. С другой стороны, многие будут склонны оспаривать второе утверждение, и поэтому необходимо показать его неоспоримую истинность.

То, что положение, занимаемое папами во главе христианства на протяжении многих веков, имело огромное влияние и что именно им, по сути, обязано существование европейского государства, известного как христианство, признается теперь почти всеми, с тех пор как миру были представлены исследования ученых и кропотливых историков, как протестантов,

так и католиков. Но была ли у пап какая-то определенная линия политики, и отдавали ли они предпочтение одному типу правления больше, чем другому? Это очень справедливый вопрос, заслуживающий внимания.

Любой вид правительства хорош только в зависимости от обстоятельств народа, который ему подчиняется. То, что может подойти одному народу, не принесет счастья другому, и демократическое, аристократическое или монархическое правительства имеют каждый свое применение, так что ни одно из них не может быть осуждено или одобрено абсолютно. Никто и никогда не сможет доказать, что римские понтифики придерживались какой-то исключительной теории в этом вопросе и проводили жесткую политику, от которой не отступали.

Но позитивной линии политики они все же придерживались, а именно: обеспечение стабильности общества путем обеспечения стабильности правительств.

Тот, кто читает жизнь Григория VII рядом с жизнью Вильгельма Завоевателя, сначала удивляется тому, что Гильдебранд, который, хотя еще не был папой, уже имел влияние в советах папства, благоволил к нормандскому королю, хотя Вильгельм в итоге оказался далеко не благодарным. Но когда читатель задается вопросом, что могло подвигнуть великого монаха на такую линию поведения, он обнаруживает, что в основе лежал глубокий политический мотив, который проливает свет на политику пап и историю Европы в средние века. Гильдебранд убежден, что Вильгельм Нормандский обладает истинным наследственным правом на корону Англии, а политика римских пап уже тогда была направлена в пользу наследственного права в королевствах, чтобы таким образом обеспечить стабильность династий, а значит, и самого общества.

Гарольд, сын Годвина, никак не принадлежал к королевскому роду англосаксонских королей. Герцоги Нормандии заключали брачные союзы с англосаксонскими монархами и считались более близкими родственниками Эдуарда Исповедника, чем Гарольд, чей единственный титул достался ему от сестры.

Каково было состояние Европы до этого времени? Со времени основания и обращения северных рас постоянная смена правителей, постоянное перемещение территориальных границ и, следовательно, бесконечные нарушения всего, что обеспечивает стабильность прав, были распространены повсюду: в Англии при гептархии, во Франции при Карловингах, в различных государствах Германии, везде, за исключением, пожалуй, части Италии, где из муниципальных коммун возникали небольшие республики, лучше приспособленные к нуждам народа.

Великое зло тех времен было вызвано этими вечными изменениями, которые все происходили от неопределенных прав наследования власти, оставленных Карлом Великим; яркое доказательство того, что монарх может быть человеком гения, великим и приемлемым правителем, и все же не видеть последствий для будущих времен того наследия, которое он оставляет им в незавершенных институтах своего собственного времени. Хорошо сказал Боссюэ, что "человеческой мудрости всегда чего-то не хватает".

Эти быстрые и, на наш взгляд, удивительные расчленения империй и королевств; эти рыхлые и неопределенные правила наследования в Германии, Франции, Англии и других странах; революции, происходившие после смерти каждого государя, а зачастую и во время его правления, показали папам, что наследственные права должны быть четкими и фиксированными и ограничиваться одним человеком в каждой нации. С этого периода начинается длинная череда Капетингов во Франции, Плантагенетов в Англии; в то время как

права подобного рода вводятся в Испании и Португалии, а также в различных государствах Северной Германии или Скандинавии, Южной Италии или нормандской Сицилии - остальные части Италии и Германии ставятся на другую основу, империя и папство являются выборными.

Такова была великая политика пап, начатая Гильдебрандом и проявившаяся во всех своих сильных чертах в то же время под его могущественным влиянием. Такова была политика, обеспечившая стабильность Европы на протяжении шестисот лет; совокупность взглядов, которым здесь можно посвятить лишь одно слово, но на которые не хватит и тома.

Вследствие этого на протяжении шестисот лет династии редко сменялись, территориальные границы каждого большого раздела Европы оставались в целом устоявшимися, а в обществе установился такой порядок, что любой отец семейства мог быть уверен в состоянии своих детей и внуков после него.

В этом отношении, как и во многих других, папство было ключевым камнем христианства.

Но как только протестантизм стал оспаривать не только временное, но и духовное верховенство пап; Когда, воспользовавшись бедами Церкви, так называемые католические государи, притворяясь, что воздают все почести духовному верховенству понтификов, отказались признать за ними право возвышать свой предостерегающий голос и призывать властителей мира к повиновению великим и неизменным законам религии и справедливости, тогда давно установленная стабильность Европы начала рушиться, а на всем континенте началась долгая эпоха революции, которая еще в полном ходу и пока еще далека от своих последних последствий.

Англия, наиболее виновная, первой ощутила на себе последствия потрясения. Тюдоры льстили себе, что, сбросив то, что они называли римским игом, они значительно увеличили свою власть, и так было до поры до времени, в то время как династия, пришедшая им на смену, видит, как торжествует восстание, а голова короля падает под топором палача.

Тем не менее, говорят, что она выиграла от своей великой революции и последующего прихода новой династии. Она, несомненно, воспела громкий триумф, и в данный момент все еще ликует от последствий своей современной политики, от мгновенного успеха новых идей, которые она распространила по всему миру, и прежде всего от того огромного распространения парламентских правительств, которые возникли повсюду под ее руководством и в основном благодаря ей.

Причина ее триумфа в том, что после нескольких лет беспорядков она, казалось, обрела некую стабильность, которая была достаточно хорошей копией старого порядка при папах, и завоевала для нее, по-видимому, признательность человечества; но эта стабильность совершенно нелогична и не может долго сохраняться. Есть старая, хотя и избитая поговорка, гласящая, что "посеешь ветер - пожнешь вихрь", и никто не может не видеть скорейшего воплощения истинности этой поговорки с ее стороны. Над полным приливом ее процветания явно надвигается мощная, неодолимая и неизбежная буря. Наконец-то она пришла почти к тому же состоянию умственной анархии, которое она с такой силой распространила в Европе. После прочтения "Лотаря", работы одного из ее великих государственных деятелей, все разумные читатели должны воскликнуть: "Вавилон! Как ты пал!" Возможно, через несколько лет от ее бывшего величия не останется ничего, кроме нескольких клочков, и люди станут свидетелями еще одного из тех ужасных примеров, когда могущественная империя падает в разгар кажущегося процветания.

Когда у нации больше нет никаких твердых принципов, когда умы ее лидеров расходятся по всем великим религиозным и моральным вопросам, когда народ открыто отрицает право немногих на власть, когда в строении, полностью возведенном на аристократии, подрывается субстрат, а демократические идеи оседают даже на вершине здания, должно произойти, как говорится, "бряцание старых костей" и сотрясение скелета того, что было телом.

Как долго, в таком случае, продержится насмешливая стабильность, установленная глубокой мудростью знаменитых государственных деятелей Англии? Век-другой ослепительного материального процветания сменится долгими веками горя, такого, что автор "Битвы при Доркинге" при всем своем воображении не нашел бы в себе сил описать; ведь ни прусская, ни какая-либо другая иностранная армия, кроме дыхания народной ярости, не приведет к этой катастрофе.

Но наша цель не в том, чтобы произносить пророчества, а в том, чтобы пересказать уже свершившиеся факты.

Англия первой ощутила толчок землетрясения, которое должно было разрушить прежнюю стабильность Европы. Известно, что Германия с тех пор была ареной непрерывных войн, смены династий и территориальной неразберихи. Каких только бед не принесли ей войны нынешнего столетия! Тем не менее, благодаря флегматичному нраву, можно сказать, упрямству большинства немцев, волнения были пока внешними, и низшие слои общества почти не были взволнованы, за исключением первого грубого взрыва протестантизма и внезапного патриотического энтузиазма молодых плебеев в 1814 году. Но обратите внимание на внезапность, с которой в 1848 году все троны Германии разом пали под одним лишь дыханием того, что называют "народом"! Почти банально говорить, что там, где больше нет религии, нет ни безопасности, ни мира. Беспристрастные путешественники, в основном американцы, заметили в последнее время, что в некоторых частях Франции, по правде говоря, очень мало религиозных чувств; в то время как во всей протестантской Германии, особенно в той, что принадлежит Пруссии, их нет вообще. Как долго, в таком случае, просуществует "новая Германская империя", о которой так громко трубили в Версале, а затем так славно прославляли в Берлине, без вмешательства какой бы то ни было религии? И как долго? Сможет ли она просуществовать до конца этого века? Был бы смелым пророком тот, кто мог бы с уверенностью сказать: "Да".

Что касается Франции, некогда самой стойкой из всех наций, столь глубоко привязанной к своей династии, насчитывающей восемьсот лет, хотя некоторые из ее королей были мало достойны истинной привязанности; многие из граждан которой родились в домах тысячелетней давности, из семей, чьи имена восходят к мраку героических времен; которая когда-то так хранила свои старые воспоминания, жила в своих преданиях, в своих былых деяниях славы, даже в памятниках, воздвигнутых в честь ее королей, ее великих полководцев, ее прославленных граждан; которая в основном была посвящена почитаемой ею религии, помня, что она родилась в день крещения Хлодвиги; что она выросла во время крестовых походов; что девственница, посланная Небом, спасла ее от чужого ига; что, достигнув зрелости, именно религия облагородила ее в первую очередь; И что ее величайшие поэты, ораторы, литераторы уважали и почитали религию как основу государства и своими бессмертными шедеврами окутывали ореолом католицизм - Францию, которая до сих пор сохраняет в своем внешнем облике что-то от прежней устойчивости и неизменности, так что для глаза незнакомца, который видит ее впервые, солидность - слово, которое естественно приходит ему на ум, и в наши дни на поверхности земли нет более зыбкого, шаткого, ненадежного места, едва ли достойного того, чтобы кочевой татарин

выбрал его в качестве места, где можно поставить палатку на ночь и поспешить прочь при первом появлении восходящего солнца назавтра. Могут ли изменчивые пески Ливии, вечно сотрясающиеся вулканические горы экваториальной Америки, быстро формирующиеся коралловые острова южных морей дать представление о том непостоянстве, постоянном возбуждении и неустанном стремлении к переменам, которые сделали Францию нарицательным словом в наши дни? Кто из ее детей может быть уверен, что дом, который он строит для себя, когда-нибудь станет жилищем его сына; что город, в котором он живет сегодня, завтра признает его членом своего сообщества? Кто может быть уверен, что конституция всего штата не изменится за ночь, и, проснувшись на следующий день, он не обнаружит себя преступником и беглецом?

Прискорбно, что за последние сто лет великая нация дошла до такого состояния незащищенности, что никто не смеет думать о будущем, хотя все отреклось от прошлого, и поэтому все сводится для них к настоящему мимолетному моменту.

И какова же может быть будущая судьба нации в сорок миллионов душ, когда их нынешнее состояние таково, и такова неопределенность их самых дорогих интересов? Они не желают покидать свою землю, ибо потеряли всякую возможность расширяться, отправляя колонии к чужим берегам; им трудно проявлять настоящий интерес к своей собственной земле, ибо великая движущая пружина интереса разрушена полным отсутствием безопасности. Пусть Бог откроет им глаза на их прежнюю глупость; ведь эта глупость была порождена ими самими! Они позволили себе полностью проникнуться революционным духом: первую революцию они приветствовали с энтузиазмом; когда они увидели, что она запятнана страшными ужасами, они приостановились на мгновение и уже готовы были признать свою ошибку; но пришли писаки и софисты, чтобы показать им, что она не была славной и счастливой только потому, что не была завершена; другая, а затем другая, и еще одна, закончат работу и сделают их великой нацией. Таким образом, они стали полностью революционным народом, и им придется смириться с последствиями, если они, наконец, не передумают.

Но худшее еще не сказано. Этот ужасный пример, вместо того чтобы послужить предостережением для наций, наоборот, втянул почти все из них в одну и ту же кипящую воронку. Англия и Франция захватили в плен весь европейский мир: люди требуют правительства, отличного от того, которое они имеют; следствием этого является революция, а с приходом революционного духа - прощай всякая стабильность и безопасность. Пусть Италия и Испания засвидетельствуют, что это не так.

И великое явление века - это собирание всех этих революционных частиц в одну компактную массу, организованное и предначертанное некими духами зла, которые станут лидерами не одного государства или нации, а всеобщей республики, охватывающей сначала Европу, а затем и весь мир. Поэтому сегодня мы слышим, как интернационалисты принимают на свои "конгрессы" депутатов не только из всех великих европейских центров, не только с обоих концов европеизированной Америки, но и из Южной Африки, из Австралии, Новой Зеландии, из стран, которые еще несколько лет назад находились в спокойном владении сравнительно небольшого числа аборигенов.

Если вернуться к тому, с чего мы начали, то именно с этим революционным духом, с этими заговорами о грядущих революциях некоторые ирландцы связывают свои надежды на возрождение своей страны. Было бы неплохо напомнить им изречение нашего Господа: "Может ли человек собрать виноград с терновника?" "По плодам их узнаете их".

Пусть ирландцы, искренне преданные своей стране, хорошо подумают о том, каких людей они хотели бы иметь в качестве союзников. Что общего у Ирландии с этими людьми? Если они вообще знают Ирландию, то ненавидят ее за католицизм; а если Ирландия знает их, то не может не доверять и не ненавидеть их.

Казалось, по указу доброго Провидения все попытки восстания с ее стороны, предпринятые в надежде на такую помощь, до сих пор не только терпели жалкие неудачи, но и позорно проваливались и пропадали втуне, оставляя лишь насмешки и презрение к зачинщикам и участникам заговоров.

Если огромная и нечестивая схема, которая, несомненно, организуется и распускает свои роковые ветви во всех направлениях, когда-нибудь увенчается успехом, это не может не привести к самому страшному деспотизму, о котором когда-либо задумывались люди. Ирландия в таком случае стала бы ничтожной частью хаотической системы, достойной Антихриста в качестве главы.

Но мы уверены, что подобная схема не может быть успешной и реализованной, если только она не войдет на короткий период в планы Бога-мстителя, который обещал не уничтожать человечество еще одним потопом, но заверил нас через святого Петра, что очистит его огнем.

Как просто замысел человека, предназначенный для возрождения человечества и создания нового, ненормального порядка вещей, он не может иметь успеха, потому что противоречит природе людей, среди которых в целом не может быть совершенного единства внешнего управления и внутренней организации, в силу бесконечного разнообразия, о котором мы говорили в начале, и которое так сильно в человеческих существах, как и в других местах. Никакая другая организация, кроме Католической Церкви, не может надеяться приспособиться ко всем человеческим расам и управлять по одним и тем же правилам всеми детьми Адама. Указ, издавна исходящий из уст Божьих, окончателен и будет действовать до тех пор, пока существует сама земля. Оно содержится в песнопении Моисея:

"Когда Всевышний разделил народы, когда разделил сынов Адама, то назначил пределы каждого народа, по числу сынов Израиля", или, как сказано в еврейском тексте, "установил пределы каждого народа". По поводу этого отрывка Абен Эзра замечает, что толкователи понимают этот текст как намек на рассеяние народов (Бытие xi.). Эти толкователи, несомненно, были правы, хотя и были всего лишь иудейскими разгильдяями.

Когда Бог лишил человека единства языка, он одновременно лишил его возможности единства институтов и правительства; и людям будет так же трудно нарушить этот замысел Провидения, как Юлиану Отступнику восстановить Иерусалимский храм, о котором наш Спаситель провозгласил, что не должно остаться "камня на камне".

Но хотя этот чудовищный замысел в конечном итоге не может увенчаться успехом, он может и будет приносить неисчислимые беды человеческому обществу. Завлекая рабочих и других людей низшего класса, она вовлекает в хитросплетения заговоров, темных проектов и всеобщего беспорядка огромное количество людей, которых революционный дух еще не коснулся или, по крайней мере, едва коснулся; она подрывает и расшатывает общество в его самых глубинах и самых широких основах, поскольку низший класс всегда был и остается самым многочисленным, включая подавляющее большинство людей. Следовательно, он делает стабильность порядка более трудной, если не абсолютно невозможной; он открывает новую эру революций, более катастрофическую, чем все известные до сих пор; Ибо, как уже было отмечено, и это следует иметь в виду, чтобы можно было увидеть весь масштаб

предстоящего зла, до сих пор все волнения в Европе, все конвульсии, которые сделали наш век столь непохожим на все предыдущие и привели к стольким бедствиям, как частным, так и общественным, были почти исключительно ограничены средними классами и должны рассматриваться только как реакция простой буржуазии против аристократического класса. Эти волнения и конвульсии - лишь необходимое следствие светской оппозиции, существовавшей с IX-X веков и сразу после них, между строго феодальным дворянством, присвоившим себе все прерогативы и права, и более многочисленным классом бюргеров, поставленным на низшую ступень социальной лестницы. Эти последние хотели не столько подняться до уровня своих начальников, сколько опустить их до своего и даже низвергнуть в бездну небытия. Им это почти удалось, и престиж благородной крови ушел в прошлое, возможно, навсегда, несмотря на известную теорию Вико. Но торжествующий бюргер, в свою очередь, видит, как тусклая масса, затерянная в темноте и неясности низшего слоя человечества, поднимается из бездны, голодная и свирепая, не желающая умиротворяться, чтобы угрожать новомодной денежной аристократии худшей участью, чем та, которую она навлекла на старое дворянство.

И, чтобы сделать перспективу еще более ужасающей, главные средства, которые так помогли буржуазии занять свое положение, а именно широко распространенное влияние тайных обществ, работа которых еще недавно поражала мир легкими и, казалось бы, необъяснимыми революциями, совершаемыми в течение нескольких дней, теперь находятся в полном распоряжении низших классов, которые, уже не грубые и неинтеллигентные, а обладающие лидерами опыта и знаний, могут также мощно работать этими могучими двигателями разрушения.

В присутствии этих прошлых, настоящих и грядущих революций лицо неба полностью омрачено, присутствие Бога абсолютно игнорируется, его права на человечество отрицаются, замыслы его Провидения открыто осмеиваются, а человек, претендующий на то, чтобы решать свою судьбу собственными усилиями, презрительно отвергая любые обязательства перед высшими силами, не взирая на помощь свыше, а принимая за руководство лишь свою притворную мудрость, свою беспредельную гордость и свои бушующие страсти, - таков теперь наш мир.

Неужели Ирландия должна пуститься в это бушующее море диких порывов, в глубинах которого таится разрушение и волны которого никогда не поцелуют мирный берег? Когда она претендовала на собственную политику и проводила ее, она мудро упорствовала в том, чтобы не впутывать себя в европейские беды, довольствуясь счастьем по-своему, на своем острове, омываемом океаном, и благодарила Бога за то, что ни одна часть ее маленькой территории не касалась ни одного из континентов Европы, тщетно тянувшихся к ее берегам. Так она и стояла, когда, подвластная Богу, была хозяйкой своей судьбы. Если она и думала о Европе, то только для того, чтобы послать ей на помощь своих миссионеров или принять иностранную молодежь в свои большие школы, которые были открыты для всех, где мудрость передавалась без ограничений и без цены. Но следовать примеру европейских теоретиков и торговцев так называемой мудростью и наукой, разрабатывать новые схемы притворного знания или пускаться вслед за смелыми искателями приключений в море современных изобретений - в этом она всегда твердо отказывалась.

И теперь, когда ее автономия почти снова в ее власти, когда она может сама определять свою судьбу, неужели она передаст руководство собой людям, которые ничего о ней не знают, слышали о ней только из сообщений ее врагов и едва ли посмотрят на нее, если она будет настолько глупа, чтобы попросить принять ее в свои ряды?

Каждый, кто желает добра Ирландии, должен благодарить Бога за то, что до сих пор лишь немногие из ее детей, если таковые вообще имеются, когда-либо участвовали в заговорах и заговорах современности, и что в этом последнем плане, о котором только что шла речь, ни один из них, вероятно, не был полностью вовлечен. В последних ужасах Парижской коммуны не удалось доказать причастность ни одного ирландского имени, а когда утверждалось обратное, простого отрицания было достаточно, чтобы поставить точку в этом вопросе. Пусть они и впредь воздерживаются от того, чтобы запятнать свою национальную честь, следуя примеру людей, с которыми у них нет ничего общего.

В конце концов, главное, чего желают ирландцы, - это, полностью владея своими правами, наслаждаться миром и безопасностью на своем собственном острове, которые они так жаждут, когда находят их на чужих берегах. Но ни мир, ни безопасность невозможны при попытке подмять под себя все человеческое общество с помощью диких и неосуществимых теорий, в которых человеческие и божественные законы в равной степени сводятся на нет. Дальнейшие слова на эту тему излишни, поскольку простой здравый смысл и глубокое религиозное чувство ирландцев легко уберегут их от подобного искушения.

И все же последнее соображение кажется достойным внимания. Когда позже мы будем излагать наши взгляды и объяснять, какими средствами, по нашему мнению, можно обеспечить счастье ирландской нации и выполнить ее миссию, представится более подходящая возможность рассказать о том, как Провидение уже провело их через прежние трудности, и рассмотрение этих святых замыслов и прошлых благодеяний позволит нам лучше понять, на что можно надеяться и к чему стремиться в будущем.

Здесь достаточно заметить, что, каких бы успехов ни добились ирландцы за последнее время в обретении определенной части своих прав, мятежи, революции, заговоры и деятельность тайных обществ, осуждаемых Церковью, совершенно пропали даром, и то немногое, чему ирландцы потворствовали, действительно стало одним из главных препятствий к пользованию тем, что они уже получили, и к обеспечению большего в будущем.

Несомненно, революции за границей и опасности внутри страны были самыми сильными побуждениями для Англии ослабить хватку и изменить свою тираническую политику в отношении Ирландии. Успех восстания североамериканских колоний был главной причиной волонтерского движения 1782 года и временно предоставленных тогда концессий. Страшные потрясения в революционной Франции, наполнившие английское сердце благотворным страхом, также послужили отличным средством для получения Ирландии уступок, чтобы с ней больше не обращались как с логовом диких зверей или гнездом преступников. Акт об эмансипации католиков в 1829 году, безусловно, был принят с учетом готовых вспыхнуть революций, одна из которых разразилась во Франции в следующем году. Но ко всем этим вспышкам народного гнева Ирландия никогда не присоединялась; и если она находила в них новую почву для надежд, если она с тревогой ожидала ожидаемого результата, обращенного в ее пользу, она никогда не принимала в них никакого активного участия. Она полагалась только на Бога, который всегда знает, как извлечь добро из зла; однако она извлекала из них пользу и видела, как ее оковы спадали сами собой, а сама она шаг за шагом возвращалась к свободе.

Но как только какая-нибудь группа ирландцев вступала в подобную схему, подражая тайным замыслам и деяниям европейских революционеров, Ирландия не получала ни одного дюйма земли и не извлекала ни малейшей выгоды из таких попыток. Напротив, насмешки, презрение, увеличение бремени, наказания и суровое обращение были единственным

результатом, к которому они когда-либо приводили, и, что хуже всего, никто не жалел жертв всех этих глупых предприятий. Нет необходимости вдаваться в подробности. Первая из этих попыток давно провалилась, последняя до сих пор на слуху, и нельзя сказать, что она относится к прошлой истории.

ГЛАВА XIV.

ВОСКРЕШЕНИЕ - ЭМИГРАЦИЯ.

На взгляд внимательного наблюдателя, Ирландия сегодня имеет вид нации, вступающей на новый путь. Она выходит из долгой тьмы и вновь открывается свободному свету небес. Тот, кто сравнивает ее нынешнее положение с тем, которое она занимала столетие назад, не может не поразиться не только переменам в ней самой, но и тем силам, которые привели к этим переменам. А если к этому добавить еще и то, что она все еще молода, хотя и происходит от столь древнего происхождения - молода в чувствах, в жизнелюбии, в стремлениях, в чистоте и простоте, - то напрашивается вывод, что ее ожидает высокая судьба и что Бог предлагает древнему народу, который только сейчас начинает жить, долгую эру процветания и активной жизни.

В таких случаях, будь то народ или отдельный человек, вступающий в свою жизнь, всегда можно найти толпы советников, готовых проявить свою мудрость и изложить планы, принятие которых непременно принесет процветание и счастье человеку или народу, о котором идет речь.

Ирландия сегодня не испытывает недостатка в мудрых советчиках и горячих доброжелателях. К сожалению, их различные проекты не всегда согласуются между собой; более того, иногда они противоречат друг другу, и, поскольку их число отнюдь не мало, единственная трудность заключается в том, где выбрать, по какой дороге должна идти нация, чтобы двигаться в правильном направлении.

Приступая к этой части нашей работы, где нам приходится иметь дело с актуальными вопросами дня и если не составлять гороскоп будущего, то хотя бы высказывать свои идеи по повышению благосостояния нации, мы окажемся в том же каталоге советников, полностью убежденные, как и остальные, что наш совет правильный, наш голос единственный, достойный внимания.

Наша цель гораздо скромнее; наши размышления принимают другую форму; мы просто говорим

За последние сто лет Ирландия сильно изменилась к лучшему; и хотя старые раны еще не совсем зажили, хотя они все еще болят, хотя она все еще бедна и удручена, а ее испытания и несчастья далеки от завершения; тем не менее, несмотря на тяжелые испытания, Провидение было благосклонно к ней. Многие ее права были восстановлены, и она больше не является рабыней жестоких наставников. Когда она теперь говорит, ее голос больше не встречает насмешек и издевок, а вызывает благоговение, сродни уважению; ее враги, кажется, инстинктивно чувствуют, что это голос нации, которую больше нельзя презирать.

Этот факт неоспорим, и мы убеждены, что ее улучшившееся состояние в основном, а может быть, и исключительно, обусловлено Провидением; и что карьера, в которую она вступила и которую она теперь продолжает с ясной решимостью, была намечена, разработана и уже частично осуществлена под руководством того Бога, за которого она одна страдала и который никогда не перестает в свое время осушать слезы, пролитые ради него, и увенчивать своих мучеников победой.

Наша задача - лишь изучить достигнутый прогресс, способ его достижения, направление, в котором он движется, с целью, если возможно, ускорить его. У нас нет нового плана, который мы могли бы предложить, нет безвозмездного совета, который мы могли бы дать. План уже набросан - Бог набросал его; и наша единственная цель - увидеть, как человек может сотрудничать с замыслами, гораздо более высокими, чем все, что предлагает человеческая мудрость.

Первое, что поражает нас, стоящих на пороге этой новой области, неярко, но славно открывающейся перед нашими глазами, - это один великий факт, который очевиден для всех; который превосходит все уступки Англии Ирландии, более плодотворен счастливыми последствиями не только для самой страны, но и для всего мира; факт, который является сильнейшим доказательством жизнеспособности ирландской расы, которая теперь начинает завоевывать уважение, демонстрируя свою настоящую силу, силу, способную поразить весь мир; Которая начала слабо, когда зло страны было на пике, но продолжала постоянно увеличиваться, пока не выросла до необычайных размеров; и которая вместо того, чтобы, как их враги легкомысленно предполагали, отнять Ирландию у ирландцев, сделала их притязания на родную землю более надежными, чем когда-либо, распространив сильных сторонников их прав по всему миру. Этот великий факт - эмиграция.

В данный момент ирландцы рассеяны по всей земле. Во многих регионах они многочисленны и образуют компактные группы. Где бы это ни происходило, они обретают реальную власть в стране, которую сделали своим новым домом. Эта власть, безусловно, предназначена Всемогущим Богом для разумного, осмотрительного, но активного и энергичного использования; не только на благо тех, кто был пересажен на новую почву, но и на благо родной страны, которую они не могут, если захотят, забыть. Как они могут использовать для этой цели недавно приобретенную власть, богатство, влияние, уважение, которыми они пользуются в своей новой стране? Какую пользу может принести такой курс стране их родины и происхождения? Это важные вопросы; они не являются воздушными теориями, а четко вытекают из постоянного и грандиозного факта. Обращение их силы экспансии к ее правильному использованию, воспроизведение с христианской целью той старой силы экспансии, которая была свойственна кельтской расе три тысячи лет назад, - вот что мы называем первым истинным вопросом ирландского вопроса: эмиграция и ее возможные последствия.

Для того чтобы с должным пониманием судить о перспективных последствиях ирландской эмиграции, необходимо изучить этот факт во всех его аспектах; рассмотреть происхождение и различные фазы этого могущественного движения, религиозное направление, которое оно неизменно принимало, непосредственное благо, которое оно принесло, и особое рассмотрение огромных пропорций, которые оно в итоге приняло. Задача эта может быть долгой, но, несомненно, важной и интересной; и только после того, как все детали ее будут тщательно просеяны, можно будет правильно судить о той помощи, которую она уже оказала и которую ей суждено оказать в еще большей степени восстанию нации.

Это движение зародилось вместе с Реформацией. Оно началось с бегства нескольких дворян в царствование Генриха VIII; их число увеличилось при Елизавете и еще более возросло при Якове I; но гораздо большее число, достаточное для весьма ощутимого уменьшения населения страны, было обречено на изгнание Кромвелем и Долгим парламентом. Тогда это стало обязательным изгнанием.

Следующее масштабное движение произошло после сдачи Килкенни, когда ирландские командиры, полковник Фицпатрик, Кланрикард и другие, не смогли добиться лучших

условий, чем эмиграция в любую иностранную страну, находившуюся в то время в мире с Англией. Ирландские войска охотно принимались различными европейскими монархами, настолько высоко ценились их услуги. Число покинувших родную землю, многие из которых так и не вернулись, составило, по словам осведомленных писателей, сорок тысяч человек, большинство из которых были благородных кровей, многие из первой знати страны, и почти все дети старой расы. Подробности этого первого исхода можно найти на страницах многих современных авторов, особенно в книге мистера Прендергаста "Кромвелевское поселение".

Приведенному примеру последовали во многих случаях. Лимерикский договор от 3 октября 1691 года предоставил гарнизону под Саарсфилдом свободу присоединиться к армии короля Вильгельма или перейти на службу Франции. Мистер А.М. О'Салливан сделал захватывающий очерк о том, как героический гарнизон делал свой выбор, покидая город:

"Утром 5 октября ирландские полки должны были сделать выбор между пожизненным изгнанием и службой в войсках своего завоевателя. На каждом конце пологого возвышения за пригородом были установлены с одной стороны королевский штандарт Франции, а с другой - Англии. Было решено, что полки, выходя со всеми воинскими почестями, с бьющими барабанами, развевающимися знаменами и зажженными спичками, должны, достигнув места, повернуть влево или вправо под тем флагом, под которым они решили служить. Во главе ирландцев маршировали пешие гвардейцы, самый лучший полк на службе, насчитывающий четырнадцать сотен человек. Все взгляды были прикованы к этому великолепному строю. Они шли, затаив дыхание, в напряженном ожидании; ведь и английский, и ирландский генералы прекрасно понимали, что выбор первого полка окажет сильное влияние на все остальные. Гвардейцы промаршировали к решающему месту и всем корпусом перешли под знамена Франции, едва семь человек переметнулись на английскую сторону! Гинкл, как нам рассказывают, был сильно взволнован, наблюдая за происходящим. Однако следующий полк (полк лорда Ивеага) так же единодушно перешел под знамена вильямитов, как и части двух других. Но основная часть ирландской армии дефилировала под флер-де-лиз короля Людовика, лишь тысяча сорок шесть человек из почти четырнадцати тысяч предпочли службу Англии".

С тех пор большое количество ирландских дворян и джентри продолжало поступать на службу под французскими, испанскими или австрийскими знаменами, а несколько ирландских бригад прославились по всей Европе до конца восемнадцатого века. Аббат МакГеоган утверждает, что только в армиях Франции погибло шестьсот тысяч ирландцев. Аббат, как правило, очень точен, и благодаря его долгому проживанию во Франции в его распоряжении были все средства для установления истины. Некоторые утверждают, что на иностранную службу поступило вдвое больше. Нет сомнений, что в общей сложности миллион человек покинули остров, чтобы служить под знаменами католических государей, и нет нужды останавливаться на храбрости и преданности тех людей, которых преследования неразумного и жестокого протестантского правительства изгнали из Ирландии в восемнадцатом веке - нет нужды останавливаться на этом, ибо история известна всему миру.

Не останавливаясь на судьбах ирландских бригад, история одной из которых, служившей Франции, изложена в очень интересном и ценном повествовании Джона Р. О'Каллагана, их различных судьбах и окончательном распаде при разрыве Французской республики, когда английское правительство с радостью приняло обратно ее разрозненные остатки, следует задать вопрос, имеющий самое непосредственное отношение к нашей теме: Чем занимались эти ирландцы на континенте, когда не были заняты на войне? Какую пользу принесло их добровольное или принудительное изгнание родной стране? Была ли эта

длительная столетняя эмиграция чем-то полезным, из чего Провидение могло извлечь благо?

Первый отъезд нескольких человек под предводительством Хью О'Нила и Хью О'Доннела уже разнес имя Ирландии по Испании, Италии и Бельгии. Донесения многочисленных английских шпионов, нанятых, чтобы следить за их шагами и передвижениями, донесения, некоторые из которых в конце концов стали известны, убедительно доказывают, что большинство изгнанников занимали почетные должности в Испании и Португалии, в Вальядолиде и Лиссабоне, где жили О'Салливаны и О'Дрисколлы; при самом дворе Испании или в испанском флоте, как Бурке и Каванаги.

Во Фландрии, под властью австрийских эрцгерцогов, находились Макшаны на Гройне, Дэниеллы в Антверпене; потомство самих графов и их прежней свиты. Все они имели чины в австрийской армии и даже в мирное время были заняты размышлениями о возможных связях, в которых они могли бы послужить своей стране, в то время как они сделали ирландское имя почитаемым и уважаемым по всей этой богатой земле. В Италии, в Неаполе, Ливорно, Флоренции и Риме, великих центрах полуострова, происходило то же самое, и там, по крайней мере, клевета, повсюду так усердно распространяемая об Ирландии, не могла проникнуть, а если и проникала, то лишь для того, чтобы быть принятой с презрением.

Но когда следующая эмиграция, в конце кромвелевской и вильгельмовской войн, высадила сорок тысяч солдат и еще двенадцать тысяч через несколько лет после этого на европейском континенте, эти вооруженные люди своей храбростью, глубокой привязанностью к своей религии, безупречной честью и благородством доказали всем народам, что народ, из которого их изгнала преследующая власть, не может состоять из разбойников и жаждущих крови головорезов, какими их выставляют слухи их врагов. Какой поразительный и постоянный эффект должен был произвести на беспристрастные умы контраст между реальным положением дел и низменными измышлениями искусно распространяемых слухов!

Не забывают, что эти люди основали семьи в тех странах, где они поселились, как и те, кто продолжал стекаться туда в течение всего восемнадцатого века. Они несли с собой, даже в самих своих лицах, историю несчастий Ирландии, и одного их вида было достаточно, чтобы заинтересовать всех, с кем они вступали в контакт, в пользу своей страны. Отсюда уважение и симпатия, которые Ирландия и ее народ всегда встречали во Франции, где клевета и насмешки в их адрес никогда не могли найти входа.

Было бы большой ошибкой считать, что их можно было встретить только в лагере или в гарнизонах городов. В своей новой стране они обрели дом, а их дети вошли во все сферы жизни, открытые для граждан страны, в которой они проживали. Таким образом, по крайней мере, имя Ирландии не угасло полностью в ту эпоху мрака, когда родной остров был лишь тюрьмой для расы, где она была закована в цепь жалких страданий, скрыта от глаз всего мира, а жизнь ее была задрана в глубоком подземелье забвения.

Во всех почетных профессиях они отличились - и в церкви, и в торговле, и в армии. Так, если говорить только о Франции, ирландец Эджворт был выбран Людовиком XVI, чтобы подготовить его к смерти и поддержать во время последнего испытания бесчестьем; другой - Лалли Толлендал - отвоевал бы Индию у Англии, если бы его пылкий темперамент не навлек на него врагов там, где он должен был встретить друзей; еще один - Уолш - во время американской войны использовал богатство, приобретенное торговлей, для отправки крейсеров против англичан в американские воды.

Потребуется много страниц, чтобы описать, что эти благородные изгнанники совершили на благо своей страны и религии, не считая героизма, проявленного ими на полях сражений, и верности принципам в мирное время. Само их присутствие в чужих странах было, пожалуй, лучшим протестом против порабощения своих. Своим поведением они показывали, что не обязаны хранить верность Англии и что грубая сила никогда не сможет установить правоту. Отождествляя себя с народами, предложившими им гостеприимство и новое право гражданства, они доказали всему миру, что их родным островом могут управлять местные граждане. Их благородное поведение и успешная деятельность во всех сферах жизни показали, что, как они способны управлять собой, так же они могут претендовать на самоуправление для своей страны.

Моральное состояние Франции в XVIII веке и глубины разврата, в которые за столь короткий срок погрузилось высшее сословие, известны всем. К чести ирландской знати и дворянства, проживавших тогда во Франции, ни одного ирландского имени не встретишь в длинном списке благородных фамилий, опозоривших эту страницу французской истории. Их можно было встретить не в роскошных салонах и дворцах Людовика XV, а на полях сражений при Деттингене и Фонтенуа. Это был шотландец Лоу, который заразил высшие круги туземцев яростью к спекуляциям и глупостью игры на бумаге. Это был итальянец Калиостро, торговавший суеверным доверием людей, потерявших веру. Англичанин лорд Дервентуотер и другой шотландец Рамзи, которые, введя первую масонскую ложу во Франции, открыли шлюзы будущих революций.

Среди людей иностранного происхождения во Франции не нашлось ни одного ирландца, который бы внес свой вклад в развращение нации и помог бы положить начало той долгой эпохе горя, которая еще не закончилась.

И нет нужды добавлять, что ни один из них не упоминается среди тех, кто так активно распространял свойственную той эпохе широкую неверность. Если некоторые из них и разделяли в какой-то степени общее заблуждение и вместе с огромной толпой участвовали в безумных насмешках, столь модных тогда над всем святым, то их число было невелико, и никто из них не приобрел в этой своеобразной линии той известности, которая увенчала столь многих других. -Гриммы, Галлиани, а позже Пейны, Клуты и другие иностранцы.

В целом ирландцы оставались верны Церкви своих отцов, почитая ее своим поведением и уважительным отношением к святым именам и святыням. В конце концов им, как и всем французам, пришлось разделить несчастья, вызванные подрывом всех прежних руководящих принципов; но, хотя они и разделили наказание, они не принимали участия в великих причинах, которые его вызвали.

Этих нескольких слов будет достаточно для описания эмиграции ирландского дворянства и ее последствий для иностранных государств, а также для самой Ирландии.

Но вместе с теми, о ком мы только что говорили, на континент эмигрировало и другое сословие дворян: епископы, священники, монахи и ученые мужи. Англия не потерпела бы католического духовенства в Ирландии; она особенно тщательно следила за тем, чтобы ирландская молодежь не получала никакого, кроме протестантского, образования. Ирландские священнослужители были вынуждены уезжать и открывать учебные дома за границей. Их различные колледжи в Испании, Франции, Бельгии и Италии хорошо известны; о них уже упоминалось, и нет необходимости расширять эту тему. Но, хотя уже упоминалось о славе, которую приобрели ирландцы, проживавшие в то время на континенте, уместно вновь рассказать о них в их роли эмигрантов.

Они взяли на себя благородную задачу сделать литературу и историю своего народа известной всем людям; и таким образом они сохранили богатую литературу, которая в противном случае должна была бы погибнуть.

Каково было их положение на континенте? Они были изгнаны гонениями из своей страны, иногда в составе отрядов изгнанников, чтобы быть выброшенными на какой-нибудь отдаленный берег; иногда, спасаясь поодиночке и маскируясь, они уходили в одиночку, чтобы закончить свою жизнь под чужим небом. Позади они оставляли опустевший остров; их друзья склонялись в страданиях, их враги торжествовали и были в полной силе. Монастыри, где они провели свои самые счастливые дни, были либо разрушены, либо обращены в гнусное использование; их церкви осквернены; ересь господствует на земле, истина вынуждена молчать. Все ужасающие подробности, описанные "Пророком плача", можно было бы применить к их любимой стране.

Правда, они могли найти мир и покой среди тех, кто предлагал им свое гостеприимство; по крайней мере, поклонение Богу там было свободным и беспрепятственным. Но это не было местом их рождения, где они получили свое первое образование; это не было миссией, возложенной на них, когда они посвятили свою жизнь Богу. Им предстояло говорить на другом языке, видеть вокруг себя другие нравы, начать жизнь заново, возможно, в старости. Какой контраст с их прежними надеждами! Какое печальное завершение последних дней их жизни!

Тем не менее они могли быть полезны своим соотечественникам. Теперь им не предстояло обращать Европу и проповедовать христианство варварским племенам, как это делали их предки в древности. Мир, принявший их, томился от избытка утонченной цивилизации; в него проникла коррупция и быстро разрушала его, и они едва ли могли надеяться удержать его от падения. Но, по крайней мере, они могли бы открыть дома для приема молодежи своей страны, где они могли бы получить образование в соответствии с учением истинной Церкви, в котором им было отказано на родине. Поэтому они отправились в Саламанку, в Вальядолид, в Париж, Лувен, Дюэ, Реймс, Рим, везде, где была надежда или возможность направить ирландскую молодежь по пути истинного благочестия и образования.

Труды, которым они посвятили себя, хотя и неизвестны потомкам, были очень полезны в то время. Они видели, как под их опекой росли воспитанные ими юноши; по окончании обучения они отправляли их на служение среди своих соотечественников; время от времени они слышали об их трудной жизни, опасностях, которым они подвергались, многочисленных гонениях, заключении в тюрьму, когда их захватывали, осуждении, часто пытках и мученической смерти. Таким образом, благодаря усилиям этих монахов и священников-эмигрантов в Ирландии проповедовалось истинное Евангелие, а вера народа оставалась живой и сильной.

Некоторые из них избрали другой путь и посвятили остаток своих дней литературному труду, который осыпал их гонимую страну ореолом бессмертной славы.

Некоторые францисканские монахи (двое из них - братья О'Клири) уже начали эту работу на самом острове, когда были изгнаны из своих тихих домов, чтобы укрыться в безвестных "конвентах", то есть заштатных фермерских домах, о которых уже говорилось, где их принимали и прятали от мира. Литература Ирландии быстро погибала; ярость врагов была направлена против их книг так же яростно, как против их домов и церквей. Драгоценные манускрипты каждый день предавались огню и безжалостно уничтожались, казалось, ради одного лишь удовольствия от разрушения. Несколько лет хватило бы, чтобы сделать прежнюю историю страны совершенно пустой. Ни в одном месте на земле не было написано

и хранилось столько интересных книг, но вскоре на острове не осталось ни монахов, которые могли бы их сохранить, ни библиотеки, которая могла бы их содержать, ни кого-либо, кто мог бы хоть немного о них позаботиться. Братья О'Клири с ужасом увидели это, и вместе с двумя спутниками они стали известны как "Четыре мастера". Они привлекли к своей работе верных ирландцев, которые еще сохранили в собственности ферму или хижину с несколькими акрами земли; мужчины и даже женщины должны были обыскать всю страну в поисках каждого спрятанного или сохраненного тома, каждого пергамента и реликвии, пергаментных рукописей, даже бродячей одинокой страницы, если таковая оставалась одна. Так литературный патриотизм бедных и безвестных крестьян спас летописи Ирландии. Все, что осталось от ирландских преданий, было собрано в сельском монастыре О'Клири, и в нем разгорелось пламя, которое продолжалось весь семнадцатый век.

К этой инициативе следует отнести последующие труды Уорда, Колгана, Линча и других; поистине геркулесовы труды, которые позволили антикварам наших дней возобновить нить, так близко оборвавшуюся, той длинной и запутанной паутины истории, в которой соткано все, что может заинтересовать патриота и христианина острова.

Зная, в каком положении оказались авторы, поражаешься тому, что они написали. Их перья были посвящены не фантазии: Сильное, чувствующее сердце и активное воображение, безусловно, были у них; но ни то, ни другое не помогло бы им в неблагодарном деле сбора рукописей, их классификации, прочтения, установления их возраста и подлинности и, наконец, использования их для сохранения летописей и жизнеописаний нации.

Большие библиотеки, которые они находили в разных городах, принимавших их, были им мало полезны. Сначала им пришлось собирать собственные библиотеки, вызывать авторитетов из дальних стран; многие книги нужно было достать в самой Ирландии. С какими предосторожностями! Это была настоящая (хотя и законная) контрабанда, ведь вывоз ирландских книг был не только под тарифом, но и строго запрещен; один только вид их был более ненавистен британскому таможеннику тех дней, чем вид распятия японскому чиновнику из Нагасаки. Было бы интересно узнать о различных уловках, придуманных для их сокрытия, утаивания и триумфальной доставки в Лувен, Париж или Рим.

Но Ирландия была не единственным хранилищем ирландских книг. Множество писем, официальных документов, копий старых MSS, интересных реликвий древности было собрано за много веков до этого и в течение всего прошедшего времени в монастырях, церквях, учебных заведениях на континенте, главным образом вдоль Рейна. Говорят, что и по сей день по обе стороны великой немецкой реки разбросаны богатейшие копи еще не изученных знаний такого рода. Частые передвижения различных армий, осады городов, ужасы войны, которые постоянно бушевали там со времен Арминия и Варро, не уничтожили всех вещей, не исчерпали богатых запасов ирландских рукописей, которые там скрыты. Но сколько труда нужно затратить на то, чтобы открыть эти заплесневелые страницы, рассыпающиеся между пальцами и оставляющие в руке лишь неразборчивые обрывки полуистлевшего пергамента; сколько труда нужно затратить на то, чтобы расшифровать их, выяснить, о чем в них говорится и могут ли они оказаться полезными для поставленных целей.

Нет необходимости останавливаться на этой теме. Невозможно составить истинное представление о литературных трудах этих людей, не увидев и не просмотрев их огромные фолианты, многие из которых еще не были опубликованы. Бедняга Колган смог дать нам не более чем свое "Испытание Тауматурги", да и тому суждено было стать лишь порталом здания, которое он задумал воздвигнуть как святыню для памяти всего сонма святых, возвращенных на острове - Acta Sanctorum Hiberniae.

Грандиозная идея, впервые зародившаяся в умах этих людей, впоследствии при более благоприятных обстоятельствах развилась в других. Не они ли подсказали Болландусу и его товарищам ту мысль, воплощение которой обессмертило их?

Подобными задачами занимались ирландские монахи-эмигранты того времени.

Был еще один класс невольных ирландских изгнанников, отправленных на "плантации" Америки, на 11 табачных и 11 сахарных островов, в Виргинию и на Ямайку, но главным образом на Барбадос. Происхождение этого нового вида эмиграции, о котором уже говорилось, достойно времени и людей, которые его вызвали.

После того как Кромвель разрешил или, скорее, заставил сорок тысяч солдат поступить на службу в иностранные армии, выяснилось, что многие из них оставили после себя жен и детей. Что было делать с этими "вдовами", чьи мужья и многочисленное потомство были еще живы? Их нельзя было отправить в Кофф, так как от женщин с детьми нельзя было ожидать "засева" этой пустынной провинции; нельзя было ожидать, что они будут "засевать" эту пустынную провинцию; нельзя было позволить им остаться в родных местах, так как вышел указ, что все ирландцы должны быть "пересажены" или перевезены: было бы неудобно и непростительно сделать то, что так часто делалось на войне - хладнокровно расправиться с ними, когда война закончилась.

Чтобы избавить правительство от этой трудности, бристольские купцы и, вероятно, купцы из других английских городов, торговавшие с новыми британскими колониями в Северной Америке, решили, что это провиденциальная возможность получить большую прибыль для почв бедствующих ирландских женщин и детей и, возможно, в то же время пополнить свои собственные кошельки и кошельки своих друзей, вест-индских плантаторов.

Только при Елизавете постоянные колонии были отправлены из Англии на континент и острова Нового Света. Кавалеры Вирджинии так же хорошо известны на Юге, как пуритане Новой Англии на Севере. Эта последняя колония возникла только во времена династии Стюартов. Большим вопросом для всех этих трансатлантических поселений была проблема рабочей силы; но на Юге она решалась труднее, чем на Севере, где европейцы могли работать на полях, что едва ли было возможно в тропиках. Туземцы, как мы знаем, впервые были наняты испанцами на юге, и вскоре уступили требованиям европейской жадности.

В Вест-Индии существовали туземцы двух разных рас: мягкие и нежные индейцы Хайти и Кубы и свирепые карибы многих других островов. Первая раса вскоре исчезла, другая же продолжала упорно сопротивляться, предпочитая скорее погибнуть, чем трудиться, и некоторые ее остатки до сих пор сохранились, спасенные католической церковью. Пока африканские негры не были завезены туда в достаточном количестве.

Блестящая мысль посетила умы, одновременно благочестивые, деятельные и деловые, вышеупомянутых бристольских купцов - мысль, которая стала гибелью тысяч ирландских женщин и детей.

Имена нескольких бристольских фирм заслуживают того, чтобы их перечислить. Это господа Джеймс Селлик и Лидер, Роберт Йоманс, Джозеф Лоуренс, Дадли Норт и Джон Джонсон, которых приводит мистер Прендергаст, рассказывая, что...

"Комиссары Ирландии при Кромвеле отдавали приказы начальникам гарнизонов доставлять им военнопленных... ..хозяевам работных домов, чтобы они передавали им обездоленных, находящихся на их попечении, "достигших возраста, позволяющего трудиться", или, если женщины, то "пригодных для брака и не потерявших способности к размножению"; и дали

указания всем, кто имеет власть, захватывать тех, у кого нет видимых средств к существованию, и доставлять их этим агентам бристольских купцов; во исполнение этих последних указаний Ирландия должна была во всех частях представлять сцены, подобные охоте на рабов в Африке."

14 сентября 1653 года был подписан контракт между ирландскими миссионерами Ком и господами Селликом и Лидером "на поставку им (купцам) двухсот пятидесяти женщин ирландской нации, старше двенадцати лет и моложе сорока пяти лет".

Можно себе представить, какая участь ожидала человеческий скот, как на него смотрели благочестивые джентльмены, торговавшие за него. Подсчитано, что за четыре года эти английские фирмы работорговцев переправили в британские колонии Северной Америки шесть тысяч четыреста ирландских мужчин и женщин, мальчиков и девочек.

Можно отметить возраст, который требовался для женщин, отправляемых таким образом; мальчики и мужчины не должны были быть моложе двенадцати или старше пятидесяти лет. Последние были обречены на работу по обработке земли в климате, где может работать и жить только негр. Поскольку все затраты хозяев сводились к расходам на перевозку, их не побуждали щадить их даже соображения о высокой цене, что, как говорят, заставляло современных американских рабовладельцев относиться к своим рабам с тем, что можно назвать коммерческой гуманностью. Легко представить себе, какую жизнь вело множество молодых людей, вынужденных работать на открытых полях под тропическим солнцем. Как долго продолжалась эта жизнь, мы не знаем, поскольку их хозяева, от которых они полностью зависели, были заинтересованы в том, чтобы держать в секрете информацию об их судьбе. Хорошо известно, что, когда несчастные жертвы покидали ирландскую гавань, из которой они отплыли, никто никогда больше не слышал о них; и если родители все еще жили в старой стране, они оставались при своих догадках относительно возможного положения их детей в новой.

Сэр Уильям Петти утверждает, что "только мальчиков и девочек, исключая, следовательно, мужчин и женщин, было пересажено шесть тысяч; общее же число ирландцев, отправленных погибать на табачные острова, как их называли, оценивалось в некоторых ирландских отчетах в сто тысяч".

Возможно, "ирландские счета" и были преувеличены, но англичане компенсировали это тем, что, несомненно, опустили ниже отметки, о чем свидетельствует тот факт, что, согласно им, комиссары Ирландии требовали, чтобы "поставки" только для Новой Англии осуществлялись из "страны в пределах двадцати миль от Корка, Югхолла, Кинсейла, Уотерфорда и Уэксфорда";", что "охота продолжалась четыре года" и велась с таким рвением агентами многих английских фирм, что эти ловцы нанимали людей, "чтобы обманом заманивать бедняков в притоны, а затем заставляли их садиться на свои корабли; что ради денег они, как выяснилось, выманивали и отнимали женщин у мужей, а детей у родителей, которые содержали их в школе; и они поступали так не только с ирландцами, но и с англичанами." По этой причине приказ был отменен, а "охота" запрещена.

По признанию Генри Кромвеля, когда агенты оказались в таком затруднительном положении после того, как правительство применило силу, большая территория страны, упомянутая выше, должна была быть хорошо прочесана и обезлюжена; и, конечно, всеми этими средствами, вместе взятыми, должно было быть достигнуто гораздо большее число жертв, чем указано в английских отчетах. Мы верим ирландцам.

Еще один источник поставок заслуживает упоминания. Не только женщин и детей, но и священников вылавливали и отправляли на те же американские плантации; таким образом, представители всех сословий, которые в глазах Бога и человека считаются священными из-за своего характера и беспомощности, были вынуждены эмигрировать, а точнее, подвергнуться самой страшной участи, какую только может представить человеческое воображение.

В 1656 году по всей Ирландии прошла всеобщая битва за священников. Тюрем, похоже, были переполнены до отказа. "3 мая губернаторам соответствующих округов было приказано отправить их с достаточной охраной из гарнизона в гарнизон в Каррикфергус, чтобы там посадить на корабли, которые при первой же возможности отправятся на Барбадос". О страданиях этого утомительного путешествия можно судить по ходатайству одного из них. Пол Кашин, пожилой священник, задержанный в Мэриборо и отправленный в Филипстаун по пути в Каррикфергус, там сильно заболел; к тому же он был очень стар, и ему грозила опасность погибнуть в заточении из-за отсутствия друзей и средств помощи. 27 августа, убедившись в истинности его прошения, члены комиссии назначили ему шесть пенсов в день во время болезни, и (вероятно, в ответ на мольбу этого бедного узника спастись от пересадки) в своем приказе они распорядились, чтобы эти шесть пенсов продолжали выплачивать ему во время его путешествия (после выздоровления) в Каррикфергус, чтобы пересадить его на Барбадосские острова. "- (Кромвелевское поселение.)

На этом горящем острове Вест-Индии, лишенные всех средств не только для осуществления своего служения среди других, но даже для того, чтобы самим исповедовать свою религию, исполнять свои святыя обязанности молитвы и жертвоприношения, эти жертвы столь жестоких гонений работали в поле: их пересадка стоила денег, и эти деньги должны были быть стократно возмещены потом их чела.

Их целыми кораблями сбрасывали на негостеприимный берег этого острова; у каждого из них было высокое призвание, которое он уже не мог исполнить; Каждый, таким образом, мучился душой, и все сладкие или горькие воспоминания о прошлой жизни теснились в его сознании, и перед ним до конца жизни расстилалась мрачная перспектива ничего не менять в своем грубом и рабском занятии под палящим солнцем, не слыша голоса сурового надсмотрщика; его глаза печалились, а сердце болело от открытого и ежедневного зрелища безнравственности и горя, не имеющего конца, кроме могилы.

Однако, похоже, эти святыя люди нашли способ исполнить свой священный долг служителей Божьих, ведь бесчеловечная торговля такими рабами на Барбадос продолжалась всего один год. В 1657 году было постановлено, что этот остров больше не должен быть местом их перевозки, а вместо него - пустынные острова Арран, напротив входа в залив Голуэй, и остров Иннисбоффин, у побережья Коннемары. Мистер Прендергаст полагает, что такая перемена в их политике могла быть вызвана ценой перевозки, которая, вероятно, достигала высокой совокупной суммы. Но он наверняка ошибается. Они, конечно, стоили не дороже женщин и детей, и их труд в Вест-Индии, несомненно, покрывал эти расходы. Причина изменения более очевидна в характере места, которое было выбрано вместо Барбадос в качестве места их изгнания. "Святыя острова" Арран и Иннисбоффин тогда, как и сейчас, были пусты от всего - почти без жителей. Священников там держали как в тюрьме, и, хотя они могли быть бесполезны для своих хозяев, они не могли слышать голоса или видеть лица, кроме тех, что принадлежат их товарищам по заключению. На Вест-Индских островах уже существовало многочисленное население, и те самые женщины и дети, которые были перевезены туда до них, утешались их служением, хотя и тайным, и

укреплялись в своей вере, которая, таким образом, могла не только сохраниться среди них, но и распространиться по всей стране.

Кто может сказать, не благодаря ли их увещаниям сохранилась вера среди многочисленных ирландцев, живущих на острове до недавнего времени?

"Первыми ирландцами, нашедшими постоянный дом в Америке, - пишет Томас Д'Арси Макги, - были некоторые патриоты-католики, изгнанные Оливером Кромвелем на Барбадос. . . На этом острове, как и на соседнем Монтсеррате, кельтский язык, несомненно, был распространен в прошлом веке¹ (1 Кельтский язык - этот верный признак католицизма - был распространен там не только в прошлом веке, но и по сей день. Писатель сам слышал в прошлом году (1871) от двух молодых американских моряков, только что вернувшихся из плавания на этот остров, что негры-носильщики и белые грузчики, которые грузят и разгружают корабли в гавани, почти не знают другого языка, кроме ирландского, так что зачастую экипажи английских судов могут общаться с ними только знаками.) И, возможно, именно благодаря этой ранней ирландской колонизации Барбадос стал "одним из самых густонаселенных островов в мире". В конце семнадцатого века на нем, по некоторым данным, проживало двадцать тысяч человек".

Хотя Барбадос является главным островом, о котором идет речь, тем не менее почти все британские колонии, существовавшие в то время в Америке, получили свою долю этой эмиграции. Несколько кораблей с изгнанниками, несомненно, были отправлены в Новую Англию в то самое время, когда правительство Великобритании убедительно приглашало новоанглийцев "приехать и засеять Ирландию"; Виргиния также, вероятно, заплатила табаком за юношей и девушек, отправленных туда в качестве рабов. В "Государственных бумагах Турло" сообщается, что тысяча юношей и тысяча девушек, захваченных в Ирландии силой, были отправлены на Ямайку, недавно присоединенную к империи Англии адмиралом Пенном, отцом знаменитого квакера, основателя Пенсильвании.

Так началась первая широкая эмиграция ирландцев в различные части Британской Америки - движение вполне принудительное, которое в наши дни стало добровольным и привело к чудесам, которые вскоре должны привлечь наше внимание.

Недобровольная эмиграция солдат и священнослужителей на европейский континент в течение XVII и XVIII веков, как мы видели, была причиной огромных преимуществ для Ирландии и стала, по замыслу милосердного Провидения, мощным средством извлечения добра из зла. На первый взгляд кажется невозможным обнаружить аналогичное преимущество в другой, самой недобровольной эмиграции на плантации Америки.

Один язычник заявил, что "нет зрелища более благодарного для глаз Божьих, чем справедливый человек, борющийся с невзгодами"; и где, кроме как в первые века христианства, можно было наблюдать более невинные жертвы и более жестокие преследования?

После ужасов гражданской войны, ужасов, не имеющих аналогов в летописи современных государств, детей и подростков обоих полов выслеживают на территории нескольких ирландских графств, толпами тащат в морские порты и там запикивают в трюмы маленьких, неудобных, тихоходных судов. Какими должны были быть эти дети, легко представить по тем образцам расы, которые мы видим сегодня. Мы не говорим об их красоте и изяществе форм, на которых мог бы остановиться греческий писатель эпохи Перикла и найти тему, достойную

его пера; мы говорим об их нравственной красоте, их простоте, чистоте, любви к дому, привязанности к своей семье и Богу даже в самом нежном возрасте. Мы встречаем их, разбросанных по широкой поверхности этой страны - мальчиков и девочек одной расы, приехавших из одних и тех же графств, главным образом из милого Уэксфорда, прекрасного, спокойного, благочестивого юга Ирландии. Кому, как не чудовищу, придет в голову причинить вред этим чистым и ласковым созданиям, таким скромным, простым, готовым довериться каждому встречному? А что можно сказать о тех девах, которые теперь так хорошо известны в Новом Свете, о которых говорить - значит хвалить, видеть - значит восхищаться? Именно такие жертвы были выбраны бристольскими фирмами, "лордом" Генри Кромвелем, генерал-губернатором Ирландии, или лордом Турло, секретарем и глашатаем "Протектора". Их насильно отрывали от родителей и друзей, от всех, кого они знали и любили, обрекая на то, чтобы, пережив ужасные океанские переходы тех дней, мальчики работали на сахарных и табачных плантациях, девочки вели позорную жизнь в гаремах плантаторов Ямайки!

Тех из них, кого отправляли на север, распределяли среди "святых" Новой Англии, чтобы те считали их "идолопоклонниками", "гадюками", "юными отступниками", объектами "гнева Божьего"; или, если они окажутся в ладах со своими новыми и суровыми наставниками, их будут приветствовать словами сомнительной похвалы, как "бренды, выхваченные из огня", "сосуды порицания", призванные, возможно, путем должного подражания "святым", стать когда-нибудь "сосудами избрания", а тем временем быть нещадно бичуемыми и хозяином, и хозяйкой "мечом праведности", вероятно, за малейшую провинность или ошибку.

Такова была печальная перспектива, открывавшаяся перед ними; не было никакой возможности спастись, никакой надежды вернуться в единственную страну, которую они любили. На Юге они быстро, очень быстро опускались в безвестную могилу. На Севере долгая жизнь была лишь продлением мучений. Ведь кто из них мог подумать о том, чтобы стать "новообращенным"? Их увезли с родного острова, когда им было больше двенадцати лет; они уже получили от своих матерей и охотничьих священников религиозное воспитание, которое, к счастью, никогда нельзя было изгладить; они должны были всю жизнь хранить в сердце убежденность в своей святой вере, подкрепленную единственной надеждой, которая у них теперь была, - надеждой на небеса.

Могли ли глаза Божьи, вззирающие на землю и с глубокой жалостью отмечающие во всех местах своих заблудших детей, найти души, более достойные Его огромной отеческой любви? Можем ли мы представить, что уши Небес были глухи к их молитвам, непрерывно звучавшим все эти долгие дни и ночи испытаний и слез? Можем ли мы прочесть в замыслах Провидения благословенные постановления, к которым привели подобные сцены? Слепые, неспособные правильно судить о своих мыслях, часто остающиеся загадкой для самих себя, как мы можем осмелиться судить о том, что намного выше нас? Ни один христианин, по крайней мере, не сможет сделать вид, что все эти страдания, обрушившиеся на головы стольких невинных жертв, не имели иной цели, кроме как заставить их страдать. Ирландия еще извлечет выгоду из всех заслуг, неизвестных и несметных, приобретенных столькими тысячами человеческих сердец, душ и тел, отданных на растерзание несчастьям, которые невозможно выразить словами.

И до сих пор мы ничего не сказали о тех грузах священников, отправленных из Каррикфергуса на Барбадос, а затем в Арран и Иннисбоффин. Лишенные всех средств сделать свою новую страну в Америке свидетелем католической молитвы и поклонения - ни один из них, вероятно, не мог принести святую жертву даже в течение одного дня или совершить какое-либо таинство, кроме, возможно, покаяния тайком; ни один не осмелился

открыть рот и публично проповедовать истину для всех. Что же они могли сделать? Они приносили в жертву самих себя; сам вид их обладал почти таинством, а их жизнь проповедовала проповедь более красноречивую, чем любая из тех, что собирают самую обширную аудиторию торжественного собора.

Нет! Первая эмиграция ирландцев в Америку не была бесплодной по своим результатам. И если бы мы приписали великий прогресс, достигнутый католичеством на американском континенте в нынешнюю эпоху, заслугам этих многочисленных жертв гонений, кто мог бы доказать нам, что мы заблуждаемся, и сказать, что между страданиями невинных в семнадцатом и славными успехами их соотечественников в девятнадцатом веке нет никакой связи? Старая фраза Тертуллиана "*Sanguis martyrum, semen Christianorum*" слишком часто подтверждалась в летописях Католической Церкви, чтобы быть фальсифицированной в этом единственном случае; однако, если то, чему свидетелями являются наши дни, не является результатом прежних страданий и жертв, эти испытания были бесплодны и, следовательно, необъяснимы. Каждая причина должна иметь свое следствие; и ни один христианин не может колебаться, признавая истину, что самым действенным источником благословений являются слезы невинных, муки чистых сердцем, смиренная молитва гонимого слуги Божьего.

Когда мы будем говорить об эмиграции расы на американский континент, которая сейчас продолжается, потрясающие факты, которые составят наш рассказ и вызовут наше восхищение, должны быть рассмотрены и объяснены с религиозной и католической точки зрения, и тогда мы сможем сослаться на эту первую и, казалось бы, бесплодную эмиграцию. Многие потери, как духовные, так и временные, могут ошеломить неосмысленного человека, особенно когда все замыслы Провидения еще едва ли находятся в стадии осмысления; но чем больше они развиваются на наших глазах, тем яснее становится истина; все трудности исчезают, и душа смотрящего восклицает: "Да, Бог воистину мудр и милосерден!"

Но пора, наконец, приступить к рассмотрению того, что мы считаем первым великим вопросом, связанным с воскрешением Ирландии, а именно: всех вероятных последствий нынешней эмиграции, к чему мы и стремимся, поскольку наша цель - показать, какую пользу уже принесла и еще принесет Ирландии эта непрекращающаяся людская волна, отходящая от ее берегов, чтобы захлестнуть огромные континенты и острова моря. Какую помощь она окажет своему собственному воскрешению дома, чтобы сделать его полным и продолжительным? Можно сказать, что это и было нашей главной целью при написании этих страниц; ибо, хотя они могут быть достаточно впечатляющими для тех, кто внимательно относится к предмету, и хотя они, несомненно, будут источником удивления для тех, кто придет после нас, тем не менее они не могут поразить, как это должно быть, огромную массу зрителей.

Часто в истории наций, когда происходят самые могучие революции, они едва заметны для их участников; все их обстоятельства, их самые активные и эффективные действия, подобно безмолвной работе природы, едва ощутимы для окружающих, пока не наступает конец и не достигается великий результат; тогда история записывает это событие как чреватое величайшими благословениями или несчастьями для человечества. Так будет, мы не сомневаемся, и с тем странным стечением мелких бытовых фактов, которые сегодня составляют универсальное явление всех англоязычных стран: повсеместное распространение ирландцев.

Каковы были его истоки? Да ни в чем. Какие хорошие последствия последовали за ним? Никаких ощутимых в течение долгого времени. Эти два соображения требуют нашего

внимания в первую очередь, поскольку мы должны изучить явление во всех его обстоятельствах и проявлениях.

Эту новую эмиграцию мы называем добровольной, чтобы отличить ее от первой, которая была вынужденной для значительной части ирландской расы. Но на самом деле ирландцы поначалу шли на это с неохотой; невыносимое состояние, в котором они находились на своей земле, действовало на них как моральное принуждение, равное почти непреодолимой силе. Ведь именно голод или гонения предыдущего столетия впервые побудили их к эмиграции.

Необходимость расширения - великая особенность их расы, инстинктивный импульс, который три тысячи лет назад увлек ее часть в сердце Азии. Но эта конкретная ветвь была укоренена в почве на протяжении стольких веков суровой необходимостью отразить ряд последовательных вторжений, что эта великая черта долгое время казалась полностью исчезнувшей в ней. Казалось, они больше не знали чужих стран и не заботились о них; и ни одна раса в Европе с девятого по восемнадцатое столетие не проявляла себя настолько полностью привязанной к земле и неспособной даже думать о распространении за границу.

Наконец они начали двигаться. Что же послужило первым истоком нового движения? Никто не может сказать точно. Только в различных рассказах о событиях, происходивших на острове в прошлом веке, мы иногда встречаем такие записи, как следующая, сделанная Мэтью О'Коннором в его "Ирландских католиках".

"Лето 1728 года было роковым. Сердце политика было заточено против страданий католиков; их количество возбуждало его ревность. Их уменьшение в результате безмолвного голода должно было быть источником тайной радости; но интерес протестантов уменьшался в пропорциональной степени из-за опустошительного голода. . .

"Тысячи протестантов отплывали в Белфасте в Вест-Индию. . . . Политика, которая привела бы к голоду католиков на родине, не лишила бы их привилегии бегства".

Это первое упоминание об эмиграции в широких масштабах, которое мы можем найти в записях прошлого века; и в то время, когда протестанты-ирландцы отправились в Америку, где они, несомненно, встретили единомышленников в лице пуритан Новой Англии, католики все еще обращались, как и прежде, к Испании и Франции.

Но новая запись в 1762 году раскрывает новый аспект. На этот раз речь идет только о католиках: "У крестьянства не оставалось иного выхода, кроме эмиграции. Те немногие, у кого были средства, искали убежища на американских плантациях; тем, кто остался, разрешалось иметь акр земли для содержания семьи и пай для коровы, но за самую непомерную арендную плату".

Это первый случай эмиграции ирландских католиков в Америку, по крайней мере, в сравнительно больших количествах. Их, несомненно, подтолкнули к этому шагу дошедшие до них рассказы об успехах протестантов Ольстера, которые уехали раньше и потомство которых теперь можно найти в основном на Юге, вплоть до Каролины и Джорджии.

Но относительные перспективы протестантов и католиков в то время были далеко не одинаково хороши. Первых, изгнанных голодом из родных мест, ждала земля изобилия, благоприятный климат, повсеместная терпимость к их религиозным догматам, а в некоторых районах они приобрели реальное политическое влияние. Их с распростертыми объятиями приняли колонисты, которые не могли в одиночку освоить эти земли и были готовы принять новых сограждан, которые помогли бы им в борьбе с индейцами и значительно увеличили бы

их благосостояние и ресурсы. Все люди и все вещи тогда улыбались новоприбывшему, и в течение очень короткого времени он обнаружил, что владеет большим, чем когда-либо ожидал. Таким образом, с севера Ирландии потянулись другие, и голод перестал быть единственной движущей силой, побуждавшей их покидать родные края. Мистер Бэнкрофт рассказывает, что их называли шотландскими ирландцами.

С другой стороны, ирландские католики нашли плодородную почву и привлекательный климат; природа приняла их, но человек отшатнулся, вспыхнув лютой враждой к их вере и самому их имени. В Европе это чувство неприятия, по обоюдному мнению, уже быстро ослабевало; но "либеральность", зародившаяся в Старом Свете, в силу ряда обстоятельств еще не проникла в британские колонии в Северной Америке. В этом отношении они все еще находились в том состоянии, в котором их оставила Революция 1688 года: Католицизм был запрещен повсеместно, а уголовные законы Старого Света пытались применять в Новом, насколько это позволяло различное состояние страны. Несколько деталей, взятых в основном из истории мистера Бэнкрофта, дадут нам достаточно точное представление о ситуации, в которой оказался новоприбывший ирландский католик в будущей стране свободы.

Последствия падения Якова II были вскоре полностью восприняты британскими колониями, в течение которых изменения в большей или меньшей степени происходили в законах не только без большой оппозиции, но в основном при полном одобрении всех партий. Династия Стюартов была сброшена в Америке легче, чем на Британских островах.

По всеобщему признанию, одним из главных последствий этого падения стало возобновление гонений на католиков в Англии и Ирландии. По словам г-на Бэнкрофта:

"Революция 1688 года, узкая в своих принципах, несовершенная в деталях, ужасающе нетерпимая к католикам, составляет эпоху в свободе Англии и всего человечества".

Поэтому неудивительно, что, рассматривая различные колонии, мы обнаружим, что притеснения католической церкви были характерны для всех без исключения.

Начиная с Юга, мы видим, что новый губернатор Южной Каролины Арчдейл, квакер, и поэтому лично хорошо относящийся ко всем, желая показать, что квакер может уважать веру "паписта", начал свое правление с отправки обратно испанскому губернатору Флориды четырех индейцев, обращенных испанскими священниками, которые были выставлены в качестве рабов на продажу в Каролине. Кроме того, он предоставил право голоса гугенотам Южной Каролины, которые до этого времени находились под властью олигархии Высокой церкви. Когда же он стал настаивать на принятии либеральных мер по отношению ко всем жителям штата, колониальный законодательный орган согласился предоставить свободу совести всем христианам, за исключением "папистов".

В Северной Каролине в 1704 году Англиканская церковь фактически стала государственной, а законодательное собрание постановило, что "никто, кто не принесет клятву, предписанную законом, не должен занимать в колонии доверенное место".

Из Виргинии губернатор Спотсвуд мог написать в Англию в 1711 году: "Это правительство находится в полном мире и спокойствии, при должном повиновении королевской власти и джентльменском соответствии с Англиканской церковью".

О Мэриленде мистер Бэнкрофт пишет, что Английская революция была протестантской революцией.

"Съезд единомышленников "в защиту протестантской религии" принял правительство и в обращении к королю Вильгельму осудил влияние иезуитов, распространенность папистского идолопоклонства, попустительство предыдущего правительства убийствам протестантов и опасность от заговоров с французами и индейцами".

И вот, чуть дальше, мы читаем: "Только римские католики остались без союзника, подвергаясь английскому фанатизму и колониальной несправедливости. Только они были лишены гражданских прав на земле, которую задолго до Локка, ратовавшего за веротерпимость, или Пенна, выступавшего за свободу вероисповедания, они выбрали не только как свое убежище, но и, с католической либеральностью, как убежище всех преследуемых сект. В стране, которую католики открыли для протестантов, католический житель был единственной жертвой англиканской нетерпимости. Мессу нельзя было читать публично. Ни один католический священник или епископ не мог произносить слова убеждения о своей вере. Ни один католик не мог обучать молодежь. Если непутевый ребенок паписта становился отступником, закон отбирал у его родителей часть их имущества. Лишение прав собственности касалось его вероисповедания, а не семьи. Таковы были методы, принятые "для предотвращения роста папства"".

Мистер Бэнкрофт добавляет с большой правдой и силой: "Кто скажет, что вера культурного человека тверже, чем вера простого народа? Кто скажет, что многие непостоянны, а вождь тверд? Чтобы вернуть наследство власти, Бенедикт, сын собственника, отрекся от католической церкви в пользу английской; гонения никогда не сокрушали веру смиренных колонистов".

Пенсильвания, похоже, является исключением из этой всеобщей враждебности к католикам. Говорят, что благодаря Уильяму Пенну "была установлена религиозная свобода, и любая государственная работа была открыта для каждого человека, исповедующего веру в Иисуса Христа. . . . В Пенсильвании уважали права человека: основным законом Уильяма Пенна, даже его недоброжелатели признают, был в гармонии со всеобщим разумом и верен древним и справедливым свободам народа".

Возможно, таков был писанный закон - теория; но закон исполняемый - факт - был далек от воплощения этих прекрасных обещаний. Еще в конце Революционной войны католики Филадельфии были вынуждены скрывать свои богослужения в маленькой часовне, окруженной зданиями, единственным входом в которые был темный и извилистый переулок, сохранившийся еще несколько лет назад.

Более того, известно, что сам Пенн в 1708 году запретил совершать мессу в колонии. По словам Т. Д. Макги, губернатор Гордон в 1734 году запретил возведение католической церкви на Уолнат-стрит, а в 1736 году, когда для этой же цели был куплен частный дом на углу Второй и Каштановой улиц, это было снова запрещено.

Нью-Джерси проявила свою либеральность в форме, священной для всех остальных колоний: "Свобода совести была предоставлена всем, кроме папистов".

В Нью-Йорке еще не было однородности, голландцы все еще сохраняли большую власть, и, следовательно, "идея веротерпимости была еще несовершенна в Новых Нидерландах; равенство между религиозными сектами было неизвестно". Если так обстояли дела с несколькими протестантскими организациями, то каково должно было быть с католиками? Хорошо известно, что никто не смел открыто заявлять о своей вере в истинную Церковь, а Джон Ури был повешен в 1741 году за то, что был священником, хотя был ли он священником - это еще вопрос.

Род-Айленд с самого начала провозгласил "полную свободу мысли", но после революции 1688 года колония "внесла в свод законов исключение папистов из установленного равенства".

Дух Коннектикута хорошо выражен в словах обращения, направленного колонией королю Вильгельму Оранскому по случаю его воцарения: "Велик был день, когда Господь, сидящий над потоками, разделил своих и ваших противников, как воды Иордана, и начал возвеличивать вас, как Иисуса Навина, освободив английские владения от папизма и рабства". Интересно, как молчаливый Голландец воспринял эти излияния Коннектикута? Больше о положении католиков в стране "голубых законов" добавить нечего.

В Массачусетсе вас не удивит известие о том, что "все формы христианства, кроме римско-католической, были лишены права голоса".

Этот краткий очерк достаточно красноречив в отношении того положения, в котором оказался бедный ирландский иммигрант, высадившись на берегах Нового Света. Его вера оказалась под таким же строгим запретом, как и в его собственной стране. Он был вынужден скрывать ее; и даже если бы он мог открыто исповедовать ее, он нигде не нашел бы терпимого служителя своего вероисповедания. Страна была совершенно пустой в том, что касалось обрядов его религии. На своей родине он знал, где найти священника; ему подсказывали день и место, где он может причаститься святых таинств своей религии; и, будь то в пещере или на вершине горы, в болоте или в трясине, он знал, что там он может поклониться и принять своего Бога так же искренне и достойно, как и в великолепных куполах, гордо вззирающих на небо под католическими небесами. Но в Британской Северной Америке, за исключением нескольких графств Мэриленда, где истинная вера когда-то открыто насаждалась и пускала корни, где еще можно было встретить священнослужителей его собственного вероисповедания, хотя и вынужденных скрывать или, по крайней мере, не выставлять себя напоказ, он знал, что в других местах ему бесполезно искать не только священное сооружение, куда он мог бы пойти возблагодарить своего Бога при посадке, но даже искать священника, если он окажется на пороге смерти.

В настоящее время почти невозможно привести какие-либо подробности и поразить читателя картиной полной духовной нищеты ирландского иммигранта в его новом доме. Однако то тут, то там при чтении мы встречаем факты, на первый взгляд незначительные, не имеющие никакого отношения к рассматриваемой теме, которые, однако, с помощью размышлений проливают на нее свет, столь же убедительный, сколь и неожиданный. Возьмем, к примеру, следующее:

"В последний год правления Андроса в Массачусетсе, - пишет мистер Бэнкрофт, - дочь Джона Гудвина, ребенок тринадцати лет, обвинила прачку в краже белья из семьи. Гловер, мать прачки, безродная эмигрантка, почти не знавшая английского языка, как истинная женщина с материнским сердцем, отвергла ложное обвинение. И тут же девушка, чтобы отомстить, околдовала ее. Зараза распространилась. Три других члена семьи, самый младший из которых - мальчик не старше пяти лет, вскоре сумели в равной степени привлечь к себе внимание общественности. . . . Коттон Мазер отправился помолиться рядом с одним из них, и вот! Ребенок потерял слух, пока молитва не закончилась. Что было делать? Четыре священника из Бостона и один из Чарльзтауна собрались в доме Гудвина и провели целый день в молитве и посте. В результате самый младший ребенок, пятилетний малыш, был "избавлен". Но если священнослужители смогли молитвой "избавить" одержимого ребенка, значит, здесь была ведьма. Честь служителей требовала судебного разбирательства; и судьи, одним из которых был Уильям Стоутон, с "энергией", которую объединенные

служители оценили как "справедливую", сделали "открытие злого орудия дьявола". Виновницей, очевидно, была дикая ирландка, говорившая на странном языке. У Гудвина, подавшего жалобу, "не было никаких доказательств, которые могли бы причинить ей вред"; но "скандальная старая карга", которую некоторые считали "помешанной на интеллекте", была сбита с толку и давала странные ответы, которые принимались за признания, иногда, в волнении, используя свой родной диалект. . . . Было ясно, что заключенная - римская католичка; она никогда не учила молитву "Отче наш" на английском языке; она могла повторить Pater Noster достаточно бегло, но не совсем правильно; так что священнослужители и семья Гудвина получили удовлетворение от того, что ее осудили как ведьму и казнили".

Положение этой бедной женщины, которая никогда открыто не заявляла о своей принадлежности к католицизму, но которую люди выводили из различных обстоятельств, отражает положение всех ирландских иммигрантов того времени. Еще один факт, записанный тем же историком, показывает, каково было отношение к католикам в то время в Массачусетсе:

"Девушка, осознавшая себя обманщицей, не испытывала угрызений совести, а священнослужителям и в голову не приходило, что тщеславие и властолюбие ослепили их рассудок".

Причина была очевидна: Гловер был католиком. Как можно было ожидать, что девушка будет испытывать угрызения совести из-за того, что стала причиной ее смерти? Как могли священники испытывать хоть малейшее беспокойство из-за того, что их "тщеславие и властолюбие" привели к повешению такого существа? "Сосуд гнева", в любом случае; "предопределенный преступник", без сомнения, чья бесславная смерть на земле и вечное наказание после нее были "истинным источником радости на небесах и увеличением славы для бесконечной справедливости Бога", если в кальвинизме есть хоть какая-то правда.

Другой факт, столь же наводящий на размышления, как и вышеприведенный, можно найти в книге Макги "Ирландские поселенцы в Америке": "Первая католическая церковь, которую мы видим, - это католическая церковь. "Первая католическая церковь, которую мы находим в Пенсильвании, после того как Пенн подавил их в 1708 году, была связана с домом мисс Элизабет Макгаули, ирландской леди, которая с несколькими своими арендаторами поселилась на земле на дороге, ведущей из Никтауна во Франкфорт. Рядом с местом, где находилось это древнее святилище, стояла гробница с надписью: "Джон Майкл Браун, ум. 15 декабря 1750 года. R. I. P." Он был священником, проживавшим здесь инкогнито".

Мисс Э. Макгоули не была бедной, как Гловер. Приехав в Америку с несколькими своими арендаторами, она заранее обезопасила себя от трудностей с исповеданием своей религии; и, прекрасно зная, что в стране не найти священника, она взяла его с собой. Всю оставшуюся жизнь этот служитель Божий прожил в ее доме инкогнито, храня в глубокой тайне служение, доверенное ему для всеобщего служения. Вероятно, он никогда не пытался просветить своих предвзятых и невежественных соседей; знание о его характере и пользе, приносимой его присутствием, ограничивалось хозяйкой дома и ее верными жильцами. Даже после его смерти тайна сохранялась, и только кабалистические символы "R. I. P." остались, чтобы сообщить разумному читателю, что он не был ни квакером, ни протестантом; и, вероятно, только традиция, сохранившаяся, несомненно, в окрестностях, может уверить нас, что он был священником.

Сколько католиков, рассеянных по обширной колонии Пенсильвания, таких же переселенцев, как мисс Макгоули, но не похожих на нее по своей бедности, а потому не

имеющих возможности нанять священника, никогда не знали, что они могут освободить свою совесть и насладиться утешениями своей религии, проехав сто миль или около того до дома "на дороге, ведущей из Никтауна во Франкфорт"? А сколько людей жили и умерли в пределах короткого расстояния, так и не постучав в дверь из-за незнания того, к какому классу они принадлежат? Таким образом, хотя в стране и было несколько служителей Божьих, их число было столь мало, и они находились так далеко друг от друга, что их труды были совершенно бесполезны для огромного числа католических переселенцев, которые с радостью бросились бы к их ногам, облегчили бы свои сердца и очистили души исповедью.

Некоторые ирландцы, правда, эмигрировали еще до того, как возникла необходимость в таком сокрытии, по крайней мере в Мэриленд, где лорд Балтимор, католик, открыл приют для всех. Таким образом, Кэрроллы обосновались в округе Принс-Джордж. Они могли открыто пользоваться услугами английских отцов Общества Иисуса, которые долгое время негласно служили среди своей английской католической паствы; но, как мы видели, после революции 1688 года католики были лишены гражданских прав даже в Мэриленде, их религиозные обряды запрещены, а против открытого исповедания их культа введены наказания.

Таким образом, сокрытие стало необходимостью и там; политика сохранения в тайне существования священнослужителей и празднования святых тайн была принята там, как и в других колониях. Семья Кэрроллов, как и мисс Элизабет Макгоули, предоставила убежище в своем доме священнику своей религии, и именно в такой часовне 8 января 1735 года родился Джон Кэрролл - первый епископ и архиепископ Балтимора.

Поэтому неудивительно, что число детей Церкви в Северной Америке не увеличилось пропорционально количеству католических иммигрантов; напротив, потомство большинства из тех, кто выбрал британские колонии своим домом, было для нее потеряно. Сами же иммигранты, мы уверены, никогда не теряли своей веры. Хотя они годами жили без всякой внешней помощи, не получая ни слова наставления или совета, не совершая ни одного религиозного обряда, не принимая ни одного таинства, тем не менее вера слишком глубоко укоренилась в их умах и сердцах, чтобы быть когда-либо искорененной или даже поколебленной.

Но если сами они крепко держались за свою веру посреди стольких неблагоприятных обстоятельств, то что же говорить об их детях?

Несомненно, многие из них в одиночку делали все возможное, чтобы передать эту веру своим детям; но все, что они могли сделать, - это говорить с ними наедине, предостерегать от опасностей и показывать им пример непорочной жизни. Не было не только священника, который посвятил бы их в тайны, дарованные Христом искупленной душе; не было даже учителя католической школы, который мог бы их обучать. Не было даже "хедж-школы". Книги были неизвестны; католическая литература в современном понимании этого слова еще не родилась; не было и следа такого явления, кроме, возможно, старого, потрепанного и порванного, но дорогого и тщательно хранимого молитвенника, датируемого счастливыми днями Конфедерации Килкенни.

Поэтому нет причин удивляться тому факту, что, хотя семьи первых ирландских поселенцев были многочисленны и разбросаны по всей территории, которая впоследствии стала Средними и Южными штатами, среди многих из них сохранилось лишь слабое предание о том, что они действительно принадлежат к старой Церкви и "должны быть католиками". Как часто это происходило тридцать лет назад, особенно на Юге!

Неправильно было бы делать вывод, что все это - чистая и безмерная потеря для Церкви Христовой. Позже нам придется говорить о более многочисленных и серьезных потерях, но несколько слов об этой первой из них не помешают.

Как в материальном мире теряется бесконечное число зародышей, и множество семян, переносимых ветром с гигантских деревьев и скромных растений, падают и погибают на бесплодной скале, в вихре стремительного ручья или, что еще чаще, на твердой и недоброй почве, на которую они случайно попали; Так что из тысячи зародышей лишь несколько находят все благоприятные условия для своего роста и достигают полного размера, отведенного им природой, - тем не менее, несмотря на эту потерю, вид не только сохраняется, но и так размножается, что у наблюдателя впоследствии создается впечатление, что он не только не потерял, но и многое приобрел. Так и с католической церковью в целом, и в частности с теми судьбоносными событиями, которые мы сейчас рассматриваем.

Возделываемое "отцом семейства" поле должно было расшириться на новую и огромную территорию. Целый континент должен был быть "огорожен", и "оливковые деревья", "смоковницы" и все растения, полезные и декоративные, должны были процветать в этом огромном саду до конца времен. Великий и вечный Отец по Своему провидению руководил этой могущественной операцией сверху и отмечал различные точки компаса, к которым должны были быть доставлены плавающие зародыши. Он знал, что сажает новый сад для Своего Сына, который, как обычно, будет первым земледельцем и наймет много рабочих рук, чтобы помочь Ему.

Как можно было ожидать, что все будет без потерь, когда время жатвы еще не наступило, а "враг" занят тем, что сеет "плевелы" во всех направлениях? Не была ли эта работа не только Божественной, но и человеческой? И, будучи человеческой, не была ли она сопряжена с несовершенством человеческих вещей?

Континенту, очевидно, было предопределено стать одной из самых сильных ветвей великого католического древа. Открытый еще до того, как проявились современные ереси протестантизма, он должен был привести в лоно Христова новые народы, в то время как некоторые старые должны были отсечься и увянуть. На это уже давно было указано; но был и другой могущественный замысел Провидения, который начинает проявляться только сейчас.

Колумб искал Азию и святой гроб, когда наткнулся на Новый Свет. Идея его великого ума также не была заблуждением. Новый континент в будущие века должен был стать дорогой из Европы на Восток; Китай, Япония, Индия, огромные регионы, заполненные бесчисленными человеческими существами, до сих пор почти не были затронуты и едва ли могли быть затронуты католицизмом, пришедшим из Европы. На самом деле это было слишком далеко, а средства связи были слишком недостаточны. Святая Католическая Церковь растет, как "вещи, которые растут"; несколько пахарей-миссионеров нужны, чтобы посадить первые ростки и растения в почву, поливать их, следить за ними и наблюдать, чтобы они процветали и распускались; остальной процесс - это вопрос семян, разносимых ветром, падающих и укореняющихся в плодородной почве, которая уже была подготовлена для их приема. Если бы не было других средств распространения, кроме труда и пота земледельца, сколько времени потребовалось бы, чтобы покрыть всю землю растительностью? Первое распространение христианства происходило именно таким образом, поэтому на христианизацию Европы ушло более десяти веков. В пятом веке Рим был еще полностью языческим. Неужели и огромные пространства туманного, далекого Востока должны были пройти такой же медленный и болезненный процесс, потребовавший огромного труда,

длившегося столетия и столетия? Бог ускорил этот процесс, добавив к нему распространение семян, и Америка должна была стать огромным питомником, из которого эти семена должны были появиться. Именно из этого длинного и попеременно расширяющегося и сужающегося пояса земли, идущего по морю с севера на юг, яфетическая раса должна была вторгнуться в "шатры Сема".

Таким образом, мечта Колумба должна была осуществиться. Азия будет достигнута Европой, частью которой станет Америка. Восток Азии стал бы сопредельным с реальным европейским населением, большие массы которого легко вошли бы в контакт с монгольской и малайской расами, живущими по соседству, - пар и современные усовершенствования в области путешествий сократили бы расстояние до нескольких дней. Таким образом, яфетическое движение могло бы осуществляться в широких масштабах, а европейская цивилизация вытеснила бы устаревшие нравы этих старых и изнеженных рас Восточной Азии. Единство человечества было бы доказано против его хулителей; и, чтобы увенчать все, христианство нашло бы путь назад к колыбели человека, а затем, к месту своего рождения, к Голгофе и гробнице Христа. Таким образом, предположительное видение великого генуэзца станет лишь объяснением старого пророчества о втором отце человечества.¹ (1 Читатель поймет, что все это лишь "взгляд", а не чистое толкование Писания или истории прошлого).

Таким образом, Церковь наконец-то станет строго католической, а не такой, какой ее представляют себе некоторые богословы, стремящиеся к тому, чтобы реальные, неполные факты совпадали с гораздо более широкой теорией, католической лишь приблизительно.

Если бы нам было позволено благоговейно читать замыслы Провидения, мы могли бы без самонадеянности сказать, что, похоже, именно такой должна быть будущая история, хотя простые догадки могут произвести слишком сильное впечатление на наш разум. Но в то время, о котором мы говорим, вскоре после середины прошлого века, любого, кто говорил бы так, справедливо сочли бы провидцем. Юг Америки, хотя и обладал истинной религией, казался инертным; север уже проявлял признаки будущей активной деятельности, но все они были направлены против истины. Бог собирался изменить эту видимость и, привнеся ирландский элемент в северную часть, произвести за сравнительно короткий промежуток времени то удивительное явление, свидетелями которого мы являемся.

И все же мы настолько недалекосвидны, что некоторые почти ошеломлены в своей вере, потому что дети самых первых ирландских эмигрантов в этой стране, очевидно, были потеряны для Церкви.

Тем не менее, можно привести несколько обстоятельств, доказывающих, что Церковь действительно выиграла от этих потерянных детей первых ирландских поселенцев. Сколько предрассудков, так глубоко укоренившихся в стране и казавшихся неистребимыми, обязаны им своим разрушением! Сколько грубых и недоброжелательных чувств к католикам было сглажено или смягчено благодаря их помощи!

Те люди, которые в зрелом возрасте помнили, что "должны быть католиками", не были готовы принять на веру все нелепые клеветы, распространяемые против Церкви в этих обширных регионах. Они слышали, по своего рода традиции, хранимой в их семьях, о том, что пережили их предки, и они, по крайней мере, не были склонны присоединиться к всеобщему осуждению вероучения, которое, как они сознавали, "должно быть" их собственным.

Кто скажет, не старая ли католическая кровь, текущая в жилах этих детей ирландских католиков, сыграла главную роль в создании того духа истинного либерализма, который

вдохновляет благородное поведение большинства американского народа и в котором Церковь во все времена находила свою безопасность?

Несомненно, что существует огромная разница между этим американским духом и атмосферой недоверия, царящей в других странах, и что быстрому распространению Церкви по широким регионам Союза особенно благоприятствовал легкий ветерок либерального и доброжелательного чувства, столь свойственного даже тем, кто не родился в лоне Церкви. И то, что дети ирландских родителей, которые сами были потеряны для Церкви, с самого начала оказали большое влияние в этом отношении, мы думаем, нельзя отрицать.

Но, возможно, этой первой эмиграции из Ирландии было уделено слишком много места; пора перейти к более позднему периоду, о котором есть более определенные и положительные сведения.

Нет необходимости говорить о счастливом изменении положения католической церкви в Америке в результате революции; Вашингтон в своем ответе на обращение католиков страны выразил чувства нации в терминах, настолько хорошо известных, что они не требуют комментариев.

С этой даты начинается реальная история католической церкви в Северной Америке, за пределами провинций, изначально заселенных французами и испанцами. Приток ирландских иммигрантов сейчас привлекает наше главное внимание.

С 1800 года, когда был заключен "Союз" между Англией и Ирландией, число иммигрантов внезапно и быстро возросло, и положение новоприбывших по их прибытии сильно отличалось от положения их предшественников. Они обнаружили, что свобода не только провозглашена, но и установлена; церковей было немного, но те, что были, были известны и открыты, а епископ и священнослужители уже несли свое служение.

Прежде чем перейти к рассмотрению масштабов, характера и последствий этой второй ирландской иммиграции, которую можно изучить по существующим документам, будет хорошо сказать несколько слов о тех элементах, которые составляли католическое тело, когда оно было впервые организовано. Конечно, мы имеем дело с новым элементом, привнесенным великим движением, о котором мы начинаем говорить; но мы далеки от того, чтобы недооценивать другие источники жизни, которые не только повлияли на Церковь в момент ее рождения в Соединенных Штатах, но и продолжают действовать на нее с большей или меньшей энергией с тех пор. Читатель не должен думать, что, не говоря о них, мы несправедливы или слепы к их эффективности; они просто лежат вне рамок нашего плана.

На севере французские, а на юге испанские миссионеры придали католицизму жизненную силу, которую невозможно было погасить; но его деятельность почти полностью ограничивалась пределами, выходящими за рамки нашего исследования. Французский элемент, однако, стал заметным еще в самом начале в этих пределах, либо благодаря приобретению Луизианы, либо в результате французской иммиграции во время ужасной революции прошлого века. Достаточно открыть страницы недавно опубликованной книги мистера Р. Х. Кларка "Жития американских епископов", чтобы убедиться в важности этого элемента. Можно сказать, что в течение первых двадцати пяти лет республики забота о младенческой Церкви была возложена на французских прелатов и священнослужителей, а также на нескольких американских мэрилендцев. Ирландия, похоже, почти не принимала участия в этой великой работе, за исключением скромных усилий нескольких преданных, но почти неизвестных миссионеров; поэтому, когда впервые были избраны епископы ирландского происхождения, они были взяты либо из самой Ирландии, как доктор Англия,

епископ Келли из Ричмонда или Конвелл из Филадельфии, либо из монастырей Рима, как епископы Коннолли и Конканен из Нью-Йорка. Епископа Игана из Филадельфии вряд ли можно назвать исключением, поскольку он провел в этой стране всего несколько лет, когда был возведен в епископский сан. Немецкий элемент проявился только в Пенсильвании.

Именно при таких обстоятельствах этот поток пустынных людей начал течь, постепенно распространяясь по огромным регионам и принося с собой только свою непобедимую веру.

Из "горчичного семени" должно было вырасти благородное дерево, но пока это был лишь слабый саженец. В 1785 году епископ Кэрролл подсчитал численность католического населения штатов: "В Мэриленде - семнадцать тысяч; в Пенсильвании - более семи тысяч; и, насколько удалось выяснить, в других штатах - около пятнадцати сотен". Нью-Йорк пока не мог похвастаться и сотней католиков.

Как и все прочное и могущественное, первый взмах этой огромной волны был медленным и тихим, едва заметным, пока мало-помалу рябь не распространилась по огромному океану.

Первые очевидные причины хорошо описал Т. Д. Макги в своей книге "Ирландские поселенцы": "Начало Французской войны в 1793 году и унижительный законодательный союз 1800 года лишили многих хлеба, а всех - свободы на родине, и заставили механическое и сельскохозяйственное сословие отправиться за Атлантику.

"До сих пор ирландцы колонизировали, сеяли и жали, воевали, говорили и принимали законы в Новом Свете, если не всегда пропорционально своей численности, то всегда в меру своих образовательных ресурсов. Теперь они собираются насадить новую эмблему - Крест - и новый институт - Церковь - по всему американскому континенту. Ибо веру своих отцов они не оставили; более того, где бы ни возвышались шесть ирландских крыш, там вы найдете крест Христов, возвышающийся над всеми, и кельтское благочестие и кельтский энтузиазм, все вздохи и слезы, преклоняющие перед ним колени".

Давайте рассмотрим несколько конкретных признаков наступления этой великой волны в ее первом, едва заметном движении.

"Джон Тимон родился в Коневаго, штат Пенсильвания, 12 февраля 1797 года и был крещен 17 числа того же месяца; его родители, Джеймс Тимон и Маргарет Ледди, совсем недавно прибыли в эту страну из Ирландии и были родом из Белтурбета, графство Каван. Семья из десяти детей, из которых Джон был вторым сыном, благословила католический дом этих благочестивых родителей." - (Жития американских епископов.)

"Фрэнсис Ксавьер Гартланд родился в Дублине, Ирландия, в 1805 году; он приехал в Америку, будучи еще ребенком, и получил образование в школе Маунт-Сент-Мэри, Эмметсбург." - (Там же).

"Джон Б. Фицпатрик родился в Бостоне 1 ноября 1812 года. Его родители эмигрировали из Ирландии и поселились в Бостоне в 1805 году" (Ibid.).

Что обнаружили родители будущего епископа по прибытии в Бостон? В предыдущем году в этом городе была собрана первая католическая община аббатом Ла Пуатре, капелланом французского флота, который остался в Америке после отплытия французского флота, оказавшего столь мощную помощь в борьбе за независимость Америки. В 1808 году, за четыре года до рождения того, кому суждено было носить митру, католики получили старую "Французскую церковь" на Школьной улице, которая, вероятно, была домом собраний кальвинистов.

Другой ценный вейвлет был следующим: "Епископ Ланиган размышлял" (в Ирландии) "о создании религиозной общины в городе Килкенни и наметил мисс Алису Лалор в качестве одного из ее будущих членов. Но в 1797 году ее родители эмигрировали из Ирландии и поселились в Америке, и она сочла своим долгом сопровождать их. Но она пообещала епископу вернуться через два года. Прибыв в Филадельфию, она познакомилась с преподобным Леонардом Нилом. . . . Убедившись, что по замыслу Провидения она не должна покидать Америку ради Ирландии, отец Нил освободил ее от обещания вернуться в Килкенни, чтобы она стала его помощницей в основании религиозного ордена в США (Монахини Посещения)" (Ibid.).

Молодая церковь уже лишала старую некоторых из своих лучших членов, которые должны были придать определенный вес ирландскому элементу в этой стране.

"Джордж А. Каррел родился в Филадельфии. . . . Он был седьмым ребенком у своих родителей-ирландцев, а дом, который они занимали и в котором он родился, был старым особняком Уильяма Пенна на углу Маркет-стрит и Летиция-Корт" (Там же).

Здесь естественно напрашиваются два коротких замечания. Филадельфия - город, который чаще всего упоминается, когда говорят об иностранцах, высадившихся в Северной Америке в то время. Тогда это была великая гавань страны, Нью-Йорк еще не достиг того превосходства, которым он пользуется сейчас. Поэтому Церковь насчитывала семь тысяч детей в Пенсильвании, но очень мало к северу от этого города. Туда же в большом количестве прибывали немецкие католики, которые распространялись в основном на запад и юг. Таково было направление католической волны.

Наше второе замечание касается только дома, в котором родился тот, кто стал епископом Каррелом. Казалось вполне уместным, чтобы ирландская католическая семья так рано завладела местом жительства основателя колонии, поскольку католической церкви было суждено, в основном благодаря ирландскому элементу, вытеснить и изжить маленькую церковь "Друзей".

Однако все только что приведенные факты являются исключительными и касаются лишь избранных. Что же стало с основной массой? Как обычно, история по большей части хранит молчание по этому поводу. Несколько слов - единственная запись, которая может дать нам представление о реальном положении подавляющего большинства этих бедных, бездомных, безвестных иммигрантов, на которых, тем не менее, возлагались большие надежды на будущее.

К счастью, у нас есть некоторые возможности составить свое мнение; и мы увидим, что их положение было во многом таким же, как и у их более ранних соотечественников. Например, в "Жизни американских епископов" мы читаем следующую поразительную историю:

"Аббат Шеверус очень часто совершал длительные путешествия, чтобы передать утешения религии или совершить акты благотворительности. Примерно в это время (1803 год) он получил письмо от двух молодых ирландских католиков, заключенных в Нортгемптонской тюрьме, которые были приговорены к смерти без справедливых оснований, как считалось почти повсеместно, с просьбой приехать к ним и подготовить их к печальной и жестокой участи. Он поспешил к ним на помощь и вдохновил их на самые героические чувства и настроения, которые они сохранили до последнего рокового момента казни. По обычаю, заключенных вели в ближайшую церковь, чтобы послушать проповедь, произнесенную непосредственно перед казнью; несколько протестантских священников представились, чтобы произнести проповедь, но аббат Шеверус заявил о своем праве исполнять эту

обязанность, как выбор самих заключенных, и, после долгих трудностей, ему было позволено взойти на кафедру. Его проповедь поразила всех присутствующих изумлением, благоговением и восхищением".

Здесь, в 1803 году, мы имеем почти повторение смерти бедной женщины Гловер; и если бы не высокий характер замечательного человека, поспешившего им на помощь, эти две молодые ирландские католички имели бы единственной религиозной подготовкой перед смертью проповедь одного или нескольких протестантских священников; а поскольку великий и добрый Чеверус не мог быть везде в Новой Англии, можно не сомневаться, что такая судьба постигла не одного из новоприбывших иммигрантов.

В 1800 году и в последующие годы в Нью-Йорке высадилось сравнительно большое количество ирландцев, и вскоре среди них вспыхнул будущий страшный бич их расы - корабельная лихорадка. Доктор Бейли, отец миссис Сетон, в то время был санитарным врачом в нью-йоркском порту, и он разрешил своей дочери посещать и делать добро среди них. На нее произвело глубокое впечатление религиозное поведение ирландцев, только что высадившихся на берег. Преподобный доктор Уайт рассказывает в своей "Жизни": "... "Первое, что сделали бедняки, когда разбили свои палатки, - собрались на траве и, стоя на коленях, поклонились нашему господину за его милость; и каждое утро солнце застает их за повторением своих славословий". В письме к невестке она описывает их страдания от "чумы" в следующих золотых словах:

"Ребекка, я не могу спать; умирающие и мертвые занимают мои мысли - младенцы, умирающие у пустой груди матери. И это не фантазия, а сцена, которая меня окружает. Отец говорит, что такого еще не бывало; что здесь двенадцать детей, которые должны умереть просто от недостатка пропитания, не в силах взять больше груди, и от убогости их родителей, лишенных ее, поскольку они пролежали больными много дней на корабле, без еды, воздуха и смены. Милосердный отец! О, как охотно я отдал бы им каждому по очереди сокровище моего ребенка, будь у меня выбор! Но, Ребекка, у них есть кормилец на небесах, который смягчит муки страдающей невинности".

Когда она писала эти строки, миссис Сетон еще не исповедовала католицизм, но как искренне она прониклась духом Церкви Христовой! Счастливы были бы бедные переселенцы, если бы встретили только протестантов, подобных ей по посадке, и ее отца, который, хотя и не позволил ей стать приемной матерью этих несчастных детей, поскольку ее первым долгом был ее собственный ребенок, сам умер, став жертвой своего милосердия к их родителям, заразившись, исполняя свой долг, лихорадкой, которую они принесли с собой и которую он пытался унять!

Следующий факт, завершающий эту часть нашего расследования, произошел несколько позже, но именно он послужит связующим звеном с последующими рассуждениями и откроет нам глаза на реальное положение этой уже разбухшей массы иммигрантов.

"В 1823 году епископ Коннолли (Нью-Йоркский) посетил всю свою епархию. . . . Он проехал по маршруту канала Эри, строительство которого было начато в 1819 году, где было привлечено большое количество ирландских рабочих, среди которых епископ трудился с неутомимым рвением". В то время духовенство всей епархии состояло из восьми священников и их епископа.

Наконец-то мы видим "ирландский народ" за работой. Зрелище полно печали, и единственное чувство, которое может переполнить сердце, - это глубокая жалость. В огромной пустыне Запада, какой она тогда была, вдоль общественных работ, протянувшихся

на сотни миль, большие бригады мужчин - именно такое выражение мы вынуждены использовать - усердно трудятся вдоль этой унылой реки Мохок; взрывают камни, копают в твердой глине, выкорчевывают деревья, очищают землю от бриаров, спутанных кустов и огромного количества мусора животного и растительного происхождения, накопившегося за века. Именно эта работа "привлекала" большое количество ирландских рабочих. Они покинули свою страну, пересекли океан при обстоятельствах, о которых нам еще предстоит узнать, и высадились на этих (в то время) негостеприимных берегах, чтобы найти работу; и они нашли то занятие, о котором только что говорилось. Мы можем представить себе "лачуги", в которых они жили, гарпий, которые процветали на них, бесчисленные побои, которым они подвергались. Учитывая, что в огромном штате Нью-Йорк и в половине штата Нью-Джерси было всего восемь священников со своим епископом, мы можем составить некоторое представление о том, как они жили и умирали.

Как они, должно быть, благословляли этого епископа, покинувшего Рим, свою вторую родину, и благородные ассоциации, окружавшие его в Вечном городе, чтобы прийти на помощь своим несчастным соотечественникам, рассеянным в Новом Свете! И он вполне заслужил это благословение!

Но его путешествие по каналу Эри могло быть не более чем настоящим переходом - мимолетным пребыванием в течение нескольких дней или недель, не более. Что стало с этими бандами людей после, что случилось с ними до этого, никто не сказал, никто не рассказал, никто теперь не может установить; нам остается только строить догадки, а зрелище, как мы уже говорили, слишком печальное, чтобы на нем останавливаться.

Но в этом меланхолическом представлении скрыт великий и славный факт. Это было начало "апостольской миссии" целого народа, миссии, которая станет одной из самых трогательных и значительных страниц церковной истории девятнадцатого века. Каждый христианин знает, что апостольская работа - это тяжелый труд; основную тяжесть сражения должны нести самые первые на этом поприще, чтобы об их преемниках можно было сказать словами Евангелия: "Vos in labores eorum introistis".

Такова была тяжелая участь переселенцев в глубине страны, но была ли гораздо более завидной участь тех, кто остался в городах? Об этом мы можем судить, по крайней мере, в отношении Нью-Йорка. В письме епископа Дюбуа, опубликованном в томе viii "Летописи распространения веры", мы встречаем следующее исчерпывающее описание:

"В начале этого века вновь прибывшие иммигранты были заняты в качестве поденщиков, слуг, подмастерьев, клерков и лавочников. Состояние этого класса здесь точно такое же, как и в Англии; оно полностью зависит от воли торговца: не потому, что их принуждают к этому законом, а потому, что только богатые, будучи в состоянии авансировать капитал, необходимый для фабрик, паровых машин и мастерских, заставляют бедных работать на них на условиях, установленных хозяевами. Эти условия, особенно в случае со слугами, иногда перерастают в тиранию; их часто заставляют работать по воскресеньям, отказывая им в разрешении послушать даже слабую мессу; они обязаны в определенное время помогать в молитвах секты, к которой принадлежат их хозяева, и у них нет другого выхода, как либо совершить насилие над своей совестью, либо потерять свое место, рискуя не найти другого. Добавьте к этому оскорбления, клевету в адрес католиков, которые они вынуждены ежедневно слышать - своего рода преследования со стороны своих хозяев, которые делают все, чтобы отвратить их от религии; подумайте об опасностях, которым подвергаются многочисленные сироты, теряющие своих отцов почти сразу после высадки на берег; добавьте к этому недостаток духовной помощи, являющийся необходимым следствием

нехватки миссионеров, и вы получите слабое представление о препятствиях любого рода, которые нам приходится преодолевать. . . . Если иммигрант, отец семейства, умирает, у вдовы и сирот нет других средств, кроме общественной благотворительности; а если удастся найти дом для детей, то он почти всегда находится среди протестантов, которые делают все возможное, чтобы подорвать их веру".

Эта картина жизни иммигрантов в Нью-Йорке, безусловно, повторялась и во всех других крупных городах. При таком стечении неблагоприятных обстоятельств вполне вероятно, что мужчины и женщины любой другой нации полностью утратили бы свою веру. Такова была мрачная перспектива для новоприбывших. Кто в то время смел надеяться стать свидетелем утешительного зрелища, которое последовало вскоре? Чтобы начать с рассвета того светлого дня, мы должны перейти к новому периоду иммиграции, начавшемуся в 1815 году или вскоре после него и продолжавшемуся вплоть до "исхода" 1846 года.

Прежде чем приступить к рассмотрению этого вопроса, будет нелишним проанализировать причины, побудившие столь многих покинуть берега Ирландии. С 1815 года число иммигрантов значительно возросло и продолжало неуклонно расти, пока не достигло поразительных размеров в 1850 и последующие годы.

Легко доказать, что причины этого были двоякими: 1. Убогое состояние подавляющего большинства ирландцев в лучшие времена. 2. Периодические голода, которые регулярно посещали остров с начала прошлого века. В любое время в силах англичан было исправить обе причины, внося определенные изменения в существующие законы. Первое из них, очевидно, является необходимым результатом уголовных законов, которые превратили ирландцев, по воле законодателей, в нацию нищих. Второе может быть только результатом законов, влияющих на землевладение, торговлю и производство в стране.

Приписывать нищенство, которое сейчас кажется неотъемлемой частью ирландской нации в их собственной стране, лени и непредусмотрительности самих туземцев, как это принято у английских писателей, значит сознательно закрывать глаза на две очень важные вещи: их прошлую историю в их собственной стране и их нынешнюю историю за ее пределами.

Что касается их прошлой истории на их собственной земле, то это установленный факт, что нищенство было неизвестно на острове, пока протестантские законодатели не ввели его своими конфискациями и законами с явным намерением уничтожить, искоренить или изгнать расу. То, что было сказано ранее по этому поводу, не может быть опровергнуто, и этого достаточно для оправдания ложно обвиненного народа. Можно было бы надеяться на более быстрое и счастливое решение досадной "ирландской проблемы", если бы внуки тех, кто причинил зло, честно признали недостатки своих предков - это самое меньшее, что можно от них ожидать; и не будет слишком большим, если представить их достаточно честными, чтобы исправить эти недостатки в наши дни суровой расплаты и самокритики.

Что касается нынешней истории расы за пределами своей земли, то теперь, когда она рассеяна этими тяжелыми бедствиями по всему миру, какими бы чертами ни обладали ее дети, вряд ли можно причислить к ним лень и непредусмотрительность, учитывая успех, который сопутствует их повсеместному шествию. И если кажется, что эти качества уходят корнями в родную почву, то они являются лишь "импортом", как и люди, которые их там закрепили, и обусловлены лишь стесненным положением, в которое их так тщательно заключили законодатели. Откуда взяться энергии, если все мотивы, которые могли бы побудить ее к действию, были отняты? Как можно улучшить их положение, когда каждое

улучшение лишь накладывает на них дополнительное бремя в виде непосильной арендной платы или выселения?

В своей работе "Социальное положение народа" мистер Кей приводит цитаты из "Эдинбургского обозрения" за январь 1850 года, свидетельства по этому вопросу, данные английскими, немецкими и польскими свидетелями в Комитете по эмиграции, и доказательства, собранные из всех источников, относительно быстрого улучшения положения ирландского эмигранта, куда бы он ни отправился, безусловно, убедительны.

Что касается глупого (ибо ничем иным оно не является, если только не злым) утверждения, что эти страшные голодающие, о которых идет речь, должны быть приписаны самим страдальцам, то в опровержение этого следует сказать только то, что в те самые годы, когда тысячи людей ежедневно уносились с лица земли в Ирландии - 1846 и 1847 - гавани острова были заполнены английскими судами, груженными грузами провизии всех видов для перевозки в Англию с целью выплаты ренты, причитающейся отсутствующим домовладельцам: И вся эта провизия была продуктом голодающей земли, добытым трудом голодающего народа. Так неизменно происходило, когда голод охватывал остров: богатства острова находились в его гаванях, хранились в трюмах иностранных судов, чтобы быть вывезенными и превращенными в деньги, с помощью которых эти благородные англо-ирландские лендлорды могли бы "поддерживать" жизнь.

Другие приписывают эти периодические визиты избытку населения; но, не вступая в дискуссию по этому вопросу, сэр Роберт Кейн в своих "Промышленных ресурсах Ирландии" показывает, что, принимая остров в его нынешнем состоянии и при существующей системе земледелия, он мог бы с легкостью содержать восемнадцать миллионов жителей; что, если бы лучшие методы земледелия были приняты в целом, почва, при двойных и даже тройных урожаях, могла бы прокормить без труда не только двадцать пять миллионов, цифру, указанную г-ном Гюставом де Бомоном. Гюстав де Бомон, выдающийся французский публицист, но и от тридцати до тридцати пяти миллионов жителей.

Но, как замечает тот же рассудительный писатель, "огромное количество скота, ежегодно вывозимого из Ирландии в Англию, в таком случае потреблялось бы в стране, которая его производит".

Таким образом, очевидно, что предполагаемый избыток населения Ирландии, как говорит сэр Роберт Кейн, является плодом чистого воображения, совершенно идеальным, и что сожалеть следует о его неравномерности, а не о его совокупном количестве.

Но никто не представил этот вопрос более ясно и не решил его более точно, чем г-н Гюстав де Бомон в своей восхитительной работе об Ирландии, из которой мы приводим один или два показательных отрывка, как они приведены в книге отца Перро "Ирландия под английским правлением".

"Знаменитый французский публицист, который первым представил нам (во Франции) полную картину состояния Ирландии, изучая в 1829 году, как эмиграция может или не может устранить все те несчастья, свидетелем которых он был, предложил себе следующие вопросы:

"I. До какой степени следует довести эмиграцию, чтобы добиться существенного изменения общего состояния Ирландии? А именно, путем удаления предполагаемого избытка населения".

"II. Возможно ли осуществить ее в предложенном объеме?

"III. Если предположить, что это осуществимо, будет ли это радикальным и окончательным решением существующих трудностей?

"Сторонники эмиграции ответили на первый вопрос, оценив минимум в два миллиона человек число лиц, которые должны были бы покинуть Ирландию за один раз, чтобы создать там такой вакуум, который улучшил бы условия труда и существования остального сельскохозяйственного населения.

"На основании этих данных решение второго вопроса было простым. Было нетрудно доказать, что эта система неосуществима в столь крупных масштабах; неосуществима из-за недостаточности имеющихся в распоряжении транспортных средств; неосуществима из-за огромных сумм, необходимых для ее осуществления.

"В самом деле, если предположить, что один эмигрантский корабль будет перевозить тысячу пассажиров, что является очень высокой цифрой, то потребуется две тысячи судов для достижения поставленной цели, а именно внезапной и всеобщей эмиграции всего так называемого избыточного населения. Иными словами, весь торговый флот Великобритании должен был быть отвлечен от мировой торговли и зафрахтован для осуществления этого весьма химерического плана. Где взять сумму, необходимую для покрытия самых необходимых расходов и удовлетворения насущных потребностей двух миллионов пассажиров? И какая страна в мире подчинилась бы нашествию чудовищ, подобных тем, что происходили в варварские времена? Если, конечно, эти два миллиона человек не были заранее холодно преданы голодной смерти, была ли хоть одна страна, в которой можно было бы надеяться, что они сразу же найдут работу или средства к существованию?"

Все эти невозможности, действительно подлинные и в то время, в 1829 году, непредвиденные, стали возможны благодаря Провидению, продлившему срок перевозки с одного года до двадцати; так что вместо двух в действительности было перевезено три с половиной миллиона.

Но здесь месье де Бомон проявил весь свой талант к оценке и острому мышлению, когда перешел к рассмотрению третьего и самого неудобного вопроса из всех. Была ли уверенность в том, что при неизменной системе аренды и обработки земли эмиграции будет достаточно, чтобы залечить эти неизлечимые язвы и осуществить, в соответствии с пожеланиями ее сторонников, социальные преобразования?

В этой связи он показал, не терпящим возражений образом, что эмиграция трети или даже половины населения не приведет к радикальному прекращению бедственного положения страны. Трудности Ирландии заключаются не в неспособности производить продукцию, которой можно было бы прокормить население; они кроются в способе управления земельной собственностью - системе, которую никакая эмиграция не сможет изменить; Ибо, "если один из первых принципов лендлорда состоит в том, что фермер должен получать от обработки земли не больше, чем необходимо для его содержания, - если, кроме того, этот принцип, как правило, неукоснительно соблюдается, и все экономические средства существования, к которым прибегает фермер, обязательно вызывают рост арендной платы, - что, при таком предположении (печальная реальность которого прекрасно осознается каждым, кто знает Ирландию), может быть следствием сокращения населения?"

Всегда вынужденный жить как можно экономнее, чтобы избежать повышения ренты, и вынужденный ежедневно терпеть лишения, чтобы выполнить свои обязательства, как ирландский фермер может выиграть от отъезда своего соседа? "Таким образом, после

исчезновения миллионов ирландцев судьба оставшегося населения ничуть не изменится; оно навсегда останется таким же жалким".

Затем, обратившись к прошлому, составив печальный перечень потерь Ирландии за последние три столетия и вызвав в этих слишком красноречивых фигурах акценты трогательного красноречия, писатель спрашивает себя, насколько такое количество кровопролитий, такие армии людей, сраженных смертью или спешно покинувших страну на транспорте, такое количество вымерших семей и тому подобное способствовало восстановлению и спасению Ирландии?

"Откройте летопись Ирландии и посмотрите, насколько малое влияние оказали все эти насильственные действия и все эти чрезвычайные случайные причины обезлюдения на социальное положение страны. Подсчитайте число душ, погибших во время религиозных войн; подсчитайте тысячи ирландцев, погибших под мечом Кромвеля; ко всем этим, уничтоженным победителем, добавьте мириады, которые он перевез; подумайте о сотнях тысяч, погибших от голода, число которых в один год, 1741, превысило сорок тысяч; не упускайте из виду и то немалое число, которое ежегодно погибало от руки палача; кроме того, добавьте к этому двадцать пять или тридцать тысяч человек, которые ежегодно эмигрируют из страны" (это было написано до 1830 года); "и, изложив эти факты, вы ожидаете последствий: когда посреди этих различных кризисов вы увидите Ирландию всегда одинаковой, всегда одинаково жалкой, всегда переполненной нищими, всегда носящей с собой одни и те же отвратительные и глубокие раны, вы поймете, что несчастья Ирландии проистекают не из количества ее жителей; Вы придете к выводу, что природа ее социального положения состоит в том, чтобы порождать беспредельную нужду и бесконечные бедствия; что, если предположить, что миллионы бедняков были бы выметены из нее ударом волшебной палочки, другие будут в изобилии подниматься из источника несчастий, который в Ирландии никогда не иссякает; и что вина лежит не в количестве ее населения, а в действующих в стране институтах."

Знаменитый французский писатель, безусловно, указал на истинные причины бедственного положения Ирландии. Он показал, насколько ложными были те притворные причины, которые в то время приписывали им англичане; он коснулся ключевого момента - землевладения; И, как доброжелатель Ирландии, не желая новых бедствий, он решительно выступил против различных фантастических проектов массовой эмиграции, предложенных многочисленными британскими писателями, многие из которых, например, редакторы лондонской "Таймс", были побуждены к их обнародованию своей глубокой ненавистью к старой расе, что заставило их представить под современной одеждой старые норманнские и пуританские филантропические желания выкорчевать и снести ирландцев с лица земли.

Поэтому проекты эмиграции наиболее охотно продвигались врагами ирландцев, а их настоящие друзья в то время в целом выступали против этого движения. Но поскольку истинные причины несчастий ирландцев либо не замечались, либо не ценились, а если и были известны, то старательно поощрялись, чтобы достичь единственной цели, пронизывающей всю английскую политику, - опустошить остров и уничтожить расу, - в конце концов для народа действительно возникла острая необходимость бежать; поэтому с 1815 по 1845 год волна эмиграции начала быстро расти, увеличиваясь в объеме и расширяясь из года в год. В середине пути между двумя крайними точками, около 1830 года, она составила от двадцати пяти до тридцати тысяч человек. Месье де Бомон не мог понять, как можно перевезти сразу два миллиона. Да и не было их. Но он не предвидел, что за двадцать лет, последовавших за тем, когда он писал, с острова будет вывезено более трех с половиной миллионов; и все трудности, которые он предвидел - необходимое количество кораблей,

огромные суммы денег, страны, где можно было бы принять такое количество, - были созданы Провидением для распространения ирландцев во многих странах. Но эти соображения можно лишь вкратце затронуть здесь; они станут интересной темой следующей главы. Сейчас нам предстоит рассмотреть начало великого исхода, который пока ограничивается Канадой и Соединенными Штатами, но уже творит чудеса на огромном пространстве страны, раскинувшейся между рекой Святого Лаврентия и Мексиканским заливом.

Согласно официальным отчетам об эмиграции из "Соединенного Королевства" с 1815 по 1860 год включительно, мы видим, что в целом до 1839 года большее число людей эмигрировало в Канаду; с этого времени, но в основном после 1845 года, большее число отправилось непосредственно в Соединенные Штаты. Давайте сначала поищем причину такого изменения направления, а затем - его результат.

Гомер, более мудрый, чем многие современные философы, говорит нам, что "есть существа, которые имеют одно имя среди людей и совсем другое среди богов". Что верно в отношении имен, то верно и в отношении того, что они обозначают, - мотивов и вещей в целом. Люди часто приписывают действиям мотивы, далеко отличные от тех, что известны Богу; точно так же и мотивы людей, явно движимых Духом Божиим, часто находятся далеко за пределами понимания "философов". Мы далеки от мысли погружаться в Божественные мысли, чтобы с уверенностью вывести на поверхность то, что скрыто в их таинственных глубинах; но каждый христианин должен смиренно стараться проникнуть в них и скромно излагать то, что он из них почерпнул.

С какой целью ирландцы эмигрировали в таком большом количестве в Канаду на протяжении четверти века, с 1815 по 1840 год? Не потому, что Канада, как и тогда, является британской колонией: английские комиссары по делам эмиграции имели честность признаться позже, что спешка в Соединенные Штаты была вызвана их желанием избежать жизни под английским флагом. И не потому, что в Канаде открылись более широкие возможности для получения хорошей земли; ведь в Нижней Канаде, где они задержались надолго, земля уже была занята франко-канадцами, а в этом суровом климате почва не слишком плодородна. Не могло быть и удобств для транспортировки - примерно шесть месяцев в году устье Святого Лаврентия закрыто для кораблей, а путешествие по замерзшей земле - не самое желанное занятие, особенно для бездомных и безденежных переселенцев. И, наконец, это не сходство климата и языка с климатом и языком их собственного острова. Что же это могло быть?

По нашему мнению, человеческий мотив ирландцев не мог быть иным, кроме как религиозным; в Божественном же разуме мотив был еще более высоким и милосердным. Ирландцы слышали от немногих своих соотечественников, уже эмигрировавших в Соединенные Штаты, о том, с какими огромными трудностями они сталкиваются при исповедании своей религии. С другой стороны, они знали, что во всей Нижней Канаде нет ни одной деревни без католической церкви и священника, а Квебек и Монреаль - важные и полностью католические города. Этот великий факт ослеплял их, когда они понимали, что им придется столкнуться со многими неудобствами, эмигрируя в такую страну; или, скорее, они видели эти неудобства, но им было достаточно мысли о том, что их религия и религия их детей будут в безопасности в Канаде. Это те же люди, что и в девятнадцатом веке, и в предшествующих ему, и все благородные умы должны уважать их за то, что они впервые обратились к сверхъестественному.

Но был ли у Всевышнего замысел направить их на север континента и поселить столь большое их количество в этой стране на постоянной основе? Мы полностью убеждены, что ирландская раса сейчас и всегда была предопределена для выполнения высокой миссии на этой земле. То, что сейчас происходит на наших глазах, слишком очевидно, чтобы любой христианин мог отрицать это; и, признавая общий факт, что эта раса должна быть инструментом в руках Бога для распространения Его Церкви по всему миру, особенно в англоязычных странах, чтобы исправить своим присутствием и влиянием во всех уголках земного шара дурные последствия распространения того, что мы называем яфетизмом среди восточных рас, давайте попытаемся увидеть, как их приезд для поселения в Канаде послужил этой великой цели.

Евангелие Господа нашего впервые было проповедано в этих мрачных краях выходцами из галльской расы. Труды католических миссионеров в Канаде, в частности членов Общества Иисуса, сегодня хорошо известны и оценены. Французская колония в Канаде с самого начала была католической колонией: Это не было завоеванием, не было коммерческим предприятием, не было трансатлантическим садом для роскошных французов: это было то, что мистер Бэнкрофт хорошо назвал "миссией". Желание привлечь души к Христу положило начало этой работе, пронеслось через всю ее почти до конца. Кровь мучеников освятила ее; кровь Раслеса, пролитая еретиками; кровь Лаллемана, Бребефа и Жогэ - язычниками. Но после передачи колонии Англии, хотя условия уступки были настолько благоприятны для религии, насколько можно было пожелать, и британская власть не смогла ввести там ни одного из уголовных законов, которые до сих пор так сильно давят на английских и ирландских католиков, тем не менее, вследствие этого возникла большая опасность, которая особенно видна сейчас, по прошествии более чем столетия. Хотя католицизм не мог преследоваться, и в кои-то веки Англия добросовестно соблюдала условия капитуляции, включавшей религиозную сторону, так же мало можно было исключить ересь или отказать ей в некоторых привилегиях, которыми она пользуется в материнской стране. Правительство должно было управляться в основном протестантскими чиновниками; новые переселенцы из Англии должны были состоять, в основном, из протестантских купцов и ремесленников. Англиканская церковь вскоре приобретет престиж, богатство и влияние. Страна на востоке, правда, густо заселенная фермерами-католиками, надолго останется католической; но в крупных городах, прежде всего в Квебеке и Монреале, следует ожидать притока протестантов всех сект; в то время как на западе, где французы почти не занимали территорию страны, численное большинство вскоре склонится на сторону новоприбывших из Англии и Шотландии. Английский язык постепенно вытеснит французский, и с самого начала можно было предвидеть, что через некоторое время, несмотря на быстрый рост числа франко-канадцев по рождению, католицизм сначала утратит свое превосходство, а через некоторое время, возможно, займет очень низкое положение.

Религия, исповедуемая многими миллионами людей, связанных с центром единства, никогда не уклонялась от равного соперничества и уверена в победе, когда ее оставляют свободной и неограниченной; но в Канаде следует заметить, что, если бы не приезд ирландцев, все католическое население говорило бы по-французски, будучи окруженным и поглощенным почти сектантами всех оттенков, говорящими по-английски. Странное зрелище предстало бы перед нами - возможно, никогда до сих пор не наблюдавшееся зрелище католического и протестантского языка. Разделение двух лагерей произошло бы главным образом на этой особой основе; и нет никаких сомнений в том, что с энергичной молодежью Соединенных Штатов, которая так быстро развивалась на юге и которой суждено

было перенести английский язык на весь северный континент, вместе с распространением английского и шотландского языков на север и запад, французскому языку суждено было становиться все более узким, и его окончательное исчезновение в Америке, вероятно, было бы лишь делом времени.

Если нам позволено изучать, любить и восхищаться замыслами Провидения в отношении людей, то кто скажет, что самонадеянно утверждать, будто рука Божья направляла ирландских изгнанников и ставила их на место, дабы предотвратить печальное зрелище земли, заселенной святыми людьми, принадлежащая почти исключительно Богу и Христу, привязанная к истинной Церкви столькими трудами, понесенными ради распространения истины, и запомнившаяся столькими героическими добродетелями, проявленными в этих промерзших диких местах и мрачных лесах, рано или поздно попадет в руки самых неумолимых врагов папства?

Нельзя самонадеянно приписать это замыслам Провидения, поскольку иначе невозможно обнаружить ни одной причины, которая могла бы повлиять на ирландцев, выбравших это пустынное место для своего изгнания. Поэтому они приехали в большом количестве, чтобы отдать себя под духовный контроль священников, не понимающих ни их родного языка, ни заимствованного английского, который они привезли с собой; они приехали, уверенные, что все католические церкви, построенные до их приезда, будут открыты для них, и что пасторы этих французских общин примут их не как чужаков, а как давно потерянных детей, наконец-то освобожденных из страны рабства и пришедших разделить свободу, которую обеспечили им поселенцы.

Статистика иммиграции ведется с 1815 года, поэтому легко определить количество ирландцев, высадившихся в Канаде именно в тот период, о котором идет речь. И хотя определенное количество, которое увеличивалось с годами, не оставалось в стране, где они впервые высадились, а сразу же или вскоре после этого устремлялось на юг, в Соединенные Штаты, все же значительная часть оседала в стране на постоянное место жительства.

В период с 1815 по 1839 год в Канаду прибыло полмиллиона англоговорящих людей. В то время не делалось различия между тремя разными классами, прибывшими из Англии, Шотландии и Ирландии; но когда впоследствии эта классификация была проведена, ирландцы составили стабильные три четверти от общего числа. Применяв эту пропорцию к рассматриваемому времени, мы получили большую сумму в триста семьдесят пять тысяч человек. Впоследствии это число значительно увеличилось, хотя большее количество все же отправилось непосредственно в Соединенные Штаты; таким образом, установлено, что в течение десяти лет, с 1839 по 1849 год, в Канаду прибыло четыреста двадцать восемь тысяч ирландцев, то есть по пятьдесят тысяч в год.

Страна, в которой они поселились, безусловно, была большой, поскольку включала в себя не только собственно Канаду, но и британские провинции Нью-Брансуик, Новую Шотландию и крупные острова, расположенные поблизости. Но поскольку ирландцы, вопреки своему прежнему обычаю, теперь предпочитают селиться в больших городах и собираться вместе, а не затеряться в малонаселенном районе, их приезд весьма ощутимо сказался на населении таких важных городов, как Квебек и Монреаль, а также растущих западных городов - Торонто, Кингстона и других. Английский язык перестал быть исключительно протестантским; а поскольку более быстрый прирост ирландцев по рождению вскоре уравнивал бы их численность и в конечном итоге дал бы им перевес, было ясно, что страна в конечном итоге

останется католической, даже если предположить, что французский язык будет окончательно забыт.

Первая массовая эмиграция в крупные города Канады была вызвана еще и тем, что восточные провинции не подпадали под действие договора о капитуляции, и уголовные законы в них все еще не были отменены. В начале этого века мы видим, как отцу Берку, пожелавшему открыть школу для католических детей в Галифаксе (Новая Шотландия), пригрозил исполнением закона тогдашний губернатор провинции, если он будет упорствовать в своей попытке, и эта угроза была предотвращена от исполнения только благодаря либеральному духу протестантских жителей. Поток эмиграции в колонии к югу и востоку от реки Святого Лаврентия был, следовательно, гораздо более поздним, фактически, по большей части, совсем недавним.

В Ньюфаундленде ситуация была еще хуже. Этот регион был уступлен Великобритании Францией в 1713 году по Утрехтскому договору; и хотя в договоре оговаривалась свобода вероисповедания, тем не менее, страна оставалась закрытой для католических священнослужителей, поскольку это условие было аннулировано предательской оговоркой "насколько позволяют законы Англии". "Поэтому французские католики со своим духовенством вскоре были вынуждены покинуть колонию, и уже в 1765 году, по словам г-на Магуайра ("Ирландцы в Америке"), губернатор острова издавал приказы, достойные царствования королевы Анны. По словам доктора Мердока, епископа Сент-Джонса (Ньюфаундленд), "ирландцы не имели свободы воздушных птиц строить или ремонтировать свои гнезда; у них за спиной был лес или каменистая почва, которую им не разрешалось, без труднодоступной лицензии, отвоевывать и обрабатывать. Их единственным ресурсом был бурный океан, и они видели, как богатства, добытые на глубине, тратились в других землях, оставляя им лишь скудное пропитание".

Поэтому ирландцы вынуждены были опираться на города Нижней Канады, где, к тому же, они нашли множество церквей и священников. Квебек стал их первым пристанищем, и вскоре они составили большой процент населения. Монреаль был выбран ими с самого начала, куда они прибывали толпами, привлеченные огромным удовольствием, которое они испытывали от счастливой возможности жить и умереть в действительно католическом городе, где, в какую сторону ни повернись, их глаза радовал вид великолепных церквей, колледжей, монастырей, больниц, с крестом, символом их веры, возвышающимся почти над всеми общественными зданиями города.

Западная Канада пока оставалась непривлекательным полем для ирландцев. Большое количество шотландцев и "оранжистов" уже обосновались там, когда британское правительство, приняв схему эмиграции в Ирландию, предложило им выгодные условия для перевозки и поселения. Вторжение английского протестантизма грозило в первую очередь с запада, и католики Ирландии, по воле Провидения, должны были противостоять этой опасности. Поэтому неудивительно, что английское правительство, подчинившееся замыслам, сильно отличающимся от его собственных, в 1825 году предложило взять на себя все расходы по созданию больших колоний ирландцев в этих диких местах - диких тогда, но полных надежд на будущее. Среди других колоний, перевезенных на телесном транспорте, мистер Магуайр рассказывает о четырехстах пятнадцати семьях, состоящих из двух тысяч человек, все с юга Ирландии, настоящие "ирландцы по рождению и крови", перевезенные из порта Корк в Западную Канаду на борту британских кораблей под эгидой правительства. Их история заслуживает внимания, и прежде всего их обращение к губернатору провинции после того, как они преодолели первые трудности своего нового положения: "Мы страдаем от тяжелой обиды, которую, как мы надеемся, ваше превосходительство устранил, и тогда мы

будем полностью счастливы, а именно: от нехватки священнослужителей, которые бы давали нам утешения нашей святой религии, и хороших школьных учителей, которые бы обучали наших детей".

Однако, несмотря на усилия британских государственных деятелей направить поток ирландской эмиграции в северную часть американского континента, число тех, кто добровольно пересекал Атлантику, чтобы поселиться непосредственно в Соединенных Штатах, неуклонно росло. Они не только находили там полную свободу вероисповедания, но и отсутствие священнослужителей постепенно становилось все менее ощутимым, а каждое новое созданное епископство становилось центром религиозной жизни и бодрости.

Кроме того, новая республика оказалась самой энергичной и предприимчивой нацией, какую только видел мир. Перед ней лежал целый континент, который нужно было покорить, и сразу же молодой гигант приготовился к решению поистине гигантской задачи. С прибытием каждого "пакетбота" Европа с изумлением узнавала о поразительной жизнеспособности вчерашней нации, состоящей из нескольких миллионов человек, которая уже раскинула свои границы на север до всей линии Великих озер, на запад до Тихоокеанского побережья и на юг до Мексиканского залива. Луизиана попала под раздачу, и из состояния дремоты, в котором она пребывала, огромная территория, носившая тогда это имя, внезапно пробудилась к чрезвычайно активной жизни. В самом начале века Миссури была пройдена до истоков, а Льюис и Кларк, перевалив через высокий хребет Скалистых гор, спустились по Колумбии до ее устья и установили границу Соединенных Штатов вдоль далеко раскинувшегося Тихого океана. Могучая Миссисипи, посреди этих великолепных владений, от истоков до устья принадлежала республике и, вместе со своими притоками, уже была оживлена многочисленными пароходами, проплывавшими вверх и вниз, неся с собой жизнь и все ее пожитки, и (в то время еще более многочисленными) плоскодонками, спускавшимися по течению, чтобы в свое время достичь Нового Орлеана.

Не было и мысли о том, чтобы помешать "иностранцам" приехать и принять участие в этом гигантском предприятии. Все жители, по сути, были чужаками на этой земле; и новоприбывшие, независимо от того, из какой страны они прибыли, имели такое же право сидеть за общим столом, как и первопоселенцы. Было сочтено и мудро признано, что реальные интересы молодой нации заключаются в том, чтобы принять такое большое количество людей, какое только может прислать Европа.

Так, мы уже видели большое количество ирландцев, работавших на строительстве канала Эри. В то время не было ни одной общественной работы, в которой они не принимали бы участия. А какая раса людей может быть лучше приспособлена для такой работы? Было бы интересно показать на основе хороших статистических таблиц, какую долю ирландцы действительно внесли в укрепление процветания Союза своим трудом, квалифицированным и неквалифицированным.

В тот период, к которому мы сейчас подошли, они уже толпились в гаванях Атлантики, поражая новоприбывшего европейца необычайной активностью, которая их характеризует; их было много на фабриках, только начинающих жить, из-за желания не зависеть от Англии в производстве всех промышленных товаров; они множились в больших отелях, в частных семьях, на полях за пределами больших городов. Кроме того, в зданиях, возведенных в то время в таком большом количестве, многие из них были заняты в качестве механиков и рабочих; и всякий раз, когда какое-нибудь грандиозное предприятие, направленное на будущее благосостояние страны, требовало большого количества людей, их можно было увидеть так, как никогда не видели даже в их собственной стране, где весь труд сводился к

индивидуальным усилиям каждого, которых хватало только на то, чтобы влачить жалкое существование.

В это время, около 1820 года, ирландские иммигранты селились, в основном, на Атлантическом побережье; немногие из них еще не пересекли даже хребет Аллегани. В восточных штатах они нашли себе занятие по душе, и неуклонный рост страны требовал их добровольной помощи. С этого времени Север стал их главной точкой притяжения, а штаты Пенсильвания, Нью-Джерси и Нью-Йорк - их большими курортами. Даже Новая Англия перестала быть для них запретной землей, и они начали распространяться по ее каменистой и бесперспективной поверхности, чтобы произвести там более значительные моральные изменения, чем, вероятно, в любом другом месте страны. В 1827 году, во время первого пастырского визита епископа Фенвика, когда он воздвиг на месте, ставшем памятным благодаря апостольским трудам отца Раслеса, монумент в память об этом святом человеке, мы читаем, что "затем он отправился на поиски некоторых ирландских католиков, живущих в Белфасте, штат Мэн, которых он нашел страдающими как за жизненные потребности, так и за пропитание души. Он облегчил их временные и духовные нужды, передал им свое благословение и дал несколько полезных советов".

В следующем году он смог сделать для них еще больше в Чарльзтауне, штат Массачусетс. 15 октября 1828 года, по сообщению "Бостонской газеты", "он заложил краеугольный камень католической церкви возле Крейгиз-Пойнт, предназначенной для размещения католиков этого места и Чарльзтауна, которые, как говорят, уже многочисленны". Нет сомнений, что несколько церквей, построенных в то время в штатах Мэн, Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Коннектикут и Род-Айленд, были заполнены скорее ирландскими иммигрантами, чем новообращенными американцами, хотя не мало утешительных примеров того, как церковь увеличивалась именно в этот период.

Но Нью-Йорк становился лидером в качестве места, где приютились покинутые дети Ирландии. Так, во время инсталляции епископа Дюбуа в соборе Святого Патрика 9 ноября 1826 года он обратился к ирландской части своей паствы, отметив, что "он испытывает к ним самые живые чувства привязанности. Он напомнил им о гонениях, которым они подвергались, защищая свою религию, о жертвах, на которые многие из них пошли, покидая родную страну, и призвал их всегда проявлять ту привязанность к религии своих предков, которая до сих пор так выделяла их среди братьев-католиков".

Весь штат начал наполняться новоприбывшими с Зеленого острова. Однако этот отряд составлял лишь едва заметную часть огромной армии, которая должна была последовать за ним. Вскоре мы вернемся и увидим, как ее массы неуклонно движутся на Запад и не останавливаются, пока не достигнут тихоокеанского побережья; мы увидим, с какой целью.

А пока уместно взглянуть на другое крыло этой армии, занимающее позицию непосредственно к югу от Азии, великого континента, на котором впервые на земле поселился человек и к которому, похоже, направлены все тенденции современной цивилизации.

Огромный остров, которому географы дали название пятого континента, с самого рассвета сотворения мира спал между морями, известными как Индийский и Тихий океаны. Несколько тысяч дикарей, которые, как говорят, были низшим представителем рода человеческого, бесцельно бродили по его обширным диким просторам. Немногие европейские корабли достигли его берегов, когда голландцы попытались основать поселения на южной и западной сторонах острова, дав ему название Новая Голландия. В конце прошлого века английский капитан Кук основал первое успешное европейское

поселение - Ботани-Бей - на юго-восточной оконечности острова, который он назвал Новым Южным Уэльсом. В начале этого века французы исследовали значительную часть западного побережья. Но в конце концов, как это обычно бывало с другими колониями, англичане остались владеть всей территорией, и, хотя сначала они думали использовать ее только в качестве пенитенциарного поселения, вскоре они убедились в важности перевода своих каторжников на остров Ван Дименс, и теперь не менее четырех или пяти отдельных британских колоний занимают все побережье континента, а внутренние районы по-прежнему остаются неизвестной пустыней.

Иммиграция, за исключением перевозки преступников, началась только в 1825 году; и белое население Нового Южного Уэльса, которое в 1810 году составляло всего восемь тысяч триста человек, а в 1821 году - только тридцать тысяч, быстро увеличилось после открытия золотых месторождений в 1851 году, так что в 1861 году более семисот тысяч свободных колонистов были высажены с британских кораблей на континенте и больших островах Ван Демен и Новая Зеландия, несмотря на их огромную удаленность от Великобритании.

Важность этой огромной колонии, или, скорее, этого скопления колоний, следует оценивать не только по их площади и производству, но, прежде всего, по их близости к Азии на севере и к Америке на востоке. Уже сейчас пароходы связывают новый континент с Китаем с одной стороны и Сан-Франциско с другой; и если мы подумаем, что английский язык - единственный, на котором говорят на всей этой огромной территории; что английские политические институты со всеми сопутствующими им механизмами парламентов, выборов, муниципальных органов власти, а также свободы, веротерпимость, свободная пресса и свободные дискуссии день ото дня все глубже укореняются в привычках народа, то легко понять, как скоро особенности яфетизма, начиная с этого центра, захватят всю линию Южной и Восточной Азии и бесчисленные островные группы Полинезии. Читатель-католик сразу же поймет, как безнадежно, почти безнадежно, должна была бы бороться истинная религия в своей миссии просвещения и милосердия, окруженная столькими неблагоприятными обстоятельствами, если бы под рукой не было ирландского элемента, на который можно было бы опереться.

К сожалению, наша информация по этому важному вопросу не слишком обширна; и это неудивительно, ведь только с 1851 года ирландская иммиграция начала по-настоящему проявлять себя в Австралии и принимать активное участие в устремлении европейцев в эту четверть света, или, говоря словами Священного Писания, "поселиться в шатрах Сема".

Когда Великобритания отправляла первые грузы каторжников в Австралию, этой просвещенной державе и в голову не приходило, что может понадобиться такой помощник, как слуга религии, и, как пишет мистер Маршалл в своей книге "Христианские миссии": "Первый корабль, который вез каторжников в Австралию, не был похож на тот, который был в Австралии. "Первый корабль, увозивший груз отчаяния, разбитых сердец, горестных воспоминаний и страшных ожиданий, покинул бы берега Англии без единого слуга религии, если бы не своевременный протест одного частного лица. Гражданские власти посчитали свою работу законченной, когда дали сигнал поднять якорь и распустили паруса; остальное их не касалось". "Он добавляет кое-что еще более необычное и более подходящее для нашей цели:

"Среди эмигрантов на новый континент вскоре оказались некоторые из тех детей Ирландии, которых Провидение, похоже, рассеяло по всем домам саксонской расы, чтобы они однажды зажгли среди них свет веры, который их собственные долгие несчастья так и не смогли погасить, были взяты в качестве первых плодородных семян вечно цветущего дерева Церкви".

Этим изгнанникам необходимо было передать помощь религии. К первому католическому священнику, прибывшему в Австралию с миссией милосердия, которого политика корысти, по крайней мере, могла бы побудить власти встретить с радостью, отнеслись с насмешкой и "приказали", как рассказывает один из его самых энергичных преемников, "предъявить разрешение" или "держаться в готовности к отплытию на следующем корабле". Он был один и, следовательно, безопасной жертвой; и хотя, как отмечает новейший историк колонии, "его служение было бы не менее ценным с социальной, чем с религиозной точки зрения", он был схвачен, посажен в тюрьму и в конце концов отправлен обратно в Англию, потому что его присутствие раздражало людей, которые, похоже, инстинктивно чувствовали, что его предложенное служение было самым острым обличением их собственной жестокости и профанации.

Этим первым католическим священником был преподобный мистер Флинн, которого Святой Престол наделил титулом протоиерея с правом проводить конфирмацию. Прибыв в Сидней в 1818 году, он за короткое время сделал там много добра. Мистер Маршалл рассказал нам, как к нему относились колониальные власти.

Но одно обстоятельство, не упомянутое в работе этого умного автора "Миссии", показывает, кем и чем были те ирландские изгнанники, которым священник приехал служить и руководить в своем духовном качестве. Когда его внезапно увезли в тюрьму, он оставил Пресвятое Таинство в их маленькой церкви в Сиднее. В течение двух лет, последовавших за его отъездом, верующие часто собирались там в большом количестве, чтобы вознести свои молитвы к Богу и найти утешение в своих скорбях. Видимый священник был насильственно отнят у них; оставался протоиерей душ, Христос.

Преподобный У. Уллаторн, ныне епископ Бирмингема, Англия, впоследствии был назначен Святым Престолом генеральным викарием-апостолом этой опустевшей миссии. В письме, опубликованном в "Летописи распространения веры", он сообщает нам, как обращались с этими бедными ирландцами их "хозяева" в Австралии.

"Им было запрещено говорить по-ирландски под страхом пятидесяти ударов кнута; и судьи, которые в большинстве своем принадлежали к "протестантскому духовенству", приговаривали к кнуту и тесному заключению тех, кто отказывался ходить слушать их проповеди и помогать на службе, которую их совесть не одобряла".

В 1820 году на смену мистеру Флинну пришли два новых миссионера. Они нашли маленькую церковь, в которой их предшественник оставил Господа за два года до этого, все в том же состоянии; и вскоре незначительная паства, которая всегда умножается в условиях гонений, начала замечательно увеличиваться, так что через двенадцать лет из всего населения колонии - ста тысяч человек - насчитывалось от двадцати до тридцати тысяч католиков.

Тем временем их эмансипация в Англии обеспечила им права в британских колониях. Над теми, кто отказывался слушать протестантские проповеди, больше не висела угроза кнута; не было страха, что их миссионера отправят обратно на первом же корабле в Англию. Поэтому Святой Престол немедленно установил там иерархию Церкви на регулярной и постоянной основе, первым епископом стал доктор Полдинг.

Это можно назвать эпохой в истории Католической церкви. Иерархия, независимая от государства в еретических и даже неверных странах, - это современная мысль, внушенная Святым Духом правителям стада Христова, чтобы соответствовать современным требованиям. Благодаря этой новой системе длинный список так называемых протестантских стран был сразу же сметен. Ибо ни одна страна не может быть названа

протестантской, если в ней есть епископы Святой Церкви, которые имеют постоянную власть. Их епархии покрывают всю землю, а земля, следовательно, принадлежит Церкви, как бы ни было велико число еретиков или неверных, и какими бы мощными ни были организации, враждебные католицизму. Народ Божий" находится там, чтобы умножаться с годами и в конце концов поглотить все разнородные тела. Церковь, как мы видели, - это рост; другие тела кристаллизуются и не растут; более того, они становятся материальными и неизбежно распадаются под действием времени и трения окружающих тел, распространяющихся корней и живых организмов.

Эта простая, безошибочная, конечная истина и была той реальной причиной, которая привела к бурному взрыву страха и ненависти, последовавшему непосредственно за восстановлением католической иерархии в Англии. Противоборствующие силы чувствовали, что их час настал, и не могли не содрогнуться от приближающегося уничтожения, как ни мала была в то время численность английских католиков. Но не нам вдаваться в эти рассуждения, которые потребовали бы длительного развития и которые больше подходят для общей истории Церкви, чем для ирландской эмиграции в Австралию.

Несколько фактов, о которых мы рассказали выше, дают достаточно оснований для того, чтобы представить себе состояние первых ирландских изгнанников, ступивших на этот обширный остров Антиподов. Это было лишь повторение сцен, наблюдавшихся в то же время везде, где ирландцы стремились распространять истинную веру. Позже мы с удовольствием вернемся на это поле и удивимся тому, как разрастается цветущий сад, пришедший на смену старому бесплодию.

О других британских колониях, где во время проведения настоящего исследования начало селиться некоторое количество ирландцев, пока нет никаких сведений. Однако легко предположить, не боясь ошибиться, что духовная нищета и состояние более или менее открытого преследования, которые мы обнаружили в Америке и Австралии, преобладали также в Капской колонии, в Натале, в Гвиане, Лабуане, на Цейлоне и т. д. Совсем другое зрелище предстает перед нашими глазами, и мы спешим увидеть его чудесное развитие и великолепие - великолепие, однако, предваряемое сценами крайнего горя.

ГЛАВА XV.

ИСХОД" И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ.

Поток ирландских эмигрантов, берущий начало из одного источника, разделился и продолжал течь в четыре стороны света, и, наконец, его влияние стало ощущаться в самой Англии, последней из стран, куда ирландские изгнанники могли помыслить обратиться. Самые бедные, неспособные заплатить деньги за проезд в Северную Америку, стали появляться в гуще населения крупных производственных центров Великобритании. Более пятидесяти тысяч человек ежегодно покидали страну, чтобы поселиться в других краях и насаждать католицизм в регионах, которые с религиозной точки зрения были дикой местностью.

В 1846 году произошло ужасное бедствие, придавшее движению импульс, о котором никто не мог и мечтать, и очень далеко зашедшее в осуществлении того, что М. де Бомон за несколько лет до этого объявил невозможным, - почти внезапной транспортировки миллионов голодающих ирландцев. Это был великий голод, который еще так свеж в памяти, а теперь представляется тем, кто был свидетелем его последствий, как страшный проход ангела-разрушителя в ночи.

Нет лучшего способа объяснить это посещение, чем тот, который привел Т. Д. Макги в своей книге "Ирландские поселенцы в Америке": "Голод (1846 года).

"Голод (1846 года) можно объяснить следующим образом: Акт о союзе в 1800 году лишил Ирландию местного законодательного органа. Ее аристократия эмигрировала в Лондон. Срок действия ее тарифа истек в 1826 году и, конечно, не был продлен. Ее купцы и промышленники вывели свои капиталы из торговли и вложили их в землю. Земля, земля, земля! стала объектом всеобщей, неограниченной конкуренции. В первые двадцать лет века крестьяне, если они арендовали землю, имели еще военные цены. После заключения мира они обладали монополией на английских рынках провизии и продуктов. Но в 1846 году сэр Роберт Пил успешно отменил старые законы, налагавшие пошлины на иностранную кукурузу, и впустил балтийскую пшеницу и американскую провизию всех видов, чтобы конкурировать с ирландскими фермерами, сдававшимися в аренду.

"Высокая рента породила черствость сердца у "посредника", расточительность у землевладельца и крайнюю нищету у крестьянина. Комиссия по закону о бедных 1839 года сообщила, что два миллиона триста тысяч сельскохозяйственных рабочих Ирландии были "нищими"; что те, кто находился непосредственно над низшим классом, были "самым плохо одетым, самым плохо питающимся и самым плохо живущим" крестьянством в Европе. Это действительно так! Они ютились в хижинах, были одеты в лохмотья и питались картофелем самого низкого качества.

"Частичные неудачи с урожаем случались уже несколько сезонов подряд. Эти неудачи случались так регулярно, что Уильям Коббетт и другие опытные агрономы предсказывали их окончательное уничтожение за много лет до этого. Тем не менее, урожай лета 1846 года выглядел честным и здоровым. Темно-зеленые, хрустящие листья и желто-пурпурные цветы картофельных полей радовали глаз. Однако к июлю страшный факт стал очевиден. Из каждого города-земли, расположенного за четыре моря, в столицу приходили вести о том, что народная пища взорвана - полностью, безнадежно взорвана. Невероятность сменилась паникой, паника - требованиями к императорскому правительству прекратить экспорт зерна, создать государственные зернохранилища и дать крестьянству такую продуктивную работу, которая позволила бы ему приобрести достаточно пищи для поддержания души и тела. Из доклада капитана артиллерии Ларкома следовало, что урожая зерна более чем достаточно для обеспечения всего населения - урожай оценивался в четыреста миллионов долларов, как и цены. Но на все протесты, петиции и предложения у имперских экономистов был только один ответ: "Они не могут вмешиваться в обычные торговые потоки". Предложение О'Коннела, лорда Джорджа Бентинка, О'Брайена, предложения общества под названием "Ирландский совет" - все они получали один и тот же ответ. Состояния делались и проигрывались в азартные игры на этой неожиданной торговле человеческим пропитанием, а из ирландских портов уходили груженные под завязку корабли, в то время как в них поступали благотворительные пожертвования со всего мира.

"В августе были зафиксированы подлинные случаи смерти от голода с вердиктом "голодная смерть". Первый достоверный случай взбудоражил страну, как дурной ветер. Из двоек и троек они переросли в десятки, а в сентябре были проведены подобные расследования, и один и тот же печальный вердикт повторялся по двадцать раз за день. Тогда Ирландия, гостеприимный народ, пораженный голодом, покинутый своими имперскими хозяевами, возвысил свой голос и издал тот вопль ужасной боли, который потряс все концы земли.

"Царь, султан и папа римский прислали свои рубли и палы. Паша Египта, шах Персии, император Китая, раджи Индии сговорились сделать для Ирландии то, что отказались

сделать ее так называемые правители, - сохранить в стране молодых и старых людей. Америка сделала в этом деле милосердия больше, чем весь остальной мир".

Внезапный эффект этого страшного испытания привел к увеличению общей эмиграции с Британских островов с девяноста трех тысяч в 1845 году до ста тридцати тысяч в 1846 году; до трехсот тысяч в 1849 году; почти до четырехсот тысяч в 1852 году. За десять лет, начиная с 1846 года, два миллиона восемьсот тысяч человек в ужасе бежали из некогда столь дорогой для них страны. С мая 1847 года по конец 1866 года число пассажиров, выгруженных только в Нью-Йорке, составило три миллиона шестьсот пятьдесят девять тысяч человек!

Те огромные флотилии транспортов, которые М. де Бомон считал необходимыми, но не мог найти, были найдены. В такой чрезвычайной ситуации все виды судов на плаву были сочтены подходящими для этой цели; и, поскольку все они были парусными, плавание было пропорционально долгим, провизия для такого количества людей недостаточной, а эмигранты, уже ослабленные лишениями, были подходящими объектами для чумы, которая под видом корабельной лихорадки быстро распространилась среди этих вместилищ человеческого несчастья, так что, когда великий караван прибыл в реку Святого Лаврентия, куда в тот первый год все стремились, картина была следующей:

"8 мая 1847 года судно "Урания" из Корка с несколькими сотнями иммигрантов на борту, большая часть которых была больна и умирала от корабельной лихорадки, было помещено в карантин в Гроссе-Айл, в тридцати милях ниже Квебека. Это было первое из ирландских судов, пораженных чумой, которое в том году отправилось вверх по реке Святого Лаврентия. Но еще до первой недели июня восточный ветер пригнал сюда восемьдесят четыре корабля разного тоннажа, и среди этого огромного количества судов не было ни одного, не зараженного злокачественным тифом, порождением голода и нечистот".

Последствия этого ужасного несчастья ярко описаны в книге мистера Магуайра, из которой взята приведенная выше выдержка, на длинном марше этой опустошенной армии переселенцев, оставившей тысячи жертв в Гросс-Айле, близ Квебека, в Пуэнт-Сент-Шарль, пригороде Монреаля, в Кингстоне, в Торонто, в Верхней Канаде, и, наконец, на острове Партридж, напротив Сент-Джонса, Нью-Брансуик.

Таким образом, Америке было суждено стать свидетелем некоторых из тех сцен, которые так часто разыгрывались на земле Ирландии, сострадать жителям святого острова, открыть свое дружеское лоно для приема несчастных, которые взамен отдавали ей все, чем обладали, - свою веру.

Но то, на чем так решительно настаивал месье де Бомон, хотя поначалу казалось, что события противоречат ему, тем не менее оказалось правдой. Англия, могущественная владычица морей, не обладала достаточным количеством кораблей для перевозки; а весь ее флот, дополненный всеми торговыми судами, едва ли был бы достаточен. Пришлось строить корабли, в первую очередь пароходы, чтобы ускорить перевозку и уменьшить опасность перехода.

Тогда Провидение задействовало изобретательность мудрых людей, заставив их планировать и изучать вопрос во всех его аспектах, чтобы придумать новые схемы транспортировки в таких масштабах, о которых до сих пор и не мечтали. Уатт, Стефенсоны, Брюнель, А. Мори и другие занялись усовершенствованием различных паровых машин, уже известных и используемых; исследованием течений океана, различных качеств его вод, его глубины и промеров, чтобы сделать пути в глубину более легкими и безопасными для мореплавателей. Изобретательность кораблестроителей произвела революцию в военно-

морской архитектуре и позволила строить суда от десяти тысяч до двадцати пяти тысяч тонн весом. Возникли купеческие компании и капиталисты, которые охватили весь мир своими могущественными спекуляциями, изучая возможности всех стран для торговли, как самых пустынных, так и самых привлекательных, как самых бедных, так и самых могущественных, связывая весь мир в один огромный торговый круг, чтобы европейская раса могла нестись к меркантильному завоеванию вселенной; И все это произошло, несомненно, для того, чтобы осуществить более глубокое и постоянное моральное завоевание презираемого, обреченного, голодающего, умирающего ирландца, который претендовал только на одну руку, только на одно владение - свою веру и благословение Церкви.

Не был ли ирландский исход тесно связан со всеми этими событиями? Не был ли он одной из самых мощных причин всех этих гигантских предприятий?

Но где было найти средства на столь грандиозные начинания? Сокровищница наций постоянно истощается из огромных сумм внутри страны, и она не может извлечь часть своей металлической основы, достаточную для такой цели. Более того, она ограничена и нуждается в драгоценных металлах как в прочном фундаменте, на который можно опереться, иначе построенная на ней ткань будет мечтой, как ткань права во Франции в начале восемнадцатого века. Золотые и серебряные рудники Мексики и Перу казались исчерпанными; новые рудники Уральских гор в Северной Азии, Атлантического побережья Северной Америки не могли удовлетворить потребности столь могущественных операций.

И вдруг в 1846 году швейцарский капитан, превратившийся в калифорнийского поселенца, пытаясь обратить в свою пользу водопад на новом месте жительства, обнаруживает в песке золотую пыль. Как по волшебству, побережье Калифорнии, доселе заброшенное, труднодоступное в то время и, соответственно, игнорируемое человечеством, несмотря на богатство минеральных и растительных ресурсов, в один миг становится центром внимания всех глаз, надеждой всех сердец, самой известной из всех стран. Сюда толпами стекаются выпускники всех стран Европы и Америки, и стабильный поток в семьдесят миллионов долларов в год становится основой для новых замыслов капиталистов и купцов.

Вскоре открываются другие золотые месторождения вдоль всего американского побережья, на Тихом океане, от Нижней Калифорнии до Аляски, приглашая людей отправиться туда и поселиться, прямо напротив азиатского континента, отделенного от него лишь широким, но легко судоходным Тихим океаном.

Вскоре также, далеко на юге, у антиподов, напротив другой части Азии, откроются богатые золотые прииски на недавно открытом континенте Австралия, что привлечет иммигрантов в другое место, откуда азиатские народы также могут быть достигнуты с большей легкостью и быстротой.

Тот, кто верит, что Провидение имеет какое-то отношение к делам людей; тот, кто достаточно мудр, чтобы понять, что эта вселенная не является результатом случайности и что ее судьбами управляет высшая сила, должен признать, что, когда происходят события, настолько неожиданные, насколько они не были подготовлены человеком, - события, которые настолько связаны друг с другом, что показывают работу одного разума и великий объект одновременно, если не предсказанный, то предвиденный, Бог является дизайнером, и действует более сильная рука, чем объединенная сила людей и дьяволов может успешно противостоять. Эта истина не была неизвестна Гомеру много веков назад, когда он описал, как Джованни держит наш земной шар, подвешенный в пространстве на конце цепи, и бросает вызов всем низшим богам, чтобы они двигали мир в направлении, противоположном тому, которое задает его могучая рука.

Этот образ, поразительный и поэтический, для христианина слишком материален. Мы говорим более правильно, когда утверждаем, что Разум - Божественный Разум - это великая непобедимая и невидимая Сила, для которой все материальные силы являются лишь порожденными агентами, и благодаря которой все низшие умы должны стоять или падать, побеждать или терпеть поражение. Человек должен быть слеп от этой неизлечимой слепоты воли, чтобы не видеть, как она действует во вселенной и на вселенной, и даже управляет низшими замыслами щедушных интеллектов. Благоговейный взор, видящий необъятность плана, множество его агентов, сознательно и бессознательно помогающих и поддерживающих его, распознает его и высший объект его работы - Любовь, бесконечную Любовь.

И мы с благодарным удивлением различаем все те обстоятельства, которые зримо проявляются в великом факте, только что так несовершенно обрисованном, и которые еще более ярко предстанут перед нами при рассмотрении его мелких деталей. Вот, например, в момент написания этих строк (март 1872 года) мы узнаем из утренних газет о недавнем прибытии японского посольства в Сан-Франциско; его члены были направлены в эту страну для изучения европейских, или, как мы их называем, яфетических учреждений, с целью их копирования и приспособления к своим нуждам. Посольство, задержанное в Солт-Лейк-Сити из-за снежной блокады Тихоокеанской железной дороги, отказалось временно вернуться в Калифорнию и решило ждать в Юте, пока не появится возможность продолжить путь.

Тихоокеанская железная дорога, Солт-Лейк-Сити, Сан-Франциско, японское посольство, перенимание европейских манер микадо и даймио - кто может не понять из этих слов и деталей концепцию средства для достижения цели, и эту цель мы сейчас начнем изучать?

Первое обстоятельство, которое попадает в поле нашего зрения и свидетельствует о любящем замысле Провидения - обстоятельство, недостаточно отмеченное в то время, - это сохранение самими англичанами бедных остатков ирландской расы, которые при первом осуществлении плана были так страшно истреблены и находились под угрозой полного уничтожения. Если бы они исчезли, стал бы яфетинизм благословением для азиатских народов? Католик, глядя за границу и окидывая мысленным взором обширное европейское поле, кажущееся таким богатым во всех отношениях, но в действительности такое бесплодное в нравственном отношении, с трепетом и ужасом вглядывается в яфетический котел - ибо он кипит и бурлит до краев, полный самых смертоносных ядов и вредных веществ, готовый в любой момент захлестнуть зараженными волнами и обрушиться на несчастные страны, которые с таким нетерпением ждут от него благословений, потоком черного разрушения, распространяя вокруг лишь запустение и бесплодие - католический глаз, видя все это, может найти только один ответ на наш вопрос. Азиатские расы не могут надеяться на благотворное влияние введения среди них европейских нравов, если это великое движение не повлечет за собой святую католическую церковь: а поскольку это введение должно быть осуществлено англоязычными лидерами, единственные англоязычные католики, имеющие численное значение, должны стать орудием благого замысла Провидения.

Чтобы это утверждение не показалось слишком огульным, достаточно привести пример Индии, которую Англия удерживала достаточно долго, чтобы обратить, по крайней мере частично, если бы она того пожелала и была подвижна Духом Божиим, но сегодня Индия находится в худшем отношении к протестантизму, чем когда протестантизм под именем христианства, но в лице британского торговца, обосновался в ее среде. Что хорошего получил Хиндостан?

Но в этот самый момент вся ирландская раса находится на милости английского правительства и народа. Пусть только продолжают отправлять суда с ирландскими эмигрантами, и вся раса исчезнет в течение короткого периода времени или настолько уменьшится в численности, что ее деятельность как расы в широком масштабе не принесет достаточных результатов.

Нелишне отметить, что во время этого излияния расы, как и задолго до него, и почти постоянно с тех пор, англичане радовались славному результату, который должна была принести смерть от чумы и голода. Легко привести множество варварских отрывков из лондонской "Таймс", выражающих самую сатанинскую радость не только по поводу ухода ирландцев из "Соединенного Королевства", но и по поводу перспективы их окончательного или, скорее, ближайшего исчезновения из мира вообще.

Однако то же самое английское правительство и народ, испытывая, будем надеяться, некоторое сострадание при виде этого нового горя "Ниобы народов", решили попытаться спасти ее детей, поскольку, если они должны изгнать их, по крайней мере, они должны быть живы и здоровы на чужом берегу.

Поэтому были приняты законы, регулирующие количество и качество провизии, особенно питьевой воды, численность команды и рабочих, вентиляцию судна, количество принимаемых пассажиров и т. д.

Тем не менее, эти первые попытки гуманности, по-видимому, были довольно слабыми, что объясняется следующим отрывком из книги г-на Магуайра "Ирландцы в Америке", показывающим, как они осуществлялись, и насколько неадекватными были средства, примененные в 1848 году:

"Корабли, о которых ирландские крестьяне читали такие восторженные отзывы в воскресенье у ворот часовни, слишком часто были старыми и непригодными для плавания, недостаточно удобными, не имеющими даже достаточного запаса воды для длительного плавания, и, что еще хуже, они, как правило, были позорно недобросовестными. Правда, провизия и экипаж должны были пройти проверку в Ливерпуле; но за судном в море следовали тендеры и лихтеры, и через борт этого судна проходило несколько человек, прошедших проверку, и бочки, ящики и мешки быстро поднимались, к изумлению простых людей, которые смотрели на эту странную и непонятную операцию. И вот огромный корабль с живым грузом поворачивает на запад, полагаясь на своих пассажиров-мужчин, как и на многих впечатлительных моряков, чтобы те управляли канатами или работали насосами в случае аварии. При плохой или скудной провизии, нехватке воды, суровых лишениях и долгом пребывании в грязной каюте корабельная лихорадка собирала славный урожай между палубами, о чем свидетельствовали частые всплески отягощенных дробью трупов на глубине, но слишком ужасные. Какова бы ни была причина, смертность на борту британских кораблей значительно превышала смертность на кораблях любой другой страны. Согласно записям комиссаров по делам эмиграции штата Нью-Йорк, в 1848 году число больных на тысячу человек составляло: британских судов - 30; американских - $9 \frac{3}{5}$; немецких - $8 \frac{3}{5}$. И все же не было ничего необычного в том, что оставшийся в живых член семьи из десяти или двенадцати человек высаживался на пристань в Нью-Йорке один, с недоумением и разбитым сердцем; остальные - семья, родители и дети - были поглощены морем, и их тела лежали на пути корабля в Новый Свет".

Итак, похоже, что первые английские правила, по которым британские корабли должны были проходить проверку в Ливерпуле перед отплытием, были не слишком эффективны; цифры смертности, приведенные мистером Магуайром, слишком красноречивы; и нам было бы

приятно с уверенностью сказать, что более строгие и лучше исполняемые законы впоследствии не исходили от Комиссии по эмиграции, которая возникла в Нью-Йорке благодаря некоторым великодушным американцам ирландского происхождения.

Наши читатели наверняка заметили, что даже в 1848 году, при всем видимом желании Англии спасти остатки ирландской нации, смертность на борту британских судов была более чем в три раза выше, чем на американских, и почти в четыре раза выше, чем на немецких. Почему такая разница? И почему она должна быть такой огромной?

Возможно, что главным образом законодательному органу штата Нью-Йорк, а вскоре после этого и Конгрессу Соединенных Штатов в Вашингтоне, который принял строгие законы для защиты иммигрантов на море, принадлежит главная честь спасения сотен тысяч жизней ирландцев, и что Англия, то ли под влиянием хорошего примера, то ли из чувства стыда, вскоре последовала за ними.

Но каковы бы ни были причины, мы с искренним удовольствием отмечаем тот факт, что с 1849 года, когда парламентский акт под названием "Акт о пассажирах" наложил на судовладельцев и капитанов судов строгие условия для обеспечения благополучия эмигрантов, правительственный контроль в этом вопросе становился с каждым годом все более непосредственным и жестким.

Не только суда, провизия, вода, аптечки и т. д. подвергались более тщательному осмотру, но и сами пассажиры были вынуждены проходить тщательную проверку на предмет их здоровья и гардероба.

Кроме того, как никогда ранее, было определено и подвергнуто серьезному контролю пространство, отведенное каждому эмигранту на палубе и между палубами, чтобы не допустить скученности пассажиров. Наказания для провинившихся также стали еще более суровыми: налагались крупные штрафы, а в некоторых случаях за более грубые нарушения человечности назначалась отправка на каторгу.

Если все злоупотребления не удалось исправить с помощью таких законов, то это потому, что самые строгие постановления в большей или меньшей степени всегда могут быть обойдены теми, кто желает их обойти; но есть все основания полагать, что законодатели были честны в своем намерении исправить вопиющее зло, которое существовало ранее, и в значительной степени их усилия увенчались успехом, о чем свидетельствует тот факт, что смертность на борту британских судов с тех пор ежегодно заметно снижается. Согласно "Двадцать четвертому общему отчету", смертность составляла: В 1854 году - 0,74 процента, что уже является весьма заметным снижением по сравнению с предыдущими средними показателями; в 1860 году она сократилась до 0,15 процента. Это процент только для судов, идущих в Северную Америку.

Первой задачей миссионеров было посадить в Соединенных Штатах живое дерево католицизма и так мощно развить его рост, чтобы другие духовные растения вредоносного рода и сорняки, называемые вероисповеданиями, постепенно заглушались и наконец, будем надеяться, исчезли. Говоря на эту тему и излагая читателю необходимые подробности, мы не хотим, чтобы забыли об усилиях, предпринятых в подобном направлении католическими эмигрантами других национальностей. Уже было сказано несколько слов о раннем влиянии французов на севере и испанцев на юге в становлении Церкви в Северной Америке. Немецкие дети истинной Церкви, хотя поначалу и не столь заметные, уже давно принимали, а сейчас принимают особенно активное участие в распространении веры, и нет сомнений, что при ежедневном увеличении немецкой иммиграции их большое число со

временем должно произвести неизгладимое впечатление на территории, где они поселяются. Но французы, испанцы и немцы должны забыть свой язык, прежде чем они станут широко полезны в великом деле, стоящем перед ними; таким образом, ирландцы - единственный англоговорящий народ, на который падает основная тяжесть битвы. Более того, мы рассматриваем только ирландскую расу.

Замечательная история распространения католицизма в Северной Америке ирландцами, особенно в северной части Соединенных Штатов, потребует множества подробностей, которые невозможно изложить здесь в деталях. Достаточно лишь неполного наброска.

Прежде всего следует отметить, что, когда волна иммиграции коснулась континента, можно было опасаться, что, впитавшись в сухую и пересохшую почву, совокупные потери сведут к нулю конечный выигрыш. Не было ни церквей для новых верующих, ни священников, которые бы совершали над ними таинства Христовы, ни учителей католической школы, которые бы обучали их детей. Иными словами, этих средств сохранения и распространения было так мало, что многие из новоприбывших иммигрантов были вынуждены обосновываться в местах, где они не могли найти ни одного из этих, по их мнению, бесценных преимуществ.

На самом деле духовная нехватка была не столь велика, как описано выше. Усердие епископов и священников, а также учителей из регулярных орденов было столь активным, что, благодаря свободе, которую предоставляли институты страны, результаты, поистине поразительные, уже вознаградили их усилия. Но, в конце концов, что это было в сравнении с требованиями, внезапно возложенными на них столь стремительным ростом численности? О множестве иммигрантов можно с уверенностью сказать, что положение, в котором они оказались, мало чем отличалось от положения их предшественников в начале века.

Еще в 1834 году архиепископ Перселл из Цинциннати писал: "Есть места, где живут католики двадцати лет от роду, которые еще не имели возможности совершить ни одного публичного акта своей религии. Сколько людей болеют и умирают без таинств! Сколько детей воспитывается в невежестве и пороке! Сколько людей вступают в брак вне Церкви и тем самым ослабляют узы, связывающие их с ней!" (Анналы распространения веры, том viii).

В тех же анналах, три года спустя, доктор Ингленд из Чарльстона прислал длинное письмо, в котором подробно описал бесчисленные потери, понесенные Церковью в Америке из-за отсутствия духовной помощи. Это письмо было, по сути, криком страдания, вырвавшимся у него в результате увиденного зрелища.

Таково было всеобщее чувство среди тех, кто мог правильно оценить фатальные последствия наплыва католиков в Новый Свет без какой-либо подготовки к их приему. И все же все эти сетования и опасения предшествовали огромному наплыву иммигрантов после 1846 года. Каковы же были тогда последующие потери? И все же, глядя сейчас, в 1872 году, на нынешнее состояние Церкви в Союзе, кто может сказать, что этот наплыв и наплыв, как ни была готова страна к его приему, не был одним из величайших средств, придуманных Провидением, не только для утверждения Католической Церкви в этой стране на все времена, но и как подготовка к дальнейшему развитию, не только на этом континенте, но и со стороны многих наций, сидящих сейчас в "тени смерти!" Потери, действительно, были плачевными, но приобретения - постоянными и замечательными.

Первым следствием великого бедствия, случившегося на реке Святого Лаврентия и ее притоках в 1847 году, стало сокращение иммиграции в Канаду до незначительных цифр и пропорциональное увеличение иммиграции в Соединенные Штаты в четырехкратном

соотношении. Массачусетс и Коннектикут в Новой Англии, а также большие штаты Нью-Йорк и Пенсильвания стали теперь главными местами отдыха новоприбывших; и из Нью-Йорка, в основном, они начали длинным, устойчивым потоком уходить по каналу Эри на запад к великим озерам.

Вдоль всех этих линий провиденциально уже были сформированы общины; и, проходя через поток, они немедленно, как по волшебству, увеличивались в некоторых случаях до десятикратной пропорции. Соответственно умножились и труды духовенства, и сразу же были предприняты усилия по привлечению новых членов в его ряды. Затем обнаружился очень странный факт, который в то время отмечался всеми, но так и не получил удовлетворительного объяснения. Везде, где количество верующих в церкви побуждало главных пасторов строить по соседству еще одну, по завершении строительства нового здания посещаемость старой церкви не уменьшалась, а прихожане, посещавшие новую, не давали никаких признаков того, что о них до сих пор не заботились. Этот примечательный факт происходил так часто, что не мог быть заблуждением или исключительным случаем, вызванным какой-то необычной причиной; очевидно, это было провиденциальное устройство, сходное в духовном смысле с чудесным умножением хлебов, дважды упомянутым в Евангелии.

Таких примеров, несомненно, было множество, особенно в городе Нью-Йорке, на протяжении более чем двадцати лет; и, вероятно, то же самое происходит во время написания этой книги.

Затем произошел еще один факт, о котором сожалели многие, в основном мистер Магуайр, в уже процитированной интересной работе, но который, очевидно, также имеет провиденциальный характер и, следовательно, чрезвычайно плодотворен и, можно сказать, восхитителен по своей глубине. Католические иммигранты, хотя в своей стране они в большинстве своем занимались сельским хозяйством, забыли о возделывании земли, как только достигли своего нового дома, и в огромном количестве осели во всех крупных городах на линии, по которой они двигались на Запад. В результате этого произошло много особых бед, о которых подробно рассказывали те, чье удивление это вызвало, и кто из лучших побуждений стремился помешать этому провиденциальному движению. Но огромное благо, которое немедленно последовало за этим и которое в течение короткого времени должно было значительно увеличиться, никогда не упоминалось в ответ на причины, выдвигаемые этими благонамеренными жалобщиками. Первым результатом этого стало внезапное и необходимое создание множества новых епископских соборов во всех крупных городах, где церкви быстро строились или уже были возведены в поразительном количестве.

Если бы католики, следуя старому уклону, занялись в основном обработкой земли и сгинули в разбросанных по стране деревнях и фермах, как долго откладывалось бы создание этих новых соборов? Кто не знает, как влияет появление новой церкви на распространение католицизма? Города, в которых при иных обстоятельствах насчитывалось бы всего несколько сотен католиков, которых едва хватило бы на заполнение одного небольшого здания, сразу же увидели треть, половину или даже большую часть своего населения, жаждущую католического епископа и всех институтов, которые епископство влечет за собой. Нет необходимости приводить примеры этого - они вокруг нас.

Однако одна трудность, похоже, ставит под сомнение этот взгляд на предмет и усиливает противодействие тех, кто горячо отстаивает эту страну как истинный дом для ирландских католиков; и, поскольку этот момент затрагивает всеобщий интерес, лучше сразу обсудить его в главных аспектах.

В то время, когда происходили эти замечательные события, любой, кто открывал копию общих справочников штатов, которыми особенно богата Новая Англия, где не только указаны крупные торговые и промышленные предприятия каждого штата, но и даны точные списки учебных заведений и различных церквей всех городов, поселков и деревень, - даже беглый взгляд показал бы ему поразительный факт, что в крупных населенных пунктах католические церкви, учебные заведения и начальные школы находились в приличном количестве; Но не одну страницу пришлось перевернуть, когда читатель добрался до мест меньшей важности, в основном для сельского населения, прежде чем он встретил хоть какое-то указание на то, что католическая церковь еще не вошла в эти большие владения. С этим столкнулся писатель в свое время, и это вызвало у него сомнения.

Но помимо размышлений о том, что в делах такого рода (распространение доктрины или вероучения) в первую очередь следует обратить внимание на центр, и что он, будучи освоенным, со временем вовлечет в свое влияние внешние круги; что нельзя добиться всего сразу, и лучше всего начать с самого важного; Кроме того, эти статистические данные часто неверны в отношении католических вопросов, будь то по злому умыслу, или по неосторожности, или по незнанию, в отношении предметов, которым составители придавали очень мало значения, так что, если сравнить их данные с официальными сведениями католиков о тех же местах, окажется, что многие города и деревни, которые, согласно государственным справочникам, казалось бы, были полностью забыты Церковью, на самом деле находились в ее распоряжении, по крайней мере, периодически или время от времени посещались ею; Помимо всех этих соображений, необходимо сделать еще одно важное замечание, которое включает в себя не только данный пункт рассмотрения, но и, можно сказать, всю жизнь Церкви с самого начала; так что оно действительно является законом ее рождения, существования и распространения.

Чтобы проиллюстрировать наш смысл, давайте посмотрим, как христианская религия впервые проложила себе путь в языческие земли, по всей Римской империи, как в восточной ее части, где говорили по-гречески, так и среди западного, латиноязычного населения.

Все апостолы утвердили свои кафедры в крупнейших или важнейших городах древнего мира; святой Петр, под особым руководством Бога, получил во владение столицу и хозяйку всего мира. Все епископы, рукоположенные первыми апостолами, делали то же самое по их указанию; и нет нужды добавлять, что подобный закон соблюдался вплоть до наших дней всякий раз, когда Церкви приходилось распространяться в новой стране.

В соответствии с этим планом, города римского мира были евангелизированы первыми, и их население было обращено с большим или меньшим трудом, в зависимости от склонностей жителей, прежде чем были предприняты почти все усилия для обращения сельского населения, за исключением тех случаев, когда оно попадалось на пути "тружеников в винограднике". Отсюда и результат, столь хорошо известный: язычество оставалось укорененным в сельской местности гораздо дольше, чем в городах, так что язычников обычно называли язычниками - *pagani* - как будто достаточно было, желая передать намек на то, что человек поклоняется идолам, обозначить его как жителя сельской местности. 1 (1 Некоторые авторы придают слову *paganus* другое значение, но старое и общепринятое толкование является самым верным и подтверждается лучшими авторитетами). И если слово "язычники" стало синонимом язычников во всех европейских странах, это свидетельствует о том, что факт, лежащий в основе этого названия, был универсальным везде, где распространялось христианство. Кроме того, известно, что распространение Евангелия в этих сельских районах было делом столетий, и что в течение почти тысячи лет после Христа язычников можно было встретить в деревнях уже христианских стран.

Основополагающая причина, которая управляет и регулирует эти странные факты, заключается в том, что христианство - то есть католицизм - это рост, и он следует законам, присущим всем растущим вещам. Правда, сначала его рост происходит извне, за счет обращения неверных или заблуждающихся людей; но даже на этой первой стадии своего существования оно растет быстрее там, где больше людей; поэтому оно неизменно основывается в больших городах. Но когда она выходит за пределы этой первой стадии, то, как и всякий рост, увеличивается изнутри, и работа совершается за счет увеличения числа семей, объединенных в одних и тех же крупных городах.

Как верно то, что Церковь, однажды прочно обосновавшаяся в одном из этих скоплений людей, называемых городами, в конце концов обязательно проникнет во все, как "закваска, заквашивающая все!" Как легко увидеть, что со временем те города Союза, в которых проживает значительная часть католиков, будут принадлежать почти исключительно к истинной Церкви, если не по другой причине, то по рождению детей в семьях, даже если предположить, что поток иммиграции в конце концов прекратится! Если у кого-то возникнут сомнения на этот счет, ему достаточно обратиться к записям, содержащим данные о количестве детей, крещенных в ее лоне, и сравнить их с соответствующим количеством в семьях, все еще находящихся за ее пределами.

Отсюда следует тот удивительный факт, истинность которого признается сегодня во всех северных штатах вдоль Атлантического побережья, что внезапно почти в городах Новой Англии, например, где число католиков было просто незначительным, они заняли, казалось бы, безотчетное место, и в течение нескольких лет, неуклонно увеличиваясь как за счет рождения, так и за счет иммиграции, этот факт стал самым любопытным, хотя и очевидным для того времени, полностью изменив моральный и социальный облик страны и предвещая еще большие грядущие изменения. Ибо на фоне этого удивительного прироста в рядах католицизма появляется другой значительный факт, но совершенно иной по направлению и энергии - постепенное исчезновение имен, некогда выдающихся в этих краях, и ежедневное сужение области протестантизма в многочисленных сектах, из которых он состоит.

В то же время огромная опасность была предотвращена (или, по крайней мере, значительно уменьшена и изменена) для всей страны благодаря поселению иммигрантов в крупных населенных пунктах. Производственные предприятия, которые в то время получили столь широкое развитие в Северной Америке, принимали среди своих рабочих, мужчин и женщин, значительную долю католиков, и страх перед будущей политической и социальной опасностью для мира и безопасности общества в целом никогда не мог достичь на этом континенте той крайней точки, которая наблюдается в Европе в настоящее время. Великая опасность европейского будущего кроется главным образом в тех огромных промышленных ульях, которыми изобилует этот континент. Наши глаза были свидетелями, наши уши были потрясены этими грандиозными планами и проектами, в которых не только затронуты великие вопросы капитала и труда, но и вся структура общества находится под угрозой разрушения. Религия, правительство, собственность, семья, государство - все эти великие принципы и факты, от которых зависит безопасность человечества, теперь входят в программу ремесленников и рабочих, зачисленных в гигантские и многократно усиленные тайные общества, в то время как весь мир содрогается от ужасающего вида этого нежелательного фантома, который не в силах устранить ни одно правительство, каким бы могущественным оно ни было.

Предположим, что на этом континенте многочисленные группы рабочих, столь активно занятых повсеместно освоением ресурсов страны, поставят перед собой цель выйти за рамки своего непосредственного и материального благополучия и заняться

реформированием и реорганизацией человечества на новой основе; и предположим, что с этой целью они объединятся с европейцами и вступят с ними в нечестивый договор, - какая надежда или убежище останется в целом мире для гармонии, мира, справедливости и счастья? И когда великое потрясение, столь ожидаемое в Европе, которое рано или поздно должно произойти, свершится, куда смогут бежать те люди, которые не могут не смотреть на эти сатанинские планы с ужасом? Где на этой земле найдется место, освященное признанием единственных социальных принципов, которые могут обеспечить истинное благо человечества, обеспечив стабильность общества?

Мы твердо убеждены, что огромное число истинных детей Церкви, честно и активно занятых на многочисленных фабриках Севера, когда начнется соревнование, даже до его начала, когда будет серьезно поставлен вопрос о соединении "союзов" этой страны в братскую группу с европейскими, громко и безошибочно подадут свой голос на правой стороне.

Теперь достаточно сказано о местности, выбранной по преимуществу в качестве места жительства ирландских иммигрантов в рассматриваемый период. Теперь давайте посмотрим на эти армии новоприбывших за работой. Их называют миссионерским народом; давайте посмотрим, как они понимают свою "миссию".

В этой новой стране нужно было сделать все возможное, чтобы утвердить религию, образование, помощь бедным, престарелым, немощным на прочной и достаточно широкой основе. И, как ни странно, оказалось, что гонения, которым они подверглись в прошлом, прекрасно подошли им для работы, не только дав им сильную веру, истинный фундамент христианской энергии, но и более любопытным, если не более эффективным способом. Это помогло им свободно и обильно раздавать деньги, хотя они и были бедны! Кто-то может недоверчиво улыбнуться этому предположению, но оно стало самым мощным и неопровержимым фактом.

Предположим, что ирландцы никогда не подвергались гонениям в своей стране: предположим, что они нашли там благосклонное правительство, которое обеспечило бы их церквями, школами, больницами, домами для бедных - всем, что они, католики, могли бы пожелать. Предположим, что они оказались бы в таком же положении, как французы, испанцы и итальянцы в те дни, как горько они ощутили бы неудобства, связанные с необходимостью строить все это для себя в своих новых домах трудом своих собственных рук, своими личными усилиями, без помощи правительства! Их пыл был бы притушен, энергия подавлена, склонность к жертвованиям упала бы гораздо ниже потребностей того времени: ведь деньги были крайне необходимы - не скупые жертвования, а огромные суммы.

Но к счастью - к счастью в результате, а не в факте - британское правительство не только не сделало для них ничего подобного на их старой родине; напротив, оно не только с особой тщательностью лишило их всех зданий и поместий, оставленных их предками для этих великих целей; но до самого последнего времени, до принятия Акта об эмансипации 1829 года, оно упорно и настойчиво препятствовало им добровольно делать для себя то, что отказывалось делать для них. В течение двух столетий принимались многочисленные уголовные законы, не позволявшие им строить церкви, открывать школы, возводить собственные приюты и больницы, а также иметь освященные кладбища для своих умерших. Таким образом, фанатичная ненависть преследовала их до самой могилы и, насколько это было возможно, за вратами смерти. Каждый должен был отдать бранные останки своих родственников протестантскому священнику для погребения; как будто то, что

правительство называло своей религией, могло отнять у них все, что попадет под руку - по крайней мере, тело, поскольку душа скрылась и ушла за пределы его досягаемости.

Но в новой стране они обнаружили, что все изменилось. Здесь не только не было подобных запретов, но и существовала величайшая свобода, которой когда-либо пользовался человек, действуя в согласии с религиозными, образовательными или благотворительными целями. Ни один закон, придуманный старыми греческими республиками, римскими фискалами или современными европейскими интервентами, не был принят в стране, которая по праву может похвастаться "убежищем угнетенных". Так как свобода, в которой так долго отказывали ирландцам, наконец-то была открыта, так как не существовало никаких барьеров, которые могли бы стеснить и ограничить естественную щедрость их сердец, то не успели они узнать, что могут вносить по своему усмотрению пожертвования на эти великие и святые цели, как бросились на предложенные им шансы с безрассудством, похожим на безрассудство.

Мы надеемся, что читатель поймет смысл наших слов о том, что гонения замечательно подготовили их к той великой работе, которая стояла перед ними. Впервые за многие века им было позволено жертвовать на такие священные цели.

К этому располагало и то, что в их душе все еще сохранялась томительная любовь к старым родовым обычаям, которые никогда не умирали окончательно и готовы были возродиться при каждом удобном случае. В этом нет никаких сомнений; великое напутствие кланмена своему вождю - "Трать меня, но защищай меня" - замечательно освящало в их глазах акт дарения и постоянной отдачи, как будто их кошелек никогда не мог быть исчерпан. На смену вождю пришли епископ, священник, воспитатель; дворянство ушло, но пришли эти; и, возможно, бессознательно, но не менее реально, это чувство лежит на дне их сердец, которые всегда готовы вырваться наружу со старым выражением, хотя и в другой форме: "Тратьте меня, ешьте меня, но помогите моей душе и спасите моих детей".

Это чувство всегда было в крови расы. Святой Павел давно обнаружил его в галатах, ветви кельтских племен, когда писал им: "Вы приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса. . . Свидетельствую вам, что, если бы можно было, вы вырвали бы глаза свои и дали бы их мне" - Послание к Галатам, iv. 15.

Немногие, возможно, всерьез задумывались о том, какие огромные суммы потребовались для создания католической церкви в такой огромной стране со всеми ее сопутствующими институтами; поэтому потрясающий результат едва ли поразил тех, кто был свидетелем и жил среди этого. То же самое, хотя и в гораздо меньших масштабах, происходит и с деньгами, которые новоприбывшие иммигранты отправляют обратно в Ирландию. Людям было известно, что ирландцы, как женщины, так и мужчины, имеют привычку пересылать своим родственникам и друзьям тратты в размере одного, двух или трех фунтов, но в таких небольших количествах, что общая сумма не могла достигать очень большой цифры. Но когда выяснилось, что многие банковские ассоциации извлекают из этой операции большие дивиденды, что постоянно открываются новые банки, которые рассматривают прибыль от такой пересылки как главное средство своей поддержки, некоторые любопытные люди принялись собирать информацию по этому вопросу и проводить расследования, когда выяснилось, что общая сумма составляет миллионы и могла бы стать серьезной статьей в экспорте специй страны, если бы пересылаемое не возвращалось в основном к тем, кому оно было направлено.

То же самое, но в гораздо больших пропорциях, касалось сумм, ежегодно расходуемых на покупку недвижимости, строительство церквей, школ, приютов, больниц, на содержание

священнослужителей, школьных учителей, клерков, чиновников, слуг, которые требовались сразу на всей обширной территории для обслуживания сотен тысяч католиков, ежегодно прибывающих с намерением поселиться в стране на постоянной основе. Если бы можно было привести полные статистические данные, они вызвали бы всеобщее удивление; те немногие подробности, которые мы можем почерпнуть из справочников, газет, отчетов очевидцев и других источников, могут дать лишь слабое представление о целом, и поэтому их лучше опустить.

Одно единственное наблюдение произведет на читателя более неизгладимое впечатление, чем длинная статистика, перечисление зданий и других начинаний. Это факт, без малейшего преувеличения, что в штатах Пенсильвания, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Коннектикут, Массачусетс, Огайо, Индиана, Иллинойс, Айова, Миссури, Висконсин и некоторых других западных штатах почти каждый священнослужитель, имевший приход до 1840г, если бы был жив сегодня, мог бы показать в своем бывшем округе от десяти до двадцати приходов, каждый со своим пастором и церковью, ныне процветающих, и при каждом из них гораздо больше полезных образовательных и благотворительных учреждений, чем он мог бы похвастаться в своем первоначальном подчинении. Пусть кто-нибудь задумается над этим, а затем представит себе, какие суммы потребуются для приобретения такого количества недвижимости, возведения стольких зданий и создания стольких различных учреждений.

Правда, сегодня некоторые из этих учреждений все еще в долгах; но если составить список того, что уже оплачено, и отделить его от того, что еще остается в долгу, то результат окажется самым удивительным.

Естественно, возникнет вопрос: "Как стало возможным, что новоприбывшие иммигранты, которые часто высаживались на берег без единого пенни в кармане, сразу же настолько облегчили свое положение, что смогли внести столь щедрый и огромный вклад в столь гигантское предприятие?" На это можно было бы ответить очень просто и удовлетворительно; но поскольку речь идет о настоящем деянии Бога, который всегда действует просто и удовлетворительно, хотя и достойно глубочайшего внимания и благодарности, следует рассмотреть этот вопрос во всех его аспектах, и тогда даже те, кто видел и может объяснить это очень легко, удивятся, восхитятся и возблагодарят бесконечное Божье Провидение.

Во-первых, несомненно, что нигде больше в этом мире это не могло быть осуществлено вообще; и нигде больше в этом мире ничего подобного не было осуществлено подобным образом. Это может показаться странным, но это так; давайте посмотрим.

Всем известно, что в неверных странах все необходимое для материальной помощи католическим миссиям должны поставлять сами миссионеры; что, по сути, им приходится думать не только о собственном содержании, но и, зачастую, о том, чтобы кормить, одевать и обучать туземцев за свой счет. Так происходит во всех варварских странах Азии, Африки, на новом континенте и островах Южного моря. Так обстоит дело и в старых, немодных, но некогда цивилизованных странах Азии, таких как Сирия, Хиндостан, Китай и другие. Во всех этих странах деньги должны приходить извне, чтобы не только начать, но и продолжить работу по евангелизации, даже если она ведется уже несколько столетий. Подробности на эту тему излишни, истина только что сказанного и так хорошо известна.

В христианских странах, как и в Европе, различные правительства до сих пор вносили свой вклад в помощь миссии христианства или были достаточно милостивы, чтобы позволить тем из богатых классов, которые были готовы взять эту задачу на свои плечи, и организовать ее самостоятельно, а низшие классы были едва ли в состоянии помочь в этом. Что будет, когда

наступят прекрасные дни отделения церкви от государства, и последнее преуспеет в достижении цели, к которой оно, кажется, так искренне стремится сейчас, - сделать народ безбожником, как оно само, когда богатые больше не захотят брать на себя эту работу, одному Богу известно. Но в этих странах, как хорошо известно, правительство, раньше, а в последнее время и до недавнего времени, или богатые семьи путем крупных пожертвований сразу построили церкви, основали университеты, колледжи и школы, возвели больницы и приюты; основали - таково было выражение - все существующие религиозные, благотворительные и литературные учреждения. Народ" почти ничего не сделал в этом направлении, по той очень веской причине, что он был не в состоянии сделать это.

Только в Соединенных Штатах и только среди католиков именно "народ", бедняки, взяли и смогли взять этот вопрос в свои руки.

То, что они - особенно ирландцы - сделали это, делает им честь, и они получают свою награду от Бога; более того, они уже в значительной степени получили ее, наполнив землю храмами своей веры, школами, где их детей все еще учат верить в Бога и расти нравственной расой, и различными католическими приютами и учреждениями, созданными во славу религии или для утешения тех, кто лишен комфорта. То, что они смогли это сделать, объясняется уникальным, исключительным, чудесным процветанием страны, которая предоставила им убежище. И давайте с благоговением добавим, что этим необыкновенным процветанием, ставшим источником стольких благ, страна обязана замыслам любящего Провидения, которое заботится о благополучии всего человечества и поэтому наделило эту молодую и гигантскую нацию необходимыми качествами энергии, активности, "инициативность", как ее называют, дополненная незыблемым принципом, согласно которому каждый человек в этих обширных владениях должен пользоваться свободой, возможностью приобрести компетенцию и правом использовать ее по своему усмотрению, а также щедростью, достаточной для того, чтобы приветствовать того, кто посвящает излишки своего заработка полезным общественным начинаниям.

Ни в одной другой стране мира такого не было, и ни в одной другой нет в настоящее время. И поскольку факт этот могущественен по своим результатам, не подготовлен человеком, не предвиден сто лет назад, требует для своего осуществления тысячи учреждений, неподвластных никакому человеку или низшему разуму, следуя ранее указанной линии рассуждений, мы приписываем, вынуждены приписывать все это великому бесконечному Разуму, самому Богу, и только ему!

А теперь мы переходим к действиям ирландцев и рассмотрим некоторые детали. Первой насущной потребностью были церкви и приюты для сирот: церкви для важного поклонения Богу; приюты для сирот, чтобы принять множество детей, оставшихся без крова в результате смерти иммигрантов вскоре после их прибытия, и которых тут же расхватывали прозелитические секты.

Архитектурный стиль первых храмов великого Бога был действительно домашним и скромным. Тем не менее, его можно сравнить с аналогичными зданиями, возведенными богатыми протестантскими общинами. Одного этого факта достаточно, чтобы уличить протестантизм в отсутствии веры, а именно: его приверженцев никогда не посещала мысль о том, что величие Бога, если оно действительно ощущается, требует обильных даров со стороны тех, кто обладает сверхдостаточными средствами. Не то чтобы человек мог своими слабыми усилиями в этом отношении воздать должную честь божественному всемогуществу, но любовь и благодарность естественным образом изобилуют своими

проявлениями, и тот, кто горячо любит, всегда готов отдать все, что у него есть, ради объекта своей любви, даже пожертвовать собой. Размышления о том, что Бог слишком велик и что бесполезно, даже самонадеянно, предлагать Ему то, что в свете Его величия должно казаться бесконечно малым, - лишь хлипкий предлог скупой души и не может быть ничем иным, как ложью, даже в глазах тех, кто его произносит. С самого начала все истинно религиозные народы стремились к тому, чтобы их внешнее поклонение соответствовало их внутреннему чувству и выражало, насколько это возможно для человека, их представление о ценности и величии Бога; и эта мысль является истинным мерилем религии; ибо, когда внешнее поклонение является лишь холодным и убогим, мы можем быть уверены, что внутреннее соответствует ему; а когда мало или ничего не делается в этом направлении, ясно, что сердце не чувствует, а разум пуст от истинных убеждений и веры.

И каково же было неизменное поведение протестантских наций в этом отношении? Они завладевали великолепными церквями, построенными их католическими предками, и, лишив их всей красоты, оставляли их в качестве "проповеднических залов" или "домов собраний". Число тех, кто оставался приверженцем холодного и непривлекательного богослужения, постепенно уменьшалось; здания оказывались слишком большими, и во многих случаях то, что было святилищем, где искусство исчерпало себя в украшении, отделенное от остальной части церкви, сохранялось для их уменьшающихся прихожан, в то время как обширные нефы и просторные нефы медленно разрушались или становились пустынными уединениями. Что касается идеи строительства новых религиозных сооружений, то старые были уже слишком многочисленны для них, а если, как это нередко случалось, новая секта начинала спазматическую жизнь, и ее приверженцы находили необходимым открыть новое "место поклонения", то храм, который они возводили для Бога, обычно принимал форму наемного зала. Пусть пол будет застелен ковром, а скамьи покрыты мягкими, располагающими к дремоте подушками, в помещении царит атмосфера уюта и комфорта, должным образом продумана "акустика", чтобы голос проповедника доносился до дверей и наполовину до галерей, и больше ничего не требовалось. Над человеком, который просил о чем-то более торжественном и отвечающем запросам религиозного сердца, посмеялись бы как над провидцем, если бы от его лица не исходил сильный аромат "папства" и "человека греха" для остро пахнущих органов этих религиозных людей.

Таким образом, в Соединенных Штатах в то время, о котором идет речь, хотя количество церквей было необычайно велико из-за большого числа сект, они представляли собой просто оболочки зданий, способных вместить от трех до восьмисот человек (очень немногие из них были вместительными); и, хотя многие из членов общин, которые их строили, были богатыми людьми, ежедневно пополнявшими свое состояние, редко можно было встретить какое-либо из распространенных тогда сооружений, представляющих собой нечто большее, чем четыре стены, ограждающие четыре линии неуклюжих скамей.

Следовательно, у католической церкви не было причин краснеть от сравнения с бедностью своих детей; более того, крайняя простота возведенных ими зданий соответствовала всему окружающему, и то, что они делали в спешке, с теми скудными средствами, которые были в их распоряжении, по крайней мере могло соперничать с тем, что богатые протестанты делали сознательно, имея в своем распоряжении весь досуг и богатство.

Уже в ту эпоху в центре католицизма в этой стране любовь истинного поклонника Бога стала проявляться в том чувстве, которое естественно живет в сердце искренне религиозного человека; и Балтиморский собор, давно уже оставленный далеко позади другими памятниками истинной набожности, вызвал во всей стране неподдельный восторг и восхищение, когда его двери были впервые открыты для поклонения Богу. По всеобщему

одобрению людей, в том числе и не католиков, было ясно, что по крайней мере один класс людей в стране имеет истинное представление о том, что достойно Бога в его поклонении и что достойно их самих в их поклонении ему.

Но хотя, за редкими исключениями, архитектура зданий, возведенных чадом истинной Церкви, была действительно бедной, количество начатых и так быстро завершенных и посвященных святому использованию зданий было столь необычным, что сомнительно, чтобы в анналах католицизма когда-либо было зафиксировано подобное в таком же масштабе и на такой же территории страны. Если когда-нибудь будет написана церковная история Соединенных Штатов, можно надеяться, что в архивах различных епископальных владений сохранились подлинные документы, которые могут предоставить будущим писателям исчерпывающую статистику по этому вопросу, чтобы потомство благородных сердцем мужчин и женщин, которые взялись и выполнили с таким замечательным успехом столь трудную задачу, могло быть побуждено к религиозному подвигу того же рода памятью о том, что совершили их предки. Размышления, уже навеянные другой идеей, могут послужить и здесь, и их полезно повторить. Если в течение двадцати пяти лет на территории хотя бы десяти крупнейших северных штатов каждый священнослужитель, который в начале этого периода служил в очень маленькой церкви, сегодня, если предположить, что он жив, будет радовать глаз десятью-двадцатью соработниками с соответствующим количеством вновь построенных церквей, то легко судить о масштабности усилий, предпринятых по причине величия этого начинания и беспримерного успеха, которым Богу было угодно увенчать его. Другие штаты Союза здесь не приводятся, но не потому, что проживающие в них католики в то время бездействовали, а потому, что их рост был менее значительным, и внешний результат не мог быть столь поразительным. Тем не менее, фактический прирост среди них вполне сопоставим с показателями других растущих католических стран.

Если бы в настоящее время можно было собрать сведения обо всех государствах, расположенных в упомянутой области, то огромное распространение католицизма под влиянием иммиграции стало бы очевидным с гораздо большей силой, равно как и представление о соответствующем труде, требуемом от иммигрантов для создания всех объектов богослужения, благотворительности и образования. Пусть читатель обратится к тому, что рассказывается в "Жизни епископа Лораса", которому в то время было поручено основать религию в Айове и Миннесоте. В то же время он обратит наше внимание на продвижение ирландцев на Запад после того, как они прочно обосновались в атлантических штатах.

"Он был посвящен в Мобиле епископом Портье, которому помогал епископ Блан из Нового Орлеана, 10 декабря 1837 года. Его епархия представляла собой обширный регион, неизвестный ему. Недостроенная церковь Святого Рафаила в Дубьюке была единственной католической церковью на территории, и преподобный Сэм. Маццучелли, ее пастор, был единственным католическим священником. Католическое население Дубьюка составляло около трехсот человек. . . Но, думал новый епископ, в отдаленных, изолированных и малолюдных местах должны быть члены паствы, которым грозит опасность отпасть от веры; кроме того, будущие волны населения непременно устремятся к этому прекрасному пространству лугов, прерий и лесов. . . . С благоразумной предусмотрительностью он приобрел землю... три акра в Дубьюке; позже - прерию Святого Иосифа площадью в одну милю, недалеко от того же города. . . . Ценная собственность была приобретена в Давенпорте, на Миссисипи, с целью использования доходов от нее для поддержки миссий.

"К своему сожалению, он видел, что многие европейские иммигранты остаются в атлантических городах, где их подстерегают нужда, болезни и преступления, и был глубоко

заинтересован в том, чтобы дать этому достойному населению более здоровое и энергичное направление на Запад. . . . Были подготовлены и опубликованы статьи, рассказывающие о достопримечательностях этой страны. . . . Огромная переписка с людьми в этой стране и в Европе стала результатом известного интереса епископа Лораса к этим темам. . . . Он занялся обустройством колоний. . . . Немцы в Новой Вене в 1846 году ... Ирландцы на Биг-Макокети. . . Он организовал их в общины и лично приступил к строительству для них церквей. ...основал школы и академии, трудясь для временного и вечного благосостояния народа".

Таким образом, в Айову и Миннесоту начал стекаться поток католического населения, которое попадало под влияние Церкви сразу же по прибытии.

Тем временем на Востоке, главным образом в Нью-Йорке, создавались ассоциации для побуждения ирландцев к переселению на запад, вплоть до Иллинойса и территорий к западу от Миссисипи. Во главе движения встали несколько ревностных священнослужителей. Их главной целью было спасти католических иммигрантов от опасностей, подстерегающих их в больших городах, и сделать из них фермеров. Мы уже видели, почему эти планы, хотя и продиктованные самыми лучшими намерениями, не увенчались успехом; их непосредственным результатом было придание нового импульса великому движению на запад и, избавив атлантическое побережье от внезапного избытка населения, расширение Церкви вдоль линии, обозначенной Провидением, к побережью Тихого океана.

В то же время на самом берегу этого огромного океана Калифорния принимала прямо из Европы большие отряды добровольных изгнанников, которые в то время покидали Ирландию в полном составе во время "Исхода". Таким образом, католическая церковь заняла выгодную позицию в самом крайнем пункте, куда устремилась основная "армия", которая вскоре должна была прибыть с завершением строительства великой Тихоокеанской железной дороги.

Следующая выдержка, взятая из "Жизни епископа Лораса", даст представление о быстром росте католического населения на Западе в результате деятельности стольких учреждений, используемых Божьим провидением для своих святых целей:

"В 1855 году католическое население Айовы увеличилось на сто пятьдесят процентов за один год. Кажется почти невероятным, что церкви и станции, предоставленные для их размещения, увеличились за то же время почти на сто процентов. В 1855 году католическое население составляло двадцать тысяч человек, а церквей и станций - пятьдесят две; в 1856 году католическое население оценивалось в сорок девять тысяч человек, а церквей и станций - в девяносто семь.

"Епископ Лорас начал свою епархию (в 1837 году) с одной церковью, одним священником, а единственное католическое население, о котором сообщалось, составляло триста человек в Дубьюке. В 1851 году Миннесота была отделена от его епархии, но в 1858 году, в год его смерти, только в епархии Дубука было сто семь священников, сто две церкви и станции, а католическое население составляло пятьдесят пять тысяч человек".

Можно не сомневаться, что если бы аналогичные статистические данные были составлены по всем западным штатам Союза за соответствующий период, они дали бы очень похожие результаты; и только размышляя и обдумывая такие поразительные факты, как эти, ум может прийти к пониманию масштабов работы, возложенной Провидением на ирландскую расу. Мы без колебаний можем сказать, что это станет одной из самых примечательных черт

будущей церковной истории эпохи и проявится тем яснее, когда все последствия этого грандиозного движения предстанут во всей полноте, чтобы поразить взоры всех.

Не лишним будет поразмыслить над активностью, проявленной этим ревностным ульем занятых иммигрантов, которые вскоре после приземления, когда мысли других людей были бы заняты исключительно и, как считают люди, естественно, тысячами нужд, возникающих в связи с новым учреждением на чужой земле, - не пренебрегая этими нуждами, находили время, чтобы от души включиться в повсеместные проекты по скупке земельной собственности, Заключая контракты со строителями, наблюдая за уже ведущимися работами, занимаясь прежде всего сбором денег, составляя для этого списки подписчиков, объезжая с той же целью окрестности и заботясь о выполнении обещаний, которые иногда давались слишком поспешно или с излишней надеждой на то, что удастся осуществить то, что в будущем так и не было реализовано в ожидаемом объеме.

Но гораздо раньше, чем можно было надеяться, желание, столь близкое католическому сердцу, увидеть более подходящие жилища, возведенные в честь Бога и для принятия Его Божественного присутствия, исполнилось, или, скорее, пробудилось, в квартале, которого меньше всего ожидали, и, следовательно, более в соответствии с (для человека) неисповедимыми путями Провидения. Внезапный рост Церкви в Англии, вызванный замечательными обращениями и, главным образом, малозаметным потоком эмигрантов с братских островов, побудил некоторых благочестивых и богатых английских католиков, теперь, когда они могли свободно следовать своим наклонностям, посвятить свои средства строительству церквей, достойных этого названия. Великолепные строения, а ныне безжизненные памятники старой веры, воздвигнутые их отцами, оказались в руках губителей, и они не могли поклоняться, кроме как втайне, у святыни Фомы Кентерберийского или перед гробницей Эдуарда Исповедника. И все же их глазам не давало покоя присутствие этих благородных сооружений, напоминающих торжественные гробницы погребенной веры, но все еще возносящих свои высокие шпили к небу, в то время как строения под ними покрывали акры земли самой богатой и тщательно продуманной архитектурой. Они огляделись в поисках строителя, который мог бы воздвигнуть их снова. Но не нашлось никого, кто был бы способен придумать, а тем более построить такие огромные сооружения, как старые церкви, обязанные своим существованием не изобретательности дизайнера, а вдохновенному энтузиазму живой веры. Тем не менее, человек, полный энергии, благоговения и любви к красоте дома Божьего, появился именно в тот момент, когда он был нужен. Уэлби Пьюджин вскоре стал известен всему миру и был еще в полном расцвете сил своей предприимчивой жизни, когда по всему американскому континенту иммигранты занялись удовлетворением первых желаний своих сердец и покрыли страну непритязательными зданиями, увенчанными, по крайней мере, символом спасения. Среди них были и ученики Пьюджина, которые быстро нашли ирландские сердца, готовые откликнуться на их призыв, и ирландские кошельки, готовые воплотить их замыслы в жизнь.

Нет необходимости вдаваться в подробности. Даже пуританская Новая Англия видела, как ее главные города один за другим украшались настоящими храмами Божьими, а маленькие городки - каменными зданиями, предназначенными для католического богослужения, форма которых радовала глаз, а внутреннее пространство было достаточно просторным, по крайней мере временно, для постоянно увеличивающихся прихожан. Но, пожалуй, самым замечательным результатом всего этого стало внезапное рвение самих сектантов, которые до этого выражали такое презрение ко всему подобному, превзойти католиков в христианской архитектуре. Они даже дошли до того, что обнаружили, что крест, эмблема спасения человека, в конце концов, не такое уж неуместное украшение на вершине

христианского храма, и что статуи ангелов и святых обладают определенной красотой. Так что то, что в их глазах до сих пор носило отпечаток идолопоклонства - так, по их мнению, они смотрели на это, - вдруг стало эстетическим чувством, если не актом истинной преданности.

И, как ни странно, именно в то время, когда возведение стольких епископальных кафедр потребовало строительства соборов, естественная для католического сердца мысль о том, чтобы сделать дом Божий местом красоты и великолепия, начала реализовываться благодаря приходу настоящих художников и растущему богатству католического тела.

Только в истинной Церкви значение собора может быть полностью понято. Те секты, которые не признают епископов и высмеивают этот титул, конечно, не могут составить о нем никакого представления, и даже те, кто воображает, что у них есть епископ во главе, так мало представляют себе истинные епископские функции, величие положения, которое занимает собор, о важности места, где она учреждена, что в их глазах притворный сановник едва ли может стоять выше, по положению или степени, чем богатый приходской священник, а церковь, в которой служит "его светлость", ничем не отличается от обычной приходской церкви. Если в Англии к каждому из этих заведений и прилагается представление сановников, то это всего лишь форма, хорошо рассчитанная на торжественный англосаксонский характер; но даже эта форма едва ли могла бы существовать, если бы не была одним из тех немногих подобий католической реальности, которые хитрые основатели протестантской религии сочли удобным сохранить для той цели, на которую намекали. Только католическая церковь может понять, каким должен быть собор.

Здесь не место для объяснения всех смыслов и назначений собора, и уж тем более для проникновения в возвышенное мистическое значение, заложенное в его концепции. Здесь достаточно настаивать на наименее важном, но наиболее осмысленном и легко узнаваемом объекте здания, который является не просто почетной резиденцией первого пастыря епархии, преемника апостолов, но и местом поклонения и жертвоприношения, общим для всех верующих епархии. Строго говоря, к нему не прикреплена какая-либо особая община, но он является духовным домом всех верующих; его двери открыты для всех общин этой части. Там живет и служит общий отец; там обычно слышен его голос; там он находится в окружении всех тех, чей долг - помогать ему в выполнении его возвышенных функций. Когда он появляется в приходской церкви, священнослужители этого особого храма являются его единственными сопровождающими, если только другие не стекаются туда, чтобы оказать ему честь. Но кафедральный собор - это его постоянное местопребывание и постоянная обитель; там находят свои места назначенные сановники епархии, и только там его служители постоянно привязаны к нему своими функциями.

Поэтому это кардинальная церковь, на которой держится все духовное здание, называемое епархией. Поэтому она является естественным местом пребывания как всей паствы, так и самого пастора. Это объясняет обширность тех зданий, которые поражают нас в старых католических странах. В соответствии с их первобытным намерением и целью, в них должно быть место для стояния и коленопреклонения всех, кто имеет право туда войти; и только из-за невозможности в точности выполнить это намерение, здание разрешается строить меньшим. Таким образом, мы можем понять, почему великий храм, который является центром католического богослужения, может вместить только пятьдесят тысяч верующих одновременно, и почему многие другие священные здания, посвященные епископальным функциям, могут найти место не более чем для двадцати или тридцати тысяч.

Но даже эти сооружения, которые с удивлением поражают тщедушные умы нынешнего "продвинутого" века, потребовали столетий на свое строительство, а число и вера тех, кто их

возводил, были, можно сказать, исключительными в жизни Церкви. В те дни не было раскольников; и, поскольку все обладали твердой верой, все трудились с общей волей и с общим удовольствием вносили свой вклад в их строительство.

Времена изменились к худшему, на прежнюю пылкость и щедрость рассчитывать не приходилось; но требовалось хотя бы что-то, что давало бы представление о былом великолепии и обширности. Поэтому во всех новых епархиях были начаты проекты по возведению настоящих соборов, которые должны были затмить здания, известные до сих пор под этим названием.

Так, Нью-Йорку был обещан собор длиной в триста тридцать футов и шириной в сто семьдесят два трансепта, а Филадельфия вскоре была завершена, и все могли любоваться массивным и величественным сооружением, на фоне которого все остальные общественные здания в городе с населением в восемьсот тысяч душ казались карликовыми и неотесанными. Вскоре Бостон должен был увидеть в своих стенах католический собор длиной триста шестьдесят четыре фута и шириной в трансепте сто сорок футов, хотя в той же епархии уже было полно больших каменных церквей, построенных исключительно на средства переселенцев.

Архиепископ Нью-Йорка, произнося проповедь при закладке камня в основание этого здания в 1867 году, смог сказать в присутствии многих, кто мог бы лично засвидетельствовать истинность его слов: "Скорее всего, среди тех, кто слышит мой голос, есть те, кто помнит, как в Бостоне была всего одна католическая церковь, и когда ее хватало или должно было хватать не только для этого города, но и для всей Новой Англии; а как обстоят дела сейчас? Церкви и учреждения множатся и продолжают множиться со всех сторон, в этом городе, в этом штате, во всех или почти во всех городах и штатах Новой Англии; так что в настоящее время ни одна часть нашей страны не обогащена ими в большем пропорциональном количестве, нигде они не выросли до более процветающего состояния, нигде они не отделаны с большим художественным мастерством и не представляют собой памятники большего архитектурного вкуса и красоты."

Если бы кто-нибудь предсказал это доброму и одаренному епископу Шеверусу, когда тот уезжал из Америки во Францию, он, возможно, и не отказался бы верить или надеяться на это, но, несомненно, назвал бы это настоящим и несомненным чудом Божиим, которое должно произойти в течение столетия.

Но архиепископ Нью-Йорка в той же проповеди указал на истинную причину, приписав это "Божему благословию" и "непрекращающемуся приливу иммиграции, который шел и продолжает идти к американским берегам".

В истории Церкви, безусловно, есть немало страниц, на которых отчетливо видны следы перста Божьего; более того, можно сказать, что эти следы видны на всем протяжении, поскольку мы знаем, что только Бог мог зародить, распространить, поддержать, умножить и увековечить Церковь на протяжении всех веков ее существования; но вряд ли во всей ее летописи найдется хоть одна страница, где действие Провидения проявилось бы более отчетливо, как этого меньше всего ожидали, чем в тех нескольких фактах, которые мы бегло и кратко перечислили.

Мы упомянули лишь часть работы, к которой бедные переселенцы были призваны сразу же после прибытия, и при всей ее масштабности они не роптали и не унывали, как будто на них было возложено бремя большее, чем могли выдержать человеческие плечи.

Поклонение Богу и забота о душах были первыми вещами, которые следовало посетить, а вместе с ними не должны были игнорироваться и другие необходимые цели. Забота о бедных, которых Церковь Христова была первым общественным органом, который должен был думать о помощи; уход за больными в больницах, куда их собственное духовенство могло не только иметь доступ, но и где управление должно было быть истинно христианским милосердием и нежностью; Дети-сироты, которых всегда так много при обстоятельствах, подобных нынешним, должны были быть спасены от попадания в руки сектантов и воспитания ими, как это было раньше в католических приходах, в ненависти к своей собственной вере, а также к обычаям, привычкам и образу мыслей своих предков. Этот последний великий и неисчислимый источник убытков для Церкви должен был быть пресечен сразу, если не полностью - ибо это было тогда невозможно, - то, по крайней мере, настолько, насколько это могли сделать рвение, щедрость и истинная любовь к душам. Для всех этих работ требовались деньги, причем в неисчислимом количестве; ведь не в одном городе, не в маленьком отдельном штате, а по всему Союзу, через столько городов, сколько в нем есть, нужно было сразу же приступить к осуществлению этого начинания и одновременно действовать.

Речь шла не только о возведении зданий, но и о содержании огромного количества заключенных и их постоянной поддержке без единого дня перерыва. Кто может подсчитать суммы, необходимые для таких неотложных и насущных нужд?

В стране, где христианство давно утвердилось, налоги, взимаемые со всех на строительство, ремонт, содержание и эксплуатацию столь многочисленных и крупных заведений, легко собираются. Ведь по закону все обязаны вносить взносы на эти цели, и вопрос обычно сводится лишь к продолжению поддержки давно существующих учреждений, которые уже не нуждаются в больших расходах, необходимых в первый период их существования. Но в данном случае речь шла о том, чтобы без всякого иного закона, кроме закона любви, без помощи какого-либо иного сборщика налогов, кроме добровольного, обеспечить все эти нужды сразу, включая огромные расходы, необходимые для первого создания этих учреждений, и навязать этим самым актом необходимость и обязанность вечно поддерживать всех воспитанников, собранных вместе ценой стольких забот и расходов, в этих стенах, освященных религией и благотворительностью. Правительство не принимало в этом никакого участия; они были слишком счастливы, что правительство не препятствовало их исполнению! Это было все, чего они просили с его стороны - невмешательства.

По этому поводу мистер Магуайр справедливо замечает, не привлекая, однако, достаточного внимания к вопросу о расходах:

"Для славной Церкви Америки многие народы внесли свою лепту. Священное семя, впервые посаженное рукой рыцарственного испанца, было полито кровью великодушного галла; в младенческую миссию англичанин привнес свою стойкость и решимость, шотландец на северо-востоке - свою спокойную твердость, ... ирландец - свою веру, пылкость своей веры. И по мере того как шло время, и волна за волной иммиграция приносила с собой все больше и больше драгоценной жизненной крови Европы, ни из одной страны не было более богатого вклада благочестия и рвения, преданности и самопожертвования, чем из этого передового форпоста Старого Света, чьи западные берега первыми сокрушили ярость Атлантики; чьему народу Провидение, похоже, предназначило великую и героическую судьбу - нести цивилизацию Креста в отдаленные земли и далекие народы. О том, что Ирландия сделала для американской церкви, может рассказать каждый епископ, каждый священник. На всем огромном пространстве Союза едва ли найдется церковь, академия, больница или приют, в которых не прослеживались бы благочестие, образованность, усердие, самопожертвование

ирландцев - священников или профессоров, сестер всех орденов и конфессий; Вряд ли найдется церковная семинария для англоязычных студентов, в которой подавляющее большинство тех, кто сейчас готовится к служению святыне, не принадлежали бы, если не по рождению, то хотя бы по крови, к той исторической земле, которой благодарная Церковь прошлых веков дала гордое название *Insula Sanctorum*."

К этому можно добавить замечание, что еще более несомненно, что все упомянутые учреждения, почти без исключения, обязаны своим существованием, по крайней мере частично, а очень часто и полностью, щедрым и неизменным пожертвованиям ирландцев.

Преподобный К. Г. Уайт в своем "Очерке возникновения и развития католической церкви в Соединенных Штатах Америки", который прилагается к переводу "Истории католической церкви" Дарраса, говорит еще более позитивно:

"Отмечая это утешительное развитие католицизма по всей территории Соединенных Штатов, особенно на севере и западе, справедливость требует от нас заявить, что оно в значительной степени обусловлено верой, усердием и щедростью ирландцев, иммигрировавших на эти берега, и их потомков. Мы далеки от желания умалять заслуги других национальностей; но огромное влияние, которое оказало ирландское население на расширение сферы деятельности Церкви, заслуживает внимания, поскольку несет в себе очень поучительный урок. Удивительная история ирландской нации всегда заставляла нас убедиться в том, что, подобно избранному поколению Авраама (разумеется, до того, как они отвергли Мессию), они были предназначены, по замыслу Провидения, к особой миссии по сохранению и распространению истинной веры. Эта вера, такая чистая, такая прекрасная, такая щедрая, проявляет себя во всех уголках земного шара. Ее жизненной силе и энергии мы должны в значительной степени приписать стремительный рост числа церквей и других учреждений, которые возникли и продолжают возникать в Соединенных Штатах, и этому же источнику духовенство в основном обязано своей поддержкой в исполнении пастырского служения. Нельзя отрицать, и мы с радостью свидетельствуем об этом, что сотни священнослужителей, трудящихся ради спасения душ, голодали бы, и их усилия в деле религии были бы напрасны, если бы не щедрая помощь, которую они получают от детей Эрина, которые в большинстве своем знают, как оценить преимущества религии, и поэтому с радостью жертвуют свои мирские средства на приобретение духовных благословений, которые раздает Церковь".

К этому можно добавить, что то, что мистер Уайт так выразительно говорит о щедрой поддержке, оказываемой ирландским народом духовенству, в равной степени относится и к тысячам воспитанников сиротских приютов, исправительных учреждений, школ, монастырей и вообще всех благотворительных заведений, специально поддерживаемых церковью для общего блага человечества. Приведем лишь один факт, зафиксированный в примечании к книге мистера Магуайра: сестра милосердия рассказывает о том, что ирландский рабочий класс сделал для ордена в Цинциннати: "Монастырь, школы и Дом милосердия, в котором совершаются добрые дела нашего института, были приобретены в 1861 году за значительные средства. Эти расходы, вместе с ремонтом, перестройкой, меблировкой и т.д., были оплачены рабочим классом ирландцев, которые были и остаются для нас самыми преданными, и благодаря своей щедрости позволяют нам до настоящего времени успешно осуществлять наши дела милосердия и благотворительности".

Не боясь возразить, можно утверждать, что то же самое мог бы заявить настоятель почти каждого католического учреждения в стране, если бы им была предоставлена возможность выступить с подобным заявлением.

Все это хорошо известно тем, кто хоть немного знаком с историей и деятельностью этих учреждений; но об этом почти не шумят, согласно евангельскому правилу, которое рекомендует нам делать добро так, чтобы "левая рука не знала, что делает правая". Нет ничего более христианского, чем такое молчаливое одобрение, а вечная награда, которая должна последовать за этим, настолько велика, что аплодисменты мира вполне могут быть проигнорированы. Но поскольку постоянные добрые услуги способны породить безразличие у тех, кто получает от них наибольшую пользу, не мало добрых людей, которые, кажется, трудятся под впечатлением, что ирландцы действительно не заслуживают никакой благодарности; что все, что они делают, происходит от них так естественно, что этого можно ожидать как само собой разумеющегося, и что, будучи, в конце концов, не более чем их простым долгом, это становится совершенно обычным делом.

Излишне говорить, что если все это ожидалось от них, и если это, как это действительно есть, в конце концов, только очень обычный поступок с *их* стороны, то именно этот факт делает их самым необычным народом, поскольку ожидания такого рода, которые могут быть самыми естественными, относятся к тому своеобразному виду "больших ожиданий", великолепных в перспективе, но очень обманчивых на самом деле; и, конечно, они не были бы ожидаемы как само собой разумеющееся в любом другом народе. Пусть каждый поразмыслит над немногими подробностями, приведенными здесь, пусть добавит другие из своей собственной информации, и все это, как и есть на самом деле, покажется удивительным и объяснимым только великими и милосердными замыслами Бога, о которых только что рассказала д-р Уайт, - замыслами, доверенными по этому случаю верным слугам, чьи щедрые сердца и чистые души открылись для возложенной на них миссии, для ее славного исполнения до сих пор и для еще большего раскрытия в грядущем времени.

Чтобы лучше понять, как и должно быть, всю тяжесть бремени, которое они с такой радостью взяли на себя, не лишним будет несколько размышлений на тему религиозных и благотворительных учреждений.

Римляне - эти мастера-организаторы, которые привели в совершенную систему все отрасли управления, законодательство, войну и религию - никогда не оставляли, не вверяли инициативе народа заботу о предоставлении средств на любые вещи, которые должно предоставлять государство. Все государственные религиозные учреждения были наделены средствами, колледжи священников пользовались большими доходами, и расходы на богослужения покрывались из того же источника. На фиск в целом возлагалась обязанность содержать арсеналы, суды, крупные учреждения, предназначенные для удобства и обучения народа, бани, библиотеки и обычные увеселительные заведения. Частная щедрость императоров, крупных патрициев и завоевателей позволяла время от времени устраивать необычные представления в театрах, амфитеатре и цирке.

Во всем этом плане не оставалось места для благотворительности. В самом деле, значение этого слова было им неизвестно; ведь его нельзя правильно применить к регулярной раздаче денег или зерна плебсу; это была одна из тех щедрот, которые необходимы, и практиковались они только для того, чтобы держать низшие слои граждан в праздности и беззаконии, как дикого зверя, которого нельзя держать на цепи: его надо кормить. По-настоящему бедные, спасенные, искалеченные, беспомощные были брошены на произвол судьбы, они были недостойны жалости, поскольку не вызывали страха.

И все же эта система принесла свои плоды. Как только христианство воцарилось на троне, не было ничего проще, чем переводить огромные суммы, вносимые в регулярные фонды или являвшиеся результатом налогов, с одного объекта на другой; таким образом, христианское

духовенство и церкви поддерживались, как и колледжи и храмы языческих жрецов, за счет доходов, получаемых с больших поместий, принадлежащих различным корпорациям. Таким образом, Константин и его преемники стали щедрыми благодетелями Церкви в Риме и во всей империи.

Между тем, 11 денежных сборов" среди верующих, которые были впервые организованы, как мы читаем в посланиях апостолов, а затем еще лучше систематизированы в Риме при первых папах, вскоре вышли из употребления, по крайней мере, в той степени, в которой они когда-то преобладали; Новые благотворительные учреждения, такие как попечение о бедных, вдовах и сиротах, были взяты на себя всей Церковью, в то время как расходы на все это покрывались за счет доходов, получаемых от пожертвований князей или завещанных богатыми христианами.

В результате во всем христианском мире все религиозные, литературные и благотворительные учреждения получали большие доходы, и не было необходимости обращаться за пожертвованиями к щедрости простых людей.

После успешного вторжения варваров та же система сохранилась; история свидетельствует о том, как богато финансировались построенные церкви, основанные монастыри, открытые университеты и колледжи некогда свирепыми франками, германцами или северянами, укрощенными и покоренными наставлениями и практикой христианства.

Мы знаем, как огромные богатства, которые были направлены на такие святы цели благодаря мудрой щедрости правителей или богатых вельмож, со временем стали предметом зависти мирских людей, и что главным стимулом для "реформаторов" для тщательного выполнения их работы по 11 реформации была перспектива золотого урожая, который можно было собрать, разрушив католическую церковь.

Но очень большие суммы, необходимые для удовлетворения чаяний, заложенных в сердце человечества религией Христа, могут дать нам адекватное представление о том, чего на самом деле стоит христианская цивилизация. Глупо представить себе здравомыслящего человека, который действительно верит, что щедрые основатели благочестивых учреждений, передающие по дарственной или завещанию такие большие состояния и доходы различным

***** В этом электронном тексте отсутствуют бумажные страницы 457-472. *****

Мы не можем позволить себе больше передавать его опыт жизни среди ирландцев. Судя по всем его рассказам, в Лондоне они такие же, как и везде, крепко привязанные к католицизму и, как правило, образцово исполняющие свои религиозные обязанности.

Уместно, однако, привести в заключение длинное описание того, что он видел среди них, посещая их в компании священнослужителя: "Религиозный пыл людей, которых я видел, был очень сильным. В одном доме, куда я зашел, женщина поразила меня силой своего рвения, показав, как она продолжает держать в своей гостиной святилище для молитвы каждый вечер и утро, и даже днем, когда она чувствует себя усталой и тоскливой".

II. Переходя от религии к морали, давайте снова обратимся к этому писателю: "Лишь десятая часть пар, живущих вместе и занимающихся торговлей (среди англичан), состоит в браке. О правах законных или незаконных детей английские костромичи ничего не понимают и считают пустой тратой денег церемонию бракосочетания, когда пара может жить вместе и без нее, и быть в таком же хорошем отношении к своим товарищам. Замужние женщины без

стеснения общаются с незамужними матерями семейств. Замужнее состояние не считается почетным, а наложничество - постыдным.

"Что касается верности этих женщин, то меня заверили, что в любые времена, похожие на хорошие, они были неукоснительно верны своим парам; но в самых тяжелых условиях нищеты отступление от этой верности - если оно обеспечивало несколько порций еды или огонь - не считалось чем-то ужасным".

Дальнейшие подробности можно прочесть в цитируемой книге, которые вряд ли уместны на этих страницах, хотя и вполне соответствуют интереснейшей работе, в которой они появляются. Из всего этого становится ясно, что упомянутый класс людей глубоко аморален и развращен, и сама их бедность только мешает им предаваться излишнему распутству.

С другой стороны, когда мистер Мэйхью говорит об уличных ирландцах в Лондоне, он самым решительным образом превозносит чистоту женщин в частности и заботу родителей в целом о сохранении добродетели своих дочерей посреди ужасающего разврата, который постоянно происходит на их глазах. Единственное его замечание пренебрежительного характера заключается в следующем:

"Я могу заметить, - ссылаясь на заявление о том, что ирландские родители не хотят подвергать своих дочерей риску того, что они считают развращающим влиянием, - что, когда молодая ирландка все же прорывается через блеск целомудрия, она часто становится, как меня заверили, одной из самых жестоких и развратных, возможно, из самого развращенного класса".

Из самой формы, в которую облечена эта фраза, очевидно, что такое случается крайне редко, и что насилие и разврат, о которых говорится, еще сильнее контрастируют с общей чистотой всего класса и являются лишь результатом открытого и безоговорочного характера расы.

Но весь мир знает, что целомудрие является правилом и, возможно, самой особенной добродетелью ирландцев, и этот факт вынуждены признать их злейшие враги. В этой же работе мистера Мэйхью на первый план выдвигается еще более удивительный факт, чем предыдущий, - и это признают все, - факт, противоречащий общему мнению даже их друзей и тем не менее подкрепленный неопровержимыми доказательствами. Он относится к другому контрасту между английскими и ирландскими костермейстерами в вопросах воздержания.

III. Результат, к которому пришли его расследования среди торговцев спиртным в той части Лондона, где проживает примерно равное количество представителей обеих национальностей, мистер Мэйхью приводит как двадцать к одному в пользу ирландцев в отношении потребления спиртного. В большинстве "независимых", то есть "не обедневших" ирландских семей вода является единственным напитком за ужином, а после него - пунш; и если число трезвенников среди англичан оценивается в триста человек, то среди ирландцев их шестьсот, которые составляют, напомним, лишь одну треть от всего класса торговцев, и эти ирландские трезвенники, приняв зарок с санкции своих священников, рассматривают его как религиозный обряд и неукоснительно его соблюдают. Число ирландских трезвенников значительно увеличилось с тех пор, как мистер Мэйхью опубликовал свой отчет, в результате энергичного крестового похода против пьянства, начатого ревностным лондонским духовенством под мощным руководством архиепископа Мэннинга.

Правда, один трактирщик сказал мистеру Мэйхью, что "он предпочел бы иметь двадцать бедных англичан, напивающихся в его краге, чем пару бедных ирландцев, которые могут поспорить с кем угодно, а иногда и очистить комнату". Но это замечание, если и показывает что-то, то только то, как и почему ирландцы приобрели репутацию нации пьяниц, которая является клеветнической и ложной.

IV. Еще один, и, пожалуй, не менее удивительный результат, чем любой другой, - это контраст между обоими классами людей в отношении экономии и предусмотрительности: Английские уличные торговцы повсеместно тратят все свои доходы на удовлетворение зачастую зверских appetites; ирландцы, напротив, откладывают деньги либо для того, чтобы передать их своим бедным родственникам в Ирландии, либо чтобы воспитать детей должным образом, либо - если они молоды - чтобы обеспечить их расходы на брак и дом. Подобные заботы, кажется, никогда не беспокоят английского скупщика. Мистер Мэйхью так сильно отмечает эти черты у ирландцев, что порой склонен обвинять их в том, что они заходят слишком далеко, вплоть до проявления скупости и прижимистости. По его словам, они обращаются в различные "союзы" или в приход, даже когда у них есть деньги, или иногда идут на жалкую еду, жилье или одежду, чтобы иметь небольшой фонд на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств.

Но общий результат его наблюдений очевиден: ирландцы очень предусмотрительны и дальновидны; удивительное заявление, несомненно, для большинства читателей мистера Мэйхью, но, в конце концов, оно согласуется со свидетельствами многих безупречных очевидцев их жизни в других странах. И если в Англии, особенно в Лондоне, они порой кажутся скупыми в своем хозяйстве, то не является ли это вполне естественным результатом тех страданий, которые они ранее перенесли в своей собственной обедневшей стране, и, следовательно, доказательством того, что они, по крайней мере, извлекли пользу из тех ужасных испытаний, через которые им пришлось пройти?

Мы говорили только об ирландцах в Лондоне; те же факты, скорее всего, относятся к ним во всех крупных городах Великобритании. К сожалению, интереснейшая работа мистера Мэйхью не нашла подражателей в других частях королевства. Однако замечания Ф. Перро в его "Ирландии под английским правлением" охватывают почти всю страну.

После изложения собственного опыта и опыта многих других людей, с которыми он консультировался или чьи труды читал; после изложения опасностей, которые подстерегали ирландцев в этой (для них) "самой чужой стране" - Англии, а также успеха, который сопутствовал трудам многих прозелитов среди них, и даже в некоторых случаях прогресса безнравственности в их среде в результате бесчисленных соблазнов, которым они были подвержены, успеха и прогресса, которые, по личному наблюдению г-на Мэйхью, должны были привести к успеху и прогрессу. Мэйхью, по его личному наблюдению, можно подумать, что добрый отец преувеличивает, он заключает следующим образом:

"Мы не должны упускать из виду тот факт, что ирландская эмиграция в Англию и Шотландию во многих отдельных случаях приводит к результатам, которые не могут вызывать слишком глубокого сожаления.

"Но и там, и там, а также в Америке и Австралии, благодаря экономности восхитительного провидения, Бог использует этих ирландских иммигрантов для распространения и распространения католической веры посреди английского и шотландского протестантизма. Какого прогресса не добилась католическая религия за последние тридцать лет в Англии? И разве не могут католики сказать своим отделившимся братьям то, что Тертуллиан сказал цезарям третьего века: "Наша религия - вчерашний день; и вот мы заполняем ваши города,

ваши советы, ваши лагеря, ваши племена, ваши декурии, дворец, сенат, форум...". Вы преследовали нас на протяжении веков, и вот, мы возрождаемся из крови мучеников!

"В начале царствования Георга III в Англии и Шотландии насчитывалось едва ли шестьдесят тысяч католиков, оставшихся верными вере своих отцов. В 1821 году их число, согласно официальной переписи, составляло пятьсот тысяч. В 1842 году их число оценивалось от двух миллионов до двух миллионов пятисот тысяч. В настоящее время (1864 год) их насчитывается около четырех миллионов, и из этого общего количества на один город Лондон приходится более двухсот пятидесяти тысяч".

В примечании он добавляет следующие цифры, предоставленные ему доктором Грантом, покойным епископом.

Грантом, покойным епископом Саутварка:

Общее число католиков. Число ирландцев.	
Манчестер	80,000 60,000
Ливерпуль	130,000 85,000
Бирмингем	30,000 20,000
Престон	24,000 4,300
Уиган	18,000 6,000
Болтон	12,000 4,000
Сент-Эленс (Ланкашир)	10,000 6,000
Эдинбург	50,000 35,000
Глазго	127,000 90,000

"Наконец, не следует забывать, что около половины армии и флота составляют ирландские католики.

"В 1792 году в Англии и Уэльсе насчитывалось не более тридцати пяти часовен; в 1840 году их число достигло пятисот, среди которых были огромные и великолепные церкви, такие как собор Святого Георгия в Саутварке и Бирмингемский собор. В настоящее время (1864 год) их число составляет около тысячи.

"В связи с движением индивидуальных обращений, которое ежегодно приводит в наши ряды из протестантизма самые честные, самые искренние, самые расположенные души, ирландской иммиграции в Англии суждено сыграть важную роль в столь желанном возвращении этого великого острова к вере, которую она получила в шестом веке от святого Григория Великого и святого Остина Кентерберийского" и, добавим, от Айдана и его ирландских монахов из Линдисфарна и Ионы, как показал Монталемберт.

Если мы внимательно изучим цифры, только что приведенные Ф. Перро, и примем во внимание, что число католиков в Великобритании составляло всего пятьсот тысяч в 1821 году, а в 1864 году, согласно его подсчетам, достигло четырех миллионов, если мы внимательно изучим градации увеличения, отмеченные в различных переписях, проведенных между этими датами, мы обнаружим, что ирландская иммиграция действительно сыграла самую важную роль в возвращении Англии к католицизму. Мы удивлены тем, что он оценивает число ирландцев в Англии всего лишь в один миллион; не может быть никаких сомнений в том, что они и их потомство составляют большинство католиков, и что многие из англичан, которые возвращаются к истинной вере, побуждаются их примером и влиянием, особенно среди низших сословий, и что настоящая работа по

обращению английской нации лежит в руках ирландских иммигрантов. Мистер Мэйхью рассказал нам о том, как английские костермейстеры относятся к религиозным вопросам.

Теперь мы рассмотрели три большие волны, которые несли ирландцев в чужие страны; меньшие ручейки, забредшие в другие английские колонии, можно не рассматривать, поскольку проследить их путь потребовало бы больше времени и хлопот, чем они на самом деле требуют. Теперь мы видим ирландскую расу, рассеянную большими группами по многим и обширным территориям; и хотя население страны значительно уменьшилось в результате этого великого исхода и теперь составляет около пяти миллионов, тем не менее, если считать их рассеянными по всему миру, их число намного больше, чем когда-либо прежде; и теперь мы переходим к некоторым соображениям, направленным на то, чтобы показать влияние этой огромной эмиграции на возрождение расы и на будущий прогресс страны, из которой эта раса происходит.

Во-первых, эмиграция придала Ирландии и ирландцам такое значение в глазах всего мира, которое они и они никогда бы не приобрели, если бы не было этой эмиграции; так что Англия, от которой в значительной степени зависит их дальнейшая судьба, теперь вынуждена уважать и оказывать им справедливость; а справедливость - это все, что нужно для их полного воскрешения.

Чтобы составить верное представление об этом, необходимо рассмотреть их в двух аспектах: как эмигрантов в Соединенных Штатах, живущих под властью и являющихся гражданами правительства, отличного от правительства Англии; и, во-вторых, в странах, находящихся под контролем Великобритании, одной из которых является сама Англия.

В Союзе они в большинстве своем становятся гражданами страны, которую сделали своим домом, и первым условием, необходимым для получения этого права гражданства, является отказ от всякой верности своим бывшим английским правителям. Готовность и радость, с которыми они выполняют эту задачу, не нуждаются в упоминании. Но, как христиане, новые обязательства, которыми они себя связывают, предполагают нечто большее, чем простая клятва верности; дух не менее, чем буква клятвы, предписывает им не признавать никакой другой страны своей, кроме той, которая предложила им убежище, и, следовательно, в силу самого факта получения американского гражданства они перестают быть ирландцами.

Но клятва не обязывает их забыть свою прежнюю страну, равно как и не запрещает им приносить ей пользу в той мере, в какой это законно в их силах. Далеко не так. Их новая преданность была бы, конечно, убогой вещью, если бы в самом своем замысле она связывала сердца настолько холодные, чтобы сразу отречься от всякой привязанности к земле, где они родились, и изгнать в один день воспоминания, которые накануне были священными. Этого от них не требуется; а если бы и требовалось, они никогда не смогли бы так понять свою преданность. Они по-прежнему, и по праву, крепко привязаны к Ирландии и с нетерпением ждут любого законного повода, чтобы проявить свою привязанность своими поступками.

Тем временем в новой стране на их долю часто выпадают положение, влияние, богатство, уважение; их число растет, и они становятся важным фактором в республике. К ним присоединяется часть власти, которой обладает великая нация, гражданами которой они теперь являются, и они предстают перед изумленным взором Англии в совершенно новом и неожиданном обличье. На войне этот эффект наиболее показателен, и даже в 1812 году роль, которую сыграл, например, "дерзкий Джек" Барри, уже вызвала у британских государственных деятелей серьезные размышления и предчувствия. Но даже в мирное время высокое положение, занимаемое многими ирландцами в Соединенных Штатах, и

совокупный голос мощной партии, где каждый язык имеет право голоса, не могут не сказаться благоприятно на вопросах, касающихся их бывшей страны.

Можно ли представить, что это не влияет на отношение к Ирландии со стороны правящих сил? Чтобы дать истинное представление об изменениях, вызванных ирландской эмиграцией, предположим на мгновение, что правящая власть снова использует свою прежнюю безрассудность в обращении с Ирландией - не то чтобы мы представляли себе современных английских государственных деятелей способными на такое и стремящимися восстановить то, что, к счастью, ушло навсегда, - но просто чтобы показать полную невозможность повторного возникновения такой ситуации, предположим, что один из старых уголовных законов снова будет принят и одобрен британским государем, каков будет эффект для множества ирландцев, живущих сейчас в Америке? Какое влияние, независимо от ирландцев, оказали бы все органы общественного мнения в Америке, достойные этого названия? Как бы высказалось подавляющее большинство членов не только Конгресса, но и законодательных органов каждого штата? Общественное мнение сегодня является правителем мира, и когда общественное мнение заявляет о вопиющей и кричащей несправедливости, его голос должен быть услышан, его мандат должен быть выполнен, а беззаконие прекращено. Этот крайний и, как нам кажется, невозможный пример приводится лишь в качестве доказательства выгоды, которую Ирландия извлекает из рассеяния своих разрозненных детей, - выгоды, падающей на ее собственную голову, в обмен, возможно, на миссию, которую они выполняют.

Но, помимо предположения о таком крайнем случае, несомненно, существует молчаливая сила, заключающаяся в том, что миллионы свободных людей возмущаются повторением нападения на их старую страну, как на преступление против них самих. И, несомненно, есть три миллиона бывших ирландцев, которые сегодня являются гражданами Соединенных Штатов, на которых должен упасть взгляд многих английских государственных деятелей, имеющих хоть какое-то право на это имя. Поэтому мы говорим, что теперь Англия должна уважать Ирландию.

Это уважение ежедневно усиливается благодаря большему комфорту и более легким обстоятельствам, хотя в целом все еще слишком жалким, ирландцев на родине, которые были достигнуты в основном благодаря помощи, полученной от их изгнанных соотечественников. Как мы видели, старая политика их угнетателей имела главной целью пауперизацию страны, и, как мы также видели, эта политика была чрезвычайно успешной. Мы знаем, как глубоко до сих пор ощущаются последствия той прежней политики и как далека от завершения справедливость в этом отношении; как они до сих пор жалуются, и не без оснований, на многие законы, которые, как многочисленные извилины, все еще сковывают их в их прежней деградации; но об этом будет рассказано в следующей главе.

Тем не менее, несомненно, что их положение значительно улучшилось, а чрезмерные страдания, которые раньше казались их привилегией, в наши дни едва ли возможны. Это изменение их положения к лучшему можно объяснить целым рядом причин, одной из которых, как мы признаем, было исправление многих прежних несправедливостей. Но мы также должны признать, что главный рычаг возрождения нации после того, как вокруг нее расчищена земля, - ее казна - в случае с Ирландией пополнялась в основном из-за рубежа. Помещики-отказники все еще опустошают страну; но деньги, которые в нее поступают, несомненно, в значительной степени обусловлены огромными суммами, ежегодно пересылаемыми из Америки изгнанниками, и все они, конечно, не вернулись туда, откуда ушли. Невозможно оценить сумму, которая осталась в Ирландии, и ту, что уплыла обратно, но баланс должен быть значительно больше в пользу той, что осталась, поскольку бедствие

дома было так велико, и в миллионах случаев немедленная помощь приходила от дальних друзей, которые приобрели компетентность в своей новой стране и, зная об ужасном бедствии своих родственников дома, посылали все, что могли выделить, самыми быстрыми способами, которые были в их распоряжении.

Несомненно, тысячи семей получили пользу от этой первой печальной эмиграции своих друзей, и видимое улучшение положения ирландцев на родине в значительной степени связано с ней. Более того, мы слышали, что благодаря работе нового "Суда по обремененным имениям" в руки коренных ирландцев уже попали многие участки земель их отцов, и, вероятно, многие из обширных имений, принадлежащих тому, что было ирландским церковным учреждениям, которые подлежат продаже, будут возвращены тем же путем.

Таким образом, ирландцы постепенно возвращаются к владению своей землей, и, как только это произойдет, уважение Англии будет обеспечено - уважение в Англии по своей сути эквивалентно недвижимости.

Так постепенно, тихо, но верно происходит восстание нации благодаря эмиграции в Соединенные Штаты; и этот эффект значительно усиливается, если принять во внимание эмиграцию в страны, находящиеся под английским контролем, - Канаду, Австралию, саму Англию.

В этих местах последовали те же результаты, которые мы только что наблюдали в Соединенных Штатах, но их ожидает еще один и гораздо более значительный результат. Они не только постепенно способствовали пробуждению уважения к своим соотечественникам на родине в английской груди своим собственным ростом значимости и улучшением состояния, но в Канаде и Австралии они обладают привилегией, которая на Британских островах принадлежит им только в теории, но за границей становится очень мощным фактом.

Со времен Союза 1800 года предполагается, что ирландцы являются частью империи у себя дома и справедливо представляют свою страну в составе депутатов, которых они избирают в Имперский парламент. Но хорошо известно, что влияние ирландцев в этом парламенте практически нулевое, и что их присутствие там часто не приводит ни к каким другим результатам, кроме одобрения законов, вредных для их собственной страны. Может ли Ирландия надеяться получить какую-либо политическую или социальную выгоду от своих представителей в Лондоне, кроме той, что она может извлечь из их тщетных уговоров и неэффективных речей? Но в колониальных парламентах дело обстоит совсем иначе.

Мы не хотим, чтобы нас поняли так, будто ирландцы, вмешиваясь в политику, могут добиться определенного улучшения своего положения и положения своей страны, не ограничиваясь лишь подачей признаков жизни, которая в них есть. Напротив, мы считаем, что слишком большое рвение к подобным занятиям не раз вредило им; и им следует остерегаться льстить себе, что они поднимаются, потому что их голоса требуют, а их самих призывают вступить в борьбу в качестве ярых партизан. Это слишком часто приводит к тому, что они становятся лишь орудием проницательных людей.

Но в колониях они собирают значительные силы и, проявив благоразумие и проницательность, могут добиться справедливого рассмотрения своих желаний и мер и уступок; к сожалению, стиль мер, справедливых и благоприятных для них как ирландцев и католиков, полностью расходится со стилем тех, кто выступает против них, с которыми, куда бы они ни пошли, они сталкиваются, и всегда в одной и той же форме. В Ирландии они

вольны, по-видимому, делать то же самое в силу своего численного превосходства; результат последних выборов в Голуэе доказывает, каким фарсом является эта демонстрация свободы, и даже те члены, которых они избрали бы и иногда избирают, имеют очень слабое влияние или вообще не имеют его в том, что называется Имперским парламентом. Но в колониях, если они, как избиратели, превосходят своих политических противников, они могут и должны вернуть большинство в Палату представителей и офицеров в различные департаменты колониальной администрации. Таков закон выборов в действительно представительных правительствах, которые действительно свободны; большинство избирателей возвращает большинство в правительство, и это справедливо. Конечно, здесь есть место, особенно там, где большинство составляют ирландцы, для огромного количества пенистой болтовни о натренированных и запуганных избирателях и тому подобных вещах. Это нас сейчас не волнует, и мы лишь мимоходом заметим, что жаль, что на недавних выборах в Голуэе, о которых уже упоминалось, не было потрачено немного больше этих средств с обеих сторон; а в остальном мир еще не знал, что ирландское большинство в австралийском парламенте злоупотребляет своей властью как случайно, так и систематически; и поэтому можно смело признать, что в целом правительство находится в надежных руках. Однако в настоящее время нас беспокоит положение дел в Канаде и Австралии, где среди высших государственных сановников встречаются люди, которые являются ирландцами не только по рождению, но и по чувствам, и по правде. И вывод, который мы хотим сделать из этого факта, заключается в том, что Ирландия получает огромную пользу от тех высоких постов, которые занимают ее сыновья в этих далеких колониях; и, вероятно, никто не будет настолько опрометчив, чтобы отрицать или оспаривать эту точку зрения.

Правда заключается в том, что благодаря эмиграции Ирландия внезапно распространилась на обширные регионы, ранее не знавшие ее имени; регионы, которые раздувают мощь и богатство Англии и которым суждено сыграть очень важную роль в ее будущей истории. В этих районах ирландцы обрели новую страну; им принадлежит нечто от вездесущности англичан, а влияние, власть и вес, перешедшие в их руки, не нуждаются в дополнительных комментариях. Чтобы показать это подробнее, достаточно пройти по земле, уже проторенной на предыдущих страницах, перечисляя различные страны, которых они коснулись в своем исходе. Таким образом, наши, казалось бы, длинные отступления имели очень прямую цель и послужили мощным подспорьем для решения нашего первоначального вопроса. Теперь мы видим, что воскресение Ирландии было тесно связано с эмиграцией ее детей; что многое из того, что уже произошло для содействия этому воскресению, может быть приписано этой эмиграции, и что нацию еще ожидают гораздо более светлые дни, обусловленные главным образом этой постоянной и мощной причиной. Пусть никто не сетует на упорство этих выносливых скитальцев, которые, хотя их страна уже истощена миллионами, все еще покидают ее в количестве семидесяти тысяч человек ежегодно. Кажется, что в Ирландии выражают большое удивление тем, что движение не прекращается. Провидение положит этому конец в свое благоприятное время; если Бог все еще допускает это, то, несомненно, для осуществления своих могущественных и благодетельных замыслов.

В заключение этой длинной главы остается задать лишь один вопрос, который требует нескольких слов, но, по нашему мнению, имеет огромное значение, и мы готовы отдать все, что в наших силах, чтобы увидеть, как на него быстро и энергично обратят внимание: Получила ли Ирландия выгоду от этой так часто упоминаемой эмиграции в той мере, в какой должна была бы получить? И что должны делать ирландцы, чтобы увеличить преимущества, получаемые от нее?

Мы должны признать, что до сих пор выгода далека от той, что должна была быть, и причина этого кроется в отсутствии организации и ассоциации. Казалось, они позволяли Богу работать за них без какого-либо сотрудничества с их стороны; ведь, как мы видели, план был Божий, и Он заставлял их, как бы, выполнять Его замысел. Они приступили к работе вслепую, следуя лишь импульсу обстоятельств, не имея никакой подготовительной организации и тем более объединения. И даже сейчас, когда они рассеяны по столь обширным территориям такими могучими толпами, пока они не подадут ни малейшего признака желания попытаться хоть как-то объединить усилия, чтобы ускорить работу Провидения. Единственные признаки жизни, подаваемые до сих пор, были бурными и спазматическими, прямо противоположными гению расы, который, как мы пытались доказать, не имеет ничего революционного в своем характере и не подвержен темным интригам и безбожным заговорам.

К сожалению, они также, кажется, не приспособлены к духу устойчивой и долговременной или систематической ассоциации. В этом, главным образом, их раса отличается от скандинавской, которой привиты система, сочетание и постоянство в достижении поставленной цели.

Но почему бы не начать, по крайней мере, прилагать усилия в этом направлении? Латинские расы, в которых течет так много кельтской крови, сильны в организации, что так часто доказывали древние римляне, современные французы и испанцы. В ирландцев влилось много чужой крови после их многочисленных национальных катастроф, хотя мы верим, что их первобытные черты всегда преодолевали все чужеродные элементы, привнесенные в их среду; и то, что раса едва ли могла попытаться сделать в давние времена, возможно сейчас. Более того, в расовых пристрастиях нет ничего такого, что нельзя было бы преодолеть, и, конечно, без каких-либо радикальных изменений нация может приспособиться к потребностям времени и изменившимся обстоятельствам. Пусть ирландцы посмотрят, что они могли бы сделать для возрождения своей родины, если бы только всерьез взялись, наконец, за организацию и объединение для этой цели. Таким образом, они обратят огромные силы своей нации, рассеянные сейчас по всему миру, на реальное благо своей родины. В союзе - сила; но объединение может быть достигнуто только путем ассоциации, особенно когда элементы, которые необходимо объединить, находятся так далеко друг от друга.

Для этой цели, как мы полагаем, Бог дал человеку в наши дни разрушителей пространства - паровой двигатель и электрический телеграф. Эти мощные средства объединения были неизвестны человечеству до тех пор, пока Бог не постановил, что его дети, рассеянные по земле, должны быть более компактно объединены. Католикам они были даны, прежде всего, для того, чтобы послужить первой цели Бога, сделав Церковь более твердой в ее единстве и более эффективной в распространении истины; но, в конце концов, миссия ирландцев сегодня - это лишь ответвление миссии Церкви, и, хотя бы только поэтому, миссионеры заслуживают всяческого почета и уважения.

Если по замыслу Провидения наконец-то пришло время поселить сынов Иафета в шатрах Сема и положить конец ужасным бедствиям, возникшим в результате рассеяния в Вавилоне и смешения языков, то цель этих великих научных открытий еще более очевидна. В любом случае, для воскрешения Ирландии явно необходимы организация и ассоциация, и чем скорее будет сделан шаг в этом направлении, тем лучше.

Но какую ассоциацию мы предложим? Каковы должны быть ее ближайшие и наиболее осуществимые цели? Мы не чувствуем себя компетентными ответить на эти вопросы. Пусть

ирландцы хоть раз убедятся в том, что организация - это великий рычаг, который должен работать на подъем их поверженной нации, и они сами поймут, как лучше использовать этот мощный инструмент. Лидерами нации в этом святом предприятии должны быть, по нашему мнению, ее духовные лидеры. Они знают свою страну и любят ее; они, несомненно, пользуются доверием своих соотечественников: значит, именно они должны быть естественными инициаторами этих великих замыслов. А какие еще лидеры есть в Ирландии, какие подобные им люди, приемлемые для нации, которых нельзя купить ни деньгами, ни должностью?

Из этого первого замечания естественно вытекает другое: цель этих объединений, одобренная религиозными наставниками народа, не может быть иной, кроме как святой, и, следовательно, не требует никакой секретности. Они должны быть открыты для всего мира, поскольку не противоречат никаким установленным законам или авторитетам. Каждый человек, желающий стать членом ассоциации, должен заранее знать, что предлагается сделать и насколько необходимо его согласие.

Еще один важный момент: центр организации должен находиться в Ирландии. Ирландии это выгодно, и там, естественно, должны начинаться усилия, там же будут и их результаты. Что касается конкретного направления этих усилий, деталей всего предприятия, плана кампании - все это лежит за пределами нашей компетенции, и набросок его, скорее всего, будет просто химерой.

Однако можно сказать одно заключительное слово по вопросу, который часто приходил на ум писателю: Страшное угнетение нации началось с того, что люди лишились своих земель и стали нищими: одной из первых целей ассоциации, очевидно, должно быть поднятие народа путем восстановления, по крайней мере, в значительной части, земли для коренной расы.

Мы не ставим себе целью предлагать новую конфискацию, чтобы исправить старые; но Англия позволила им выкупить землю своих отцов в "Судах по обремененным имениям", а также недавно принятым законом, который упразднил ирландскую протестантскую церковь? Неужели нет места для плана, по которому ирландцы, разбогатевшие в чужих странах, могли бы стать покупателями земли, выставленной на продажу? И в ответ на естественное и сильное возражение против такого плана, вызванное удаленностью от родной земли и естественным отвращением возвращаться и жить там, разрывая новые связи, которые уже стали старыми и сделали их теми, кем они являются, не могли бы отцы выделить хотя бы одного сына, которого они могли бы посвятить благородной цели снова стать ирландцами, поселиться в ирландском поместье и жениться там? Это покажется легким и простым способом воссоздать на острове католическое дворянство.

Это лишь намек, брошенный для примера того, что мы подразумеваем под ассоциациями с целью возрождения Ирландии; множество возможных целей национальной организации придет в голову любому, кто задумается об этом на минуту. Эта тема будет более подробно рассмотрена в следующей главе.

ГЛАВА XVI.

МОРАЛЬНАЯ СИЛА, ДОСТАТОЧНАЯ ДЛЯ ВОСКРЕШЕНИЯ ИРЛАНДИИ

Эта глава будет посвящена самому острову. На протяжении многих веков он был счастлив в своем уединении и обособленности от остальной Европы: в наши дни он неизбежно является частью всей массы яфетических рас; его изоляция более невозможна, и, по мнению многих,

ему суждено вновь стать местом прославленным и счастливым. Задуматься о том, как это счастье и блеск должны прийти к нему, - единственная задача, которая еще остается перед нами.

Тот, кто принимает во внимание преимущества, которыми она уже пользуется, и сравнивает ее нынешнее положение с тем, что было сто лет назад, не может не поразиться разительным переменам к лучшему, произошедшим между этими двумя периодами. Ирландия по-прежнему страдает, и страдает тяжело, и мир по-прежнему справедливо говорит о ее несчастьях; но в каком бы свете они ни представляли перед теми, кто любит свою страну, никто не может сделать вид, что она все еще стонет под тяжестью тирании, которая легла бременем на ее историю. И, признавая эти благотворные изменения в ее положении, они должны в то же время удивляться, насколько мала была доля самих туземцев в их достижении, хотя их активность никогда не ослабевала, и у них были великие и добрые люди, работавшие на их благо. Что же на самом деле привело к этому?

Первое, на что следует обратить внимание, - это то, насколько эффективно моральная сила того, что называется либеральной мыслью, нанесла смертельный удар по уголовным законам за полвека до того, как они были стерты из свода законов.

Можно сказать, что либеральная мысль зародилась в Англии, откуда она перешла во Францию, чтобы распространиться и укорениться по всей Европе благодаря могущественному влиянию, которое в то время оказывала эта великая нация. Главная цель, которая одушевляла умы тех, кто впервые трудился над тем, чтобы приобщить ее к современным европейским принципам, не является предметом нашего рассмотрения. Несомненно, эта главная цель носила расшатывающий и пагубный характер, а именно: разрушить христианскую веру, изменить все старые социальные и политические аксиомы, которых придерживалось христианство, и создать новое общество, пропитанное тем, что сейчас называется современными идеями. Нет необходимости указывать на ужасающее безрассудство и преступность многих из тех, кто был пионером этого движения. Мы должны лишь принять новые принципы как великий факт, которому суждено произвести радикальное изменение в представлениях людей всех рас, изменение, уже начавшееся в Европе.

Либеральная мысль, как мы говорим, зародилась в Англии; и нетрудно доказать, что там она была результатом отчасти протестантизма, отчасти индифферентизма, конечным следствием великого принципа частного суждения.

Это проявилось в Великобритании с начала восемнадцатого века, и, как было показано ранее, то, что называется британской конституцией, стало результатом и результатом глубокой политической мысли, созревшей в умах, безразличных к религии, людей, которые были такими же *протестантами*, как и все остальные. Но они были глубоко одержимы чувством консерватизма и умеренности в применении самых радикальных принципов, которые позже пылкий галльский ум довел до окончательных и самых катастрофических последствий.

Но в каком бы одеянии он ни представал, либерализм, несомненно, являлся сутью британской конституции, установленной после всех гражданских и династических войн XVI и XVII веков. Лидеры английской нации на тот момент оказались полностью привержены аристократическим идеям и, соответственно, отказывались признавать все последствия своих принципов и видеть их полное воплощение в жизнь.

Было признано, что король царствует, но не управляет; что нация управляется своими представителями; что эти представители создаются путем выборов; что нация не может облагаться налогами без ее свободного согласия; что мысль, в первую очередь религиозная, свободна; что толерантность, следовательно, не может допускать никаких исключений в отношении религиозных доктрин; и все другие современные принципы, которые в конце концов были признаны, хотя и не всегда соблюдались, как правительственные аксиомы всеми европейскими нациями.

Пока эти аксиомы находились под пристальным вниманием английских патрициев, некоторые из их последствий не получили полного развития; но некоторые французы, в том числе Вольтер, переправившись через Дуврский пролив, вернулись с ними, и, поскольку жалкое правительство Людовика XV было не только слишком слабым, чтобы противостоять дерзости новых философов, но даже потворствовало ей, французский язык, на котором тогда говорили по всей Европе, передавал из уст в уста новую и захватывающую доктрину освобождения мысли.

Никто из этих писателей, правда, не взялся отстаивать интересы несчастной Ирландии. Вольтер привел в волнение всю Францию, да что там, всю Европу, вплоть до диких земель России, подняв дело протестанта Каласа, который был осужден на смерть и казнен, как кажется, несправедливо, за предполагаемое убийство сына, склонного к католицизму; но он ни словом не обмолвился о страданиях, которые в то время обрушились на весь ирландский народ исключительно за преступление его религиозных убеждений.

Тем не менее толерантность стала всеобщим достоянием. Оно громко звучало из тысячи французских памфлетов и громоздких томов; его подхватывали и повторяли в Англии; оно проникло даже в недоброжелательную атмосферу России, и над ним молча размышляли под властью неверующего деспота.

Невозможно было, чтобы Ирландия не извлекла из всего этого какую-то пользу. Правда, потребовалось немало времени, чтобы освобождение мысли пересекло этот узкий канал, разделяющий острова-сестры; ведь именно в то время, когда во Франции громче всего звучала эта доктрина, в Ирландии исполнялись самые жестокие уголовные законы, и казалось, что для страдающей нации нет никакой надежды.

Но к концу этого насыщенного событиями восемнадцатого века дыхание этого волшебного слова - толерантность - наконец-то почувствовалось на берегах Эрина. Когда оно было на устах у всей Европы, когда английские священники основательно прониклись новой доктриной, когда даже шотландские служители начали оттаивать под ее благотворным влиянием и становиться "либеральными теологами", как мог ирландский магистрат подумать о том, чтобы повесить монаха, перевезти священника или наложить крупный штраф на католика, совершившего ужасное преступление - прослушавшего мессу или отсутствовавшего на богослужении установленной церкви? В конце концов "камень мессы" перестал быть единственным местом, где можно было принести божественную жертву искупления; и вскоре стало известно, что в переулки и безлюдные дома в городах по воскресеньям стекается множество людей под руководством своего собственного Согарта Аруна. Однажды, как уже было отмечено, пол шаткого дома, где они совершали богослужение, провалился, в результате чего многие погибли и были покалечены; с тех пор католикам разрешили собираться в общественных местах, и, хотя "первооткрыватели" все еще имели законное право обличать и преследовать их, шансы на вынесение приговора были невелики.

Таким образом, благодаря огромной моральной силе - хорошей или плохой, сейчас вопрос не стоит - уголовные законы впервые устарели, и ирландцы не имели абсолютно никакого отношения к этому вопросу. Насколько нам известно, в то время из ирландской прессы не вышло ни одного памфлета, требующего веротерпимости и провозглашающего права религиозной свободы. Ни одна книга, написанная ирландским автором и отстаивающая то же самое, никогда не печаталась подпольно, как многие французские книги, сначала появлявшиеся в Голландии или тайно во Франции, с фальшивым титульным листом.

Когда происходило движение волонтеров, в Ирландии царила толерантность. Как видно, вопрос, обсуждавшийся на Данганнонском конвенте, касался исключительно расширения избирательного права для католиков; и, хотя большинство добровольцев под руководством лидеров движения несправедливо отказало им в этом, не могло быть и речи о том, чтобы впредь отказывать коренным ирландским католикам в праве свободно исповедовать свою религию. Моральное чувство века обеспечило им это право.

Обретение политического права также было результатом чисто моральной силы, хотя и потребовало гораздо больше времени, поскольку речь шла не просто о праве, индивидуальном по своей природе, как все естественные религиозные права, но о праве, затрагивающем внешнее общество и приводящем к материальным результатам огромной важности.

В этом ирландцы были не просто пассивны; они с душой и сердцем бросились в море политической агитации. С 1810 по 1829 год Католическая ассоциация, в которую входили люди из всех слоев общества, непрерывно выступала за эмансипацию. Главной целью этой ассоциации было получение политического права, и все чувствовали, что рано или поздно эта привилегия должна быть предоставлена. Тем временем светские враги Ирландии не сидели сложа руки. Эмансипацию - то есть политическое право - они называли "утопической мечтой", которую, как они утверждали, Англия не может предоставить. Разве это не противоречило коронационной клятве, более того, английской конституции? Сам король придерживался такого мнения и публично заявлял об этом. По мнению чистокровного англичанина, государство скорее потратит свой последний шиллинг и пожертвует последним человеком, чем потерпит это. Сколько людей говорили так вплоть до того самого дня, когда Веллингтон, передумав, наконец, предложил эту меру!

Такого противодействия, пожалуй, следовало ожидать; но странное дело: многие прекрасные патриоты-ирландцы, католики, миряне, а также священники и прелаты, были против агитации, начатой О'Коннелом и его друзьями; они считали ее "утопической мечтой", способной навлечь на их страну новые бедствия. Они, похоже, не понимали, что отказ от эмансипации фактически означал сохранение небольшого протестантского меньшинства в качестве правящей силы - государства в Ирландии, которое, благодаря моральной силе, перестало быть таковым только в теории. На самом деле уже сейчас большинство, то есть почти вся Ирландия, представляло собой огромную силу. Его члены могли открыто объединяться, проявлять себя, говорить, писать, агитировать; одним словом, они были народом, а протестантское меньшинство больше не составляло государства.

Правда, большинство ирландцев веками продолжало действовать единодушно в своем сопротивлении угнетению; как мы видели, они были народом с того момента, как английские короли и парламенты попытались принудить их к религиозной вере, и особенно с момента уничтожения клановости. Они действительно были народом, хотя и не имели собственного правительства и большую часть времени находились под самой невыносимой тиранией. Религия давала им единую мысль и единое сердце. И теперь, когда благодаря могучей,

непреодолимой моральной силе либерализма их больше не преследуют за то, что они хотят оставаться католиками, встал вопрос: Должны ли они по-прежнему быть абсолютно никем в государстве? Это было реальное требование Католической ассоциации, и каждый должен был видеть его важность и уверенность в успехе.

Тем не менее, огромное количество искренних ирландцев не рассматривали вопрос в таком свете и тайно или открыто выступали против агитации. Ирландия оказалась расколота как раз в момент судьбоносного кризиса.

Лидеры ассоциации сами не были полностью согласны с тем, как лучше поставить свой вопрос. Некоторые выступали за вооруженное сопротивление, полагая, что смогут победить Англию в открытом бою. Но великий основатель и лидер движения решительно выступил против столь безумного предложения. Он был за моральную силу, видя, как четко и неотразимо, пусть и неосознанно, она работает на их дело. Несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, несмотря на то, что английская партия и английская нация массово выступили против него, несмотря на то, что многие ирландцы отказались присоединиться к агитации, несмотря на то, что некоторые из его лучших друзей хотели рискнуть всем в отчаянной затее, он был спокоен, тверд и настолько уверен в успехе, что добился возвращения в английский парламент в качестве члена от графства Клэр еще до того, как эмансипация дала ему право на выдвижение. Сразу после этого "неконституционного" избрания, вопреки всем ожиданиям и вероятностям, внезапно было даровано благословение на эмансипацию, и О'Коннел гордо занял свое место среди представителей Ирландии в Имперском парламенте.

Если эта мера не была осуществлена благодаря чисто моральной силе, то трудно понять, как можно применить это выражение к чему-либо в этом мире. Здесь не место писать историю той памятной борьбы. Она еще свежа в памяти многих живущих людей. Мы просто сделаем вывод из того, что произошло в наше время, и вывод, который, можно сказать, ясно вытекает из обстоятельств дела и против которого никто не может выдвинуть серьезных возражений. Этот вывод заключается во всемогуществе моральной силы в завоевании для Ирландии такого количества свободы, политических и социальных привилегий, которые были ей в итоге предоставлены.

Эта победа принесла ирландским католикам признание со стороны Англии, что они являются фактором государства. Следующий вопрос, который естественно возникал, был: "Каково должно быть их положение в государстве?"

На этот вопрос существует множество ответов, даже в современных представлениях. В чисто демократических странах избирательное право является всеобщим, все имеют право политического голоса, и предполагается, что правит большинство. В странах с олигархическим или аристократическим правлением "привилегированными" являются ранг, богатство и положение, а основная масса лишена права голоса. Однако даже в этих странах, в соответствии с современными представлениями, кровь - не главное; определенное число плебеев допускается к участию в государственных делах, и их число становится больше или меньше по мере того, как борьба, которая всегда идет между немногими и многими, переходит то на ту, то на другую сторону. Так, в английском парламенте часто обсуждается и муссируется вопрос о "выборах" или "реформах". Но лидеры Католической ассоциации смело выступали за вопрос, который стоял до них - то, что в то время называлось отменой унии, а сейчас известно как "домашнее правление".

Должна ли Ирландия и дальше руководствоваться законами, принятыми в Англии? Число ее специальных представителей сравнительно так мало, ее католические чаяния встречают

такой глухой отклик у большинства членов, что, пока Ирландия не имеет своего собственного парламента, она не может называться свободной страной.

Более того, согласно современным представлениям, самоуправление признается аксиомой; все страны имеют на него право, под ограничением конституционных постановлений, как в "конфедерациях", так и в "имперских государствах". Почему же только Ирландия должна быть лишена такого блага?

Известно, как О'Коннел внезапно ухватился за этот вопрос и овладел им. Его первая ассоциация за отмену закона была мгновенно подавлена прокламацией ирландского министра. О'Коннел подчинился прокламации и заменил первую организацию другой под названием "Ирландские добровольцы за отмену Союза". Ее постигла та же участь, что и первую. Тогда великий агитатор укрылся в "завтраках за отмену" и заявил о своем намерении, если правительство "сочтет нужным провозгласить отмену завтраков, прибегнуть к политическому обеду, а если политический обед будет столь же опасен для спокойствия вице-короля, он устроит политические обеды; если же обеды будут провозглашены, мы должны, сказал он, как некоторые освященные дамы, прибегнуть к чаю и трактатам".

"Завтраки" были пресечены, а О'Коннел арестован. Обвинение, однако, вскоре было прекращено, и на время, отчаявшись добиться успеха в отстаивании отмены, он перешел в "партию реформ", от которой поначалу получил некоторые большие преимущества для Ирландии - правление лорда Малгрейва, лучшее из тех, что остров знал на протяжении веков, и назначение многих католиков на высокие посты в государстве.

Нет необходимости рассказывать об обстоятельствах, которые в конце концов заставили О'Коннела вернуться к своему первоначальному плану и создать в апреле 1840 года "Лояльную национальную ассоциацию отмены".

В течение короткого времени три миллиона единомышленников ежегодно вносили взносы в национальный фонд, и перед нами развернулась сцена, которую не мог предвидеть даже самый преданный поклонник Эрина. Было бы бесполезно искать в анналах человечества более поразительную демонстрацию чисто моральной силы. Причины его провала окажутся причинами совершенно временного и неожиданного характера, когда мы приступим к их изучению.

Но самого потрясающего зрелища было достаточно, чтобы поразить зрителя неотразимым эффектом, который оно не могло не произвести. Целый народ, послушный голосу одного человека! И это человек, который никогда не был облечен государственным саном, гордился лишь тем, что когда-то представлял бедное ирландское графство в английском парламенте; он был исключительно народным человеком, во всех отношениях отождествлял себя с народом, говорил на понятном всем языке, обращался к сотням тысяч людей, которые пришли по его зову, чтобы послушать его: в одно время почти миллион из них окружили его на холме Тары.

Если бы на его месте стоял демагог, разве смог бы он устоять перед соблазном использовать такую власть для осуществления революции? О'Коннелу стоило только произнести слово, и эти огромные массы людей пронесли бы по всему острову, как разрушительный меч. Стремительность ирландского характера в подобных обстоятельствах хорошо известна, и О'Коннел знал ее лучше, чем кто-либо из живших в то время людей. Он проявил себя поистине героически, постоянно сдерживая свои слова даже в самых захватывающих сценах, когда один его взгляд мог довести нацию до безумия.

Чтобы яснее представить себе печать и величие этого человека, сравните его поведение с поведением лидеров Великой французской революции 1793 года. Ни один из них не обладал и десятиной не только честности намерений великого ирландца, но даже его реальной властью над народом; и все же, какие страшные конвульсии они не обрушили на государство в дни своей недолгой популярности? На протяжении всего движения за отмену, когда миллионы людей беспрекословно подчинялись одному лидеру, готовому в любой момент исполнить его волю, не было ни одного нарушения мира, ни одной попытки возмущения, ни одной угрозы возмездия.

Единственная трудность заключается в том, кому отдать большее восхищение - О'Коннеллу или народу; Ведь если О'Коннелл возвышался почти над всем человечеством в своей неизменной сдержанности, имея в руках столь мощный двигатель, то народ представлял собой зрелище, которое тщетно искать в других местах человеческой истории, - целую нацию, охваченную самыми возбужденными чувствами, единый в мыслях, в целях, в горькой памяти о прошлом, сознающий свою неодолимую силу в настоящем, но никогда не поддающийся страсти, а спокойно расходящийся, выслушав пламенные речи своего вождя, чтобы вернуться в свои дома и вернуться к своим обычным занятиям. Любой беспристрастный человек, который хоть немного читал историю, должен признать, что это зрелище не имеет аналогов и само по себе оправдывает ирландский характер от глупых обвинений, которые так щедро на него бросали и так бездумно повторяют до сих пор.

Эти демонстрации, которые впоследствии показались столь бесплодными, выявили один великий факт: существование нации, полной жизни и энергии, удивительно энергичной и в то же время руководствующейся как суровыми принципами, так и эмоциями. Было бы глупо притворяться, что они не существовали, а были лишь частью Британской империи, существуя как бы по принуждению, лишь для того, чтобы дополнять величие и славу английской нации. У них была своя жизнь. Эта жизнь, как мы видели, была заложена в них только их религиозными убеждениями; она дремала более века; и вот теперь она вырвалась наружу на всеобщее обозрение, чтобы провозгласить, что ирландская нация все еще существует. И это чудесное воскрешение произошло благодаря одной лишь моральной силе.

Хотя ирландский народ тогда так сильно отличался от той смиренной, раздавленной массы угнетенных существ, которые за сто лет до этого лежали в полной зависимости от своих хозяев, тем не менее это был тот же самый народ, и разница заключалась исключительно в обстоятельствах. Если бы в предыдущем веке им позволили проявить свои чувства, как позволяло счастливое изменение положения дел сейчас, они, несомненно, действовали бы точно так же. И эти размышления подтверждают неоднократно высказанное здесь мнение, что ирландский народ существовал всегда и что самые неблагоприятные обстоятельства никогда не могли его уничтожить.

Между тем О'Коннелл был государем этого народа, и власть его над подданными была больше, чем у любого из королей или императоров, занимавших в то время различные троны Европы. Позднейшие события доказали, насколько шатким был авторитет всех тех, кто, казалось, держал в своих руках судьбы миллионов; власть одного лишь О'Коннелла была глубоко укоренена в сердце его народа. Из скромного положения адвоката из Керри он постепенно поднялся до того гордого положения, которое занимал в глазах Европы, и обязан он был этим исключительно той моральной силе, за которую так искренне ратовал и которой так хорошо умел пользоваться.

Но как же случилось, что все те большие надежды, которые тогда так горячо питали друзья Ирландии, так внезапно рухнули на землю, а О'Коннел умер от разрыва сердца?

Кажется, даже ирландцы считают, что теория О'Коннела была ошибочной; что одна только моральная сила не могла вернуть Ирландии ее законное положение среди народов; что, по сути, он потерпел неудачу из-за своей умеренности, и что горечь, омрачившая его последние дни, была естественным следствием его ложных и обманчивых ожиданий. Таково, похоже, почти всеобщее мнение.

Однако за всю его удивительную карьеру ему можно поставить в вину только один недостаток. Уступив однажды, в 1843 году, буйству своих чувств, "он взял на себя обязательство дать конкретное обещание, что в течение шести месяцев отмена будет уже свершившимся фактом".

Это обещание, данное опрометчиво и не принесшее никаких результатов, как говорят, охладило энтузиазм народа, который с того времени потерял доверие к своему лидеру; и только этому приписывают полный провал великой агитации.

Но в этом утверждении так мало истины, что, когда после известного тюремного заключения, после того как лорды-законодатели в британской Палате пэров заявили, что приговор О'Коннелу и его коллегам был ошибочным, он был восстановлен на свободе, только что процитированный писатель признается, что "ошеломляющие демонстрации неизменной привязанности и личной привязанности изливались на него со стороны его соотечественников. Их вера в его преданность Ирландии возросла во сто крат".

Правда, тот же автор, мистер А.М. О'Салливан, добавляет, что "их вера в эффективность его политики или в надежность его обещаний исчезла"; но чтобы согласовать эту фразу с предшествующей, ее нельзя воспринимать абсолютно. Отсутствие веры, о котором здесь говорится, относилось только к членам новой партии, которая была организована главным образом во время заключения великого лидера, - "Партии молодой Ирландии", новых сторонников физической силы против Англии, состоявших из пылких и, несомненно, благонамеренных молодых людей, которые потерпели столь вопиющий провал несколько лет спустя.

Эта партия стала главной причиной неудачи О'Коннела, а также последовавшего вскоре ужасного голода, который оставил ирландцам мало желания заниматься политической агитацией: перед ними стояла мрачная смерть, а главный вопрос - избежать голодной смерти и полного разорения.

Однако обе причины носили исключительно временный характер, а действенность моральной силы оставалась как никогда сильной и, по сути, единственно возможной.

Партия "Молодая Ирландия" не могла существовать долго, поскольку ее заявленная политика была настолько опрометчивой, настолько необоснованной и плохо проводимой, что одного лишь дыхания британской власти было достаточно, чтобы в одно мгновение рассеять ее безнадёжность. Более того, она открыто враждовала с массой католического духовенства и, похоже, настолько плохо изучила историю страны, что ее члены не знали, какую реальную власть религия имеет над их соотечественниками. Они не могли не потерпеть неудачу, и их тщетные попытки лишь ухудшили положение страны, за которую они готовы были умереть.

Достаточно сказать о других последующих попытках такого же рода, чтобы понять, что от таких неудачных и мертворожденных заговоров нельзя ждать никакой реальной надежды на

полное возрождение Ирландии; особенно если принять во внимание союз, заключенный некоторыми из них с революционной партией европейских социалистов и атеистов, от которых нельзя ожидать ничего, кроме беспорядка, анархии и преступлений. Таким образом, у тех, кто желает добра ирландскому делу, есть только моральная сила, на которую можно опереться.

Нет нужды больше упоминать о том, что страшное бедствие голода и последующего изгнания, о котором уже достаточно говорилось, носит мимолетный характер. Ирландская раса прошла через испытания, более тяжкие, чем эти; она пережила их и увеличилась в численности после всех предыдущих бедствий, как, несомненно, будет и после последнего, когда Бог сочтет нужным умерить пыл людей, которые все еще испытывают желание покинуть свою родную страну.

Таким образом, весь прогресс, достигнутый Ирландией к настоящему времени, объясняется исключительно добрым действием Божественного Провидения, которое обычно называют "логикой событий", при содействии людей, наделенных благоразумием и энергией. Для нашей цели было бы излишним подробно описывать несколько других прогрессивных шагов, сделанных впоследствии, которые безумная попытка партии физической силы могла бы эффективно предотвратить, если бы открытая тирания в наши дни была таким же легким делом, как когда-то. Главными из упомянутых мер являются учреждение "Судов обремененных имуществом" и упразднение ирландской протестантской церкви: первая из них принесла Ирландии столько пользы с момента ее принятия, а второй суждено стать не менее полезным. Бесплезно отмечать, что физическая сила не имела никакого отношения к их введению, и что британские государственные деятели, которые выступали за них и проводили их в жизнь, руководствовались лишь той невидимой силой, которая, как сказано в Священном Писании, "держит сердца королей в своих руках". Пусть ирландцы выполняют свою часть работы, и Небеса будут улыбаться им и впредь.

Поскольку именно этой невидимой силе обязаны все те улучшения, которые сейчас видны в состоянии ирландской нации, вполне естественно ожидать от нее всего того, чего еще не хватает. Ибо мы далеки от мысли, что больше ничего не нужно делать и что все желаемое уже достигнуто. То, что нация все еще недовольна, достаточно очевидно; и она должна быть права, если не чувствует себя удовлетворенной различными мерами по ее улучшению, предложенными ей до сих пор. Голос его естественных лидеров - прелатов и духовенства - говорит о том, что многое необходимо изменить и ввести много новых мер.

Первая и главная из них - это тщательное исправление позорного состояния нищенства, до которого до сих пор доведено подавляющее большинство ирландского народа. Этот нищенский образ жизни был установлен преднамеренно, и это национальное преступление Англии до сих пор не искуплено. Было бы несправедливо утверждать, что политика, породившая его, проводится английским правительством и сегодня; напротив, мы искренне верим, что положение вещей, существовавшее в течение последних двух столетий, вызывает серьезное сожаление у многих из тех, кто под Богом хранит судьбы миллионов людей. Но удивительно, что столько проектов, столько попыток законодательного регулирования, написание столько мудрых книг, столь многочисленные и столь исчерпывающие обсуждения зла - все это привело к тому, что зло осталось почти в прежнем виде.

Если послушать тех, кто прекрасно знает Ирландию, кто либо провел в этой стране всю свою жизнь, либо неторопливо и с умом проехал по ее поверхности, то может показаться, что старые описания ее во времена ее величайших несчастий все еще уместны и верны.

"Ни одна опустошенная провинция Римской империи, - сказал вчера отец Лавель в своем "Ирландском помещике", - не представляла и половины той убогости, что Ирландия". В наши дни изуродованный феллах Египта, дикий готтентот и новозеландец, живая скотина Кубы наслаждаются раем по сравнению с ирландским крестьянином, то есть с основной массой ирландской нации".

Но поскольку в этом коротком отрывке речь идет лишь об общих чертах и есть подозрения, что горячая натура писателя придала его словам более яркий оттенок, чем того требовали факты, давайте прислушаемся к менее бесстрастным высказываниям путешественников, недавно побывавших на острове: посмотрим на ирландцев дома, в их городах и в деревне.

I. В городах и поселках: Преподобнейший архиепископ Дублинский, пишущий в 1857 году лорду Сент-Леонардсу о состоянии его паствы в Дублине, говорит: "Если бы ваша светлость посетили некоторые из разрушенных переулков и улиц Дублина, ваше сердце затрепетало бы от ужаса при виде картины человеческого горя, которая предстанет перед вами".

А в пастырском письме от 27 ноября 1861 года он говорит о "десятках тысяч человеческих существ, лишенных всех удобств жизни, которых можно встретить на каждом шагу во всех больших городах и поселках. Если вы зайдете в убогие жилища, где они живут, вы увидите, что у них нет топлива, что они не обеспечены кроватями и другой мебелью, и что, как правило, у них нет ни одного одеяла, чтобы защитить их от холода".

Аббат Перро, тщательно изучив этот вопрос, написал в 1864 году в книге "Ирландия под английским владычеством": "Бедные кварталы Корка

"Бедные кварталы Корка, Лимерика и Дрогеды представляют собой такое же зрелище, как и Дублин, и оправдывают печальную поговорку "ирландские лохмотья". Грязь, небрежность и отсутствие заботы, несомненно, в значительной степени придают нищете в Ирландии ее отталкивающую и отвратительную форму; но кто не знает, что постоянная и безнадежная нужда порождает, как необходимость, вялость и беспечность, и что, чтобы вступить в борьбу с нищетой, нужно иметь хоть какой-то шанс одержать победу?"

Немецкий протестант, доктор Юлиус Роденберг, писавший в 1861 году, выразил свое изумление при виде нищеты Ирландии, которую он увидел на улицах Дублина, хотя, несомненно, много читал о ней ранее. "Вы находитесь в стране, - говорит он, - откуда люди эмигрируют тысячами, в то время как поля, такие обширные и производительные, что могли бы прокормить их всех, лежат под паром".

А что касается уже достигнутого прогресса, то за много лет до этого М. де Бомон заметил, что в Ирландии определенный относительный прогресс вполне совместим с продолжающимся существованием нищенства среди низших классов. "Одной-единственной причины, - замечает он, - достаточно, чтобы объяснить, почему сельскохозяйственное население становится беднее, в то время как благосостояние богатых растет: она заключается в том, что все улучшения в земле выгодны исключительно собственнику, который взимает с фермера большую ренту пропорционально тому, как он обрабатывает землю до лучшего состояния".

Со времен М. де Бомона нищенство в городах приняло более жалкую и отталкивающую форму вследствие скопления там бедных крестьян, которые были изгнаны со своих мелких ферм и бежали в ближайший город или поселок в надежде найти там хотя бы милостыню.

"В течение последних десяти лет, - писал аббат Перро в 1864 году, - в больших городах происходит скопление бедняков, столь же губительное для здоровья, сколь и для нравственности. В основном это деревенские люди, которых выселили из страны, которые

не смогли эмигрировать и не захотели сразу же закрыться в работных домах. Средства, которые они добывают себе, занимаясь случайными заработками, настолько недостаточны, что невозможно удивляться их нищете".

Доктор Роденберг, описывая состояние бедных деревенских жителей, толпящихся в "Свободах Дублина", говорит о комнатах, в которых они живут: "В этих норах живут самые жалкие и ничтожные рабочие, каких только можно себе представить; они часто сотнями лежат на голой земле".

Подобные цитаты можно было бы с грустью перечислять, но и приведенных достаточно, чтобы описать состояние бедных ирландцев в городах. Теперь давайте посмотрим, как живут крестьяне в деревне во многих частях Ирландии:

II. "Бедность сельскохозяйственных классов, - пишет аббат Перро, основываясь на личных наблюдениях, - чтобы правильно оценить ее, необходимо увидеть в болотистых и горных районах Мюнстера, Коннаута и западной части Ольстера".

"Обычное жилище мелкого арендатора, поденщика в этой части Ирландии с предельной точностью отвечает описанию, которое двадцать лет назад дал М. де Бомон: "Пусть читатель представит себе четыре стены из высохшей грязи, которую дождь легко сводит до первобытного состояния; немного соломы или несколько обрезков дерна образуют крышу; грубое отверстие в крыше образует дымоход, и чаще всего нет другого выхода для дыма, кроме двери самого жилища. В одной одинокой комнате живут отец, мать, дед и дети. Никакой мебели не видно; одна подстилка, обычно состоящая из травы или соломы, служит для всей семьи. Пять или шесть полуголых детей можно увидеть скрюченными над скудным костром. Посреди них лежит грязная свинья, единственный обитатель, которому вольготно, потому что его стихия - сама грязь".

"Сколько подобных жилищ мы сами не посещали - особенно в графствах Керри, Майо и Донегал, - и не раз были вынуждены опускаться на землю, чтобы проникнуть в эти хижины, вход в которые так низок, что они больше похожи на звериные норы, чем на жилища, созданные для человека!

"По дороге из Килкенни в Грено, вблизи этих прекрасных озер, у входа в эти парки, равных которым по протяженности и богатству, пожалуй, не могут предложить ни Англия, ни Шотландия, мы видели и другие жилища. Несколько веток деревьев, переплетенных и прислоненных к склону дороги, несколько кусков дерна и несколько камней, подобранных в поле, составляют эти жалкие хижины - менее просторные и, возможно, менее основательные, чем у американских дикарей".

Во время визита аббата Перро корреспондент дублинской газеты "Сондерс Ньюс Леттерс", которому было поручено выяснить состояние крестьян, дал следующий ответ, который, как справедливо замечает аббат, является лишь точным отголоском всех описаний, сделанных за последние полвека:

"Жители Эрриса кажутся самыми жалкими из всех людей. Их хижины, их заплатанная и оборванная одежда, их изломанная походка - все свидетельствует об их бедности. Их кровати состоят из нескольких кусков дерева, положенных один на другой, подпертых двумя грудями камней и покрытых соломой; все их постельное белье - жалкое, изношенное одеяло, без каких-либо покрывал... Но ничто в Ирландии не сравнится с жилищами, которые построили для себя жители деревни Фоллмор, выселенные мистером Палмером. Они состоят из кусков гранита, подобранных на берегу и грубо уложенных один на другой. Эти

хижины так низки, что человек не может стоять в них прямо, и так узки, что в них едва могут поместиться три или четыре человека".

В конце концов, Ф. Лавель не преувеличивал, утверждая, что хижина хоттентота лучше, чем хижина ирландского крестьянина. Но в округе Гвидор, расположенном на северо-востоке графства Донегал, состояние крестьянства еще более плачевно, чем в любой другой части Ирландии. Во время знаменитого парламентского расследования по этому вопросу в 1858 году одна из газет Лондондерри заявила, что "в Донегале насчитывается около четырех тысяч взрослых обоих полов, которые вынуждены ходить зимой босиком по льду и снегу - беременные женщины и пожилые люди, которым постоянно грозит смерть от холода... Редко можно встретить мужчину в ситцевой рубашке, но бедствие женщин еще больше, если это возможно. Есть много сотен семей, в которых пять или шесть взрослых женщин имеют не более чем одно платье, в котором можно выйти на улицу... Есть около пятисот семей, в которых есть только одна кровать на каждого, в которых отец, мать и дети, без различия возраста и пола, теснятся друг к другу".

Если от жилищ и одежды крестьян перейти к их питанию, то нет необходимости что-либо добавлять к тому, что было сказано по этому поводу при описании периодических голодов. Однако одна деталь, еще не упомянутая, заслуживает того, чтобы о ней рассказать:

"В районе Гвидора, - рассказывает аббат Перро, - нашим глазам было суждено стать свидетелями использования морских водорослей. Зайдя однажды в хижину, в которой не было никого, кроме маленькой девочки, которой было поручено присматривать за младшими братьями и готовить вечернюю еду, мы увидели на огне горшок, полный готового доламона; мы попросили попробовать его, и нам подали немного на маленьком блюдечке.

"Эта трава, когда она хорошо провялена, дает вязкий сок; он имеет солоноватый вкус и сильно пахнет соленой водой. В деревне нам сказали, что единственная польза от него - это увеличение массы пищи, поступающей в желудок, если смешать ее с картофелем. Чем дольше и сложнее работа желудка, тем реже он ее требует. Это своего рода компромисс с голодом; люди не в состоянии ни подавить его, ни удовлетворить, они пытаются его обмануть. Нас также заверили, что этот сорняк нельзя есть отдельно, его нужно смешивать с овощами, поскольку сам по себе он не обладает никакими питательными свойствами".

Как долго будет продолжаться такое положение вещей? Оно уже существует достаточно долго, чтобы позорить столь воспеваемую доброжелательность девятнадцатого века. Необходимо найти надежное и радикальное средство для его устранения; и, поскольку оно уже так долго откладывается, его следует найти тем скорее.

Кажется, что в основе вопроса лежит владение землей, и что уважение к тому, что называется "установленными правами", представляет собой главную трудность. Эти права, действительно, были основаны на жесточайшей неправде и вопиющей несправедливости; но поскольку владение - это "девять пунктов английского права", и прошло столько времени с тех пор, как земля перешла из рук в руки, необходимо признать давность, и пусть они называются правами; ни один человек в здравом уме не может требовать насильственного разрушения общества ради исправления старой неправды.

Но в юриспруденции всегда было принято считать, что *summum jus, summa injuria*; и эта аксиома находит свое полное объяснение в данном случае, если учесть, что *jus* на стороне сравнительно небольшого числа людей, в большинстве своем заочных помещиков, в то время как *injuria* склоняется на сторону огромной массы первобытных владельцев земли. Проверенная временем политика английского правительства, согласно которой за всеми

открытыми злоупотреблениями лендлордизма следует следить и защищать самым ревностным образом, в то время как, с другой стороны, несчастный фермер и дачник, как предполагается, не имеет никаких прав на защиту и охрану, должна быть отменена сразу и навсегда, с твердостью, не оставляющей места для сомнений или двусмысленности, если восстановление доверия со стороны ирландцев считается хоть сколько-нибудь стоящим делом.

Но если не по другим причинам, то хотя бы ради обеспечения мира и порядка в Ирландии необходимо найти средство. Нет никаких причин, по которым ирландцы должны оставаться нацией нищих; и хотя некоторые все еще могут делать вид, что вина и ее устранение лежат на них самих, непредубежденные люди с готовностью признают, что вина лежит, по крайней мере, в первую очередь на Англии - факт, который лондонская "Таймс" часто признавала и достаточно громко провозглашала.

Так пусть же британские государственные деятели разработают надлежащие средства для достижения этой цели без общественных беспорядков, с минимальным нарушением частных прав, насколько это возможно; ведь цель - это настоятельная необходимость. Похоже, что последний закон, принятый с этой целью, не является той мерой, которая требовалась; он совершенно неадекватен по своим положениям, сфере действия и объему. В таком случае у законодателей всегда есть возможность ввести новую, более удовлетворительную меру; и моральная сила непременно приведет к этому, если только она будет верна себе. Мы признаемся, что у нас нет собственной схемы, которую мы могли бы изложить; но ирландцы могут свободно, более того, имеют право говорить, писать и обсуждать этот вопрос; и серьезная, последовательная, но законная агитация этого вопроса, несомненно, найдет свое истинное и окончательное решение. Последние выборы в Голуэе, несмотря на временный триумф судьи Кеога, были началом в правильном направлении.

Здесь нет необходимости в революции, в том, что французы называют *une jacquerie*, в вооружении населения с целью насильственного изгнания крупных землевладельцев. Ни один ирландец никогда не выступал за столь пагубное средство. Истинные дети Эрина никогда не прибегнут к помощи интернационалистов ни с какой целью. Похоже, что великий и святой понтифик Пий IX сделал это замечание принцу Уэльскому во время их последней беседы в Ватикане, и, как сообщается, принц полностью признал его истинность, по крайней мере, настолько, насколько он мог показать любым внешним признаком.

Это вопрос чистой справедливости, который должен быть решен в рамках порядка и закона; и, конечно, когда все признают, что зло настолько вопиюще, что необходимо найти средство, оно будет найдено, которое, хотя и не причинит реального вреда ни одному человеку, принесет утешение и облегчение самой достойной и страдающей расе людей - ирландскому крестьянству. Скоро мы увидим, каким образом.

Но ирландец обездолен не только физически, он также обездолен психически, и если в первом случае требуется быстрое исправление, то во втором - не менее срочное. Нищенство и невежество были двумя ужасными двигателями, так долго приводимыми в действие Англией для деградации и окончательного уничтожения ирландской расы. Наши читатели видели, как упорно отказывали туземцам в образовании любого рода. Университеты Дублина и Дрогеды в XIV веке, соборные школы, основанные англо-норманнами в ту же эпоху, тщательно исключали ирландцев из сферы своего влияния. А когда началась Реформация с ее длинной чередой притеснений, ни один католик не мог участвовать в новых устоях Тюдоров и Стюартов, не отрекшись предварительно от своей религии. Уголовный статут за уголовным статутом превращал все смены, в которые ирландцы были загнаны, чтобы дать

образование своим детям, в такое количество преступлений, караемых смертью или изгнанием. То, что при таком положении вещей они могли оставаться католиками, не превращаясь в идиотов, - один из самых замечательных примеров жизнестойкости духа и здравомыслия целой нации.

С конца прошлого века политика Англии полностью изменилась. Основание и финансирование государством в 1795 году великого колледжа в Мейноте, предназначенного для обучения ирландского духовенства, было, безусловно, шагом в правильном направлении, и если бы в то же время по всему острову были распространены начальные школы для народа на основе того же принципа истинной либеральности, то старая несправедливость в вопросе образования была бы в значительной степени исправлена и компенсирована.

Но Килдэрское мирное общество и Общество церковного образования, основанное в 1839 году, показали, что антагонизм к католической церкви в Ирландии далеко не угас, а, наоборот, разрастался как никогда.

Национальная система образования, созданная лордом Стэнли в 1831 году, поначалу казалась по своему характеру выше протестантского или неверного прозелитизма. Но состав различных советов в рамках этой системы и некоторые из принятых мер ясно и довольно скоро показали, что образование, предложенное для ирландцев, не соответствовало истинному духу нации, столь глубоко католической и религиозной, как она есть. Следовательно, полный провал этой системы - а теперь все это признают - должен был открыть глаза всем беспристрастным англичанам на необходимость исходить из принципа, что Ирландия - католическая, а ирландцы - истинные дети католической церкви. Но этот факт, похоже, еще не признан или не признается теми, кто правит страной, поскольку в данный момент в парламенте лежит билль, против которого все епископы Ирландии единодушно возвысили свой голос. Все признают, что колледжи королевы - это жалкий провал.

Несправедливость веков, таким образом, не исправляется английским правительством даже в наши свободные дни, когда так много говорят о просвещении масс; и этот печальный факт, кажется, ополчается против силы морального воздействия. Однако нелишне вспомнить, что здесь речь идет только о тех заведениях, которые поддерживаются государственной помощью, и что полная свобода образования, не зависящая от такой помощи, действительно существует в Ирландии. Разве епископы не обладают всеми необходимыми полномочиями для открытия собственных школ? Разве они даже не основали университет? Разве государство осмелится вмешиваться во все учебные заведения, которые они сочтут нужным открыть? В этом отношении они сейчас так же свободны, как католические епископы в Соединенных Штатах; и если дипломы, выдаваемые подконтрольными им факультетами, не имеют ценности в глазах государства, они могут легко обойтись без согласия, в котором им, конечно, несправедливо отказано, но которое, даже если бы было дано, в глазах Церкви ни в малейшей степени не увеличило бы реальную ценность дипломов, которые они сами одобряют. Они могут позволить себе ждать того времени, когда восторжествует полная справедливость; пока же они более свободны, чем католические епископы в данный момент во всех католических странах Европы; и свобода, которой они пользуются, полностью обусловлена той моральной силой, которая, как мы утверждаем, достаточна для того, чтобы рано или поздно обеспечить все преимущества, которые только можно пожелать. Когда нынешнее положение коренных ирландцев с точки зрения образования сравнивают с тем угнетением, под которым они находились сто лет назад, нельзя не удивляться, как удалось добиться столь многого, и надежда на то, что все, чего

еще не хватает, обязательно придет благодаря силе, которая уже так много завоевала, не может считаться напрасной и иллюзорной.

Однако пусть сказанное здесь не будет истолковано как совет Ирландии стоять на месте, пока схемы образования, явно безбожные, придумываются, созревают и принимаются в виде законов для их особого блага. Напротив, они должны не только продолжать, но и наращивать усилия по их разрушению, пока не заставят слепое и глухое правительство открыть глаза и уши для национальной нужды и национального голоса. Именно это и подразумевается под применением моральной силы.

Но можно ли ожидать полного излечения от нищенства, создания и поддержки истинно католических школ из чьих-либо рук, кроме рук ирландского законодательного органа? Можно ли на них надеяться до тех пор, пока судьба Ирландии находится в руках имперского парламента, подавляющее большинство которого не может испытывать реальной симпатии к давно угнетенной расе? Одним словом, необходимо ли домашнее правление, чтобы осуществить эти две великие меры, которые кажутся абсолютно необходимыми для полного возрождения нации?

Наши читатели уже знают, что, по нашему мнению, ирландский парламент не станет надежной панацеей от всех бед страны, особенно от нищеты и невежества, даже если этот парламент будет заседать в Дублине и состоять из ирландцев по рождению и происхождению. Зло не было бы искоренено сразу и полностью, хотя за этим сразу же последовало бы множество значительных улучшений.

Некоторые из причин, по которым мы опасаемся верить в успех домашнего правления, уже были приведены. Но мы также настаивали на необходимости оставить вопрос открытым и признали, что ирландцы имеют право обсуждать его и занимать любую сторону, которую они сочтут нужной, при условии, что они всегда будут стоять, как они стоят, в рамках закона и порядка.

Конечно, ирландцы имеют право быть справедливо представленными; современные доктрины, насколько это возможно, освящают это право; и, если справедливое представительство невозможно при нынешнем положении дел в Ирландии, это положение должно быть изменено таким образом, чтобы ирландская нация могла получить все преимущества, которые дает истинно представительное правительство.

Понятно, что сложность заключается в первостепенной важности союза империи; и здесь не место обсуждать столь масштабный вопрос. Однако можно сказать, что объединение Британской империи не заключается и не может заключаться в поглощении в одно целое трех составных частей, которые ее образуют. Англия, Шотландия и Ирландия по-прежнему являются тремя отдельными национальными образованиями, каждое из которых населено особой расой, и каждая раса не может быть справедливо проигнорирована в такой политической организации ради простой абстракции под названием государство.

Безусловно, вопрос очень сложный, и предлагать его догматическое решение было бы претенциозно. Лучше оставить его на будущее, которое уже не за горами. На чем можно настаивать, так это на том, что моральная сила достаточно сильна, чтобы привести к удовлетворительному решению, и что прибегать к революции для этой цели было бы столь же фатально, сколь и преступно.

При правильном обсуждении этого вопроса должен быть очевиден тот факт, что Ирландия имеет право на справедливое отношение к себе как к составной части империи. Многим

другим политическим организациям, входящим в обширные пределы британской державы, позволено обсуждать и решать вопросы, свойственные им самим, и которые они имеют полное право решать самостоятельно, при условии разумного урегулирования и уступок со стороны материнской страны, необходимых для их благополучия. Канада почти полностью независима; австралийские колонии имеют свои собственные законодательные органы; то же самое в большей или меньшей степени происходит со всеми отдаленными зависимыми территориями Англии, и все же до сих пор не было слышно никаких жалоб на эти поздние уступки, угрожающие союзу империи.

Однако на это возражают: "Если такая уступка будет сделана Ирландии, то на чем можно остановиться? Шотландцы могут попросить того же, и валлийцы; у одних столько же прав на самоуправление, сколько и у других; где же провести черту?"

На это легко ответить, что шотландцы никогда не просили права на самоуправление по той веской причине, что им никогда не приходилось жаловаться на несправедливое отношение со стороны английского правительства; их особые нужды и желания всегда должным образом учитывались с момента их объединения с Англией. Но союзу Ирландии с Англией нет еще и столетия, он был заключен насильно, путем сутяжничества и мошенничества, и с момента его принятия и до настоящего времени ирландская нация - нация, за которой мы следили все это время, - громко протестовала против него, к которой в данном случае присоединилось множество их соотечественников-протестантов. Можно составить длинный список памфлетов и книг, свидетельствующих о том, что множество ирландских писателей, не революционного, а истинно консервативного толка, которых нельзя обвинить в нелояльности к Англии, сожалели, протестовали против и требовали отмены унии 1800 года.

С Шотландией дело обстоит иначе. Но если бы это было так, и были бы представлены доказательства того, что Шотландия не представлена справедливо в парламенте, который заседает в Вестминстере, то эта страна имела бы такое же право видеть себя справедливо представленной, ее особые потребности удовлетворены и выполнены, как и все другие ветви великой британской организации.

Безусловно, империя не может быть здоровой, когда важная, жизненно важная часть ее политического каркаса неизлечимо больна. Пусть эта болячка будет залечена правосудием, большим, щедрым и полным; пусть Ирландия будет представлена по-настоящему, каким бы образом ни осуществлялось ее представительство, и внезапный подъем маленького западного островка в богатстве, довольстве, истинном процветании и счастье будет способствовать общему благу всей империи. В нынешнем жалком состоянии он представляет собой столь же большую и постоянную опасность для Великобритании, как и упрек и позор для материнского правительства, которое позволяет ребенку, ради которого оно поставило бы на карту все, продолжать пребывать в состоянии почти безнадежной нищеты, материальной и интеллектуальной, и бороться без помощи в своих попытках подняться.

Если самоуправление - это та мера, которая должна залечить раны Ирландии, оно должно быть предоставлено, и голос разума и права должен возвыситься над глупым криком, утверждающим, что оно не может, не должно, не должно быть предоставлено! Подобные высказывания часто встречались в подстрекательских памфлетах, наводнивших страну накануне католической эмансипации в 1829 году; возможно, многие из них были опубликованы и после предоставления католикам этого (с определенной английской точки зрения) самоубийственного акта справедливости.

Но каким бы ни был конечный результат движения за домашнее правление, вопрос образования, который настолько тесно связан с ним, что кажется зависимым от него, имеет такое значение, что не терпит отлагательств. Ирландия, как можно надеяться, и впредь будет оставаться истинно католической нацией, а для этого образование должно быть особым и не может быть отдано на откуп не католическому государству, если не сказать хуже. Результат так называемой национальной системы, продемонстрированный Колледжами королевы и другими, должен быть достаточным, чтобы открыть глаза настоящим государственным деятелям. Но законодатели, не являющиеся католиками, должны обладать чувством, которого у них нет, чтобы оценить ошибки, в которые они должны впасть, когда предлагают затронуть такие деликатные интересы, как духовные вещи. Тридцать лет назад, когда в Ирландии были созданы Королевские колледжи и школы, католическая иерархия возвысила свой голос, чтобы предостеречь британское правительство от столь опрометчивой попытки; ведь те немногие, кто, как оказалось, был готов испытать эту систему, имели свои собственные сомнения и предчувствия. К предупреждению, как обычно, не прислушались, и в результате приверженцы этой системы теперь признают, что их любимая схема обернулась полным провалом. Однако, как ни странно, они ничуть не изменили своих взглядов на этот вопрос. Напротив, они хотят секуляризировать образование еще более полно, чем когда-либо, и распространить свой проект на всю Британскую империю; хотя в данный момент предупреждение им поступает и от пресвитериан Шотландии, которые отказываются подчиниться универсальной по своим масштабам схеме воспитания молодежи в соответствии с государственными понятиями и мирскими идеями.

В этом британское правительство лишь следует примеру всех европейских кабинетов и законодательных органов; ведь это великое беззаконие не ограничивается Британскими островами, но совершается повсеместно, с явной целью вырвать управление душами из рук, которым его доверил Иисус Христос, - Церкви. Суверенный понтифик был вынужден заявить протест, и, как это принято в наши дни, его протест остался без внимания. Еще предстоит выяснить, согласятся ли люди, называющие себя христианами, чтобы их дети получали образование в светских учреждениях, которые не только лишены всякой власти над душами людей, но и пропитаны, как всем известно, самыми пагубными и дезорганизующими доктринами. Справедливая жалоба ирландской иерархии, к сожалению, не ограничивается их собственным телом; их жалоба едина с жалобой всех правителей Церкви во всем мире. Нам кажется, что надежда на создание основательной христианской системы образования в Ирландии больше, чем в любой другой стране, потому что ирландский народ всегда будет занимать более решительную позицию и собираться в более компактное и единое тело вокруг своих естественных лидеров, епископов и священников Божьих, чем любой другой современный католический народ; и в наш век, когда среди любого тела людей есть единомышленники и твердая цель, они не могут не привести к победе над всеми препятствиями и противниками.

В одном Англия может быть уверена: ирландские епископы никогда не подчинятся проекту, который сейчас реализуется в Англии, поскольку сделать это означало бы не выполнить свой самый священный долг; и масса ирландского народа стоит за ними. Католическая иерархия всегда готова поддержать светскую власть, пока та остается в пределах своей провинции и не выходит за ее пределы, чтобы посягнуть на их неоспоримые владения; но когда долг требует от них сопротивления, опыт столетий, по крайней мере в Ирландии, показывает миру, как далеко они могут зайти в своем сопротивлении. В этом они будут едины как один человек, и напрасно английское правительство льстит себе, что найдет среди них орудия, если навяжет им Бирмингемскую схему.

Но еще более угрожающим фактом является компактное объединение всех ирландцев в поддержку своих епископов, против планов, которые уже вызвали столь ожесточенное сопротивление с их стороны, и по которым они уже произнесли и дали свой торжественный вердикт в недвусмысленных тонах. Если в наши дни ирландцы так охотно поддерживали многие проекты сомнительного характера, потому что эти проекты были направлены против Англии; если они самым решительным образом показали, что память о прошлом еще свежа и что они еще не готовы принять британское правительство в качестве друга; если они использовали каждый случай, как самый незначительный, так и самый важный, чтобы показать, что союз с Англией им неприятен, - каково будет их отношение, когда вопрос не допускает сомнений и не может вызвать никаких опасений у христианской совести; когда, действительно, они знают, что стоят там, где велит им долг перед Богом, побуждаемые в то же время естественным чувством оппозиции к власти, которую они ненавидят и к которой они непримиримы? Мы не говорим, что полностью одобряем их упорное противостояние с Англией; мы лишь упомянули об этом как о факте, на который было бы глупо закрывать глаза или сомневаться в нем при рассмотрении вопросов между Англией и Ирландией.

При таком состоянии чувств, как может надеяться на успех схема безбожного образования, которая, в конце концов, требует согласия отцов и матерей семейств? Естественно предположить, что английское правительство в случае ее успеха вряд ли будет готово нанять такую многочисленную, бдительную и решительную полицию, которая будет силой отгонять детей в школу каждый день - в школы, которые для них станут тюрьмами, где будут хозяйничать тюремщики в виде инструкторов. Тем не менее, схема, которую сейчас агитируют британские государственные деятели, должна завершиться подобной мерой, если они хотят, чтобы их школы посещались; и из этого следует естественный вывод, что образование, рассматриваемое с такой точки зрения, становится проектом преступным и угнетающим по своей природе, а также просто невозможным в его осуществлении. И снова вся британская мощь тщетно упирается в непоколебимую скалу такой же упрямой воли, какая когда-либо одушевляла человеческие существа, такой же прочной и непоколебимой, как внутренняя скала, на которой она построена, - католическая вера.

Много места уже было посвящено рассмотрению того, что здесь считается двумя великими мерами, необходимыми и достаточными для полного воскрешения ирландской расы - снятию груза нищенства, под которым они так долго трудились, и установлению среди них здорового и основательного христианского образования; и что эти меры, несомненно, будут осуществлены без каких-либо попыток социальных потрясений, без каких-либо нарушений закона и порядка. Но, поскольку, к сожалению, в Ирландии поднято множество побочных вопросов, не имеющих особого значения, но по своей природе почти исключительно привлекающих внимание ирландцев, в ущерб реальному прогрессу, будет не лишним немного остановиться на тех последствиях, которые неизбежно должны последовать из более высокого состояния физического комфорта и умственной культуры среди них:

I. Более высокий уровень физического комфорта, естественно, вызовет более сильную привязанность к родной земле и соответствующее нежелание покидать ее, как это происходит сейчас в результате массовой эмиграции. Мысль о том, что эмиграция была замыслом Божественного Провидения и даже первым шагом к воскрешению нации и установлению ее власти как внутри, так и вне ее, уже высказывалась. То, что цель эмиграции еще не полностью достигнута, можно заключить из того факта, что она все еще продолжается в таких больших масштабах; то, что в конечном итоге она должна сократиться до гораздо меньших пропорций, если не прекратиться совсем, совершенно точно. Это наше желание и надежда: ведь население острова должно быть достаточно многочисленным,

чтобы придать ему заслуженную значимость в глазах иностранцев. На нашей титульной странице приведены слова доктора Ньюмана, выражающие твердую уверенность в том, что придет время, когда католическое население Эрина будет таким же многочисленным и процветающим, как в Бельгии? Почему бы ему не стать таким? Этому мешает только нищенство. Пусть их существование будет комфортным - именно комфортным, а не роскошным, - и нет предела увеличению их численности. В этом случае протестантизм сузится до таких узких пределов, что в Ирландии он станет неизвестен; те немногие сектанты, которые еще остаются там, примут участие в общем процветании и, возможно, по собственной воле вернутся в лоно общей матери христиан.

Итак, вопрос о повышении физического комфорта ирландцев имеет первостепенное значение, и, поскольку владение землей так тесно с ним связано, не к этому вопросу применим термин "побочный вопрос". Вопрос о земле должен быть тщательно проработан, пока истинное решение, реальная мера, которая еще не появилась, не будет поднята на поверхность и реализована в полной мере. Земельный вопрос во всех его аспектах лежит за пределами нашей компетенции; но не таковы некоторые основания полагать, что обладание землей необходимо для полного восстановления нации. Мануфактуры и коммерческие занятия имеют второстепенное значение в такой стране, как Ирландия, которая является исключительно сельскохозяйственной. Это не означает, что такими делами следует пренебрегать и отговаривать ирландцев заниматься ими, особенно домашними мануфактурами; не следует также призывать к улучшению законов, чтобы помочь им, по крайней мере, к честному ведению дел в том, что касается законодательства. Но если предположить, что они полностью независимы и сами себе хозяева; если предположить не только отмену Союза, но даже отделение от британской организации, как они могут надеяться конкурировать в производственном мастерстве и науке с изобретательским гением американца, систематической полнотой англичанина или художественным вкусом француза? Товары производятся для мировых рынков, а ирландцы еще не готовы к таким масштабным предприятиям; и, принимая во внимание особенности расы, сомнительно, что они когда-нибудь добьются успеха в подобных начинаниях.

То же самое можно сказать и о торговле. Когда у них появится собственный флот? Они все еще кельты, и хорошо ли будет, если они перестанут быть кельтами? Океаны земного шара покрыты кораблями под флагами многих народов. Предположим, что они развернут на ветру национальный флаг, которому будут салютовать корабли других цивилизованных стран, когда он станет заметен среди многолюдных флотов, уже владеющих морями? Широкие океанские магистрали знают два-три национальных цвета; все остальные встречаются так редко, что их присутствие или отсутствие одинаково незаметно для всего мира. К ним можно было бы причислить ирландцев, если бы они занимались торговлей за свой счет и больше не плавали под британскими флагами.

Тогда им следует обратить внимание на землю, которая является главным источником их богатства. Пусть они скупают ее или берут в долгосрочную аренду, дюйм за дюймом и акр за акром, пока не станут их собственностью не только мрачные болота и дикие горы Коннаута, но и богатые луговые уголья и улыбающиеся пшеничные поля Мюнстера и Лейнстера. Пусть их братья в Америке и Австралии объединятся с ними в этом деле, и таким образом они вновь создадут истинное ирландское дворянство и йоменство - ведь благородство сегодня имеет новое значение, возможно, более славное, чем старое. Бедность и лохмотья уступят место процветанию и комфорту даже в самых низких домиках, а веселье и ликование вновь зазвучат в стране, из которой они так долго были изгнаны.

Неужели такая картина - мечта, а ее воплощение - невозможно? Мы уверены, что для того, чтобы она стала реальностью, необходимы лишь твердость намерений, настойчивость, энергия и объединение усилий. Пятьдесят лет назад это, несомненно, казалось бы мечтой; но за последние полвека дела продвинулись вперед, и теперь все готово к такому ожидаемому завершению.

II. Наряду с физическим комфортом, культура, создаваемая правильным и основательным образованием, является второй вещью, абсолютно необходимой для воскрешения нации. Образование во все времена имело огромное значение; в наш век оно важно как никогда. Можно сказать, что, по мнению человечества, оно все больше и больше стремится заменить кровь. Привилегии, которые раньше принадлежали чину и рождению, теперь повсеместно свободно предоставляются истинно образованному человеку. И здесь богатство, которому многие почти поклоняются, не может полностью заменить образование. Поэтому в Ирландии необходимо приложить немало усилий, чтобы поднять уровень интеллектуального развития общества. Из-за прежней тирании и угнетения подъем должен начаться с самых низких ступеней. Но первый импульс уже был дан Церковью Божьей, и этот импульс должен продолжаться и возрастать с постоянно ускоряющейся силой.

К сожалению, государство дало ему ложное направление. Средства, которые несомненно победят это действие государства, уже видны. Тем не менее, оно действует недоброжелательно по отношению к общему результату; и деньги, уплаченные народом, были и остаются растраченными на самые неблагоприятные цели, когда, если бы они были правильно применены, они принесли бы столько пользы.

Если правительство будет упорствовать в своем проекте, перед всеми истинными ирландцами открывается только один путь: игнорировать действия правительства и следовать собственному плану. Им остается только делать то, что охотно сделали бы католики во Франции, если бы им позволило государство; то, что уже давно делают католики в Соединенных Штатах и еще некоторое время будут делать - не роптать на налоги, которые они платят на нужды образования и которые так щедро используются государством без всякой выгоды для них; но с неуклонной целью собирать средства, к которым государство не может прикоснуться, предназначенные для цели, в которую государство не может вмешиваться, а именно - для основательного христианского образования их детей под наблюдением и главным контролем Церкви, с компетентными и истинно религиозными учителями.

Пусть они задумаются над тем, что до недавнего времени образование в христианских странах всегда давалось Церковью Христовой, и что его секуляризация - дело вчерашнего дня; что последствия этой секуляризации достаточно очевидны в умственной анархии, которая с каждым днем все больше распространяется в Европе; что нация, которая вернется к старой системе и снова передаст заботу о молодежи в руки религиозных учителей, наверняка получит гораздо более глубокое и эффективное образование, чем те, кто берет в учителя своих детей людей, лишенных веры и отличающихся лишь ложным и поверхностным лоском, который рано или поздно будет оценен всеми по достоинству и встретит лишь вполне заслуженное пренебрежение и презрение.

Никто не станет отрицать, что нравственное воспитание, первая и самая важная часть образования, гораздо надежнее и безопаснее под опекой религиозных учителей, чем под опекой простых мирян, чья нравственность часто сомнительна, а репутация не самая лучшая. Что касается научного преподавания, то ум религиозного человека ничуть не ослаблен святыми обязательствами, которые он на себя взял: и для тех, кто с придыханием

поддерживает светское образование и поносит религиозное, неприятным фактом является то, что в прежние века люди, преуспевшие в искусствах и науках, гении, чьи труды будут жить, пока живет земля, были либо сами монахами, либо учениками монахов. Их список занял бы много страниц, и их имена небезызвестны миру.

Для массы людей общий уровень начального образования, которым сейчас довольствуются очень многие, может быть, по крайней мере, столь же удовлетворительным по своим результатам, когда его дают религиозные люди, мужчины и женщины, как и под руководством юношей и девушек, получивших все возможные дипломы, которые находятся в распоряжении школьных комиссаров или советов господ, облеченных властью, достойной самого серьезного внимания, но которой они могут посвятить лишь очень мало времени.

Но можно сказать, что этот вопрос уже не подлежит обсуждению. Истинные и полномочные лидеры ирландцев в таких вопросах, католические епископы, уже взяли дело в свои руки; и за очень короткое время покрыли остров своими школами, со всеми перспективами на создание университета. Правительство может оказать или отказать в помощи, чтобы дать истинное национальное образование католической нации; но, с этой помощью или без нее, ирландцы будут иметь средства для правильного образования своих детей; и культура, которую они получают, будет выгодно отличаться от той, которую прививают конкурирующие заведения, поддерживаемые государством, чьи ученики не будут знать ни слова даже о своей собственной национальной истории, поскольку в официальных книгах Ирландия существует не иначе как недостойный подданный великой Британской империи.

Необходимо было сделать акцент на том, что здесь рассматривается как наиболее эффективное средство достижения великого результата, который привлекает наше внимание в этой главе. Существуют второстепенные объекты, которые можно было бы рассмотреть, но которые, с точки зрения окончательного исполнения Божественной воли, могут оказаться незначительными. Ибо, повторяя сказанное ранее, восстановление нации, которое сейчас идет столь неуклонно, почти без помощи каких-либо действий со стороны человека, как бы сильно он ни агитировал, - дело Божье, и скоро это станет очевидным для всех. А пока достаточно утверждать в общих чертах, что Ирландия имеет право на все те вещи, которые делают народ счастливым и довольным. Это желанное состояние не за горами, и пусть они продолжают активно стремиться к нему. В предыдущей главе мы уже коснулись великого средства, которое необходимо использовать для достижения этой цели: *ассоциации*, центром которой должна быть Ирландия, а филиалы должны распространяться повсюду, где обосновались ирландцы; ее проводниками должно быть духовенство, а главными работниками - умные и энергичные миряне. В этом вопросе особенно желательно быть правильно понятым; мы не хотим сказать, что в такой работе миряне не должны сотрудничать или даже руководить; учитывая память О'Коннела перед нами, это было бы невозможно; напротив, внешняя работа всей схемы должна быть передана в руки добрых, активных и умных мирян. Они - подходящие инструменты для активного и эффективного выполнения такой работы; они составляют, по крайней мере численно, основную часть моральной силы нации, и эта сила должна быть развита в большем масштабе, чем когда-либо прежде. Но первый импульс должны дать нравственные лидеры, правители Церкви. Пусть нация работает под руководством, под руководством людей, которые одни поддерживали ее, когда все остальное было потеряно, которые, по сути, сохранив свою религию, сохранили для нее свою национальность; пусть они работают под их взглядом и с их одобрения, и, несомненно, их труд не будет напрасным.

Каков же будет конечный результат такого сотрудничества рабочих? Формирование или, скорее, консолидация истинно христианского и католического народа; самое

замечательное явление в этом чудесном девятнадцатом веке! Кажется, что до сих пор они были лишены собственного правительства только для того, чтобы в конце концов завоевать правительство, которое будет, что так печально необходимо в наши дни, христианским и католическим. Современные правительства оторвались от христианства; они объявили себя независимыми от всех моральных ограничений; они объявили себя верховными, каждое по-своему; и, чтобы быть последовательными, они стали безбожниками. Доносо Кортес прекрасно показал это в своей работе "Католицизм, либерализм и социализм". Печальное зрелище, которое в наш век предстает перед глазами христианина, носит всеобщий характер; католической нации больше нет; христианство прекратило свое существование. Современные государственные деятели считают это огромным улучшением старой социальной системы. Средневековое варварство, как они его называют, по их мнению, заслужило справедливое осуждение, и возвращение к нему сейчас означало бы отбросить передовую эпоху на столетия назад - ужас, который не может представить себе ни один здравомыслящий человек.

Несомненно, при старом режиме было много злоупотреблений, о которых самый искренний христианин сожалеет и не хотел бы, чтобы их восстановили или попытались восстановить. Но его великая особенность, внутреннее звено, связывавшее систему воедино, - единство под руководством вселенской Церкви - было единственной гарантией всеобщего счастья человечества. Это восхитительное единство было разбито на фрагменты; каждая часть делает сама за себя, и таким образом мир находится во власти Могущества, а каждый народ ходит, как "сильный человек, вооруженный, охраняет свой дом".

Даже Херен, писатель, придерживающийся ярко выраженных протестантских и либеральных взглядов, вынужден признать в своей "Истории политической системы Европы", что за правлением Фридриха Великого в Пруссии "сразу же последовали те великие потрясения в государствах, которые придали последующему периоду характер, столь отличный от прежнего". Современный мир, живший в это время, называет его революционным; но еще слишком рано решать, каким именем он будет обозначен потомками по прошествии столетия".

После краткого обзора различных государств, как они существовали к середине прошлого века, он добавляет: "Усилия правителей, направленные на получение неограниченной власти, уничтожили старую национальную свободу во всех государствах континента; собрания штатов исчезли или были сведены к простым формам; нигде они не были преобразованы в истинное национальное представительство".

Он не видит, что для получения этой "неограниченной власти" правители повсеместно сбросили иго церковной власти, и что христианство исчезло вместе со "старой национальной свободой", как только ключевой камень здания, папство, было изгнано со своего места.

Тем не менее, он был достаточно зорким, чтобы понять, что необходимо призвать вооруженную силу для поддержания этой узурпированной власти правителей:

"Для определения силы государств не было другого критерия, кроме постоянных армий. Да и в действительности вряд ли существовал какой-либо другой. По совершенству, которого они достигли и которое почти не отставало от растущего могущества князей, между ними и народами постепенно была проведена линия раздела; только *они* были вооружены, *народы* же были беззащитны".

Этот великий немецкий историк идет еще дальше и признает, что "если политические опоры находились в шатком состоянии, то моральные были не менее расшатаны. Краеугольный камень всякой политической системы, святость законного владения, без которого была бы только одна война всех против всех, исчез; политики уже сбросили маску в Польше; жажда обогащения взяла верх... Неразрывные узы, связывающие мораль и политику, были разорваны, и в результате эгоизм стал преобладающим принципом как общественной, так и частной жизни".

Замечательные размышления, несомненно, но неполные; протестантизм писателя не позволяет ему понять, что, поскольку единственный надежный защитник морали был отброшен, эгоизм не мог не возобладать. Поэтому он жалуется, будучи слепым к истинной причине беспорядков, что "демократические идеи, перенесенные из Америки в Европу, распространялись и лелеялись среди монархической системы - готовый материал для пожара, гораздо более грозного, чем предполагали их авторы, если бы горящая искра по несчастью зажглась на них. Другие уже позаботились о том, чтобы осквернить религию народа; а что остается священным для народа, когда осквернены религия и конституция?"

Это последнее замечание, брошенное в конце некоторых очень здравых рассуждений, сделало бы их гораздо более поразительными, если бы оно стояло во главе их как великий источник всех последовавших катастроф. Но нужен католический глаз, чтобы уловить всю правду, и католический язык, чтобы дать правильное объяснение истории, как и всему остальному.

Некатолические авторы высказали немало соображений, подобных приведенным выше, а защитники Церкви во все времена говорили ясно и энергично. Тем не менее, зло продолжает становиться все более универсальным и все более тревожным, пока сегодня ни один принцип, на котором может надежно держаться социальная структура, не признается теми, кто управляет внешним миром. А о том, что Херен называет нарушением "святости законного владения", пусть говорят Польша и многие другие государства, не говоря уже о самом Отце верных, к предупреждающему голосу которого правители так долго и упорно прислушивались. Где теперь хотя бы осколки этого "краеугольного камня" старой "политической системы"?

Таково положение дел не только в Европе, но и во всем мире, так что католическая церковь наконец-то полностью вступила в ту стадию своего существования, когда она обладает *отдельными*, полными нежной привязанности и преданности подданными, число которых, слава Богу, растет с каждым днем, но не имеет ни одного *государства*, которое признало бы ее своим руководителем и учителем.

Возможно, Ирландии суждено стать первым государством, которое признает ее и подаст пример остальным. Если когда-нибудь она получит право на самоуправление, то непременно сделает это, ибо она католичка до мозга костей, и католичкой она не может не оставаться.

Когда было сказано, что домашнее правление не послужит надежной панацеей от всех ее бед, это следует понимать как относящееся к настоящему моменту и не более того. Мы никогда не думали о том, что для нее не будет благом, если она когда-нибудь получит настоящее самоуправление. Моральная сила приближает ее к этому, и шаг за шагом она учится ходить без поддержки. Уже сейчас она обладает чем-то вроде политической франшизы и пользуется муниципальным управлением более искренне, чем французы после всех их социальных конвульсий.

Есть люди, даже ирландцы, которые утверждают, что она погрузится в анархию, если ее судьба будет предоставлена ее собственным заботам. Они указывают на постоянные распри, которые были ее бичом на протяжении веков, а "пророк", написавший "Битву при Доркинге", представляет ее, как только унижение Англии оставило ее свободной, мучительно борющейся в муках анархии. То, что это общее мнение людей в отношении Ирландии слишком верно, было признано в другом месте, но только до тех пор, пока дело касалось интересов, которые были незначительными или, в лучшем случае, не имели высокого характера; когда на карту ставился объект большой важности, в ирландском народе было больше стойкости, единодушия, энергии и истинного героизма, чем в любом другом, известном истории в новейшие времена. И эти размышления, безусловно, подтверждаются результатами всех светских битв ирландцев со скандинавизмом, феодализмом и протестантизмом.

Несомненно, в них есть нужный материал для нации; и когда настанет день, когда страна возьмет в руки, по воле Провидения, свою судьбу и будет ее вершить, "пророк" обнаружит, что сильно ошибался, когда, навсегда освободившись от деградации нищенства, она будет вольна поднять свои мысли выше еды и одежды; Когда ее дети, поднятые основательным христианским образованием на высокий уровень интеллектуального предвидения, смогут обсуждать великие предметы своих национальных интересов, без вопросов о клане и клане; тогда прекратятся распри, касающиеся государственных вопросов, и останутся лишь вопросы второстепенной важности или частные дела, как у всех других народов. Но та концентрированная энергия, которая отличала расу на протяжении долгих веков борьбы с такими непреодолимыми препятствиями, по-прежнему будет оставаться их отличительной чертой, но теперь она будет обращена на вопрос их собственного национального благосостояния, а не на отвращение к гибели.

Тогда Европа увидит, что такое истинно христианский народ, ибо другого не останется; и превосходство принципов, сила духа, энергия характера, естественно, поддерживаемые глубокими религиозными убеждениями, станут еще одним доказательством размышлений Монтескье о том, что "христианская вера, которая, кажется, имеет своим объектом только будущую жизнь, также лучше всего рассчитана на то, чтобы сделать людей счастливыми и процветающими в течение этой".

Если когда-нибудь люди признают роковую ошибку, которую они совершили, отвергнув священную гарантию, которую Христос оставил им в своей Церкви, то это произойдет на примере реально существующей нации, управляемой великими принципами, которые только и могут обеспечить счастье отдельного человека и процветание всего народа.

Во всех вышеизложенных рассуждениях Ирландия рассматривалась как нация, полная сил и энергии; но поскольку этот жизненно важный момент отрицается некоторыми людьми, имеющими репутацию вдумчивых писателей, хорошо бы четко установить его перед нашим сознанием.

Является ли Ирландия нацией? Одни говорят: "Нет"; другие, в том числе мистер Фрауд, утверждают, что она разделена на две нации.

Первое из этих утверждений, что она не является нацией, на первый взгляд настолько самоочевидно и верно, что отрицать его кажется глупостью. У нее нет собственного правительства; ее судьбы, похоже, полностью находятся в руках враждебной расы, которая управляет ею через парламент, где ее голос едва ли слышен. У нее нет ни армии, ни флота, ни торговли, ни казны, ни малейших прерогатив суверенитета. Где-то еще сохранился зеленый флаг с арфой и короной над арфой, приберегаемый для государственных случаев и

разворачиваемый время от времени, когда требуется проявить лояльность и немного энтузиазма; но этот флаг никогда не поднимает ирландцев на битву, даже когда они сражаются за Англию. У него нет ирландского знаменосца, как это было при Тюдорах, когда флаг Ольстера можно было увидеть среди армий Елизаветы. Имя Ирландии никогда не упоминается ни в одном договоре с иностранными державами; и, когда суверен Англии, Шотландии и Ирландии подписывает договор, конвенцию, а то и вовсе убогий протокол с любым иностранным государством, имя Ирландии не встречается на пергаменте, разве что во главе, среди титулов монарха. Нет даже ирландской печати, чтобы приложить ее к документу: страна - национальное ничтожество.

Но другие люди, и тоже мудрые, обнаруживают странную аномалию в этой диковинной стране. Они считают, что она состоит из двух разных наций, и приводят прекрасные доводы в пользу своей теории.

Они рассуждают следующим образом: "Посмотрите на людей; путешествуйте по стране на север и на юг и разговаривайте с ними по пути. Что вы найдете? Единство чувств, целей, согласие мнений по всем возможным вопросам? Как раз наоборот! Иаков и Исав со всех сторон борются во чреве своей матери. Ссора между Сассенахом и Гаэлем все еще продолжается. Какие две фигуры могут быть более антагонистичными, чем оранжист из Ольстера и милезиец из Коннавта? А ведь оба они - дети одной страны".

И так глубоко укоренилось различие между ними, что, хотя они живут бок о бок уже много веков, они все еще так же враждебны друг другу, как и тогда, когда впервые встретились в боевом строю. Датчане после борьбы, длившейся чуть более двух веков, отказались от состязания и стали кельтами. Норманны Стронгбоу вскоре переняли манеры старых жителей, смешались с ними, и по прошествии четырех веков, хотя между теми и другими часто вспыхивали ссоры, они во всех смыслах стали кельтами - старая раса как бы впитывала норманнскую кровь и всегда проявляла себя в детях.

Но когда же дети шотландцев Якова или ковенантеров Кромвеля объединятся с потомками милезийцев? Чем дольше они живут вместе, тем больше отдаляются друг от друга, тем сильнее ненавидят друг друга; и каждое 12 июля, 5 ноября, 17 марта или даже 15 августа приносит опасность кровопролития и раздоров в каждый город, деревушку и поселок. Безусловно, этот факт говорит о наличии двух наций в стране.

Вопрос, поставленный перед нами, действительно сложен, и для его выяснения требуются четкие разграничения; и, как ни странно, эта последняя трудность - наличие двух наций в Ирландии - создает больше препятствий для прочного утверждения нашего мнения, чем первое утверждение, столь ясное и неоспоримое на первый взгляд, что ирландской нации не существует!

Если бы истинная национальность существовала только во внешних проявлениях правительства, в армии, флоте, торговле, государственной печати и флаге, признании иностранными державами, дальнейшее обсуждение было бы явно бесполезным, и тему можно было бы сразу же закрыть.

Но истинная идея нации включает в себя гораздо больше, чем это; существует такая вещь, как национальная душа, а все множество случайностей, о которых говорилось выше, составляют лишь тело, или, вернее, окружение. Как хорошо выразился один из авторов North American Review (vol. cxv., p. 379), нация - это "раса людей, малых или великих, которых общность традиций и чувств связывает в крепкое, нерушимое единство, и чья любовь к одному прошлому направляет их надежды и страхи в одно и то же будущее".

В этом смысле национальность, безусловно, принадлежит Ирландии. Пожалуй, больше, чем у любого другого народа на земле, существует для подавляющего большинства из них "общность традиций и чувств", связывающая их в "твердое и нерушимое единство"; и кто скажет, что они не испытывают любви к своему прошлому, потому что это прошлое омрачено печалью? Более того, этот факт делает прошлое еще более дорогим и направляет их надежды и страхи в одно и то же будущее; будущее, правда, еще туманное и неопределенное, и его нельзя назвать с полной уверенностью, оно окутано туманом, как утро; но слабый румянец зари уже там, который побледнеет и угаснет, когда появится полная сфера солнца.

Читатель, возможно, помнит, что было сказано о единодушии, столь поразительном во всех ирландцах, где бы они ни находились; что, хотя частные споры могут вестись между ними с таким пылом, что их ссоры становятся поговорками, когда вопрос касается их страны или их Бога, в одно мгновение они объединяются, внезапно превращаясь в верных друзей, готовых проливать свою кровь бок о бок за великие цели, которые полностью поглощают их натуры.

Именно это чувство формирует душу нации. Там, где оно есть, существует несокрушимая национальность; там, где его нет, есть только мертвое тело, каким бы сильным ни казалось его правительство, какой бы огромной ни была его армия, какой бы высокой ни была его так называемая культура и утонченность.

Учитывая эти соображения, здравомыслящие люди согласятся, что, по крайней мере, среди европейцев вряд ли найдется другая такая сильная и энергичная национальность, как ирландцы. Их традиционное чувство постоянно держит перед глазами их прошлое; их пылкая натура надеется всегда против надежды; несчастья, которые совершенно сломали бы и обескуражили любой другой народ, оставляют их все еще полными светлых предчувствий, и, когда они, кажется, плачут над холодным телом дорогой матери - Эрин, их страны, - они думают только о ее воскресении.

Но разве среди них нет двух народов - двух народов, радикально противоположных друг другу и неспособных объединиться? Если предположить, что народ воскреснет, кто из них возобладает - численное большинство или пока еще влиятельное меньшинство? В любом случае справедливо предположить, что одна или другая сторона окажется в новом состоянии гелиотизма. Неужели именно такое зрелище будет представлять собой возрожденная нация?

Говоря о возрождении Ирландии, мы всегда имели в виду старое, массивное, компактное тело народа, почтенную расу, кельтскую по своим устремлениям и тенденциям, если не полностью по своему происхождению; и тот аномальный, чужеродный нарост, который так упорно отказывался ассимилироваться с массой и до наших дней оставался "в лагере" в Ирландии, как турки, по справедливому утверждению, оставались "в лагере" в Европе, никогда не входил в наши расчеты.

Настоящий ирландец всегда был католиком - это слово используется в его грамматическом, а не религиозном смысле - в общении. Раса в ее нынешнем виде, несомненно, имеет смешанное происхождение, и время от времени к первобытному фонду добавлялись крупные партии иностранного населения, которое всегда было готово принять, поглотить и сделать их окончательно кельтами. Норманны Стронгбоу были не последними, кто подчинился этому процессу; как мы видели, многие кромвелевцы стали отцами или, по крайней мере, дедами такой крепкой ирландской ветви, которая когда-либо процветала в сильном воздухе страны.

Но сравнительно небольшая группа людей упорно отказывается подчиниться этому процессу и до сих пор продолжает оставаться английской или шотландской колонией на ирландской земле. Будущее Ирландии не принимает их по той простой причине, что они не из нее, они не принадлежат ей, они такие же иностранцы сегодня, как и раньше. Поэтому мы признаем существование двух наций, если людям угодно так их называть, в Ирландии, но мы писали только об одной нации. Единственный вопрос, касающийся этой второй "нации", заключается в следующем: Что будет с ними в будущем? Станут ли они, в свою очередь, беспомощными, после того как так долго тщетно пытались сделать беспомощными остальных? Боже упаси! Ни один истинный ирландец не питает в своей душе подобных чувств возмездия или мести.

Уверены, им не дадут больше нарушать общественный порядок и заставят уважать большинство, а точнее, массу своих соотечественников. Никто не может возражать против такой необходимой меры, навязанной им. В многочисленных гражданских распрях, которые на протяжении более чем полутора веков позорили север Ирландии, они почти неизменно выступали в роли агрессоров. Правительство долгое время открыто принимало их участие, у них было целое поле для действий, и то, как они использовали свою привилегию и как использовали свои возможности, известно всем. Когда, наконец, государственные власти не могли больше притворяться, что не замечают их ненавистного духа, и начали проявлять некоторые признаки защиты доселе сильно ущемленного большинства, запрещая те одиозные шествия, которым другие всегда придавали такое значение, они напустили на себя вид преследуемых людей и сделали вид, что отныне их жизнь, а также жизнь их жен и детей больше не в безопасности.

Провинция Ольстер была закрыта для них как поле деятельности, и они перенесли демонстрацию своей кровожадной ненависти в Верхнюю Канаду, и несколько раз католическое население страны было вынуждено защищать свои церкви с мушкетом в руках. Даже в Соединенных Штатах они сделали себя одиозными для народа, навязав свой дух раздора стране, где они не могут не быть чужими, и запятнав кровью некоторые улицы Нью-Йорка, чтобы удовлетворить свою бессмысленную враждебность.

Пора положить конец таким нелепым и опасным выходкам не только за границей, но и у себя дома. В новом порядке вещей, который сейчас наступает в Ирландии, для них больше нет места; и само название "оранжист" должно навсегда исчезнуть из лексикона новой нации, к радости всех мирных и законопослушных граждан.

Это все преследования, которых им стоит ожидать. Для них не только найдется место в стране их рождения, но и, разумеется, они получат свою долю всех привилегий гражданства. Политические различия между ними и старой расой будут неизвестны; социальные различия - это вопрос, который они должны решить сами. Если они проявят хоть малейшее желание объединиться с большинством своих соотечественников, последние будут достаточно великодушны, чтобы забыть о прошлом, и, возможно, остальные смогут подражать своим предшественникам, датчанам, норманнам и даже некоторым из их кромвелевских родственников, и станут, наконец, *Hibernis hiberniores*.

То, что сказано о политических и социальных различиях, справедливо и для религиозных догматов. Пусть они, если хотят, продолжают придерживаться своих пресвитерианских догм, если они не ссориться с большинством за то, что они исповедуют то, во что любят верить; но эта вера должна быть внешней и публичной. Они часто будут слышать колокола католических церквей; когда они будут проходить мимо, если не войдут внутрь, до их слуха донесутся звуки славной музыки и благородных гимнов, звучащих внутри; они будут видеть,

как 15 августа статую Пресвятой Девы проносят по улицам среди снежных цветов, падающих из невинных рук детей; все это они должны вынести, если им так трудно это вынести; но это не гонения. Даже для их глаз, если их сердце не заморожено холодной верой, это зрелище будет иметь некоторую привлекательность. И если они придут к мысли, что самое древнее в христианстве - это лучшее, и что, в конце концов, в католичестве есть нечто, что делает жизнь сладкой и приятной, то едва ли можно считать преступлением со стороны вселенской Церкви раскрыть свои объятия и принять обратно в свое лоно этих блуждающих и так долго упрямых детей.

Когда все это произойдет? Кто может сказать? Но в Ирландии уже происходили более странные вещи, чем эти, и мы уверены, что будущим историкам расы придется описывать еще большие чудеса и факты, более упрямые и труднообъяснимые.

В любом случае, если несгибаемое пуританство шотландской колонии устоит перед соблазнами материнской и нежной Церкви, они должны, по крайней мере, подчиниться железным законам народонаселения и поглощения. Когда государственные законы перестанут составлять в их пользу, когда новые стаи братьев не будут пополнять их ряды, когда они будут отданы на волю безжалостных законов потери и увеличения численности, тогда люди вскоре увидят, на чьей стороне истинная мораль, и кто действительно уважает таинства Божьи; тогда исчезнут многие пустые обвинения в адрес святой католической церкви, и глаза людей откроются на тот великий факт, что Ирландия должна быть и оставаться единой по расе, чувствам и, прежде всего, по религии. Иностранный элемент уменьшится до незначительного уровня, если не исчезнет совсем. Можно с уверенностью предсказать, что наступит день, когда сообщение о естественной кончине последнего пуританина в Ирландии появится в ежедневных газетах как любопытное известие, не лишенное определенного интереса.

Хотя моральная сила, как средство возрождения Ирландии, была нашей темой на протяжении всего времени, мы не хотели бы, чтобы наши читатели заключили, что ирландцы должны принять политику "ничегонеделания" и оставить одному Богу работу по их воспитанию. Моральная сила, о которой мы говорим, - это сила человеческих существ, наделенных активностью и решительностью, неуклонно и настойчиво преследующих хорошо организованные планы по собственному замыслу.

Пусть ирландцы поднимут глаза и посмотрят, что они могли бы сделать, если бы только оценили свои силы и использовали их. Тяжелые бедствия, которые Бог с самого начала задумал обратить в благословения, разбросали их по всему миру и высвободили ту силу экспансии, которая всегда была заложена в их природе, но дремала и сжималась под давлением ужасных обстоятельств. Они снова проявляют себя как та древняя раса, которая три тысячи лет назад распространилась по всей Европе и Азии. Теперь они несут в своих руках эмблему, которой у них тогда не было, - крест Христа! А крест - это знак универсальности во времени и пространстве. Этому знаку, с момента триумфа Спасителя в день Его воскресения, дано править миром до конца времен. Теперь, когда наш земной шар наконец-то познан, крест должен быть установлен по всей его поверхности, и в этом великом деле ирландской расе явно суждено сыграть заметную роль.

Во исполнение этого божественного призвания они рассеяны, а все, что рассеяно, лишено значительной части своей силы. Как же рассеянные Тифоном мембраны, разбросанные далеко и широко, могут снова стать Осирисом? Под руководством Бога, с помощью этого великого инструмента современности, силы объединения и организации, при содействии твердой, энергичной воли.

Иезекииль прекрасно описал этот процесс в своей тридцать седьмой главе. Сначала Господь должен заговорить: "Сухие кости, слушайте слово Господне. . . . Вот, Я пошлю в вас дух, и вы оживете; и обтяну вас сухожилиями, и дам плоти обрости вами, и покрою вас кожею; и дам вам дух, и вы будете жить".

Кажется, что все это дело рук одного Бога, однако, по словам пророка, сухие кости должны выполнить свою роль:

"Когда я пророчествовал, сделался шум, движение, и кости сошлись, каждая к своему суставу".

Здесь есть весь процесс; он предполагает шум, движение, подъем, сбор вместе и приведение в порядок каждого из них. Они обладают собственной активностью, которую должны использовать. И это явление должно произойти посреди "обширной равнины" - двух великих континентов, - на поверхности которых со всех сторон лежат "кости", кажущиеся "чрезвычайно сухими".

Какой силой будет наделена эта армия, когда она поднимется и встанет на ноги! Мы можем составить себе слабое представление об этом, когда в наших больших городах происходит что-то, что вызывает интерес и подогревает чувства этой, казалось бы, инертной кельтской массы. Самые большие залы не могут вместить толпы людей, которые только что прочитали объявление о собрании, лекции или благотворительном мероприятии. Подобные сцены можно наблюдать каждый день на берегах рек Святого Лаврентия, Гудзона и Делавер, на берегах Чесапикского залива, во всех крупных населенных пунктах, усеивающих Атлантическое побережье, в самом сердце континента вдоль извилистого русла Миссисипи и Миссури, и уже даже на далеком Западе, на раскинувшихся берегах Тихого океана. То же самое происходит на всей обитаемой части Австралии и прилегающих островах. Какой же силой они обладали бы, если бы эти "кости" умели срастаться каждая в своем суставе!

Почему же мы не слышим о том, что они не предпринимают никаких согласованных действий ради своей страны? Неужели каждый из них настолько занят и потерян в своей собственной маленькой сфере интересов и спекуляций, что не может ни на минуту задуматься о требованиях своей родной страны? Кто может сказать это? Более того, лучшим средством продвижения своих частных интересов было бы поднять перед глазами всех статус страны, с которой они себя естественно отождествляют. Правда в том, что каждый ждет от другого примера, а масса всегда готова последовать примеру и проявить свою добрую волю. Необходима ассоциация.

Когда они обращают свой взор на непрекращающуюся борьбу, ведущуюся в родной стране, когда они читают в своих газетах о дискуссиях ирландской прессы, о вопросах, обсуждаемых на самой дорогой для них земле, и о возбуждении судьбоносных интересов, ожидающих окончательного решения среди их бывших соотечественников, несомненно, их чувства испытывают сильное волнение; надежды и страхи их юности, до того как они покинули родные берега, возрождаются с новой силой, и их любовь к своему зеленому острову так же пылка, как никогда.

Но разве это все? Достаточно ли того, что сердце каждого из них всколыхнулось? Разве не хотят они, чтобы влияние их нового имени, нового положения и улучшенных обстоятельств было оказано, как бы далеко они ни находились, на такие великие внутренние вопросы, как землевладение, образование, избирательное право, родной парламент, торговля, производство и все, что касается общего благосостояния Ирландии? Если, став гражданами новой страны, они больше не могут действовать как граждане Эрина, они могут и должны, по

крайней мере, интересоваться этими вопросами настолько, насколько им позволяет истинная лояльность к своей стране; а это лучше всего делать через объединение.

Узы мудрой организации придадут твердость и компактность всей моральной силе разрозненной национальности. Благодаря объединению разрозненные "сухие кости" быстро превратились бы в сплоченную массу живых воинов, стоящих на ногах, и это потрясающее зрелище поразило бы весь мир и завоевало бы для расы невольное уважение всех, кто стал бы свидетелем или услышал о нем. Нет ничего проще, чем начать такое дело, ибо, несмотря на столь далекое внешнее различие, большинство ирландских семей, в силу самого факта эмиграции, имеют половину своих членов дома и половину за границей, объединенных активной перепиской и постоянной передачей средств. Руководителям движения нужно будет только организовать для общего дела то, что уже организовано на деле, и направить на общее благо то, что сейчас делается в частном порядке.

Уже было сказано несколько слов о возможном управлении такой организацией: движение должно начинаться дома, на острове; руководство им должно быть возложено на истинных лидеров нации; а все дела, детали и исполнительная часть могут быть смело доверены активным членам ассоциации.

Класс, обозначенный здесь как лидеры нации, уже известен читателю. Старое дворянство было уничтожено, и сегодня нет другого органа, который бы действительно представлял ирландский народ, кроме духовенства. Это, несомненно, несчастье, но не менее важный факт. Это аномалия, когда священнослужители в определенной степени вмешиваются в политику; но в Ирландии это неизбежно.

Как понимает весь европейский католический клир свою позицию во всех этих католических конгрессах и союзах, которые сейчас, слава Богу, создаются во всех христианских странах? Как миряне, со своей стороны, осознают ту долю, которую они должны принять в этих различных движениях? Как они действуют под руководством своих духовных наставников? Известны ли в этих объединениях какие-либо одиозные различия? Может ли возникнуть какое-либо недопонимание между людьми, одушевленными истинной любовью к религии? И почему бы то же самое не происходило в Ирландии, среди людей, преисполненных любви к родине? Именно это имеется в виду, когда здесь используются термины "лидеры" и "последователи", "духовенство" и "миряне".

Еще одно соображение еще более убедительно покажет важность предлагаемой здесь великой меры. Одно обстоятельство должно было поразить тех, кто читал подробные отчеты о католических конгрессах, упомянутых выше, - внезапное появление большого количества мирян, известных своим рождением, богатством, политической властью или литературными достижениями, но, в большинстве своем, не столь известных своей глубокой привязанностью к делу Церкви. Перед ними внезапно открылось новое русло деятельности; они бросились в него и стали смелыми поборниками дела, к которому, несомненно, были привязаны индивидуально, но теперь стали публичными людьми. И нет сомнений в том, что многие молодые люди, которые до этого относились к делу с неохотой и, возможно, не имели ничего, кроме воспоминаний о полученном когда-то христианском образовании, внезапно воспрянули духом и торжественно заявили о своей приверженности делу, которое, возможно, они не имели бы смелости открыто отстаивать, если бы число и имена первых зачинателей движения не побудили их присоединиться к нему сердцем и душой.

Сейчас говорят, возможно, слишком искренне, что теплое религиозное чувство, которое всегда утверждалось как наиболее яркая характеристика ирландской расы, больше не разделяется одинаково всеми классами ирландских католиков; что слишком часто, когда

отдельные люди среди них поднимаются по социальной шкале и достигают той ступени социальной лестницы, с которой они воображают, что могут смотреть вниз на презируемую массу внизу, они больше не чувствуют того глубокого благоговения к своей религии, которое было характерно для их юности, и, в конце концов, не очень отличаются от массы некатоликов, среди которых они предпочитают двигаться. Этот класс людей был хорошо описан Муром от себя лично в различных отрывках его "Ирландского джентльмена в поисках религии".

Факт, действительно, слишком правдивый; но в чем же его главная причина? Одним из самых активных средств, способствующих такому результату, мы считаем полную изоляцию, в которой молодые люди упомянутого класса оказываются в своей собственной сфере жизни. По сути, у них нет ни мотивов для проявления своей привязанности к религии, ни достойных средств для этого. Они не чувствуют, что их душами движет прозелитический пыл, побуждающий их по собственной воле затевать что-либо подобное, и большинство из них, вероятно, не получили от природы талантов, необходимых для того, чтобы стать лидерами в каком бы то ни было деле. Никто вокруг них не движется в этом направлении; отсюда их апатия и, как следствие, вялость в практике и внешнем исповедании своей веры.

Но измените все окружение; представьте им влиятельное тело, к которому почетно принадлежать, - тело, открыто марширующее под знаменем истинной Церкви Христа и своей страны, связанное вместе, как в старые времена, - и тогда станет ясно, действительно ли они вырождающиеся сыновья мученически погибших предков, какими кажутся сейчас.

Действительно, очень примечательно, что из всех стран Ирландия, кажется, меньше всего участвует в этих католических союзах и конгрессах, которые сейчас так широко распространены по всей Европе. Причина этого, возможно, в том, что в Ирландии, казалось бы, меньше причин для их существования, чем в других странах. Но так как в Ирландии их цель охватывает не только интересы религии, но и интересы самой страны, то естественно думать, что там они особенно нужны.

Итак, пусть лидеры нации приложат усилия. Долгие века угнетения, к сожалению, сделали их несколько робкими и, кажется, боящимися поставить под угрозу важные интересы, доверенные их попечению. Пусть они поднимут глаза и увидят, что время робости прошло: враг безрассуден и открыт в своих нападениях; сопротивление должно быть таким же нескрываемым и бесстрашным. Люди сами понимают это и время от времени проявляют смелость, свидетельствующую о том, что в них еще жив прежний героизм; но им нужны вожди, и если правильные вожди не поспешат взять их под руку, они могут попасть в руки неразумных проводников. Пусть истинные проводники посмотрят и увидят, как широки линии, разделяющие добро и зло, и что победа обязательно достанется стойким сердцем, когда их поддержат сплоченные массы объединенного народа.

Принцип объединения и механизм организации должны быть применены ко всем вопросам, связанным с возрождением страны. То, что было сделано так эффективно для дела воздержания, должно быть сделано также для образования, для покупки или владения землей, для развития сельского хозяйства, производства и торговли, для истинного представительства нации, для свободного муниципального управления, для обеспечения истинно ирландских йоменов и джентри, для тысячи объектов, от которых зависит будущее благосостояние нации. Все слои общества, люди любого возраста и пола, да, женщины и дети, должны быть побуждены проявлять интерес к тому, что касается всех в равной степени. Необходимо использовать все возможные возможности, чтобы обеспечить достижение

конечной цели. Когда такая работа действительно начнется всерьез, результаты будут поразительными.

Это полное развитие моральной силы, и, пока все эти средства не будут испытаны, никто не может сказать, что моральная сила была полностью испробована и потерпела неудачу.

Мы твердо уверены, что такая система приведет к окончательному восстановлению прав Ирландии и, несомненно, станет кульминацией ее окончательного воскрешения в недалеком будущем. То, что ирландцы с духом войдут в эти различные ассоциации, было достаточно продемонстрировано предыдущими примерами, особенно при О'Коннеле; и невозможно понять, как более надежные, большие и быстрые результаты могут быть получены с помощью любой физической силы, на которую способна Ирландия. Какую физическую силу могут собрать ирландцы, чтобы составить хоть какую-то конкуренцию своим могущественным соперникам, находящимся в таком положении, когда цепи веков все еще сковывают их, ибо, хотя оковы могут быть фактически сняты, их действие все еще сохраняется. Самой постановки вопроса: Ирландия против Англии - достаточно, чтобы показать безнадежность такой борьбы. Очень легко превозносить былой героизм ирландцев и поносить нынешних носителей этого имени, как это недавно сделали несколько газетных писак, за то, что они не проявили "мужества" своих предков, сражавшихся против Елизаветы, Кромвеля и Вильгельма Оранского. При этом забывают, что обстоятельства значительно изменились с тех времен, когда ирландцы обладали регулярной армией, возглавляемой опытными генералами: восстановите те обстоятельства, и современные ирландцы могли бы превзойти своих предков; во всяком случае, нет никаких оснований полагать, что они будут им уступать. Однако есть такая вещь, как невозможность, и любая попытка такого рода в таких условиях должна рассматриваться всеми здравомыслящими людьми не просто как безрассудство, а как глупость.

Завершая эти страницы, автор просит позволить ему сказать несколько слов об их общем характере в ответ на догматическую и всеобъемлющую критику, которая, как нетрудно предвидеть, будет на них обрушена. Несомненно, будет утверждаться, что религиозной стороне ирландского вопроса уделяется неоправданно большое внимание, в то время как его многочисленные политические аспекты остаются на втором плане. Это обвинение будет направлено против клерикального и религиозного характера писателя и может дать повод думать, что взгляд на предмет, изложенный здесь, не является правильным, а представляет собой радикальную неудачу.

Ответ на это возражение состоит, вкратце, в том, что никто не может серьезно и правильно относиться к ирландской расе, не принимая религиозного взгляда на нее. Тот, кто примет другой метод рассмотрения этого вопроса, по нашему мнению, полностью сбился бы с пути; он рассмотрел бы его лишь с нескольких сторон; он, по сути, сделал бы вид, что провел серьезное исследование, которое он предложил публике как таковое, игнорируя при этом главную и почти единственную особенность.

Ирландцы - религиозная раса, и никак иначе. Похоже, что таков был ее характер тысячи лет назад, даже когда она была языческой. В то время, когда Ганно был послан карфагенским сенатом за Геркулесовы столбы исследовать западное побережье Африки, к югу, о чем до нас дошло краткое повествование, Гимилько, брат Ганно, получил аналогичное поручение основать поселения на европейском побережье, к северу. Рассказ об этой последней экспедиции, сохранившийся во времена Плиния Старшего, к сожалению, утрачен, но в поэме Р. Феста Авиена под названием "Ora Maritima" есть обширные выдержки из нее, в которых, по крайней мере, сохранился смысл оригинала. Авиен, рассказав о "Insulae

OEstrimnides", которые, по мнению Херена, должны быть Сциллийскими островами, продолжает:

"Ast hinc duobus in Sacram (sic insulam
Dixere prisci) solibus cursus rati est.
Haec inter undas multam caespitem jacet,
Eamque late gens Hibernorum colit".

Почти дословно по-английски этот отрывок звучит следующим образом:

"Отсюда через два дня хороший корабль в плавание
Достиг Священного острова (1) - так он назывался издревле.
Что в море гнездится, чей дерн пышный
Род Гибернианцев возделывает".

(1 Д-р Лингард, явно озадаченный этим выражением, задается вопросом: "Каково могло быть его происхождение?" и предполагает, что название Иерн - то же, что и Эрин, - было дано Ирландии древними, а греческое *iera-holy* - имело большое сходство с ним, поэтому Авиен мог впасть в очень естественную ошибку, спутав одно с другим. Но, во-первых, отчет Гимилько был написан не на греческом, а на финикийском языке, и Авиен, похоже, просто перевел этот отчет. Более того, слово *iera* начинается с очень сильного придыхания, эквивалентного согласной, в то время как в любом языке найдется немного гласных мягче, чем первая в Эрине или Иерне. Херен не пытается дать такое объяснение, но признает, что карфагеняне, как и финикийцы до них, называли Ирландию Святым островом).

Таким образом, во времена Гимилько, за пятьсот лет до нашей эры, Ирландия называлась Святым островом, и это название она получила задолго до этого: *Sic insulam discere prisci*. В чем именно заключалась эта святость, сейчас сказать невозможно; известно лишь, что иностранные мореплаватели, знакомые с миром в той мере, в какой он был тогда известен, чьи корабли побывали в гаванях всех народов, не могли найти более подходящего выражения для описания острова, чем сказать, что в моральном плане он был "святым местом", а в физическом - "прекрасным зеленым лугом", или, как называют его дети по сей день, "зеленой жемчужиной моря".

Но у нас есть лучшие возможности судить о том, в чем заключалась святость народа после утверждения христианства в его среде; и описание ее, приведенное в четвертой главе этой книги, взятое из самых достоверных документов, показывает, насколько заслуженным было название, которое носил остров.

С того дня религиозный тип был четко запечатлен в народе и навсегда остался глубоко выгравированным в его характере. Эта раса никогда не отличалась любовью к торговле, мануфактурам, глубиной политики, мирским просвещением; ее летописи не говорят о жажде завоеваний среди ее народа; блестящие достижения иностранных вторжений, высокие политические и социальные устремления, которые обычно придают блеск национальной жизни многих народов, не принадлежат им. Но религиозное чувство, твердая приверженность вере, непобедимая привязанность к той форме христианства, которую они получили от святого Патрика, во все времена составляли их яркие черты.

С того дня, когда их вера подверглась первому нападению со стороны Тюдоров, она засияла особым великолепием, которое эти страницы пытаются слабо отобразить. Прежде чем

взяться за перо, после серьезного изучения документов, нам бросилась в глаза только одна важная черта - глубокая религиозная убежденность; и после того, как мы ознакомились с тем, что некоторые авторы говорили в последнее время, эта черта поражает нас до сих пор. Мы не станем отрицать, что этот факт подвигнул нас на написание книги, и задача была тем более благодарной, что, вероятно, мы сами были религиозны; но мы уверены, что любой мирянин, какими бы ни были его талант и склонность к описанию мирских сцен, взявшись за ирландскую историю, не сможет найти в ней ничего другого, имеющего реальное значение, чтобы сделать летопись этой расы привлекательной для обычного круга читателей.

И разве религия не способна дать народу истинное величие и настоящий героизм в большей степени, чем любые мирские достижения? Люди здравомыслящие всегда найдут в истории первых Маккавеев не меньше интереса, чем в истории Эпаминонда; а самопожертвование вендийца Катилино с его "четками" и "священным сердцем" всегда покажется беспристрастному судье человеческого характера более достойным восхищения, чем самопожертвование любого генерала или маршала времен первого Наполеона. Религиозный героизм, имеющий своей целью нечто гораздо более высокое, чем даже самый чистый патриотический пыл, может вдохновить на подвиги, более достойные человеческого восхищения, чем это высшее естественное чувство человеческого сердца; и для христианина самыми вдохновляющими страницами истории являются те, которые повествуют о сверхчеловеческих усилиях преданных рыцарей вырвать гробницу нашего Господа из оскверненных рук мусульман.

Но религия не ограничивала свое влияние на ирландцев храбростью, которую она вдыхала в них на поле боя. Религия действительно составляла их внутреннюю жизнь во всех перипетиях их национального существования; она была единственной поддержкой, оставленной им в самый мрачный период их летописи, в течение всего прошлого века; и, когда, наконец, наступил рассвет с румянцем надежды, религия была единственным ореолом, окружавшим их. Даже их эмиграция, в основном их исход, была, по сути, возвышенным излиянием распятой нации, несущей крест в качестве своей последней религиозной эмблемы и устанавливающей его в диких местах далеких континентов в качестве своего единственного эскиза и верного знака, который должен оповестить путешественников о существовании ирландцев в пустынях Северной Америки и Австралии.

Воистину, очень невежественны те люди, которые вычеркнули из ирландского характера религиозные черты и изобразят нацию так, как изобразили бы любой другой европейский народ, чья главная цель в наши дни, похоже, состоит в том, чтобы забыть первый пыл своего христианского происхождения. С ирландцами это невозможно. Яркое тепло их колыбели еще не остыло; и если было бы нелепо представлять англичан XIX века как благочестивых подданных Альфреда или Эдуарда, то столь же глупо было бы изображать современных ирландцев как мирских и безбожных жителей Франции, Италии или Испании. Ирландский патриот не может быть таким, как они, не отступая от своего штандарта и цветов, за которые сражалась его раса. Нация, к которой он имеет честь принадлежать, все еще христианская до мозга костей; и если некоторые из них действительно отреклись от любви к религии, которую они приняли на коленях матери, единственное средство, которое у них осталось, чтобы оставаться ирландцами, по крайней мере внешне, - это не выставить напоказ полное отсутствие этого, главного признака их расы.